ЮРИЙ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

Константин Ковалев-Случевский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Среди тайн русской истории есть одна, связанная с правителем Руси, имя которого почти не упоминается в списке великих князей Московских. Сын Дмитрия Донского должен был по завещанию получить в наследство русский престол, но этот факт замалчивался официальными летописями. Данная книга — одна из первых полных биографий мятежного князя. Автор — известный писатель и историк Константин Ковалев-Случевский — предлагает читателям ответ на вопрос: почему одно только имя Юрия Звенигородского (1374—1434) — выдающегося полководца, покорителя булгарской Орды, знатока-книжника, благородного воина-рыцаря, покровителя искусств — наводило ужас на его правящих родственников? Князя называли русским Медичи, он строил в Звенигороде и Галиче мощные крепости и удивительные соборы, которые по его просьбе расписал Андрей Рублев, создав знаменитый Звенигородский чин, а также икону «Троица». Не потерпев в своей жизни ни одного поражения, не предав принципов благочестивого управления, он стал великим князем в Москве, но всего лишь на несколько месяцев. Загадочна кончина Юрия, хранит секреты и его гробница в Кремлевском Архангельском соборе. И знатоки, и любители старины найдут некоторые разгадки в данном увлекательном художественно-историческом расследовании.

- К.П. Ковалев-Случевский
  - ○
  - ○ От автора.
  - ○ Глава первая.
    - ■
    - ■ В «подземельях» Архангельского собора

- Был ли отравлен князь Московский?
- Глава вторая.
  -
  - 1374 — великий год русской истории.
  - Княжеский съезд и братский пир
  - Крестник Сергия Радонежского
  - Родители: князь Дмитрий и княгиня Евдокия
  - Святой Георгий — небесный покровитель отрока
  - Мечты и планы юного правителя
- Глава третья.
  -
  - Сыновья-наследники победителя Куликовской битвы
  - Завещание Дмитрия Донского
  - Власть и владения
  - Духовник князя Звенигородского и Галичского
- Глава четвертая.
  -
  - Василий I — соратник или соперник?
  - «Литовская партия» на Руси.
  - Бесконечные братские договоры
  - Расширение московских земель
- Глава пятая.
  -
  - Древняя цивилизация в Закамье.
  - Спасение от нашествия Тамерлана.
  - Когда же русские дружины пошли в Орду.
  - Итоги уникального похода на Восток
- Глава шестая.
  -
  - Кремль и град у Москвы-реки.
  - Монастырь на горе Сторожи.
  - Инок Андрей Рублев и Русский Спас.
  - Женитьба на княжне Анастасии.
  - «Смоленская партия» и гибель Смоленского княжества.
  - Сокровища Галича Мерьского.
- Глава седьмая.
  -
  - Игумен Савва Сторожевский.
  - Переписка с Кириллом Белозерским
  - Галичские святые: незабытые имена.
  - Гипотеза 15.
  - Исчезновение сына Юрия — Ивана, инока

Игнатия.
- Глава восьмая.
  -
  - Начало серьезных родственных распрей
  - Василий Темный на Московском троне
  - Суд Орды и украденный пояс князя Донского
- Глава девятая.
  -
  - Великое княжение в Москве.
  - Будущие битвы «слепых» детей
  - Наследие Юрия Дмитриевича.
- Глава десятая.
  -
  - Летописание и летопереписывание.
  - Древние монеты и герб Москвы.
  - Юрьев день и Шемякин суд.
  - О правителях богоизбранных и самозваных.
  - О Небесном Звенигороде.
  - Идея «благочестивого княжения».
- Послесловие
  -
  - Если бы не князь Юрий, то…
  - А если бы князь Юрий, то…
  - Каковы итоги?
- ПРИЛОЖЕНИЯ
  - ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ДОНСКОГО
  - ПЕРЕПИСКА ТАМЕРЛАНА С ТОХТАМЫШЕМ
  - «УЛОЖЕНИЯ ТИМУРА» О ВОЙНЕ ПРОТИВ ТОХТАМЫША
  - Маркелл Безбородый (Хутынский).
  - ПОСЛАНИЯ КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО СЫНОВЬЯМ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО
  - ДУХОВНЫЕ ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА
  - ДОГОВОРНЫЕ ГРАМОТЫ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА С РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ
  - ШЕМЯКИН СУД.
  - ЗАВЕЩАНИЕ — ДУХОВНАЯ ГРАМОТА КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИЯ ЗВЕНИГОРОДСКОГО
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

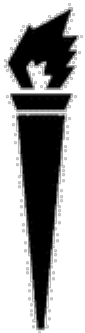
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

К.П. Ковалев-Случевский
ЮРИЙ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ.
Великий князь Московский

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК
1338
(1138)

«Молодая гвардия», 2008

Повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет.

Евр. 11:8

От автора.
ВЫЧЕРКНУТЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ВСЕЯ РУСИ

У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день.

2 Пет. 3:8

Будучи еще студентом-историком, я удивлялся тому факту, что в учебниках приводились списки великих князей Московских эпохи Средневековья, но среди них нельзя было найти некоторые имена. Они почему-то и кем-то были как будто «забыты». Одно из таких имен настолько заинтересовало меня, что по прошествии времени привело к созданию этой книги.

Однако предполагаю, что написанное здесь вызовет некоторые споры…

Похожим утверждением мне пришлось начать предисловие к предыдущей моей работе в серии «ЖЗЛ», названной «Савва Сторожевский». В новом историческом повествовании читатель найдет продолжение разговора на ту же тему, о той же эпохе и ее развитии, словом, о тех же проблемах. Великий князь Юрий Дмитриевич, сын великого Дмитрия Донского, именуемый также Звенигородским или Галичским, был связан с преподобным старцем Саввой не только как его духовный сын, но и как соратник по устройству освобождающейся из-под ига Орды новой Московской Руси.

Эпоха конца XIV и начала XV столетия в русской истории уникальна по своей насыщенности событиями, свершениями, баталиями и спорами о будущем. Результат такой активизации и нового Возрождения страны — свобода от завоевателей-монголов, воплощение давно зревших чаяний и устремлений о новой самобытности Руси. Вот почему книгу эту можно рассматривать как продолжение повествования о преподобном Савве Сторожевском. Здесь развивается тема обустройства крепнущего государства на определенных принципах, которые оказываются и сегодня, на заре третьего тысячелетия от Рождества Христова, весьма полезными, в том числе и для нынешних правителей.

Но почему книга вызовет споры?

Постараюсь ответить, и по возможности кратко.

О замалчивании в истории

Чтобы человека уничтожить в памяти людей — самый лучший и проверенный способ — полное молчание* Отсутствие сведений, «тишина» — в летописях, в родословных, в письменных и материальных памятниках, наконец, в современных научных трудах и даже средствах массовой информации. Такое бывает только по специальному решению, принятому и рекомендованному кем-то, а затем тщательно выполняемому последователями. Иногда, по прошествии времени, когда уже нет ни того, кто затеял это «забвение», ни тех, кто рьяно принялись выполнять сей завет, сам факт неприятия имени становится некоей традицией, и его начинают выполнять по инерции, как само собой разумеющееся.

В истории цивилизации были известны даже специально разработанные методы подобного «замалчивания». Они приготавливались «тертыми» и крайне опытными мудрецами, которые знали толк в настоящей мести. Если человека нельзя убить в реальности, если он успел сделать столько, что даже кончина его не может затмить его достижений, то можно использовать фактор времени как способ полного умаления его достоинств.

Метод прост. Пример: был в истории Руси победитель Волжской Булгарии — князь Юрий Звенигородский. Но кто знает и помнит об этом сегодня (кроме специалистов, конечно)?! А в летописании последующем, как замечал историк Карамзин, покорителем восточных соседей был признан его брат — князь Василий. Хотя в Закамье он никогда не был и в военные походы туда не отправлялся.

Или другой пример. После Дмитрия Донского по сей день существует привычный перечень всех великих князей Московских (Владимирских). Как правило, он составляется так: Дмитрий Иванович — Василий I Дмитриевич — Василий II Васильевич — Иван III Васильевич — Василий III Иванович — Иван IV Васильевич Грозный и т. д. Об этом знают даже школьники.

Но ведь в данном списке часто забывается еще одно имя. Это Юрий Дмитриевич (он же — Юрий Звенигородский или Георгий Галичский), сын Дмитрия Донского. То есть перечень может и должен быть таким: Дмитрий Иванович — Василий I Дмитриевич — Василий II Васильевич — Юрий Дмитриевич и так далее (можно даже и так: Юрий IV Дмитриевич). Кстати, уж для полной правды в список стоило бы поместить и еще два имени — сыновей Юрия, которые также успели побывать на Московском престоле, — Василия (прозванного Косым) и Дмитрия Шемяки.

Но мы будем говорить о возврате хотя бы одного, чтобы историческая справедливость торжествовала.

Почему же мы не видим его имени в таком списке? Ответ, видимо, читатель уже понимает. Да, да, обыкновенное «замалчивание». Не ошибка, нет! Именно «тишина»!

Вот так, если человек кому-то не по нраву и ему нельзя отомстить при жизни, то это можно сделать, так сказать, в веках — объявить ему исторический бойкот! Иначе говоря, употребив влияние и власть, превратить память о нем — в пыль, в пустоту, объявить его ничего не значащим, вернее, перестать повторять его имя где бы то ни было, заодно — вычеркнуть его из максимально возможного количества информационных носителей, а лучше — из всех.

Русское Средневековье с точки зрения информации совершенно не сравнимо с нашей современностью. Тогда не было пресловутых СМИ или справочников. Чтобы о человеке не знали все важное уже в двух-трех последующих поколениях, достаточно было убрать его имя буквально из нескольких летописей или родословных. Или же умалить его значение и положение так, чтобы о нем не было нужды вспоминать.

Великое княжение Юрия Дмитриевича было не просто опровергаемо, но и всячески замалчиваемо и оклеветано противниками, которые стойко и последовательно творили историческую несправедливость и неправду на протяжении столетий. Результат известен. Мы вынуждены теперь даже здесь, на этих страницах заниматься реконструкцией прошлого и доказывать то, что вовсе не нуждается в доказательствах.

По отношению к Юрию Дмитриевичу часть такой работы когда-то проделал выдающийся историк А. А. Зимин в своей книге «Витязь на распутье». Но он затронул только малый период в жизни князя (10 лет из 60), а потому его полная биография требует более пристального внимания.

Важное значение для восстановления исторической правды в эпоху с конца XIV до середины XV века имеют труды таких историков, как В. А. Кучкин, Л. В. Черепнин, Г. М. Прохоров, Я. С. Лурье, А. А. Горский, последние публикации К. А. Аверьянова. Можно было бы назвать еще ряд талантливых ученых, внесших свой вклад в изучение рассматриваемого нами периода. Если кто-то в данном списке не отмечен — автор заранее просит искренне его извинить. Но почти все отображены в приложенной в конце книги библиографии. Особо автор хотел бы отметить имя своего учителя — В. Б. Кобрина, память о котором запечатлена в замечательных исторических трудах ученого.

В данной книге, шаг за шагом «озвучивая» застывшую тишину

вековых тайн, мы постараемся постепенно и последовательно снимать с имени Юрия Звенигородского условные чары или магические заклинания тех, кто хотел предать забвению настоящую историю жизни сына Дмитрия Донского и княгини Евдокии, который был любим своими родителями и многими именитыми современниками. В конце концов, читатель убедится, что великий князь Юрий Дмитриевич — один из тех редких героев русской истории, с которого неплохо было бы писать портрет настоящего правителя страны, олицетворяющего собой лучшие примеры для потомства.

Таких князей — доблестных воинов, образованных знатоков и книжников, покровителей искусств и меценатов, мудрых законодателей, блюстителей чести и данного слова, способных в значительной степени быстрее и последовательнее улучшить жизнь в своем государстве, — отметим, положа руку на сердце, в истории Евразии было не так уж много.

А как это было нужно именно той Руси, именно в то время!..

О русском летописании

Что поможет нам в реконструкции прошлого?

В первую очередь — летописи.

Не всякий читатель, который думает, будто понимает смысл этого слова, окажется в числе знатоков. Почти до конца XV столетия на Руси составлялись разные летописные тексты, из которых Московские представляют лишь малую толику. Те документы, которые создавались в Твери, Пскове или Новгороде Великом, описывали большинство событий по-своему, иногда дополняли количество нужных им сведений, а иногда наоборот — кое-что попросту «не замечали».

О том, какие летописи и как именно пришлось учитывать нам в повествовании о князе Юрии Звенигородском и Галичском, более подробно речь пойдет в специально отведенной для этого главе в данной книге. Но следует заметить, что наиболее раннее для Московской Руси летописание появилось лишь с конца XIV — начала XV столетия, то есть во времена недругов Юрия, тех, кто уже тогда интерпретировал события «в свою пользу».

Так называемый Свод 1408 года (иногда его датируют также 1409 годом) появился сразу после кончины вдовы Дмитрия Донского, великой княгини Евдокии и преподобного Саввы Сторожевского — ее (и Юрия Дмитриевича) духовного наставника. А также после преставления митрополита Киприана, который, собственно, затеял и благословил этот труд. И для

удельного Звенигорода, и тех, кто в последующем имел притязания на великокняжеский престол, эти летописи были уже не вполне дружественными. Не говоря уже о более поздних собраниях сведений, например, Московском своде 1479 года и начала 1490-х годов, лояльных только определенной «партии» — традиционных противников князя Юрия.

Богатейшие источники по истории Руси — летописи — именно по этой причине всегда нуждаются в уточнениях и дополнениях другими документами, причем из самых разных сфер жизни. Каждое отдельное свидетельство или новый факт может быть подтвержден или опровергнут, например, актами, грамотами — договорными или духовными, родословными, житиями святых или произведениями древнерусской литературы. Если к этому добавить данные археологии, сфрагистики, нумизматики, палеографии, геральдики и других вспомогательных исторических дисциплин, знакомых каждому студенту-историку, то картина может проясниться в гораздо большей степени.

Но все равно — история Руси начинается с летописей. Вокруг них строится всё, другие документы эпохи словно облепляют их, как кровь и сосуды, окружающие позвоночник в теле человека, когда на нем держится главный «вес», не разрушаясь и составляя единое целое.

В данной книге летописи стали основой для «вхождения в текст», а потому автор позволил себе некоторый повествовательный прием — использовать наиболее важные отрывки и цитаты из летописных источников (как, впрочем, и других документов или произведений) в начале каждой главки, что в значительной степени приближает читателя к реалиям того времени.

Вот как, например, летопись Троицкая рассказывает о рождении князя Юрия: «Тое же осени в Филипово говение месяца ноября в 26 день, на память святого отца Алимпия столпника и святого мученика Георгиа, князю великому Дмитрию Ивановичю родися сынъ князь Юрьи в граде Переяславле, и крести его преподобный игумен Сергий, святый старец… И бяше съезд велик в Переяславли, отовсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика в граде Переяславле, и радовахуся о рожении отрочяти». Варианты сообщения о событии есть в кратком изложении в Воскресенской и Никоновской летописях, отчасти в Симеоновской, а также в Радзивиловском списке. Но, благодаря Н. М. Карамзину, мы можем прочитать именно это сообщение, которое было переписано им из погибшей затем летописи Троицкой, а потому, благодаря историку, и сохранилось.

Не все летописные сказания дошли до наших дней. Часто бывало, что враги, захватывавшие древнерусские города и монастыри, первым делом не грабили их, а разыскивали книжные хранилища и уничтожали все рукописи, до последнего документа. Зачем, спросите вы? Ответ прост: во-первых, для уже упомянутого нами «замалчивания» (более эффективного, нежели простое физическое уничтожение или разграбление), а во-вторых — для того, чтобы, например, нельзя было предъявить в дальнейшем юридических претензий на владение или наследование городов или земель. Как говорится, нет документа — нет и дела.

Сохранившиеся крупицы исторического летописания помогут нам разобраться в самых сложных перипетиях эпохи передела русской земли.

О «музейном» восприятии прошлого

Много лет назад, еще студентом-историком, я часто отправлялся в походы по замечательным местам Подмосковья. Особенно мне нравилось направление западное и северо-западное — от Серебряного Бора в Москве до Звенигорода.

Это необычный уголок земли под названием Московия. Древняя Звенигородская дорога — Царский путь, по-современному — Рублевка. Здесь сочетаются природные изломы местности с великолепными водными просторами — поймой Москвы-реки. Вокруг реликтовый сосновый лес, и — то тут, то там — маковки церквей. Воздух до недавнего времени был чист и прозрачен. Словом, благословенный край. И, как это часто бывало в той реальности, — светлое соседствовало с темным, прекрасное — с чудовищным.

Дорога упиралась в два больших холма. Жалкие останки Звенигородского Кремля, храм Успения на Городке с погибшими фресками и иконами, Саввино-Сторожевский монастырь тогда, в советское время, еще в виде музея, в котором почти ничего не оставалось от громадного векового наследия после периода уничтожения церковных ценностей в 1920—1930-е годы. Почему, думалось мне тогда, мы так не бережно и небрежно относимся к нашей же цивилизации?

Но и сегодня, по прошествии десятилетий, мы все еще продолжаем говорить о «памятниках культуры», об «исторических зданиях», все еще считаем их чем-то несовременным, посторонним, словно бы из прошлого случайно попавшим в «счастливое» настоящее. Для многих это еще лишь мертвое

минувшее, не более чем напоминание, но не сама жизнь.

Как вновь превратить памятники в ожившее наследие? Какими путями можно перестать «музеефицировать» оставшееся нам от наших предков и вновь обрести все это как нечто жизненно важное, помогающее стать самими собой? Не вздрагивать и пускать слезу умиления при рассматривании старинной чаши, а пить из нее, не коллекционировать песенники, а петь сами песни.

«Памятник охраняется государством» — начертано было долгие десятилетия на редких зданиях в городах или на церквах в селах. А рядом с вывеской зияла дыра в стене, если вообще стена еще была цела. Особо «гениальным» изобретением большевистской идеологии стала идея «Золотого кольца России», эдакого туристического «русского рая». Вот вам, дорогие иностранные гости, наши замечательные памятники древнего зодчества! Любуйтесь, смотрите на подкрашенные разворованные и осыпающиеся храмы. Но только в пределах установленного и очерченного «кольца». А что за его пределами? А там — хоть пропадай всё!

Те архитектурные ансамбли, которые не попали в «золотое кольцо» (а их было 95 процентов), были брошены на произвол судьбы. Весь Север с его деревянным наследием, Урал и Сибирь, почти все отдаленные губернии, уникальные города русского Средневековья, такие как Галич, Углич, То-тьма, Юрьевец, Романов-Борисоглебск (ныне Тугаев, по фамилии некоего советского деятеля) и многие, многие другие.

Идея «охраны» всего этого наследия состояла в том, чтобы осуществлять материалистический проект «воскрешения тела» — но не Духа. Храм или купеческий дом можно было подмазать, подбелить, а что там внутри — клуб, фабрика, милицейский участок или, извините, туалет — это уже никого не касалось.

И ведь подобное сознание в России еще не преодолено. Открываются храмы, но мы с трудом замечаем возрождение к жизни тех многочисленных городков, сел и окружавших их деревень, где разрушены не только церкви или другие постройки, но и быт, уклад, традиции, миросозерцание, а значит — дух.

Подмосковному Звенигороду повезло больше, чем некоторым другим. Он не только удачно «скрылся» от широких скоростных автотрасс, но и преображается просто на глазах. А ведь именно здесь развивались многие события, которые легли в основу данной книги.

Не случайно наш герой — князь Юрий Дмитриевич — получил народное признание под именем Звенигородский.

О спасении от Тамерлана

История учит — в жизни каждого человека бывают события (редкие, иногда даже — одно-единственное), которые можно назвать «космическими», неординарными. В такие моменты может решаться судьба самого человека или даже судьбы народов и государств. От поступка субъекта в такое мгновение зависит многое, почти всё. Кто-то может не замечать ничего особенного в словах или действиях людей. Но внимательный взгляд — этого не пропустит.

Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галичский, совершив много важных деяний, участвовал в одном, благодаря которому, многоуважаемый читатель, мы вообще имеем возможность разговаривать на данную тему. То есть — если бы не он, то автор не смог бы написать, а заинтересованный человек — пролистать сию книгу.

О чем это мы? О спасении Руси от нашествия Тамерлана в 1395 году. Об одном из нападений на древнерусские княжества, которых и так было немало. Но на самом деле, в отличие, например, от захватившей Русь Орды, Железный Хромец Тимурленг не брал дани и не паразитировал как вампир на своих покоренных врагах. Он просто стирал с лица Земли отдельно взятые цивилизации, убивая подряд всех и вся, уничтожая города и села, сжигая всё на своем пути.

Так он вывел из истории существовавшие столетиями великие и развитые государства (соседей Руси) Волжскую Булгарию и Аланское царство. В тот, упомянутый нами год он с громадным войском находился в непосредственной близости к великому княжеству Владимирскому (Московскому), только что напившись «крови» от его соседей, включая саму Орду. Противостоять грозному правителю у Руси просто не было сил. Для Тамерлана же полное уничтожение русских могло стать простым развлечением.

Но он не пошел на Москву и на Русь.

И в этих событиях, прямо или косвенно, принял участие князь Юрий Дмитриевич Звенигородский.

Исход, дорогой читатель, — наша с вами возможность беседовать и рассуждать о нашем бытии — прошлом и настоящем. В ином случае — ни нас, ни подобных разговоров могло и не быть.

Только одно это следовало бы записать золотыми буквами в поминальной книге русской истории в связи с именем князя Юрия. Но мы лишь кратко напоминаем читателю в предисловии о тех событиях, дабы развить эту увлекательную тему в

последующем повествовании.

Снова о гипотезах

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что эта книга включает в себя рассказ об исторических реалиях, а также — многочисленные гипотезы, которые часто используются в науке и литературе в качестве объяснения того, что еще требует подтверждения или проверки. Собственно, рабочая гипотеза (test hypothesis) — это некоторое предположение, эмпирически иногда еще не проверенное, но при необходимости используемое для выработки предварительного плана будущих исследований. Жанр «исторического предположения или расследования», особенно в тех местах, где трудно найти доказательства или подтверждение с помощью документальных источников, избран автором не впервые. Встречаются события, которые по истечении веков не становятся проясненными, о реалиях приходится только догадываться, как исследователям, так и читателям. Понимание происходящего может появиться при выдвижении иногда достаточно смелых или неожиданных гипотез или предположений, которые могут время от времени подтверждаться также и историческими фактами. Истина и правда как в театре приоткрывают свои завесы, мифы превращаются в реалии, история оживает. Без образности, без предположений — история мертва. Возможны и ошибки, но будущие новые цифры и факты будут способствовать тому, чтобы мы могли ощутить веяния эпох.

Древность, оказывается, дышит…

О важности источников и ссылок

Необходимо заметить: какие бы неожиданности ни встретились читателю на страницах данной книги, какие бы трактовки, цитаты, предположения или изменения установившихся датировок ни удивляли, главное, что все они основаны на результатах работы с историческими источниками или трудами поколений исследователей. На каждое утверждение автор готов дать соответствующую ссылку. Однако, пытаясь сохранить удобную для чтения повествовательность, автор в последний момент решил убрать в данном издании все цифровые ссылки (которые бы просто мельтешили в глазах, так как их сотни), оставив лишь достаточно подробную (хотя и не совсем полную) библиографию в конце книги. Выбранный жанр сам

подсказал такой шаг, хотя в дальнейшем, и автор этого не исключает, всегда возможно переиздание или новая публикация данного жизнеописания князя Юрия с подробнейшим и постраничным указанием ссылок на все приведенные источники.

И в завершение,

многоуважаемый читатель, обращаюсь с просьбой о важности сосредоточения на нашей теме, так как речь пойдет об управлении государством, страной, под названием Русь, которая затем превратилась в Россию и которую, как известно, «умом не понять». Это вовсе не ирония, напротив, это стремление к тому, чтобы спокойно и со взаимным пониманием поговорить на некоторые темы, которые могли бы пробудить новые мысли и идеи, связанные с нашим реальным и очень близким будущим. Средневековая Русь и нынешняя Россия разделены всего-навсего шестью столетиями, а это чуть более десяти поколений. То есть можно сказать, что праправнуки наших праправнуков жили на берегах Москвы-реки или далекого Галичского озера или на любом другом пространстве Евразии, размышляя о точно таких же проблемах, связанных с бытом или безопасностью, какие возникают у нас сегодня каждый день. И если само время и сама история после прочтения данной книги покажутся читателю почти мгновением, то автор будет считать свою задачу выполненной. Тогда мы наверняка поймем друг друга и, невзирая даже на спорность некоторых доводов или определений, почувствуем ушедшие времена как реальность, которую иногда лучше переживать, но не толковать, а если и браться за исследование, то только лишь именно через призму и опыт прошедших столетий. Ведь умудренному жизнью человеку ведомо, что время так же иллюзорно, как и понятие исторической правды. И то и другое постоянно меняется, в зависимости от новых веяний, мнений, методологии или появившихся сведений. Будем же относиться к этому парадоксу внимательнее, но без особого пиетета, при этом не забывая, что в исторической памяти, независимо от всего вышесказанного, всегда продолжают существовать великие имена, даже если мы и не обращаем на них должного внимания.

Забытое, замолчанное — не есть исчезнувшее.

Именно о такой истории и о таком запечатленном в ней человеке, имя которого достойно истинного величия, пойдет наш рассказ.

Писано в лето 7516-е от Сотворения мира и 2008-е от

Рождества Христова, в 600-ю годовщину освобождения Руси от страшного нашествия ордынца Едигея, в стольном граде Москве, славном Звенигороде, сольном Галине Мерьском и в подмосковном патриаршем сельце Переделкине.

Глава первая. ТАИНСТВЕННАЯ КОНЧИНА

В год покоя его мало не весь град обретеся.

Из Печерского патерика

Много есть тайн в русской истории. Особенно связанных с уходом из жизни известных ее деятелей. До нас дошли многочисленные рассказы о благостных кончинах того или иного князя. Или — наоборот — о гибели некоторых на поле брани. В кругу домашних своих или в плену, после хорошего пира или пыток с пристрастием, от продолжительной болезни или просто от старости — все преставления выдающихся личностей Средневековья становятся летописным событием хотя бы потому, что имеют точную дату.

Но еще большее внимание людей привлекает факт, когда кончина связана с подлостью и завистью, с интригами и злодейскими помыслами, предательством и хитростью. Как правило, такая смерть не связана с естественным ходом событий. Коварство становится историческим преданием, как яд, влитый наследным братом — правящему королю, отцу принца Датского — Гамлета.

Кончина князя Юрия Дмитриевича связана с очень странными обстоятельствами. Дата ее известна — 5 июня 1434 года (иногда ее почему-то относят к 5 июля). Она зафиксирована в летописях.

Но в том-то и дело, что указанная дата, в сопоставлении с происходившими тогда событиями, становится странной.

Он скончался великим князем Московским. Но был в тот год на престоле… чуть более двух месяцев!

Представьте себе, бороться за правую власть последнее десятилетие своей жизни, знать о своем наследстве всю свою жизнь, готовиться к правлению, думать о будущем своего государства, иметь славу и могущество, таланты и последователей, и вдруг — уйти мгновенно, обескуражив соратников и обрадовав врагов! Не правда ли, странное стечение обстоятельств?!

Именно это давало потом пищу для размышлений многим историкам. А своей ли смертью умер великий князь? И если ему «помогли», то есть — убили, искусно и незаметно, то почему и

кто?

Мы начинаем наше повествование в данной книге именно с этой темы, так как понимание причин кончины князя Юрия станет отправной точкой в цепи всех остальных наших разъяснений, гипотез или исторических изысканий.

В «подземельях» Архангельского собора

Колокола томительно позывают
— по-мни!..

И. С. Шмелев

Из Московской летописи начала XV века о появлении в столице на великокняжеском дворе первых башенных часов для показа времени: *«На всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и распитая часы нощные и денные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, странно-лепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено».*

* * *

Тот, кто бывал в музеях Московского Кремля, наверняка посещал знаменитый Архангельский собор, где погребены многие русские князья, а также великие князья и цари вплоть до эпохи Петра Первого. Они лежат тут, и память о них хранится в потомстве. Нет только одного царя — Бориса Годунова. Прах его покоится в Троицесергиевой обители.

Справа, почти у самого юго-западного угла, можно увидеть фреску на стене, а под ней — надгробие с надписью: «благоверный князь великий Юрий Дмитриевич». Много было великих и удельных князей на Руси, но не всем хватило место в Кремлевском соборе.

Князь Юрий Звенигородский и Галичский достоин лежать здесь хотя бы по той причине, что пусть и не долго, но он был по закону и по праву, которые ему пришлось доказывать и словом и оружием, великим князем Московским (Владимирским), то есть главой исторического Русского государства.

Нынче, волею истории и в результате разрушений, учиненных в XX веке в Московском Кремле, продолжают лежать неподалеку — в том же Архангельском соборе — мощи двух русских святых: матери князя Юрия — великой княгини Евдокии (в монашестве — Евфросинии), а также его отца — князя Дмитрия Донского. Покоится тут и прах его братьев и сыновей (не всех, конечно), и даже возможно — остатки надгробия его супруги — княгини Анастасии.

История свела их всех вместе. Когда в 1928—1929 годах

разрушили кремлевские монастыри, то часть останков и надгробий перенесли сюда, в подклет, в подземелье. К мужским — доступ сегодня свободный, к женским (кроме Евфросинии Московской) — все еще нет, хотя скоро этому «нет» стукнет уже восемь десятилетий… Такой вот «двойной» княжеский пантеон в соборе Московского Кремля.

Однако тут следует вспомнить и о следующем. Важный для Церкви вопрос о похоронах женщин в мужских монастырях и, с другой стороны, особ «мужескаго пола» — в женских специально рассматривался уже в 1551 году на Стоглавом соборе. Неплохо бы принять к сведению его примечательное решение: «Божественные правила не повелевают в мужских монастырех жен погребати, ни в женских мужей погребати, а от обычая же земля не токмо зде в российском царствии погребаются, но и в тамошних странех во Иерусалиме и во Египте и в Царе граде и в прочих странех свидетельствуют Божественные писания от жития святых…» Церковные установления данную традицию не признавали, но обычай такой в те времена существовал, и ничего с ним нельзя было поделать.

* * *

Фресковый портрет Юрия Звенигородского на стене Архангельского собора, возможно, один из самых древних сохранившихся его ликов. Увы, он относится не к XIV или XV веку — времени его земного пути, а к XVII столетию. Но если бы только это стало камнем преткновения для историков или биографов. Князю и памяти о нем «не везло» гораздо более, чем можно себе представить.

Известно также, что некоторые правители Древней Руси принимали перед кончиной схиму. О чем идет речь? О степени и чине пострижения в монахи, об образе духовного подвижничества. Схима подразумевала особое смирение после обычного послушничества. Она могла быть малой или великой. Даже при пострижении в малую схиму инок обязывался отвергнуть всё, что так или иначе могло бы угождать телесным желаниям, быть послушным всякому и преодолеть любое стремление к стяжанию собственности… Только после 30 лет малого схимничества монах мог принять великую схиму — обет особо строгого поста и непрерывной молитвы.

Такое испытание не каждому под силу. Однако нам известны имена князей-схимников. Это, например, великий князь Александр Невский (в схиме Алексий), его сын — Андрей

Александрович, собиратель Москвы Иван I Калита, князья Симеон Иванович (в схиме — Созонт), Иван II Иванович, Михаил Ярославич Тверской (в схиме — Матфей), а в дальнейшие времена цари — Василий III (в схиме — Варлаам), Иван IV (в схиме — Иона), Борис Годунов (в схиме — Боголеп).

Принял ли схиму или монашество перед своей кончиной князь Юрий Дмитриевич? Источники нам об этом ничего не повествуют. Но изображен он в светских одеждах, а не в схимнических, монашеских, в которые облачены на росписях некоторые другие князья.

Да и ушел он из жизни столь скоропостижно, что об этом могло и не идти речи.

На стене Архангельского собора, прямо над саркофагом князя, рядом с его портретом в полный рост написано — великий князь. А само изображение — с нимбом, как у святого. Что за этим стоит?

* * *

Непосредственно в храмах на Руси стали хоронить почти сразу после принятия христианства. Обычай пришел из Византии, как и многие другие, связанные с православием. Там в первую очередь в главных церквах погребали византийских императоров, самых важных государственных деятелей и конечно же высших иерархов церкви — митрополитов и патриархов.

Исторически сложилось, что собор Архангела Михаила, расположившийся в самом центре Московского Кремля, стал местом, где нашли свой вечный покой представители столичных княжеских родов. Семейный некрополь династии Рюриковичей (времен Москвы) и основателей царского рода Романовых (начиная с XVII столетия) нынче — один из самых знаменитых храмов и нечто вроде музея, куда поклониться праху великих правителей Руси приходят ежедневно тысячи гостей и паломников.

Но собор этот не первоначальный. Даже не тот, в котором был похоронен князь Юрий. На этом же месте когда-то стояла деревянная церковь Архистратига Михаила, которую в 1247—1248 годах построил брат Александра Невского — Михаил. Затем отличился князь Иван Калита, который в 1333 году «за одно лето» выстроил уже каменный храм. Именно так возводились обетные храмы — быстро и всем миром. А этот был отстроен как благодарность за то, что Москва пережила ужасный голод. Собор освятил тогда митрополит Феогност. Именно в нем и появилось

надгробие с прахом князя Юрия Дмитриевича.

В том виде, в котором Архангельский собор дошел до наших дней, он был заново сооружен на старом фундаменте уже в 1505—1508 годах. В те времена Кремль отстраивали итальянские мастера. Один из них — Алевиз Новый — внес в свое детище некоторые элементы современного ему искусства эпохи Возрождения.

И по сей день в соборе можно увидеть остатки фресок XV и XVI веков. Иконостас относится к XVII—XIX столетиям. Но уникальная роспись стен храма, среди которой мы обнаруживаем ранний лик (портретное изображение лица) князя Юрия Дмитриевича, сотворена была в те самые времена, когда царь Алексей Михайлович полюбил град Звенигород и заново возводил многие постройки Саввино-Сторожевского монастыря — в 1652—1666 годах.

Над рядами гробниц мы видим ряд «предположительных» портретов князей, прах которых лежит в соборе. Они почти совпадают с каждым конкретным надгробием. Одежды на них — XVI века, чего по отношению к князю Юрию не могло быть при его жизни. Но не в этом дело. Все князья стоят в молитвенной позе, обращены к алтарю, то есть — к Востоку. Но князь Юрий написан не в полоборота, как окружающие его сородичи, а почти в анфас, с поднятыми вверх обеими руками, словно благословляя своих близких. В настоящий момент трудно интерпретировать такое явное отличие его позы ото всех остальных. Но сделано это было конечно же не просто так.

Известно, однако, что надгробные портреты князей почти полностью, один в один повторяли предыдущие, во многом утраченные росписи Архангельского собора еще XVI века. Но почему все князья, несмотря на то что они были и противниками и даже опальными, на стенах изображены в нимбах, как святые? И над каждым из них мы видим лик его тезоименитого покровителя. Над Юрием Дмитриевичем изображен святой Георгий Победоносец, ставший символом Москвы.

Нимбы появились, видимо, благодаря византийской традиции. Там так изображались правители, это был символ богоизбранности для власти. Но удивительно, как на Руси в сознании потомков, пусть даже не наяву, а лишь в иконографии, сложилось ощущение общего всепрощения по отношению ко всем своим государям. Кончина будто примирила всех их между собой, и весь род Московских правителей попал под Господне покровительство. Князья словно признаются «святопреставленными» или «святопочившими». Они стоят в молитвенных позах, они молят о сохранении русской земли. Так

представляли себе это создатели росписей. И рядом, на той же стене, где изображен князь Юрий с братьями и сыновьями, расположена фреска «Страшный Суд», на которой сонм святых праведников также предстоит перед Творцом, моля о спасении — своем и потомков рода человеческого.

Мы можем теперь сказать, что к созданию портрета князя Юрия Звенигородского могут иметь отношение такие выдающиеся иконописцы, как Симон Ушаков, Яков Казанец, Степан Рязанец, Федор Зубов, Сидор Поспеев и Иосиф Владимиров. Существовал до этого еще более ранний лик, когда при Иване Грозном собор расписали в 1564—1565 годах. Но после Смутного времени те фрески плохо сохранились, их закрыли новыми. Можно ли под ними сегодня обнаружить и рассмотреть более древние? Почему бы и нет.

* * *

В соборе Рюриковичи лежат вдоль южной стены (великие князья Московские), у стены западной — удельные князья и другие родственники князей великих, а по северной — все остальные, те, кто скончался, например, в Москве — в опале.

Именно вдоль западной стены, в южном ее углу находится могила князя Юрия Дмитриевича.

Надгробие не соответствует тому, что было первоначально изготовлено. Оно было сделано позднее, в 30-е годы XVII столетия. Внутри — выложено из отборного кирпича, а снаружи — украшено белым камнем, резьбой и орнаментальным рисунком. В торце саркофага можно прочесть имя князя Юрия, а также годы его жизни.

Уже в начале XX века были заказаны специальные латунные (металлические) крышки, которые расположили сверху могил. В таком виде саркофаг князя Юрия и сохранился до наших дней.

Рядом с погребенным Юрием Дмитриевичем лежит его «равный брат» — князь Серпуховской и Боровский Владимир Андреевич Храбрый (скончался в 1410 году). Они оба были самыми достойными и великими воинами того периода русской истории. Потому одного звали Храбрым, а другого — Победителем Булгар, не ведавшим поражений. Не случайно еще великий князь Дмитрий Донской соединил их руки, назвав по договору «равными братьями», хотя между ними была значительная разница в возрасте. Но юноша Юрий подавал большие надежды и был любимцем Московского двора.

С другой стороны мы видим могилы братьев князя Юрия —

Петра Дмитриевича (скончался в 1428 году) и Андрея Дмитриевича (в 1432-м). Странно на первый взгляд, что великий князь Московский лежит в ряду князей удельных. Но если бы только эта странность могла быть единственной!

Присмотревшись, можно заметить, что на саркофаге князя Юрия и на стене — несколько имен. Это означает, что в одной гробнице лежит прах сразу трех покойных князей. Вместе с князем Юрием Дмитриевичем, уже после его кончины, были похоронены его сыновья, сначала — Дмитрий Юрьевич Красный (в 1441 году), а затем — Василий Юрьевич Косой (в 1448-м). Последний, между прочим, также некоторое время был великим князем Московским. Однако и его прах лежит вдоль западной, «удельнокняжеской» стены.

Отметим сразу: среди 54 саркофагов в Архангельском соборе Кремля это единственный случай, когда три князя похоронены в одной могиле. При этом два из них — великие князья Московские. То есть, как мы уже говорили, лежат «не там, где положено, и не так, как положено».

Не странно ли?

Причины таких «странностей» мы будем изучать совместно с читателями в процессе повествования книги. Но некоторые, видимо, уже догадываются — что к чему. Действительно, даже само захоронение великого князя Юрия Дмитриевича стало показательным. В связи с особым, неприязненным отношением к нему и к памяти о нем его властвующих родственников по линии старшего брата — Василия Дмитриевича, которого, как великого князя, положили у южной стены, почти рядом с великими же князьями: их отцом — Дмитрием Донским и дедом — Иваном Красным. Там же подобало бы лежать и князю Юрию. Но…

Добавим к этому и следующее. На белокаменном надгробии князя Юрия Дмитриевича, с восточной стороны, направленной прямо на алтарь храма, высечена эпитафия с прелюбопытным текстом: «В лето 6940 августа в 19 преставися благоверный князь великий Юрий Дмитриевич». То есть указана дата, совершенно не соответствующая действительности. Неверно отмечены и день, и год его кончины. Вместо 5 июня 1434 года мы видим — 19 августа 1432-го. Таких серьезных ошибок на других надгробиях мы не встретим (мелкие всегда бывают, но не столь важные).

Случайная ли эта ошибка? Думается, вовсе нет. Летописные даты жизни князя были хорошо известны. А если мастера ошиблись, то можно было и поправить. Но ведь не поправили же!

Вполне можно предположить следующее. С такой записью оказывалось, что… ни в 1433, ни в 1434 годах князь Юрий Звенигородский на великокняжеском престоле вовсе и не был!

Ведь он — по надгробию — скончался в 1432 году! Следовательно, как будто бы до своего Московского правления он просто не дожил! Вот такой, в некотором роде, текстовой «казус». Но какой расчетливый!

Пытливый читатель может возразить: а надпись-то гласит, что он «благоверный князь великий». На что предложу следующий аргумент. Такая же запись повторяется, например, на многих настенных росписях — у большинства надгробий разных князей, включая удельных. Они названы «великими князьями», как и на крышках гробниц (вообще все признаны «великими»), то есть — по единой формуле, в которую обязательно включалось также изображение нимба вокруг головы каждого упокоенного, хотя редкие из них были канонизированы Церковью как святые.

А значит, получается, что уточнение по поводу «великого князя» вместе с сопоставлениями даты его кончины на надгробии выглядело почти фарсом и даже в то время не становилось точным или верным утверждением.

Кстати, считается, что именно в 1432 году скончался один из сыновей Юрия — Иван, ушедший в монастырь. О нем мало что известно (подробнее — в последующих главах книги). Но не странное ли мы видим совпадение дат?

Добавлю еще одно удивительное наблюдение, связанное с росписями собора и известное исследователям. Если над могилами князя Юрия, его братьев и сыновей находятся их ростовые портреты, то над саркофагом его племянника и главного соперника по наследованию Московского престола — Василия Васильевича — также помещен лик погребенного. Но он подписан другим именем — «Василий Иоаннович». И действительно, под портретом находится также и гробница Василия III Ивановича. А куда подевалось изображение Василия Васильевича Темного? Как будто его и не было в числе великих князей Московских. Оно «переехало» далеко, совсем в другое место храма.

Вот и еще одна загадка Архангельского собора, которая, правда, считается очередной ошибкой мастера по росписи. Но бывают, как говорится, ошибки случайные, а бывают и не совсем…

А теперь — еще кое о чем. О самой кончине князя Юрия Дмитриевича. Загадочной и скоропостижной.

Был ли отравлен князь Московский? Гипотеза 1

О нем же слухи исхожаше, яко и отравлен бе.

Житие Феодосия Сикейского

Китайские источники о традициях соседнего амурского народа мохэ в эпоху Средневековья: *«Обыкновенно в седьмой и восьмой луне составляют яды и намазывают стрелы для стреляния зверей и птиц. Пораненный немедленно умирает. Когда варят яды, то одно испарение ядового состава может умертвить человека».*

* * *

Ответ на вопрос, вынесенный в заголовок данной главки, так до сих пор специалистами не получен. Стоит ли в таком случае вообще говорить на эту тему? Думается, что необходимо, так как именно в процессе обмена мнениями можно в итоге прийти к какому-то выводу.

Странно, что правил Москвой великий князь чуть более двух месяцев. Никаких летописных сообщений о его болезнях или других недугах (например, случайных ранениях) нет. Сообщается просто — вдруг скончался.

Семью князя Юрия многие годы преследовало «ядовитое несчастье». Одного его сына ослепили, а два других погибли, будучи отравлены. Похоже, что подобная участь была заготовлена врагами и для него самого.

* * *

Яд — самый недоказуемый способ убийства в период Средневековья. Но недоказуемый — только в те времена. Теперь как раз можно с точностью определить — был ли человек отравлен или скончался по другим причинам. То есть мы можем признать факт насильственной смерти, например, любого князя, если точно знаем — где он похоронен, дабы использовать для исследований его останки. Но, увы, вряд ли сможем назвать имена заказчиков и исполнителей.

Известны многочисленные случаи отравлений или попыток их совершить в Древней и Средневековой Руси. Некий церковнослужитель по имени Иван, после победы на реке Воже в 1378 году, попал в плен к Дмитрию Донскому и задумал отомстить великому князю, воспользовавшись ядом. Если бы Ивану это удалось и он отравил Дмитрия — произошло ли бы тогда Куликовское сражение?! Но, к счастью, у плененного врага обнаружили мешок «злых зелий» заранее. Князь Дмитрий прожил еще десяток лет и свершил свои великие дела.

Самыми распространенными ядами являлись ртуть и мышьяк. Первый называли «сулемой», второй — «мышиным зельем». Применение ртути было верным делом и совершенно незаметным, но достаточно долгим для результата. С помощью мышьяка жертва добивалась быстрее, но заметнее для окружающих. Позднее мы еще вернемся к примерам отравлений, совершенных среди особ женской части княжеских русских родов. Исследование их останков привело к неожиданным результатам. Среди тех, кто был отравлен сознательно (чаще всего использовали именно ртуть, и ее находят в тканях жертв в огромном количестве), нашлись и невинно пострадавшие. Ядами послужила в этом случае косметика тех времен, сплошь насыщенная свинцом. А ее ведь использовали каждый день и в очень больших количествах.

Особыми и неизвестными нам средствами такого рода пользовались монголы — в Орде. Когда было необходимо, они немедля применяли свои знания для наведения порядка в своем русском улусе. Ханами Орды были искусно отравлены князь Александр Невский (одна из версий его кончины) и уж точно его отец — князь Ярослав.

Что же касается нашего героя — князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского, то его семью, как мы уже говорили, такое несчастье постигало в XV веке неоднократно. Известно, что ядами отравлены были его сыновья — Дмитрий Красный, скончавшийся в странных муках, и Дмитрий Шемяка («умре со отравы»).

История с последним оставила нам имя отравителя, ставшее чуть ли не нарицательным, — Поганка! Этот человек служил поваром. Вот кто мог по своей профессии совершить любой заказной «суд» над жизнью человека, притом совершенно безнаказанно. Однако Поганку разоблачили, а имя его вошло в летописную историю. Уже в наши дни специалисты-химики нашли в останках Дмитрия Шемяки такое количество мышьяка, которого бы хватило на убиение двадцати человек! Подробнее об этом мы расскажем далее.

Впрочем, в наше время для сбора доказательств отравления необходимо провести исследования останков жертвы. Но стоит ли в таком случае трогать прах Юрия Дмитриевича в Архангельском соборе Московского Кремля? Хотя бы для того, чтобы узнать правду — убили князя или он скончался от других причин?

Этот вопрос уже этический. В XIX столетии при неожиданной протечке воды в соборе Архангела Михаила случайно вскрылась могила Дмитрия Донского. И хотя событие принесло неожиданную находку — ценный сосуд той эпохи, о нем умолчали, так как проникновение внутрь гроба считалось кощунством.

Но мы то уже знаем — что соборы не раз перестраивались, гробницы менялись и переделывались, а в XX веке — вообще уничтожались или переворачивались вверх дном.

Уподобляться варварам — не стоит. Однако и правду тоже неплохо бы знать.

При этом вспоминаются некоторые иные истории, связанные с открытиями мощей великих людей. Например, та, что повествует об отворении гроба и праха Тамерлана, которое произошло 22 июня 1941 года (!). Тогда в Самарканде, по мнению некоторых мистически настроенных людей, якобы был выпущен на волю дух войны, который овладел всей нашей страной. Потому, мол, и началась страшная война, повлекшая огромные жертвы.

Однако следует заметить по данному поводу (и об этом мы будем говорить далее в книге), что Тимур как раз сыграл весьма позитивную роль для Средневековой Руси. Он разгромил большинство главных ее врагов, включая Орду и Волжскую Булгарию. А Москву не тронул. Следовательно, делать вывод, что будто бы его «дух» для той же страны, спустя века, «сыграл» уже совсем не позитивную «роль», — не совсем вроде бы удачно. Если только кто-то не станет считать будущую победу СССР в Великой Отечественной войне особой мистической «помощью» того же «духа» Железного Хромца.

В этой связи, быть может, не стоит беспокоить и прах великого князя Юрия Дмитриевича, в результате чего (следуя тем же «мистическим предположениям») может быть вызван на волю некий «дух» противления самозванству, «дух» борьбы за восстановление правой и богоизбранной власти в государстве. И если только подумать: а кто может вообще нынче претендовать на такую властную богоизбранность? — и по духу и по документам — то можно немедленно прийти к выводу: концу борьбы за передел этой самой власти уже не быть никогда.

Но шутки шутками, а быстрая кончина князя Юрия все-таки

может стать основанием для предположения о его отравлении. И впереди читателя ждет изложение многочисленных вариантов того, что может стать реальным подтверждением такой догадки.

Глава вторая. ПЕРЕЯСЛАВЛЬСКОЕ КРЕЩЕНИЕ

И в то же лето и дитя ся роди…

Поучение Владимира Мономаха

Современные историки уже составили не только максимально точные списки великокняжеских детей-потомков эпохи XIV века, но и даже сводки дат рождения и крещения того или иного младенца. Время от времени в них вносятся различные коррективы, появляются даже новые имена родственников, случайно утерянные в памяти потомков или намеренно забытые, а затем восстановленные трудами исследователей. И если мы будем сравнивать княжеские родословные, опубликованные уже в наше время в различных изданиях или у разных исследователей, то порой заметим странную «невнимательность»: какие-то имена, встречающиеся в одной публикации, вообще исчезают или не упоминаются в другой. То есть количество детей какого-нибудь князя может варьироваться, да и число внуков — значительно колебаться.

Родословие, основанное в первую очередь на летописных источниках, на первый взгляд вещь простая. Но иногда здесь возможна и путаница. Чем позднее создан летописный документ, тем больше вероятности, что писец мог не только ошибаться, но и стать проводником каких-либо новых тенденциозных влияний и мнений. Некоторые имена могли даже на время «пропадать» из летописей, если они становились «неугодными» или если это было связано с владельческими вотчинными интересами.

Биографии, родственные взаимоотношения, семейное положение тех или иных князей и бояр, имевших отношение к великому княжеству Московскому, запечатлены были, в частности, в конце XV столетия в родословце Типографской летописи. А уже в середине XVI века более тщательно семейные связи расписывались в Летописной или Румянцевской редакциях родословных книг, а также в подробном источнике, названном Государевым родословцем.

Все эти замечания, однако, никак не могут изменить интересующую нас дату рождения младенца-князя Георгия Дмитриевича, сына великого князя Дмитрия Ивановича — еще к тому времени не получившего известного нам имени — Донского.

Родился Юрий точно в день Святого Георгия 1374 года, который отмечается и по сей день — 26 ноября (9 декабря по новому стилю). Ни одно летописное упоминание об этом событии не дает никаких иных вариантов даты.

К счастью, и место рождения хорошо известно — город Переяславль (ныне — Переславль). Почему не Москва, то есть — не отчий дом и не родные великокняжеские покои? Ответ на данный вопрос подвигает нас на нижеследующие размышления.

Само появление на свет младенца произошло в необычный год, оно было связано с уникальными обстоятельствами и важнейшими событиями, было окружено известнейшими людьми, выдающимися деятелями Руси того времени, которые сыграли ключевые роли в драме нашей истории. Вот почему факт такого неординарного рождения должен быть рассмотрен нами со всеми подробностями, что даст нам возможность в дальнейшем понять многие загадки жизни этого необыкновенного человека, включая трагические и вполне счастливые реалии.

1374 — великий год русской истории. Гипотеза 2

Случися судьбами, яже един Бог свел.

Житие преподобного Афанасия

Из летописи Троицкой: *«Тое же осени в Филипово говение месяца ноября в 26 день, на память святого отца Алимпия столпника и святого мученика Георгиа, князю великому Дмитрию Ивановичю родися сынь князь Юрьи в граде Переяславле, и крести его преподобный игумен Сергий, святый старец…»*

* * *

Уверен, что большинству читателей цифры — 1374 — ничего не говорят. Они показывают нам конкретный год и в настоящий момент могут быть интересны разве что некоторому количеству специалистов или знатоков. Однако круг таких ученых не просто мал, а можно сказать — совсем мал.

Почему же, следуя коллегам, мы вдруг решили выделить эту дату в русской истории и предложить читателю отнестись к ней более серьезно, а в дальнейшем — вынести ее как одну из ключевых в русской истории?

Отвечу.

Не только потому, что именно в сей год родился герой нашего повествования — князь Юрий (Георгий). А потому, что произошла цепочка некоторых невероятных совпадений и обстоятельств, в результате чего история наша как раз и повернулась в последующее столетие в известном для нас сегодня направлении.

Не будь того, что произошло в 1374-м, наверное, все было бы иначе. И гораздо сложнее для Руси, если не хуже.

Наблюдательный исследователь может заметить, что иногда в истории случаются года, когда происходят важнейшие события, в результате которых затем грядут большие перемены. Даже если навскидку спросить неискушенных в больших знаниях отечественной истории читателей — помнят ли они некоторые ключевые даты, связанные с русским Средневековьем, — то многие наверняка назовут некоторые из них. Например, год 1380-

й, связанный с победой на Куликовом поле.

Для историков-профессионалов вторая половина XIV века имеет несколько дат, в которых концентрируется многое — важные происшествия, принятые решения или появление в книге земного бытия новых имен. Однако году 1374-му не придавалось особенного значения (не считая редких историков, о которых мы уже говорили). Среди страниц летописей он конечно же выделялся, некоторые события того времени зафиксированы и давно известны. Но…

Перейдем к изложению сути наших рассуждений.

* * *

Первоначально поспешим сообщить о том, что же произошло в 1374 году на Руси (естественно, избегая рассказа о множестве мелких или малозначащих событий). Подробности отложим на следующие главы.

1. Известно, что осенью произошел (начал свою длительную многомесячную работу) важнейший общий съезд русских князей в граде Переяславле. Тогда были приняты общие решения, повернувшие политику Владимирской и Московской Руси, да и сам ход русской истории. Именно на этом съезде были определены основы крепкого союза Северо-Восточных русских княжеств и даже положено начало утверждения будущих границ Великороссии.

2. В том же году митрополит Московский Алексий, предполагая свою ближайшую кончину, примет решение о передаче митрополичьей власти игумену Троицкого монастыря Сергию Радонежскому. Произойдет их встреча, при которой митрополит передаст преподобному Сергию необходимые бумаги и знаки данной власти. Но Троицкий игумен откажется от столь важного и высшего положения в русской церковной иерархии и останется в монастыре — совершать свой монашеский подвиг.

3. Именно в этом году мы можем говорить о получении преподобным Сергием Радонежским особых подарков от византийского патриарха, а также совета-указания по переустройству монастырского жития на общежительский устав. Причем константинопольский патриарх с этими предложениями обратился только и исключительно к игумену Троицы, минуя не только других московских церковных иерархов, но и, возможно, даже самого митрополита Алексия (хотя источники толкуют события по-разному).

4. Авторитет старца Сергия Радонежского стал в этом году

настолько заметен, что он был специально приглашен на вышеупомянутый княжеский съезд в Переяславль, при этом — избран в качестве крестного отца для рожденного Юрия. Он же и крестил младенца. Предоставление такой высокой чести — довольно редкое событие.

5. Тверской князь Михаил в январе 1374-го заключил мир с Дмитрием Ивановичем, что позволило великому князю Московскому вступить в союзничество с Новгородом Великим и затем — с княжеством Нижегородским. Такие перемирия создавали перспективы для больших перемен.

6. Тогда же князь Дмитрий Иванович неожиданно для многих решает прекратить выплату дани Орде. Это смелое решение и события вокруг него вошли в историю под названием «розмирие». Размолвка произошла с конкретным правителем — Мамаем, который потребовал от Москвы увеличения размеров самой дани. Из Орды на Русь, в княжество Нижегородское (как мы помним — в это время уже бывшее союзником Москвы) прибыл отряд под предводительством полководца Сарайки, дабы усмирить западные улусы. Но нижегородцы ордынское войско разоружили, пленили, а потом и вовсе всех порубили, включая Сарайку, Теперь русским союзникам надо было либо отвечать за сделанное с повинной головою, либо твердо стоять на своем и дать отпор ордынцам. Но такие решения в одиночку не принимаются.

7. Не случайно, словно в поддержку русичей, произошел неожиданный поход в Орду войска из Литвы. Подобного рода смелые действия по отношению к грозному Востоку вполне могли воодушевлять для принятия смелых же решений. В Рогожском летописце событие отнесено к 1374 году.

8. Именно с 1374 года русские князья стали действовать не разрозненно, а сообща. Они объединили свои силы вокруг Москвы, что позволило им затем победить вновь взбунтовавшегося великого князя Тверского Михаила, стремившегося с помощью Мамая захватить великое княжение Владимирское, а затем совершить через пару лет поход в Волжскую Булгарию, одержать величайшую победу над ордынцами в битве на реке Воже и уже в 1380-м — разгромить самого Мамая и его войско на поле Куликовом.

Все вышеперечисленное произошло или началось тогда, в 1374-м.

Как мы говорили, бывают даты обычные, а бывают — великие.

Запомним сию, многоуважаемый читатель. Она того достойна.

Княжеский съезд и братский пир

Снем был назначен всем воем воевальным.

Ипатьевская летопись

Из летописца Рогожского: *«Ноября в 26 день… родися сынъ князь Юрьи.., И бяше съезд велик в Переяславли, отовсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика в граде Переяславле, и радовахуся о рожении отрочяти».*

* * *

Нет ничего интереснее, как попасть, хотя бы мысленно, на княжеский съезд и пир средневековой эпохи. События такого рода происходили крайне редко, хотя в представлении наших современников государственные деятели только и делали, что «веселились и пировали». Отчасти этому способствовали многочисленные былины, которые рассказывали, к примеру, о временах князя Владимира Красное Солнышко. Там что ни былина, так все пир да пир.

Но княжеский съезд как таковой был событием не столько незаурядным, сколько весьма выверенным по своей структуре и обычаям. Такие съезды собирались в периоды, когда требовалось принятие важнейших решений или даже когда решалась судьба отдельных уделов, а быть может, и всего государства. Они имели особые традиции и отличались от обычных переговоров или собраний. Вплоть до некоторого церемониала, повторяющегося столетиями.

О наиболее древних русских обычаях, связанных со съездами, повествуют, например, Лаврентьевская или Ипатьевская летописи. Они же показывают нам некоторую последовательность таких княжеских встреч.

Если не было назначено определенного города для общего собрания, то князья съезжались в каком-то месте, происходило нечто вроде «стояния на конях», предварительные переговоры. Затем, когда эти начальные процедуры с участием послов заканчивались, переходили к главному моменту встречи, к самому съезду.

Собственно, такая встреча еще с Киевских времен носила еще одно странное для наших современников название — «снем».

Что это такое?

По старинному слово это писалось так — «съньмъ» или «сънемъ». А его синонимом или даже этимологическим прародителем является слово «сонм» (по-древнерусски — «соньмъ»).

Помните, у Марины Цветаевой?

> Сонм белых девочек… Раз, два, четыре…
> Сонм белых девочек? Да нет — в эфире
> Сонм белых бабочек? Прелестный сонм
> Великих маленьких княжон…

Сонм означает — собрание или скопление людей. Так же, как и снем. Этим словом обозначается какой-то сбор, большой собор и даже просто — народ или община. А понятие «княжеский снем» было обычным в русском летописании. «Яже се вадить ны Святополк на снем», — рассказывает «Повесть временных лет». Или: «Учиниша снем у Дмитрова и взяша мир межю собою», — фиксируется в летописи Лаврентьевской.

* * *

Где происходили съезды-снемы? Оказывается, место имело самое главное значение. И символическое, и политическое.

Возможны были варианты встреч в поле, вне поселений. Тогда устанавливались большие шатры, где располагались хозяева и гости. Чаще же важные переговоры организовывали в селах или городах. А наиболее значимые — в столицах тех или иных княжеств. Мы знаем о некоторых съездах в Древней и Средневековой Руси — в Киеве, во Владимире, Чернигове, Ростове и в том же Переяславле.

Для большого съезда выбирался город «со смыслом». Представителям особо чтимых княжеских родов важно было, чтобы съезд проходил на их землях или в граде, связанном с их великими предками, дабы показать гостям всю мощь своих семейных связей и владений.

Переговоры происходили часто не за столом, а «на ковре». То была не просто дань какой-то восточной или иной традиции. Ковер выступал символом единства и братства, мирного ведения беседы. Такую «формулу» встреч определил как-то князь Владимир Мономах (что зафиксировали летописи), когда предлагал во время одного из съездов гостям «сесть с братьями на едином ковре». Единый ковер становился единым сакральным

пространством, он уничтожал преграды и временно роднил или даже уравнивал тех, кто пришел на снем. Отказаться сесть или возлечь на общем ковре означало — несогласие или недоброжелательность.

Чем обычно завершались переговоры? Как правило, составлением какого-то документа, возможно даже, определенной грамоты — докончальной или иной (о чем мы поговорим позднее). Этот документ скреплялся подписями, иногда печатями, при этом действе присутствовали «послы» или «послухи», то есть — свидетели (как правило — очень именитые и приближенные к князьям люди, скорее всего бояре).

А в самом завершении, в знак более серьезного подтверждения правды происходящего, — целовали крест. Личное целование креста каждым князем после удачных переговоров было важнее, нежели подписание договора. «А на том крест целовали» — формула сия никак не могла быть нарушена. Хоть и сказано в Писании — «не клянитесь», но именно целование креста становилось заменой бывшей языческой клятвы, включая известные когда-то клятвы на крови, вроде ритуальных жертвоприношений.

Нарушение письменных договоров было делом частым и, можно сказать, вполне понятным (менялась ситуация или время — менялись и условия договоренностей). Но поступить против крестного целования — означало совершить настоящее предательство. И оно — крестное целование — было гораздо серьезнее любых бумаг, пергаменов или печатей, становилось поводом долгих распрей и даже войн, вплоть до уничтожения (подчинения) княжеств.

Известно, что договор можно было просто прервать или даже физически уничтожить, например, порвать (что довольно редко, но происходило), но, для того чтобы «снять крестное целование», иногда приходилось прибегать к вмешательству главного церковного иерарха — митрополита, который подписывал в связи с этим специальные грамоты. Яркий пример этому (один из многих) — более поздняя, начала XV века «грамота Псковичам о снятии с них крестного целования и об отмене уставной грамоты князя Константина Дмитриевича» (младшего брата князя Юрия Звенигородского), подписанная митрополитом Фотием.

Итак, после всех вышеприведенных процедур завершалась официальная часть княжеского снема. И наступала другая его «половина», едва ли не самая известная в истории.

Пир.

* * *

Важный и только что подписанный договор, а также крестное целование надо было как-то отметить. Потому и начинался настоящий праздник, сродни большому загулу. Вот откуда появились те самые былинные рассказы, которые сформировали у наших современников представление о княжеских собраниях как о больших торжествах, где столы ломились от снеди, а вино и мед текли рекой, в основном — «по усам, в рот не попадая».

На самом деле это не далеко от исторической правды. Если уж пиры «закатывались», то весьма внушительные. Иногда они длились днями, даже неделями. Вручались взаимные подарки (вплоть до лучших коней и оружия), произносились здравицы, бояре или известные ратники соревновались в количестве съеденного или выпитого. Качество праздника должно было соответствовать важности съезда.

В том самом 1374 году княжеский снем продолжался не одну неделю. Он собирался, с небольшим перерывом, дважды. Незаметно съезд-пир «перешел» в год 1375-й, где весной повторился. И, что довольно редко случалось, в числе гостей на переговорах были также главные представители Русской православной церкви.

Что же такое там могло происходить?

* * *

Дабы разобраться в этом, ответим, прежде всего, на первый вопрос: почему для снема русских князей тогда был выбран град Переяславль-Залесский?

Великое княжество Владимирское (Московское) раскинулось в разных направлениях от новой его столицы, приютившейся на берегу Москвы-реки. К северу с подмосковными землями соседствовал край Переяславский. Притоки Волги и Клязьмы, словно артерии и вены, испещряли живописные окрестности. Но главным природным центром края стало знаменитое озеро, похожее на море, именуемое также Переяславским, или, как принято было величать его в другие времена, — Плещеевым.

Название появившегося здесь города — Переяславля, ставшего затем на некоторое время столицей отдельного княжества, пришло с юга, когда некоторые города Киевской Руси вдруг получили одноименных двойников на Севере, в Залесье. В таком одинаковом наименовании старых городов был некий сакральный смысл. Так возникало ощущение, что Древняя Русь словно бы «переехала» из Киевских земель, сохранилась, ожила вновь, но уже в других местах. Собственно поэтому город у озера

величали двойным именем — Переяславль-Залесский, то есть — находящийся «за лесами» (чтобы не путать с южным «оригиналом»), а позднее буква «я» просто исчезла, в результате чего мы теперь знаем его как Пересланль.

Город у Плещеева озера был славен своей историей. Имя его также связано было с князем Александром Невским — победителем тевтонских рыцарей, что всегда придавало месту особую значимость.

На Руси этот край был известен еще и тем, что, во-первых, здесь добывали соль, а она была очень важным и отнюдь не дешевым продуктом потребления. Во-вторых — туг водилась знаменитая рыба, так называемая переяславская сельдь, которую вылавливали в большом изобилии из Плещеева озера.

Обряд-ритуал с «участием» местной рыбки был также связан и с торжествами восшествия на великокняжеский престол (а позже, вплоть до Петра I, — и на царский) в Москве, Традиция была настолько сильна, что спустя полтора столетия после описываемых нами событий обряд подробно описал Сигизмунд Герберштейн — германский императорский посол (знавший, видимо, толк в упомянутой им «немецкой» селедке). По окончании коронации, как замечал он, «подается последнее блюдо из особенной рыбы, которая ловится в озере, находящемся при городе Переславле. Эта рыба похожа на немецкую сельдь и имеет приятный и сладкий вкус… Причина, почему подают и едят ее после всего, должно быть, та, что все города в России имели своих собственных князей и государей, иногда отлагались от Москвы и были в ссоре с москвичами. А Переславль никогда не имел своих собственных князей, никогда не отлагался от Москвы и всегда был покорен князьям и в союзе с нею. Оттого-то на празднестве и едят они последнее кушанье из Переславля, чтобы дать понять, что, когда все города отлагались от великого князя Московского, Переславль стоял твердой и незыблемой стеной за него, никогда и не отложится от него, если только не принудит его к тому самая крайняя нужда и опасность».

Переяславль подарил русской истории известнейшие имена родовитых князей, таких как Плещеевы (от них, собственно, и название местного озера), Кошкины, Пагрикеевы, Всеволож-Заболоцкие, Замытские. Некоторые из них потом вошли в список избранных людей при дворе Московском. Известен этот край был и появившимся здесь еще в начале XIV столетия Горицким монастырем.

В 1372 году — буквально накануне описываемых нами событий — на Переяславль напал с большим войском Кейстут — брат великого князя Литовского. Сделал он это, будучи

союзником великого князя Тверского Михаила, находившегося в споре за великокняжеский престол с великим князем Дмитрием Ивановичем, будущим Донским. Затяжная осада города ни к чему не привела. Литовцы отступили.

Надо также сказать, что Переяславль исторически вообще удачно расположился на перекрестке важнейших дорог — с юга на север. Отсюда легко и быстро можно было проехать в главные центры тогдашней Руси: Владимир, Ярославль, Нижний Новгород и Кострому, в Углич, Белоозеро и даже в Галич Мерьский. Последнее обстоятельство станет не случайным в последующем нашем повествовании. А потому перейдем к рассказу о том, как переяславльской сельди довелось послужить всеобщей русской истории.

* * *

Местные жители еще летом 1374 года стали примечать странные события, которые происходили вдоль дороги от Москвы. А в первые месяцы осени большое количество отдельных воинских дружин, а также подводы, нагруженные разными яствами, подарками, бочонками, полными сыта, вина, меда, кваса, сикеры, пива, ола и березовицы, уже двигались с разных сторон по направлению к Переяславлю.

Великий князь Московский Дмитрий Иванович неожиданно пригласил некоторых русских князей в гости. Почему «некоторых»? Просто потому, что среди них были не только друзья и соратники, но и последовательные и непримиримые враги, которых приглашать было столь же не просто, сколь и почти невозможно.

Многие потом посчитают, что поводом для большого съезда послужило рождение 26 ноября в семье князя очередного сына — Юрия (третьего по счету, если не забывать еще одного, к тому времени уже покойного младенца). Однако рождение это произошло во время самого съезда, когда все уже собрались в Переяславле, а не до того. Следовательно, на первый взгляд произошло большое историческое совпадение, которое можно причислить к разряду символических и даже промыслительных.

И действительно, рождение младенца попало в точку. Великий князь Дмитрий Иванович вдруг решил на это событие пригласить если не всех, то многих. До него так поступали весьма редко. При этом приглашенные именитые гости даже не подозревали, что празднование крещения нового наследника окажется довольно длительным событием (продлившимся на

месяцы, и с повторами), постепенно превратится в реально большое собрание, на котором будут приняты важнейшие для Руси решения, повернувшие на сто восемьдесят градусов политику, военную историю и будущее страны.

Кто приехал на этот съезд? Сведений об этом немного. «С детьми, с бояре и с слугами» прибыл князь Дмитрий Нижегородский. С ним также приехали его родственники и супруга-княгиня. Это сообщение показывает нам, что с самого начала съезд в Переяславле готовился не просто как «переговорный» в обычном кругу князей-воевод. То было большое собрание княжеских семейств, включая ближайшую родню, а самое главное — княгинь, то есть жен властителей княжеств. Налицо стремление князя Дмитрия Ивановича не просто принять какие-то важные решения, но и сблизиться посемейному, с еще большим проникновением в совместные проблемы или нужды каждого союзного княжеского рода.

Известно, что на съезд точно не приехал великий князь Тверской Михаил Александрович. Ведь уже тогда он успел снова (после мира в начале 1374 года) перессориться с Москвой в борьбе за великокняжеский престол.

Мы уже знаем, что в снеме приняли участие митрополит Алексей и преподобный Сергий Радонежский. Но был ли там будущий митрополит Киприан, посланный в наши края из Византии? Увы, мы даже не ведаем — где он пребывал именно в это время. И вообще — находился ли он на самой Руси в дни съезда или был в Киеве, а может, — и в другом месте. Однако уже тогда крестный отец младенца Юрия — игумен Сергий Радонежский, скорее всего, поддерживал идеи Киприана, который проводил твердую политику влияния на Русь из Константинополя.

Исходя из решений съезда и последовавших за этим исторических событий, исследователи данного периода становления Московского княжества предполагают, что к Переяславльскому собранию могли (вероятно) иметь какое-то отношение киевский князь Владимир Ольгердович, князь черниговосеверский (а в 1374-м, возможно, носивший еще также титул князя брянского) Дмитрий Ольгердович, затем новый князь брянский Роман Михайлович, а также верховские правители княжеств Новосильского, Тарусского и Оболенского (их дружины примут участие в составе союзнических войск во время похода Москвы на Тверь). Все они были крайне заинтересованы в свободе от влияния и зависимости от Орды,

То, что град Переяславль у Плещеева озера в тот далекий год рождения князя-младенца Георгия имел отношение к имени князя

Александра Невского, — также имело большое символическое значение и было крайне важно для того момента.

Кстати, старинный град находился неподалеку от Троицкого монастыря, что по дороге на север от Москвы. Настоятелю Троицы — игумену Сергию Радонежскому — не составило большого труда прибыть на общую встречу.

Крестив младенца, как мы помним, нареченного в честь дня святого Георгия Победоносца — Юрием, он совершил не совсем обычное действо. Связывание себя с мирскими обязательствами, скорее, было исключением из правил (крестный отец — тем более для будущего князя — обязанность для игумена немалая). Но данный факт засвидетельствован в исторических документах.

Не исключено, что рядом с Сергием в Переяславле мог находиться подвизавшийся в этот момент Троицкой обители инок Савва — будущий преподобный Савва Сторожевский, Звенигородский чудотворец. Не случайно же впоследствии его жизнь будет так крепко связана с судьбой Юрия Дмитриевича, когда тот станет удельным князем Звенигородским.

Ну и конечно, была на съезде великая княгиня Евдокия, подарившая мужу чудного младенца. Град Переяславль-Залесский был для нее почти родным. Она провела здесь многие годы своего детства, когда жила еще у своих родителей — князей Суздальских. Можно сказать, что это был для нее второй дом, где ей было тепло и уютно, легко и приятно.

Вот почему, находясь в положении роженицы, великая княгиня отправилась в северный город, нисколько не задумываясь о каких-либо проблемах. Кстати, известно, что и позднее, в 1380-х годах, она будет покровительствовать Переяславлю и много здесь строить.

* * *

И еще раз — об итогах съезда князей 1374 года.

В процессе переговоров и празднования в Переяславле князья сошлись на том, что пора объединить свои силы против Золотой Орды. Мысли такие и раньше приходили многим из них в голову. Но это были всего лишь идеи, желания и не более. Теперь, когда в Орде властвовала смута, а правители менялись ежегодно и даже чаще, было самое время собраться с силами и попробовать впервые за сто с лишним лет показать собственную отвагу.

Именно с 1374 года, с этого символического праздника рождения и крещения Юрия Дмитриевича в Переяславле, можно говорить о первых крепких нитях, связавших несколько русских

княжеств воедино для борьбы с вековым ордынским игом. Была принята программа совместных действий, связанных с возможным прекращением выплаты дани Орде, а также с собиранием военных сил для совершения военного упреждающего удара по ордынскому войску, которое могло появиться в русских землях в связи с убиением посольства Сарайки в Нижнем Новгороде.

То была важнейшая веха в политической и военной истории Северо-Восточной Руси. Впервые в этом приняла участие и Литва, будучи заинтересована в защите от мамаевской части Орды, хотя и замыслившая возможность присоединения к себе Московских земель. В прямой зависимости от этого съезда и его идей, как мы уже говорили, был и произошедший военный поход 1374 года в Орду литовцев, отмеченный в летописях. Правда, почти в самый период работы съезда главного героя похода — князя Юрия Кориатовича «окормили» (то есть — отравили) его же соратники. Но это имело отношение не к переяславльским задумкам, а к политике Литвы.

Кстати, русским дружинам приходилось сражаться также и против своеобразного внутреннего врага — разбойников. И в первую очередь — против новгородской вольницы, так называемых ушкуев (или ушкуйников), которые были настолько сильны, что совершали набеги на города и полностью разоряли их. Например, в том же самом 1374 году, как писал историк С. М. Соловьев, «разбойники в 90 ушкуях пограбили Вятку; потом взяли Болгары и хотели зажечь город, но жители откупились, дав 300 рублей, после чего разбойники разделились: 50 ушкуев пошли вниз по Волге, к Сараю, а 40 — вверх… В 1375 году, в то время, когда великий князь Димитрий стоял под Тверью, новгородские разбойники на 70 ушкуях под начальством Прокопа и какого-то смольнянина явились под Костромою».

После съезда уже не страшны были перемены и в настроениях жаждавшего великокняжеского ярлыка Михаила Тверского. В Орде, в пику князю Дмитрию, решено было выдать его сопернику ярлык на великое княжество Владимирское. То есть по решению хана-царя Москва должна была подчиниться Твери. Ради получения такой грамоты князь Михаил Александрович отправил в Орду в марте 1375 года большое посольство. Сам же помчался к литовцам, дабы получить важного союзника против тех, кто собрался на съезде в Переяславле уже вторично, после ноября 1374 года.

Новая коалиция князя Дмитрия действовала быстро и согласованно. Поход и действия против Михаила Тверского были тщательно разработаны и спланированы на вновь собранном

снеме. Летом 1375 года, июля 13-го дня князь Михаил сумел получить вожделенный ярлык на великое княжение, резко порвал отношения с Москвой и начал войну. Но он даже не мог предположить — насколько Москва была к ней уже готова.

В кругу князя Дмитрия собралось столь небывалое количество союзников, что вряд ли кто мог тогда даже помыслить о соперничестве с ним. Предполагается, что в общем числе то были князья ростовские и ярославские, а также суздальско-нижегородский, серпуховской, городецкий, белозёрский, кашинский, стародубский, тарусский, новосильский, оболенский, смоленский, брянский. Включились даже новгородцы, у которых с Михаилом были свои, давние счеты.

И полутора месяцев не прошло, как Тверь вообще перестала выдвигать любые притязания на верховное правление. Мамай был еще слаб, а великий князь литовский Ольгерд — не готов выступить против такой силы. Войны не состоялось. Москва выиграла «битву» политическими методами и психологическим давлением, хотя и совершила поход в сторону неприятеля. Съезд 1374—1375 годов оказался на редкость удачным. Объединенные силы, которые возглавил князь Дмитрий Донской, представляли для князя Михаила столь великую силу, что он был вынужден почти сразу же подчиниться Москве. И даже ярлык, выданный ему ордынским ханом, — не помог. Он просто стал ему не нужен.

По договору и крестному целованию от 1 сентября 1375 года великий князь Тверской Михаил Александрович признал себя «молодшим братом» (то есть — подчиненным) великого князя Московского Дмитрия Ивановича. А главное — расписывался в том, что больше не будет претендовать ни на великое княжество Владимирское, ни на Москву, а вступит в коалицию с участниками съезда — против Орды и Литвы. Многолетним историческим притязаниям Тверского княжества на верховодство всей Русской землей наступил конец.

А год 1375-й завершился на первый взгляд незаметным событием — болгарин Киприан стал по решению Константинопольского патриарха Киевским митрополитом, и даже с правом принять на себя полномочия митрополита «всея Руси», каковым был на тот момент митрополит Алексий (это право он, правда, мог осуществить лишь после кончины самого Алексия), Таким образом, Литва потенциально все-таки выиграла спор с Москвой за митрополию, что повлияет в ближайшем будущем на ход русской истории.

* * *

Таким был тот памятный съезд русских князей. И он с самого начала был связан с именем родившегося в те дни князя Юрия…

Современными археологами было обнаружено каменное изваяние воина-змееборца, которое находилось в алтарной преграде появившегося как раз в то время Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Оно было установлено, по мнению некоторых исследователей, еще при игумене Андронике, в честь появления на свет в 1374 году великокняжеского младенца Георгия. На нем изображалась «борьба со змеем», со злом, что символически станет смыслом будущей жизни князя Юрия. Так действительность иногда напрямую бывает связана с некоторыми «предвидениями», появляющимися намного ранее.

Рождение младенца Юрия в Переяславле действительно стало своеобразным символом появления новых идей и новых перспектив. Ведь именно в эти дни были приняты самые главные решения по неподчинению Орде и борьбе с ней, например — решение о будущем походе в Булгарию, на земли хана-царя!

Такого еще год назад никто не мог даже предположить всерьез!

Поход этот был в реальности осуществлен чуть позднее, три года спустя. Ходила дружина князя Дмитрия Ивановича на Волжскую Булгарию. И что удивительно — спустя почти двадцать лет нынешний новорожденный Юрий повторит все это почти буквально: пойдет в Орду, на тех же булгар. И продвинется он территориально много дальше всех своих предшественников, предположительно добравшись до самых восточных городов Булгарии, то есть туда, куда не доходили ни прежние русские дружины, ни даже новгородские ушкуйники, бывавшие в камско-волжских землях с набегами не один раз.

Приведем еще один необычный исторический факт. На листе 74-м Троицкого списка Новгородской первой летописи (один из ранних документов, рассказывающий о той эпохе) мы находим запись о родословии русских князей («Роды руских [к]нязеи»). Прочтем самый ее конец.

«А Иван роди Ивана.

А Иван роди Дмитрея князя, той бо Дмитрии съсвещася самодържцем.

А Дмитрей роди Юрья».

Всё. На этом родословие заканчивается!

Упоминаются здесь князья Иван I Данилович Калита, Иван II Иванович Красный, Дмитрий Иванович Донской и его сын Юрий Дмитриевич, будущий князь Звенигородский и Галичский. И никого более.

Мы видим, что в текст включены только прямые наследники и преемники верховной власти на Москве. Но остается только догадываться — почему автор текста не упомянул старшего брата Василия, ставшего в реальности великим князем после Дмитрия Донского, а поместил здесь имя Юрия. Кроме этого — почему он вообще закончил список на Юрии, не продолжив его каким-либо следующим преемником? Похоже, что автор никого вообще более не принимал за реального преемника. Так ли это?

Во всяком случае, можно предположить лишь особую значимость имени князя Юрия для того, кто составлял важнейший документ русской истории, коим испокон веку считалась летопись. Ведь просто так на столь странную запись, изменяющую цепь родовой истории русских великих князей, никто бы не решился.

* * *

Таким образом, в ноябрьские дни 1374 года появившийся на свет Божий мальчик, наследник, младенец — буквально оказался «золотым», его рождение пришлось как никогда — к месту.

Во-первых — к общему княжескому съезду. Наследника сразу же с гордостью показали всем русским князьям, и они запомнили его имя.

Во-вторых — дата 26 ноября оказалась не простой, ребенок впервые подал свой глас на этом свете в день рождения своей матери, великой княгини Евдокии (она родилась также 26 ноября).

В-третьих, нарекли его именем Георгий (по дню рождения), а потому он всегда будет символически связан со своим тезоименитым небесным покровителем святым великомучеником Георгием Победоносцем (князь Юрий не будет знать ни одного поражения в битвах), ставшим позднее символом Москвы, Для некоторого «позитивного» восприятия его как личности со стороны современников — такое имя было очень важным символом.

И, наконец, в-четвертых, он был крещен самим преподобным Сергием Радонежским, в присутствии митрополита Московского Алексия.

Что еще можно добавить к такому перечислению фактов и имен, да и такому стечению обстоятельств?! Подобного рождения и крещения Русь, наверное, и не видывала. Мальчик казался и в самом деле — драгоценным и богоугодным.

Будущей надеждой великокняжеской семьи и Московского

престола!

Крестник Сергия Радонежского

Слышу о вас и о вашей добродетели.

Послание митрополита Киприана, 1378 г.

Епифаний Премудрый, из Жития преподобного Сергия:

«После ухода старца отрок внезапно постиг всю грамоту и чудесным образом изменился: какую бы книгу он ни раскрыл — он хорошо читал и понимал ее. Этот благодатный отрок, от самых пеленок познавший и возлюбивший Бога и Богом спасенный, был достоин духовных дарований».

* * *

Почему и для чего великий князь Дмитрий Иванович выбрал крестным отцом своему любимому сыну Юрию игумена из недалекого от Переяславля монастыря? Ведь к тому времени сам великий князь еще, видимо, не был столь близок к преподобному Сергию, да и не знал его уж слишком хорошо. Можно лишь предположить, что рекомендации для этого он получил не только от митрополита Алексия, но и возможно — от будущего митрополита Киприана, который уже влиял в то время на Русь и незаметно покровительствовал Сергию.

Жизненный путь основателя Троицкой обители неподалеку от города Радонежа к тому времени был мало кому известен, хотя слава о духовных подвигах его уже разнеслась по Московской земле.

Начиналось все так. Некоторое время назад отрок Варфоломей (будущий Сергий Радонежский) решил оставить родительский дом и найти себе пустынное место для проживания. Вместе с братом Стефаном он построил первоначально из дерева всего лишь маленький домик, именуемый кельей, с таким же миниатюрным храмом неподалеку — во имя Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него побеждать страх перед ненавистной раздельностью мира». Вокруг стоял вековой лес. Так основывались обычно монастыри на Руси. Варфоломей еще даже не был монахом, он принял постриг позднее от игумена Митрофана и только тогда получил имя Сергий (это произошло в день памяти мучеников Сергия и Вакха).

Тогда будущему настоятелю большой обители было 23 года. Прошли один за другим 1330-е, 1340-е. Брат оставил его, уехав в Москву. Можно представить себе, сколь непроста и даже опасна была жизнь в одиночестве, в лесу, в окружении диких зверей, в годы, когда битвы, моры и пожары просто сметали большую часть окружающего населения. Выживание становилось настоящей наукой, в том числе и духовной.

Однако в жизни все так и происходит. Если слух пошел — то его уже никак не остановишь. Окрестные жители прознали о поселившемся в лесу подвижнике. Сюда стали изредка приходить люди, знакомиться, разговаривать. Некоторые решили селиться неподалеку. Стали строить такие же кельи из дерева. Так поселение разрасталось.

В итоге получился новый монастырь, в котором братия уговорила Сергия принять настоятельство над ними. Он был рукоположен в священники, и епископ Афанасий из Переяславля назначил его игуменом. То были уже 1353—1354 годы.

В монастыре Сергия было принято решение, что иноков будет только двенадцать (видимо, по числу апостолов, хотя теперь предполагают даже некое ирландское влияние, где в обителях определялось наличие только такого количества монахов). И включить в число братии кого-то нового можно было только при условии, что один из двенадцати выбудет по той или иной причине.

Первое время жизнь монастыря была устроена по очень строгому уставу. Сергий постановил, что получать все необходимое для существования монахи могли только в результате своего собственного труда (в первую очередь — физического). Не возбранялось также приятие добровольно принесенных кем-то даяний. Однако прошение милостыни в любой форме пресекалось на корню.

Нестяжательство и отсутствие стремления к богатству, к владению землей или собственностью было важнее. Сильный духом и довольно мощный телом Сергий стал образцом для подражания и примером для своей братии. Он показывал уникальный пример постоянного трудолюбия. Если надо было, то он выпекал хлеб, не гнушался ношением воды и рубкой дров, пошивом одежды и обуви. Мог даже прислуживать братии. При этом, как указывают источники, питался он лишь хлебом и водой.

Но времена менялись и в обители также происходили перемены. Сюда стали приезжать не просто паломники, но и весьма родовитые, известные и пользующиеся высоким положением в обществе того времени люди.

Постепенно Сергий стал принимать в монастырь всех

желающих, правда, только после определенных испытаний. Среди таких новых обитателей могли оказаться и малоизвестные люди, но также и состоятельные вельможи, включая бояр, воевод и даже князей. Вольно или невольно они обогащали монастырь, как в материальном плане, так и в установлении связей с реальным миром, политикой отдельных княжеств и даже государства в целом.

Слава и почитание Сергия росли. Однако в это время он предпринял свою знаменитую реформу монастырской жизни, которая чуть не повлекла для него потерю игуменства в основанной им обители.

К этому времени слух о подвижнике Сергии дошел до Константинополя. Патриарх Филофей, активный сторонник распространения «общежительного» устава в жизни православных монастырей, предложил игумену Троицы ввести новый порядок у себя в обители. Для подтверждения своего участия и внимания к преподобному патриарх прислал ему крест с мощами, а также письмо-грамоту, в котором благословил его на введение новшества. «Совет добрый даю вам, — так писал первосвятитель Вселенской церкви Сергию, — чтобы вы устроили общежительство». Неожиданно было и то, что патриарх не отправил такой же совет в уже известные и давно существующие монастыри на Руси. Он обратил внимание на нового игумена и его братию, предполагая, что они смогут стать проводниками нового византийского влияния на Москву. И, как мы увидим далее, патриарх не ошибся.

Что значило введение общежития для тех, кто, собственно, жил в монастыре? Формула была проста: «Ничто же особь стяжевати кому, ни своим что звати, но вся обща имети». По сути — происходила полная перемена в жизни каждого инока. Если до этого он имел какое-то собственное личное имущество (пусть даже и минимальное), какое-то собственное жилье (те самые домики-келейки вокруг деревянного храма Троицы), то теперь он должен был отказаться от всего. Имущество монастыря и каждого в отдельности становилось общим, как и становились общими — трапеза, ведение хозяйства и многое другое. Теперь уже не могло произойти, например, такого события, какое было с самим Сергием в его же монастыре. Однажды он остался без еды и, чтобы заработать себе пропитание, три дня пилил дрова для… одного из монастырских старцев, который, как указывается в источнике, расплатился с ним «решетом хлебов гнилых». Общий хлеб и стол в правилах «общежительства» теперь означали невозможность оставить голодным никого из братии.

Такие перемены были неожиданными и непривычными. В

условиях довольно жесткого выживания, когда жизнь человека почти ничего не стоила, вдруг еще и отказаться от всего — вплоть почти до самых мелочей. Такое понять, а уж тем более выдержать не каждый был способен. Вот почему среди братии началось брожение, которое закончилось тем, что Сергию пришлось даже на время удалиться из своей Троицкой обители. Он уже решил основать другую — неподалеку. Поддержал в эти дни преподобного Московский святитель — митрополит Алексий, который строго настоял на том, чтобы братия подчинилась своему игумену — Сергию Радонежскому, и вернул его обратно в Троицкий монастырь.

Митрополит Алексий, как мы уже знаем, предполагал передать Московскую кафедру Сергию, не видя иного преемника на важнейшем для того времени посту. Известно, что Троицкий игумен отказался и от перемены черных монашеских одеяний на богато украшенные митрополичьи, и от подаренного ему Алексием золотого креста, объявив: «Я от юности не носил золота, а в старости тем более подобает мне пребывать в нищете».

В наступившем к тому времени 1374 году произошла важнейшая для преподобного Сергия и князя Дмитрия Донского встреча на съезде в Переяславле. Можно быть уверенным в том, что участие Троицкого игумена и митрополита Алексия не ограничивалось только церковными проблемами (в первую очередь — вопросом преемственности в митрополии), а также крещением младенца Юрия. Конечно, они участвовали в главных переговорах по стратегическим вопросам единения русских княжеств перед лицом новых угроз, в частности, возможного карательного похода на Русь темника Мамая после убийства его посольства в Нижнем Новгороде. Одних прагматических выводов явно не хватало. Необходимо было воодушевление, духовное обновление, чтобы понять важность предстоящих преобразований. Хотя вполне вероятно, что преподобный Сергий в это время исполнял просьбу отсутствовавшего Киприана — не забывать о важности влияния на светские решения церковных иерархов, включая еще не ослабший тогда Константинопольский патриархат.

В 1375 году, после повторного княжеского съезда в Переяславле, где решались вопросы похода на Тверь, вдруг тяжелый недуг охватил преподобного старца. Возвратившись в свою Троицкую обитель, Сергий Радонежский слег. Никоновская летопись повествует: «Того же лета болезнь бысть тяжка преподобному Сергию игумену, а разболелся и на постеле ляже в Великое говение на второй неделе, и нача омогатися и со одра воста на Семень день, а всю весну и все лето в болезне велице

лежал». Текст дает нам понять, что Сергий пролежал почти полгода — с середины марта по начало сентября 1375 года!

Что случилось? Летописи не рассказывают о каких-либо эпидемиях в это время. В прошлом, 1374 году был большой «мор», затронувший и Орду Мамая, где погибло немало людей. А в лето болезни Сергия ничего, кроме большой засухи и обмеления рек, не отмечено. Правда, за время его лежания произошло большое столкновение Москвы с Тверью, начавшееся как раз в марте и закончившееся именно в первых числах сентября, когда Михаил Тверской присягнул мирному договору с князем Московским, текст которого был написан под диктовку Дмитрия Ивановича. Удивительное совпадение…

* * *

Ситуация, которая складывалась в церковных делах конца 1370-х годов, была неопределенной. Князь Дмитрий Иванович был человеком «горячим», многие вещи он предполагал или делал самостоятельно, не всегда советуясь с иерархами церкви, особенно с патриархом из Византии.

После кончины близкого князю митрополита Алексия Дмитрий решил поставить на митрополичью кафедру своего человека, не следуя константинопольским указаниям. Особенно когда узнал о том, что митрополитом Киевским с возможным подчинением ему в дальнейшем епархий всей Северо-Восточной Руси стал болгарин Киприан.

Дмитрий выдвинул на этот пост своего кандидата, собственного духовника — коломенского священника Михаила. В истории он известен по имени Митяй (так несколько пренебрежительно он назван в известной древнерусской «Повести о Митяе»). Даже митрополит Алексий дал согласие на то, чтобы выдвинуть княжеского любимца в качестве кандидата и отправить Митяя на утверждение в Константинополь, хотя и не спешил с утверждением его приоритета.

Кто такой был этот Митяй? Последователи будущего митрополита Киприана не очень любили о нем вспоминать. Но в Рогожском летописце мы находим весьма серьезную характеристику этого необычного и, возможно, незаслуженно приниженного в летописях человека. «Возрастом не мал, телом высок, плечист, рожаист, браду имея плоску и велику и свершену, словесы речист, глас имея доброгласен износящь, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд, всеми делы поповскими изящен и по всему нарочит бе. И того ради избран

бысть изволением великого князя во отчьство и в печатники. И бысть Митяй отець духовный князю великому и всем боярам старейшим, но и печатник, юже на собе ношаше печать». Оказывается, он был духовником великого князя и его ближайшего окружения! Причем это длилось много лет, включая его монашество, когда он был архимандритом Спасского монастыря в Москве. Хотя одним из аргументов против его кандидатуры на избрание митрополитом было как раз отсутствие иноческого опыта.

Наступил год 1378-й, а за ним— 1379-й. Тогда произошло сразу несколько событий, ключевых для Русской православной церкви, а также для крестного отца князя Юрия — преподобного Сергия Радонежского.

Во-первых, как мы уже говорили, скончался митрополит Алексий. Теперь Киприан, который был близок Сергию, мог по праву взять церковное правление в Москве. Так распорядился еще несколько лет назад Константинопольский патриарх.

Во-вторых, Киприан решил прибыть непосредственно в Москву, дабы объявить князю Дмитрию Ивановичу о своих правах на митрополию. И тогда произошла его ссора с великим князем, да столь сильная, что о ней источники упоминали даже по истечении десятилетий.

Однако, в-третьих, сам князь Дмитрий почти окончательно принял другое решение (и его некому было остановить, ведь митрополита Алексия уже не было) — сделать главным иерархом на Москве — Митяя.

В-четвертых, в Константинополе появился новый патриарх — Макарий, который поддержал идею князя Дмитрия и пригласил Митяя в столицу Византии для рукоположения.

И, наконец, в-пятых, Митяй отправился в долгий путь на юг, но пока он ехал в Константинополь, патриарха Макария низложили. Они так и не смогли встретиться, хотя посланник Москвы уже был у стен великого Царырада. Не успев въехать в него, коломенский священник неожиданно скончался. Никоновская летопись прямо утверждает, что Митяй — друг и соратник князя Дмитрия Ивановича — был убит. Отравлен? Или, быть может, зарублен мечом? Мы не ведаем.

Новый патриарх избрал митрополитом на Москву другого человека — Пимена, как считалось позднее, по предъявленным им подложным документам. Но и Киприан продолжал отстаивать свои права. Ни того ни другого митрополита великий князь Московский Дмитрий Иванович к себе не принимал и даже в столицу не впускал. Таким образом, Русь вступила в 1380 год и победила в Куликовской битве, имея… не одного, как положено, а

двух митрополитов, при этом — отсутствовавших в самой Москве.

* * *

Все эти сложности, всё возникавшее «напряжение» умело снимал лишь один человек — преподобный Сергий Радонежский. К этому времени он сыграл важнейшую роль духовного устроителя, мудро решая многие вопросы общерусского церковного устройства.

Ему приходилось непросто. Чего только стоят послания Киприана, которые он направлял преподобному Сергию в 1378 году, когда у него произошло упомянутое нами столкновение с не принявшим его в Москве князем Дмитрием Ивановичем, который для выдворения претендента на митрополичий престол (хотя по предписанию Константинополя уже не претендента, а местоблюстителя) применил даже физическую силу.

Когда митрополит Алексий скончался, Киприан немедленно отправился в столицу Московского княжества, дабы личным присутствием и документами засвидетельствовать свои права на звание митрополита. Причем сделал это безо всякого приглашения, явочным порядком, что крайне не понравилось князю Дмитрию.

В первом своем послании Сергию (июнь 1378 года) Киприан пишет: «А еду к сыну своему, ко князю к великому на Москву. Иду же… мир и благословение нося. Аще неции о мне инако свешают, аз же святитель есмь, а не ратный человек. Благословением иду, яко же и господь, посылая ученики своя на проповедь, учаше их, глаголя: “Приемляй вас мене приемлет”. Вы же будите готови видетися с нами, где сами погадаете. Велми жадаю [стремлюсь] видетися с вами и утешитися духовным утешением». А уже во втором он подробно рассказывает Троицкому игумену все, что случилось с ним в Москве. Это один из интереснейших документов эпохи, подтверждающий неординарность событий, которые потом во многих летописных документах отражались более сглаженно и не столь эмоционально,

«И нынече поехал есмь, — пишет Киприан, — был со всем чистосердечием и з доброхотением к князю великому. И он послы ваша разослал мене не пропустити и еще заставил заставы, рати сбив и воеводы пред ними поставив, и елика зла надо мною деяти — еще же и смерти предати нас немилостивно — тех научи и наказа же. Аз же, его безъчестия и души болши стрега, иным путем пройдох на свое чистосердие наделся и на свою любовь, еже имел есмь к князю великому, и к его княгини, и к его детем…

Хулы, и надругания, и насмехания, грабления, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго. И от тоя ночи студени и ныне-ча стражу».

Князю Дмитрию не по нраву пришлось то, что Киприан сначала поехал в Литву, а не на Москву. Влияние же Византии в этот момент на его политику было самым минимальным. Возможно, что он его тогда даже и не хотел. Потому досталось и приехавшему Константинопольскому посланнику, который обращался к Сергию, видимо, с надеждой, что тот сможет замолвить о нем слово князю. Хотя по тексту второго послания мы видим, что дело дошло даже до проклятий.

«Которую вину нашел есть на мне князь великий? — возмущается митрополит. — Чим яз ему виноват или отчине его? Яз к нему ехал есмь благословити его, и княгиню его, и дети его, и бояр его, и всю отчину его, и жити ми с ним в своей митрополии, как и моя братия с отием его и з дедом с князьми великими». За неприятие его Киприан сулил князю очень суровое наказание. Наставал момент, когда могли прекратиться всякие связи Москвы и Византии. Киприан писал: «Слышите же, что глаголеть сбор снятый, иже Пер-во-вторый именуемый, събравшися в храме Божий Слова Премудрости, рекше в Святей Софии. Глаголеть бо того сбора святаго правило 3-ее сине: “Аще кто от мирьскых, огосподився и преобидев убо божественых и царскых повелений, преобидев же и страшных церковных обычаев и законоположений, дерзнеть святителя кого бити, или запрети — или виною, или замыслив вину, — таковый да будет проклят”». Ссылаясь на давние устоявшиеся традиции, Кипри-ан приходит к собственному неутешительному выводу: «А понеже таковое бещестие възложили на мене и на мое святительство, — от благодати, даныя ми от пресвятыя и живоначалныя Троица, по правилом святых отец и божественых апостол, елици причастии суть моему иманию, и запиранию, и бешестию, и хулению, елици на тот свет свешали, двоудушь отдумени [да будут отлучены) и неблагословении от мене, Киприана, митрополита всея Руси, и проклятии, по правилом святых отец! И хто покусится сию грамоту сжеши или затаити, и тот таков».

Спасти ситуацию мог только тот, кому письмо было адресовано. Преподобный Сергий Радонежский. Что он и сделал в дальнейшем.

Как и продолжил свою отеческую духовную заботу о крещеном им чаде — младом князе Юрии Дмитриевиче.

Родители: князь Дмитрий и княгиня Евдокия

Сии славный ом славных рожеся,
благородные от благородных…

Митрополит Иларион.
«Слово о законе и благодати»

Из летописи Троицкой: *«В лето 6874 (7366)… месяца генваря в осемнадцатый день, на память святых отец наших Афанасия и Кирила, в неделю промежу говенеи, женился князь великий Дмитрей Ивановичь, у князя у Дмитрея у Костянтиновина у Суждальскаго, поял за ся дщерь его Овдотью, и бысть князю великому свадьба на Коломне».*

* * *

В истории великих князей Древней Руси едва ли встретится такая семья, в которой родился и вырос будущий князь Юрий Дмитриевич. И не только потому, что родители его оставили свой след в истории, совершив множество деяний, которые хорошо известны, но еще и потому, что оба они признаны святыми Русской православной церкви. А потому мы можем прочитать о них не только исследования специалистов-историков, но также и Жития, которые напоминают нам о духовной стороне их земного бытия. В Житиях этих отец Юрия именуется как «Дмитрий Донской, благоверный великий князь Московский», а его матушка — как «Евфросиния преподобная, в миру Евдокия, великая благоверная княгиня Московская».

Не случайно супруги названы в Житиях «благоверными» (греч. ενσεβής). Так принято величать православных святых, которые были в миру монархами (в данном случае — великими князьями) и отмечены Церковью за жизнь праведную, не будучи мучениками или страстотерпцами. Например, к им подобным русская история относит также известных князей Александра Невского, святого Владимира и княгиню Ольгу.

Благоверные Евдокия и Дмитрий волею новейшей истории нашей страны лежат нынче в одном соборе Московского Кремля — в Архангельском. О том, как мощи великой княгини могли оказаться в храме, где хоронили только особ «мужескаго пола», —

мы уже отчасти рассказали в самом начале этой книги. Однако здесь требуются некоторые дополнения.

Когда скончался Дмитрий Донской, Евдокия построила в Москве в память о нем церковь Рождества Богородицы, которая стала храмом для женской половины великокняжеской семьи. Так она отметила еще раз победу мужа на Куликовом поле. Сегодня, если посмотреть на Кремль со стороны Моховой улицы, то на фоне Большого Кремлевского дворца можно увидеть едва заметную золоченую главку этого уникального и чудом не тронутого во времена лихолетья тридцатых годов прошлого века храма.

Она возведет также новый Вознесенский монастырь в Кремле, тот самый, где будут затем хоронить русских княгинь, великих княгинь и цариц, вплоть до эпохи Петра I, то есть — до начала XVIII столетия. А их мужья и братья нашли свое упокоение в кремлевском соборе Архангела Михаила.

Пересеклись они уже в XX веке. После того как в 1929 году была полностью разрушена обитель, основанная вдовой князя Дмитрия Донского. Советская власть решила построить на этом месте новые сооружения. Впрочем, они стоят там и по сей день. Архитектор И. Рерберг на месте обителей возвел здание «сталинского классицизма», где располагались и располагаются отдельные органы управления страной.

Но тогда, в 1929-м, группе ученых — сотрудников кремлевских музеев чудом удалось спасти некоторые останки и перенести их в подклеть — подвальные помещения Архангельского собора. Они находятся там и по сей день. Рассказывают, что, когда несколько человек стали поднимать саркофаг преподобной Евдокии, он неожиданно раскололся. Ведь он был фактически самым древним из здесь оставшихся. Обнаружили остатки ее кожаного монашеского пояса, украшенного тиснеными изображениями двунадесятых праздников с подписями…

Как мы уже говорили, после переноса праха княгинь в Архангельский собор произошло нечто необыкновенное: соединились под одной сенью почти все родственники великокняжеской семьи. Под крышей единого храма лежат теперь мощи Дмитрия Донского и Евдокии Суздальской (в монашестве — Елизаветы), их детей Василия, Юрия, Андрея и Петра, все, что осталось от праха и надгробий их невесток — жены Василия Софьи Витовтовны и супруги Юрия Анастасии Смоленской. Также мы найдем здесь упоминание о внуках князя Дмитрия и Евдокии — Василии Васильевиче Темном и Дмитрии Юрьевиче Красном.

Так распорядились время и люди. Жаль, что и по сей день

никто, кроме отдельных специалистов, не имеет возможности попасть в помещение, где находятся останки из женского монастыря Кремля. Однако желающие уже могут прийти и поклониться мощам великой княгини Московской — благоверной Евдокии, после их недавнего перенесения из подклети в придел храма.

* * *

Но вернемся к более подробному рассказу о родителях князя Юрия.

Что же совершили они — Дмитрий и Евдокия — раз поминаются и как великие исторические личности, и как благоверные святые? Чем же так «повезло» князю Юрию, что он обрел отца и матерь, слава которых разошлась тогда по всей Руси, да и сегодня — жива как никогда?

Первоначально поговорим о великом князе Дмитрии Донском.

* * *

Родился отрок Дмитрий, как предполагается, в 1350 году, октября в 12-й день. Отец его — князь Московский Иван Иванович Красный — был второй раз женат на княгине Александре Ивановне. Дед — великий князь Иван Данилович Калита — известен был всей Руси.

До сих пор мы очень мало знаем о детстве Дмитрия. Даже позднее произведение — «Похвальное слово», где рассказывается о его житии, ничего не проясняет — в каких условиях рос отрок, проявлявший очень сильную тягу к участию в любых событиях своего времени. Известно, что, когда ему исполнилось три года, на Русь пришла эпидемия чумы. Тогда скончались митрополит Феогност, великий князь Московский Симеон Иванович (дядя Дмитрия) и два его маленьких сына. По этой причине княжеский престол Владимирский и Московский неожиданно перешел к Ивану Ивановичу Красному.

Отец Дмитрия не успел показать все свои государственные таланты. Он удачно общался с соседями и с Ордой, укреплял свое княжество. Даже в период знаменитых ордынских дворцовых переворотов он умел отстоять собственное право на власть.

Быть может, именно сильный характер спас князя Дмитрия Ивановича в трудные годы, когда он, будучи еще совсем

мальчиком, осиротел. По всей видимости, очередная эпидемия («моровое поветрие») в Москве 1359 года унесла с собой и его совсем еще молодого отца. В девять лет управлять государством да еще решать проблемы сложнейших взаимоотношений с другими княжествами, а в первую очередь — с Ордой?! Не простое занятие.

Но Дмитрий мог с этим справляться исключительно потому, что рядом с ним находился его наставник и воспитатель — митрополит Алексий. Поставленный руководить церковными делами «всея Руси», он много помог в свое время и отцу князя. А теперь поддерживал мальчика в трудную минуту.

Можно предполагать, что вокруг отрока было много и других способствовавших ему людей, в частности бояр. Одно имя известно, то был тысяцкий Василий Вельяминов, много сделавший для князя добрых дел. Поразительно, что мы не имеем сведений ни о каких внутренних смутах или неопределенностях в Московском княжестве в период, когда Дмитрий был еще столь молод. Духовный пастырь — Алексий — воспитывал юного князя, и, видимо, именно он вкладывал в его разум и сердце сокровенную мечту — об освобождении Руси от тяжелого владычества Орды.

Благодаря такому покровительству князь Дмитрий с десятилетнего возраста начинает отстаивать свои права на великое княжение Владимирское. На протяжении нескольких лет ему придется сталкиваться на этой почве с Суздальским князем Дмитрием Константиновичем. Власть с переменным успехом переходила из рук в руки. Орда первоначально благоволила Суздалю (ведь дань удобнее было брать не с мальчика, а со взрослого человека, с которым можно было разумно договориться). Но «мальчик» с посольством отправился в саму Орду. Переговоры проводились долго, с не простыми и разными правителями. И ничего могло бы не получиться, если бы не будущее упорство теперь уже мужающего юноши. В 1362 году, в знаменитом граде Владимире, в Успенском соборе, 12-летний отрок будет венчан на великое княжение.

Дмитрию Ивановичу удалось-таки позже помириться с Дмитрием Константиновичем. Не просто устроить мир, а даже породниться. Он женился на его дочери, совсем юной княжне Евдокии. Так прекратились все споры и разногласия. Летописи отметили венчание и пышную свадьбу, которую сыграли в граде Коломне, в княжеском дворце.

Построив каменный Кремль в Москве, Дмитрий затем отразил два очень сильных нападения со стороны Литвы в 1368 и 1370 годах. А чуть позднее ему пришлось вступить в долгую

борьбу с зятем литовина Ольгерда — Михаилом Александровичем, великим князем Тверским.

К тому времени князь Дмитрий Иванович окончательно вырос, окреп и возмужал. Он превратился в настоящего правителя (17 лет — это был зрелый возраст для того времени). Современники отмечали его самостоятельность в обсуждении важных проблем и решительность в практических действиях. Уже в 1373 году он взял под контроль берега реки Оки, поставив «засеченные» стражи на ее бродах.

А к упомянутому нами году 1374-му он уже был полон самых великих планов, осуществить которые возможно было только в общем единении. Время междоусобиц и князей-одиночек прошло. Разумные правители понимали, что великие дела могли решаться только великими силами.

Впереди у князя Дмитрия были славные победы на реке Воже и на поле Куликовом. До них оставалось лишь несколько лет…

* * *

Великая княгиня Евдокия по Житию родилась в 1353 году и, как мы помним, — «день в день» с будущим ее сыном Юрием — 26 ноября. Родители Евдокии были именитые — великий князь Суздальский Дмитрий Константинович и Василиса Константиновна, княжна Ростовская и Борисоглебская.

Небольшого роста (теперь известно, что не более 155 сантиметров), юная красавица, нареченная «Благоволением» (на греческом — Евдокия), была хорошо знакома с митрополитом Алексием и племянником Сергия Радонежского — Федором. А позднее станет духовной дочерью и еще одного важного для нашего повествования подвижника — преподобного Саввы Сторожевского.

Образована она была еще с детства, и весьма изрядно. Князь Дмитрий Константинович Суздальский покровительствовал образованности и тщательно вел летописание всех событий. Именно благодаря ему и его задумкам появилась и сохранилась для нас знаменитая Лаврентьевская летопись (от имени монаха Лаврентия, ее переписавшего), помогающая ныне восстановить последовательность событий той эпохи.

Когда брак с Московским князем Дмитрием Ивановичем состоялся, а случилось это в году 1366-м, невесте было всего 13, а жениху — 15 лет. Жили они счастливо, и детей у них было много. Правда, не все они рождались крепкими и здоровыми. Но зато это были мальчики — наследники.

С первенцем, например, супругам не повезло. Появившийся на свет в 1369 году Даниил (назван в честь князя Московского и, как предполагается, также крещен Сергием Радонежским) быстро скончался. Зато второй и третий сыновья — Василий и Георгий — составили славу русской истории.

Почти через год после свадьбы — в 1367-м — молодой муж как раз словно подарил жене новый каменный Кремль в сгоревшей дотла от неожиданного пожара Москве. Крепость была хоть на славу. Благодаря ей москвичи смогли сдержать два последовавших быстро набега со стороны литовцев. Такого рода укрепление давало защитникам больше надежды, а князю — уверенности в завтрашнем дне. Москва стала одним из образцов того, как надо было выстраивать государственные дела.

Как, впрочем, примером для тех, кого волновали вопросы — как скреплять семейные узы. «Любящего душа в теле любимого… Двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь. Так же и Димитрий имел жену, и жили они в целомудрии» — так описывает современник этот брак, ставший образцовым для многих поколений княжеского рода.

У Спасских (тогда Фроловских) ворот нового Кремля Евдокия встречала русское войско, вернувшееся с победой после сечи на поле Куликовом, и своего супруга, прозванного с тех пор Донским. А через два года она чуть было не попадет в плен к ордынцам. Хан Тохтамыш спешил к Москве, чтобы разорить ее. Евдокия только что родила сына Андрея и едва успела покинуть столицу, чтобы попасть к супругу в Кострому.

Известно, что враги, завидовавшие ее счастью, распускали еще при жизни слухи о ней, что во вдовстве она не всегда была «честна». Житие Евдокии рассказывает, что сплетни эти «смутили» даже ее сыновей. И вот тут ей пришлось единственный раз в жизни открыться перед людьми. Предание поведало нам так: она собрала детей и показала, как под дорогим великокняжеским нарядом она носит тайно вериги: она давно уже приняла обет монашества. «Узнайте, дети мои, истину, — воскликнула вдова Дмитрия Донского, — и да не смущают вас несправедливые обо мне клеветы». Увиденные детьми «очернелое от трудов тело» и «прильнувшая к костям плоть» поразили их так, что они бросились просить у матери прощение и как будто бы услышали мудрые слова, зафиксированные летописцем: «Не верьте внешнему. Один Бог есть судья дел человеческих».

При ее участии произошло чудо 1395 года, когда страшное войско Тамерлана не пошло на Русь. Ведь именно Евдокия послала гонцов во Владимир, чтобы принесли срочно чудотворную икону Владимирской Божией Матери, которая, по

летописи, будучи привезена в Москву, защитила ее от ворога, о чем мы подробнее расскажем в дальнейших главах книги. В память об этой встрече иконы в Москве был основан Сретенский монастырь, что ныне на Лубянке.

Не случайно народ признал в Евдокии святую. Канонизирована она была вместе со своим мужем Дмитрием Донским.

Уже в XX веке, когда в конце 1920-х годов были потревожены останки великих княгинь в Московском Кремле и мощи многих из них были перенесены из разрушаемого тогда Вознесенского монастыря в Архангельский собор, произошло вскрытие могилы благоверной княгини Евдокии — инокини Евфросинии. В саркофаге ее, как мы уже говорили, обнаружили обрывки кожаного монашеского пояса, на котором удалось рассмотреть тисненые иконописные изображения православных двунадесятых праздников, включая некоторые к ним надписи. Неправедные действия властей по вскрытию могил, однако, дали возможность исследователям русского средневекового монашества получить свойственную той эпохе редчайшую деталь одеяния ушедшей от мира правительницы Руси. То, что можно было рассмотреть в уникальных случаях разве что только на книжных миниатюрах, теперь появилось через века в виде реальной, не истлевшей от времени вещи.

Такие родители были у будущего великого князя Юрия Дмитриевича.

И они выбрали ему имя, являвшееся, как мы уже говорили, очень важным для каждого жителя Древней Руси.

Святой Георгий — небесный покровитель отрока

На Руси — два Егория,
один холодный, другой голодный.

Пословица

Из повести XIII века «Чудо Георгия о змие»: *«Около города этого было большое озеро, весьма полноводное. По вере и по делам их воздал им Бог: появился огромный змей в этом озере и, выходя из озера того, жителей города этого поедал. Некоторых свистом своим умерщвлял, других же, удушив, утаскивал в озеро. И была скорбь великая, и план неутешный в городе том из-за этого зверя».*

* * *

Почему на Руси так почитали святого Георгия, называя его по особому — Егорием Храбрым? Имя Юрия также было одним из самых популярных в княжеских кругах.

Почти в каждой семье (от князей великих до удельных, включая бояр) можно было найти мальчика, который носил такое имя.

Напомним, что, по Житию, великомученик Георгий скончался в 303 году от Рождества Христова. Он был родом из Каппадокии (ныне — средняя часть Турции). Когда вырос, Георгий стал хорошим воином, а затем — полководцем и любимцем тогдашнего императора — Диоклетиана, того самого, который прослыл затем одним из преследователей христиан. Воин Георгий выступил в их защиту, крестившись в христианскую веру. За что император приказал подвергнуть его ужасным пыткам, а затем — отрубить ему голову.

Великомученика Георгия позднее стали называть Победоносцем, в первую очередь за его мужество и духовную победу над гонителями. В иконописи его изображали в виде воина на коне, поражающего змия копьем. Этот «древний змий» символизировал собой все самое темное, что могло окружать человека еще с библейских времен. Очень известным сюжетом в Древней Руси был рассказ «Чудо Георгия о змие», а затем — икона с таким же названием. Благодаря святому, как считалось, возможно было преодоление языческих представлений о мире и борьбе с идолопоклонством, которое еще долгое время

существовало в русских землях. С копьем в руках и на коне — святой Георгий стал со временем и покровителем воинства.

Может быть, поэтому он считался покровителем известных русских князей, тезоименитых святому. Ярослав Мудрый при крещении принял имя Георгия, а затем основал град Юрьев, новгородский Юрьев монастырь и одноименный храм в Киеве. Эту церковь освятил 26 ноября 1051 года митрополит Иларион. Потому и стали по традиции отмечать «Юрьев день» («осеннего Егория») как важный церковный праздник. Именно в этот день (напомним еще раз) довелось появиться на свет князю Юрию Звенигородскому и его матери — княгине Евдокии.

Известно, что из семи имен всех сыновей Дмитрия Донского часть совпадает с теми, что дал своим сыновьям князь Семен Иванович (это —Даниил, Василий, Семен, Иван и Константин). Исключая Михаила — видимо, из-за нелюбимой Твери (там «Михаилами» называли в первую очередь). Но Юрий — это было крестное имя самого Ярослава Мудрого, которого первым среди великих князей Киевских величали царем!

К наиболее известным русским князьям, носившим имя святого, можно отнести Юрия Долгорукого, основавшего Москву, великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, погибшего в битве при реке Сить, и сына святого Даниила Московского, внука святого Александра Невского, первого на Москве великого князя — Юрия Даниловича.

Когда в России, спустя столетия, были учреждены Георгиевские кресты — самые почетные награды за реальные боевые заслуги, то «Юрьев день», приходившийся на 26 ноября (9 декабря по новому стилю), стал также важным праздников у всех русских воинов.

Память об этом дожила и до последних времен. Это хорошо отразила поэт Анна Ахматова, посвятившая стихи сыну («Колыбельная»), после того как ее муж — русский офицер Николай Гумилев (позднее расстрелянный большевиками) был в 1915 году награжден крестом Святого Георгия.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.
Было горе, будет горе,
Горю нет конца.
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

Под именем Егория святой считался также покровителем скотоводства и земледелия. В весенний день его памяти — 23 апреля (6 мая — по новому стилю, день гибели великомученика) происходил обычно первый выгон скота в поле. Животных сгоняли в стадо и, обойдя его с иконой Георгия, отправляли в поле. «Сей рассаду до Егория, будет капусты доволе!» — гласила сельская поговорка.

Не стоит забывать и о том, что великомученик Георгий Победоносец в виде всадника, поражающего копьем змия, позднее стал гербом Москвы и был включен в герб государства Российского. Однако о времени появления этого символа, а также об изображениях святого на русских монетах мы поговорим в одной из следующих глав («Загадки князя Юрия», «Древние монеты и герб Москвы»*), ибо здесь кроются удивительные тайны, о которых ученые стали говорить не так давно.

Для князя Юрия Дмитриевича его имя стало в жизни более чем символическим. О чем мы и расскажем далее.

Мечты и планы юного правителя

России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов…

А. С. Пушкин

Из «Сказания о Мамаевом побоище» (начало XV века): *«От навождения диаволя вздвижеся князь от восточная страны… еллин сын верою, идододжрец и иконоборец, злый христианский укоритель».*

* * *

Юный князь рос быстро. Как это было принято — участвовал во всех главных событиях, происходивших на Московском княжестве. Вместе с наставниками — опытными боярами — был сведущ во всем, ведь нужно было набираться опыта для будущего умения управлять.

В феврале 1378 года, «в заутреннюю годину», скончался святитель Алексий, митрополит Московский. Это было событие из событий. Для князя Дмитрия Ивановича, ратовавшего за своего попечителя, а также отстаивавшего интересы своего княжества в некоторых сложных отношениях с Константинополем, кончина сия была еще более печальной. Перед преставлением митрополит заповедал великому князю не погребать себя в храме, а сделать это вне его, за алтарем собора Чудова монастыря в Кремле. Но все же князь Дмитрий распорядился опять по-своему, таков уж был характер. Митрополита положили в самом храме у алтаря.

Почти вся столица собралась на похороны святителя. В собор на отпевание пришли «епископы и архимандриты, игумены и священники, дьяконы и черноризцы, а также множество народа».

Пролистывая известное древнерусское сказание «О Алексие митрополите», мы можем заметить очередное, редкое упоминание о юном князе Юрии: «Князь же великий Дмитрий Иванович сам стояще… князь же Василий, сын… а князю Юрию Дмитриевичу, брату его, три лет сущу».

Не балуют нас история и летописные источники сведениями и подробностями из жизни князя Юрия. Каждое напоминание или намек на него в летописи — уже событие.

Самые величайшие победы своего отца — на реке Воже и на

поле Куликовом — князь Юрий застанет еще в раннем детстве. Но он собственными глазами увидит и радость вернувшихся со сражений русских ратников, и сияние на солнце дружинных доспехов и стягов, и плач по убиенным, и длительные поминальные службы во всех московских храмах в память о павших. Судьба распорядится так, что в будущем князь Юрий сам станет отличным воином. Он совершит важные боевые подвиги, которые войдут в историю.

А сейчас его окружала жизнь, хоть и защищенная в стенах нового белокаменного Московского Кремля, отстроенного отцом еще за семь лет до его рождения, но все же полная опасностей, свойственных тому времени. Эпоха и вправду была трудная для Русского государства.

Достаточно почитать летописи или произведения древнерусской литературы той поры, чтобы понять — в каком постоянном ожидании напастей и возможной негаданной кончины жили тогда люди. Набеги, войны, разрушения, возможность попасть в плен и в рабство к иноплеменникам, невероятная смесь христианства, иных религиозных учений и язычества, близкое соседство с мощными и развитыми мусульманскими странами — все это окружало или происходило постоянно и ежедневно. Добавим к этому междоусобные княжеские столкновения, переделы земли, борьбу за уделы и за само великое княжение. То есть жизнь человека фактически была, как говорили, — «под Богом». Ложась спать, житель даже укрепленного стенами города не мог быть уверенным, что завтра проснется живым и здоровым.

Вот типичный рассказ из летописи того времени: «Горестно было видеть, и слез многих достойно, как один татарин до сорока христиан вел, грубо связав их, многое же множество посечено было, иные же от холода умерли, другие от голода и нужды… И была тогда во всей Русской земле среди всех христиан туга великая и плач безутешный, и рыдание, и стоны, ибо вся земля пленена была…»

А вот и другое повествование, почти повторяющее предыдущий рассказ об ордынском нашествии: «Сколько сотворили убытков своими набегами, сколько городов захватили, сколько золота и серебра и всякого имущества захватили и ценностей всяких, сколько волостей и сел разорили, сколько огнем пожгли, скольких мечами посекли, скольких в плен увели!»

Русь находилась под властью Орды, фактически являлась ее частью, или, как тогда говорили, — «улусом». Приходилось регулярно платить ханам Орды немалую дань, а она ведь собиралась со всего мира.

Если русские правители имели ярлык на великое княжение, то только с согласия выдававшего его ордынского главы. Летописи подтверждают нам, что был тогда тот, кого называли на Руси «царем». Нет, это не великий князь Владимирский, Московский или какой иной. Царем называли хана Золотой Орды. И без его соизволений вообще ничего всерьез предпринимать было нельзя. Его власть была полной, он в конечном итоге решал — кого казнить, а кого миловать. Ему платили дань все улусы, а значит, каждый отдельно взятый человек русского Средневековья.

Однако почти полтора столетия ордынского благополучия во власти и окормления ее с помощью обложенного данью населения вдруг привели к сбоям в уже налаженном механизме. И на то были свои причины.

* * *

Довольно долгое для тех времен 15-летнее правление хана Джанибека (Бердибека) в Орде закончилось в 1357 году. Начались бесконечные дворцовые перевороты и династические распри, которые положили начало ослаблению могущественного государства.

Но эта агония не означала улучшений для Руси. Иногда в истории происходит наоборот. Не случайно говорится, что раненый зверь может быть еще более опасен, нежели здоровый.

Известно, что Чингисхан оставил множество потомков, которые успешно расплодились по всей Евразии. И большинство из них мечтали занять ханский престол. Гигантская Орда была лакомым кусочком для каждого из них.

За последующее после кончины Джанибека пятнадцатилетие, вплоть до 1372 года, властью в Орде успели насытиться 15 ханов. Правили они и по полгода, и максимум — по два, а один — вообще только четыре дня!

Казалось бы, ослабление и неустойчивое положение такого сильного хозяина для Руси могло бы стать хорошим предзнаменованием. Но оно отражалось на жизни крепнувшего Московского государства весьма отрицательно. Довольно трудный, многодневный путь в Орду русских князей или их посольств иногда заканчивался ничем, так как за время путешествия менялся ордынский правитель, а с ним — и возможные решения о власти или порядке.

В 1370—1380-е годы гигантское государственное образование, основанное монголами, улус Джучи, фактически распалось на две части, каждая из которых также была на грани

распада на более мелкие части. Появлялись лидеры, которые пытались восстановить былое единство и могущество Орды. В одной ее части правил темник Мамай, который считал свои права весьма вескими, так как был женат на дочери Джанибека. А в другой части — в Синей Орде — появился не менее грозный его соперник — Тохтамыш.

История распорядится так, что и Русь, и Тохтамыш, и Мамай столкнутся между собой, причем неоднократно. Из этих трех сторон — Мамай и Тохтамыш были намного сильнее Руси. Однако (парадокс истории!) во времени выживет только одна из них. Этой выстоявшей в плавильне истории стороной будет поднимающееся из-под ордынского ига молодое Московское княжество.

Не случайно, как мы уже говорили, великому князю Дмитрию Ивановичу — внуку Ивана Калиты — пришлось в 1374 году (впервые с 1252 года, то есть со времен правления князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского) всерьез принять решение о выступлении против Орды. Слабость и междоусобицы среди наследников Чингизидов отразились на состоянии отношений с Русью, которая смогла себе позволить приподнять голову против самого хана-царя.

И Мамай это хорошо знал, как и понимал возможные последствия. Что он должен был предпринять для предупреждения возможных неприятностей? Обычное для Орды и вполне действенное средство — напасть, разорить, усмирить и заставить покориться неуемного правителя подчиненного «улуса». Что и произошло.

Симеоновская летопись повествует: в 1377 году ордынское войско, объединив почти все западные от Волги улусы против Руси, вторглось на территорию Суздальско-Нижегородского княжества и, разбив на реке Пьяне объединенное русское войско, частью которого стали московские ратники, разорило здешние земли. То поражение стало для русичей памятным. Но оставшиеся в живых вернулись домой не только залатывать прорехи в доспехах и залечивать раны. Они с еще большим упорством стали готовиться к новым сражениям. Ведь следующим шагом для жаждущей наказания ослушников Орды должна была стать конечно же сама Москва.

Так оно и случилось. Год 1378-й стал во многом решающим для развития Русского государства. То был год первой победы русских в полевой битве с татарами, которой, можно сказать, ждали более века. Мурза Бегич повел ордынское войско непосредственно на Москву. Ему навстречу, дабы упредить приближение к столице, выступили дружины князя Дмитрия

Ивановича,

Встреча ратей произошла на Рязанской земле в августе. Не один день воины обоих войск стояли на разных берегах реки Вожи (приток Оки). Первыми решились на переправу татары. Они были уверены в своем превосходстве. Но не тут-то было. В завязавшемся сражении русские показали, что у них есть приготовленный план.

Они ударили с нескольких сторон, для чего князь Дмитрий разделил войско на несколько полков. Такой стратегии татары совершенно не ожидали, привыкнув к тому, что победы над русскими доставались им достаточно легко и быстро. Ордынцы не выдержали натиска и побежали. Они несли очень большие потери. Спасаясь, воины мурзы прыгали в реку, и большинство просто в ней утонули.

Победа русских дружин оказалась полной, противник был разбит наголову.

Так был окончательно изжит страх перед страшной Ордой, развеялась легенда о непобедимости завоевателей Руси. Наступил окончательный поворот в отношениях двух старых противников.

Мамай не хотел так просто «отпустить» русских, но и предпринять что-то существенное после таких потерь — не мог. Удовлетворился он только внезапным набегом пару месяцев спустя после поражения Бегича, осенью 1378 года. Вторгся на земли Рязани, участвовавшей в сражении на реке Воже, разорил ее основательно, сжег дотла княжескую столицу, град Переяславль-Рязанский (не путать с Залесским), и безо всякого сопротивления и потерь вернулся восвояси.

Если бы все закончилось только этим! Однако у Мамая была совсем другая проблема, которая никак не разрешалась разграблением рязанских земель. Ему нужно было добраться до самого сердца Москвы, чтобы заставить ее вновь полно и покорно выплачивать Орде положенную ханом-царем дань. Он сможет вернуться к решению этой задачи только лишь два года спустя. А теперь ему нужны были победы в дипломатии.

И они ему отчасти удались. Мамай в борьбе с русской коалицией князя Дмитрия Ивановича заставил выйти из нее княжества Нижегородское и Рязанское, а также умело сошелся с Литвой.

Однако Москва также времени не теряла. Зимой, на рубеже 1379—1380 годов, московские дружины совершили неожиданный глубокий рейд по землям Великого княжества Литовского. Кампания прошла удачно и практически без потерь. Летописи отметили события следующим образом: «Князь великий Дмитрей Иванович, собрав воя многы и посла с ними брата своего князя

Володимера Андреевича да князя Андрея Ольгердовича Полотьского да князя Дмитрея Михайловича Волыньского и иныя воеводы и велможи и бояре многы… отпусти их ратию на Литовьскыя городы и волости воевати. Они же сшедъшеся взяша город Трубческъ и Стародуб и ины многы страны и волости и села тяжко пле-ниша, и вси наши вой, русскыи полци, цели быша, приидоша в домы своя со многыми гостьми». Князю Дмитрию удалось заполучить даже еще одного союзника. По летописному рассказу, «князь Трубческыи Дмитрии Олгердович не стал на бои, ни поднял рукы противу князя великаго и не бияся, но выиде из града с княгинею своею и з детми и с бояры своими и приеха на Москву в ряд к князю великому Дмитрею Ивановичю, бив челом и рядися у него».

Но уже предощущалось, предчувствовалось — назревало что-то серьезное. Решающая схватка была не за горами.

* * *

Спустя два года после поражения на Воже сам Мамай решил отомстить за нелепое, по его мнению, для Орды поражение. И хотя ему основательно мешал очень сильный внутренний враг — хан Тохтамыш, он все равно решился двинуть свое войско на Москву, дабы наказать ослушавшихся русичей.

Год 1380-й стал хрестоматийным для всякого, кто хотя бы коротко знакомился с историей Руси. Куликовская битва описана и разобрана в многочисленных трудах и публикациях. А потому нет смысла рассказывать подробно о том, как собранная почти со всех русских земель объединенная рать выступила навстречу Мамаю. Как сошлись они у речки Непрядвы, как сразились воин-монах Пересвет (предполагается, что он был вообще без доспехов) и мощный ордынец Челубей, как наскочили татары и смяли русские ряды, как выступил в нужный момент засадный полк, как нашли самого князя Дмитрия едва живого, и, наконец, как потом всем миром хоронили павших в сражении сородичей.

На то сражение с Мамаем и его Ордой собрались дружины многих русских земель — Московской, Владимирской, Суздальской, Нижегородской, Ростовской, Белозерской, Муромской. Появились в рядах защитников Руси даже не очень покорные Москве псковичи и новгородцы. Такое еще не было видано в обозримой для русских истории, сам факт такого объединения оказался, быть может, морально важнее самой будущей победы.

В это самое время, то есть и до битвы, и в течение всего

сражения, в Троицкой обители молились о победе русского воинства (это отражено в лицевых сводах позднего времени). Преподобный Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия на битву, а затем — отправил ему еще одно благословение письменно, которое князь получил уже по пути на Куликовское поле: «Иди, господин, иди вперед, Бог и святая Троица поможет тебе!» Это послание ему передал старец монастыря, которого звали Нектарий вестник, прославленный затем в числе Радонежских святых.

* * *

Нас в данном случае интересуют другие факты — не менее важные и главные, связанные с битвами на реке Воже и на поле Куликовом. А именно то, что князь Дмитрий Иванович отправлялся на эти сражения, предварительно испросив благословение у Сергия Радонежского, ставшего к тому времени одним из главных духовных лидеров страны. Прекрасные слова о Сергии принадлежат историку В. О. Ключевскому: «Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически… Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV века… Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергий в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими».

А ведь и вправду, почти полтора столетия на Руси воспринимали ордынское иго и татарские набеги как «кару Божию», которую как будто бы приходилось нести за накопившиеся грехи отцов и за свои собственные. Юридически (и по праву силы) хан Орды был кем-то вроде главного правителя для всякого русского. Трудно было «перестроиться» и заставить себя поверить в то, что это может быть не так. Вот почему мы можем говорить о великом духовном и нравственном подвиге Сергия Радонежского и его сподвижников, сумевших вдохновить и великокняжескую власть, и простых людей на битву с захватчиками. Надо было в буквальном смысле — словно пробудить страну от затянувшегося сна, осознать, что Орда является не отчиной, а чужеземным образованием, и ее правители

— не «кара», а настоящий враг. И борьба с таким врагом — не «грех против воли Божией», а дело во многом святое, праведное и даже богоугодное.

Две победы — на реке Воже и на Куликовом поле — произошли в символические дни, ставшие важными датами в русской истории. Одна из них состоялась в великий праздник Успения, а другая — Рождества Пресвятой Богородицы. Отныне эти дни станут определяющими для многих событий. Но главное, что утвердилась внутренняя мысль в душе почти каждого русского: Бог помиловал Русь! А доказательство тому — дарованные Им победы над захватчиками.

* * *

А где же находился в это время наш герой — юный князь Юрий Дмитриевич? Документальных свидетельств не так уж и много, чтобы с большой точностью рассказать — чем он занимался и как проводил свое время. Однако в том самом, важном для Руси, 1380 году он находился в стольном граде Москве.

Когда дружины Дмитрия Ивановича отправлялись в сторону Куликова поля, возник вопрос государственного значения. Кого оставить на правлении в столице княжества? Ведь этот временный преемник мог оказаться тем, кто будет исполнять великокняжеские обязанности до перехода власти к наследнику. Ибо при таких сражениях надо было иметь в виду и то, что его участников, включая великого князя, могла ждать погибель.

Отметим, что на тот момент продолжало действовать завещание, написанное Дмитрием Ивановичем еще в 1375 году, перед походом его на Тверь. По тому завещанию (а позднее было написано другое, о чем мы поговорим в одной из последующих глав) наследство и Владимирский и Московский престол оставлялись старшему на тот момент сыну — Василию Дмитриевичу. К 1380 году ему было уже девять лет. Возраст не вполне зрелый. Следующим наследником по старшинству становился князь Юрий, а ему еще не исполнилось и шести.

Вот почему в Москве оставалась не только великая княгиня Евдокия, но и мудрый человек, способный в критической ситуации решать важные государственные дела — боярин Федор Андреевич Свиблов. Он должен был и столицу блюсти, и о будущем позаботиться.

К счастью, как мы уже знаем, в Куликовской битве победили русские, правитель московский вернулся обратно. И с тех пор в

народе он стал носить имя — великий князь Дмитрий Донской.

Есть еще одно упоминание о юном Юрии Дмитриевиче, в Новгородском хронографе, повествующем о возвращении русских дружин в Москву после Куликовской битвы. Войско тогда построилось вдоль реки Яузы, и 1 октября 1380 года произошел крестный ход в Андрониковом монастыре. Потом все пошли в сторону Кремля. Здесь у Фроловских ворот их встречали великая княгиня с сыновьями — Василием и Юрием, другие родственники и многочисленные «воеводские и воинские» жены. Всей семьей, вместе с Дмитрием Ивановичем, они направились в Архангельский собор, дабы поклониться мощам своих предков, а затем — в собор Успенский.

* * *

Однако семье князя Дмитрия пришлось пережить еще более ужасные времена. Мальчики-наследники были столь малы, что оберегать их необходимо как зеницу ока. Из Орды доносились различные грозные вести о том, что хан Тохтамыш крайне недоволен невыплатой Москвой дани, а также поражением ордынцев.

Почти через год после Куликовской битвы Тохтамыш отправляет в Москву своего посла — Ак-ходжу. Для важности и некоторой безопасности с ним пошло на Русь несколько сотен воинов. Дойдя до Нижнего Новгорода, Ак-ходжа решил посоветоваться с местными князьями о том, есть ли ему опасность при появлении в Москве. Тогда все еще помнили избиение посольства Сарайки, ведь прошло едва только шесть лет. Услышав о том, что поездка небезопасна, посол решил вернуться обратно в Орду, но при этом доложил, будто Москва решила выступить против хана Тохтамыша, для чего пошла на союз с Великим княжеством Литовским. Такую информацию Тохтамыш просто так, без принятия мер оставить уже не мог.

Он решает летом 1382 года напасть на Москву. Быстро и жестоко. В голове у него уже рождался план другой войны — с великим Тимуром, угрожавшим ему с востока. Но сейчас надо было навести порядок у «себя в доме», в улусе на берегах Москвы-реки.

Этого набега на Руси не ожидали. К нему даже всерьез не готовились. Узнали о появлении ордынцев, когда они уже входили на территорию Московского княжества. Хан «идяше безвестно, внезапу, с умением». Ясно было, что собрать большое войско для отпора за несколько дней было просто невозможно, а

тем более такое, как при битве с Мамаем. Что же делать? Просто отдавать ордынскому правителю города, включая столицу?

Когда стало ясно, что переговоры ни к чему не приведут, князь Дмитрий быстро уехал в Переяславль, а затем — в Кострому, чтобы попытаться организовать войско для сопротивления. Он призвал к помощи князя Владимира Серпуховского, который независимо также подбирал воинство.

В этот момент семья великого князя, жена его Евдокия, дети, включая отрока Юрия, остались в Москве. С ними там находился митрополит Киприан. Однако по приближении Тохтамыша становилось ясно — число его войска таково, что обороняться столица не сможет, даже невзирая на мощную белокаменную крепость — Кремль, который помог совсем недавно отстоять город при нашествии литовцев. По этой причине вся семья, сопровождаемая митрополитом, уехала в Тверь.

Почему семья не выехала сразу же вместе с князем и подверглась опасности? Ответом тому может стать следующий факт. За двенадцать дней до взятия Тохтамышем Москвы великая княгиня Евдокия родила еще одного сына — Андрея. Семья получила очередного наследника. И хотя сыновей было много (по крайней мере, не один), но московские князья уже знали горечь потерь маленьких детей.

Таким образом, княгиня просто не имела возможности быстро передвигаться, находясь в трудном физическом состоянии. Только разродившись, она могла вместе с семьей, включая юного Юрия, уйти как можно дальше от опасностей, которые поджидали всех оставшихся в столице.

Дмитрий Донской отступал. Но делал это еще и для того, чтобы как-то защитить собственную семью. Если он сначала, как замечено в «Повести о нашествии Тохтамыша», отдельно «поеха в град свои Переяславль, и оттуду мимо Ростов, и паки… на Кострому», то уже через короткое время, к счастью всех, «князь же великий с кня[ги]нею и с детьми пребысть».

Разъехались тогда из Москвы также и важные боярские семьи. Тохтамыш подходил к городу, фактически оставленному русскими.

Это странное обстоятельство до сих пор вызывает разноречивые мнения у исследователей. Происходило нечто на первый взгляд малопонятное. Ведь только что русские дружины дважды разгромили ордынские войска — на реке Воже и на поле Куликовом. Это были воодушевляющие победы. Их широко отмечали. И тут… почти бегство. Даже боярин Федор Свиблов, охранявший княжескую семью в столице при битве у Дона, вослед за князем отправился в Переяславль.

Некоторые историки отвечают на этот вопрос так: несколько лет сплошных войн привели к тому, что русские дружинники, наконец, просто разошлись по уделам, городам и селам. И тем летом — занимались не менее важным делом, без которого существовать далее даже сильное государство не могло, — землепашеством! Да и «разведка» о замыслах Тохтамыша не докладывала.

Добавим к этому следующее. После нескольких удачных военных кампаний коалиция, составленная на памятном съезде-сneме русских князей в Переяславле в 1374—1375 годах, временно «разошлась». Предполагалась некоторая передышка, возможное послабление в военных потугах, перемирие. И это стало настоящей ошибкой. Не хватило московским правителям провидения или предвидения. И такого человека, который мог бы проанализировать ситуацию, подсказать — митрополита Алексия — уже не было в живых…

Потому и отмечали потом источники, что «оскуде бо отнюд вся земля Русская воеводами и слугами, и всеми воинствы».

Но есть и другие точки зрения.

Вот они.

* * *

Мы помним (и повторяемся не случайно), что царем тогда на Руси называли ордынского хана. Таковым для Москвы был на тот момент Тохтамыш (а вовсе не Мамай). Выступать против царя означало — нарушить уже сложившийся вековой уклад, то есть полностью взорвать привычную ситуацию, выступить напрямую против Орды. Для этого у Руси еще не было ни сил, ни возможностей. Умный политик и стратег, Дмитрий Донской вряд ли бы сделал глупости или что-то в ущерб себе, семье и государству.

Когда объединенные после съезда 1374 года русские дружины выступили против Мамая, они никак не воевали против царя. Исследователи уже отмечали этот важный факт. Москва в лице Мамая имела странного врага: он совершал набег, он угрожал, но выполнял ли он в полной мере указание самого верховного правителя, то есть — царя? Ведь Мамай и сам был врагом Тохтамыша, который добил остатки его войска сразу после Куликова поля.

Конечно, хан-царь решил наказать также и русских ослушников. Но они, эти русские, хорошо понимали — что к чему. Одно дело выступить на Куликовом поле против темника, а

другое — воевать против верховного правителя Орды, считавшего Москву, да и почти всю Северо-Восточную Русь своим улусом.

Уход князя Дмитрия из Москвы означал открытое нежелание выступать против хана-царя. Что было тактически правильным.

Самые ранние источники, восходящие к киприановскому своду 1408—1409 годов (о нем речь пойдет в одной из последующих глав книги), к Троицкой летописи, и частично помещенные в летописи Симеоновской и Рогожском летописце, это подтверждают. Мы читаем, что князь Дмитрий Донской, «слышав, что сам царь идет на него с всею силою своею, не ста на бои противу его, не подня рукы противу царя».

Самое интересное, что Тохтамыш это знал и хорошо понимал. Хотя одновременно и Дмитрия побаивался. Это также отмечают летописи: хан «слышав, что князь великий на Костроме… чая на себе наезда, того ради не много дней стоявшее у Москвы, но, взем Москву, вскоре отиде».

Дмитрию Донскому в том самом 1382 году никак нельзя было «бороться с чингизидом, законным ханом, которому русские князья приносили вассальную присягу и которую они и по правовым, и по моральным нормам тех времен обязаны были соблюдать», — пишет историк В. А. Кучкин. Эта формулировка одного из современных исследователей очень точно передает мысль, которую мы также поддерживаем. В этом и состояла суть происходящего.

Другой вариант интерпретации событий и быстрого отъезда князя Дмитрия из Москвы связывается с неожиданно произошедшей размолвкой русских князей. Они тогда не пришли к единому мнению — что делать, воевать ли с царем, нет ли. Произошло, как своеобразно и поэтично сообщают источники, «неединачество по неимоверству». Это разномыслие вдруг случилось среди бояр старейших, воевод «з думцами», в тот самый момент, когда надо было «думу думати» всерьез.

Было ли так на самом деле? Мы можем сегодня только предполагать.

И наконец, рассматривается вариант, по которому будто бы князь Дмитрий Донской испугался, и даже — струсил. А потому и город оставил, и войско бросил. И по этой причине на Москве поднялся большой бунт.

Данную версию можно почерпнуть в той же, более поздней по времени «Повести о нашествии Тохтамыша», созданной сразу после кончины митрополита Киприана, но до кончины князя Юрия Дмитриевича — уже в начале XV столетия.

Сильно же надо было не любить князя Дмитрия, чтобы развить это предположение, да так эмоционально, как это было

сделано в упомянутом нами произведении. Начинают припоминаться некоторые серьезные разногласия между митрополитом Киприаном и князем Дмитрием, которые длились вплоть до кончины последнего. Не было ли появление позднейшего повествования неким желанием запустить в историческое предание не весьма лестный образ великого князя, не подчиняющегося никому и действующего только по собственной воле?

Негативный рассказ о поведении Дмитрия Донского написан человеком, который жил уже в другое время, десятилетия спустя после Куликовской битвы и похода Тохтамыша. Князь-герой в его повествовании стал правителем греховным и малодушным, бросившим свою столицу на разграбление Орде.

Во всяком случае, текст этого сочинения будет хорошо известен еще при жизни сыну великого князя — Юрию, а именно — в годы его зрелости и восстановления исторической справедливости всех завещаний его отца, чему он отдал свою жизнь. Он будет биться за это все дни своего земного обитания, до самого конца.

* * *

Но в тот, 1382-й, внезапное появление татарского войска, коварный удар Орды оказался крайне опасным. И действительно — жестоким. Тохтамыш захватил Москву и полностью сжег город. Словно покрасил черной сажей новые белокаменные стены столицы. Как будто перечеркнул все чаяния и надежды на возможную свободу от дани. Даже применяемое русскими впервые огнестрельное оружие — «тюфяки» (прообраз пушек) — не помогло.

При набеге этом погибли многие. Летописи рассказывают: «От огня бежачи, мечем помроша, а друзии, от меча бежачи, огнем згореша; и бысть им четверообразна пагуба: первое — от меча, второе — от огня, третие — от воды, четвертое — в полон быша».

Как писал историк XIX века С. М. Соловьев, после уничтожения в огне Москвы войсками Тохтамыша хоронили 24 тысячи погибших жителей столицы и пригородов. Такого не помнили даже старики. Довольно большая цифра убиенных вызывала сомнения у некоторых современных исследователей. Однако в Московском летописном своде конца XV века мы видим рассказ, как в общих братских могилах погребали жертвы нападения ордынских войск. Тогда князь Дмитрий Донской

«повелеша телеса мертвых хоронити и даваста от осмидесяти мертвецов по рублю хоронящим мертвыа. И того всего выиде от погребания мертвых 300 рублев».

Если внимательно прочитать этот текст, то несложный математический расчет покажет: 80 (убиенных) х 300 (рублей) = 24 000. Однако к этой цифре, видимо, следует еще добавить тех, кого хоронили родственники самостоятельно, то есть без княжеской денежной поддержки. Значит, итоговая цифра может быть несколько выше.

После Москвы (и одновременно с ее взятием) ордынцы разорили другие города Руси. Пали великий Владимир, давно не знавшие огня Звенигород и Можайск, родной князю Юрию Переяславль, а также Юрьев, Боровск, Руза и Дмитров. Удар пришелся по всему Московскому княжеству, жестокий, основательный и на первый взгляд — почти непоправимый. Московский «бунтарь» был наказан за «своенравие», совершенное на Куликовом поле.

Именно с этих дней имя хана Тохтамыша запомнится в семье Дмитрия Донского на долгое время. Юный князь Юрий, слушая рассказы о жестокостях ордынца на родной Москве, мог только предполагать — как и каким образом воздать грабителю по заслугам. Но будущее еще предоставит ему такую возможность. И он ею воспользуется сполна.

Отомстить за унижение отца и града Москвы будет делом чести будущего воина Юрия. Этому он посвятит свою молодость и свои первые походы. И великие победы еще будут ждать его. Если поражения, бывало, настигали его отца, то он, Юрий, не проиграет в своей жизни ни одной битвы…

В итоге пришлось князю Дмитрию Донскому вновь платить Орде дань, включая «недоданную» ранее. Но теперь хан уже не верил тому, что получит все быстро и сполна. А для гарантий он приказал вместе с данью отправить в Орду заложника — старшего сына великого князя Московского — Василия. Кстати, вместе с ним туда отправились еще три сына других русских князей. Тохтамыш решил испытать новую тактику действий против своего вассала — Руси. Как показывала практика — вполне действенную.

Тохтамышу казалось, будто он получил все, что хотел. Русь усмирил, заложников в Орду для гарантии взял, выплату ежегодной дани восстановил. Дабы не мудрить особо, он решил оставить все те же порядки и правила, которые на Руси были до этого. И хотя многие князья бросились к нему в Орду, чтобы извлечь какую-то для себя выгоду, включая князя Тверского Михаила с его очередными претензиями на великое княжение, хан вновь признал великокняжеский престол Владимирский за

князьями Московскими. Он уже был удовлетворен наказанием западного улуса. Однако потребовал еще 8 тысяч рублей серебром в виде разовой выплаты, отправив для этого в Москву посла, которого сопровождал уже известный нам Акходжа.

В 1383 году, 12 лет от роду, брат Юрия Василий с обозами поехал в столицу Орды. Заплатить за него прямо сейчас князь Дмитрий просто не мог. Никто не предполагал тогда — вернется отрок живым и невредимым от Тохтамыша или нет. Это событие оставило затем настолько сильный след в его памяти, что повлияет на основное течение русской истории, когда Василий все-таки станет великим князем. Мальчика отрывали от отца и матери. Лишали родителей главного наследника престола. Совсем еще юного, не привыкшего к такого рода испытаниям.

В этот момент происходит то, что потом уже взрослый Василий никогда не сможет простить своему брату. В кругах правящей русской элиты возникало некоторое твердое предположение, что если старший сын князя Дмитрия не выживет в Орде (что легко можно было представить, исходя из коварства Тохтамыша, обещавшего, например, не убивать жителей Москвы, но тут же сделавшего наоборот), то тогда наследником — по старшинству в роде — становится Юрий. Так было принято по традиции, так это будет отмечено и в завещании Дмитрия Донского.

Вольно или невольно, но следующий по возрасту, девятилетний князь попадает в круг внимания со стороны княжеского двора и боярства. Молодой, но очень разумный, весьма начитанный, уже показывающий свою энергию и смекалку, он не только оставался «возможным наследником», но и в реальности был хорошим для этого кандидатом и даже образцом.

Что мог думать об этом ежедневно и ежесекундно переживающий угрозу смерти Василий в ордынском плену? Даже самая сильная любовь к брату не могла не зарождать у него подозрений в том, что он уже, вольно или не вольно, но «проявился» как его конкурент на власть. Обида? Это еще мягко сказано. Нет, не обида. А затаившаяся в глубине души и сознания мысль — быть всегда начеку.

Ордынский плен Василия закончился через два года, но в Москву он попадет не сразу. Ему удалось сбежать от Тохтамыша. Именно этот побег определит затем всю политику Руси на ближайшие полвека. Странный и даже непонятный побег. Ведь убежать из столицы Орды — города Сарая — не удавалось почти никому из таких важных пленников. Что же там произошло? Об этом мы поговорим чуть позднее.

* * *

А как наш князь Юрий Дмитриевич? После событий 1380 и 1382 годов мы некоторое время почти совсем не встречаем его имя в летописных источниках. Но вот мелькает одно весьма интересное упоминание о том, что в 1388 году, сразу после праздника Пасхи, Юрий очень сильно заболел. Недуг был тяжким, видимо, настолько, что даже летопись не преминула об этом оставить заметку.

Что это была за болезнь? Последствия очередного мора? А может, еще что-то, сильно напугавшее родственников?

К счастью, летопись поведала: «Бог милова его».

Особое отношение к юноше заметно в то время еще и потому, что 1388 год отмечен другим важным для него событием. Великий князь Дмитрий Донской подписал тогда договорную грамоту с князем Владимиром Андреевичем Храбрым, героем многих битв тех времен. Недаром он получил такое имя.

В грамоте указывалось, что сын князя Дмитрия — Юрий Дмитриевич, которому на тот момент еще не исполнилось и 14 лет, признается «равным братом» своему двоюродному дяде, значительно более старшему по возрасту. Стать братом князю Владимиру Храброму — было великой честью. Заодно и решало некоторые проблемы и разногласия внутри правящей семьи.

Во всяком случае, это событие еще раз выделило имя Юрия среди других братьев. Он уже тогда представлялся в виде крепкого человека, будущего воина, полководца, каким на тот момент и был его дядя, князь Владимир Андреевич. То есть, предчувствуя, возможно, свою близкую кончину, Дмитрий Донской принимал решения, которые могли бы определить будущую политику государства на ближайшие годы…

* * *

А в это время хан Тохтамыш, будучи уверенным, что «зачистил» свой улус и наказал Русь основательно и надолго, уже начинал подготовку к решению еще более важной политической проблемы — отношениям с Тамерланом, который становился для него на тот момент самым главным кошмаром. Как, впрочем, и для Руси.

Глава третья.
УДЕЛЬНЫЕ ОТЧИНЫ

Каждый да держит отчину свою.

Решение Любечского съезда князей, 1097 г.

В истории события, которые меняют весь ее ход, иногда происходят внезапно. Для большинства людей эпохи Куликовской битвы таким событием стала кончина великого князя Московского — Дмитрия Ивановича Донского. Это произошло в мае 1389 года. Князь прошел земной путь длиною почти в 40 лет. Не мало по тем временам, но и не много.

К счастью, произошло это в тот момент, когда главные проблемы существования крепнущего Владимирского (Московского) княжества были в основном решены. Самые сильные внутренние враги были уже повержены. Разногласия с Ордой почти преодолены.

Русь не вела в тот момент глобальных войн. Происходило то, что можно было бы назвать всеобщим устроительством. К тому же здравствовал еще духовный покровитель Московии — преподобный Сергий Радонежский.

Дмитрий Донской успел обзавестись, как мы уже знаем, большой семьей. Он знал — есть кому оставить наследство.

Кто же были они, наследники великого дела — объединения всех русских земель и завершения процесса определения их в самостоятельное государство, не зависящее от воли хана-царя, не выплачивающее дань и не ожидающее кары за свои ослушания?

Сыновья-наследники победителя Куликовской битвы

Тех сыновство и слава, тех же законоположение и служба.

Пандекты Никона Черногорца

Из «Слава о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: *«Сий убо великий князь… огради всю землю Русьскую. От востока до запада хвално бысть имя его, от моря и до моря, от рек и до конецъ вселенныя превознесеся несть его… окаанный же Мамай от лица его побеже… и бысть тишина в Русьской земли».*

* * *

Большая княжеская семья не была в те времена диковинкой. По сути, она должна была быть таковой. Чем больше детей, тем вероятнее, что не прервется род, останутся достойные наследники. Мы уже говорили о том, что в княжеских родословных, составленных сегодня исследователями, есть много белых пятен, пропусков и даже неточностей. На самом деле имена детей и внуков представляют большой интерес. Бывает и так, что по прошествии времени в трудах ученых появляются… новые родственники князей или даже меняются их имена.

А с родословными боярскими — вообще непочатый край работы. Требуется тщательная проработка документов, различных договоров или грамот, где могут упоминаться эти исторические лица, а затем — сверки с уже известными фактами, чтобы определить какую-то канву в каждой биографии или людские связи.

Относительно семьи великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского и Евдокии Суздальской дело обстоит намного удачнее. Почти все наследники нам известны. По дошедшим до нас письменным источникам, всего у них было 12 детей, включая девочек, которые с точки зрения наследства не брались «в счет». Некоторые из отпрысков быстро умирали. А на момент составления князем окончательного варианта завещания сыновей оставалось лишь пятеро.

Старший — Василий (родился в 1371 году вторым после умершего первенца Даниила), затем — князь Юрий (1374, он был

третьим сыном Дмитрия, но на момент составления завещания стал вторым по праву наследования), Андрей (1382, пятый сын), Петр (1385) и младший (по завещанию) Иван († 1393).

За четыре дня до кончины у князя Дмитрия родился еще один сын — Константин, но отец не успел включить его в завещание, отметив лишь: «А даст ми Бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у болшие его братьи».

О каждом из сыновей можно было бы написать отдельную книгу. Мы же ограничимся здесь лишь некоторыми дополнительными сведениями о братьях Юрия, которые могут нам в чем-то помочь для дальнейшего повествования.

Василий Дмитриевич рожден был зимой 1371 года. Летопись уточняет: «Тое же зимы по Рожестве Христове месяца декабря в 30 день, на память святого апостола Тимона, князю Дмитрею Ивановичю родися сын, и наречено бысть имя ему князь Василеи». Современный читатель может подумать, что данное событие попало прямо на новогодние торжества, но это совсем не так. Ведь начало церковного (календарного) года в те далекие времена не попадало на 1 января.

Дедом Василия, соответственно, был князь Иван Красный, а прадедом — Иван Данилович Калита.

Полученное младенцем династическое христианское имя воспринимается понятно и однозначно. Оно дано ему было исходя из даты его рождения. Тезоименитым покровителем отрока стал святой Василий Великий, память которого отмечается как раз 1 января (все даты даны по старому стилю). Есть летописи, которые вообще относят его рождение именно на 1 января, день в день (что, видимо, не так). В дальнейшем князь Василий поместил на свою печать лик святого Василия, под которым можно было прочитать подпись: «Васил».

Детство его проходило, как и детство Юрия, в Москве, Он был живым свидетелем всех основных событий 1370-х — начала 1380-х годов. И все было бы хорошо, в особенности в связи с тем, что по старшинству он становился наследником великокняжеского престола, если бы не произошло уже упомянутое нами ужасное для биографии отрока событие.

В 1383 году (как мы уже знаем) великокняжеские родители были вынуждены отправить своего сына в Орду — непосредственно к хану Тохтамышу, в качестве заложника, за обещание — выплатить положенную дань в 8 тысяч рублей серебром. Формально это было подано так, что необходима была тяжба о великом княжении. Княжич совершил путешествие через Владимир по течению рек Клязьмы и Волги.

Вернется в Москву он уже зрелым юношей, через четыре года.

И выпадет ему не только много опасностей, но и немало приключений, вплоть до путешествий в разные дальние края. Подобными поездками по миру никто из его ближайших родственников похвастать бы не смог.

Подробностей о том, как он выживал в Орде, фактически нет. Да и он не любил об этом вспоминать. Однако обходились с ним не худшим образом. Хан ведь желал получить свой выкуп-дань.

Ордынская эпопея закончилась для Василия не выплатой долга, а… обыкновенным бегством. Вернее, не совсем обычным. Во всяком случае, в 1386 году ему удалось убежать из Сарая, что казалось совершенно невозможным и даже фантастичным.

С этим побегом связана и такая история. Предполагалось, что он пытался сделать это дважды. Первый раз неудачно. Был пойман и затем под угрозой оставлен всерьез не тронутым. Хотя по возвращении его пред очи Тохтамыша он все-таки получил наказание, как отмечено — «приат за то от царя истомление велие».

Во второй раз побег удался. Но внимательное чтение исторических текстов выявило удивительную вещь. Оказалось, что княжеских отроков Василиев Дмитриевичей, попавших в качестве заложников в Орду, было двое! Вторым тезкой являлся один из сыновей другого русского князя, также заложник.

Таким образом, побег не совершался Василием дважды. Просто два Василия Дмитриевича бежали почти одновременно. Один был пойман и получил угрожающие предостережения и наказание — «истомление», граничащее с возможным физическим воздействием, вплоть до смерти. Другой — исчез из Орды.

Как ему это удалось?

Говорят, для того чтобы перехитрить погоню, Василий выбрал путь самый дальний. Побежал не в сторону Руси, а прямиком — в южные Подольские земли, где властвовал молдавский воевода Петр. Из Молдавского господарства он попадет к немцам, в Пруссию, и во владения великого князя Литовского. Тогда им был Витовт. Окажется сын Дмитрия Донского даже среди рыцарей Тевтонского ордена. То есть — повидает немало.

Есть предположение, что Литва фактически была конечным пунктом его путешествия. Так как сам побег был организован при помощи литовцев. Таким образом выстраивалась новая политика. Витовт думал о будущем, мечтая расширять свои земли в сторону Руси. Да и с Ордой у него все равно ничего не складывалось.

Находясь при литовском дворе, юный Василий (а ему уже почти исполнилось 15 лет, зрелый возраст для любовного придворного романа, коими славилась западная элита) познакомился с дочерью Витовта — Софьей. А может, его

познакомили и даже заранее предупредили: плата за побег — будущая свадьба.

Поговаривают, что между ними даже случилась любовь. Отчего они были обручены. Немудрено, ведь Софья была девушкой шустрой, совершенно отличающейся от восточных — ордынских — или среднерусских девиц на выданье. Легко скакала верхом на лошади, могла до упаду танцевать на веселом пиру, наравне с мужчинами охотилась на лесного зверя.

Уже тогда было ясно, что такая женщина способна не просто быть женой, но и управлять в своем будущем доме. Витовту это было на руку, А Василий, давно сам себе не принадлежавший, попавший из заложников в женихи, мечтал только об одном — вернуться, наконец, к родителям, в безопасный отчий дом, в Москву. И был ради этого согласен на все.

Князья ударили по рукам. Будущая супруга Василия Дмитриевича уже была назначена, выбрана и приготовлена. Оставалось только ждать благословения родителя — Дмитрия Ивановича. А вот оно-то как раз оказалось камнем преткновения.

Не потому ли и свадьба Василия и Софьи состоялась только после кончины Дмитрия Ивановича?! Опытный политик и полководец, Донской как будто чувствовал — что влечет за собой этот брак для выстроенной им Руси, и слегка придерживал развитие событий. Ведь великий князь Литовский уже тогда называл себя также и «великим князем всея Руси». И благодаря браку он затем с помощью Василия получит еще и Смоленск со всеми землями этого княжества, оторвав его от общерусской — Московской — «пуповины».

Но мы забегаем вперед повествования. Об этом подробнее — чуть позже.

Однако «литовские позывы» на династическое «породнение» с Русью в это время уже проявлялись, и даже помимо Василия. Еще в 1384 году предполагалась свадьба литовского князя Ягайло с одной из дочерей Дмитрия Донского («великому князю Дмитрию Ивановичу дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайло, быти вь их воле и креститися в православную веру и христианство свое объявити во все люди», — гласит документ). Поразительно, но и тогда фигурировало имя Софьи, правда, другой — из московского семейства. Той самой Софьи, что выйдет потом замуж за одного из сыновей великого князя Рязанского, так как женитьба Ягайло на православной — не состоялась.

В результате, год спустя, наметился брак Ягайло на польской королеве Ядвиге. В 1386 году, когда Василий Дмитриевич бежал из ордынского плена, был подписан акт — знаменитая польско-литовская уния. Ягайло стал королем, принял католическую веру

и сыграл свадьбу с Ядвигой. Началась новая, совсем другая страница литовской истории. Восточная Европа и «всея Русь» окончательно раздвоились — на католиков и православных.

Именно в этот самый момент и появился здесь беглец из Орды — Василий, и обручился с Софьей Витовтовной…

Только в 1387 году Дмитрий Донской направит в Полоцк депутацию из старейших бояр московских, чтобы организовать встречу возвращающегося на родину сына. Заложник и беглец, наследник и жених — он въезжал через кремлевские ворота к себе домой уже зрелым мужем, политиком и совершенно погрязшим в обязательствах и интригах человеком.

До вступления его на великокняжеский престол оставалось всего два лета.

* * *

Прямо перед отъездом Василия в Орду родился его брат — Андрей. Это означало, что, кроме Юрия, есть еще один потенциальный наследник, который может исполнить свой семейный долг при любых обстоятельствах. В будущем Андрей Дмитриевич станет последовательным соратником своего самого старшего брата.

Пока Василий был в плену, в семье великого князя Московского появился на свет Петр. Мальчик также выживет (среди некоторых других, скончавшихся в малолетстве) и сыграет свою роль в будущих междоусобицах.

Жив тогда еще был затем рано ушедший из жизни Иван Дмитриевич, которого называли «странным», из-за чего можно предположить, что он родился неполноценным в умственном (психологическом) развитии. Возможно, он нуждался в постоянной опеке. Известно также, что он ушел (или был отправлен) в монастырь, приняв иноческое имя Иоасаф, да в 1393 году в духовной обители и скончался.

Самого младшего сына — Константина князь Дмитрий Донской увидит только в пеленках, то есть он все-таки узнает о его рождении, уже не успев внести никаких исправлений в свое завещание, связанных с его именем. Потому можно предположить, что последние месяцы перед кончиной великий князь находился в некотором болезненном и даже недееспособном состоянии. А значит, сыновья уже были приготовлены к тому, что произойдет некоторое деление наследства и возможны изменения в жизни Русского государства.

И они стали происходить. Быстро и решительно.

Завещание Дмитрия Донского

И умножилась слава имени его.

Слово о житии князя Дмитрия

Из «Наставления отца к сыну» XIV столетия: *«Сын мой, когда на рать с князем едешь, то езди с храбрыми впереди — и роду своему несть добудешь, и себе доброе имя. Что может лучше быть, если перед князем умереть доведется… Все новое хорошо, но старое — всего лучше и крепче».*

* * *

В мае 1389 года летописи отметили печальное событие: скончался великий князь Дмитрий Донской. Собирая многие годы воедино русские земли, талантливый правитель был вынужден, незадолго до своей кончины, вновь делить их в своем завещании между сыновьями.

Видимо, уже предполагая такой исход, Дмитрий Иванович продиктовал духовную грамоту, где определил — что, кому и сколько достанется из наследников.

Однажды он уже делал подобное, составив духовную перед событиями 1375 года и перед походом на Тверь, когда впервые русские подняли меч против Орды. Та духовная грамота частично сохранилась (отсылаю читателей в раздел «Приложения» данной книги, где помещены тексты обоих завещаний князя Дмитрия).

Двое его сыновей, как мы уже знаем, тогда были еще в малолетстве. Василию стукнуло четыре года, а Юрий только появился на свет в Переяславле-Залесском. Но почему великий князь не написал духовной раньше, ведь сын-наследник у него уже был?

Факт, что Дмитрий Иванович определит наследство только после рождения Юрия, Таковы были обстоятельства, да и только. Но если попробовать обратить на это особое внимание, если поразмышлять на эту тему? И вот что получится.

Один из сыновей великокняжеской семьи, как известно, скончался в малолетстве (как читатель помнит, Юрий был третьим сыном). Значит, подобное могло произойти и в дальнейшем. О том, что когда-то в будущем появятся и другие мальчики, — никто еще и не ведал. Человек ведь только

предполагает…

Князь Дмитрий поступал мудро и делал все вовремя. Он диктует текст, по которому главные отчины уже тогда отдает старшему — четырехлетнему Василию. «А что буде прикупил сел, или примыслил, или починков, или которая будуть села отца моего великом княженье купля, или моя села купленая, или брата моего села, княжи Ивановы, те села и починки сыну моему, князю Василью, и моей княгини, и моим детем».

Формула «сыну моему, князю Василью, и моей княгини, и моим детем» — повторяется в грамоте неоднократно. Тогда князь еще не определился окончательно — отдавать ли в подробностях все только старшему сыну или же оставить на усмотрение всех детей — под руководством великой княгини, которая могла бы мудро рассудить любые возникающие споры. Упоминание Василия первым еще не обозначало конкретно, что он получит всю полноту власти и основную собственность. Оставалась некоторая неопределенность в дележе всего наследства между детьми. Но какими «детьми»?

Под фразой «моим детем» можно понимать, например, дочерей. Но обычно так не делалось. Указывались мальчики. А Юрий на тот момент и был таковым. Множественное число предполагало, конечно, возможное появление и других сыновей — пока грамота не будет переписана. Но известных нам младших братьев Василия и Юрия тогда не было еще и «в проекте».

При диктовке завещания присутствовал митрополит Алексий, повесивший на грамоту свою печать. Также и свидетели, о которых написано: «А послуси на сю грамоту: Тимофей околничий…, Иван Родивонович, Иван Федорович, Федор Ондреевич. А грамоту писал дьяк Нестер».

До следующей духовной (второго и последнего варианта завещания Дмитрий Донского) оставалось 14 лет.

* * *

Духовные грамоты — завещания — писались в важнейшие и не простые моменты жизни, когда что-то могло угрожать жизни того или иного князя. Причин было много: состояние здоровья, возраст или предстоящие походы и войны. В таких случаях всегда было необходимо позаботиться о наследстве. В результате данные документы стали важным источником по русской средневековой истории. Они, в частности, показывают, чем владели князья, иногда — как они приобрели те или иные свои владения. По ним мы можем проследить процесс становления, собирания и

объединения или раздробления земель различных княжеств.

Когда завещания подписывались, то присутствовали свидетели — «послухи», список которых затем мог включаться в текст. Среди них могли быть весьма уважаемые и пользующиеся авторитетом бояре или княжеские слуги. Так, благодаря документам, мы можем себе представить и состав княжеского двора того времени.

Великокняжеские духовные грамоты хранились достаточно бережно — как ценные и актуальные документы, ведь по ним определялось конкретное наследственное землевладение, и потому дошли они до нас относительно хорошо. Мы можем, например, прочитать комплекс духовных грамот великих князей Московских начиная с Дмитрия Донского.

Само завещание великого князя Дмитрия Ивановича породило в будущем все самые значительные события первой половины XV века. Борьба за наследство имела прямое отношение к духовной грамоте великого князя.

Две духовные грамоты Дмитрия Донского сильно различаются одна от другой. И это понятно — они написаны в разное время, в них отражены разные обстоятельства. Содержание завещания великого князя изменилось за годы.

Именно завещание отца (кроме других прочих летописных источников) спустя десятилетия привозил с собой князь Юрий Звенигородский в Орду для доказательства своих наследственных прав на Московский престол (то есть, судя по всему, он показывал ордынскому хану подлинник этого ценного документа). Именно этот источник и по сей день интерпретируется историками то так, то эдак.

Поговорим немного и о нем.

* * *

Новый — второй — текст завещания, составленный в присутствии «игумена Сергия» (Радонежского), был более подробен и детализирован (возможно, были и другие варианты завещаний, но нам они не известны).

Исходя из содержания, подписание документа датируют временем между 13 апреля и 16 мая 1389 года. Так как именно 13 апреля из Москвы уехал митрополит Пимен (он, как мы видим, не участвует в составлении документа, а должен был бы, как митрополит). И, судя по тексту, в тот момент еще не появился на свет последний сын князя Дмитрия — Константин («а даст ми Бог сына…» — читаем мы в завещании). Родился же он 16 мая, за

несколько дней до кончины Дмитрия.

Старший сын Василий получал «отчину великое княжение». Неожиданно для многих такой фразой князь Дмитрий впервые за время ордынского ига самостоятельно провозгласил передачу великокняжеской власти, добавив к этому и еще более серьезные определения: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду». Вот так правитель Москвы начал традицию постепенного отвержения монополии Золотой Орды на определение власти и дани на Руси.

Василию также отходила Коломна с волостями и половиной городских пошлин. «А дети мои, молодшая братья княжи Васильевы, — особо выделил князь Дмитрий, — чтите и слушайте своего брата старишего в мое место своего отця. А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшюю в братьстве, без обиды».

Князя Юрия в своем завещании Дмитрий Донской выделил не случайно. Тот в эти годы явно подавал большие надежды на будущее — и образованием (что известно по источникам), и стремлением к воинскому поприщу, и необычным врожденным чувством справедливости, умением еще с детства улаживать отношения в семье. В отличие от старшего Василия, который был наделен чертами слабохарактерного и весьма тщеславного человека. И если другие сыновья получили свою долю: Андрей — Можайск и Бело-озеро, Петр — Дмитров и Углич, Иван — «не от мира сего» — несколько волостей, а народившийся Константин потом от братьев получит в дар Углич, то наследство, причитавшееся Юрию, будет оговорено с отдельными подробностями.

Текст грамоты гласил: «А се даю сыну своему, князю Юрью, Звенигород со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости Звенигородские: Скирменово с Белми, Тростна, Негуча, Сурожык, Замошъская слобода, Юрьева слобода, Руза городок, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угож, Суходол с Ыстею, с Истервою, Вышегород, Плеснь, Дмитриева слободка. А из Московских сел даю сыну своему, князю Юрью: село Михалевское, да Домантовское, да луг Ходыньский. А из Юрьевских сел ему: прикупа моего село Кузмыдемъяньское, да Красного села починок за Везкою придал есм к Кузмыдемъяньскому, да село Богородицьское в Ростове… А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовское».

Под Галичем подразумевался Галич Мерьский, что был

неподалеку от Костромы. Эти северо-восточные земли уже давно принадлежали Москве. Они были ценны тем, что здесь добывали соль, которая стоила немалых денег в те времена. Край, где проживал старинный народ «меря», исправно платил дань Руси.

Одним из известных городов той окраины Руси был также сохранивший в названии «соленый корень» град Солигалич. Однако даже в поздние времена часто путали, например, Звенигород Галицкий (имеющий отношение к Галицко-Волынскому княжеству) и уделы Юрия Дмитриевича — Звенигород и Галич, расположенные в Северо-Восточной Руси.

Свою супругу князь Дмитрий в завещании также не обделил. Он отдал Евдокии частично разные владения из наследования каждого из сыновей. Но главное, она оставалась старшей в вопросах разрешения различных внутрисемейных споров.

Это немаловажное заключение-заповедь в духовной грамоте подсказывает, что вопрос о престолонаследии возник как важный уже тогда. А через десяток с небольшим лет он станет камнем преткновения в отношениях между старшими сыновьями Дмитрия.

Например, было отмечено: «А по грехом, которого сына моего Бог отъимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутся».

Но вот что было самым главным: вопрос о дальнейшей перемене власти. По этому поводу великий князь Дмитрий Иванович Донской написал: «А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушайте своее матери, что кому даст, то тому и есть».

Два важнейших утверждения, таким образом, находим мы в грамоте. Первое — князь Дмитрий подтверждает престолонаследие (еще со времен Ярослава Мудрого) от старшего брата к следующему по возрасту. Второе — вдова великого князя Евдокия становилась на время судьей в возможных разногласиях и спорах наследников.

Заключительные слова Дмитрия Донского — «А хто сю грамоту мою порушит, судит ему Бог, а не будет на нем милости Божий, ни моего благословенья ни в сии век, ни в будущий» — по сути являются его предсмертным приговором тому, кто начнет не только менять суть завещания, но и положит основание известной междоусобице и братоубийству. Речь идет о длительной распре между князьями Московского властвующего дома, которая по-настоящему началась через несколько десятилетий после

кончины Дмитрия Донского и войдет в историю как период, названный «феодальными войнами» или междоусобицей. А как мы знаем, начал эту распрю именно старший брат Василий, нарушив строки завещания, хотя поздняя история утверждала, будто во всем виноват князь Юрий. Впрочем, о том, как летописи стремились возвысить потомков Василия и его самого, а заодно — умалить и предать забвению дела и помыслы Юрия, мы узнаем позднее.

Не случайно в одной из фраз завещания князя Дмитрия его сын Юрий выделен после Василия как бы отдельно, особо: «А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшюю в братьстве, без обиды». Умирающий князь будто предчувствовал будущую несправедливость.

Можно предположить, что от более серьезных наследственных указаний по отношению к Юрию князя Дмитрия могла отвратить та самая, уже упомянутая нами странная болезнь, которая чуть не унесла жизнь Юрия в 1388 году. Отец вдруг понял, что и этот сын может неожиданно умереть. И он побоялся недуга юноши. И хотя «Бог милова его», завещание было уже составлено достаточно твердо. Ничего более, кроме особого выделения Юрия (в виде явного наставления-указания именно Василию), как брата, которого нельзя оставлять «в обиде», — в грамоте нет. Кстати, указание это намекает на уже тогда, видимо, непростые отношения между братьями. И, похоже, негатив исходил от старшего, что подтвердит время.

Известно, что в год кончины Дмитрия Донского ни один из его сыновей еще не был женат и не имел потомства. Вот почему было так важно детально расписать в завещании и порядок передачи власти. Многие дети князя умирали в разном возрасте. Кто на самом деле выживет и сможет управлять таким большим и неустойчивым государством, как Московская Русь, — вряд ли кто-нибудь взялся бы тогда прогнозировать.

* * *

А теперь вернемся еще раз к самому главному. О том — кому и как завещал князь Дмитрий Донской будущую власть. Для чего я процитирую одно из современных исторических исследований.

«Предусматривая, что Василий может умереть, не оставив наследника, Дмитрий Донской писал: “а по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино сыну моему княж Васильев удел…”. Это распоряжение послужило поводом к длительной усобице между князьями московского

дома, начавшейся почти через сорок лет после смерти Донского, и известной под названием Феодальной войны».

В этой цитате мы видим намек на то, что позднее князь Юрий, не получив власть по наследству, не станет уступать Василию и попытается, по праву, вернуть ее себе.

«А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино сыну моему княж Васильев удел»…

Почему данная строка из завещания трактовалась и трактуется заинтересованными лицами именно так, что в ней присутствует двусмысленность? Ответ прост: потому что кому-то надо или хочется трактовать именно так! Веками потомки Василия Дмитриевича делали это. Так почему же, по инерции, с упорством конформистов, не продолжать делать это и сегодня? И некоторые исследователи именно так и поступают.

А ведь написано в завещании, как говорится, «черным по белому»: «хто будет под тем сын мой, ино сыну моему княж Васильев удел». Есть ли еще туг хотя бы намек на то, что надо отдать власть, например, сыну Василия, а не его младшему брату? Есть ли намек на то, чтобы передать власть кому бы то ни было другому (например, внуку или племяннику), а не следующему по старшинству брату?

Ответ однозначен. Нет! Ни намека!

Зачем же трактовать завещание по-другому?! Ясно — зачем. Чтобы доказать правоту появившегося потом нового, неправого по завещанию властвующего великокняжеского семейного дома. Самое интересное заключается в том, что некоторые историки всерьез полагали и полагают, что наследование по принципу от отца к сыну, а не от брата к брату — было для Руси «движением вперед». Это странное и ничем не обоснованное утверждение (кроме эмоций и сравнений с другими странами, мол, раз у некоторых других это было, то почему бы и не на Руси) никак нельзя отождествить ни с укреплением единого государства, ни с изменениями в сфере удельно-вотчинного принципа его устройства. И тот и другой принцип наследования давал возможность государству «двигаться вперед»!

Завещание Дмитрия Донского, тем более — традиция наследования от брата к брату имели принципиальный характер, особенно для того периода русской истории. И вот почему.

Во-первых. Данный принцип существовал на Руси уже несколько столетий. И не выявлял признаков регресса или «движения назад». Он был более традиционен. Его положения и устои были всем понятны.

Во-вторых. Полагают, что наследование от отца к сыну формировало тогда важный постулат власти: то, что она

становилась в глазах народа божественной, как и сама семья наследников. Однако, в этом случае, Богом избранные правители теряли связь со всей своей семьей, в ее полноте, с другой ее частью. Ведь остальные самые ближайшие родственники в этот самый избранный круг уже не попадали. Братья и сестры словно становились вне божественной избранности, отдельно, сами по себе. Такая позиция была удобна при борьбе за власть и очень сильно использовалась в более позднее Новое время, особенно в эпоху Российской империи. Но именно эта «система власти» и породила потом большой поток самозванцев — как бы «богоизбранных сыновей», особенно когда их реальных прототипов или не было в живых, или они просто не рождались на свет — по физиологическим причинам. А ведь наличие наследников с правовыми полномочиями из других братьев в правящей семье такую проблему закрывало бы полностью.

В-третьих. Если бы Дмитрий Донской не предвидел возможных распрей, он тогда бы мог действительно написать нечто «двусмысленное» в завещании. Но он продиктовал совершенно однозначный текст: от брата — к следующему по старшинству брату. Мудрый правитель точно предполагал, что нельзя баламутить Русь, следует твердо стоять на определенных позициях, дабы не создавать смуты. И как в воду глядел. Первое же нарушение порядка наследования привело к длительным распрям и войнам.

В-четвертых. Самое расхожее утверждение «интерпретаторов текста» завещания Дмитрия Донского в пользу потомков Василия, а не Юрия таково: великий князь никак не мог знать — будут у Василия дети или нет, а потому не мог отдать власть только ему одному. Вдруг, мол, скончается. Потому он и определял вариант перехода власти к его брату — Юрию. И только, мол, по этой причине великий князь прямо и не продиктовал: вся власть старшему брату и затем, только лишь его наследникам — сыновьям. То есть если бы у Василия были бы дети — наследники, то Дмитрий Донской написал бы так, что власть могла бы переходить от отца к сыну.

Над таким утверждением можно только посмеяться. Если так интерпретировать источники, то можно договориться и до того, что Дмитрий Донской тайно завещал Василию… Константинополь. То есть разве можно читать в текстах документа то, чего там вообще нет и не было!

В-пятых. Мы уже знаем, что великий князь Дмитрий Иванович очень хорошо относился к сыну Юрию. Возможно, и он, и многие бояре желали тогда видеть на Московском престоле именно его. Ну хотя бы из-за Литвы, с которой у Дмитрия всегда были

напряженные отношения, а у Василия — самые радушные. Хотя бы из-за митрополита Киприана, с которым у Дмитрия были постоянные разногласия, доходившие до проклятий, а у Василия — единомыслие. Вместе с Василием приходила «новая волна» людей и идей. «Новая» не в смысле «передовая», просто «другая»! Но Дмитрий Иванович закон предков соблюдал с особой осторожностью и точно, и его бояре поддерживали во многом. Раз по традиции власть принимал старший сын, то будет старший, в данном случае — Василий. А Юрий — подождет своего, время для него еще придет.

И если мы верим тем словам в завещании, где великокняжеская власть передается от Дмитрия к Василию, то мы должны так же точно верить и тем словам, где заповедано Василию — передать затем власть Юрию (или, в случае смерти Юрия, другому брату, кто за ним будет старшим).

Вот только история распорядится по-другому. И в этом будет главная трагедия жизни героя нашей книги.

Власть и владения

А християном, господине, не ленися управы давати сам.

Из послания Кирилла Белозерского

Из духовной грамоты великого князя Ивана Калиты: *«А завещаю тебе, сыну моему… братьев твоих младших и княгиню мою с меньшими детьми: после Бога ты будешь о них заботиться».*

* * *

Итак, вчерашние братья, совсем недавно игравшие друг с другом в одни игры и росшие бок о бок в одном доме, превратились не только в наследных князей, но и в правителей и владетелей обширных земель — крепких, устоявшихся, исторических княжеств. Вместе с собственностью и властью появились и главные различия между ними: старший брат именовался теперь князем великим, а остальные — удельными.

В чем было различие?

Для Древней и Средневековой Руси это имело принципиальное значение. Княжение как таковое порождало не только почитание, но и противоречия, доводившие до зависти. Оно становилось порой предметом долголетних разбирательств, споров и даже войн. Сделать так, чтобы все были довольны, — было почти невозможно. Всегда находился некто, утверждавший, что еще «во время оно» земли эти принадлежали такому-то и такому-то, а потому на них претендует тот-то и тот-то.

Устроитель Московии Иван Калита (по сохранившимся, уже нам известным духовным грамотам) делил сыновей на «большого» и «младших». «Большой», естественно, получал больше всех. В первую очередь по значимости земель, по их положению и стоимости. Но кроме этого он получал великое княжение. И если сама Москва, как город, делилась по частям между всеми сыновьями-наследниками (что осталось и при Дмитрии Донском, но в других пропорциях), то княжество Московское становилось под властью старшего сына.

Как понять и разобраться — какими функциями и возможностями обладал великий князь по отношению к князьям младшим, то есть — удельным? Отметим главное — он получал

свою власть (и утверждение этой власти) не только по завещанию от своего отца (который, естественно, должен был быть также великим князем), но и от хана-царя Орды, выдававшего ему на это специальный ярлык (грамоту). Удельному князю такой документ не требовался. Он становился фактически вассалом князя великого и зависел уже от него.

Неутверждение Орды меняло статус великого князя. Хан мог своей властью передать великое княжение другому брату или даже, например, дяде.

Кроме того, хан мог сделать и такое: великому князю Тверскому передать ярлык на великое княжение Владимирское. То есть — как бы объединить два княжества в одно. Таким образом как раз и происходило медленное «укрупнение» русских земель.

Но были и другие существенные отличия великого княжения от удельного.

* * *

На Руси в то время существовало несколько княжеств, которые претендовали на звание Великих. Важнейшими из них были Владимирское и Московское, Смоленское, Тверское, Суздальско-Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Белозерское, Рязанское, так называемые Верховские княжества. Постепенно, как и некоторые другие существовавшие до этого, они исчезали с исторической карты. Не пройдет и века, как большинство из них попадет под крыло крепнущей Москвы, объединявшей соседей в единое государство.

В каждом княжестве были свои устои, правда, очень похожие. И каждое из них делилось на свои уделы — земли, отчины, мини-княжества, принадлежавшие сыновьям-наследникам или ближайшим родственникам местного великого князя.

На примере Москвы старейшинство великого князя по отношению к удельным представляет особый интерес. Ведь иногда он даже назывался для них «отцом», естественно, в переносном, а не буквальном смысле.

Великий князь, например, всегда имел намного больше земли, чем любые другие его родственники. А земля и владение ею стояли во главе угла.

Он имел не только приоритет, но и абсолютное право заниматься внешней дипломатией, решать внешнеполитические проблемы. Через его голову вести переговоры с соседями удельный князь никак не мог. Это могло расцениваться как

предательство.

Также он решал главный вопрос в отношениях с Ордой — выплату дани. И по размеру, и по срокам. Именно великий князь собирал ее с уделов, а затем отправлял хану. Это было право и в то же время ответственность. Ибо именно с великого князя царь ордынский мог спросить — что, как и почему.

Собственно, таким же образом пополнялась и казна великокняжеского дома. Она собиралась одновременно с данью, хотя ее увеличение не было результатом дани как таковой. То был прообраз налоговой системы, которая исправно функционировала.

Также князь великий в княжестве своем имел право быть верховным судьей, главным военачальником, решать дела о землях и их перераспределении, иметь самое большое хозяйство в своих владениях.

Кое-какие вопросы порой требовали согласования с князьями удельными. Они с большой неохотой относились к тому, чтобы отдать всю полноту власти сюзерену. Часть вышеперечисленных полномочий была в их руках. Например, право судить в своих уделах, иметь свое войско и пр. Еще далеко было до власти абсолютной или самодержавной. Потому и приходилось многие решения великим князьям принимать в сообществе с удельными. Для чего собирались различные снемы, съезды, собрания, совещания и пиры. Если и не всегда договаривались, то по крайней мере — последнее слово было за князем великим.

И вот что еще было главным для великого князя. Он, и только он, мог написать духовную грамоту — завещание — на великое княжение своим наследникам. Любой другой вариант, подписанный любым другим князем, не был бы легитимен, то есть — правомочен.

* * *

Однако удельные князья были не в обиде. В то самое время, когда Василий Дмитриевич получил в наследство великое княжество Московское, князья удельные были хоть и «молодшими», но вполне самостоятельными и сильными. Правда, и у них были некоторые обязанности.

Ведь они по духовной грамоте Дмитрия Донского должны были «чтить и слушайть своего брата старишего в… место своего отця».

Отсюда вытекало следующее. Никто из них не имел права даже претендовать на великое княжение. Это могло

расцениваться как «отцепредательство», что было самым непростительным проступком для того времени.

Что же они могли делать сами? Оказывается, многое.

Держать своих бояр и свое войско. И это войско всегда подчинялось только своему удельному князю. Даже во время объединения военных сил великого княжества или нескольких княжеств для отпора какому-то врагу. Удельный князь и в этом случае приходил на сбор или участвовал в сражении, будучи командующим своего небольшого войска. Сам он мог подчиняться в этот момент главнокомандующему. Но его дружинники выполняли только его приказы.

Удельный князь сам выстраивал хозяйствование на своих землях, сам ими управлял, сам собирал дань и налоги, сам судил своих людей. Он мог даже продать часть своей «отчины» или присоединить к ней другие земли.

Но самое главное — он также мог передать свой удел по наследству, что делалось, видимо, с помощью подобных великокняжеским и уже известных читателю духовных грамот.

Большой интерес представляет тот факт, что и великие князья, и князья удельные в те времена печатали собственные монеты. То есть — они могли вводить в оборот свои деньги. И это не возбранялось. Никто не отрицал такой возможности, невзирая на иерархию «старейшинства» и «молодшества».

Но о монетах мы поговорим особо, так как тема эта оказалась не только важной, но и вполне загадочной (потому опять отсылаю читателя в главу «Загадки князя Юрия», в ее раздел «Древние монеты и герб Москвы»),

Начало 1390-х годов ознаменовали некоторые перемены в составе великого княжества Московского. Первые годы правления Василия Дмитриевича и поддержка его со стороны брата — Юрия показали возможности Москвы как централизующей силы.

Очень важно было то, что именно Московского князя уже давно поддерживали главы русской Церкви, еще со времен митрополита Петра. Этого совершенно не хватало тому же князю Тверскому Михаилу, как бы он ни старался в своем желании верховодить Северо-Восточной Русью. Возможно, именно этот фактор и не помог ему в борьбе за Владимирский и Московский престол.

В Москве, как нигде в других великих княжествах, чувствовались сила и единство княжеского рода. Ее правители присоединяли новые уделы, тогда как у соседей — все время происходили перемены или вообще — они дробились на более мелкие земли, что сильно ослабляло княжество в целом.

Великий князь Московский становился первым среди равных

на Руси. А московские удельные князья рядом с ним — очень большой силой. Не случайно затем даже родовитые потомки из этих уделов сохранили свои традиции и фамилии, многие из которых хорошо известны нам и сегодня. Причем многие спорные вопросы между князьями умело решались с помощью договоров, о которых мы поговорим дальше.

Духовник князя Звенигородского и Галичского

Печашеся о духовных сынех своих…

Повесть временных лет

Маркелл Безбородый повествует в Житии преподобного Саввы Сторожевского: *«После этого пришел в обитель Святой Троицы благоверный князь Георгий, сын великого князя Димитрия, и с большой просьбой обратился к блаженному Савве, чтобы пошел с ним в город Дмитров и помолился и дал благословение дому его, ибо Савва был его отцом духовным. Он же, не уклонившись от просьбы его, пошел с ним, желая исполнить прошение его… Князь поклонился, любезно… говоря: “Великого в тебе молитвенника к Владыцыне обрел, честный отче, и крепкого помощника в сражениях, ибо знаю, что твоими молитвами победил врагов моих”. Преподобный же старец со смирением ответил ему: “Благой и милосердный Бог видев твое благочестивое княжение и смирение сердца твоего, и любовь, которую оказываешь убогим, и сего ради дал тебе такую победу… Ибо ничем так не приближаемся к Богу, как милостью к нищим. Если будешь милостив к ним до конца, то жизнь добром утвердишь и будешь наследником вечных благ “. И так множество других поучительных слов изрек ему из божественных писаний. Князь все это слушал сладостно, влагая в сердце свое… И с той поры стал доверять ему еще более, чем раньше».*

* * *

Как мы уже говорили, Юрий Дмитриевич стал удельным князем Звенигородским и Галичским. Управление государствами в государстве, коими, собственно, и являлись столь важные для Руси уделы (между прочим, очень сильные еще совсем недавно самостоятельные княжества, влившиеся благодаря мудрой политике предков Юрия в состав Московии), требовало не только желания и отваги, но и определенной мудрости.

Кто бы мог в то время помочь юному князю в этом деле? Не только опытные управители или бояре. Важнейшим лицом становился главный советчик по жизни. А в Средневековой Руси им был духовный наставник.

Таковым для Юрия являлся удивительный человек, о котором подробнее мы поговорим в главе «Заступники и покровители», инок Сергиева монастыря, преподобный Савва, чуть позднее получивший в русской истории имя — Сторожевский.

* * *

Какую роль играл тогда в жизни человека духовный наставник? Для чего самые высшие правители Руси тщательно выбирали себе в советчики этих людей? Ведь нам известно, какую роль в жизни князя Дмитрия Донского сыграл преподобный Сергий Радонежский.

Князь Юрий во многом повторял своего отца. Он искал себе покровителя не во внешних регалиях или церковном положении, а скорее среди духовных монастырских авторитетов.

Как правило, князя в те времена окружало много людей. В первую очередь это были бояре. Среди них выделялись очень образованные и мыслящие люди, которые становились не только соратниками и друзьями, но и настоящими советчиками. Однако в наиболее важных делах, связанных с ключевыми событиями, например, подписанием договорных грамот, военными действиями или переговорами с соседями или с Ордой, в те времена требовался и другой наставник, способный не только рассудить — что да как, но и оценить события с точки зрения настоящей мудрости.

Люди духовные в те времена являлись наиболее уважаемыми. А настоящие старцы, которые понимали многие вопросы внутренней жизни, могли подсказать самые неожиданные на первый взгляд решения. Для совершения дел, связанных, например, с опасностью для жизни или отчины, или вообще — государства, от них стремились получить не только совет, но и благословение.

Даже далекий от церковной традиции человек наверняка слышал о том, что существуют духовные наставники, которые одновременно выполняют роль духовника. Известно, что в последние годы жизни Сергия Радонежского духовником основанной им Троицкой обители, включая и самого игумена-основателя, был инок Савва, будущий Сторожевский. Это отмечали его Жития. Именно ему монахи доверяли свои сокровенные мысли. Но главное — с ним делился заботами, печалями и проблемами преподобный Сергий.

Недаром автор Жития Саввы Маркелл Безбородый писал, что инок пребывал в монастыре «в совершенном послушании,

монашеской жизни обучаясь нраву, воздержанию и бдению, чистоту во всем соблюдая, как украшение всего иноческого жития. Работая много руками своими, в пении молясь беспрестанно, никогда ни с кем не беседуя, но больше уединяясь и в молчании пребывая. И все казалось, что он из простых людей, ничего не знающий, но многих в мудрости мнящих себя витиями разумом превосходил. Не внешней ибо мудрости искал, но более горней, и к ней подвизался».

Не менее примечательно описал его один из биографов XIX столетия, сам хорошо разбиравшийся в устройстве монастырской жизни — епископ Леонид (Краснопевков). «Савва, — писал он, — по просвещению духовному, по воспитанию сердечному, по бдительности над собою, был призван Сергием к трудному деланию, к послушанию, которое нелегко приемлется смиренномудрыми иноками. Он был поставлен во пресвитера и назначен духовником. В высокой степени трогателен был он, когда, в благоговейном страхе и слезах, приносил бескровную жертву, и столько же назидателен, когда действовал в качестве духовнаго отца. Молчанием обучив себя бережливому, осторожному употреблению слова; в подвиге послушания, самоотвержения, борения с искушениями, изведав тайники собственной души, он явился таким судьей и целителем совести ближняго, что ищущие спасения скоро оценили в нем высокий дар назидания: не только иноки, но и миряне приходили к нему открывать язвы совести своей».

Именно Савву Сторожевского выбрал себе в советники и наставники князь Юрий. Их отношения станут образцом для понимания того, как могла бы строиться система управления княжеством.

Как говорят — духовник «знает слишком много». Однако ему запрещено раскрывать грехи того, кто ему исповедовался, а также в любой форме укорять за них кающегося. Можно ли себе представить такого духовника, который еще при жизни Сергия Радонежского исповедовал многих подвижников будущего духовного возрождения Руси, учеников и последователей Троицкого игумена, в дальнейшем — устроителей Русской Фиваиды, великой цепочки новых монастырей! Теперь можно.

Им был Савва Сторожевский.

Говорят так: духовный отец вопросы не задает, но он должен знать ответы на них. Способность исповедовать считается даром Божиим, и ей учатся всю жизнь. В некотором роде — это наука жизни. А еще говорят: духовник — сосуд, из которого люди могут получать благодать.

Преподобный Савва был одним из исихастов. В переводе с

греческого языка слово «исихазм» означает «безмолвие», «уединение», «покой». Сами эти понятия не требуют пояснений или расшифровки. Они ведь близки представлениям любого человека о монашестве и его традициях. Естественным кажется то, что, уединившись и погрузившись в размышления и молитвы, монах может достигнуть какого-то духовного развития. Но так это кажется теперь. А в период Средневековья подобные «устоявшиеся понятия» еще не владели «массами».

Было много споров среди людей Церкви, причем во многих странах, связанных с методикой или опытом духовной жизни, — как, что и почему надо делать, чтобы достичь внутреннего совершенства. Да и вообще — какое оно, это совершенство, и что является признаками к его приближению.

Исихазм не спеша развивался как новое учение с XI столетия еще в Византии. Но по-настоящему владеть умами это учение начало только как раз в XIV веке, когда инок Савва появился в монастыре преподобного Сергия Радонежского. Идеи безмолвия быстро проникли на Русь, где пытливо искали новых путей церковного развития.

В основе учения лежала не теория, а тысячелетний опыт богоискательства, уединенного существования или — напротив — общежительства монахов Синая и Афона — признанных центров христианской культуры. На официальном Соборе в Константинополе в середине XIV столетия исихазм фактически был принят как официальная доктрина православия. И до настоящего времени существует практика этого учения, которое в бытовом обиходе иногда называют «сердцем православия».

Главными создателями идей и творцами учения считаются два Григория — Синаит и Палама. Они, по сути, ввели концепцию «умного делания» в духовную жизнь монашества. Один писал о стяжании благодати, другой о Божественном Свете, в котором святые «просветятся, как солнце».

Теперь стремящиеся к совершенству в духовной жизни люди, согласно данному учению, даже и не должны были думать о познании Бога с помощью разума. Достичь подобного результата, по мнению исихастов, можно было лишь в результате глубокого личного погружения в молитву, подготовки души и тела, то есть в итоге определенным образом сформированного образа жизни. Теперь необходимо было «умно делать» свои помыслы. Внутренний мир — психический — становился главным в процессе овладения и управления миром физическим и миром физиологическим. Единственным настоящим способом общения с окружающими людьми становилось «молчание», причем не только внешнее, реальное, в виде бессловесности, но и

внутреннее. Человек словно бы выходил из этого мира, из его истории, и с помощью «умного делания» приобщался к существующему над реальной историей вечному «умному миру».

Самым ярким проявлением приближения к совершенству являлась в понимании исихастов возможность созерцать дивный Божественный Свет, тот самый, который так поразил учеников Иисуса Христа во время Преображения на горе Фавор. Такое непосредственное прозрение истины — в воплощенном Свете — становилось важнее любого знания и разумения. Вот почему в те годы стали с большим вниманием выяснять: а что же это за Фаворский Свет, откуда он возникает или может появиться и какова его сущность? Дискуссии по этому, казалось бы, частному вопросу захлестнули весь церковный и научный мир того времени. Природа Фаворского Света и божественных энергий порой оказывалась важнее обустройства монастырского быта или привычных земных проблем.

Важно, что исихасты не отрицали земных правителей, были поклонниками единой священной государевой власти. Но самыми первыми качествами монарха или обычного князя они считали не доблесть или мудрость, а нравственные добродетели. Отеческая забота о чадах своих была идеальным представлением о поведении властителя удела или государства.

На Руси, в период внутренних раздоров между князьями и ордынского ига, такое понимание власти пришлось по душе. Идеи исихазма, пришедшие с переписанными трудами Григория Паламы, были подхвачены мгновенно. Исихазм помог Руси в общем обустройстве бытия. Раздоры между князьями и неопределенность будущего, связанного с прихотями ханов Золотой Орды, с постоянными войнами или набегами, с непомерной данью в результате ига — порождали и неуверенность в жизни. Умение владеть собой и жить в определенной иерархии, в согласии с миром, быть уверенным в будущем прозрении, ожидать возможных добродетелей от правящих людей и в последующем Воскресении — это были важные вещи, без которых не произошло бы так называемое русское Возрождение.

Появились и новые книги, переводы трудов духовных подвижников разных эпох, многие — в изложении афонских монахов. Греческие слова вошли в обиход русской книжности и речи. Греческие же монахи — на примере иконописца Феофана Грека — участвуют в оформлении мира, окружающего русского человека. Мы замечаем, что книжные тексты стали исполнены иным, более напряженным психологизмом, с некоторой даже эмоциональностью. Начитанность, знание духовных книг

становится новой отличительной чертой родовитых людей и князей, ранее кичившихся либо силой, либо положением. Наконец, стало распространяться убеждение, что без участия людей духовных никакие светские дела не могут быть успешными, а без благословения не обретутся ни победы, ни богатства. Святые покровители стали занимать более весомое место среди самоуверенности и гордости наполовину языческого способа управления.

Молчальник и аскет Савва Сторожевский, хотя и занимал в то время важное положение в Троицком монастыре, все же оставался одним из глубоких подвижников иноческой жизни и последователей исихазма. Об этом сохранились и предания в Звенигородской обители, об этом писали все авторы его житий, а также историки Церкви. Он же и помог во многом молодому князю Юрию Звенигородскому в самых его первых начинаниях, а затем — осуществить важные планы своей жизни. С именем преподобного Саввы будут связаны женитьба князя, его самые главные военные походы, а также устроительство его уделов, что подробнее мы рассмотрим немного позднее.

Глава четвертая. КОВАРНЫЙ БРАТ

Братолюбие независтно.

Служебник, 1380 г.

Итак, власть и великое княжение Дмитрия Донского принял по завещанию старший его сын Василий, позднее именовавшийся также Василием I. Надо сказать, что в свои 18 лет он уже был достаточно напуган жизнью, причем в буквальном смысле. Особенно после ордынского плена, роли заложника и постоянного возможного ожидания насильственной смерти.

Он прекрасно помнил, что находится перед литовским князем Витовтом в неоплатном долгу. К тому же он обручился с дочерью Витовта — Софьей и поклялся на ней жениться, что и сделает позднее. Таким образом, на всю жизнь определилось главное направление будущей политики наследника Дмитрия Донского — Литва, а за его спиной возникла «пролитовская партия». И это было заметно даже тогда, когда время от времени у Василия происходили конфликты с тестем. Дружбе с Литвой способствовал и восстановленный после кончины Дмитрия Ивановича в правах митрополит Киприан, а также его соратник и последователь — преподобный Сергий Радонежский,

Обладая властью великого князя, Василий I неплохо продолжал дело своих именитых предков. Ему удалось подсобрать новые земли под крыло Москвы. У хана Тохтам-ша в 1392 году (не прошло и десяти лет после того, как тот сжег Москву и отстроенный отцом Василия каменный Кремль) он прикупил ярлыки на уделы Муромский, Суздальский и Нижегородский. А затем положил глаз и на уделы черниговские, присоединив Перемышль, Козельск, Тарусу и Новосиль.

Василий I — соратник или соперник?

Сопротивить же ся мудрости
лукавство, правде же насилие.

Изборник, 1073 г.

Из «Истории Российской» В. Н. Татищева о возвращении Василия Дмитриевича из похода: *«И бысть радость велия во граде Москве, и веселиях усе людие, и торжествоваху светло на многи дни».*

* * *

Удивительно, но получилось так, что все остальные сыновья Дмитрия Донского, кроме двух — Василия и Юрия, не сыграли почти никакой существенной роли в русской истории. А их — старших — жизнь столкнет с такой силой, что даже потомкам придется разбираться не одно десятилетие. Все из-за особого внимания в семье, которым пользовался Юрий. Уже уделы были распределены по наследству, а коекому среди окружения великокняжеской семьи все казалось, что он мог бы стать лучшим продолжателем дел, начатых Московскими князьями. Вспомним, что Юрий Дмитриевич был признан «равным братом» Владимиру Андреевичу Храброму, великому воину и талантливому полководцу. «Братство» с ним помогло Юрию еще в молодости выдвинуться в ряды уважаемых военачальников. Слишком уж сильный получался союз.

Вот почему, почти сразу по вступлении на престол, Василий Дмитриевич быстро и последовательно начал осуществлять свои планы по укреплению и усилению собственного положения при Московском дворе. Его главным союзником был на то время великий князь Литовский Витовт, а вместе с ним — митрополит Киприан.

И года не прошло, как решили сыграть свадьбу — женить-таки молодого князя Московского на литовской княжне Софье. Пока он был холост и не имел наследников, могло произойти все что угодно.

И неожиданные события не заставили себя ждать.

* * *

В 1390 году великий князь Василий Дмитриевич заключает еще один после отца, уже свой договор с Владимиром Храбрым. Это ему было необходимо сделать по причине того, что тот обладал в ту пору достаточно большой силой.

Причем в завещании Дмитрия Донского «равный брат» князя Юрия вообще не фигурирует. Ведь он не был в числе сыновей (хотя и считался «равным братом»), а значит, не мог быть и в числе наследников.

Однако Владимир Серпуховской все еще надеялся вернуть себе некоторые свои уделы, которые, по его мнению, присвоил себе Дмитрий Иванович. Спор за них уже при Василии, сразу после кончины Дмитрия Донского, достиг нешуточного характера.

Князь Юрий оказался в центре событий. Ведь Владимир Храбрый был особо недоволен тем, что бывшие его владения — Галич и Дмитров — переходили к Юрию, который, по малолетству брата Петра, начал умело править этими уделами. Князь Владимир требовал хотя бы какой-то справедливости. Или возврата уделов, или иной компенсации.

Судя по всему, братья не только не хотели, но и не могли отдать обратно завещанное отцом. Требовалось согласование с ханомцарем. Он мог решить все споры.

Между тем в Москву приехал первый после смерти Дмитрия Донского ханский посол, которого называли «коломенским». К тому же Орде нужно было понять — что думают и как будут править на Руси потомки победителя в Куликовской битве. Появление посла не было неожиданностью, однако прямого ответа на то — сколько платить дани, какие уделы и как будут это делать, наследники еще не были готовы дать. Обеим сторонам необходима была ясность во всех этих вопросах.

По этой самой причине осенью 1389 года в Орду направился вместе с татарским послом князь Юрий Звенигородский. Этот факт становится известным благодаря сохранившемуся тексту упомянутой нами «докончальнои» грамоты Василия Дмитриевича и Владимира Храброго.

Князь Юрий должен был провести переговоры и вернуться из Орды с очередным послом, чтобы утвердить размер дани и новые отношения с сюзереном.

Ярлык на великое княжение Василием был уже получен без поездки в Орду. Однако сам он к хану на переговоры не поехал. За него это сделал более решительный и смелый брат — Юрий, ведь Василий все еще боялся, что может повториться его недавний плен. Да и неплохо было бы, чтобы этот братец, который пировал и радовался жизни в Москве, пока Василий был

в заложниках у хана, — сам хлебнул бы того лиха, которого и другим не пожелаешь.

И действительно, все-таки что-то произошло в Орде. Юрия «задержали». Уже зима была в разгаре, но даже после празднования Крещения и знаменитых морозов 1390 года он так и не вернулся. Рискованное это было занятие — решать дела с ордынскими правителями.

Собственно, необходимо было также определить несколько главных позиций во взаимоотношениях с ханомцарем. Подтвердить его личное приятие Василия, разрешить распри за уделы с князем Владимиром Храбрым и даже установить законность наследования великого княжества после Василия — Юрием. Возможно, что братья даже предполагали попросить военной помощи у самого Тохтамыша, предчувствуя реальные военные столкновения со своим родственником.

Долго ждали, когда «выидеть Юрьи» из Орды. И, слава Богу, вернулся он — живой и здоровый. Причем вместе с новыми послами от хана, которые опять подтвердили Василию его «володимерьское» правление.

Тут можно сказать, что князь Юрий оказал старшему брату неоценимую услугу. Рискуя быть непонятым или непринятым (ведь Дмитрий Донской назначил великого князя сам — без согласования с ханом), он совершил длительную поездку на Восток, выступив в качестве мудрого переговорщика. А ведь ему только исполнилось 16 лет!

Благодарить Юрия должны были и все остальные братья. Хан распорядился так, что притязания князя Владимира Серпуховского не были подтверждены. Все уделы, полученные наследниками Дмитрия Донского, оставались только за ними. Спор с дядей, правда, не закончился, но приутих на время. Вот почему и был заключен договор между князьями в 1390 году. За Юрием оставался Галич, под его влиянием находился Дмитров (и тот и другой удел попали к Дмитрию Донскому совсем недавно, в феврале 1389 года). Однако и Владимир Андреевич Серпуховской не остался внакладе. Ему таки дали Волок на Ламе и Ржеву («удели ему неколико городов, вда ему Волок да Ржеву»), пусть не полностью, частично, но все же — не обидели.

Договор скрепили печатями, на одной из которых мы видим оттиск личного перстня князя Юрия Звенигородского. И что удивительно, в заголовке документа написано, что договор сей составлен «повеленьем великого кня[з]я Васил[ъя] Дмитриевича и его брата князя Юрья Дмитриевича».

Итак, мы видим и равенство, и мощь, и влиятельность, и мужество, и мудрость нового удельного князя Звенигородского и

Галичского. Но еще не ощущаем в полноте ревность к нему со стороны его старшего брата.

Таким образом, первая возникшая государственная — политическая и экономическая — проблема была решена. Причем дипломатическим путем, без применения силы. Можно было сделать передышку.

И вот тут советники напомнили Василию о его обещании жениться на литовской княжне. Трон получен, великому князю требовалась великая княгиня. Надо было всерьез думать о наследниках.

* * *

Для начала Василий Дмитриевич быстро делает все возможное для возвращения в Москву изгнанного до этого его отцом — Дмитрием Донским — митрополита Киприана. Будет кому венчать молодых. Ведь для свадьбы великого князя требуется сам ставленник византийского патриарха, не меньше. Теперь невесту надо было доставить в Москву.

Вокруг приезда литовской княжны Софьи Витовтовны развернулось немало событий, во множестве пересказанных затем в летописях. Вот один из таких рассказов. «Того же лета князю великому Витовту послы пришли от великого князя московского Василя Дмитреевича. Князь великий Витовт дал княжну свою Софию за князя Василя Дмитреевича… И пошли со княжною у великих кораблех морем, и приехали ко Пскову. И псковичи им великую дали честь и проводили их до Великаго Новаграда. Також и новгородцы им великую честь давали до Москвы великому князю Василю Дмитреевичу. А князь Василей послал им против братю свою: князя Ондрея Владимеровича да князя Ондрея Дмитреевича и иных князей и бояр. И стретили княжну Софию с великою честью. Тогды был з ними священный Киприян митрополит со многими владыками и архимандриты, и игумены, и со всеми священники. И стретили ее честно со кресты перед Москвою, и был збор великий, и венчяня ся стало. И было чести и веселя досыта, иже не может выписати».

Торжества проходили с очень большой «помпой», даже, по словам летописца, описать их было невозможно. В них принимал участие вернувшийся в том же 1390 году в столицу митрополит Киприан. Сразу после этого он получает назначение из Византии на митрополичий престол в Москве. Его давняя тяжба за это назначение со многими противниками, включая Дмитрия Донского, наконец завершилась.

Предполагается, что навстречу литовской княжне выезжал в составе делегации от Москвы и князь Юрий Дмитриевич. Сообщения об этом есть в некоторых источниках. Таким образом, он продолжал выполнять необычные родственные обязанности, включающие нечто вроде очередной дипломатической миссии с элементами воинской охраны.

Так и завершился этот насыщенный событиями 1390 год, первый в период правления великого князя Василия Дмитриевича. Он исполнит свое обещание, данное взамен за спасение жизни и побег из ордынского плена. Князь женится на Софье Витовтовне. И этим поступком он повернул русские интересы в западном направлении.

С этого момента появится в Москве «литовская партия», которая просуществует несколько десятилетий, политика которой будет активно проводиться не только его женой, но и пока еще здравствующим митрополитом Киприаном.

«Литовская партия» на Руси. Гипотеза 3

Вся Русь должна принадлежать Литве.

Послы Ольгерда — Тевтонцам, 1358 г.

Из «Сказания о благоверном князе Довмонте и о храбрости его» XIV века: *«Из-за какой-то распри побились литовцы друг с другом, блаженный же князь Довмонт с дружиною своей и со всем родом своим покинул отечество свое, землю Литовскую, и прибежал во Псков. Был этот князь Довмонт из рода литовского, сначала поклонялся он идолам по заветам отцов… Пробудившись как от сна, от служения идолам, задумал он со своими боярами креститься… И наречено было ему имя во святом крещении Тимофей… И посадили его мужи-псковичи на княжение в своем городе».*

* * *

Новому великому князю Василию Дмитриевичу во многом везло. Проблем у властвующей над Русью Орды было настолько много, что ближайшие годы позволят ему без особого труда не только расширять границы княжества Московского, но и поправить свои финансовые дела. Однако он продолжал быть заложником уже известных нам обстоятельств. Спасение его жизни и литовская любовь (существует мнение, что она была искренней и взаимной, хотя прямых доказательств тому нет) заставляли князя выполнять действия, которые можно назвать выплатой обещанного долга. Таким образом, юго-западный сосед получил мощный инструмент управления Московской Русью в лице ее властителя. При дворе появилось, говоря современным языком, «пролитовское лобби», и все, что связано с этим, мы в данной книге условно будем называть так — «литовская партия».

Главными ее действующими лицами стали сама великая княгиня Софья Витовтовна, ее ближайшее окружение в лице приехавших с нею литовцев и примкнувших к ним московских бояр, а также давнишний друг Витовта — митрополит Киприан.

Не стоит забывать о том, что в те самые времена существовало два больших и мощных государства: Орда и

Великое княжество Литовское. Русь Владимирская (Московская) была фактически улусом, то есть — частью Орды, хотя по более поздним летописям таковой себя не называла, употребляя словосочетание «ушел в Орду» к тем, кто пересекал условную границу к востоку от Рязани или переправлялся в том же направлении через Каму и Волгу.

Но если Дмитрий Донской и его сын Василий Дмитриевич носили титул (по ярлыку, выдаваемому ханом-царем) великих князей Владимирских (Московских), то Витовт запросто будет величать себя великим князем Литовским и всея Руси! Для того чтобы в действительности обладать «всей Русью», ему не будет хватать только малого — подчинить себе, пусть даже не физически, но политически и экономически — Новгород и Москву. За это он готов был сражаться даже с Ордой.

Таковы были давние и дальние планы литовских правителей, которые теперь были как никогда близки к их осуществлению. Ведь Софья стала соправительницей земли, образно напоминающей кусок вкусного и жирного пирога.

Для митрополита Киприана, которого Литва поддерживала в самые трудные его времена, включая его ссору с Дмитрием Донским и взаимные проклятия князя и святителя, не составляло особого труда объяснять Василию выгодность дружбы с Западом, при этом сохраняя за собой право на византийское устройство восточной православной митрополии.

Да и вообще Киприан получил когда-то эту самую Киевскую митрополию при поддержке литовца Ольгерда, хотя тот слыл настоящим язычником. Однако при этом мнение святителя о литовском правителе отразилось позднее в составленном им первом Московском летописном своде, где мы читаем об Ольгерде очень лестные слова. Будто он «превзыде властию и саном, но не пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великомуство и воздержание приобрете себе… не токма силою, елико уменьем воеваше». По всему видно, что уж больно хороший был человек, в отличие от Дмитрия Донского, о котором говорится сдержанно и сухо, с некоторым «забыванием» подробностей его героических достижений, включая реалии победы на Куликовом поле.

Митрополит Киприан дружил со всеми литовскими правителями. Даже когда они приняли католичество. После Ольгерда — и Ягайло, и Витовт были его покровителями. И теперь, находясь рядом с Софьей при Московском дворе, он мог решить для Литвы многое.

Появление Софьи в столичном Кремле стало важным событием. Однако тогда этого еще никто всерьез оценить не мог.

Только будущее покажет — как и на что способна была эта незаурядная женщина, пережившая затем почти всех современников и сумевшая активно и последовательно влиять на все происходящее в Москве в течение более чем полувека.

* * *

Она была дочерью Витовта и великой княгини Смоленской — Анны. Литовцы этим браком тогда не просто породнились с князьями Смоленскими. Желание прибрать к рукам огромное и важное по стратегическому положению княжество было у них всегда.

С детьми в семье не повезло. История двух будто бы отравленных крестоносцами сыновей до сих пор несколько неясна и загадочна. А оставшаяся дочь — увы — не могла в те времена стать правителем вместо наследников-мальчиков. Однако выдача ее замуж за Василия, как мы уже знаем, явилась решением сразу нескольких проблем.

Поразительно, но год их рождения с будущим мужем — абсолютно совпал: 1371-й. Воспитана Софья была в лучших традициях литовского двора. Умела не только вышивать, но и рисовать, и даже играть на музыкальных инструментах. Благородная девица на выданье — как только подросла — могла составить партию любому отпрыску лучших княжеских или королевских домов Европы.

Но тут появился вызволенный из ордынского плена молодой Василий. Им обоим еще не стукнуло шестнадцати. По тем временам — самое время для сватовства и женитьбы.

Обручившись, молодые, как известно, почти пять лет ждали своей свадьбы. В 20-летие невеста тогда считалась уже весьма не молодой. Но к Софье это не имело никакого отношения. Она была юной, когда встретила Василия. А затем прождала все эти годы, и могла, видимо, делать это и еще дольше.

Мы мало знаем — как она жила при литовском дворе, но, отличаясь довольно «современными» и более раскованными (для традиций тогдашней Руси) взглядами на жизнь, она, естественно, производила на русского мужа и на его окружение особенное впечатление.

Православная вера ее ничуть не изменила. Резкость и неординарность поступков великой княгини потом отразятся и на некоторых важных исторических событиях. Не заметные пока в ее характере элементы самоуправства и женской эмоциональности в ближайшем будущем дадут о себе знать.

Возможно, в этом отразилось непростое детство молодой супруги. Многие ее родственники скончались не своей смертью. Дед и бабка, например, были жестоко убиты. Та же участь ждала и отца. Семья фактически обитала, находясь в бегах. Страх перед возможной смертью — прямо сейчас, в любую минуту — будет преследовать ее всю жизнь. И, может быть, это повлияет затем на отношения ее мужа и его брата — князя Юрия. Ведь, по мнению искушенной в борьбе за власть женщины, любой наследник только и думает о том — когда же, в конце концов, умрет нынешний властитель. Так делали ее родичи. Так поступал ее отец, изменивший даже вере отцов для борьбы за власть. Кошмар постоянных смертей родственников, между прочим, в Москве для нее закончился. Здесь хоть и было не совсем спокойно, но не до такой степени, как в ее родных землях.

Кстати, дед ее по матери — великий князь Смоленский Святослав Иванович — был убит во время сражения как раз в год ее обручения с Василием. Это значительное совпадение обычно никак исследователями не рассматривается. Но оно становится дополнительным подтверждением ряда заключений, что само обручение имело во многом именно политические мотивы, а не только — любовную подоплеку. Однако уже во время появления ее в Москве и пышно разыгранной свадьбы Смоленском правил ее дядя Глеб Святославич, что придавало новой правительнице еще пущего веса.

А в 1392 году в Литве к власти пришел отец московской княгини. Выиграли все — и Витовт, и Василий. Первый закрепил свои позиции на Востоке. Второй — «угадал» с женой. Теперь ее влияние на Москву «удесятерилось». И пока Витовт будет править Великим княжеством Литовским, у князя Юрия Звенигородского будут возникать самые неожиданные проблемы. Ведь он стал камнем преткновения для «литовской партии». Не будь его — нечего было бы и опасаться. Другие братья как-то в расчет не брались. Слишком молоды, да и без претензий.

Это продлится до 1430 года, то есть — до кончины Витов-та. И только тогда князь Юрий сможет открыто заявить о нарушении семьей покойного брата Василия завещания Дмитрия Донского. Софья еще будет «в силах», но уже не в таких, чтобы тут же наступить своим недоброжелателям «на горло». И хоть великое княжество ее отца в тот момент достигнет апогея своей силы, она уже не сможет определять все, что она считала нужным или необходимым. То был период, когда, по словам профессора С. Ф. Платонова, написавшего еще в царской России свой знаменитый «Учебник русской истории», «Василий Дмитриевич вверил Витовту попечительство над своим сыном, а его внуком, великим

князем Василием Васильевичем. Это была минута наибольшего превосходства Литовского княжества над Московской Русью».

Таким образом, упомянутая нами «литовская партия» существовала несколько десятилетий. А это огромный период для истории Русского государства. Кто-то оценивает ее роль как прогрессивную, другие считают, что развитие Руси без такого влияния могло бы пойти по-другому, в гораздо даже более передовом направлении. Но, во всяком случае, роль Софьи Витовтовны еще по-настоящему не оценена и не определена.

* * *

Как известно, в том же 1392 году скончался преподобный Сергий Радонежский. Он хоть и был соратником митрополита Киприана, но как-то сдерживал влияние при Москве «литовской партии». В момент кончины сам Киприан в столице отсутствовал, он был в Литве. С уходом Сергия начинался период более напряженных отношений между родственниками Московского правящего дома. Именно в эти годы начинают появляться новые веяния — составляются договоры между братьями и удельными князьями, которые могли бы хоть как-то упорядочить любые возможные в будущем споры или недоразумения.

Бесконечные братские договоры

Тобе брату моему моловшему
мне служыти без ослушанья…

Из грамоты Дмитрия Донского

С.М. Соловьев. «История России с древнейших времен»:

«До нас дошли также договорные грамоты Василия Димитриевина с родными его братьями. В них нет отмен против прежних подобного же рода грамот. Доя объяснения последующих событий нужно заметить, что князья Андрей и Петр Димитриевичи обязываются в случае смерти Василия блюсти великое княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится».

* * *

И все-таки кажется странным, что князь Василий побаивался с самого начала своего великого княжения возможных притязаний со стороны младшего брата Юрия. Завещание отца — Дмитрия Донского — ставило их обоих в неудобное положение. Один мог наследовать власть за другим в любой момент. Но ведь и раньше, в духовных грамотах других московских князей похожие формулировки «от брата к брату» уже существовали! Что же так «выделяло» эту?!

Удивительно и то, что князь Юрий Звенигородский изначально не находился в какой-то борьбе или оппозиции к Василию. Наоборот, он всегда помогал ему в трудные минуты. Но это не значило, что Василий поступал или думал так же, как Юрий. Он стремился как-то обезопасить себя от возможных притязаний брата. Тем более что тот стал выказывать чудеса храбрости и настоящий воинский полководческий талант.

По этой причине Василий уговорил его еще в начале 1390-х годов подписать уникальный документ — специальный «родственный» договор. Эта «Грамота великого князя Василя Дмитриевича з братом с Юрием» чудом сохранилась в списке XV века и стала объектом пристального внимания исследователей.

* * *

Традиция заключения договоров и подписания договорных грамот между княжескими родственниками после Ивана Калиты была крепкой. Такие документы составлялись и подписывались его братьями, сыновьями, внуками и правнуками. Однако не так много дошло их до наших дней. Исследователи среди них отмечают следующие, которые напрямую имеют отношение к XIV столетию в истории Руси.

Во-первых, известный договор князя Симеона с братьями Иваном и Андреем, который имеет отношение к 1348 году. Позднее великий князь Дмитрий Иванович заключит свой первый договор с двоюродным братом Владимиром Серпуховским (Храбрым). Сколько затем их еще будет, пока этот активный в своих претензиях родственник окончательно не успокоится, а семья его не потеряет в эпидемию чумы почти всех своих наследников! Но это случится намного позже 1364—1365 годов, когда они подписывали свои обязательства о взаимоотношениях. Однако им пришлось переделывать соглашение несколько раз: в 1372 и 1389 годах. Но мы уже помним, что князь Владимир Серпуховской на этом не остановится, не успокоится и начнет готовить уже с Василием Дмитриевичем новый договор, который и будет подписан в 1390-м.

Среди прочих договоренностей князей история также сохранит для нас важный документ, наконец-то напрямую связанный с именем князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского. Он позволяет нам рассмотреть подробнее небольшой период в его биографии. Этот договор великого князя Василия Дмитриевича с родным братом был составлен и подписан, по мнению специалистов, в промежуток времени от 30 декабря 1392 года до 23 февраля 1393 года.

Такие договоры содержали множество пунктов. Князьям необходимо было определиться по любым мелочам, дабы потом не возникали разные толкования или поводы для непонимания. Все такие грамоты являются неожиданными и интересными источниками для понимания процессов, происходивших в удельной Средневековой Руси.

В договорах признавалась верховная власть сюзерена — великого князя. Но определялась и степень власти князя удельного, что было скорее важно для него. Для верховного правителя была необходима формула поведения его вассалов: «быти ны заодинъ». Призыв к единству закреплялся юридически, подписью и целованием креста. Это способствовало взаимопониманию и главное — успокаивало внутреннюю ситуацию на Руси.

Удельные князья письменно подтверждали «старейшинство»

и «отцовство» великого князя. Хотя для князя Юрия «отцовство» почему-то перешло в «братство». В рассматриваемом нами договоре Василий признан им «братом старейшим», причем великий князь, видимо, не возражал ничего по этому поводу и подписал документ. А возможно, и сам предложил внести такую формулировку в грамоту. Дабы удружить брату. Дабы не сделать из него врага сейчас, когда он еще не окреп, не пользуется беспрекословным авторитетом, не имеет ни военной силы, ни денежных средств.

По договору также власть производить внешнеполитические действия становилась приоритетом только великого князя. Но обе стороны почти всегда договаривались о том, что не будут заключать ни с кем никаких сепаратных соглашений, не подписывать никаких грамот за спиной или без ведома другого. Это предполагало, что они не будут «канчивати ни с кем», то есть не составят «докончальных грамот» (договорных грамот о единстве «до конца жизни») с другими князьями или родственниками, в ущерб данным договоренностям.

* * *

Поразительно, ведь в самом начале текста «Грамоты великого князя Василя Дмитриевича з братом с Юрием», столь важной для нашего повествования, князь Василий титуловал сам себя следующим образом: «Я, князь великий всея Руси» (а не просто — Владимирский или Московский)! Похожим образом, как мы помним, подписывался в это время и великий князь Литовский, который тоже считал себя властителем «всея Руси», А ведь не прошло пока еще и трех лет, как Василий занял Московский престол!

Для знакомства с полным текстом этой грамоты мы отсылаем пытливого читателя в раздел «Приложения» данной книги, где она помещена. А здесь рассмотрим главные ее положения.

Братья Василий и Юрий подписывались и «целовали крест» по нескольким пунктам. Они договаривались до смерти «быти заодно», друзья одного признавались друзьями другого, запрещались любые сепаратные соглашения без ведома другого брата, подтверждалась роль матери князей — Евдокии — в качестве блюстителя престолонаследия.

Затем Юрий подтверждал, что будет чтить старшего брата, а Василий — что будет держать младшего «без обиды». Оба были не против помогать своим младшим братьям. Боярам друг друга князья давали «вольным волю», то есть во внутренние дела

считали лучше не вмешиваться. Но главными пунктами стали «военные обязательства», которые сильно повлияли затем на исторические события.

Юрий подписался и под такими словами: «А где ты, господин, сядешь на коня или ты меня пошлешь, и мне также сесть без ослушания». То есть он обязался выполнять любые военные поручения Василия — без ропота и беспрекословно. А еще великий князь внедрил в текст положение о личных обязанностях бояр и слуг, где бы они ни проживали, служить своему князю. Естественно, что даже в Звенигородских землях жило больше слуг Василия, нежели Юрия. А значит, младший брат не мог призвать их в свои ряды при необходимости без ведома старшего.

Именно по этому договору молодой князь Юрий отправится по поручению Василия на войну с новгородцами (1392 год), а затем устремится в погоню за предателями и начнет воевать с волжскими булгарами. Звенигородский удельный князь, как это будет ясно в дальнейшем, выполнял условия договора до конца жизни Василия, то есть буквально следовал тексту соглашения: «до живота». Он делал это и позднее, даже зная еще при жизни брата, что тот решит передать наследство и великокняжеский титул не ему (как было положено по закону и по завещанию Дмитрия Донского), а собственному малолетнему сыну.

Такое последовательное поведение Юрия на самом деле сыграет положительную роль. Оно не возбудит возможные смуты, поспособствует укреплению Московского государства, но сыграет в некотором роде роковую роль в судьбе самого Звенигородского правителя. Ибо «человеческая» история (и Софья Витовтовна, например, это хорошо знала) подсказывала простую формулу поведения для борющегося за власть наследника: бери то, что положено, сразу, не раздумывая и не обращая внимания на жертвы. Если для этого нужно убить, даже своего родственника, пусть и брата — то сделай это. Опаздывающий — не только проигрывает, но и сам может стать жертвой.

* * *

Мы теперь, по прошествии веков, уже знаем, что князь Василий пользовался военными услугами брата Юрия недолго. Полководческие успехи Звенигородско-Галичского правителя, его победы, его умение управлять войсками настолько пугали великого князя, что он быстро отказался даже от участия звенигородцев в некоторых баталиях. Слишком много славы и богатства досталось этому везунчику — Юрию. И почему-то он не

очень любил столь близкую для Василия Литву, к союзу с которой призывал митрополит Киприан.

А тут еще и очень авторитетный и сильный духовный наставник появился в Звенигороде, где уже не стало епископа Даниила. Пришел игумен из Троицы — Савва и основал свой новый монастырь, да прямо почти у стен Москвы, на важнейшем западном направлении, у старой Смоленской дороги. Рядом появилась новая крепость, возведенная Юрием. В Галиче строится еще одна, да какая! Относительно же Саввы — никто из сыновей Дмитрия Донского не мог тогда «похвастать» таким духовным советчиком. Сергия Радонежского уже не было, а многие ученики его разошлись по разным местам, основывая свои монастыри. Некоторые из них общались духовно с именитыми князьями, но на расстоянии, часто лишь с помощью переписки. Здесь же, в Звенигороде, под самым боком Москвы, складывалось мощное содружество двух сильных духом людей. Что можно было от этого ожидать?

Князь Василий не преминет подготовить, на всякий случай, подобные же грамоты и с другими своими братьями — Андреем и Петром Дмитриевичами. Они содержат похожие положения, но в «облегченной» форме. Аналогичная его грамота того времени с самым младшим братом — Константином — не сохранилась.

До нашего времени дошла «новая» (значит — не первая) грамота, которая была подписана, видимо, около 1401— 1402 годов. То есть после женитьбы Юрия Дмитриевича, когда станет ясно, что Звенигородский князь может также заиметь своих наследников — потенциальных наследников и всего великого княжества (да у него уже родился сын Иван). Вот почему для Василия нужны были дополнительные союзники.

Этот документ можно прочитать в едином сохранившемся списке XV века, в котором также находится договор-докончание Василия Дмитриевича с великим князем Рязанским — Федором Ольговичем. Грамота с ним подписана 25 ноября 1402 года, и ее составление было связано с тем, что возникала необходимость подтверждения отношений Рязани и Москвы после кончины князя Олега. Того самого, который защищал Смоленск и являлся по жене близким родственником князя Юрия Звенигородского. В те же времена была подписана и еще одна грамота Василия с известным уже нам князем Владимиром Андреевичем. Споры все еще продолжались.

Мы знаем этот документ под названием «Грамота докончалная великого кназя Василья Дмитреевича с меншею братьею, со князем Ондреем Дмитреевичем, новая». Она дает нам краткое и точно представление о том, как формулировались

основные положения подчинения удельных князей — своему сюзерену, великому князю. Именно по этой причине — краткости и точности формулировок — мы приведем почти полностью текст договора, отдельные положения которого, можно сказать, стали даже расхожими поговорками.

Подписание благословляли еще здравствующие митрополит Киприан и «матерь наша» — великая княгиня «Овдо-тья», вдова Дмитрия Донского. Братья «целовали крест межу собя по любви, без хитрости» о следующем (мы разбиваем текст на некоторые «блоки», для удобства восприятия основных положений).

«Быти нам заодин, и до живота.

Хто будет друг тобе, князю великому, то, господине, и нам друг. А хто будет, господине, тобе недруг, то и нам недруг.

А тобе, господине, князь великы, не канчивати без нас ни с кем. А нам, господине, без тобе не канчивати ни с кем, ни ссылатися».

Данные положения для читателя уже понятны. Речь идет о дружбе и обещании ни с кем более не вступать в подобные отношения.

Продолжим чтение.

«А тобе, господине, нам, князь великы, держати во отца нашего место, великого князя.

А тобе, господине, князь великы, так же нас держати в братстве и в чести, без обиды. А нас ти, господине, жаловати и печаловатися нами и нашими вочинами…»

Здесь мы видим обычное подтверждение братьев в том, что они признают Василия своим сюзереном — великим князем.

Но вот затем мы замечаем прелюбопытную вещь.

«А в Москве жити, господине, по душовной грамоте отца нашего, великого князя».

Братья вполне понятно — ссылаются на завещание Дмитрия Донского, как на главный первоисточник их прав и прав Василия. Но далее они вдруг словно «оговариваются».

«А чем тя благословил отец наш, князь великыи, — написано в грамоте, — в Москве, и с Коломною с волостьми, и всем великым княженьем, или что еси собе примыслил, и того нам всего под тобою блюсти, а не обидити, и под твоими детми, так же нашим детем (здесь и далее выделено мной. — К. К.-С.)».

Мы видим, что удельные князья и братья Василия (Можайский князь Андрей Дмитриевич и Дмитровский — Петр Дмитриевич) признают возможность продолжения великого княжения не только самим Василием, но и его детьми, которые уже заранее, по данному договору, будут над их детьми. Вот, видимо, для чего и нужна была в первую очередь данная грамота

князю Василию.

В подтверждение данной формулировки мы читаем продолжение текста.

«А по грехом, господине, Бог отведет по нашим тобя, а нам, господине, того всего так же под твоею княгинею и под твоими детми блюсти, а не обидети. А быти с нами заодин».

Мы видим, что уже рассматривается вариант возможной кончины Василия Дмитриевича. И пусть даже это вполне обычный раздел подобного рода грамот, но и он наводит на мысль, что по какой-то причине великий князь уже думал о возможном исходе. Что могло бы стать причиной для этого? Болезнь? Ордынские проблемы, закончившиеся затем нашествием Едигея? Или странные взаимоотношения и обязательства перед литовскими родственниками и «литовской партией»?

Известно то, что с этих времен Василий начнет составлять также свои завещания — духовные грамоты, которых было несколько. Он все время словно бы готовился к смерти. И все время менял тексты для своих преемников. Но главное — он в каждой такой грамоте словно бы забывал имя своего брата — Юрия Дмитриевича. Звенигородский и Галичский князь не попадал в число его наследников.

Но об этом подробнее — в следующих главах. А сейчас братья Андрей и Петр расписывались и под другими, обычными нормами взаимоотношений того времени.

Военное союзничество: «И где ти, господине, всести будет на конь, или ти будет куды нас послати, и нам пойти без ослушанья».

Отношения с боярами (текст звучит как хрестоматийный): «А бояром и слугам межи нас вольным воля».

И наконец, деление бояр меж князьями: «А хто, господине, имет жити наших бояр в твоей вочине, блюсти их, как и своих. А хто, господине, учнет жити твоих бояр и слуг в нашей вочине, и нам блюсти, как и своих. А хто которому князю служит, где бы ни был, полести ему с тем князем, которому служит».

Принципы сформулированы. Они позволяли не только потребовать их исполнения, но и предъявить претензии. Благодаря некоторой упорядоченности Московское княжество стало потихоньку подниматься и строиться.

Однако на поверку выяснилось, что и документы можно трактовать по-своему или даже вообще — не принимать во внимание.

Так произойдет в дальнейшем с завещанием князя Дмитрия Донского.

Расширение московских земель

И Москва не сразу строилась.

Поговорка

Из размышлений маркиза де Кюстина о русских, после путешествия его в Россию в начале XIX столетия: *«То, что вижу я сейчас перед собою, подтверждает истинность не раз мною слышанного суждения о чрезвычайной ловкости и смышлёности русских… Долго ли ещё эти избранные люди будут оставаться скрыты в глуши, где держит их провидение… и ради какой цели? Это ведомо лишь ему одному!.. Когда пробьёт для них нас освобождения и, более того, господства? Сие — Божья тайна».*

* * *

Первые же годы правления Василия Дмитриевича ознаменовались расширением границ княжества и присоединением к нему соседних земель.

В 1392 году он получил из Орды ярлык на важнейшие города — Нижний Новгород, Городец, Мещеру и Тарусу. И тогда же фактически присоединил к Москве княжество Суздальско-Нижегородское. Считается, что он его купил у ордынского хана.

Но в этом расширении ему реально и даже самоотверженно помог брат — Юрий Дмитриевич. Он, следуя «докончальному» договору, вместе с «равным братом» Владимиром Храбрым предпримет необходимые Василию военные походы, подчинит Москве также город Торжок, рискуя жизнью, — прогонит врагов, подчинит несогласных, усмирит бунтующих. Сделает это быстро, эффективно и профессионально.

Каждое действие Звенигородского князя будет повышать его авторитет в воинской среде. Князь Владимир признает в нем настоящий полководческий талант. Не забудем, что в эти времена Юрию Дмитриевичу исполнилось всего 16—18 лет! И только потом, когда ему будет чуть за 20, он пойдет дальним победным походом по землям великой Волжской Булгарии, о чем мы расскажем позднее.

Однако уже в те времена будет расти и число его врагов. Не только тех, кто был недоволен его возвышением, не только представителей «литовской партии», но и врагов буквальных. Например, из других удельных князей. Ведь бежавший в Орду

нижегородский князь Семен будет затем бороться не только с Василием, но и с Юрием почти всю свою жизнь. А для правителя Звенигородского и Галичского это будет связано с самыми серьезными сражениями в его жизни, из которых, правда, он выйдет и с победой, и с честью.

Летописи будут освещать присоединение к Москве Суздальско-Нижегородского княжества по-разному. Естественно — они создавались в разных местах Руси. Кто-то поддерживал князя Семена, а кто-то наоборот — осуждал. Рогожский летописец поведал потомкам, что Василий добился этих земель «златом и сребром, а не правдою». То есть охарактеризовал нам некоторые новые черты великого князя, о которых мы еще до этого не знали. Среди них, например, его алчность. Именно по этой причине, по мнению летописца, на Руси может затем произойти «конец вселенной».

Известно также, что нижегородские бояре «сдали» тогда своего князя Семена, заявив о поддержке Москвы. Это было не очень честно, по мнению составителя летописи. И также не хорошо — было обращение Василия в Орду для получения ярлыка на княжение. Что-то вроде «запрещенного метода». И для потомков осталась головоломка: что считать главным и первым в его действиях: завоевание княжества или получение ярлыка. В ранних (возможно, более правдивых) летописях мы видим такую последовательность: сначала — ярлык от хана, а потом — поход на Нижний Новгород (не совсем «честные» действия). А в поздних — все меняется местами.

Во всяком случае, Василий Дмитриевич уже тогда понял — действовать можно и нужно любыми способами. Цель укрепления единой власти — оправдывает средства.

Само Суздальско-Нижегородское княжество известно с 1330—1340-х годов. Его земли были просторными: от Унжи на севере — до Суры и Алатыря. Их отчасти занимала мордва. Плодородные поля, удачное торговое положение у слияния Волги и Оки. В самом Нижнем Новгороде даже начали строить каменный Кремль, наподобие московского. Имелась своя, суздальская епископская кафедра.

Во времена Дмитрия Донского князь Борис Константинович захватил город.

Тогда в Нижний даже отправился преподобный Сергий Радонежский, чтобы решить ситуацию мирным путем. Уговоры не подействовали, и, как известно, преподобный Сергий взял да и закрыл все городские храмы.

Как мы помним, Евдокия — супруга Дмитрия Донского — была дочерью одного из князей Нижегородских — Дмитрия

Константиновича.

Усобицы, которые возникли при Василии Дмитриевиче, продолжались потом несколько десятилетий. Но та самая купля им ярлыка на княжество у ордынского хана стала началом удивительных событий.

* * *

Именно в начале 1390-х появился с Востока в поле зрения Руси грозный властитель и воин — Тамерлан. Уже доносились сведения о том, что бывший его союзник и подчиненный ему полностью ордынский хан Тохтамыш фактически предал своего хозяина, начал собственную политику по отношению к соседям и к нему самому. Все это разгневало Железного Хромца — Тимура.

Больше всего Тамерлана раздражало именно предательство Тохтамыша, которого он не раз спасал и к которому благоволил. Привычная ордынская хитрость в данном случае сыграла для Тохтамыша роковую роль. Он получил страшного врага, умеющего доводить свои планы до конца.

Именно этого — предательства — Тимур не мог простить ордынцу все последующие годы, которые прошли во взаимных между ними войнах. Отсылаем читателя в раздел «Приложения», где помещены несколько интересных документов, связанных с взаимоотношениями этих двух самых могущественных правителей Востока того времени.

Настоящие сражения между ними, слух о которых доходил до Москвы, начались в 1391 году. Тимуру приписывается послание, которое он направил непосредственно Тохтамышу. Оно датируется как раз этим годом. Вот что пишет возмущенный полководец:

«Великий хан Тохтамыш в своем письме много говорит о моей мудрости, а сам считает меня глупцом, если думает, что я поверю его обещаниям. Ты давал их мне уже не раз и всегда после этого нарушал. У плохого дровосека всегда виноват топор, а у хана Тохтамыша всегда виноваты дурные советники!

Я принял тебя как сына, дал тебе много больше того, на что ты мог рассчитывать. А чем ты мне заплатил? …Я не верю этим словам! Хан Тохтамыш не отбросил свой кинжал, а только обмазал его медом. Не думай, что я стану этот кинжал облизывать!»

Собрав громадное по тем временам войско (некоторые источники утверждают, что это было около 200 тысяч ратников), Железный Хромец двинулся к Волге. Здесь, на левом берегу

могучей реки, встретились две армии.

Ордынское войско под командованием хана Тохтамыша было прекрасно подготовлено. Он, как и его предшественники, традиционно с помощью силы умел держать в узде своих врагов. Но перед организованными полками Тамерлана, уже закаленными в боях по всей Азии, эти татаро-монголы оказались совершенно бессильными.

Поражение Тохтамыша в битве было ощутимым. Великая Орда давненько не помнила подобного «унижения».

Именно эта ситуация как раз и сыграла важную роль для присоединения Нижегородского княжества Василием Дмитриевичем. Хан отдал ему ярлык на княжение быстро. У него не было ни времени, ни сил, чтобы после поражения от Тимура разбираться с «какой-то там» Русью. Ему требовалось оправиться от ран и собирать новые силы. Потому что все знали — пока Тамерлан не возьмет свое, не отомстит, не добьет врага — он не остановится. Новые нашествия были легко предсказуемы.

Кстати, тогда же и Витовт, «под шумок», прихватит себе столицу — Вильно и ряд литовских земель, включая западнорусские. Ослабление Востока было ему на пользу. Замыслы литовца и его дочери — московской великой княгини Софьи — начинали неожиданно быстро осуществляться.

Пока Тамерлан готовился к новому походу на Тохтамыша, произошли следующие события. В 1394 году скончался в неволе последний нижегородский князь — Борис Константинович, Это произошло в Суздале. Теперь из тех, кто мог реально претендовать на власть в уже присоединенном к Москве Суздальско-Нижегородском княжестве, оставались в живых и невредимых лишь князья Василий Дмитриевич и его брат Семен.

Испуганные, что их могут физически устранить, не покорившиеся Москве князья спешно отправляются в Орду. И уже позднее их будет преследовать дружина князя Юрия, исполнявшего свой воинский долг по договору с Василием.

Именно в таком соотношении сил и наступил знаменитый 1395 год.

Год, когда, можно сказать, решилась судьба Руси.

Когда князь Юрий Звенигородский и Галичский покрыл себя неувядаемой славой великого полководца, а его духовный наставник — преподобный Савва Сторожевский — великого прозорливца.

* * *

Вспомним наш разговор о 1374 годе (когда родился князь Юрий) как об уникальном в русской истории. Год 1395-й был не менее значимым.

Рассказ о тех событиях мы разобьем на две части.

Первая — это война хана Тохтамыша и Тимура. О ней речь пойдет в этой главе.

Вторая — участие в битвах дружины князя Юрия Звенигородского. Рассказ об этих событиях читатель во всех подробностях найдет в следующей, пятой главе книги — «Поход на Волжскую Булгарию».

Еще осенью 1394 года произошли первые столкновения ратей Тохтамыша и Тимура. Серьезного большого сражения не состоялось. Возможно, помешала наступившая зима. Обе стороны стали ждать весеннего тепла.

Именно тогда Тохтамыш призвал к себе в союзники грузинского царя. За что тот поплатился сполна. Тамерлан и до этого разорял города Грузии. Но теперь добавил еще, да так, что воспрянуть древнему государству в своей предыдущей мощи в скором времени уже не удастся.

Весна наступила необычно быстро. Обе враждующие стороны ждали ее с нетерпением. И двинулись навстречу друг другу, едва стала возможной ночевка воинов под открытым небом.

Две большие армии сошлись у берегов реки Терек в апреле 1395 года. Считается, что они были равнозначны по количеству ратников. Битва так и происходила — почти на равных. Говорят, будто оба предводителя сражались вместе с рядовыми воинами.

В разгар жестокой сечи Тохтамышу удалось прорвать центр вражеского войска. Был момент, когда возникла опасность для жизни самого Тамерлана. Но чуть позднее ситуация выправилась. А к вечеру Тохтамыш неожиданно решил, что его положение значительно ухудшилось. И отдал приказ к отступлению. Это погубило войско, так как отдельные командиры и их отряды просто побежали, в надежде спасти свою жизнь.

Конники Тимура добивали их уже почти без сопротивления.

Битва была выиграна Железным Хромцом. Тохтамыш исчез с поля боя. Только позднее выяснилось, что он находится в Крыму, куда бежал почти сразу же. Но и там его могла достать «рука» мстительного Тимурленга. И, будучи обременен «обозом» — всей своей многочисленной семьей (несколько жен и два сына), он был вынужден бежать еще далее на Запад, в Литву.

Витовт уже знал о произошедшем и принял Тохтамыша. Для него Тамерлан был такой же опасностью, как и для ордынского хана. Теперь наступали времена, когда приходилось совместно думать о том, как противостоять столь большой и почти

непобедимой силе. Да ведь восточный правитель фактически уже стал угрожать восточным литовско-русским землям и понемногу прибирать их к своим рукам.

Орда осталась фактически под властью Хромца. Там появился хан Тимур-Кутлуг, который был человеком Тамерлана и неплохо проявил себя в сражении на Тереке. В то же время Орда уже узнала имя будущего своего правителя — эмира Едигея, который затем окажется очень опасным человеком для Московской Руси.

Тимур двинулся на Север. Часть его войска пошла к Волжской Булгарии. Кроме Поволжья Тамерлан не забыл и о Приднепровье. Тут досталось и литовскому князю. Земли Донские также попали под его разорение. Наконец, после взятия Ельца (а это была еще территория, которую в то время на Руси называли Ордой) его основные силы оказались в непосредственной близости от Москвы.

Персидские источники приводят слова Тамерлана, которые за ним постоянно фиксировал сопровождавший его летописец. Они имеют прямое отношение к тем событиям. В данном тексте речь идет о том, как Тимур в борьбе с Тохтамышем «дошел до земель, раскинувшихся на дальнем севере». И, таким образом, он «Улус Джучи (Орду. — К. К.-С), вставший на путь вражды… разрушил до основания, подчинил вилайеты, улусы и крепости пятого и шестого климатических поясов (в которые входила и Владимирская — Московская Русь. — К. К.-С.) и возвратился, осененный победой и славой».

О том, что произошло дальше, имеет смысл рассказать подробнее, ибо к событиям тем наш герой — князь Юрий Звенигородский и Галичский — имеет самое прямое отношение.

Глава пятая.
ПОХОД ПА ВОЛЖСКУЮ БУЛГАРИЮ

Отче и брате, се болгары соседи наши… суть вельми богаты и сильны…

Из письма князя Владимиро-Суздальского — князю Киевскому, 1182 г.

В те годы с карты мира исчезло древнее и в свое время могущественное государство. Оно располагалось в бассейне рек Волга и Кама, было соседом Руси. И произошло все во время, о котором мы ведем наш рассказ. Именно князь Юрий стал — вольно или невольно — одним из главных участников этих событий.

Государство то называлось Волжской Булгарией, жили в нем булгары (или болгары). В результате произошедшего оно перестанет играть какую-либо серьезную историческую роль, окончательно «растворится» в Золотой Орде и потеряет даже свое исконное название. Руководимые сыном Дмитрия Донского — князем Юрием полки совершили много такого, что пока еще не оценено по достоинству и не исследовано историками во всей полноте.

Взятие русскими дружинами 14 крупнейших городов Булгарии, среди которых были столица — Великий Булгар, крепости Кременчуг, Джуке-Тау и Казань, показало военную мощь и открыло полководческий талант князя. Оказалось также, что эти события были описаны как бы с «обеих сторон», известие о них есть и в русских летописях, и в известном татарском эпосе XV века «Идиге».

В результате похода у князя Юрия появилась возможность осуществить свой план: построить уникальную Звенигородскую цивилизацию, «вдохновленную» его духовным наставником — преподобным Саввой Сторожевским, включая дошедшие до нас первые и неповторимые образцы раннемосковской архитектуры — новые белокаменные соборы Звенигорода и Сторожевского монастыря, а также созданные для них преподобным Андреем Рублевым иконы и фрески. Подробности — в этой главе.

Древняя цивилизация в Закамье. Гипотеза 4

Обрете место на Волге, на самой у крайне русской, на сей стране Камы реки…

Из «Казанской истории», XVI в.

Из книги В. В. Григорьева *«Волжские татары» («Библиотека для чтения» 1836 года): «Нынешние татары казанские и сибирские, разнося халаты по улицам русских городов, величают себя “булгарством”».*

* * *

Попробуем пролистать виртуально некие страницы воображаемой книги под условным названием «История Волжской Булгарии». Это занятие для пытливых и терпеливых, оно по-своему удивительно и вознаградит сторицей. Иногда кажется, что оно сродни некоему историческому детективу. Люди жили, были, а потом — исчезли.

«Отзвук» имени древней страны остался в наши дни в названии балканского государства — Болгария, являющегося (условно!) одним из наследников той самой цивилизации. Но и некоторые современные российские татары считают себя потомками древних булгар, что можно принять только со многими оговорками. Лестно причислять себя к одной из древнейших цивилизаций на Севере Евроазиатского исторического континента, однако беспощадные события в течение столетий фактически уничтожили коренных жителей этого уникального государства. Да и сами булгары татарами называли не себя, а скорее пришедших с Востока монголов, подчинившихся Чингисхану (других монголов они величали «кытаями»; не отсюда ли «Китай-город» в Москве, да и вообще — понятие «китайцы»?!).

Впрочем, можно принять и версию, что часть современного населения Татарстана ведет свои корни из булгарского «генома». Увы, но, чтобы утверждать это в «массовом масштабе», нужны прямые доказательства, которых нет, так как практически все письменное наследие Волжской Булгарии исчезло и до нас не

дошло. Однако некоторые нынешние исследователи используют сегодня вот такое сочетание в названии бывшего волжского народа — булгаро-татары (а по отношению к чувашам — булгаро-чуваши и т. п.), и это снимает многие споры и вопросы.

По поводу того — откуда появились древние булгары (следуя исторической справедливости, все-таки не станем употреблять более современное слово «болгары»), существует множество точек зрения. И конечно же та, будто они являются одной из самых древних народностей на планете Земля. Древнее Египта и Шумера. И та, что булгары к тому же еще и арийцы, а их исконный символ — волк (булгар означает «черный волк»; голова волка была символом на их знаменах), который спас младенца-мальчика, и, значит, поэтому они — булгары — основали великий Рим, плюс еще сам Александр Македонский когда-то заложил первый камень в основу столицы их государства — Булгар.

Не станем развивать дебаты вокруг этих не очень доказательных мнений и возьмем за основу одну из версий — наиболее приближенную к косвенно документированным историческим реалиям. Она предполагает, что булгары — тюркоязычные кочевники — после распада гуннской империи появились на восточноевропейском пространстве во второй половине V века нашей эры. В период большого переселения, включая и славянское, часть из них осела в регионе реки Дунай (отсюда и здешнее Болгарское государство). Но другая довольно внушительная часть древнего народа отправилась в Среднее Поволжье и к берегам Камы. Жили тут одновременно финно-угры, а позднее сформировались современные нам чуваши, мордва, удмурты, мари, коми и будущие казанские татары. Иногда расселившихся тут булгар, по месту обитания, называли волжско-камскими.

Вполне оформленное государство булгар появилось, возможно, уже в VII столетии. А к концу IX века оно было достаточно сильным. Восстановленная по крупицам хронология правления царей Волжской Булгарии показывает нам следующее. Первым из них известен Гадулла Джилка, сын Урус-Айдара (865—882). Вослед ему правил его сын Бат-Угор Мумин (882—895). А уже в начале X века булгарским царем стал Алмыш Джафар — еще один сын Джилки (895— 925). Как видим, имена вышеупомянутых царей несколько отличаются. Алмыш Джафар — уже ярко выраженное арабское имя, как и его сына-преемника — Хасана Газана (Казана, Азана) Мумина (правил в 925—930 годы). Дело в том, что в 922 году в Волжской Булгарии был принят ислам, как официальная и главная государственная религия. Это произошло потому, что молодому государству не давал жизни

другой грозный сосед — Хазарский каганат. Булгары обратились за союзничеством к Арабскому халифату, помощь которого была возможна, но предполагала переход в ислам. Однако не халифат спас в тот момент истории волжскую страну от разорения. Это невольно сделал славянский князь из Киева — Святослав Игоревич, начисто разгромив Хазарский каганат в 965 году. Опасность сразу же перестала существовать, но мусульманство булгарами было уже принято.

Соседствующая Киевская Русь, как мы помним, в те времена еще не определилась с выбором духовного пути и лишь в 988 году перейдет к православию. Именно булгарские послы пытались оказывать тогда большое влияние на князя Владимира Святославича, чтобы он принял ислам. Делали они это в перерывах между походами русских дружин на их города с очевидной и безобидной целью заполучить славян в союзники. Однако, не сумев обратить в мусульманство своего западного соседа — Русь, Волжская Булгария сыграет позднее главную роль в переходе к исламу нового монгольского государства — Золотой Орды.

В двух словах величие тогдашней Волжской Булгарии можно описать так. За короткое время страна стала сильнейшим государством в Среднем и Нижнем Поволжье (булгары называли реку Волгу — Итиль). Выгодность географического положения (пересечение важнейших водных и сухопутных торговых «артерий») повлияла на невероятно быстрый рост благосостояния населения. В Булгарию и из нее привозили или вывозили меха, пшеницу, продукты животноводства и рыбоводства, мед, изделия из металла, продукцию разных ремесел. Большой известностью пользовались изделия из кожи особой выделки. На персидском, узбекском и уйгурском языках этот высший сорт юфти до сих пор называется «булгари», то есть «булгарская кожа» (вспомним известный современный Дом моды «от кутюр» — «Bulgary»!). Из этой кожи делали шапки и знаменитые сапоги. Славился и здешний рынок невольников. Булгарские деньги — дирхемы — в реальных монетах стали весомой валютой для торгового обмена. Их много чеканили в главных городах, о чем в достаточном объеме сообщали в своих записях приезжие иностранцы. Крупные города с каменными постройками росли как грибы, а некоторые остались в исторической памяти как важнейшие центры мировой цивилизации. Столицей считался город Великий Булгар. Он и сейчас существует лишь как небольшой одноименный поселок сельского типа (Булгар). Некоторое время роль столицы выполнял богатейший град Биляр (Буляр). Не менее знаменитыми стали Сувар, Ошель, Иски Казань (Старая Казань), Новая Казань,

Кременчуг и Джуке-Тау.

Особым рассказом могло бы стать подробное описание достижений жителей Булгарии в сфере науки и культуры.

Известность здешних мыслителей, каллиграфов, ученых, юристов и писателей, богословов, медиков, историков или астрономов была повсеместной, особенно в арабском мире! В начале XIII века поэт Кул-Гали создал на булгарском языке поэму «Кысса и Юсуф», распространившуюся в тюрко-язычной литературе.

При таком расцвете жизни казалось, что государство и народ просуществуют долго и счастливо. Но, как известно, богатство не только радость и удобство, оно и потенциальная опасность. Развитие страны было весьма привлекательно для многочисленных желающих «отрезать» свой кусок от «жирного пирога». И хотя сильное государство могло себя защитить, история прекрасно доказывает, что настают времена, когда и государство слегка «расслабляется». Потому и для Волжской Булгарии довольно быстро наступили самые трудные времена.

Монголы здесь появились так же внезапно, как и на Руси. В 1223 году они разбили наголову русско-половецкую рать в битве при Калке. Тогда булгары, почуяв опасность, выступили союзниками соседей и при возвращении монголов удачно на них напали и нанесли им серьезный урон. Месть не заставила долго ждать.

Когда в 1236 году хан Батый пойдет на Запад, то он первоначально направится не прямо на Русь, а последует к более богатой добыче — в Булгарию. Разорив главные города страны, в первую очередь — Биляр, монголы, как известно, затем прошли смертоносной силой по Руси и нанесли русским княжествам непоправимый урон. А в 1240 году остававшееся еще сопротивление Волжской Булгарии было сломлено монголами окончательно. Известно, что они истребили до 4/5 всего булгарского населения, причем лучшего».

Формирование с 1240-х годов новой империи — государства Золотая Орда — чуть позднее сыграло и некоторую положительную роль в жизни страны, которая стала одной из имперских провинций. Так же, как и Русь, Булгария получила условную автономию, платила дань, комплектовала воинами ордынскую рать, а ее правители являлись полными вассалами монгольского хана.

Однако, как мы помним, Волжская Булгария сумела потихоньку «победить» Орду идеологически, с помощью своей культуры. Монгольские ханы по булгарскому примеру приняли мусульманство, и булгары стали им несколько «ближе», нежели

православные русичи. Таким образом, уже в конце XIV столетия, во времена Дмитрия Донского и его сыновей, для Московской Руси отношения с волжским соседом становились в достаточной степени напряженными. И время от времени русские дружины осуществляли свои упреждающие походы на Восток.

Самым последним из них был тот, что произошел уже в 1431 году, после чего город Булгар, собственно, и перестал существовать, а затем образовалось Казанское ханство, то самое, которое завоевывал в 1552 году Иван Грозный.

Но до этого, в самые последние годы XIV века, состоялся еще один — не менее главный и важнейший военный поход русской дружины против Волжской Булгарии. Он как раз и был осуществлен Юрием Дмитриевичем Звенигородским по благословению старца Саввы Сторожевского. И мы не спеша приближаемся к рассказу о нем.

* * *

Но сначала вспомним о том, какова была вообще история походов русских дружин на древнее государство Волжская Булгария. А она имеет старые корни.

Одним из первых предпринял восточные военные действия князь Владимир. Почти сразу после Крещения Руси он показал соседям свою силу. Никоновская летопись утверждает, что войско Владимира в 994 и 997 годах направлялось в Булгарию на Волгу, и его действия были удачны.

Некоторое время отношения Владимиро-Суздальской Руси и Булгарии были мирными. Но правление князя Андрея Боголюбского ознаменовало новый натиск на восток. В 1164 году его войско взяло и сожгло град Бряхимов на Каме и еще несколько окрестных сел. А уже зимой 1172 года сыновья князя вместе с союзниками прошлись по землям Булгарии. Поход едва не окончился трагически, булгары стали собирать большое войско для отпора русским.

Известны также военные кампании князя Всеволода Большое Гнездо. В те самые годы, когда в мире жили выдающиеся правители и полководцы, такие как Фридрих Барбаросса и Ричард Львиное Сердце, Филипп II Август и Андроник Комнин, когда творили известные и великие Шота Руставели и Низами, создавались «Слово о полку Игореве» и «Тристан и Изольда», началось новое наступление Руси на Волжскую Булгарию. Это не просто напоминало крестовые походы на Восток, которые совершали в это же самое время европейские державы. Аналогии

здесь могли бы показаться странными. То было веяние времени.

Собрав до десяти тысяч воинов, князь Всеволод наступал не только по суше, но использовал и большое количество водных ладей, с помощью которых войско двигалось (плыло) по Клязьме, Оке и Волге. В 1183 году Всеволод осадил важнейший город Биляр, который считался крупнее, нежели современные ему Киев, Владимир или даже Лондон и Париж. Удачно использовались русскими сторожевые отряды («сторожеви наперед ездящи»). Булгары устояли, откупились. А через два года Всеволод вернулся и разорил много окрестных сел.

Симеоновская летопись повествует также и о том, как позднее, «в лето 6713 (1205 год. — К. К.-С.)… посылал князь велики Всеволод Юрьевич рать судовую на Болгары Воложскиа и Камскиа, и ходиша по Волге до Хомол, и много полона взяша, а других изсекоша, и учаны многи разбиша, и товар мног взяша, и тако возвратишася во своаси».

Но главная беда еще ждала Булгарию — от монгольских завоевателей. В 1223 году произошло первое столкновение булгар с войсками Субедея. Но, по словам персидского историка Ибн аль-Асира, «когда монголы приблизились… булгары окружили их со всех сторон и почти всех перебили». Однако эта победа их не спасла. Батый вернулся в 1236 году, взял главный город страны — Булгар и еще 60 укрепленных городов, разорив почти всю булгарскую землю. Непокорившаяся страна еще сопротивлялась. Спустя четыре года монголы вновь появляются здесь, и теперь Батый решает основать свою ставку в окрестностях Великого Булгара. Лишь позднее он переедет в специально отстроенный на Нижней Волге город Сарай, который и превратится в главный центр появившегося государства Золотая Орда. Тогда и Булгария, и Русь стали платить дань золотоордынским ханам.

Русские же дружины еще не раз появлялись в Булгарии. В 1277—1278 годах князь Смоленский и Ярославский Федор Черный участвовал в подавлении восстания волжских булгар золотоордынским ханом Менгу-Тимуром. После чего, по сведениям из Степенной книги, став зятем хана, князь «за походы на булгар и на алан» получил от него в подарок Старую Казань и другие города.

Есть в позднем русском летописании и еще одно, весьма странное повествование о том, как в 1370 году суздальский князь Дмитрий Константинович посадил на Булгарский престол ставленника Золотой Орды Мухаммеда Султана. Никоновская летопись рассказывает: «В лето 6878… князь же казаньский Асан посла противу их с молением и с челобитьем и со многими дары; они же дары взяша, а на княжении посадиша Салтана Бакова

сына». Однако упомянутый в тексте Асан (Азан Хасан, сын Мир-Махмуда) почему-то продолжал затем править Булгарией до 1380 года — года Куликовской битвы, пока его не сменил сын — Би-Омар, предположительно остававшийся на булгарском троне очень долгое время, более чем 40 лет.

Именно с ним, видимо, и будет воевать князь Юрий Звенигородский.

А пока булгарам придется пережить еще некоторое количество очень опасных нашествий со стороны новгородских и устюжских ушкуйников. Например, в 1391 году они взяли города Казань и Жукотин, «и пакы выидоша на Волгу и пограбиша все всех, и тако поидоша прочь», что приметила русская летопись, именуемая Рогожским летописцем. Однако, невзирая на многочисленные бедствия, Волжская Булгария еще была большим и крепким государством. И ко времени появления там князя Юрия Звенигородского с дружиной представляла немалую силу.

И все же, перед рассказом о самом этом походе, нам следует вспомнить о событии, рассказ о котором мы отложили на будущее еще в предыдущей главе. Речь о том — почему Тамерлан не пошел в знаменитом 1395 году на Москву и что стало причиной такого невероятного спасения Руси от разорения его полчищами.

Спасение от нашествия Тамерлана. Гипотеза 5

Много мятежей поднял в Орде и на Руси.

Повесть о Темир Аксаке, XIV в.

Из средневековой книги Codex Cumanicus, половецкая загадка XIV столетия: *«На верхушке высокого дерева сидит птица ургувул; чтобы ее сбить, нужен мужественный человек, он должен быть стойким во всех отношениях, его сердцу необходимо каменное терпение. О чем это? (Ответ: о душе)».*

* * *

В этой главе мы поговорим о чуде. Именно так в православном мире расценивают события, произошедшие в августе 1395 года на Кучковом поле, неподалеку от стен Московского Кремля (ныне — улица Лубянка). На том месте стоит по сию пору основанный тогда Сретенский монастырь. Сюда принесли икону Владимирской Богоматери, для того чтобы искать защиты для Руси от нашествия Тимура. Москвичи вышли к ней и молились о счастливом избавлении. Нашествия, как мы помним, не произошло. А повернул назад Тамерлан — 26 августа, в день празднования Сретения иконы Божией Матери.

В добавление к этому мы поговорим здесь об исторических основах тех событий. Это поможет увидеть их с неожиданной стороны.

* * *

Недаром говорили, что духовный наставник князя Юрия Звенигородского — преподобный Савва Сторожевский — обладал настоящим даром предвидения. Одним из доказательств наличия такого дара считается благословение, данное им князю Юрию Звенигородскому перед его военным походом на Восток, в государство волжских булгар.

В Житии старца, написанном Маркеллом Хутынским, отмечены слова самого Саввы, которые князь от него услышал:

«врагов своих одолеешь и… здрав возвратишься в свое отечество». Пусть даже эта цитата чем-то напоминает слова, взятые автором из написанного более ста лет ранее Епифа-нием Премудрым Жития Сергия Радонежского. Похожим образом преподобный Сергий, как считается, благословлял Дмитрия Донского на Куликовскую битву (а скорее даже — это было благословение на битву на реке Воже за два года до этого). Похожим. Но не совсем.

Более уточненное предсказание Саввы Сторожевского, в особенности связанное со «здравым» возвращением князя обратно «в свое отечество», также сбылось. И речь в нем явно шла не просто о битве, а о дальнем заграничном походе за пределы отечества, куда надо было «возвращаться», чего мы никак не можем найти в словах Сергия Радонежского, адресованных великому князю Московскому.

Итак, прозорливое благословение старцем Саввой было дано. На первый взгляд — ничего более за этим не стоит. Пошел князь с дружиной воевать, возвратился домой удачно, и чего же еще? Однако о походе, связанном с благословением сына Дмитрия Донского, написано так мало, что только небольшое приоткрытие «занавеса» вдруг показывает события в совершенно ином ракурсе. Как оказалось, от результатов данного военного предприятия зависела не только дальнейшая судьба задуманного Саввой Сторожевским и князем Юрием строительства в Звенигороде, но и будущее всей Руси.

* * *

Иногда люди задают вопрос: а хорошо ли, когда духовные отцы благословляют на войну или на сражение? Ведь это связано с убийством людей, возможной гибелью многих воинов. Является ли позитивным моментом то, как, например, Сергий Радонежский отправлял на Куликовскую битву не только великого князя Дмитрия, но и еще двух монахов-воинов Пересвета и Ослябю? Не противоречит ли это писанию и правилам монашеского обета? Ведь написано же — не убий, а также — подставь другую щеку.

Можно добавить к этому и другие вопросы-сомнения. Мог ли, например, святой человек благословить не просто на оборонительную битву, а на завоевательный поход? Или можно ли строить храм или монастырь на деньги или на вклады, полученные в результате войн или от тех, кто убивал на войне, не говоря уже и о тех, кто просто грабил, то есть — о преступниках? Можно спросить и так: «пахнут» ли деньги, отдаваемые на храм или в монастырь? Хорошо ли их брать без оглядки? Богоугодное

ли дело не обращать внимания на такое приношение?

Кажется, что все эти вопросы касаются именно старца Саввы Сторожевского, благословившего князя Юрия в дальнюю военную экспедицию в Волжскую Булгарию, которая принесла такие большие средства, что позволила впервые за всю историю возвести главные звенигородские храмы из камня. Попробуем снять сразу же большую часть этих вопросов, а затем последовательно объяснить ответы на оставшиеся.

Во-первых, старец Савва благословлял не саму битву, не захватнический поход и не дружину князя Юрия Дмитриевича, а только лишь его самого, предохраняя его лично от возможных напастей.

Во-вторых, кроме оружия материального существует и защита духовная, о которой в Библии сказано так: «…Будут ратовать против тебя, но не превозмогут тебя, ибо Я с тобою… чтобы избавлять тебя» (Иер. 1, 19). И нет ничего более важного для христианина, как «душу положить за други своя». Когда речь идет о покушении на личную жизнь, то дело совести каждого отдельного человека — как себя вести, отвечать или не отвечать врагу. А когда что-то происходит с ближним твоим — нет хуже, чем не приложить усилий к его защите, не предотвратить то же убийство, причем всеми доступными средствами.

В-третьих, вклады и пожертвования раскаявшихся людей (именно раскаявшихся!) — это, собственно, и есть те самые средства, на которые, в большинстве своем, храмы и монастыри строятся. Вдобавок, как бы ни умели и ни учились монахи или священнослужители плотничать или камни тесать — без профессионалов-строителей и наличия обыкновенных материальных средств они вряд ли что смогли бы и смогут сделать.

И наконец — как выясняется с помощью исторических источников, — не было, вернее, не готовилось никакого «завоевательного похода» в Булгарию, его никто тогда даже не планировал.

Давайте еще раз внимательно вчитаемся в текст благословения старца Саввы, записанный Маркеллом Безбородым (а это главный и единственный письменный источник данного благословения). Вот он: «Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе, и врагов своих одолеешь, и благодатью Христовой здрав возвратишься в свое отечество». А теперь сопоставим его с благословением Сергия Радонежского, данным им великому князю Дмитрию Ивановичу (будущему Донскому) перед Куликовской битвой (так это указано в Житии, написанном Епифанием Премудрым). Вот и оно: «Господин мой,

тебе следует заботиться о врученном тебе Богом христоименитом народе. Иди против безбожных, и с Божией помощью ты победишь и вернешься в свое отечество невредимым с великими почестями». А также подключим к этому послание от Сергия, которое передал Дмитрию скороход непосредственно перед сражением: «Господин мой, смело вступай в бой со свирепым врагом, не сомневаясь и не страшась его, помощь Божия будет во всем с тобою».

Сергий Радонежский говорил про заботу о народе, то есть о защите его, об оборонительной войне. Он имел в виду духовную и конфессиональную брань, применяя слово «безбожные». Он говорит о небесной защите от «свирепого врага». И в итоге предрекает «великие почести» для князя. Поздняя запись благословения и предположение, что оно имело отношение к другой битве — на реке Воже (1378 года), ничего в сущности не меняют. Для нас важна суть слов, а не только повод для их высказывания.

Всё перечисленное Сергием — сбылось. Пусть даже потому, что так захотелось летописцу. А сбылось ли всё то, что предрекал князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому старец Савва Сторожевский? Да, и это сбылось. Но только Савва ничего не говорил о «защите народа», о «безбожниках» и их «свирепости», и уж вовсе не упоминал он о «великих почестях». Вот это отсутствие будущих «почестей» и наталкивает нас на мысль, что прозорливость игумена Саввы была совершенно уникальной. Один из самых трудных и далеких походов русских дружин, восполнивший почти совсем разоренную казну Московской Руси и позволивший ей возродиться вновь, не принес главному действующему лицу, князю Юрию, фактически — герою, никакой славы! И старец Савва это предполагал. Не странно ли?

Для духовного наставника важно было другое. А именно — личная безопасность князя Юрия. Он ценит его «благоверие», он говорит о княжеских «врагах», не уточняя — кто они, и даже не упоминая булгар (!). Но старец печется о «здравии» князя, а главное — о его возвращении «в свое отечество». Под отечеством тогда понимали не страну как таковую, а удел, который доставался князю по наследству. Это подтверждают и более поздние словари древнерусского и русского языка — Срезневского и Даля. В данном случае имелось в виду Звенигородское княжество, которое по духовному завещанию стало «отчиной», или «отечеством», Юрия, то есть уделом, доставшимся ему от отца — Дмитрия Донского.

Преподобный Савва предохраняет Юрия, но не восхищается походом. Ни слова не произносит он о «великих почестях» от

победы! То есть, по сути — игумен не давал никакого специального благословения на большую войну или на смертоубийство. И нет в его словах никакого намека на возможную добычу или богатство. А может быть, тогда никто вовсе и не помышлял ни о каком получении или захвате богатства? И вообще, не было ли на самом деле так — планировалось и предполагалось одно, а вышло — совсем другое?

Эти рассуждения наталкивают нас на неожиданную догадку, которая может помочь в поисках ответа на главный вопрос: так на что же, собственно, и в какой момент благословил старец Савва Сторожевский князя Юрия Звенигородского? Проблема сия относится к категории исторических загадок.

* * *

Итак, посмотрим на развитие событий в 1395—1396 годах. В это время Савва Сторожевский скорее всего был игуменом Троицкой обители (после кончины Сергия Радонежского). То есть еще не жил постоянно у Звенигорода. Однако, как теперь становится известным, мог здесь в данное время бывать. Причем, оставаясь духовным отцом князя Юрия Дмитриевича, он мог благословить его перед предстоящим походом и находясь далеко от Звенигородского удела. Если принять во внимание гипотезу или пока еще мало доказанную, но все-таки вполне реальную версию о союзничестве (пусть и весьма условном) русских с Тамерланом против сторонников Тохтамыша, то — как не благословить предводителя войска на столь важное для Руси дело!

И даже более — такое благословение фактически способствовало затем спасению великого княжества Московского от гибели. И вот почему. Не по причине ли пусть даже и временного (или условного) союзничества войска Юрия Звенигородского с Тимуром этот Железный Хромец пойдет после Булгарии не на Москву, а в рязанские земли, к Ельцу? И потом — вовсе уйдет на Кавказ.

Есть предположение, что город Елец, называвшийся по источникам в то время также и Карасу, был не совсем рязанским городом, в нем проживало много тюркоязычного населения. То есть, повернув на Елец-Карасу, Тимур фактически шел не на Русь, а опять же на земли своего главного тогда врага — Орды. Похоже, что воевать с Русью он вообще и не собирался.

До наших дней дошло изречение Тимура: «Все пространство населённой части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей».

Он считал себя единственным царем, второго не должно было быть. И если учесть, что на Руси тогда не было собственного царя (царем, как мы помним, считался хан Орды), то даже для удовлетворения своих амбиций Русь была Тамерлану не нужна. Небольшой и еще не возродившийся улус ему не был интересен. Орда и предатель Тохтамыш (царь) — первый враг. Булгария — пусть даже и улус, но с точки зрения истории гораздо более известный, в особенности в мире восточной культуры, откуда Тимур, собственно, пришел и произошел, — стала врагом следующим. Кстати, и властитель данного улуса называл в то время себя «князем Болгарским», пытаясь выделиться в самостоятельные правители.

В таком случае поход князя Юрия и благословение старца Саввы Сторожевского помогли спасению не только Московской, но и всей Северо-Восточной, Владимиро-Суздальской русской цивилизации от полного уничтожения и исчезновения с карты истории, как это случилось с Волжской Булгарией. И как это совпало с появлением в Москве Владимирской иконы Божией Матери!

Однако некоторые исследователи считают, что Тамерлан конкретно на Волжскую Булгарию поход не совершал. А если что-то и было, то, скорее всего — он направил туда небольшой отряд или часть войска.

Но в связи с этим очень любопытными являются последние изыскания ученых из Казани. Они ссылаются на интересный источник — «Дэфтэре Чынгыз-намэ». Сопоставление имен и событий дает нечто вроде доказательств даже личного присутствия Тимура в Булгарии, что связано с текстами уже упомянутой «Повести о нашествии Тимура булгарам».

Исследователей заинтересовала личность одного из упоминаемых (в том числе и в наших летописных источниках) «Булгарского князя» Али (Гали, Гани) бея (бека). Его еще называли «князь Али-Баба». Какое имя! И насколько знакомое для многих россиян! И теперь выясняется, что не только по сказкам «Тысячи и одной ночи»!

По русским источникам известно, что он погиб в 1446 году. И когда стали выяснять возможную дату рождения Али-Бабы, то обратились к «Дэфтэре Чынгыз-намэ», где говорится… о разрушении Тамерланом города Болгара! «У хана Габдуллы было два сына, — читаем в источнике. — Один — Алтынбек, другого звали Ганимбек. Один был семи лет, а второй — девяти лет». Исследователи относят эти события к 1395—1396 годам. Потом, в 1429 году, один из этих сыновей, «князь Али-Баба», примет участие (еще при жизни Юрия Звенигородского) в походе на

Галич и Кострому. Ну конечно, все сходится! Он как раз и мстил именно Юрию, который тогда был удельным князем именно этих земель. Так вот, Али-Бабе во времена похода на Галич было 42 или 43 года, а значит, он родился где-то около 1386 года. То есть в 1395-м ему исполнилось как раз 9 лет. Именно этот возраст и называет источник «Дэфтэре Чынгыз-намэ»!

Вместе с татарским эпосом «Идиге» это еще одно подтверждение об осуществленном походе Тимура на Булгарию, пусть даже и не личном.

Но он шел последовательно против Тохтамыша и всех его союзников.

Все имена и события указанных источников — реальны! А потому вряд ли стоит отрицать и разрушение Булгарии если не самим Тимуром, то его войском. Ведь не станем же мы в перечне реальных действующих лиц истории исключать события, в которых они принимали участие?!

Кстати, за Тохтамышем долгие годы гонялся и ордынский темник Едигей. Только десять лет спустя он нагонит его вместе со своим сыном и отрубит бывшему поджигателю Москвы голову.

Не по той же причине — похода против сторонников Тохтамыша дружины князя Юрия Звенигородского — Едигей позднее, в 1408 году, придя на Русь и разорив почти все ее города, почти не тронет… Звенигород?! Хотя о сожжении соседних Можайска и Вереи — летописи упоминают.

Стольную Москву темник потрепал основательно и взял с нее выкуп — 3 тысячи рублей. А как же это он вдруг обошел стороной богатейший город-крепость Звенигород? Именно богатейший — после походов Юрия на Восток и уже завершенного строительства Кремля, монастыря и храмов! Думается, что Едигей не тронул всерьез отчину Юрия, как бывшего своего условного союзника (или как бы сегодня сказали — «стратегического партнера»), в борьбе с Тохтамышем. Да и в самом Звенигороде в это время проживали немало плененных Юрием булгар, которые уже здесь осели и обжились (о чем говорят многочисленные «булгаро-татарские» названия окрестных поселений, сохранившиеся до нашего времени).

Вот так могли развиваться события.

Так что же поход князя Юрия на Булгар? Можем ли мы уже делать первые выводы? В каком году он произошел? В 1395-м? Ответ: скорее всего — да! И именно в этом году.

Поговорим об этом максимально подробно. Ведь эта дата становится одной из ключевых для всего нашего повествования.

Когда же русские дружины пошли в Орду. Гипотеза 6

Под трубами повиты,
с конца копья вскормлены…

Слово о полку Игореве

Из Жития преподобного Саввы Сторожевского, написанного в XVI столетии агиографом Маркеллом Хутынским: *«О победе князя Георгия. Однажды захотел благоверный князь Георгий пойти войной на болгар, и пришел в обитель Пресвятой Богородицы, и просил преподобного игумена Савву молить за него всемилостивого Бога, чтобы подал ему крепости на противостоящих врагов. Святой же помолился, и, взяв честный крест, благословил его, и пророчески изрек ему: “Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе, и врагов своих одолеешь, и благодатью Христовой здрав возвратишься в свое отечество”. Он же… собрал воинов своих и пошел на болгар… и с великою победою и славою в свое отечество возвратился…»*

* * *

Долгое время происходили споры — когда же состоялся этот поход. До сих пор множится, и особенно с помощью Интернета, мнение, что это могло произойти в 1399 году. Однако русские летописи освещают событие различно. Именно они внесли раздоры в изучение данной темы. Именно в них мы видим две разные даты.

Единственно, в чем они сходятся, — почему, собственно, дружина Юрия Звенигородского оказалась так далеко от родной земли. А объяснение этого — и есть часть ответа на наши вопросы.

Разобраться будет легче, если мы расположим интересующие нас события во временной последовательности, по годам и датам. Картина прояснится настолько, что многие вещи просто не надо будет доказывать.

1389 — скончался великий князь Дмитрий Донской. Великим князем становится его старший сын — Василий Дмитриевич (Василий I).

1391 — войско Тимура (Тамерлана) разбивает основные силы ордынского хана Тохтамыша (того самого, что в 1382 году сжег

Москву, мстя за поле Куликово), тем самым влияние Золотой Орды было в значительной степени ослаблено.

1391 —в Золотой Орде появилась «страна в стране» — Мангитский Юрт с центром в городе Сарайчик — хана Едигея, будущего руководителя всей Орды, разорителя Москвы (в 1408 году) и будущего убийцы лютого врага Москвы — хана Тохтамыша. Юрт имел армию до 200 тысяч воинов.

1391 — новгородские ушкуйники грабят некоторые города Волжской Булгарии.

1391 —1393 — сыновья Дмитрия Донского — Василий и его брат Юрий — заключают между собой договор, по которому Юрий Дмитриевич Звенигородский обязуется участвовать со своим войском во всех важнейших военных баталиях, ежели старший брат его об этом попросит. Сам факт такого договора показал уже появившиеся сложности во взаимоотношениях между братьями. Василий Дмитриевич почему-то опасался, что брат, в случае его внезапной смерти, окажется на Московском престоле.

1392 — следуя, видимо, братскому договору, Юрий Звенигородский идет на Нижний Новгород, присоединив земли Суздальско-Нижегородского князя Семена Дмитриевича к Москве, то есть — к уделу старшего брата Василия.

1395 —Тимур (Тамерлан) с большим войском в трехдневном сражении наголову разбил на реке Терек армию ордынского хана Тохтамыша. Потери были столь велики, что Тохтамыш бросил все и бежал — через Булгарию в Крым. Тимур первоначально преследовал его и учинил, кроме всего прочего, полное разорение Волжской Булгарии, сжег почти все основные города страны и уничтожил большинство населения. В дальнейшем он предполагал двинуться на Русь к Москве, но пошел к Ельцу, взял его, а затем неожиданно изменил свое решение и ушел на юг. Москва была чудом спасена, ибо в то время не смогла бы оказать войску Тамерлана необходимого сопротивления.

1395—1396 — Золотая Орда распадается на почти независимые и воюющие друг с другом четыре орды: хана Кюрчака вблизи Сарая, хана Тимур-Кутлука в регионе Астрахани, хана Тохтамыша в Крыму и уже упомянутый нами наиболее мощный Мангитский Юрт князя Едигея.

1395—1396 — предположительные годы похода Юрия Звенигородского на Волжскую Булгарию (первый вариант из русских летописей). Это произошло следующим образом. Бывший Суздальско-Нижегородский князь Семен Дмитриевич и ордынский царевич Ентяк пришли на земли Нижнего Новгорода и ограбили их (Семен Дмитриевич продолжал считать эти земли своими). Дружина князя Юрия Звенигородского отправилась по

просьбе брата — Василия Дмитриевича — защитить новый нижегородский удел Москвы. Грабители убежали «в Орду» («татарове пограбиша весь Новъград Нижний, и возвратишася въ свою землю, въ Казань»), а фактически — к булгарам. Мобильное войско Юрия отправилось преследовать князя Семена Дмитриевича с целью захватить его в плен и таким образом оказалось на территории Волжской Булгарии. То есть поход на Орду (Волжская Булгария была частью Золотой Орды) не был спланирован русскими заранее. И хотя Юрий спешил захватить князя Семена, но, по словам летописи, за ним так и «не угнаша». Суздальский князь и его семья были разысканы в Золотой Орде только в 1401 году.

1395 — с этого года почти 12 лет Москва и уделы других сыновей Дмшрия Донского практически перестают отдавать дань Золотой Орде (за что поплатятся в 1408 году нашествием ордынца Едигея).

1399 — ордынский темник Едигей разгромил на реке Ворскле объединенные силы литовского князя Витовта и хана Тохтамыша. При этом и его войско понесло большие потери. Происходит временное ослабление всех противников Руси.

1398—1399— другие предположительные годы похода князя Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию (второй вариант из русских летописей).

* * *

Такова последовательность событий.

Почему же мы имеем две даты похода князя Юрия, и какая из них более приемлема? Посмотрим, что говорят нам об этом сами летописи.

Суть события во всех текстах описывается одинаково, различается лишь именно датировка. Лучше всего факты изложены в Никоновской летописи.

«Клязь Семен Дмитриевичь Суздальский и Нижнего Новагорода собра воинства своя, а съ нимъ царевичь Ектякъ сь татары, и прииде къ Новугороду Нижнему, и стоя у града долго… потом татарове пограбиша весь Новъград Нижний, и возвратишася въ свою землю, въ Казань…» В ответ на это «князь велики Василий Дмитриевичь Московский… послал брата своего князя Юрья Дмитриевича, съ силою многою, ратью на Казань, они же, шедше, взяша градъ Болгары, и Жукотинь, и Казань, и Кеременчюхъ, и иных много градовъ, и пребыша тамо три месяца, воююще и пленяще землю ихъ…».

Интересную дополнительную деталь сообщает Новгородская IV летопись: «В лето 6903 (1395)… князь великий Васи-леи, събрав ратей много, и с ними отпусти брата своего Юрья, а с ним воевод и бояр старших и силу многу. Они же, шедши ратью, плениша землю Татарьскую, и взяша град Болгары и Жукотин и Казань, Кременчюк, и пребыша три месяцы, воююще, и никто же не помнит, толь далеча воева Русь Татарьскую землю, и възвратишася с многою користию».

Отсюда мы узнаем и раннюю дату похода — 1395 год, и то, что это была, быть может, самая дальняя из всех война русских дружин на Востоке, в направлении Волжской Булгарии.

Еще более подробно, под 1395 годом, нам рассказывает о событиях Московский летописный свод конца XV века. Приведем цитату из него почти полностью.

«Тое же осени князь Семенъ Дмитреевичь Суздальскыи прииде ратью к Новугороду Нижнему, а с ним царевич Ен-тякъ с тысячью татаръ. Людие же затворишася в городе, а воеводы у них бяху Володимеръ Даниловичь, Григореи Володимеровичь, Иван Лихорь, и бысть имъ бои с ними. Татарове же отступиша от города и пакы приступиша, и тако по три дни бьяхуся и много людей от стрелъ паде, и по семь миръ взяша. Християне крестъ целоваша, а татарове по своей вере даша правду, што им ни которого зла християномъ не творити. И по том татарове… пограбивъше всех християнъ, нагых попущаша, а князь Семенъ глаголаше: “не аз створих лесть, но татарове, а яз не поволенъ в них, а с них не могу”. И тако взяша град октовриа въ 25 и быша ту две недели; донде же услышаша, что хочеть на них князь великы ити ратью, и побегоша къ Орде. А князь великы слышавъ се и събра рати многы, посла брата своего князя Юрья Дмитреевича, а с ним воевод и старейших бояръ и силу многу.

Онъ же шед взя город Болгары Великые и град Жукотинъ и град Казань и град Керменчюкъ и всю землю их повоева и много бесерменъ и татаръ побита, а землю Татарьскую плениша. И воевавъ три месяци възвратися с великою победою и съ многою корыстью в землю Русскую».

А теперь обратимся внимательнее к датам событий. Вот как их нам показывают летописные своды. Софийская I, Вологодская, Супрасльская и Новгородская IV летописи относят поход к 1395 году. Никоновская — к 1396-му. Летопись Никаноровская утверждает, что на булгар князь Юрий пошел в 1398 году. А еще три уважаемых источника — Нижегородский летописец, Троицкая и Воскресенская летописи — предлагают нам принять во внимание год 1399-й.

Получается в итоге, что — по сути — есть две даты. А

именно: годы 1395—1396 и 1398—1399. Путаница в близких друг к другу годах (например, 1395—1396) связана, конечно, с разницей и особенностями древнерусского календаря (не будем останавливаться на объяснениях о мартовском и сентябрьском годах). Но как понять общее различие в три-четыре года, которое дают разные летописи? Возможно, что имело место соединение летописцами разных событий, связанных с появлениями князя Семена Дмитриевича в Нижнем Новгороде. Мы же обязательно рассмотрим оба варианта, чтобы приблизиться к исторической правде.

* * *

Предположим, что поход Юрия состоялся в 1395—1396 годах. Доказательства тому следующие. Во-первых, сами тексты летописей, где указаны эти даты. Во-вторых, логично, что нападение князя Семена с татарами на Нижний Новгород совпало затем с его преследованием войском князя Юрия. А нападение это было именно в эти годы, позднее это никак не укладывается во времени. Кроме того, в-третьих, само время для похода было крайне удачным, именно в 1395—1396 годах Золотая Орда была настолько ослаблена нашествием Тимура, а Волжская Булгария — почти полностью им разорена, что, преследуя противника, дружина Юрия смогла легко пройти по чужой территории максимально далеко, не встречая активного и, даже возможно, — почти никакого серьезного сопротивления.

Почему мы должны отрицать эту версию?

Еще более фантастично на первый взгляд могло бы звучать предположение (а это — одна из наших гипотез!), что дружина князя Юрия в 1395 году участвовала в походе на Волжскую Булгарию в нейтралитете или даже союзничестве (пусть даже и в условном) с войском Железного Хромца — Тамерлана. То есть — не обязательно в конкретном союзе, но, возможно, Тимур знал о выдвижении вслед за ним русской дружины и не стал ей мешать. Косвенно на эту мысль наводит текст знаменитого татарского эпоса «Идиге», который является единственным источником, описывающим поход Юрия Звенигородского по землям Булгарии с точки зрения ордынского и, возможно даже, булгарского летописца (мы принимаем версию о том, что в тексте речь идет именно о князе Юрии).

Читаем (текст восходит истоками к началу XV века):

Почему же к вратам дворца

Ты привел Тимира-Хромца,
Чтобы он разрушил наш край…
Там, где лили на целый свет
Золото и серебро монет.
Там, где травы были густы,
Растоптал Токтамыш цветы,
Вторгся в страну, ему вослед,
Князь-урус, рыжий, как лис,
С бородою обросшим ртом.
Разорил он, разграбил наш дом,
Наш священный город Булгар…
Разгромил во владеньях моих
Он четырнадцать городов,
Превратил их в пепел и дым.

Появление в Булгарии войска «князя-уруса» Юрия Дмитриевича непосредственно «вослед» Тохтамышу, преследуемому Тимуром, в эпосе отображено образно и поэтично. Но ведь зачастую тексты эпосов перестают быть просто поэзией и ложатся в основу исторических концепций.

А что, если звенигородско-московское войско с Юрием Дмитриевичем во главе, оказавшись в Волжской Булгарии, участвовало в 1395 году не только в поисках своего противника — князя Суздальско-Нижегородского, но также и в преследовании остатков войска гораздо более злейшего и старинного врага Руси — хана Тохтамыша, только что жестоко разбитого Тамерланом? Для сыновей Дмитрия Донского, которого этот ордынский хан в 1382 году наказал за победу на поле Куликовом сожжением белокаменной Москвы, такие действия могли быть делом чести.

Это еще один, дополнительный «мотив», по которому русские могли оказаться в это время на булгарской территории.

Для Тамерлана Тохтамыш был не меньшим врагом, а потому он не стал мешать русским в их походе. Вот тогда-то он, возможно, и воспринял действия дружины Юрия, как условно союзнические. Это не значит, что ему кто-то был нужен как реальный союзник. Силы русского войска были несопоставимо слабее. Но ведь они оказались противниками его же — Тамерлана — врагов и даже пришли на их землю.

Не случайно спустя некоторое время знаменитый иностранец Сигизмунд Герберштейн, оставивший свои записки о путешествиях в Московию, заметил по поводу данного похода русских, что они «овладели Булгарией, которая лежит по Волге, и изгнали из нее татар». Против татар — то есть Тохтамыша —

воевал тогда и Тимур. И, преследуя его (или его отряды), он, собственно, попал в Булгарию.

Оказавшиеся здесь русские (преследовавшие другого князя, а заодно и, возможно, сторонников Тохтамыша) ему совсем не мешали, скорее наоборот.

Кто знает, возможно, почти одновременное нападение на Булгарию с юго-востока (Тамерлан) и потом с запада (Юрий Звенигородский) в 1395 году — было результатом даже согласованной акции. А благословение старца Саввы — частью большой политики того времени. Оставим рассмотрение этой гипотезы на суд будущих исследователей.

Но именно Тимур тогда, в 1395 году, первым разрушил города Булгар, Жукотин, Кременчуг и другие. В Британском музее хранится один из самых ранних списков «Повести о нашествии Тимура булгарам», относящийся к XVII веку, где собраны предания и сказания казанских татар. О разрушении Тимуром столицы Булгар известно, что город был тогда им «обращен в ничто и небытие; в мире осталось только одно имя его». Он убил даже местного правителя — сжег вместе с семьей в знаменитой Судной палате, каменные развалины которой сохранились до нашего времени. За жестокость ордынцы прозвали его Аксак-Тимуром, что в переводе означает Хромой Тимур, а в некоторых вариантах — Бандит Тимур. Получается, что на самом деле к беспощадному уничтожению булгарских городов дружины князя Юрия не имели первоначально никакого отношения.

* * *

Однако пора уже рассмотреть нам другую версию, которая гласит, что поход на Волжскую Булгарию князь Юрий Звенигородский осуществил в 1398—1399 годах, а еще точнее — в 1399 году.

Сведения из источников, которые нам предлагают данные даты, можно считать не менее достоверными, чем другие. Некоторые из этих летописей написаны были даже чуть ранее (например, Троицкая).

Все события похода князя могли в 1399 году развиваться по тому же сценарию, как и тремя-четырьмя годами ранее. Есть только одно «но». И состоит оно в том, что трудно предположить нападение князя Семена Дмитриевича на Нижний Новгород именно в 1399 году. Уж больно долго он для этого собирался. В это время, кажется, он уже совсем скрылся в Орде и не показывался оттуда. Нашли князя там, как мы знаем, лишь в

1401-м.

Но тогда — как и зачем русские оказались в Волжской Булгарии, раз они не собирались и не могли отправиться в тот год в погоню за князем Семеном? Тамерлана там тоже уже давно не было (он находился в тысячах километров от этих мест). Бывший хан Орды Тохтамыш в это время пребывал в Литве и на Западе воевал с Едигеем…

А вот тут — стоп!

Именно это последнее событие — битва Едигея и литовско-ордынских войск в 1399 году на реке Ворскле — может стать достаточным основанием для того, чтобы версия 1399 года считалась «удачной». Орда победила, литовцы были разбиты, Тохтамыш опять поражен. Но даже у победителя — Едигея — силы иссякали, и он быстро повернул назад, в Орду.

Все соседи Руси в этот момент настолько ослабли, что момент для решения русскими своих военных задач был крайне удачен. Пути на Восток к остаткам булгарских сокровищ были открыты. Может быть, поэтому дружины князя Юрия и решили воспользоваться благоприятной ситуацией?

Логично укладывается здесь и благословение старца Саввы, который в это время уже расположил свой монастырь на горе Сторожи. У молодого князя предполагалась будущая семья, однако свадьбу с Анастасией — дочерью Смоленского князя Юрия Святославича — благоразумно отложили до завершения похода.

Значит, и эта версия — 1399 года — может быть приемлема. Ее логичность не случайно привлекает нынешних исследователей. Хотя все-таки одно сомнение продолжает мешать простой логике. За четыре года после нападения Тамерлана булгары могли не только восстановить разрушения, но и собраться с силами. Неразумно было в это время идти на Восток. А вот сразу же после Тимура — в 1395-м — было намного проще. И умнее…

* * *

Какое из двух предположений выбрать? Год 1395-й или 1399-й?

Думается, что, вопреки и несмотря на повороты «исторического разумения», а также на имеющиеся в настоящий момент противоречивые факты (акцентирую — в настоящий момент! — ведь всегда могут появиться в поле зрения исследователей новые сведения), более верным будет отнести поход Юрия Звенигородского «на Булгары» к 1395 году.

И в дальнейшем, когда мы увидим — в какое же время, по сути, строились главные соборы Звенигорода и Саввино-Сторожевского монастыря, это подтвердится еще более.

Они возводились гораздо ранее, чем принято иногда считать, а именно — с середины 1390-х годов. Именно это и доказывают некоторые ученые — искусствоведы и историки. Доказывают… совершенно независимо от данных о походе Юрия из летописей, которые об этом рассказывают.

Но достаточно лишь совместить эти данные и картина вырисовывается сама собой. То есть именно к середине 1390-х годов у князя Юрия уже были достаточные материальные средства для нового грандиозного строительства. Откуда они взялись? Исключительно и только в результате военного похода и молчаливого отказа Москвы платить дань Орде (как раз с 1395 года). Вот так все и сходится — на этот год.

По этой причине у Москвы хватило достаточно средств в 1398 году, чтобы послать их в Константинополь для поддержки византийских союзников в борьбе с осадившим город турецким князем Баязидом. Сказано же в летописи, что повезли «много серебра и милостыню с чернецом Родионом Ослебятей» (кажется, тем самым Ослябей — героем Куликовской битвы, или одним из его ближайших родственников).

Откуда такие богатства на Руси, если мы думаем, что они появились от Волжской Булгарии только через год?

Наверное, они просто уже были оттуда привезены.

Сегодня эту версию — 1395 года — косвенно подтверждают также, например, археологи. Раскопки в Звенигороде еще в 1940-е годы показали существование здесь в конце XIV века многочисленной загадочной красной керамики, которая близка с похожей однотипной золотоордынской керамикой этого же времени. Как она сюда попала? Скорее всего — в результате близкого соприкосновения местного населения с бытом ордынцев, а именно — по возвращении дружины из похода на Булгарию и приведения в Звенигород многих пленных мастеров, о которых сообщают и летописи. В это время на Руси активно применяются различные новшества. Тонкостенная керамика улучшенного горнового обжига в Звенигороде подтверждает это.

Также в эти годы вполне вероятно уже начали появляться и монеты, отчеканенные князем Юрием Звенигородским, как удельным князем. Значит — уже было из чего их чеканить, появились в необходимом количестве драгоценные металлы. Добыча из похода уже была привезена в «отчину».

Монеты эти производили некоторую революцию в торговле Руси с соседями. Именно на них стали изображать важнейший

символ — наездника-ездца (об этом пойдет речь в последующей главе «Загадки князя Юрия»), которого иногда принимают за тезоименитого князю Юрию — святого Георгия на коне, поражающего копьем змия. Также поместили на монетах имя уже умершего хана Золотой Орды Узбека (еще одна загадка!).

Святой Георгий Победоносец лишь позднее станет символом Москвы. И потом его утверждение часто будут связывать почему-то непосредственно с именем князя Юрия Звенигородского.

Но главное — на монетах был заметен пораженный копьем дракон-змий. Удивительно (хотя это лишь не более чем совпадение), но именно дракон — по-булгарски «барадж» — был в то время одним из символов государства Волжская Булгария. Его изображения мы находим на многих изделиях, найденных археологами на раскопках в окрестностях этой древней державы. Данный символ помещался на булгарских гербах и боевых знаменах.

И вот перед нами русские монеты конца XIV века, на них воин-князь поражает дракона-змия — символ Булгарии. Многое совпадает, и по смыслу, и по времени.

Такие «мистические» связи с Булгарией дополняет более поздняя запись в известной «Истории о Казанском царстве». Можно подивиться рассказу летописца о змие, якобы обитавшем на месте Казани, и о его уничтоженном гнезде, в центре которого будто бы и возник город.

Предлагаем читателю самому убедиться в правдивости слов древнего автора (оставляем в тексте язык оригинала).

«И глаголють мнозии нецыи, — излагал неизвестный свидетель, — преже место быти издавна гнездо змиево, всем жителем земля тоя знаемых. Живяще ту возгнездився змии велик и страшень о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядяше. А иныя змии около его лежа-ше, живяху с ним всяцеми образы. Тем же не можаху чело-веиы близ места того миновати свистания ради змиина и точения их, но далече инемъ путемъ обхожаху… Изыскавъся в всех его сице волхвъ хитръ и рече царю: “Аз змия уморю и место очищу”… И собра обоялникъ волшением своим вся живущая змия те от века в месте том к великому змию, во едину грамаду согна и всех чертою очерти, да не излезеть из нея ни едина змия, и бесовским деиствомъ всех укори. И обволоче кругом сеном и тростием, и древнем, и лозием сухим многимъ. И полиявъ серою и смолою и зажже огнемъ и попали и пожже вся змия, великаго и малыя, яко быта от того велику смраду змиину по всей земли той… Мнозем же от вой его умрети от лютаго смрада змиина. Близ того места стояху кони и

верблюды его и мнози падоша. И симъ образомъ обчисти место то. Царь возгради на месте том Казань, никому же от державных Руси смеюще супротивъ что реши».

Вот такая необычная история.

А при чем тогда начертание на монетах Юрия имени хана Узбека? Да при том, что именно он долгое время считался одним из символов стабильной и непоколебимой власти, образцом сильного правителя. Узбек был одним из самых мощных и успешных ханов Золотой Орды начала XIV века.

Но самое главное, что его современник — сын Московского князя Даниила — Юрий Московский (замечаете — пересечение трех Юриев — святого Георгия, Юрия Звенигородского и Юрия Московского!) — женился на сестре хана Узбека — Кончаке (в православном крещении — Агафье), а значит, породнился с самим владыкой Орды! То есть князь Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галичский со своим старшим братом — великим князем Василием были родственниками хана Узбека!

Вспомним также, что именно Юрий Данилович Московский получит в 1319 году столь важный для Москвы ярлык на великое княжение. А теперь, три четверти века спустя, пройдя походом по Волжской Булгарии, московские правители смогли получить добычу, способствовавшую их быстрому усилению и процветанию. Поставив на новые монеты имя Узбека, Юрий Звенигородский и его брат Василий пытались этим показать всему восточному миру собственное возрастающее влияние и мощь.

Кстати, известно, что хан Узбек был очень близок и расположен к православию. Ведь его женой была православная византийская царевна, получившая в Орде имя Байлунь. Оказывала на него влияние и родная сестра, крестившаяся в Москве.

Тогда Золотая Орда еще не определилась с выбором государственной религии. Именно на монетах, отчеканенных в ордынском Сарае во времена Узбека, впервые появляется изображение двуглавого орла и… женщины с младенцем, в которой некоторые исследователи усматривают возможный лик Богородицы. И хотя в итоге под влиянием булгарских проповедников Узбек принял ислам («царь Озбяк обесерменился», — писали русские летописи), князь Юрий Звенигородский поставил его имя на свои монеты, соединив этим две великие эпохи и показав некоторую самостоятельность по отношению к влиянию Орды, да и соседней Булгарии.

Тогда, в начале XIV века, с принятием Ордой мусульманства была проведена черта в отношениях между Золотой Ордой и

Русью. Теперь же, по прошествии времени, Орда ослабла, а Булгария почти пала. Имя хана Узбека на русских монетах могло стать, да и стало — символом новой будущей эпохи воссоединения земель и времен под рукой Руси.

При этом старец Савва Сторожевский был прав в своем благословении, когда даже и не намекал князю Юрию Звенигородскому на его великую славу в итоге похода. Князь-воин три месяца рисковал жизнью, захватил много богатства, вернулся с ним в «отечество», отдал большую часть своему старшему брату (следуя законам родства и подписанному между ними договору). Но вся слава досталась не ему, а… Василию. Тот даже попытается, как замечал Карамзин, прослыть в сознании современников и потомков как «князь Василий — завоеватель Булгарии». Но не вышло. Не ужилось.

Именно с этого момента и начинаются незаметные на первый взгляд сложности во взаимоотношениях между братьями. Василий не мог так просто пережить и простить своему брату победу и величие, и всячески их позднее умалял. Вот почему мы так мало знаем об этом походе, потомки Василия и его летописи отвели младшему брату лишь краткие упоминания (совсем замолчать было просто невозможно). А чтобы слава и сила возможного преемника на Московском троне не возросли в дальнейшем, Василий I уже не будет спешить специально просить Юрия Дмитриевича совершать военных действий по его поручению или по братскому договору между ними.

Так это было в истории.

И уже скоро начнут происходить более серьезные столкновения между родственниками.

Итоги уникального похода на Восток

Татары… завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля.

А. С. Пушкин

Из Галицко-Волынской летописи: *«Крепко копьем же изломившимся, яко от грома тресновение бысть, умроша, инии уязвенни быта от крепости ударения копейного».*

* * *

Что же встретили русские дружины в Волжской Булгарии и с чем они возвратились домой?

Действительно, они увидели во многом разоренные Тимуром и Тохтамышем крепости и города. Летописи подтверждают, что Юрий Звенигородский обошел и взял 14 главных булгарских крепостей. Среди них — столицу государства — Великий Булгар, а также Кременчуг (Керменчюк) и Казань (видимо, обе Казани — Старую и Новую).

Дополнительные источники, о которых речь пойдет ниже, добавляют нам к этому списку города Сивар (Сувар — один из самых крупных в Булгарии), Джуке-Тау (в переводе — Липовая Гора, одно из древнейших поселений камско-волжских булгар, русские называли его — Жукотин), Сабы (в наше время — районный центр Богатые Сабы) и земли Ашлы (по русским источникам — Ошлы).

Дошли ли русские до более восточного — Биляра, бывшего некоторое время также столицей Булгарии, неизвестно. Однако им удалось найти возможные остатки сокровищ древней цивилизации.

Старинный татарский эпос «Идиге» раскрывает нам полную картину событий. Здесь упоминаются прошлые богатейшие места Булгарии, которые буквально засыпали весь торговый мир драгоценными металлами. Среди них и «деньги чеканящий град Атряч» — финансовая кладовая Волжско-Камской державы (в наши дни на его месте существует деревня Большие Атряси), а также «деньги чеканящий град Булгар» и другие центры:

Там, где лили на целый свет

Золото и серебро монет.

Осталось ли что-нибудь после Тимура и Тохтамыша, прошедших со смертью по землям Булгарии? Видимо, да. И за это еще отчаянно сражались оставшиеся в живых булгары.

Нельзя сказать, что настоящей войны во время похода Юрия не было. Сражений было предостаточно, причем русские летописи так прямо и пишут, что убито было «много бесермен и татар».

О самих сражениях в русскоязычных источниках ничего не сказано. Но мы вновь прибегнем к помощи эпоса «Идиге». Следует только иметь в виду, что полное разорение своей страны тремя почти одновременными походами вражеских армий булгарский автор описывает в эмоциональных и, возможно, несколько преувеличенных красках, кстати, весьма неожиданно приписывая все самые страшные разрушения — московско-звенигородским дружинам.

Итак, сначала пришли Тохтамыш и Аксак-Тимур. А затем появились русские.

Вторгся в страну, ему вослед,
Князь-урус, рыжий, как лис,
С бородою обросшим ртом.
Разорил он, разграбил наш дом,
Наш священный город Булгар,
И ему подчиненный Сивар,
И высоковратный Казан,
Джуке-Тау над гладью речной
И Сабы в глубине лесной,
И земель Ашлы закрома, —
Он спалил, сломал все дома.
Отбирал он кожу, сафьян,
Загребал лопатами хан
Множество монет золотых.
Разгромил во владеньях моих
Он четырнадцать городов,
Превратил их в пепел и дым.

Не менее эмоционально автор описывает и тогдашнее покорение Казани дружиной князя Юрия.

Воды катит Казань-река
В чаще, трудной для седока,

Над рекою — каменный град,
Много в Казани высоких врат,
Но Казань разрушена дотла,
Только щебень кругом и зола,
Только пепел и пыль руин!

Примечательно, но в тексте эпоса мы находим единственное в истории описание внешности князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского. Представляется лицо, обросшее густой бородой, причем волосы — рыжего цвета, «как у лиса)». Позднее изображение князя на фреске Архангельского собора Московского Кремля (над его усыпальницей) отдаленно напоминает этот образ.

И наконец, находим мы и еще несколько строк о предводителе русских воинов, в которых один из героев эпоса — житель Булгарии — клянется ему отомстить за разорение.

С бородою обросшим ртом,
Князя, что ворвался в наш дом
И четырнадцать городов
Истребил огнем и мечом,
И лопатами загребал
Множество золотых монет,
Я заставлю держать ответ:
Злато вернуть заставлю я.

Но сделать это в реальности герою эпоса или его последователям так и не удастся. Если только не считать того знаменитого события, когда в недалеком будущем хан Золотой Орды не утвердит Юрия Дмитриевича на Московском великокняжеском престоле, хотя после смерти брата Василия он был по праву завещан ему отцом — князем Дмитрием Донским. Ордынский властитель отдаст ярлык на великое княжение его племяннику — малолетнему Василию Васильевичу, сыну Василия I. Быть может, хан сделает это в отместку за слишком хорошо показанную Юрием Звенигородским силу в той знаменитой булгарской войне?

До сих пор не ясно и то, почему автор эпоса «Идиге» приписывает тотальные разрушения булгарских городов именно русскому князю, а не Тохтамышу и Тамерлану, о чем гораздо подробнее говорят исторические источники. Князь Юрий даже не мог обладать тогда столь мощными силами, чтобы нанести такой урон целой стране.

Этот же лейтмотив подхватила и «Казанская история» середины XVI века, где утверждалось, будто русский князь Юрий «все те грады до основания раскопа, а царя казанского и со царицами своими в ярости своей мечем уби, и всех сарацин з женами и з детми их и живущих во граде присече». Если уж «царя казанского» кто и убил, так это был Тамерлан, что подтверждают документы и сам эпос «Идиге».

Но все эти «отрицательные» эмоции можно понять, вспомнив, что эпос дошел до нас в поздней редакции — того же XVI века, когда вокруг Казани и других городов этого края уже стояли полки Ивана Грозного. Очевидная «нелюбовь» к русским «тогдашнего» редактора текста эпоса «Идите» отразилась в полной мере в образе «князя-уруса» из Звенигорода, в котором воплотились все самые отрицательные черты всех трех непрошеных гостей Булгарии.

Итак, мы не можем дать прямых ответов на вопросы: что застал князь Юрий в городах Волжской Булгарии и что, собственно, стало его достоянием в итоге похода? Исторические источники почти ничего не говорят об этом. Количество золота, драгоценностей, товаров или другой «добычи» не поддается исчислению.

При этом надо иметь в виду, что весь поход занял всего три месяца (!). Можно ли за такое короткое время, находясь в условиях постоянных сражений, обойти и взять 14 городов, вернуться назад, да еще и тащить за собой обоз с «большим добром»?

Вот почему мы можем сделать еще два важных вывода. Первый — дружина князя Юрия в подавляющем большинстве и скорее всего была конной, а не пешей, то есть могла быстро передвигаться, осваивая большие территории. И второй — он не мог взять уж очень много «богатства», так как действовал быстро и неожиданно.

Известно, что привез он домой не только ценности, но и новых людей. Предполагается, что часть булгарских мастеров прибыла в Звенигород вместе с войском князя, а затем она участвовала в строительстве раннемосковских соборов. По крайней мере, именно с этого времени начинается традиция поселения татар (булгар) в Звенигородском крае, которая существовала потом в течение почти двух столетий, оставив нам в топонимии здешних поселений и мест многие татарские (булгарские) названия.

Важным итогом восточного похода Юрия стал знаменитый факт (мы о нем уже упоминали) — в мае 1398 года из Москвы в сторону Константинополя, в Византию был отправлен обоз для

помощи греческому императору Мануилу в борьбе с завоевателями. «Посылка» оценивалась в 20 тысяч рублей серебром! Откуда было взяться таким деньгам, если еще совсем недавно самого Василия Дмитриевича оставляли в ордынском плену в качестве заложника, так как у Руси не было возможности в течение нескольких лет заплатить 8 тысяч рублей серебром хану Тохтамышу после его поджога и разорения Москвы. Было такое? Конечно, было. Откуда же взялась сумма в два с половиной раза превышающая ордынский долг? Да еще так спокойно, без всяческих проблем и «финансового надрыва» отправляемая на юг, практически безвозвратно (нигде не отмечалось, что это были «последние» деньги или их отправка была связана с особыми трудностями для Руси)!

Кроме того, определенным итогом действий князя Юрия стало еще одно важное обстоятельство. Не стоит забывать о том, что русские могли воочию убедиться в некоторых достижениях древней булгарской цивилизации, перенять даже новые для них знания. Князь Юрий Дмитриевич фактически побывал «за границей», в другой цивилизации, не похожей на Орду, где своими глазами увидел необычную архитектуру городов и своеобразные новшества, такие, например, как местное огнестрельное оружие или методы строительства мечетей.

Не это ли сразу по возвращении натолкнуло его на мысль строить в своей земле, в своем «отечестве», в Звенигороде цивилизацию собственную, новый духовный град?

Глава шестая. ЗВЕНИГОРОДСКАЯ РУСЬ

Ох, высокое место, все видать..,
а зво-он ка-акой!..

И. С. Шмелев

Князь Юрий получил после кончины отца в удел два главных города — Звенигород и Галич (Руза к тому времени уже не была столь важным центром). Напомним, когда мы говорим о Галиче Юрия Дмитриевича, то имеем в виду Галич Мерьский, расположенный в сторону Костромы, на землях народов «мери». Иногда его путают с Солигаличем, но это другой город, хотя и находится на тех же землях.

Звенигородское и Галичское удельные княжества были очень доходными и сильными. Здесь взросло и показало себя местное боярство, участвовавшее во всех важнейших событиях Московского государства. Этот особый мир окружения великих князей или их родственников в XIV веке переживал свою «золотую» эпоху. Во главе боярских родов находились крупнейшие деятели и ближайшие сподвижники, друзья и помощники потомков Дмитрия Донского. Они иногда не только принимали участие в делах, походах или переговорах, но и влияли на них. Храбрые и талантливые люди, они окружали великих князей за столом на бурных пирушках. Каждый из них занимал свое место соотносительно своим заслугам или родственному положению. На смертном одре князь Дмитрий Донской, судя по летописи, произнес знаменитые слова, ставшие похвалой боярскому роду: «Родился пред вами, и при вас возрос, и с вами царствовал… и мужествовал с вами на многие страны, и противным был страшен в бранех, и поганыя низложил с Божиею помощью и врагов покорил. Великое княжение свое вельми укрепил, мир и тишину земле Русской сотворил… Вы же не нарекались у меня боярами, но князьями земли моей…»

В окружении своих бояр Юрий Звенигородский прокняжит почти 45 лет, они же — друзья-рыцари русского Средневековья — возведут его в последний год жизни на Московский великокняжеский престол.

Кремль и град у Москвы-реки. Гипотеза 7

В Звенигороде в самом деле хорошо…

А. П. Чехов

Итальянский путешественник Амброзио Контарини о Московии XV века: *«Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный… [Край] чрезвычайно богат всякими хлебными злаками… [Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса… Нет… никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки».*

* * *

В XIV веке Русь значительно восстановилась после всех ударов со стороны Орды. Конечно, завоеватели вытягивали максимум возможного, заставляя платить иногда непосильную дань. Но даже она уже не казалась непомерной. Оставалось что-то и «для себя».

Ко второй половине столетия в значительной степени были восстановлены и развились главные русские города. Время от времени их сжигали и даже вновь разрушали. Но эта чудовищная «тренировка по выживанию» привела к тому, что процесс восстановления и реконструкции городских поселений стал занимать очень короткое время. Город сравнивали с землей, а он тут же возникал вновь. Население быстро уходило прочь от врага и также немедля возвращалось обратно, на пепелище, которое сразу же возрождалось и превращалось в новую крепость.

Крупнейшими центрами Древней Руси стали Владимир, Ростов, Тверь, Рязань, Суздаль, Нижний Новгород. И конечно же Москва, Новгород и Псков. Только в Москве проживало около 20—25 тысяч жителей. Огромная для того времени цифра! В Нижнем Новгороде, как предполагается, количество жителей достигало 9—18 тысяч, а Тверь населяло около 6—12 тысяч человек.

Были ли эти города большими по размерам? Мы можем немного судить об этом, так как остались границы старых крепостей — кремлей. Если даже мысленно окружить их посадами, то можно представить себе масштабы таких поселений.

Считается, что города Северо-Восточной Руси были не столь крупными (по площади), как это было в Руси Киевской. Причиной этого стали как татаро-монгольское нашествие, затормозившее развитие городских ремесел (а это один из главных «двигателей» развития городов), так и другой климат, ведь Север и суровые зимы всегда ограничивали по площади отапливаемое жилое пространство. Горожане в большей степени продолжали заниматься не ремеслами, а… обычным, банальным сельским хозяйством, дабы прокормить свою семью.

Строительство домов и крепостных стен из камня вообще было делом очень трудным и дорогим. Поэтому, как мы помним, лишь в 1367 году в Москве появился каменный Кремль, то есть спустя только почти полтора века после появления монголов.

Ученые подсчитали, что за период 1263—1462 годов в Новгороде было построено 176 каменных церквей, а в Москве — только 49. Немного. Но все-таки не забудем о том, что Новгород, даже в силу своего географического положения, не так страдал от Орды, как столица Московского княжества, не раз разрушаемая почти до основания.

Не менее важными центрами русской жизни становятся крупные удельные города, бывшие центры или даже столицы княжеств, влившиеся в состав московских земель.

Такими историческими городами были в то время Звенигород и Галич, которые благодаря князю Юрию пережили в период его правления свои лучшие времена и настоящий расцвет.

* * *

На два простых вопроса: сколько на Руси было Звенигородов и откуда появилось столь яркое и уникальное название для города, как это ни странно, — не многие люди ответят в точности. «Звенящих городов» было много, а почему «звенящих» (если вообще здесь имеются в виду звуковые «звоны»), так и вообще неясно. Ведь самое расхожее мнение, будто «в Звенигородах в колокола звонили, а потому так и назвали», не может быть признано правильным, потому что во времена появления большинства таковых городов колоколов не существовало и в помине.

Поэтически «звенеть» могла и струящаяся вода в реке (кстати, самый вероятный источник происхождения названия — этот гидроним), и тишина окружающей природы («звенящая тишина»), и даже людская молва («слышен звон, да не знаем, где он»). Один из ценителей этимологии и топонимики, известный историк XVIII

века В. Н. Татищев, докопался до такого толкования (кстати, весьма интересного), найдя ссылку в древнерусских текстах — «Звенигород или Свиногород», что рисует в воображении некий «город скотоводов». А теперь нашлось и другое созвучие: Звенигород — Савенигород, то есть «город Саввы».

Что ж, впереди и всякие новые предположения…

Когда князь Юрий Дмитриевич получил Звенигород в наследство от Дмитрия Донского, а настоятель Троицкого монастыря — игумен Савва — решил оставить обитель своего учителя Сергия Радонежского и сюда переселиться, то речь шла о подмосковном удельном городе — столице одноименного княжества. Но почему же позднее было столько разговоров — чей это был Звенигород и кто им владел? Споры об этом не затихают и поныне. Странная история была у города.

* * *

Городов с названием Звенигород действительно на Руси было несколько. До сих пор иногда происходит некоторая путаница — о каком из них, где и в связи с чем идет речь, а также кто и когда их основал.

Первые Звенигороды вырастали «как грибы» еще во времена Киевской Руси. Известны были два южных древнерусских Звенигорода Галицких (их разделяют не случайно) — один на левом берегу Днестра, что между устьями рек Серет и Збруч, а другой — на реке Белке (в Подольской земле, к юго-востоку от Львова). Этот — второй — Звенигород (иногда называемый Червенским) был даже в XI веке центром удельного княжества Галицкой земли (не путать с северным Галичем).

Оба города хотя и были достаточно укреплены (у одного из них сохранились валы и рвы, найдены многие ценные предметы, включая печати вельмож) и представляли собой образцы развитых центров цивилизации, но при нашествии татар в начале XIII столетия были непоправимо разрушены. Один просто стерли с лица земли, и он перестал существовать, а другой — остался за Польшей и превратился «отголоском звона» в град Дзвинигород.

Та же участь — погибнуть безвозвратно — постигла и так называемый Звенигород Киевский. Эта древнерусская крепость прикрывала подступы к Киеву с юго-востока. Запомнили потомки название града по причине того, что в летописи за 1097 год появилась запись об известном ослеплении здесь требовльского князя Василька Ростиславича. Мелькал он в документах и в период, когда воевал тут за свои интересы князь Юрий

Долгорукий, Но появившиеся как будто из «ниоткуда» все те же татары так постарались в уничтожении крепости, что сегодня никто не может даже предположить — где мог точно находиться исторический град.

Было на Киевской земле местечко и с таким названием — Звенигородка, на реке Гнилой Тикич. Татары и его, как водится, сожгли, однако городок позже восстановили, и в XIV — начале XV века тут появились удельные князья из Карачевской ветви Черниговского дома, называвшиеся Звенигородскими. Ликвидировали удел литовцы, когда Звенигородский князь Александр Федорович с сыновьями в 1408 году сбежал от Литвы на Русь.

Не эту ли Звенигородку с ее черниговским прошлым будут потом неоднократно путать со Звенигородом Московским? Ведь само княжество Черниговское границами доходило почти до Москвы, например, город Руза (рядом со Звенигородом подмосковным) был некоторое время в его владениях. Поэтому, когда говорили, что Звенигород на Москве-реке — это важная пограничная крепость, то имелось в виду, что она не защита Москве, а прикрытие северо-восточных границ Черниговского княжества — от той же Москвы!

Все эти города-тезки вводили потомков в заблуждение, особенно когда они пытались определить — какой, кому и когда принадлежал. Но уж очень популярным и приятным для уха было это название, ставшее одним из символов древнерусского градостроительства.

* * *

Время возникновения подмосковного Звенигорода спорно. Есть предположения, что он был основан князем Юрием Долгоруким в 1152 году, хотя впервые город упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты, то есть в первой трети XIV века. Но археологи утверждают, что окрестные холмы, по высоте напоминающие небольшие крутые горы, поросшие лесом, стали излюбленным местом поселения людей еще несколько тысячелетий ранее. А на горе Сторожи (исходя из названия), вероятно, могло быть место древнейших капищ и языческих обрядов, имевшее значение важнейших чтимых мест дохристианского времени. Сохранились предания о некоем языческом «святилище Рода», привлекавшем сюда людей, однако, скорее всего, оно имело отношение к Звенигороду Галицкому.

Прямо у стен Саввино-Сторожевского монастыря ученые

нашли городище V—VII веков с остатками погребальных памятников поздней дьяковской культуры. А вот и совсем «свежие» находки, сделанные в районе Саввинской Слободы уже в XXI веке с помощью новых технологий и основанные на методиках радиоуглеродного датирования образцов древесного угля. Люди в древности жгли костры и печи, оставляя следы, которые теперь легко датировать. Так появились следующие даты: от II века до Рождества Христова, то есть — до нашей эры, и далее.

Город же, как таковой («огороженное пространство»), мог появиться на месте нынешнего Звенигорода (крепости Городок) в XI столетии или ранее, о чем можно прочитать в некоторых старых российских энциклопедиях. А то, что еще до нашествия татаро-монгольских полчищ, то есть в XII веке, здесь уже построили настоящие укрепления — теперь общеизвестный для ученых-археологов факт.

Таким образом, Звенигород является ровесником, а может быть, и старшим братом Москвы. Если добавить к этому, что названием своим он обязан южнорусским собратьям-тезкам (о дублировании южных названий городов мы уже говорили на примере Переяславля), то его исконность и некоторая древнерусская историческая «сакральность» будут вовсе неоспоримы.

Центральную часть Звенигорода, расположенную на большой высоте, окруженную глубокими и крутыми оврагами, а с одной стороны — Москвой-рекой, всегда называли Городком. Странное «уменьшительное» наименование (не город, а городок) было связано, видимо, с тем, что площадь вершины холма, на которой он располагался, была небольшой. Здесь никогда не могло бы разместиться достаточно много построек, чтобы можно было величать поселение Городом.

Эта «двойственность» (удобство, защищенность и одновременно — малая площадь) стала роковой для развития здешнего центра жизни, из-за этого главная часть Звенигорода никак не превращалась в гигантский торговый и людской центр. Но это легко можно было сделать в его окрестностях, на посадах. А неприступность крепости, ее ключевое положение над окружающим пространством, возможность наблюдения за горизонтом на многие километры сделали здешние холмы чуть ли не главным форпостом Северо-Восточной Руси на пути между Востоком и Западом.

«Мал да удал» — самая удачная поговорка для Звенигорода, который еще покажет себя во всем великолепии в конце XIV века, когда здесь соединятся созидательные энергии двух подвижников:

Саввы Сторожевского и Юрия Звенигородского.

Как удел Московского княжества город переходил по наследству одному из детей великого князя. Сын Дмитрия Донского — Юрий передал его также своим сыновьям, но те после длительной борьбы за великокняжеский престол уступили его вновь Москве, причем навсегда. Потомки князя Василия, не любившие «зазнавшихся» князей Звенигородских, и особенно — память о Юрии, строившем свою собственную Звенигородскую Русь, старались позднее умалить как можно более значение города. Он в конце XV века перестанет иметь какое-либо важное торговое или военное значение.

О Звенигороде, правда, вспомнили первые цари новой династии Романовых. Им очень интересно было понять или приподнять завесу тайны, а может быть, — даже восстановить подзабытые идеи, волновавшие когда-то игумена Савву Сторожевского и Юрия Дмитриевича. Ведь они уже никак не зависели от потомков Василия I и их пожеланий.

Возрождение Звенигорода во времена Алексея Михайловича могло превратить город в один из самых главных на Руси после Москвы. Но история привела затем к власти Петра Великого, которому Древняя Русь была столь же не интересна, как его отцу — голландские тюльпаны. Звенигород снова забыли.

Временный расцвет середины XVII века уже не спасет его от «несмываемого» налета «провинциальности», который останется и до наших дней.

Но, может быть, именно поэтому Звенигород сохранит какую-то историческую, неповторимую прелесть, загадочность, привлекающую в его окрестности сотни и сотни путешественников, паломников, творческих и жаждущих духовных поисков людей?! Он стал одним из воображаемых проявлений старинных представлений русских о несостоявшемся и канувшем в Лету чудесном граде Китеже.

Князь Юрий, как известно, победив волжских булгар, приведет к стенам своего города некоторое количество пленных переселенцев, которые затем расселятся по ближайшим окрестностям. Однако история оставила нам и другие свидетельства о поселениях, например, приезжавших из Орды татар, которые обосновывались на западе от Москвы, на подступах к Звенигороду. Именно они оставили немало «татарских» названий деревень, сохранившихся до наших дней.

В XV—XVI столетиях даже сам город отдавался в качестве владения татарским князьям, переходившим на службу к русскому царю. С чем была связана такая странная традиция? Скорее всего, именно с роковыми для князя Юрия

обстоятельствами — его победой над частью Золотой Орды, дипломатией, в которой союзничество с Ордой имело немаловажное значение, борьбой за восстановление права наследования им Московского престола, наконец, с его победой на этом поприще, но затем — поражением его потомков и постоянной местью им со стороны московских победителей.

Великого Звенигорода, Звенигородской Руси, Новой Небесной Звенигородской Палестины не стало. И, при большом желании предать эту идею забвению со стороны потомков Василия I, лучшим способом было запустение и «отатаривание» самовольного «русско-звенигородского гнезда».

Что и было тогда осуществлено — медленно, но верно.

* * *

Читатель уже заметил, что, по нашему мнению, грандиозное строительство каменных соборов и Звенигородского Кремля было задумано и затем начато князем Юрием уже в середине 1390-х годов.

Искусствоведы давно обратили внимание и тщательно изучают все особенности так называемой «раннемосковской архитектуры», к самым первым и лучшим образцам которой, собственно, и относят — Успенский собор на Городке и храм Рождества Богородицы в центре Саввино-Сторожевского монастыря. Добавим к этому свои «размышления и эмоции».

Похоже, что «кто-то» приступил тогда всерьез к разработке нового стиля новой эпохи. В ранних московских традициях зодчества выразились передовые взгляды на строительство из камня вообще, которое в отношении церквей было еще не столь распространено на Руси. Можно даже сказать, что оно не было абсолютно «новым», но продолжало быть «внове».

Эти идеи распространились затем повсеместно. Их почему-то называют «раннемосковскими», хотя появились они не в Москве, рядом с которой воплощенный их образец возникнет лишь четверть века спустя — в Спасо-Андрониковом монастыре. Скорее всего, необходимо назвать этот стиль «звенигородским» (причем без всяких приставок вроде «ранний»), так как главные его образцы — два храма на Звенигородских холмах, а третий в Троицесергиевой обители — были абсолютно первыми и построены по благословению, наказу, заказу и при материальной поддержке, которые исходили исключительно и только из Звенигорода. По всей своей сути это была не московская, а именно звенигородская архитектура. Почему мы до сих пор не

можем назвать все своими именами?!

Вышеупомянутые нами возникшие тогда передовые взгляды на каменное строительство тоже не брались «из воздуха». Их надо было откуда-то получить, переосмыслить и суметь претворить в жизнь. Так же, как и материальные средства на возведение чрезвычайно дорогостоящих храмов в период финансовых бедствий Руси из-за ордынского ига и выплаты дани. То есть деньги для этого надо было иметь.

Невероятное совпадение всех этих возможностей возникло именно в Звенигороде 1390-х годов, после победы Юрия Звенигородского над Волжской Булгарией и появления в подмосковных краях лучших специалистов этой древней державы.

Но даже и это совпадение не могло бы повлиять на события, а грандиозные свершения не были бы осуществлены, если бы (кроме Небесного Промысла) не вмешался и так называемый «человеческий фактор». То есть, в нашем представлении, если бы не соединились две устремленные в будущее души, два подвижника. Как мы говорили — один из мира светского, другой — из духовного.

Повторим их имена еще раз: старец Савва Сторожевский и князь Юрий Звенигородский.

Они «не мешали» друг другу осуществлять задуманное, скорее — наоборот. Светский человек строил светское, а церковный — церковное. Бок о бок, по общему уникальному плану.

Поговорим о светском устроении этого времени.

На Городке — в пределах Звенигородской крепости — князь Юрий сразу же после получения удела в «отчину» начинает возведение собственного дворца. Причина банальна — надо было где-то жить. У местных бояр прекрасные хоромы уже были здесь в собственности, и новому удельному князю нельзя было «ударить в грязь лицом».

Можно предположить, что от прежних князей Черниговско-Звенигородских, владевших землями еще давно, кое-что здесь должно было оставаться. Но вышло так — не сохранилось почти ничего. Ведь с тех пор, как Иван Калита прибрал эти угодья к своим рукам, прошло более полувека! Деревянные постройки обветшали, а то и вовсе — превратились в ветхие полуразвалины.

Холм Городка расположился на левом берегу Москвы-реки, где она прорезает пойму глубоких оврагов. Тут же протекала речка Жерновка. Почти неприступная возвышенность с той стороны, где не было оврагов, была окружена глубоким искусственным рвом. Рядом с самой крепостью есть площадка, где располагался посад. А еще один посад разросся на другом

берегу, в низине и на ближайшей возвышенности (ныне — Верхний Посад современного Звенигорода), и к этим временам уже был густо заселен. Именно вокруг главного холма современные археологи находят остатки древнейших укрепленных поселений с незапамятных времен.

Строительство Юрием дворца в Кремле начинается почти сразу после получения удела по наследству, в начале 1390-х. Тогда у князя еще не было серьезных средств. Наследство от отца он получил в основном в виде недвижимости, а не в виде реальных «мешков с деньгами». Доказывает это и тот факт, что дворец заложен был деревянным, то есть — более дешевым, «экономичным». И до 1395 года— момента похода на булгар, он, вернее всего, был уже построен. Иначе бы его после победы возводили в камне. А теперь — не было смысла перестраивать уже сделанное. Как и в случае со стенами — укреплениями вокруг Кремля, их тоже тогда успели уже сотворить из дерева.

«Деревянность» дворца и крепостных стен их и погубила. Сжечь такие постройки до основания первым же набегом любого сильного неприятеля (а войн будет еще предостаточно) — дело обычное. Что позднее и произошло. Потому они не сохранились, как, впрочем, и все десятки великолепных княжеских дворцов той эпохи по всей Руси, которые по старой привычке складывали из бревен. Жаль, что искусство миниатюры еще не предполагало тогда необходимости точного копирования объектов человеческого труда. Никто не зарисовал этих красот. А мы можем только воображать — что там могло быть.

Камень же спасал реально, а не гипотетически. Из всего, что останется потомкам на Городке, — до наших дней сохранится только Успенский собор. Каменный.

Перейдем к обустройству церковному.

Первоначально решено было возвести из камня собор Успения Пресвятой Богородицы. Исторические документы не сохранили сведений о времени его постройки, а пожар, случившийся в 1723 году и превративший в пепел все бумаги Звенигородской канцелярии, поставил в возможных поисках даты вполне вероятную точку. Косвенные данные и анализ других имеющихся источников — один из путей разрешения этой проблемы. По нашему мнению, решение о строительстве было принято сразу же после 1395 года, когда звенигородские дружины вернулись из похода с богатой добычей.

В это время уже существовали два деревянных храма — прежний Успенский (на месте нового) и Рождественский — на горе Сторожи. Новый собор на Городке, в самом центре Кремля, был необходим по нескольким причинам.

Первая — присутствие новой епископской кафедры в Звенигороде. Необходимо было поднять ее важное положение, особенно в связи с предстоящим переездом сюда старца Саввы из Троицкого монастыря.

Вторая — престиж. Князю Юрию надо было показать Москве и старшему брату Василию свою мощь и умение заботиться о своем уделе. Ведь будущее было непредсказуемым. А Юрий оставался по завещанию отца официальным претендентом на великокняжеский престол, как говорится, под «номером 1».

Третья — уже тогда могла зародиться идея династического брака с большими перспективами, дабы еще более усилить и возвысить положение Юрия перед Москвой. Литовцы изгоняют в 1395 году из Смоленска великого князя Юрия Святославича, Он вполне мог появиться со своими чадами, включая дочь — Анастасию, в Москве или даже в Звенигороде (у бывшего епископа Смоленского, а теперь — Звенигородского Даниила). Познакомившись с юной невестой, Юрий мог уже тогда предположить будущий брак, который приносил фантастические возможности — возможность претендовать на Великое княжество Смоленское, одно из самых важных и старейших в истории Руси. Храм же — большой, новый и каменный — нужен был и для исключительного события — венчания в столь представительном окружении. Хотя известно, что венчание Юрия и Анастасии произошло «на Москве», однако это никак не отменяет возможных планов совершить обряд в Звенигороде.

Что же касается каменного Рождественского собора в монастыре Саввы Сторожевского, то на месте одноименного деревянного его стали сооружать почти одновременно с Успенским на Городке. Оба храма были закончены так быстро, что уже к началу 1400-х годов большую их часть успел расписать иконописец Андрей Рублев (подробности — далее).

Но не скорость строительства сегодня приводит в изумление наших современников, в первую очередь — знатоков-искусствоведов. А зарождение нового архитектурного стиля, с которого мы и начали этот рассказ. Стиля, официально признанного как «раннемосковский», а мы, без обиняков, вновь назовем его «звенигородским» (между прочим, без претензий на приоритет в употреблении данного термина).

Многие признают — в нем есть некоторая загадка. В чем же она выражается?

При князе Юрии и его наставнике Савве Сторожевском в Звенигороде начинается условный возврат к принципам и архитектурным традициям Владимиро-Суздальской Руси. Но совершенно на новом уровне. Словно бы кто-то стремился

«оживить» забытые черты домонгольской культуры.

Первым делом у искусствоведов принято сопоставлять звенигородские соборы с владимирскими церквами XII века. Особенно — из-за появления внешних украшений — орнаментов на стенах возводимых храмов. Правда, исчезают из такой резьбы диковинные животные, грифоны и персонажи библейской истории. Храм на Городке окружают лишь несколько полос каменного пояса из растительного орнамента. Времена переменились. Восприятие духовных основ жизни становится более символическим.

Для Успенского собора за основу в строительстве принимается четырехстолпная крестово-купольная форма. Главное здание-куб украшается рядами живописных кокошников, возвышающихся к барабану купола. Появляются изумительные, едва заметные порталы на стенах. Глядя на храм, легко вспомнить Дмитровский собор во Владимире и даже — церковь Покрова на Нерли.

Зодчий вспоминает о необходимости возведения хоров внутри храма — для княжеской семьи, так, как это делали на старой Руси. Современный искусствовед В. Г. Брюсова отметила один важный факт, что «наибольшее сходство собор на Городке обнаруживает с церковью Рождества Богоматери Московского Кремля с приделом Лазаря 1393 года. Такие детали, как килевидность арок, наличие освещающих внутренний проход на хоры в стене шестилепестковых окон-розеток, сходная профилировка цоколя, позволяют говорить о работе одной строительной артели». При этом она полагает, что храм на Городке в Звенигороде был заложен даже ранее московского — в конце 1380-х годов и к 1393 году уже был завершен. Получается, что одна и та же артель строила сразу и московскую, и звенигородскую церковь. Скорее всего, зодчие работали последовательно и, закончив Рождественский собор в Москве (1393 год), уже потом — начали строительство в Звенигороде (и, как мы уже говорили, предположительно, все-таки после 1395 года). Кстати, Троицкая летопись упоминает о присутствии князя Юрия на освящении придела Лазаря в Москве, в 1393 году.

Пропорции храма на Городке удивительно удачно вписываются в общие пропорции холма, на котором он стоит. Как писал академик Д. С. Лихачев (в работе «Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси»), многочисленные легенды и апокрифы породили обязательное сочетание храмов в честь Успения Божией Матери с возвышенностью. «Эти легенды объясняют не только однотипность Успенских храмов на Руси, но и обычное для них расположение на горе, на крутом берегу».

К сожалению, мы не можем видеть сегодня его внешних украшений такими, какими они были задуманы и осуществлены первоначально. Скаты крыши храма покрыты металлом, кокошники еще «ожидают» восстановления…

Рождественский собор в Саввино-Сторожевском монастыре воплотил собой самые главные чаяния зодчих того времени, создававших свой новый стиль. Здесь применен был принцип «палатного» устроения, его внутреннее пространство — монументально, производит впечатление величия и кажется гораздо большим, чем есть на самом деле.

Общепризнанным временем строительства главного монастырского храма считаются 1404—1407 годы. Но, скорее всего, это произошло намного ранее. Ведь к этому времени уже заканчивались росписи звенигородских церквей иконописцами под руководством Андрея Рублева (о чем чуть далее). Он будет участвовать в работах по расписыванию Благовещенского собора Московского Кремля в 1405 году (вместе с Феофаном Греком и Прохором с Городца). Значит, трудился он в Звенигороде между 1395 и 1404 годами. И этот период стал для него основополагающим, особенно для всей его дальнейшей судьбы иконописца. То есть каменный собор в Саввином монастыре был завершен до 1404-го, и точнее, возможно даже — около 1400 года.

Собор Рождества Богородицы кажется на первый взгляд немного более тяжеловесным и приземленным, нежели храм на Городке. Но когда исчезает первое впечатление, становится ясным, что он воплощает в себе некоторые почти идеальные пропорции крепкого и фундаментального здания, свойственного лучшим традициям не только русского, но и европейского Возрождения.

В нем уже нет изящных и легких линий, свойственных типу «Покрова на Нерли». Скорее он напоминает о мощных столичных соборах, которые составляют опору архитектурного центра большого города.

Внешность его после реставрации приближена к той, что может считаться первоначальной. Особо выделяются и подчеркивают красоту храма три яруса килевидных кокошников: один ряд из трех кокошников по каждой стороне света, другой — из четырех по диагонали, и третий — из восьми по окружности подкупольного барабана.

Мастера тщательно подбирали для здания храма большие белокаменные блоки-кирпичи, каждая сторона которых достигала 45 сантиметров. Три или четыре таких блока составляли толщину стены, в среднем достигающую полуметра. Мощь таких стен

могла выдержать еще несколько этажей.

Чудом сохранилась единственная первоначальная дубовая связь, которой пользовались для соединения частей здания. Все другие были уже давно заменены на металлические. Почти шесть столетий не уничтожили крепкое дерево. Основательные приемы строительства на горе Сторожи не перестают удивлять специалистов-реставраторов.

Сейчас даже трудно представить, что в те времена окружающая местность была застроена хоть и многочисленными, но лишь едва заметными деревянными домиками. Не было ни высоких каменных стен, ни какого-либо другого здания из камня выше двух этажей. Возможно, не было так близко и высоких деревьев (для сторожевых отрядов они бы только мешали наблюдению за местностью). Собор «единолично» возвышался над всем многоверстным пространством, словно откликаясь на колокольный зов своего собрата — храма на Городке.

Итак, две церкви — одна в светском Кремле, другая — в монастырской обители.

Они были построены почти одновременно и знаменовали единение духовной и мирской славы и силы.

На Руси в действительности появлялся узнаваемый образ, одухотворенный пример уникального союза и сочетания власти из двух начал. Любой путешественник или паломник, приближаясь к Звенигороду, мог убедиться в этом на большом расстоянии, приметив два храма.

Это была «визитная карточка» нового Града. Но также это было зримое воплощение идеи Небесного Звенигорода, речь о которой еще впереди.

Монастырь на горе Сторожи. Гипотеза 8

Лазил на колокольню и звонил во все колокола.

Федор Шаляпин о Звенигородской обители

А. С. Пушкин о князе Юрии Звенигородском (по беловому автографу поэта — переложению древнего жития): *«Потом некий христолюбивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм… и обитель пречудесную и великую».*

* * *

Всякий путешественник, приезжающий посмотреть древний Звенигород, сразу замечает, что он словно разбит на две части, расположен на двух холмах. Один занимает крепость, а другой — монастырь.

Как мы уже знаем, именно так и строился город во времена князя Юрия Дмитриевича. Почти одновременно возводились стены Кремля — Городка, а также храмы новой обители.

Об этом повествует и тот же агиограф XVI века Маркелл Хутынский в своем Житии преподобного Саввы Сторожевского: «Христолюбивый же этот князь (Юрий. — К. К.-С.) еще более упрашивает преподобного старца, чтобы тот никогда не разлучался с ним, но пребывал у него и основал монастырь в отечестве его близ Звенигорода, где есть место, называемое Сторожи. Усердный же в послушании Савва, видя душевное желание князя, и от этого не отказался, но все возложил на всемогущего Бога, любя труды пошел в названное место… И поселился на месте том, где воздвиг церковь деревянную во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества… И собралось к нему несколько братии, и основали общее житие, которое существует и доныне…»

Когда же и как появился здесь один из самых известных в будущем монастырей Московской Руси?

Для начала предлагаем читателю обычную и общепринятую версию событий, связанных с основанием Саввино-Сторожевского

монастыря. Она повторяет в точности рассказ из Жития устроителя обители, написанного Маркеллом Хутынским.

Все начинается с того, что Юрий Дмитриевич Звенигородский просит игумена Троицкого монастыря Савву основать монастырь в его владениях. В 1398 году тот оставляет обитель Троицы, основанную преподобным Сергием Радонежским, и спешит в Звенигород на гору Сторожи.

Писатель XIX столетия комментировал эти события так: «Видно, и князь, и старец поняли, что иночество доброе спасительно не только для людей, ему себя посвящающих, но и для прочих, и что обители монашеские в русской земле должны гореть как светочи, при которых только и возможно православному народу со всею ясностию видеть и сознавать себя народом православным, сильным не столько внешнею силою знания и искусства, сколько всепобеждающею, всепокоряющею, всеспасающею верою».

Предполагается, что место для обители было выбрано князем Юрием, вернее, он указал на него Савве. И оно не просто понравилось игумену, а оказалось «словно небесный рай, благоухающими насаждено цветами». Весьма важным обстоятельством (об этом позднее) явится тот факт, что преподобный старец принесет с собой икону Смоленской Божией Матери. «И ныне, Владычице, призри на место сие, — восклицал он, — и снабди е от враг ненаветно, и Наставница и Окормительница буди ми даже до конца жизни моея».

Здесь же старец заложил деревянную церковь во имя Рождества Богородицы и соорудил рядом «маленькую ке-лийцу», то есть небольшой дом.

С какого момента можно считать монастырь основанным? Возможно, именно с того, как первая служба, первая литургия могла состояться на этом месте. Сколько времени потратил старец на строительство и кто помогал ему в этом — мы не знаем. Предполагается, что все это было сделано быстро, то есть — в том же 1398 году (что на самом деле довольно короткий срок для возведения храма и окружающих его построек). Потому именно с этого времени принято исчислять летописание Саввино-Сторожевской обители.

Игумен Савва ввел в новом монастыре такой же общежительский устав, какой был при Сергии Радонежском в его Троице. Вокруг его домика все появлялись и появлялись другие. Новая братия жила рядом, поблизости, без права на личное имущество, помогая друг другу. А преподобный Савва, будучи уже на склоне лет, на своих плечах таскал воду от нижнего родника на высокую Сторожу, гору довольно крутую. Кто бывал в

Звенигороде, тот знает.

Князь Юрий радовался этому благоустройству и щедро помогал монастырю. По обычной версии, где-то на рубеже XIV—XV веков была заложена каменная церковь Успения Богоматери на Городке, а затем почти сразу же завершили строительство каменного Рождественского храма на месте первоначального деревянного.

Кстати, о роднике. Как правило, сказания об основании монастырей связываются с появлением или открытием новых источников. Такое событие — особый символ. Святые источники потом становятся местом паломничества и многочисленных историй, связанных с чудесами. Один из древнейших и почитаемых (и по сей день) родников в Звенигороде уже существовал. Он расположен на крутом склоне соседнего с монастырем холма, называемого Городок, у дороги и Москвы-реки. Еще один источник был открыт уже игуменом Саввой, вернее, вырыт им в виде колодца. Именно оттуда, видимо, и поднимал на своих плечах бадьи с водой прозорливый старец, для того чтобы напоить свою братию. Часть своей жизни, до самой своей кончины, Савва Сторожевский прожил не в монастыре, а в пещерке, которую он, по преданию, выкопал неподалеку. Это место называлось также Скитом и стало позднее частью самого монастыря.

* * *

Такова вкратце обычная история основания обители у города Звенигорода. Отдельные детали можно дополнять или «раскрашивать», но суть не меняется. Это почти все, что повествуют нам Житие и летописи об этом событии.

Читатель уже догадывается, что если мы говорим о версии общепринятой, то наверняка предполагаем рассмотреть и другие.

Теперь становится ясным, что преподобный Савва мог появиться в Звенигороде намного ранее 1398 года. И если жития старца, опубликованные в начале XIX века, упоминают такую дату основания здесь монастыря, как 1377 год, при этом подчеркивая, что игуменствовал он в нем 30 лет (!), то мысль о таком раннем появлении никак нельзя будет назвать «взятой с потолка».

Маркелл Безбородый уточняет: пригласил Юрий Савву, чтобы «основал монастырь в отечестве его близ Звенигорода». И вновь — вопрос. В отечестве кого? Юрия? Но ведь родиной его была Москва (хотя родился он в Переяславле)! А может быть, речь во фразе «в отечестве его близ Звенигорода» идет об игумене Савве?

То есть пригласил князь преподобного — в его, старца, «отечество близ Звенигорода»!

Проясним этот филологический казус. «Отечество» — слово многогранное, имеет историческое развитие. И это не только место рождения или Родина. Во времена Дмитрия Донского так называли наследство, полученное от отца. Еще Даль в своем словаре называл отечеством не только землю, где человек «родился, вырос», которая ему «корень», она же — «земля народа, к коему кто по рождению, языку и вере принадлежит». Это и «второе отечество, земля, где выходец поселился, приняв подданство, или прочно, навсегда водворившись». И еще Даль отмечает, что отечество — «государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле». Похоже, что речь идет все-таки об «отечестве» князя Юрия, а не инока из Троицы.

Спорной нам показалась лишь одна мелочь. В те времена применительно к наследству чаще употребляли «отчество» (или «отчина»). А у Маркелла написано именно «отечество». О наследстве ли была речь? Или о месте рождения? Смысл появляется двоякий. Как не заметить!

Но вернемся к странной дате основания монастыря — 1377 год. Пусть даже она и ошибочна. Но ведь не случайная же! Почему-то автор версии поставил именно эти цифры, он их связывал с какими-то событиями или обстоятельствами. Какими? Он думает об основании монастыря на горе Сторожи еще до кончины митрополита Алексия (1378). Это случайно? Да ведь, возможно, и возрастом тогда инок Савва еще не вышел, чтобы свою обитель основывать. И рушатся все построения относительно его игуменства в Троице после Сергия и вместо Никона Радонежского (1392—1398). Все не так. Но, однако — почему?

Ничего на первый взгляд не представляется нам «близким» в хронологии русской истории для ответов на эти вопросы. За год до этого появился в Орде Тохтамыш, который много «насолит» Руси. Ну и что? В сам 1377 год — на реке Пьяне москвичи были разбиты ордынским царевичем Араб-шахом. Знаменитое событие, но далекое от нашей темы. Тогда же появился Мамай и пограбил Нижегородское княжество. И лишь год спустя произойдет важная победа на реке Воже русских над татарами.

Последнее событие можно как-то сопоставить с решением Дмитрия Донского и Сергия Радонежского основать на следующий год Успенский монастырь на Дубенке, где, как предполагается, мог быть игуменом Савва. Но эта версия опровергается, так как был на Дубенке другой Савва — Стромынский. Да и к тому же если инок Савва уже основал к

этому времени обитель в Звенигороде, то как он мог появиться одновременно в Дубенском Успенском?

Не получается.

Но вот, кажется — есть одно событие, которое останавливает наше внимание. Что же мы видим? В марте 1377 года великий князь Дмитрий Иванович, будущий Донской, отправился в поход на… Булгар! То есть вторгся на территорию Волжской Булгарии, куда два десятилетия спустя пойдет с дружинами его сын Юрий Звенигородский. И не просто вторгся, а подчинил себе местного правителя, стал диктовать свои условия торговли и напоследок оставил в столице древнего государства своих представителей-соглядатаев для учинения контроля над движением товаров и денег.

Надо же! Возможно, для авторов того варианта Жития эти разновременные Булгарские эпопеи в истории Руси как-то объединили и события в Звенигороде. Но как это связано с Саввой и горой Сторожи? Ответ все равно тот же — никак. И даже если сам этот факт неким образом повлиял на датировку, данную автором Жития XIX века, то ни дату — 1377 год, ни ее обоснование принять мы не можем.

Хотя можем принять к сведению и другую — год 1383-й. Письменных доказательств для этого нет. Есть лишь косвенные намеки. А именно — появление за год до этого в Москве Смоленского епископа Даниила, бежавшего от литовцев. Он становится владыкой Звенигородским и получает кафедру в этом городе. О возможном происхождении инока Саввы из Смоленска мы поговорим позднее. Но они могли знать друг друга.

Так же есть предположения, что Савва мог оказаться в это время в Звенигородском крае вместе с Сергием Радонежским. На некоторых более поздних иконах можно видеть клейма, где преподобный Сергий благословляет Савву идти основывать монастырь на Сторожу, в Звенигород. То есть появление здесь Саввы могло произойти до 1392 года, когда Сергий скончался.

Кстати, учреждение в Звенигороде новой епископской кафедры (впервые) и возможное участие в событии великокняжеской семьи (часть из них была крестниками Сергия, а некоторые уже — духовными детьми Саввы) были основательным поводом для такой поездки. Между прочим, первое свое завещание — духовную грамоту — Дмитрий Донской написал перед походом на Тверь, в 1375 году, предполагая возможную гибель в бою. И там уже были наметки — какой сын что получит в результате раздела княжества. Об этом могли говорить и в семье. Старший — Василий — тогда уже безусловно претендовал на Москву. А следующий за ним сын — Юрий (только что к тому

времени родившийся) — конечно же на Звенигород, сильный, богатый и близкий к Москве удел. Взрослея и будучи духовным сыном Саввы, молодой княжич мог еще в юности задумать план — о звенигородском благоустройстве вместе со своим наставником.

Вернемся к основанию монастыря на горе Сторожи. Уделы свои Юрий получил по второму завещанию, в 1389 году. Его крестный отец — Сергий Радонежский — скончается в 1392-м. Близким ему учителем останется именно Савва. Но все это время рядом, в Звенигороде находился и другой человек, о деятельности которого мы сегодня знаем крайне мало. Это бывший епископ Смоленский, а теперь — Звенигородский — Даниил. Он не очень нравился митрополиту Киприану, а потому, по одной из версий, тот отстранил его от кафедры в начале 1390-х. Но мы не знаем точно — было ли это так. В любом случае, Даниил около десяти лет (или более) был епископом в Звенигороде, и часть этого времени (а то и половину) — в период удельного княжения здесь Юрия Дмитриевича.

Вот когда, по нашему мнению, и начался первый этап благоустройства этого замечательного города. Напомним хотя бы то, что епископу нужен был хороший кафедральный собор. И желательно — каменный. А князь Юрий никак не мог ударить в грязь лицом перед своим старшим братом. Одна была загвоздка — отсутствие средств. Каменное строительство, а потом — роспись храма стоили очень больших денег. Поэтому такие церкви в ту пору были буквально единичны.

Средства принес, как мы помним, Булгарский поход. В 1395—1396 годах уже можно было приступать к строительству. Так и было сделано. И работы мог отчасти контролировать стареющий Даниил. Скончался он в 1397-м, в Чудовом монастыре. У князя Юрия не стало больше духовного кормчего в его уделе, к тому же поддерживающего «смоленскую» линию (о ней в главке «Смоленская партия»). Вновь возник вопрос о переезде игумена Саввы в Звенигород. И Никон Радонежский его отпускает, соглашаясь вместо него принять игуменство в Троицком монастыре.

В 1398 году Савва оставляет Троицу и приезжает в Звенигород, в уже основанную обитель вокруг уже существующего храма. Начинается новая страница истории удела.

И еще. Возможно, Даниил Звенигородский и преподобный Савва познакомили князя Юрия с княжной Анастасией, дочерью великого князя Смоленского Юрия Святославича (и Савва затем благословил брак). Свадьба состоялась уже после похода на Булгарию — в 1400 году (до этого, например, не было смысла

венчаться, в связи с возможной гибелью мужа). Можно вполне предполагать, что к такому событию каменный храм Успения на Городке уже был построен!

А вдохновлял строительство уже давно Троицкий игумен Савва. Он же стал устраивать свой монастырь, чтобы затем переехать туда. Только какой это был год?

* * *

Пора сопоставить некоторые даты. Мы возьмем за основу версию, что поход Юрия на булгар произошел именно в 1395 году. Это мы обосновывали в предыдущей главе. Теперь — о монастыре в Звенигороде.

Считается, что свою первую — деревянную церковку Савва стал строить в 1398 году вместе с кельей. Возведена она была — повторимся — в честь Рождества Богородицы, то есть в память о Куликовской битве. Но почему именно в этом году? И зачем надо было строить деревянную церковь, чтобы потом, буквально год спустя, — начать строить каменную?

А может быть, все было несколько иначе? Вспомним, что вдова Дмитрия Донского Евдокия начала строить храм Рождества Богородицы сразу же после кончины мужа, в память о нем (1392—1393). Логично было бы и сыну — Юрию — сделать подобное в своем уделе. Поле Куликово и покойный отец — достойны были такой памяти. То есть даты — начало 1390-х —для строительства деревянного храма на горе Сторожи начинают проясняться все больше.

Скорее всего, что деревянная церковь Успения Божией Матери на Городке — в Звенигородском Кремле — уже существовала. Иначе где бы проводил свои службы новый епископ Звенигородский Даниил. Он же вполне мог контролировать строительство деревянного храма на соседнем холме.

Мы попробуем утверждать, что деревянный храм Рождества на горе Сторожи начал строиться именно в начале 1390-х, одновременно с появлением аналогичного каменного храма в Московском Кремле, И возводился он не только в память об отце, но и для предстоящего переезда сюда игумена Саввы. Он не мог этого сделать только по причине неожиданного своего игуменства в Троицкой обители с 1392 года. Но замысел о монастыре на горе Сторожи в это время уже существовал.

Такой монастырь был необходим для многих нужд. Во-первых — это духовная опора (как бы высокопарно это ни звучало). Во-вторых — это важнейшая часть городской инфраструктуры того

времени, часть сакрального плана мирского града, соседствующего с градом Небесным. В-третьих, монастыри выполняли очень важные общечеловеческие и даже утилитарные функции. А именно — они становились центром духовно-психологической реабилитации, являлись чем-то вроде домов престарелых, наконец, здесь или вокруг располагался некрополь для особо важных персон, например для местного боярства и даже князя. К примеру, Юрий Звенигородский никак не мог знать о том — будет ли он когда-нибудь на великокняжеском престоле или нет. И хотя его родственники были похоронены в московских соборах, он вполне мог предполагать, что упокоится на «отчине» — в Звенигородской земле. А свой монастырь для этого — самое богоугодное место. Не случайно именно в XIV столетии начали формироваться важнейшие усыпальницы Руси: митрополитов — в Успенском соборе Московского Кремля, московских князей — в Архангельском соборе, женщин великокняжеского дома — сначала в монастыре Спаса на Бору, а затем — в Вознесенском, «Стародевичьем», наконец, высшего духовенства и аристократии — в монастырях Богоявленском, Чудовом, а также Спасо-Андрониковом, Рождественском, Симоновом, Даниловом. То есть в Москве и за городом. И теперь также — в ближнем Звенигороде.

* * *

Источники поэтично поведали нам о том, как преподобный Савва впервые попал на гору Сторожи. Это описал Маркелл Безбородый и затем изложил автор его жизнеописания в XIX веке епископ Леонид (Краснопевков): «Звенигород был в то время оплотом для Москвы при нашествиях врагов ея литовцев и поляков. Течение Москвы-реки от запада к востоку наводило их на этот город — щит столицы. Впереди его, на левом возвышенном берегу располагались военные сторожи. Обходя места окрест города, Савва поражен был благоуханием диких цветов и красотою местности Сторожевской, покрытой величественным лесом на горе, открытой по течению реки, совершенно уединенной, хотя и близкой к жилищам человеческим».

Из этого отрывка нам представляется некая «дикая», поросшая бором возвышенность, где не видно было жизни людей. Но теперь известно, что сам Звенигород был довольно густо населен. Археологи подтверждают это многочисленными находками. Говорят так: где ни копнешь на холмах — везде в изобилии будут самые разнообразные предметы обихода людей.

Все это напоминает о том, что здесь не было «дикого места» в буквальном смысле.

Райское ощущение от места на горе Сторожи имело сакральный и символический смысл. Это было место, где старец Савва вместе с князем Юрием собирались начать новое дело и новую жизнь.

Гора ведь тоже — символ. Часто монастыри появлялись на возвышенностях. И не только потому, что они потом считались крепостями. Гора — это мир горний, то есть — небесный. Мы помним, как многие пустынники в древности обосновывали свои обители в горах на Синае. Гора Сторожи — место для будущего монастыря — символически становилась новым Синаем.

Вместе с «горой» символами становились и реки. Считается, что рядышком протекала речушка Сторожка. Получила ли она название от холма или он от нее — неизвестно. По-другому речка именовалась — Разводня (Разварня). Назвали ее так будто бы потому, что тут разводили лодки-ладьи. Хотя скорее всего — название было связано с весенними паводками.

Разводня позднее забылась, но Сторожка осталась в народной памяти навсегда. В имени основателя монастыря.

А откуда пошло это слово?

В старину слово «сторожи» имело несколько смыслов. Так называли небольшие отряды, которые занимались разведкой против врага или выполняли роль авангарда (арьергарда) в бою. Подобное же название носили наиболее опасные места у важнейших дорог, где мог пройти враг и где устраивался постоянный пост или засада. В дальнейшем это наименование даже стало приставкой к названию многочисленных обителей, которые строились вокруг Москвы, а потому и величали их в позднее время монастырями-сторожами…

«Сторожевая Башня» — словосочетание, дошедшее до нас еще с библейских времен и встречающееся в Писании, Символически оно означает духовный дозор, умение и необходимость всегда быть на страже в космическом столкновении добра и зла. Но в реальности «сторожи» не были башнями, о которых иногда любят писать современные авторы. Всегда разогретому воображению, представляющему события давно ушедших дней, рисуются картины каких-то многочисленных укреплений посреди леса, которые будто бы защищали границы земель от напастей врагов.

На горе Сторожи у Звенигорода никаких сторожевых башен не было. В те времена, когда холм получил свое название, не существовало ни серьезного городского Кремля, ни даже самого города. А просто так башни на Руси среди леса не строили. Они просто не были нужны, тем более на возвышенности, откуда и так

все видно на версты. Странно было бы, если бы такие башни строили без крепостей. В них не скроешься и не спрячешься. В целях обороны они также не пригодны. Деревянную башню поджечь вместе с ее защитниками, с помощью одной горящей стрелы — дело минуты.

Вот почему «народная» теория, что-де Древнюю Русь окружала цепь сторожевых башен, которые сигнализировали друг другу о появлении неприятеля, — вещь недоказанная. А вот действующие, мобильные охранные разъезды — сторожи — это было делом обыденным.

А еще «сторожей» иногда называли обереги — символы языческих заклинаний. Не случайно могло появиться около древнего Звенигорода такое место. Здесь, на холме, могло располагаться одно из древних языческих родовых капищ.

Западная Смоленская дорога была важной артерией, связывавшей Русь с Западом. И если мы внимательнее присмотримся к слову «сторожи», то заметим в нем глубокие старинные языковые корни. Стор-о-жить. Это ведь буквально — «находиться у дороги», у «главного пути» и его «охранять»! «Тор» — это проложенная дорога (помните — «торить путь»?), бойкое место, где много народа (очень удачно это иллюстрирует современное слово «затор»). Приставка «с» значит «рядом». Вот и получается — сторожить, значит, «быть у дороги», «жить у дороги». Для этого и создавались отрады — «сторожи». Кстати, они, как правило, были конные, и лишь в крайне редких случаях — пешие.

А еще Звенигород был вполне пограничным городом. Некоторое время в XIV столетии он находился рядом с границей Черниговского и Московского княжеств, а до этого вообще принадлежал Черниговским князьям. Вот почему здесь могли быть «сторожи», обыкновенные пограничные отряды. Но от кого надо было обороняться? Ведь самый страшный враг — Орда — был на Востоке. С Запада угрожала Литва, но не до такой степени, чтобы приближаться так близко к Москве. Парадоксально, но русские князья оборонялись не только от внешних врагов, но еще и друг от друга. Иногда даже делали это в первую очередь, а уж потом — от татар, половцев или булгар.

* * *

В Звенигороде до сих пор стоят два главных каменных собора, символизирующие два важнейших, двунадесятых, православных праздника — Рождество и Успение Пресвятой

Богородицы. Оба были связаны с великими победами Дмитрия Донского: с Куликовской битвой и на реке Воже. Но построенные в одном месте, они становились ключом к церковному календарю.

Рождественский храм начинал новый Церковный год (сентябрь — первый из двунадесятых праздников календаря), а Успенский его закрывал (август — последний из больших праздников годового цикла). Кто-то задумывался в Звенигороде об особом порядке времени, об ощущении гармонии и последовательного устройства Божьего мира, об окружении человеческого бытия и быта точной символикой, связанной с общерусскими традициями.

Кто это был? Мы уже знаем ответ.

В это же время складывается и другая традиция — поминовения павших воинов. Так, если схимонах Александр — Пересвет — погиб самым первым в битве на Куликовом поле (в поединке с ордынцем Челубеем), то другой схимонах — Андрей, он же Ослябя, возможно, уцелел в битве, и в том же 1398 году, по всей видимости, упоминался как участник посольства из Москвы в Константинополь (хотя есть версии, что это мог быть один из его родственников).

В память о погибших именно в те времена установили ежегодное поминовение, которое попало на субботу перед днем Димитрия Солунского — тезоименитого князю Дмитрию Донскому. Так появилась известная Димитриевская родительская суббота, день воспоминания об упокоенных православных князьях и воинах, на поле брани убиенных.

Очень важной также была традиция поминовения, связанная с празднованием Рождества Богородицы (в этот день состоялась победа в битве). Такой храм был в Старо-Симоновском монастыре, здесь как раз и похоронили (в разное время?) Пересвета и Ослябю.

Савва Сторожевский был духовно близок с вдовой Дмитрия Донского Евдокией, а Юрий — был одним из самых любимых ею сыновей. Богородице-Рождественский храм в Москве она построила в 1392—1393 годах. А Успенский собор в столице уже существовал. Звенигород повторил московское устроение, ведь он хотел быть второй Москвой, и не меньше. Так появился вослед за деревянным храмом Успения на Городке и деревянный храм Рождества на горе Сторожи.

Но вот дружина князя Юрия возвращается из похода на Булгарию. Появляются не только средства, но и новые мастера, умевшие возводить удивительные инженерные постройки на своей древней родине, обладающие секретами старинных

технологий. Начинается строительство нового — каменного храма Успения на Городке, в годы, по нашему мнению, 1395—1396-й. И это не новая, а скорее хорошо забытая старая идея разных исследователей.

А что монастырь? Он уже основан или нет? Трудно сформулировать ответ на этот вопрос точно. Ведь мы опять вернемся к выяснению — что считать датой основания обители вообще. Факт начала строительства церкви? Факт благословения основателя на игуменство? Факт первой литургии? Или факт какого-то первого публичного извещения о таком основании?

По нашему предположению, с основанием Саввино-Сторожевского монастыря в 1395—1396 годах (то есть — чуть ранее общепринятой даты) началась большая «перестройка» в Звенигороде. Она не проходила без участия Троицкого игумена Саввы. Хотя окончательный переезд старца в новый монастырь в 1398 году также может оставаться и считаться датой основания обители (нет смысла отрицать эту дату!), ведь идея ее возникновения изначально связана была исключительно и только (!) с его именем, она стала инициативой двух людей: его самого и князя Юрия.

* * *

В наши дни некоторые искусствоведы не случайно утверждают, что Андрей Рублев начал расписывать построенные каменные соборы или писать к ним иконостасы (в частности, для храма Успения на Городке) в середине 1390-х годов. Говорили даже о годе 1393-м (что, на наш взгляд, не совсем точно, так как средств для возведения церкви у князя Юрия еще не было). Это подтверждает наше мнение о появлении монастыря уже тогда. Похоже, что все работы по росписи и Успенского собора на Городке, и Рождественского — каменного храма — были в самом разгаре до 1405 года, когда инок Андрей Рублев с Феофаном Греком и Прохором с Городца начнут расписывать Благовещенский собор в Московском Кремле.

Строительство каменного Рождественского собора в Звенигороде в этом случае надо отнести если не к середине 1390-х (мы можем предположить, что строить два каменных храма одновременно было довольно сложно, хотя, во многом, сподручнее), то к последним годам XIV века. Но тогда, как мы уже говорили, странным кажется рассказ о возведении деревянного храма Рождества на горе Сторожи в 1398 году, когда впору уже было строить (или уже строился) новый из камня.

Скорее всего, срубленная из дерева церковь поставлена была намного раньше, как мы уже и говорили — в начале 1390-х.

Вот и задачка — когда и что считать основанием Саввино-Сторожевского монастыря. В любом случае, речь идет о разнице в несколько лет, которая не может вызвать недоумения или непродуктивные споры.

Во всяком случае, монастырь был основан. И в XV век Звенигород вошел уже с новой обителью. И здесь стоит сказать несколько слов о разнообразных расхожих утверждениях, будто на западе от Москвы в виде монастыря возникла новая крепость, закрывшая собой это направление от незваных гостей или ворогов, в том числе и от Литвы.

Ставили себе князь Юрий или преподобный Савва такую задачу? Конечно же нет! Привычные утверждения, привнесенные в наше сознание из школьных учебников советской поры, когда вся история словно бы переводилась на материалистический язык, а действия духовных лиц расценивались лишь как поступки лиц светских, продолжают властвовать и поныне.

Монастыри того времени, включая и Саввино-Сторожевский, никак не могли «играть роль» защитных крепостей или тех же «сторож». Никто такой цели себе тогда не ставил. Это все равно что в битве выставить перед наступающим войском ряды невооруженных монахов (или даже вооружить их для пущей важности). Участие иноков в сражениях бывало, и мы об этом знаем. Но это было единичным случаем, абсолютным исключением из правил, и никогда — правилом!

Также и монастыри не были тогда крепостями с неприступными стенами, пушками или глубокими рвами по всему периметру. Очень характерной иллюстрацией этого может стать как раз Звенигород — в период его устроения игуменом Саввой и князем Юрием.

Духовный и светский подвижники возводили новый Кремль и новый монастырь на соседних холмах. Кремль строился по всем правилам боевой инженерии, фортификационного искусства. Он играл роль крепости, здесь располагались защитный воинский гарнизон, отряды дружинников. Его специально готовили к возможной длительной осаде, предусматривалось долгое снабжение цитадели водой и продовольствием.

Архитектура же монастыря отличалась кардинально! Это в XVI—XVII веках на Руси обители начнут обносить каменными стенами с бойницами (когда, кстати, это уже не будет большим препятствием для наступающих, обладавших мощным огнестрельным пушечным оружием). Скорее в угоду новой традиции. А в XIV — начале XV столетия внешний вид иноческого

обитания был совершенно не сопоставим по укреплениям, например, с городским Кремлем.

Ограды, конечно, строили. Но не каменные и не высокие (известно буквально одна-две из камня, без укреплений). Это было лишь ограждением от постороннего человека, но не от воинского отряда. О башнях в монастырях вообще говорить не приходится, их наличие — домыслы будущих времен. Да и зачем они были нужны? У воинов-дозорных свои функции, а у монахов — свои. Разве что могла появиться высокая колокольня, но это никак не была «сторожевая башня». Необходимо добавить, что совсем не известны до этого времени (с XI века — появления монастырей на Руси) обители, имевшие крепостные валы и рвы у ограды. А ведь это и был главный признак настоящей крепости в те годы.

Стены монастыря указывали на защиту небесную и были лишь символическим Ограждением. Обитель исполняла роль Небесного Иерусалима, отгороженного и отрешенного от светского мира. Соединялись с обычной жизнью они через специальные деревянные ворота, которые, как правило, назывались «святыми вратами», строились с надвратной церковью, абсолютно не пригодной для военной обороны. Пушки и казармы на иноческой территории появились потом. В Саввино-Сторожевском монастыре — уже после Смутных времен, а особенно в период царствования Алексея Михайловича, когда здесь располагался отряд «стрельцов Саввы чудотворца».

Нет, не крепость строил Савва Сторожевский в Звенигороде. Он возводил то, что пережило затем даже мощные бастионы Кремля на Городке и составило нынешнюю славу городу. Он обустраивал место свято. И оно не требовало высоких тынов или рвов. Оно основывалось на высоких помыслах и настоящей крепости Духа.

О духовной и хозяйственной жизни игумена Саввы в основанном им монастыре различные публикации двух прошедших веков рассказывают по-разному. «Тогда же с умножением братии, которая приходила к святому отвсюду, умножено и строение монастырское “святому зело о сем прилежащу”. Между тем преподобный Савва достиг глубокой старости, “никогда не изменив своего уставнаго правила, и, отвергшись однажды мира, о мирском и суетном уже более не заботился, тесный и скорбный путь предпочел пространному, возлюбил нищету и был образцем трудолюбия и смирения для братии”. Таким образом, много потрудившись на пользу обители и братии и изнурив плоть свою тяжелыми молитвенными подвигами и трудами, Преподобный почувствовал приближение

смерти и, призвав братию, поучал их от божественных писаний, убеждал блюсти чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и подвизаться в посте и молитве».

Считается, что игумен предпочитал «безмолвие» (помните, ведь он был последователем исихазма?). Означает ли это, что он вообще ни с кем не общался? В другом издании о тогдашней монастырской жизни на горе Сторожи мы читаем следующее: «Новая церковь значительно украшена, глава на ней обита медными позлащенными листами; устроены братския келлии, и обитель обнесена деревянного оградою. До нашего времени сохранилась одна жалованная грамота князя Юрия Дмитриевича Саввину монастырю, писанная 1404 года мая 10-го. В этой грамоте сказано, что Юрий дал игумену Савве и его монастырю несколько сел и деревень с угодьями в своей отчине, что он освобождает от дани и пошлин всех, живущих на монастырских землях в его отчине, что монастырские люди не подлежат суду Звенигородских и Рузских наместников и волостелей, а судит их сам игумен Савва, или кому он прикажет, исключая случаев смертоубийства. Этой же грамотой дозволялось преподобному Савве держать свое монастырское клеймо для пятнания лошадей, и обители приданы борти и бортники. Потом еще при жизни самого преподобнаго Саввы воздвигнута каменная соборная церковь Рождества Богородицы на том самом месте и в том виде, в каком она находится доныне».

Как мы видим, деятельность игумена в Звенигородской обители была очень интенсивной и многообразной. Но тогда монастырь еще не имел большой собственности, как это было два с половиной столетия спустя. Савва Сторожевский придерживался заветов своего учителя Сергия Радонежского. Первым делом — подвиги духовные, а уже потом — дела мирские.

Не случайно именно в этом месте и в это время появился человек, имя которого сегодня стало одним из символов России — иконописец Андрей Рублев.

Инок Андрей Рублев и Русский Спас. Гипотеза 9

Иконописцы в этом городе не имеют себе подобных на лице земли.

Из записок Павла Алеппского, XVII в.

Кинорежиссер Андрей Тарковский о своем фильме «Страсти по Андрею»: *«Русские люди уверовали в свою силу, в свое окончательное освобождение. Вот эту веру, это предчувствие перемен выразил в своем творчестве Рублев. Он прозрел утро в самый темный час ночи. На мой взгляд, в этом и заключается высшее предназначение художника».*

* * *

Иконописные лики инока Андрея Рублева удивляют всех. О них много говорят и спорят. Он редкий из русских иконописцев, который удостоился святости. Жизнь преподобного Андрея во многом остается для нас загадкой. И в особенности его молодость, первый период его творчества, который как бы скрыт от нашего внимания.

Однажды экспедиция по поиску исторических ценностей, отправленная в 1918—1919 годах в Звенигород, обнаружила находки, которые стали настоящей сенсацией, они по сей день будоражат умы ученых людей.

Один из исследователей заглянул в заброшенный сарай неподалеку от собора Успения, что на Городке. Разбросанные доски среди обычного хлама и мусора первоначально не привлекли его внимания. Однако он приподнял наиболее запачканную, что была сверху. Увиденное поразило знатока. На него смотрели глаза Спасителя, лик которого едва проглядывался из-под вековых наслоений и почернения.

Так были найдены остатки знаменитого Звенигородского чина, который позднее большинство специалистов отнесут к трудам великого русского иконописца. Почти без сомнений ученый мир заявит, что это работы Андрея Рублева.

Часто в научной и художественной литературе встречаются утверждения вроде такого: вот эти люди, жившие в одно время и в одном месте, наверняка знали друг друга и встречались лично.

Вызывают улыбку подобного рода сентенции, хотя бы потому, что, к примеру, если в одной семье растут несколько детей или в одном доме живут несколько соседей, то они уже не просто «встречаются». Они, даже не желая того, — не могут не знать друг друга! А если говорить о Средневековой Руси и эпохе конца XIV столетия, то не стоит забывать, что тогда в стране жили не сотни миллионов человек, население исчислялось гораздо меньшими цифрами. Люди не просто «пересекались». В центральных городах или, скажем, монастырях все знали друг друга поименно! По этой причине частенько многие известные имена и фамилии не записывались в каких-либо текущих документах, а просто подразумевались (а потому до нас — увы — и не дошли). Ведь их должны были знать все!

Вот почему, когда мы говорим о великом иконописце — Андрее Рублеве, а потом (почему-то рассматривая его жизнь в отдельности) о князе Юрии Звенигородском и старце Савве Сторожевском, то замечания вроде — «они могли видеться и наверняка знали друг друга» — становятся совершенно неадекватными реальности и даже в некотором роде абсурдными.

Все было в значительной степени серьезнее. Этих людей связывало почти десятилетие совместных деяний, поисков, трудов, а также духовного и, можно даже сказать, творческого общения. Они не просто «знали» друг друга, а бок о бок, вместе создавали новый мир, новую духовную культуру, новые традиции, предлагали свежие концептуальные подходы к устроению мирской и церковной жизни.

Сегодня можно смело утверждать, что весь «звенигородский» период жизни и творчества преподобного Андрея Рублева был озарен уникальной возможностью совместной деятельности и духовного общения с чудотворцем Саввой Сторожевским, повлиявшим не только на создание фресок и икон этого периода, но и сформировавшим все дальнейшее творческое мировоззрение иконописца. Также связан он был и с тем, кого принято называть заказчиком, инициатором, вдохновителем, ктитором-вкладчиком. То есть — с покровителем Звенигородского устроительства — князем Юрием Дмитриевичем.

История сама доказывает столь простые истины. Нужно только внимательнее отнестись к датам событий, и тогда более точные и правильные ответы становятся яснее и ближе.

* * *

О жизни и хронологической последовательности раннего

творчества Андрея Рублева существует устоявшееся мнение. Условной датой рождения иконописца считается 1360 год (иногда — 1370-й). Затем его имя всплывает в раннемосковской Троицкой летописи, в записи событий за год 1405-й: «Тое же весны почаша подписывати церковь каменную святое благовещенье на князя великого дворе … а мастеры бяху Феофан иконник гречин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев». То была работа в Московском Кремле, расписывался Благовещенский собор — домовая церковь великого князя Василия Дмитриевича — старшего брата Юрия Звенигородского.

Считается, что упоминание наряду со знаменитым тогда на Руси Феофаном Греком характеризует инока Андрея уже признанным и авторитетным мастером.

Та же Троицкая летопись за 1408 год помечает, что 25 мая «начаша подписывати церковь каменную великую соборную святая Богородица иже во Владимире повелением князя Великого а мастеры Данило иконник да Андрей Рублев». Мы встречаем иконописца в граде Владимире за росписью Успенского собора.

Как мы видим, даже в эпоху зрелости мастер часто упоминается не первым в списке артели. Казалось, что при жизни это «молодчество» преследовало его долгие годы, согласно традиции сие означало, что он являлся в буквальном смысле младшим.

Свою знаменитую «Троицу» инок Андрей создаст в 1420-е, когда будет возведен Троицкий собор в Троицесергиевом монастыре. Не забудем главное — каменный храм этот будет построен не кем иным, а именно Юрием Звенигородским! Опять же вспомним при этом и имя Саввы Сторожевского, близко общавшегося с обоими, бывшего ученика Сергия и игумена той же Троицкой обители.

Хорошо известно, что Андрей Рублев расписал также соборы Звенигорода и создал к ним иконостасы, включая знаменитый Звенигородский чин со Спасом. А когда же это происходило? И почему так мало об этом упоминается в летописных документах?

Думаю, что читатель понимает, к чему мы клоним. Да, Звенигородский период жизни Рублева весьма загадочен. Память о мятежном князе Юрии Звенигородском, как мы помним, уничтожалась (подробнее об этом далее в книге), а значит, уходила в небытие и вся информация о тех, кто так или иначе мог быть с ним связан, пусть даже временно.

А мы попробуем восстановить историческую картину с помощью последних, самых интересных выводов известных исследователей творчества Андрея Рублева, а также историков, искусствоведов, архитекторов, археологов и даже богословов. И

картина эта оказывается поразительной.

В окончательной редакции Жития Андрея Рублева нынешнего времени мы читаем следующее: «Услышал князь Юрий Звенигородский об иконах Андреева письма и восхотел у себя в Звенигороде собор Святого Успения украсить благодатными образами. И пришел преподобный Андрей, сей чудный смиренный старец, и поклонился князю, и, по благословению святого Саввы игумена, написал Деисус для соборной церкви и другие многие иконы. И в сем Деисусе красоту совершенную явил в образе Спасове и иных. Таковых же образов не бывало до того времени».

Иногда считается, что соборы в Звенигороде Андрей Рублев мог расписать в начале 1400-х годов, и даже в 1410-х. Это мнение строится на том, что они были построены в 1400—1407 годах, и не ранее. А даты строительства предположительно берутся в связи с окончанием Булгарского похода князя Юрия, то есть почему-то после 1399 года, когда, собственно, у князя для этого появились средства.

Но мы-то уже знаем, что этот поход состоялся в 1395 году. Не дает ли нам это утверждение возможность совершенно по-другому взглянуть и на работу Андрея Рублева в Звенигороде? Конечно да!

Мы замечаем в этом случае не просто некоторые иные даты или иную вероятность происходивших событий, но и большой, плодотворный период в жизни иконописца, который можно теперь совершенно определенно называть «звенигородским».

Если ранее говорилось лишь о «приглашении» Рублева в удел князя Юрия, лишь о его возможном «участии» в росписях, то теперь становится ясным, что на самом деле это было не просто приглашение, а важная и весьма продолжительная часть его жизни, ранняя в его творчестве, и, возможно, сформировавшая инока как личность, а также повлиявшая на всю его дальнейшую деятельность.

Вольно или невольно, преподобный Андрей Рублев принял участие в осуществлении идеи Звенигородской Руси. Князь Юрий и старец Савва привлекали для строительства и благоустроения лучших людей своего времени, от булгарских мастеров до новых зодчих. То, что они заметили еще не совсем признанного Андрея Рублева и помогли ему раскрыться, в полном смысле этого слова — еще раз подтверждает учительский ум, прозорливость и даже простую жизненную мудрость настоятеля монастыря на Сторожи, а заодно и государственный потенциал правителя Звенигорода.

Спорить о том — Рублев ли писал фрески и иконостасы в Звенигороде или нет — бессмысленно уже хотя бы потому, что

еще до появления искусствоведов Нового времени, поддерживающих диспут, в XVIII веке существовали приходно-расходные книги Саввино-Сторожевского монастыря, в записях которых мы находим следующее: «Куплено к деланию иконостаса Рублева клею пуд…» Без всяких споров тогда было ясно, что поновляемый иконостас (для этого, видимо, и был нужен клей) всеми признавался как «рублевский».

Еще в 1918 году в Звенигороде работал «Реставрационный Подотдел Всероссийской Коллегии по делам Музеев и охране памятников искусства и старины». Исследовали и фрески. Их отнесли к рубежу XIV—XV столетий и к школе Андрея Рублева и Даниила Черного.

Считается, что знаменитая икона Андрея Рублева с изображением Троицы была вдохновлена Сергием Радонежским. Предполагается также, что иконописец мог знать его лично. И еще потому, что написана она была для Троицкого храма в Сергиевом монастыре, где покоились мощи преподобного. Иногда также приоритет благословения на написание иконы отдается даже митрополиту Киприану или игумену Троицы Никону Радонежскому. То есть именно они определили иноку Андрею писать Живоначальную Троицу. Но давайте внимательнее отнесемся к историческим фактам.

«Троица» была написана после 1422 года. А Сергий Радонежский скончался в 1392-м. Не смущает ли временное «расстояние» более чем в 30 лет? Митрополит Киприан ушел из жизни в 1406 году. Разница в 16 лет. Что-то уж больно долго собирался писать икону Андрей Рублев. А может быть — влияние здесь было совсем другое?

Как известно, без благословения Саввы Сторожевского на строительство и роспись звенигородских храмов ничего не происходило (что подтверждает уже приведенная нами цитата из Жития Андрея Рублева — «и, по благословению святого Саввы игумена, написал Деисус для соборной церкви и другие многие иконы»). Можно не сомневаться, что игуменом Сторожевского монастыря было задумано и заранее благословлено строительство каменного Троицкого храма в Сергиевом монастыре, где он был когда-то настоятелем и где прошла большая часть всей его сознательной жизни (можно даже сказать — почти вся его сознательная жизнь).

Само же строительство было осуществлено духовным сыном старца Саввы — князем Юрием Звенигородским, уже после кончины преподобного. Именно в это время появляется икона Андрея Рублева. Однако написал он ее только что или гораздо ранее — сказать теперь невозможно. Но он приложил свои усилия

к осуществлению замысла, скорее всего, именно Саввы Сторожевского.

Вряд ли кто-нибудь однозначно сегодня подтвердит это. Но не сказать об этом — просто нельзя. Как нельзя не заметить, что, возможно, и концептуальное влияние в создании иконы «Троица» на Андрея Рублева оказал именно преподобный Савва Сторожевский, который в гораздо большей степени — внутренне, духовно, на основе исихастских традиций — был последователем Сергия Радонежского. Он-то хорошо знал — что такое будущее разделение и конфликты между братьями-князьями. То есть старец был в большей степени погружен в идею Единения, о которой словно бы напоминает икона «Троица». Не сказать об этом — будет несправедливо по отношению к Звенигородскому чудотворцу и к исполнителю его идей — князю Юрию.

Еще при жизни преподобного Саввы Андрей Рублев создает Звенигородский чин и знаменитый лик «Спаса Звенигородского». «Фигуры Звенигородского чина покоряют редким сочетанием изящества и силы, мягкости и твердости, но больше всего своей безграничной добротой», — писал М. В. Алпатов.

Академик Игорь Грабарь одним из первых определил: «Их создателем мог быть только Рублев, только он владел искусством подчинять единой гармонирующей воле все эти холодные, розово-сиренево-голубые цвета, только он дерзал решать колористически задачи, бывшие под силу лишь венецианцам, да и то сто с лишним лет спустя…»

В Звенигороде, на территории Успенского собора был найден не только «Спас», но и еще две иконы — «Архангел Михаил» и «Апостол Павел». Опись Успенского храма 1698 года имеет сведения, по которым эти иконы в те времена располагались на его стенах, включая остальные из этого же Чина. То есть еще и образы Божией Матери, Иоанна Предтечи, архангела Гавриила, апостола Петра. Считалось, что они не подходят для обоих звенигородских соборов по размерам. Но эта точка зрения уже не поддерживается всеми специалистами.

«Русский Спас» (так его еще называют) настолько органичен, человечен и исполнен спокойного величия, что уже просто невозможно представить себе, что он может быть не только «Ликом», но и полноценным изображением Спасителя (ведь большая часть иконы уграчена). Сколько написано и сказано об этом образе, выразившем некий национальный тип лица, причем не просто светского, а глубоко одухотворенного, идеального, к которому можно стремиться.

Не часто бывало, чтобы иконы Древней Руси так откровенно передавали земное ощущение христианской веры. У Андрея

Рублева канонический византийский образ превращается в близкого и домашнего Спаса, он как будто бы сразу узнаваем, хотя — из «иного» мира.

Среди цитат об этой иконе вдруг попалась и такая. Американский историк Джеймс Биллингтон предполагает, что великий рублевский «Спас» есть «первое и во многом запоминающееся изображение лица России». А ведь это говорит «человек издалека», представитель другой культуры.

И он близок к истине.

Исследователь творчества Андрея Рублева — В. А. Плугин — уже давно попытался реконструировать текст, который мог бы быть на изображении Звенигородского «Спаса» (обычно на таких иконах Спаситель держал раскрытое Писание с текстом). Вот он:

«Не на лица судите, сынове человечестии, но праведный суд судите.

Им же судом судите, осудится вам, в ню же меру мерите, отмерится вам».

Вот как это подтверждается: «Тот евангельский текст, который присваивается Звенигородскому Спасу, восстановлен по чтению на такой точной копии Звенигородского чина, какой является облачный деисус Никольского Единоверческого монастыря. Идентичная надпись и на другой копии — среднике чина Покровского собора на Рогожском кладбище. Если прибавить сюда тексты на иконах Христа из Макарьевской мастерской и на Преображенском кладбище, а также на прориси деисуса, опубликованной В.П. Гурьяновым, и рисунки “Спаса” собрания Тюлина, то увидим, что композиции, так или иначе повторяющие Звенигородский чин, все дают один и тот же вариант надписи. Разновременность и разнохарактерность повторений дают основание для вывода, что воспроизводимый ими евангельский текст принадлежит оригиналу, т. е. рублевскому деисусу звенигородского типа».

Удивителен сам текст. Как он совпадал с теми начинаниями, которые затеяли в Звенигороде князь Юрий и преподобный Савва Сторожевский! Особенно в связи с новыми формами мирского управления, о которых они думали, и мирскими судами, о которых говорилось даже в специальной грамоте Юрия 1404 года.

Перекликается эта запись и с поучениями старца Саввы к князю Юрию Звенигородскому, которые оставил нам Маркелл Безбородый — о «милостивом» правлении.

Не правда ли, все как будто в одном «узле»? Его только нужно развязать. Не спеша и со вниманием.

Примечательно, что прямо у стен Саввино-Сторожевского монастыря в старину добывали важнейшую земляную краску, без

которой трудно себе представить росписи храмов. Звенигородскую краску знали все иконописцы Древней Руси и называли ее «чернило земляное».

Иногда для чернения применялась древесная сажа. Но в стенной живописи очень важны были эти чернила из земли. Источником их, например, в XVII веке была река Разварня (Разводил, Сторожка).

В расходной книге Оружейного приказа находим запись: «И в нынешнем 1668 году мая в 20 день, по указу великого государя, послан в Звенигород в Саввинский монастырь московский кормовой иконописец Сижор (возможно, Сидор. — К. К.-С.) Ростовцев, а велено ему взять к нашему иконописному стенному письму чернил земляных из реки Разварни 20 пудов».

В самом Саввином монастыре есть знаменитая Трапезная, с куполом, повторяющим Грановитую палату Московского Кремля. Видимо, она была расписана в похожем стиле. Знаменитый иконописец Симон Ушаков со своими мастерами использовал земляное чернило в стенных росписях Грановитой палаты в 1684 году («На стенное письмо в Грановитой палате, по росписи Симона Ушакова с товарищами, надобно чернил копченых 300 кувшинов, чернил земляных 2 воза»).

Есть и такие свидетельства: «А по сказке иконописца Степана Рязанца с товарищами, надобно изготовить к стенному письму в Архангельском соборе чернил земляных из реки Разварни 20 пудов».

Собственно это «чернило земляное» является минеральной, естественной, натуральной краской. По сути — это глинистый сланец с большим содержанием углерода. Но без него — причем в масштабах «пудов» — росписям не бывать.

Использовал ли его Андрей Рублев для своих фресок? Вероятнее всего.

* * *

Князь Юрий Звенигородский и старец Савва Сторожевский поставили имя Андрея Рублева в первый ряд лучших иконописцев. После Звенигорода в 1405 году он не случайно расписывает Благовещенский собор Московского Кремля, став третьим (!) по значимости и списку среди лучших иконописцев Руси. Но скоро он уже будет первым.

Всю жизнь Андрей Рублев считался иноком Спасо-Андроникова монастыря. Под конец дней своих он распишет здесь Спасский собор. Недавно, как считается, в нем было

обнаружено точное место могилы иконописца и найдены мощи его наставников. В связи с этим сохранилась миниатюра из лицевого (иллюстрированного) Жития преподобного Сергия Радонежского, где инок Андрей Рублев пишет Спаса. Его окружают разные люди, включая игумена обители. Но справа на рисунке мы замечаем фигуру князя. Надо сказать, что даже в миниатюрах те или иные участники событий не изображались случайно.

Обратим внимание на тот факт, что вообще самое первое упоминание об Андрее Рублеве было помещено в редакции Жития преподобного Сергия Радонежского, которое подготовил Пахомий Серб в начале 1440-х годов. Отсюда мы узнаем о преподобном как об «иконописце преизрядном, всех превосходящем», а также, что он расписывал Спасский собор Андроникова монастыря.

Но тут же, в Житии, мы находим сведения о князе Юрии Звенигородском и Галичском, где отмечены его особые заслуги в устройстве каменного Троицкого храма в Сергиевой обители. Так и говорится, что «его (князя Юрия. — К. К.-С) рука простерна къ строению паче всех бяше». Причем духовным отцом Юрия Дмитриевича отмечен сам преподобный Сергий Радонежский.

Уникальна и характеристика князя, данная в Житии: «…иже великодержавный бе и, хвалам достойный и просвещения сподоблен от святаго христолюбивое чадо его». Редкий случай признания достоинств сына Дмитрия Донского в письменных источниках! Великодержавный, хвалам достойный, христолюбивый и просвещенный! Житие — не официальная летопись или рассказ о признании чьих-либо заслуг. Автор писал не по заказу, а искренне. Именно это и привлекает в первую очередь.

Исследователи связывают датировку росписи преподобным Андреем Рублевым Спасского собора с возможным посещением Андроникова монастыря самим князем Звенигородским и Галичским. Это произошло в марте 1428 года, когда они с племянником Василием Васильевичем решили подписать докончальную грамоту. Конечно же можно не сомневаться, что перед нами еще одно изображение на миниатюре князя Юрия Дмитриевича…

Но все это будет позднее, а пока Андрей Рублев становится настоящим русским мастером фрески. До этого на Москве было много русских «иконников». Расписывать же стены доверяли в первую очередь грекам. Они были признанными специалистами. Ведь фрески считались дорогой работой и заказом, который был по карману лишь единицам.

В Звенигороде не случайно было решено: средства есть —

пусть будет именно русский мастер. Можно сказать, что для звенигородских («раннемосковских»!) храмов и это решение принималось впервые!

Лики на росписях звенигородских соборов — преподобные Пахомий Великий, Варлаам и многие другие — все необычные, «философские», редкие.

О росписях в Рождественском храме Саввино-Сторожевского монастыря, имеющем отношение ко времени Юрия Звенигородского, сохранилось любопытное свидетельство-описание в рукописном сборнике XVII века: «Во святой и великой лавре преподобного отца Саввы звенигородского соборная церкви Рождества Пресвятая Богородицы первое стенное письмо на левкасе вместо иконного письма. Та церковь писана: от царских дверей с правую страну Арсений Великий, а иных святых лиц не видно, а против левого клироса от царских дверей писаны: Антоний Великий, Павел Фивейский, преподобный Онуфрий Великий, по нем преподобный Марко Фраческий афинянин, а та церковь писана в княжение великого князя Георгия».

Что-то скрывалось за подбором сюжетов и необычных имен. Была еще какая-то задумка. Нечто уже зрело, наподобие концепции «Троицы», или еще более значимое. Но для нас — потомков — не сохранилось...

Так почему же Савва Сторожевский был в сознании потомков и исследователей словно «сам по себе», а иконописец Андрей Рублев — чуть ли не в «другом измерении»?! Прославленные иконы изучены в сферах истории искусства. Имена иконописцев обсуждались учеными и почитателями, мысль приближалась к правде, вокруг да около, все было «близко», как в детской игре — «холодно», «тепло», «теплее». Но не «горячо»!

Попробуем соединить все в нужной и единой цепи. Разве иконы Рублева не были найдены в Звенигороде?! Разве они не были написаны им во времена правления князя Юрия Дмитриевича и обитания там преподобного Саввы Сторожевского?! Разве не висели они в иконостасах храмов на Городке и горе Сторожи?! Все так и было.

Но почему же тогда мы считаем Андрея Рублева в эти времена таким зрелым иноком-иконописцем, что он вовсе не нуждался ни в чьем духовном водительстве или помощи?! Не раз обсуждалась тема — мог ли иконописец (иногда в наше время почему-то именуемый «художником») творить в конце XIV столетия сам по себе. Ответ известен давно. Не мог. Стиль письма, конечно, отличался заметно. Феофан Грек — это не Андрей Рублев. Но стиль — одно, а образ, сущность, идея — другое. Замыслы чаще всего возникают у заказчика, а их

воплощение — удел иконописца. Еще лучше, когда они делают работу бок о бок, совместно. А когда это еще и выдающиеся люди, то результат будет соответствующим.

Сегодня можно утверждать, что вдохновителем, наставником и в некотором роде духовным путеводителем Андрея Рублева в 1390-е годы, в период его трудов в Звенигороде, при росписи и создании им иконостасов для каменных храмов Успения на Городке и Рождества Богородицы в соседнем монастыре, был не кто иной, как преподобный Савва Сторожевский. А настоящим кормчим для осуществления таких грандиозных планов стал князь Юрий Звенигородский. По крайней мере — этого факта уже нельзя отрицать, хотя можно с таким утверждением не полностью соглашаться.

Игумен Савва делал многие вещи в те времена вместе с князем Юрием. Это они задумали построить каменный храм над ракой Сергия Радонежского в Троицкой обители. Ведь Савва Сторожевский был одним из первых его учеников, а князь Юрий — крестным сыном. Москва не подумала о своем заступнике и духовном покровителе, а Звенигород — взял да и сделал, построил и украсил.

Этот замечательный собор радует сегодня тысячи паломников. Сюда на закате жизни направится и Андрей Рублев.

Для этого храма он написал икону «Троица». Так кто же мог подготовить для этого почву? Где и как могла зародиться идея не просто общерусского почитания Троицы, которую, как известно, развивал преподобный Сергий, а написания самой иконы с таким необычным для того времени сюжетом? Сюжетом Единения — перед лицом возникающей братоубийственной войны за права наследования нераздельного целого — будущего великого княжества Московского!

Мог ли предвидеть все это Сергий Радонежский перед своей кончиной так много лет назад?

Но это не только предвидели, но и знали — другие. Те двое, о которых мы сейчас и говорим. Князь Юрий и преподобный Савва. Те, кого уважали, хотя и опасались, кто имели силу духа и мощь строить новую Звенигородскую Русь, создавали невиданную крепость и возводили один за другим исполненные «велелепием» храмы. Они ведали — к чему могли привести междоусобицы и братские раздоры. И не начинали их.

То же самое можно сказать и о Звенигородском чине, который мы сегодня можем видеть в Третьяковской галерее лишь фрагментарно. Чудом сохранилось только три иконы (хотя предполагается, что есть и четвертая). «Спас Звенигородский» уже давно стал одним из символов России, как и «Троица».

Вот теперь мы понимаем, что написано в Житии Саввы XVI века именно о них троих — о князе Юрии, о Сторожевском старце и об иконописце Андрее: «И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось (Юрий Дмитриевич. — К. К.-С.)… Святой же очень об этом заботился и Богу молился, да и место это еще более разрасталось (преподобный Савва. — К. К.-С.)… И с усердием образ его написал (инок Андрей Рублев. — АТ. АТ.-С/» И с тех пор начались многие и различные исцеления происходить…»

Женитьба на княжне Анастасии. Гипотеза 10

Памятуй Бога, да наше родство… хотя бы тебе пришлось за веру и до крови пострадать.

Иван III —дочери Елене, 1503 г.

В 1400 году в жизни князя Юрия Звенигородского произошло важное событие: он женится на дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича — Анастасии. В Житии преподобного Саввы Сторожевского, написанном в XIX столетии, читаем: «Супруга Юрия, Анастасия… без сомнения, входила сердцем и трудами рук в заботы мужа о новой обители. В монастырской ризнице хранится, как сокровище, белая шелковая риза преп. Саввы, сходная с ризою преп. Никона (Радонежского. — К. К.-С), что сберегается в ризнице Лавры. Легко догадаться, чья искусная рука выводила золотом, серебром и шелками струйчатые узоры по голубому бархату оплечья этой ризы. Мы знаем, что в старину русские княгини и княжны значительную часть своей тихой жизни отдавали женскому изящному рукоделью. Не удивительно, что юная княгиня Звенигородская в своем тереме, из которого, над лесистым берегом реки, виднелась златоверхая обитель, готовила дорогие облачения для своего отца и богомольца…»

Риза старца Саввы — увы — не сохранилась. И Анастасия не успеет стать великой княгиней. И даже прах ее, еще недавно хранившийся в Московском Кремле, после разрушения Стародевичьего монастыря не попал в число тех, что перенесли затем в Архангельский собор…

У звенигородской четы будет четыре сына: Василий (Василий Косой), Иван (ушедший в монастырь) и два Дмитрия (Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный). Одинаковые имена в одной семье тогда не были в диковинку. Видимо, таким образом Юрий Звенигородский хотел увековечить в памяти потомков великое имя своего отца — Дмитрия Донского.

Кто она была — супруга будущего великого князя Московского? И какое значение имел этот брак? Ведь мы помним, что женитьба старшего сына Дмитрия Донского — Василия — на литовской княжне Софье стала частью большой политики того времени.

Было ли так в этом случае?

Мы можем ответить на данный вопрос таким образом: брак Юрия и Анастасии, совершенный, как это было отмечено, по любви, имел и более серьезные последствия. В том числе связанные с объединением «всея Руси», становлением Русского государства и его развитием не только на Восток, но и на Запад.

И вот почему.

Женитьба на Анастасии — дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича, осуществленная на заре XV столетия, давала возможность Юрию Звенигородскому и его потомкам стать потенциальными претендентами и на великокняжеский престол Смоленска. А то, что этот город и само княжество «прихватили» литовцы, которые многие годы считали это для себя крайне необходимым (Смоленск всегда играл роль ключа, с помощью которого можно было отпереть двери прямо в Восточную Русь), делало отношения Юрия со своим старшим братом еще более сложными.

Подробнее о Смоленской эпопее XIV—XV веков мы поговорим сразу после рассказа о женитьбе князя Юрия. А в повествовании о его супруге — княгине Анастасии — забежим немного вперед по времени. Нам теперь будут необходимы эти данные.

* * *

Выросла Анастасия в великокняжеской семье Смоленской. Род ее был весьма знаменит. Дед княгини — выдающийся правитель Смоленска, князь Святослав Иванович — погиб в войне с литовцами. Погиб красиво и благородно, в бою, с мечом в руках на поле сражения. Анастасии придется затем пережить и пленение своей матери с оставшейся семьей, и гибель братьев, и возвращение смоленской власти отцом — князем Юрием Святославичем (подробнее о нем чуть далее, в следующем рассказе о Смоленске), а потом — его же позор.

Традиции, в которых воспитывалась юная княжна, мало чем отличались от тех, что царили в Московском великокняжеском доме. Но Смоленск всегда был ближе к Западу и к Югу. Сюда быстрее доходили разные веяния как из Европы, так и из Киева и даже Византии. Смоляне тогда пользовались «репутацией» более «просвещенных» людей. Смоленская боярская знать вовсе не находилась в последних рядах среди знати общерусской, а скорее — наоборот.

И если брак Василия с дочерью литовца Витовта — Софьей был в сознании москвичей (пользуясь современной бытовой

терминологией) «продвинутым», то и женитьба Юрия на Анастасии — слыла весьма удачной и во всех отношениях современной. Невеста была «из первых», «из избранных», ничуть не менее «значимой», нежели та же Софья.

И как мы уже говорили, оба брака — Василия и Юрия — могли предполагать расширение Московского княжества. В первом случае — соединение с Литвой (и, возможно, исчезновение самого Московского княжества как такового), во втором — объединение со Смоленском (а исходя из его трудного положения — скорее всего именно в виде присоединения его к Москве).

Анастасия оказалась здоровой в физическом отношении женщиной, а потому дети в семье стали появляться быстро, один за другим. Кстати, кроме Юрия и Василия, хорошим потомством отличился лишь еще один из сыновей Дмитрия Донского — их брат, князь Можайский Андрей Дмитриевич. Но нельзя отрицать тот факт, что именно потомство Юрия дало нам несколько очень ярких личностей в русской истории.

Весть о том, что ее родная отчина — великое княжество Смоленское — в 1404 году полностью стало подчинено Литве и ее отец — великий князь Юрий Святославич уже не сможет претендовать на престол, застала Анастасию в Звенигороде, столице удельного княжества ее супруга Юрия. Здесь они жили во вновь отстроенном дворце, на Городке.

К тому времени неожиданно скончались почти все ее дяди — братья отца. Глеб Святославич был убит в сражении литовцев с ордынцами на реке Ворскле в 1399-м. Ивана Святославича не стало в 1403 году, при его пленении в Вязьме одним из Ольгердовичей. То есть многие прямые потомки павшего в бою с литовцами великого князя Смоленского — Святослава вдруг стали быстро вымирать, как будто кому-то это было очень нужно (а ведь и было нужно — Литве!). Но сие совсем не было нужно ни князю Юрию Звенигородскому, ни его супруге Анастасии.

Однако время донесет до нас фамилии потомков смоленских князей. То были «отголоски» возможной русской истории и ее не состоявшегося величия в XV веке, К таким потомкам относят роды князей Жижемских, Коркодиновых, Кропоткиных, Дашковых, Порховских и некоторые другие, долгое время служившие как Руси, так и Литве (время, увы, их разделило). Москве продолжали служить удельные смоленские князья, такие как Ржевские или Фоминские, но затем, потеряв свои княжеские титулы, они породили известные служилые фамилии, такие как Осокины, Полевые, Травины, Еропкины или Толбузины…

Итак, в 1404 году Юрий Святославич Смоленский с сыном

Федором (братом Анастасии) появляется в Новгороде. Ведь в Москве ему было оставаться крайне не просто. Великий князь Василий отнюдь не способствовал возвращению для него Смоленска. Да к тому же, в гневе, мог просто отдать Юрия литовцам.

Новгородцы же не только приняли Юрия Святославича, но и дали ему в правление тринадцать городов, в число которых были включены Русса, Торжок, Ладога и Орешек. Отец Анастасии вместе с новгородцами взаимно поклялись существовать в мире и согласии. При этом Юрий Святославич дал обязательство защищать Новгород при любом поползновении на него врагов или неприятелей.

Этот факт почему-то не привлек большого внимания исследователей, а ведь он немного необычен. Не кажется ли странным, что проигравший в битвах с Литвой великий князь вдруг так триумфально принимается в свободолюбивом Новгороде Великом, да еще и с преподнесением ему земель и городов?

Впрочем, не будем забегать вперед.

Одновременно с князем, как мы уже сказали, приехал в Новгород и его сын — Федор Юрьевич. И, как оказалось, вполне удачно. Когда спустя три года скончается его отец (после нашумевших событий, о которых мы расскажем чуть далее), он останется в Новгороде княжить, причем на довольно долгое время — до 1412 года.

Если считать, что от рода великих князей Смоленских к тому времени не осталось почти никого, то наряду с именем Анастасии, супруги Юрия Звенигородского, имеет смысл сказать несколько слов о ее брате — Федоре Юрьевиче, князе Новгородском. Так как имя его окружено ореолом загадок, да еще каких!

* * *

Вполне понятно, что в период новгородского княжения Федор мог постоянно общаться и с сестрой, и с ее мужем — Юрием Дмитриевичем. Семья князя Звенигородского и Галичского имела даже с ним некоторые общехозяйственные отношения, ведь многие галичские земли были исторические и экономически связаны с новгородскими.

Известно, что Федор Юрьевич развернулся на своем княжении, как говорится, в полный рост. И, видимо, продолжил политику своего отца — пытался хоть каким-то образом

«ковырять» Литву, а также вернуть себе Смоленский престол.

Это очевидно по тому, что великий князь Литовский Витовт затем пригрозил Новгороду набегом или войной (при этом князь Московский Василий тому не возражал), если уже тогда ненавистный ему и почти последний из оставшихся в живых потомков Смоленского князя, не будет низложен. Якобы Юрий Федорович, дабы ответить взаимной добротой по отношению к избравшим его на княжение новгородцам, сам выступил на общем собрании — новгородском вече — и отказался от правления. Угрозы Витовта достигли цели, а Федор никак не хотел стать поводом или причиной военных потрясений для Новгорода.

Необычный для того времени поступок, особенно для представителя власти. Но если бы это был только один такой поступок Федора, то мы бы не стали так подробно останавливаться на его персоне.

С этого момента началась совершенно другая жизнь князя — брата Анастасии Смоленской и шурина Юрия Звенигородского. И она представляет для нас особый интерес.

Из Новгорода Федор прямиком отправился не на Русь, не в Москву, конечно же не в Смоленск — уже тогда литовский, и даже не в Звенигород или Галич — к своей сестре и зятю. Мы неожиданно узнаем, что брат Анастасии отъезжает в… Тевтонский орден и его владения, как тогда писали — «в Немцы». Так, в дальнейшем, он объявляется в Западной Европе.

Год спустя после отказа княжить в Новгороде Федор Юрьевич становится… одним из участников известного в истории «антипапского» католического собора в городе Констанце (по решению которого, в частности, чуть позднее сожгут на костре Яна Гуса).

Каким образом Смоленский князь Федор мог оказаться на таком важнейшем для средневековой Европы собрании? Но еще больше удивится читатель, когда узнает, что бытует мнение, по которому еще несколько лет спустя, в 1418 году, Федор Юрьевич будет провозглашен (ни много ни мало)… князем Священной Римской империи, с именем фон Смоленкоф (Смоленский)!

Получается, что шурин Юрия Звенигородского, оставив Новгород и Русь, мгновенно, словно по мановению волшебной палочки, превратился в виднейшего западноевропейского правителя! Легенда ли это, а может быть, и правда? Да и возможно ли быть такому?!

Основой для подтверждения гипотетических рассуждений все же служат некоторые реальные исторические факты.

Для того чтобы понять канву происходивших событий, следует вновь вернуться на некоторое время назад и вспомнить,

что у Федора Юрьевича был дядя — Глеб Святославич, тот самый, которого литовцы поставили княжить в Смоленске еще в 1390-е годы. Это он погибнет в битве у Ворсклы в 1399-м. Но еще до того, после смоленского правления, будучи снят с престола Витовтом, он отправится в Европу, и не куда-нибудь, а прямо в Тевтонский орден.

Данная поездка произошла по следующей причине. Витовт предпринял в 1391 году попытку овладеть Вильной. Она оказалась неудачной, а потому ему пришлось бежать из Литвы. Для убежища он не нашел лучшего места, чем земли Тевтонского ордена. Но, чтобы рыцари согласились ему помочь, следовало чем-то доказать им свою преданность. Пришлось Витовту оставить магистру Ордена в качестве заложников своих родственников — из семьи, а к ним заодно и примкнул оказавшийся при них — князь Смоленский Глеб Святославич.

Вот каким образом двери в Тевтонский орден оказались открыты для семьи Святославичей, ведь их там хорошо знали. И когда родной племянник Федор — сын брата Глеба — Юрия Святославича — оказался в этих краях, то был принят со всеми почестями.

В тот момент, когда происходил уже упомянутый нами собор в Констанце, стало известным, что Федор Смоленский также принят… в рыцарский орден Святого Иоанна Иерусалимского. Несколько неожиданное изменение жизни для православного князя! Однако тут надо добавить еще и следующее: чтобы стать членом Ордена госпитальеров, необходимо было как минимум принять католичество.

Видимо, Федор Смоленский так и сделал. В тот же год изменилась и его родовая личная печать, перекроенная на западноевропейский лад. И теперь некоторые исследователи считают, что именно эта печать Федора Юрьевича легла в основу герба города Смоленска, который был известен несколько столетий. Так появилось на нем двойное изображение задней половины льва с птицей-орлом сверху, клюющей это странное «полутело», с добавлением еще и дважды повторяющегося белого креста на красном фоне.

Мальтийский рыцарский крест и русское великое княжество! Редкое сочетание.

Такой смоленский герб описывал в Польском гербовнике еще в 1570 году некий Марк Амброзиус, который отмечал: «Щит разделен на четыре части: в первой и четвертой — по прямому кресту, а во второй и третьей — по отрубленной задней половине льва, на которой сидит птица». Считается, что в «Хронике Констанцского собора» уже было именно такое изображение

герба-печати, и будто Марк Амброзиус взял его оттуда. Причем спустя почти столетие эта «Хроника» была издана в Аугсбурге, и в данной книге уже точно указывается, что этот конкретный герб принадлежал князю Федору Смоленскому, брату Анастасии и сыну Юрия Святославовича.

Таким образом шурин Юрия Звенигородского оставил свой след в истории города своих именитых предков. Он добился того, что имя великих князей Смоленских осталось в истории, пусть даже рядом с рыцарскими крестами католического ордена. Не получилось с Востока, но вышло — с Запада.

Это уже потом, когда в XVII веке русский царь Алексей Михайлович Романов вернет Смоленск Руси, то Россия получит несколько иные изображения смоленского герба, одно из которых останется на гербовом знамени государя 1666 года.

Что ж, белые кресты на красном поле не оставляли сомнений — владелец герба — один из мальтийских рыцарей. Но почему мальтийский, а не тевтонский, ведь именно к ним ехал Федор? Для этого надо снова вспомнить историю.

В 1410 году произошла знаменитая Грюнвальдская битва. На поле боя встретились объединившиеся войска поляков, литовцев и некоторых русских дружин, а против них выступили полки Тевтонского ордена. Рыцари были тогда разбиты наголову, потерпели столь сокрушительное поражение, что уже так и не оправились вновь. В бою пали более двухсот закованных в доспехи лучших воинов, включая главу Ордена. Ягайло и Витовт ликовали. На следующий год тевтонцы выплатили Великому княжеству Литовскому нечто вроде контрибуции, в результате чего между враждующими сторонами был подписан мирный договор.

Федор, как мы помним, в это время еще княжил в Новгороде. Сила Витовта была столь тогда велика, что он мог приказать новгородцам — отозвать князя. Что и было сделано, хотя с его стороны и добровольно.

Но, отправившись в Европу, Федор застал там тевтонцев, проигравших битву, в состоянии полного разорения и упадка. И вот тут некто обратил его внимание на Мальтийский орден. Кто это мог быть?

Существует по этому поводу довольно интересная версия. Будто Федор Юрьевич Смоленский, будучи уже в Европе… неожиданно быстро женился. А перед этим его взял к себе в семью и вообще усыновил — некто Георг фон Лаупен, проживавший в городе Констанце.

Спрашивается, а зачем Федору нужен был новый отец? И вновь всплывает нечто любопытное.

После кончины его отца, Юрия Святославича, вдовой осталась матушка — дочь великого князя Рязанского Олега Ивановича. Она ведь попала в плен к Витовту, когда в 1404 году он взял Смоленск. Зная об измене своего мужа (подробности истории с князем Семеном и его женой Ульяной, которых Юрий Святославич убил из-за непреодолимой страсти, мы расскажем позднее), вдова не очень долго печалилась.

Она, проживая в окружении Витовта, через несколько лет познакомилась с заехавшим к князю в гости неким весьма состоятельным вдовцом — уже известным нам Георгом фон Лаупеном. Они, сочетавшись браком, и переехали жить в город Констанц, расположившийся на берегу Боденского озера, тот самый, что принял участников знаменитого собора.

Именно сюда и приехал затем Федор Юрьевич Смоленский. Он стремился в Германию к матери, «с плачем и со многими слезами», с трудом расставаясь с полюбившимся ему Новгородом. И попал в новую семью, где получил нежданно-негаданно — отчима. Видимо, тот поспособствовал и его рыцарству, и принятию нового герба, и печати князя, а также — его женитьбе. Невесту искать долго не пришлось. Она проживала не просто рядом, а в том же доме. Ею стала младшая дочь отчима — девица по имени Ингрид.

Свадьбу сыграли быстро, по новому для князя обряду. А уж потом юная Инга фон Лаупен даже станет «имперской княгиней», сразу после уже упомянутого нами 1418 года, когда закончился Констанцский собор и император Сигизмунд, подтвердив дворянское происхождение ее мужа Федора, присвоит ему титул князя Священной Римской империи.

В некоторых публикациях можно увидеть даты жизни Федора Смоленского — «князя фон Смоленкоф»: 1391—1457 годы. Если принять их как настоящие, то он прожил чрезвычайно долгую и насыщенную жизнь.

У князя Федора Юрьевича были дети. Известны, в частности, два его сына — Борис и Остафий, от которых произошли потом досточтимые смоленские дворянские фамилии — Еропкины и Полевые. Имелся якобы еще один сын — Николаус (или иначе — Никлас) Феодор фон Смоленкоф (князь Николай Смоленский), который был женат на некоей пани Готвянской, имевшей отношение к роду панов Готвянских, который в течение веков не раз сочетался с родом графов Потоцких.

Но все это еще требует более внимательного изучения.

Такая вот запутанная, но зато насколько любопытная история! Довольно редкая для летописных источников того времени. И достойная пера хорошего романиста или мастера

приключенческого жанра.

* * *

А мы вернемся к рассказу об Анастасии — супруге князя Юрия Дмитриевича Звенигородского.

Отмечалось, что она заметно отличалась от современников, как и ее супруг, — образованностью, развитием и знанием духовных книг.

История донесла до нас и сведения о неожиданной болезни, которая случилась с княгиней Звенигородской и Галичской. Причину этой болезни, ее название и время, когда она произошла, мы толком не знаем. Упомянуто о ней в письме, которое получил князь Юрий от преподобного Кирилла Белозерского.

Это письмо было подготовлено старцем в ответ на послание самого князя Юрия, где тот просил молитв преподобного о болящей, а также стремился уговорить Кирилла переехать к нему в Звенигород, как когда-то он просил это сделать игумена Троицы Савву, будущего Сторожевского. Настоятель монастыря на Белом озере ему отказал. Но по поводу болезни супруги князя он отозвался подробно.

«А что, господин, скорбишь о своей княгине, — писал старец, — что она в недуге лежит, так мы о том, господин, в точности знаем, что некий промысел Божий и человеколюбие Его проявилось на вас, — чтобы вы исправились в отношении к Нему. Так вы, господин, посмотрите на себя, покайтесь от всей души своей, и то прекратите. Потому что, господин, если кто и милостыню творит, и молить Бога за себя велит, а сам не отступает от неподобных дел своих, никакую пользу не приносит себе, и Бог не благоволит к приношениям таковых. И вы, господин, посмотрите на себя и исправьтесь в отношении к Богу безвозвратно. И если, господин, так обратитесь вы к Богу, то я, грешный, ручаюсь, что простит Он вам благодатью Своею все согрешения ваши и избавит вас от всякой скорби и беды, а княгиню твою сделает здоровой».

Эта откровенная проповедь преподобного, направленная князю, связана была, как мы видим, не только с болезнью княгини Анастасии, но и с какими-то другими обстоятельствами, скорее всего, с уже возникавшими трениями между правящими братьями.

«Мы, господин, грешные, — продолжает Кирилл Белозерский, — от всей души своей рады Бога молить о ней, чтобы Он ее

помиловал и дал ей облегчение в той тяжелой болезни. А если, господин, она так и пребудет в том недуге, то воистину, господин, знай, что ради некоей ее добродетели хочет Бог упокоить ее от маловременной этой болезненной жизни в оном нестареющем блаженстве.

Ты же, господин, не скорби об этом, видя, как она идет в бесконечный покой, в светлость святых, в неизреченную славу Божию, чтобы там зреть пресладкое лицо Его, со Христом быть и, обретя Его, радоваться в стране живущих, где глас веселящихся. Но надеемся, господин, на милость Божию, что не причинит скорби тебе Господь, но благодатию Своею помилует и утешит тебя».

Из написанного нельзя сделать точного вывода — к какому времени отнести данное послание. Потому и трудно предполагать — когда произошла упоминаемая болезнь княгини Анастасии. Лишь несколько «намеков» могут подсказать нам предположительные даты событий.

Не могло это произойти ранее 1407 года, когда скончался преподобный Савва Сторожевский. Ведь в случае его здравости князю Юрию не надо было обращаться к Кириллу с просьбой о возможном его переезде в Звенигород.

Вполне вероятно, что сильный недуг и состояние княгини (она, похоже, была почти при смерти, ведь в письме сказано — «идет в бесконечный покой») могли быть связаны, например, с очередными родами. Между 1407 и 1422 (дата кончины Анастасии) годами ей пришлось рожать неоднократно. То могло быть появление на свет одного из сыновей, например, Дмитрия, прозванного позднее Шемякой.

Впрочем, события могли разворачиваться и в последние месяцы ее жизни, в 1422 году, перед самой ее кончиной. Одна лишь фраза из письма вносит сомнения по этому поводу: «…хочет Бог упокоить ее от маловременной этой болезненной жизни в оном нестареющем блаженстве». «Нестареющее блаженство» — явный намек на молодость княгини, что совсем не похоже на описание ее «старости». В 1422 году ей могло быть предположительно (ведь дата ее рождения неизвестна) не менее 35 лет, и даже значительно более этого возраста. Потому что в год бракосочетания — 1400-й — вряд ли она могла быть моложе тринадцати. А в 35—40 лет в те времена уже трудно было назвать княгиню «не старой». Потому и послание могло быть написано значительно ранее 1422 года.

Что значит для нас получение письма ранее года ее кончины? Только то, что тогда княгине удалось избавиться от «тяжелой болезни и недуга», и она прожила еще некоторое время. Молитвы

преподобного Кирилла возымели свое действие. Одна из них в конце письма звучала так: «Я, господин, хоть и грешен, а рад Бога молить и Пречистую Его Мать со своей братиицей о тебе, о нашем господине, и о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, находящихся под твоей властью».

Скончалась же княгиня Анастасия 11 июля 1422 года. Похороны прошли в Вознесенском монастыре Московского Кремля, основанном великой княгиней Евдокией. То был особый почет. Дочь великого князя Смоленского Юрия Святославича и супругу сына Дмитрия Донского — князя Юрия Звенигородского и Галичского положили рядом со свекровью. Приняла ли она монашеский постриг перед кончиной, как это сделала Евфросиния? Нам неизвестно. Хотя об этом, скорее всего, летописные источники поспешили бы упомянуть. Но, может быть, и не стали, чтобы уж слишком «не улучшать мнение» о Юрьевой семье.

Ее прах пролежал в пантеоне русских княгинь, великих княгинь и цариц долгие столетия, пока не произошло (повторим это в очередной раз) уничтожение обители уже в XX веке, учиненное большевиками в 1928—1929 годах. И тут саркофагу Анастасии совсем не повезло.

Мы помним рассказ о том, как из сносимого монастыря с поспешностью переносили останки женщин из княжеских родов Древней Руси. Всего осталось, как сообщают нам современные публикации, 56 таких саркофагов. Они были помещены в подклетное помещение Архангельского собора Московского Кремля, доступ в которое для «обычных людей» закрыт.

Среди надгробий XIV века остались, в частности, связанные с такими именами:

Евдокия, в монашестве Евфросиния (скончалась в 1407 году) — великая княгиня, жена Дмитрия Донского;

Софья Витовтовна (1453 год) — вдова великого князя Василия I Дмитриевича;

Мария Борисовна (1467 год) — первая жена великого князя Ивана III, скончавшаяся в возрасте 23 лет (видимо, от яда, так как в ее тканях найдено много цинка и токсичных веществ);

Мария Ярославна (1485 год) — жена великого князя Василия II Васильевича.

По словам очевидцев, сделанные из белого камня надгробия весят почти до двух тонн! И вот что интересно. «Лекарства в те далекие времена, — пишет исследователь, — были небезопасными — их делали на основе мышьяка, свинца и ртути. Косметическими средствами, которыми средневековые красавицы щедро пользовались, служили краски, используемые

иконописцами, а именно — свинцовые белила (к ним для яркости добавляли еще и барий), киноварь, содержавшая много ртути и серы». Таким образом, многие женщины просто не доживали свой век, а когда их начинали лечить от недугов, то происходило все наоборот, они заболевали все больше. Другим таким «фактором смерти» являлись.» известные яды, о чем мы уже говорили в первой главе нашей книги. Неугодных убирали вполне «профессионально». В подтверждение этого факта мы читаем там же: «Изучив микроэлементный состав волос царицы (речь идет об Анастасии, но другой — первой жене Ивана Грозного. — К. К.-С), фрагмента ткани и тлена, эксперт-химик обнаружил в них большое количество солей ртути. И стало понятным, что причиной смерти царицы Анастасии оказался один из “популярнейших” ядов Средневековья. Другим способом — принимая лекарство, пользуясь косметикой, — эта молодая женщина не могла бы накопить в своем теле столько отравляющего вещества».

Итак, в кругу скончавшихся высокопоставленных женщин из семьи правящего Московского дома была похоронена супруга князя Юрия Звенигородского и Галичского. Ей не довелось стать великой княгиней, и она так и не узнала — что такое великокняжеский престол.

* * *

Банальный вопрос: женился ли князь Юрий второй раз после Анастасии?

Нам ничего по этому поводу не известно.

Но она скончалась, и теперь не могло быть активных притязаний со стороны Юрия на Смоленск и великое княжество Смоленское. Без нее — это уже было проблематично.

Более всего в ее кончине была заинтересована Софья Витовтовна. Она пережила всех — и своего мужа, и Юрия с Анастасией, и многих своих детей (скончалась в 1453 году). Она продолжала литовскую политику, следовательно — Смоленск был под ее «присмотром».

Но почему князь Юрий Звенигородский не женился затем вторично? Так делали до того и позже многие великие князья и цари.

На такой вопрос может быть несколько ответов.

Первый — самый простой и «лиричный»: княжеская чета была очень крепкой, они любили друг друга, а потому в возрасте почти под 50 лет и старше думать о новой женитьбе Юрию было

недосуг.

Но возможны и другие, дополнительные, более «прагматичные» предположения.

Например, если бы у князя не было наследников, то есть — нескольких крепких сыновей, не склонных к болезням, то ему бы, видимо, пришлось решиться на следующий после кончины супруги брак. В реальности мы видим обратное. Княгиня Анастасия подарила ему не одного сына, а нескольких. И все они подавали серьезные надежды, были активными деятелями и политиками, что покажут во всей красе дальнейшие исторические события.

Новый брак и новые дети могли породить очередные династические разногласия. И князь этого, видимо, не хотел.

Но мы склонны предполагать в этой связи даже такой поворот событий. Постоянные духовные поиски князя, его контакты со старцами и наиболее известными монастырскими иноками, известность его, как знатока духовных книг, подсказывают следующее. Князь Юрий просто принял решение не вступать более в брак и провел оставшуюся часть жизни в благообразном житии, в одиночестве, без супруги, в окружении своих детей.

На эту мысль нас наталкивает простой анализ последующих междоусобных споров, поведение князя в самые важные моменты, когда решались вопросы власти в Московском правящем доме. Известно, что он вдруг менял свои решения, да так, что у обычных, «нормальных» людей это вызывало только удивление, как вызывает крайнее непонимание некоторых историков, например, его неожиданный отказ от великокняжеского престола в 1433 году. Престола, к которому он так стремился (дабы свершились правда и справедливость) и который уже занял. И вообще, когда надо было предпринимать некоторые жесткие действия, он их… не совершал. Когда надо было просто брать завоеванное, он… не только не брал, но даже и отдавал. Когда надо было явно применить физическую силу или убить жестокого врага — он… миловал и отпускал, да еще и наделял благами, вплоть до уделов и денег.

Действительно, князь много общался с известными духовными подвижниками своей эпохи. Они иногда значительно влияли на его решения и действия. Это странное на первый взгляд поведение на самом деле было отражением его сознательного отношения к власти и понимание ее глубокой сути. В этом смысле князь предстает перед нами как уникальный и выдающийся «экспериментатор» своего времени. Он пытался совместить почти не совместимое — веру и власть.

В дальнейшем повествовании мы еще вернемся к освещению этих «странностей» князя Юрия, в особенности в подглавке «Идея “благочестивого княжения”» и главе «Заступники и покровители».

Во всяком случае, после кончины Анастасии князь Юрий остался без столь необходимой ему в то время поддержки со стороны все понимающей и верной супруги.

Но он был не один.

«Смоленская партия» и гибель Смоленского княжества. Гипотеза 11

Из завещания — духовной грамоты князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и Голичского, 1433 года: *«А благословляю сына своего Василья икона Пречистая Богородица окована золотом, Смоленьская».*

* * *

Читатель уже помнит наш подробный рассказ о возникшей еще в конце 1380-х годов «литовской партии» на Руси. Название это условное, к современному политическому понятию «партия» никакого отношения не имеет. Некоторые историки даже могут возмутиться: о чем это тут речь! Но мы вводим это понятие только потому, чтобы было проще осознать — какие влияния оказывались на внутреннюю и внешнюю политику Московской Руси конца XIV — начала XV века.

Теперь мы осмелимся предложить некоторое продолжение этой темы. А именно: в противовес «партии литовской» на Руси некоторое время просуществовала и другая сила. Мы назовем ее также условно — «смоленская партия». Представители одной и другой стороны фактически решали будущее возрождающегося единого государства — каким путем оно пойдет, с кем будет союзничать и какими землями обладать.

Как мы помним, «литовцы» стремились к сближению с Литвой, вплоть до объединения с ней в единое государство. Это был стратегический план великого князя Литовского Витовта (хотя и ранее он уже активно осуществлялся его предшественниками). И теперь князь имел все возможности для его исполнения. Его дочь была на Московском троне, церковь в Москве возглавлял его союзник — митрополит Киприан, а великий князь Василий был ему обязан свободой, да и жизнью. Между Литвой и Москвой простирались земли великого княжества Смоленского. Для получения желаемого Витовту нужно было сделать всего лишь два шага. Первый — присоединить к Литве Смоленск, второй — подчинить затем себе Москву. Два шага, но каких непростых!

«Смоленцы», о которых мы и расскажем в этой главе, думали по-другому. Во-первых, многие из них предполагали сохранение

великого княжества Смоленского независимым. Во-вторых, они думали о независимом и сильном будущем Москвы. Но были и другие планы. При активном давлении Литвы, если независимость Смоленска могла быть под угрозой, — возможен был вариант присоединения его к Москве. В этом случае мы получали бы ключ от двери в Европу в свои руки, а также исторически удобные земли в самом центре «всея Руси». К «смолянам» относились некоторые московские и другие епископы и церковнослужители, отчасти даже князь Дмитрий Донской, затем — остававшиеся в живых потомки великих князей Смоленских, их родственники, а также, отчасти, по нашему мнению, — и князь Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галичский. Его женитьба на дочери великого князя Смоленского — Анастасии — это явно подтверждает.

Еще раз повторимся: под «партиями» мы имеем здесь в виду не специальные группы людей, не какие-нибудь активно действующие объединения, а совокупность мнений и те исторические реалии, которые можно приметить в летописных или иных текстовых источниках той эпохи. Не всем нравилось появление дочери Витовта Софьи в Москве. А из тех противодействий, альтернатив, оппозиционных настроений, которые существовали тогда в связи с ее правлением в Москве, «смоленская партия» — одна из наиболее интересных.

За этим стоял вариант развития Руси. Попробуем рассмотреть все, что связано со «смолянами», подробнее.

* * *

Мы уже понимаем, что, хоть и не впрямую, но все-таки хотя бы косвенно, — женитьба на Анастасии — дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича, осуществленная в 1400 году, давала возможность Юрию Звенигородскому и его потомкам стать потенциальными претендентами и на великокняжеский престол Смоленска. А то, что этот город и само княжество «прихватили» литовцы, которые многие годы считали это крайне необходимым, делало отношения Юрия со своим старшим братом еще более сложными. Ведь Смоленск всегда играл для них роль отмычки, с помощью которой можно было отпереть широкие ворота прямо в Восточную Русь. Василий, как мы помним, был зятем великого князя Литовского, а Юрий теперь — великого князя Смоленского. Кому был более важен и выгоден захват Витовтом Смоленска? Наверное, не имеет смысла комментировать — кому!

Другое дело — стал ли Юрий делать что-нибудь в то время против своего брата? И делал ли? Скорее всего — активно нет, так как он чтил договор с братом и завещание своего отца — Дмитрия Донского («А дети мои молодшая, братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старишего, князя Василья, в мое место, своего отця»).

Известно, что Юрий выполнит свои обещания перед отцом до конца, вплоть до кончины матери — вдовы Донского Евдокии. Перед ее лицом он никак не мог нарушить клятвы, данной отцу на его смертном одре. Но… обещания эти мог легко нарушить старший сын Василий, не оказывая необходимого сопротивления Витовту, находясь в некотором роде «под каблуком» у своей жены Софии. Ее своенравный и твердый характер еще проявится позднее, после смерти Василия, во время выяснений — кому править на Руси.

Однако корни «смоленской проблемы» надо искать в более отдаленных исторических реалиях.

* * *

Историк XIX века С. М. Соловьев пишет: «Происшествия не давали князьям литовским возможности думать о наступательных движениях на Северо-Восточную Русь, но они со славою и выгодою успели уничтожить попытку смоленских князей к наступательному движению на Литву. В 1386 году смоленский князь Святослав Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое войско и пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них отнят литовцами. Идучи Литовскою землею, смольняне воевали ее… Десять дней стояли смольняне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в поле стяг литовский: то шел великий князь Скиргайло Олгердович… Наконец, показалась и рать Витовтова. Литовские полки быстро приближались; смольняне смутились, увидавши их, начали скорее одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городовых забралах. Битва была продолжительна, наконец Олгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним поляком в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен. Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него окуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба

повели в Литовскую землю».

Это краткий рассказ о событиях, которые стали началом конца великого княжества Смоленского. Еще не так давно оно было грозной силой для Литвы. А теперь — превратилось в ничто. Главное — погиб великий князь Святослав Иванович — дед будущей жены Юрия Звенигородского.

В те трудные для смолян дни литовское войско преследовало их до самого Смоленска. Князь Скиригайло вез с собой тело Святослава Ивановича, чтобы родственники великого князя Смоленского могли выкупить его и похоронить с почестями. Что и было сделано.

* * *

Одного из сыновей Святослава — Юрия — Скиригайло затем сделал правителем Смоленска. Хотя наследником великого княжения номинально оставался его старший брат — Глеб.

Смоленцы не случайно пошли воевать на Литву. За два месяца до этого тогдашний великий князь Литовский Ягайло принял в Кракове католичество, после чего принял имя — Владислав и, тут же венчавшись с польской королевой Ядвигой, совершил неожиданное превращение — в польского короля!

Для православной части Литвы это стало настоящей угрозой. С целью помочь собратьям и выступал тогда погибший князь Смоленский Святослав Иванович. Его союзником неожиданно стал Тевтонский орден, страшно боявшийся усиления нового короля Польши. Вот почему потом в ордене будут радушно принимать многих смоленских отпрысков, включая брата Анастасии Звенигородской — Федора Юрьевича.

В 1390 году Скиригайло будет разбит объединенным войском Тевтонского ордена и князя Витовта, который сменит правителя Смоленска. Вместо Юрия Святославича он поставит его брата — Глеба. Важнее оказались не политические взгляды, а родственные связи, ибо Витовт приходился Глебу Святославичу шурином.

Однако Витовту очень хотелось править в Смоленске самому, а великое княжество превратить в часть Литовского. В сентябре 1395 года он обманом взял город и сместил потомка Святослава Ивановича,

В тот трудный момент великий князь Московский Василий совсем не помог смолянам. Скорее он даже выступил в нужном для Литвы нейтралитете.

В 1396 году Василий Дмитриевич поехал в Смоленск и встретился с Витовтом. При этом присутствовал митрополит

Киприан. Пушки салютовали москвичам долгое время. Так они отметили тогдашний праздник Пасхи. В литовском Смоленске.

К счастью, брата смещенного Глеба — Юрия Святославича — в это время в Смоленске не было. Теперь он один остался свободным в своем желании вернуть себе отчину своих прадедов. В этом ему помогал тесть — Рязанский князь Олег Иванович. Во многом благодаря ему Юрий Святославич вернет себе Смоленский престол в 1401 году и будет владеть им почти три года. Но это будут последние три года исторического великого княжества Смоленского. Потом Витовт его заберет обратно. На долгие десятилетия — во владения Литвы.

Летописи отмечали, что Смоленский князь Юрий Святославич «…давался московскому князю со всем княжением своим». То есть он фактически предлагал Москве забрать к себе Смоленск со всеми землями! Однако, как известно, Василий его даже не принял. Почему? И на это летописи отвечают достаточно ясно: «не хотя изменити Витовту».

В 1402 году скончается князь Рязанский — Олег. Юрию Святославичу помочь стало некому…

В 1404 году Смоленск уйдет к Витовту. А затем — после кончины Юрия Святославича в 1407 году, собственно, прервется род великих князей Смоленских. Ведь его супруга и их малолетние дети умерли все в заточении у князя Витов-та. Если только не считать возможными продолжателями смоленского рода, пусть даже косвенно, сыновей нашего героя — Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского, женатого на дочери последнего Смоленского князя — Анастасии, Она-то осталась в живых, как и ее брат — Федор, приключения которого и превращение в мальтийского рыцаря мы хорошо уже знаем.

Что же касается братьев самого Юрия Святославича Смоленского, то они неожиданно ушли из жизни буквально один за другим. Странная «неожиданность»! Глеб Святославич погиб в битве у Ворсклы в 1399 году, Иван — скончался в 1403-м, а Владимир — в 1404-м. Как «по заказу». Так и хочется добавить — «литовскому».

Итак, подчиняясь своей супруге Софье, Василий «сдает» Смоленск литовцам, нарушая следующий после вышеупомянутого постулат завещания своего отца: «А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшюю в братьстве, без обиды». Как же «без обиды», если брат женился на дочери того, у кого прямо перед свадьбой отняли великое княжение — одно из самых больших и исторически важных княжеств на Руси.

А было ли это случайностью? Не поспешил ли с захватом

Витовт, когда узнал от Василия или его жены о том, что Юрий Дмитриевич предполагает жениться на Анастасии — дочери смолянина Юрия Святославича? А сильный Юрий Звенигородский — это уже не слабовольный экс-смоленский правитель (его будущий тесть). Возьмет все в свои руки, причем по закону, и не видать литовцам Смоленска.

Теперь же возвратить княжество своей жены для Юрия Звенигородского — значит пойти не только против Литвы, но и против своего брата. Вряд ли он сделает такое, этот законник и правдолюб!

И они оказались правы. Юрий не пошел против брата. Литовская политика не подвела. Смоленская карта была разыграна как «по нотам». Великое княжество Смоленское вернется в лоно Руси только столетия спустя, уже не будучи «великим». И даже когда в XVII веке царь Алексей Михайлович окончательно отобьет Смоленск у поляков, то сделает это с иконой Саввы Сторожевского, не случайно и символически взятой им в трудный военный поход. Надо было поставить точку в вековом споре. И она была поставлена — в виде снятых с башни освобожденного Смоленска часов с колокольным боем и поставленных государем на вершину звонницы Саввино-Сторожевского монастыря. Символически это отображало Время, потерянное Звенигородом, способным управлять великим княжеством Смоленским. Это было возвращение отнятого, пусть даже в ритуальной форме.

Но тогда, в начале XV века, ничто не могло помочь князю Юрию восстановить справедливость. Ничто, кроме новой междоусобной войны. Но, как известно, он не совершит подобной попытки. Не известно также ни одного словесного упрека по отношению к брату или упоминания об этом в документах.

Правдолюбцы-звенигородцы, как это чаще всего бывает в истории, оказались в проигрыше. Но в «небесной истории» — тот, кто был последним, становится первым. В скором времени, можно надеяться, это восторжествует и в связи с именем князя Юрия Звенигородского в истории русской.

Первый шаг плана Витовта был осуществлен. Оставалось сделать второй — прибрать к рукам саму Москву.

Однако мы на этом не заканчиваем повествование о «смоленских событиях». Ниже мы попробуем пересказать их немного по-другому. Благодаря чему, возможно, читатель увидит в ином ракурсе существование условно называемой нами «смоленской партии».

Одним из наиболее интересных течений нашего повествования может стать изложение нашей версии возможного

происхождения духовного наставника князя Юрия Звенигородского — преподобного Саввы Сторожевского. В свете этих предположений проясняются некоторые подробности, связанные с нашей темой.

Возможно, что Савва был из боярского рода великого княжества Смоленского. На это указывают косвенные данные. И если собрать их все воедино, то возникает вполне отчетливая картина, гипотеза, которая имеет шансы на подтверждение.

Приведем некоторый ряд замеченных фактов. Все дальнейшее — предмет дополнительного изучения исследователями.

В 1383 году в Москве появился епископ Смоленский Даниил (епархия в Смоленском княжестве была учреждена еще в XII веке и пользовалась большим авторитетом, влиянием, а также имела многие земли и привилегии). Литовские притязания на Смоленск и постоянный «нажим» со стороны западных католиков настолько затрудняли исполнение им своих обязанностей, что он попросил разрешения остаться в Москве.

Возможно, этому поспособствовал и митрополит Киприан, который, защищая многие литовские интересы, не хотел иметь в Смоленске сильного соперника. Фактически, как подтверждают летописи, Даниил просто спасался от литовцев.

Епископ был тепло принят при Московском дворе. Напомним, что князь Дмитрий Донской специально для него учредил новую кафедру.

Даниил получает от Дмитрия Донского в епархиальное владение подмосковный Звенигород и начинает именоваться «владыкою Звенигородским».

Похоже, что Даниил был знаком и даже близок с преподобным Саввой, и уже давно. Именно этим можно объяснить их постоянное сотрудничество на протяжении всего времени, пока Савва находился в Троицком монастыре, и то, что до самой кончины Даниила он не покидал обители Сергия Радонежского и не переселялся в Звенигород, где его уже давно ждали.

Известно также, что преподобный Савва пришел на гору Сторожи «с иконой Смоленской Божией Матери», что было особой традицией у многих современных ему основателей новых монастырей, но в данном случае имело особый смысл. То была, возможно, икона с его родины. С ней он привносил в Звенигород частицу своей земли.

Поразительно, но в те же самые времена жена Василия I и дочь литовского князя Витовта — Софья, по наказу отца, пытающегося «задобрить Русь», уже фактически «отдавшую» ему Смоленск, привозит оттуда в Москву древнюю икону Смоленской Богоматери — «Одигитрию», защитницу западных русских

границ. Икона попала на Русь из Византии еще в XI веке, и ее, по преданию, написал сам евангелист Лука. «Одигитрию» Софья специально помещает на видном месте в Благовещенском соборе Московского Кремля. Но это «послание» от Витовта, направленное русским, чуть ли не прямо означало — «Смоленск уже не ваш», западные границы Руси, которые икона охраняла, уже немного подвинулись на восток, а потому святыню свою — заберите, в ближайшее время обратного хода ей уже не будет. Скорее наоборот — я сам приду за ней прямо в Москву, но уже как великий князь.

Со Смоленской иконой (так это символически описывается в житиях и летописях) основывали свои монастыри и Сергий Радонежский, и Кирилл Белозерский. Она считалась заступницей Русской земли, ведь когда-то, хоть и временно, она, по преданию, спасла Смоленск от полчищ хана Батыя.

Епископ Смоленский и затем Звенигородский Даниил проводил в Москве «смоленскую» политику, не очень угодную Литве и митрополиту Киприану, но отчасти (и мы это подтвердим в дальнейшем) крайне важную для брата Василия I — Юрия Звенигородского.

Еще в год кончины Дмитрия Донского— 1389-й—Даниил сопроводит в части пути в Царьград (Константинополь) митрополита Пимена, пытавшегося сохранить за собой митрополичий престол в Москве и не отдать его Киприану, как известно, проводившему «пролитовскую» политику. Пимена поддерживали именно «смоляне», среди которых первоначально были епископ Смоленский Михаил и автор известного «Хожения» Игнатий «Смольнянин».

Однако «смоленская партия», антилитовская по своей сути, уже тогда стала проигрывать: в Москву, в 1390 году с триумфом вернулся Киприан, вступив в права митрополита. Возможно, по этой причине он попытается в ближайшие годы отстранить Даниила, бывшего епископа Смоленского, со Звенигородской кафедры. Но по этой же причине в этих краях появится еще более сильный духовный авторитет — «смолянин» Савва, продолжавший некоторое время дело своего учителя Сергия Радонежского в Троицком монастыре, одновременно влияя на своего земляка — Даниила — и на своего духовного сына — князя Юрия — в Звенигороде.

А когда Витовт в 1395 году подчинит себе Смоленск, то дружба его с Московским князем только укрепится. Мы уже знаем, как в 1396 году Василий приедет в захваченный Смоленск, чтобы отметить там праздник Пасхи! Здесь же родственники утвердят границы новых владений, разделят сферы влияния

между Москвой и Литвой, а подтвердит договоренности присутствовавший при этом митрополит Киприан. Смоленск ушел к Литве. А вместо епископа Михаила (пытавшегося «дружить» с Киприаном при возвращении из Константинополя, но скончавшегося позднее пленником в Москве) здесь появится новый.

«Не повезло» в те годы не только Смоленску, но и Звенигородской епископской кафедре (если принять отстранение Даниила как факт), а значит, и князю Юрию, и его многочисленным начинаниям в этом уделе и городе. Ведь именно в это время он после победы над булгарами закладывает по благословению Саввы Сторожевского новые соборы и строит Кремль на Городке. Кто-то должен был его поддержать.

Это сделал преподобный Савва Сторожевский. Не случайно — только после кончины бывшего епископа Смоленского, а затем — Звенигородского Даниила, то есть после 1397 года, старец решает окончательно покинуть Троицкий монастырь и поселиться в Звенигороде, что косвенно подтверждает существовавшую связь между этими людьми, возможно, имевшую исторические и (почему нет?) даже родственные корни.

Основанная им здесь новая обитель возросла почти прямо на древней Смоленской дороге и заняла самое удобное положение в непосредственной близости от Москвы. Теперь Савва будет до конца жизни помогать своему духовному сыну — князю Юрию Звенигородскому — во всех его начинаниях.

Вспомним еще раз и о женитьбе князя Юрия. Браки в великокняжеских семьях в те времена не заключались «просто так» или «по страстной любви». Смоленская линия в политике и причастность его к «смоленской партии» в значительной степени подтверждается тем, что князь Юрий Дмитриевич Звенигородский женился в 1400 году именно на Анастасии — дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича, в тот самый момент, когда ее отец и родственники почти отчаялись в борьбе за возвращение своего великого княжения. И этот брак был благословлен преподобным Саввой. Такой выбор не мог быть случайным, ведь женитьба была важна для потенциального престолонаследия в Смоленском великом княжестве.

Вспомним также, что и земли вокруг Звенигорода, в частности, соседние с ним город Можайск и окрестности (полученные в наследство братом Юрия Дмитриевича — князем Андреем), были долгие времена до этого (еще с конца XIII века) уделами великого княжества Смоленского. Они лишь недавно отошли к Москве, а потому могли бы довольно естественно и быстро перейти обратно под «смоленское крыло», что было

связано с нижеследующими обстоятельствами.

Князь Юрий Звенигородский после женитьбы стал родственником князя Витовта (как и его старший брат Василий), ведь тетя его жены была замужем за великим князем Литовским. Это предопределяло еще один невидимый «спор» между сыновьями Дмитрия Донского — Василием и Юрием, спор о том — кто мог быть ближе к Литве. У Василия жена — дочь Витовта, а у Юрия жена — племянница жены Витовта.

Однако в этом «споре» были и другие скрытые мотивы. Юрий, как известно, не претендовал на дружбу с Литвой, скорее — наоборот. Но он и его потомки заимели потенциальные права на великое княжество Смоленское, а Василий — такого права уже никак иметь не мог.

Смолянка Анастасия никак не могла «любить» Литву и вряд ли могла простить смерть деда, князя Святослава Ивановича, убитого литовцами в битве на реке Вехре. Теперь, после такого брака, только захват Литвой Смоленска мог предотвратить быстрое и многократное возвышение Юрия. Литва успела совершить этот «быстрый захват» — при молчаливом согласии Московского князя Василия.

Смоленская политика была разыграна в пользу Литвы, а не Руси в лице князя Юрия. Так Василий «убил двух зайцев»: вернул должок Витовту, приютившему его после побега из ордынского плена, и заодно ревностно осадил младшего братца, не дав ему возвыситься выше положенного.

Когда говорят о князе Юрии Звенигородском, то часто вспоминают его тезоименитого святого покровителя — Георгия Победоносца. Но этот святой был одноименным покровителем и другого Юрия — Святославича (Смоленского). Два Юрия в политике — это «больше», чем один. У одного — богатство (после похода на Волжскую Булгарию) и сила (полководческий талант), а у другого — великое княжество Смоленское, со своей славной историей и соседством с Европой.

Это потом святой Георгий станет символом и гербом самой Москвы. Но сейчас имена и покровитель сближали двух правителей.

Возможно даже, что князь Юрий Дмитриевич оказывал тайную помощь и поддержку уже через год после свадьбы своему тестю — Юрию Святославичу (в 1401 году), когда тот вновь вернул себе Смоленск и власть в великом княжестве (княжение продолжалось до 1404 года). Во всяком случае, возврат великого князя на Смоленский великокняжеский престол сразу после замужества его дочери и торжеств по этому поводу в Звенигороде — весьма недвусмысленная подсказка. Даже помощь ему Олега

Рязанского с войском не давала достаточно сил в тот момент, когда решалась судьба Смоленска.

Стоит среди этих размышлений привести и такое весьма интересное дополнение к рассказу о «смоленской партии» — гораздо более позднюю историю, относящуюся уже к XVII столетию. Не случайно же во время Смоленского похода в 1650-е годы, в период войны с Польшей, царь Алексей Михайлович Романов отправится на битву за возвращение исконного града Смоленска с иконой… преподобного Саввы Сторожевского, которого он считал покровителем царей Богоизбранных. Видимо, тогда еще оставалось или было живо какое-то предание, связывавшее основателя Звенигородской обители со Смоленской землей. Старца Савву можно смело назвать покровителем Смоленской кампании середины XVII века. По записанным преданиям, прямо перед самым походом Савва Сторожевский явился царю, когда тот находился в городе Наре, и благословил его на битву (как когда-то Юрия Звенигородского), после чего тот взял с собой икону старца — лик, когда-то созданный игуменом Дионисием. В итоге — Смоленск был возвращен.

Как мы помним, в честь удачного похода на звоннице Саввино-Сторожевского монастыря появились часы с боем, которые когда-то украшали Смоленскую ратушу. То есть — произошел символический возврат времени — часов — жизни самого Саввы-«смолянина» на свое место, некоторый «возврат к Савве», «к его родине» (Алексей Михайлович любил такие символические действа).

Смоленский колокол голландской работы сохранился на звоннице Саввиной обители до наших дней (единственный из исторических колоколов, что также символично, так как остальные были уничтожены в XX веке). Кстати, отправившись в Смоленск на войну, царь спасся заодно и от мора — страшной эпидемии чумы, которая как раз произошла в то время в Москве. От заразы погибло невероятное множество жителей, а Звенигород, например, вымер почти полностью.

* * *

В завершение разговора о «смоленской партии» необходимо закончить историю о тесте Юрия Звенигородского и Галичского — князе Юрии Святославиче Смоленском. Почему Анастасия и ее супруг не помогали отцу (и тестю) открыто, да и вообще — почему последний великий князь Смоленский закончил свои дни где-то в бегах, на землях, которые считались территорией Орды, а

не у своей дочери и зятя в Звенигороде?

Как мы уже говорили, «породнение» князя Юрия Звенигородского со Смоленском было не в угоду его брату — Василию I. Связанный узами договора, по которому он не мог совершать никаких военных действий без согласия старшего брата, Юрий Дмитриевич, по крайней мере внешне, почти не вмешивался в проблемные дела Юрия Святославича. Помощь от него не могла поступать открыто и постоянно, так как он не мог и не хотел идти поперек данного брату Василию слова.

А в 1403 году, уже после кончины князя Олега Рязанского, Юрий был вынужден вообще подписать еще один «братский» договор с его сыном — Федором Ольговичем (договор был подтвержден грамотой Василия I), что окончательно связывало ему руки. Ведь князь Федор, в отличие от своего отца, стал благоволить Литве, а не Смоленску, сводя на нет все усилия по сохранению Смоленска за Русью.

Упомянутая и весьма условная «смоленская партия» к моменту окончательного захвата Смоленска литовцами в 1404 году уже совсем исчезла. Некому было ее поддержать. Даже «смолянин», духовный старец Савва Сторожевский уже был в очень преклонном возрасте, чтобы влиять на такие события. В это время он практически уходит в скитское житье, отдаляется все более в своей келье-пещерке рядом с горой Сторожи, у основанного им Звенигородского монастыря.

Даже если еще могло все как-то восстановиться или же могла продолжиться какая-то борьба за возвращение Смоленска, то им помешали другие события. Именно они совершенно бесповоротно перечеркнули все возможные на сей счет планы и усилия. О чем речь?

Потеряв в 1404 году Смоленск, Юрий Святославич отправился к союзникам по антилитовской оппозиции — в Новгород, где его приняли и даже дали во владение 13 городов. Затем он обосновался в Торжке. И тут — седина в бороду, бес в ребро — произошло событие, вошедшее в светскую и церковную историю.

В Торжке поселился также изгнанный вместе с Юрием из Смоленска князь Семен Михайлович Вяземский. Жили они как друзья — душа в душу. Но вдруг Юрий Святославич страстно влюбился в жену князя Семена. Звали ее Ульяна, и она категорически отвергала любые ухаживания со стороны воздыхателя.

Юрий привык получать свое. Однажды, в порыве отчаяния, он, получив очередной отказ от Ульяны, взял да и убил своего друга — ее мужа, князя Семена, а затем решил силой овладеть ею

самой.

Женщина защищалась, как могла, даже ранила насильника ножом в руку и выбежала на улицу. Разъяренный князь Смоленский догнал Ульяну, выхватил меч и изрубил ее буквально на куски, а останки приказал бросить в реку.

При нашествии ордынцев на Руси видали многое. Но такое преступление просто ужаснуло всех. Летописи повторяли потом одна за другой долгие столетия: «И бысть ему в грех и в студ велик и с того побеже к Орде, не терпя горького своего безвременья, срама и бесчестья».

Вот почему оказался Юрий Святославич в Рязанской земле («в Орде», как тогда писали), в отчине своего тестя. Бежать ему уже было некуда. Принял его здесь некий пустынник Петр, у которого князь исповедался в своих грехах, а затем, как утверждают поздние источники, скончался в монастырском покаянии. Ульяна же (под именем Иулиании) и ее супруг князь Семен были причислены к лику русских святых. Невинно убиенные за правду и за любовь издревле почитались в народе.

Если бы Юрий Святославич не «замарал» себя в связи с любовной историей и убийством, то кое-что в истории могло пойти по-другому. Но он был заклеймен позором от имени всей Русской земли. Вот почему князь Юрий Звенигородский и Савва Сторожевский не приняли к себе Юрия Святославича в последний год его жизни, хотя для Юрия он был тестем, да и Анастасия могла бы пригласить к себе отца.

К этому можно добавить лояльность Звенигородского князя к брату Василию — великому князю, невозможность в то время портить отношения с Литвой, сильные позиции митрополита Клприана. И лишь только когда в 1406 году Киприан скончался, можно было бы пригласить Юрия Святославича в Звенигород. Но именно в это самое время он и натворил ужасных дел в Торжке, убил семью князя-друга и стал «злодеем» Руси. Только сбежав в Орду, а затем в монастырь под Тулой (по территории то была также — Орда, где он мог чувствовать себя в безопасности), он сумел оправдаться перед потомками и даже, как раскаявшийся грешник, был признан затем… местно почитаемым святым. Говорят, что его мощи до последнего времени лежали в Николаевском Веневском монастыре… Таковы парадоксы русской истории в целом и особенные страницы истории русской святости.

На этом мы и закончим рассказ о «смоленской партии» и о падении великого княжества Смоленского. И отправимся на Север, во владения князя Юрия Дмитриевича, доставшиеся ему по наследству от Дмитрия Донского. В Галич Мерьский.

Сокровища Галича Мерьского. Гипотеза 12

Чудь начудила, да меря намерила
гатей, дорог да столбов верстовых.

Александр Блок

Из книги С. Сытина «Древний город Галич Костромской губернии. Рассказы о его прошлом и настоящем. Бытовые очерки и обычаи жителей. Историческое, географическое положение. Промышленность и торговля. С рисунками», изданной в Москве, в 1905 году: *«Город расположен живописно при обширном озере, у подошвы высокого юго-восточного берега, который, обогнув его дугою гор, как неприступным валом, придает ему неимоверную привлекательность и разнообразие. Когда опускаешься с Костромской дороги, прежде всего открываются позлащенные верхи церквей и колоколен; потом пред взорами стелются ряды разноцветных крыш, как будто плавающих на зеркальной поверхности озера, которое с другой стороны обложено синими горами, как кольцом. Климат Галича считается нездоровым, особенно в большие жары, когда вода в озере цветет. Много воспоминаний пробуждает этот город...»*

* * *

Тот, кто бывал в Галиче, — не забудет об этом городе никогда. Нет-нет, не в среднерусском Галиче или в каких-либо местах еще южнее, которые носят похожие названия (сколько их, одинаковых, было на Руси!). А на Севере, в сторону Костромы и Чухломы. В Галиче, гордо именующем себя также странным и старинным словом Мерьский.

Здесь издревле жили необычные народы. Но чудь, вопреки удачным и незабываемым словам поэта, на самом деле ничего не «чудила», да и меря — не «мерила». Жили себе в своем языческом мире, давно забытом потомками. Сюда пришли славяне, потом русские православные монахи. Так в этих замечательных по красоте и по духу краях появились россыпи монастырей и церквей. Века XIV и XV в этом отношении были самыми известными. Тогда многое здесь и построилось. Да вот, к несчастью, не все сохранилось.

Галичу не везло на реальность. Но весьма везло на

таинственность.

Галичское озеро — предмет многочисленных легенд, пересудов, ужасных и кровавых историй. Когда еще в давние времена первые картографы составили его рисунок, то крайне удивились — перед ними проявилось… сердечко, очень похожее на символическое изображение сердца человека. Да и теперь на всех снимках из космоса мы видим это «сердце России» в виде озера. Одно радует, что его никто пока еще не связал с каким-нибудь «лох-несским» чудовищем.. Хотя предание о страшном озерном кладе бродит от поколения к поколению. Связано оно как раз с временами князя Юрия Звенигородского и Галичского, в особенности с его сыном — князем Дмитрием Шемякой. Де утопил он в глубине вод несметные сокровища, чтобы его врагу — Василию Темному (сыну Василия Дмитриевича) не достались. В трудный момент выгнал на середину Галичского озера большую ладью, доверху набитую золотом, да и пробил в днище дыру.

Но, мало того, успел еще и совершить страшное заклятье. То есть клад этот — заговоренный, не простой. Если кому он и «дастся», то беды не избежать. А чтобы «дался» — надо чего только не натворить! Намекают на обряды с какими-то двенадцатью молодцами и двенадцатью жеребцами, с первенцами-младенцами и пр. При этом изредка проклинают и самого Шемяку — то ли за то, что клад не могут найти, то ли по инерции, как это положено было в официальной историографии, — воевал ведь против великого князя. И никто не вспоминает, что все-таки и он тоже был некоторое время тем же Московским князем великим, находился на престоле, как и его отец, — Юрий Дмитриевич.

Но все мистические истории, связанные с местным озером, перечеркивает одна едва заметная для наблюдательных пилигримов деталь. Днем — при солнечном, а вечером — при лунном освещении, на водной глади видна ровная световая дорожка, словно соединяющая город и монастырь на другом берегу. По ней, «аки посуху», как утверждает предание, ходили местные святые — туда и обратно. Несколько верст…

Уникальность этих мест связана еще и с тем, что это настоящий «русский тупик». Далее на Север — за Галичем, Чухломой и Солигаличем — все леса, леса и леса. Во времена князя Юрия — это были непроходимые топи. Глушь, чаща, дичь, пустота, мерзлота и хлад. На этом жизненное пространство Руси в данном направлении заканчивалось.

Потому в Галич, как на край земли, стремились не только духовные подвижники, искавшие уединения, но и ссылались опальные и заключенные. Здесь отсиживались от набегов

западных соседей и Орды, от кровавых междоусобиц. За стенами Галичской крепости можно было переждать и отдохнуть от трудностей и ужасов реальности, столь иногда невыносимой в уже более обжитых южных регионах.

Галич был прообразом града Китежа, уютно расположившись на берегу озера. А может быть, в этом и есть разгадка его «особенного» секрета?!

* * *

Князь Юрий, как мы помним, получил Галич от отца по духовной грамоте. Это был очень ценный удел. Дело в том, что здесь добывали соль (отсюда так много тут «сольных» названий, включая и ближнего «двойника» Галича — Соли-Галич). А товар сей был просто «золотым». Без него — никуда. Такой удел приносил постоянный доход. Об этом знали и в Орде, потому требовали отсюда повышенной дани.

По крайней мере, Дмитрий Донской своего любимого сына не обидел. Галич сполна заменял многие другие владения иных родственников. Что-то вроде современных нефтяных промыслов: прибыль «течет» постоянно и производится природой сама собою. А соль ведь предмет первой жизненной необходимости. Не подсолишь, как говорится, не поешь.

Может быть, по этой причине в галичских краях люди селились издревле. Кстати, исходя из того, что тут жил народ «меря», сам город и стали величать Галичем Мерьским. А мы добавим к этому важное замечание. Название «Мерьский» обязательно следует писать с мягким знаком (как это и делали в царской России). Потому что оно произошло не от слова «мерить» или «отмерять» (как у поэта А. Блока, или даже от соляных промыслов, где как раз и отмеряли вес), а от имени народа! Необходимо, наконец, поставить точку в различном написании и подчеркнуть этим самым «соляной титул» этого града.

Кроме этого, само княжество следует именовать не Галицким, как бывшее одноименно южное, а Галичским, что и делают некоторые историки, дабы не было путаницы.

Народ меря, или мерячи, в свое время как будто был в числе тех, кто согласился призвать Рюрика править Русской землей. Говорят, они даже участвовали в походе на Царьград, а потом, не приняв христианства, ушли в эти северные края, слившись с мордвой и русскими. Так и оставили меря здесь свои «следы» в названиях.

Как пишет Сытин, «только в Галиче удержались следы языка

мерячей: некоторые урочища, сёла и города Костромской губернии носят еще названия, данные первобытными обитателями, как то — реки: Нея, Шуя, Андоба, Индоса, Кусь, Тебза; озера: Неро, Нико, Рамин; села: Шебано, Емена, Юхоть, Кледем, Ликурга; города: Нерехта, Кинешма, Чухлома и проч.».

Но ведь Галич — южнорусское название, как принято считать. Это явный повтор в наименовании города, о котором мы уже говорили, когда двойник прежнего русского города переносился на Север (как Звенигороды или Переяславли). А как поселение на месте Галича называлось до этого, «по-мерьски»? Мы или не знаем, или… Галич-южный также был назван благодаря мерьскому языку и обитавшим тогда еще в его округе представителям народа меря?! Это вовсе не утверждение, а простое (хоть и спорное) предположительное размышление «по ходу», для будущих изысканий…

* * *

Русские летописи «вспоминают» существование северного Галича уже в 1238 году, во времена монголо-татарского нашествия. В те времена враги Руси наткнулись на сильную городскую крепость, которая была возведена на высоком холме, именуемом Балчуг. Считается, что к основанию града еще ранее имел отношение князь Юрий Долгорукий, Данное утверждение трудно как подтвердить, так и оспорить.

Кстати, Галич Мерьский можно назвать «Городом Трех Крепостей». Редко, когда встретишь остатки нескольких мощнейших цитаделей Средневековья в одном месте, границы которых словно очерчены какой-то огромной десницей и сохранились по сей день. Первую из них возвели еще в добатыевские времена. Другую — уникальную и почти неприступную — построил князь Юрий Дмитриевич Звенигородский. Затем — еще одну — начал сооружать его сын Дмитрий Юрьевич Шемяка, а закончил отобравший все у него великий князь Василий Васильевич.

Из-за крепостной «троичности» весь город словно переворочен остатками крутых валов и глубоких рвов. Его как будто перерыли циклопической лопатой в поисках не столько таинственного клада, сколько защиты от опасных врагов, которая, в конце концов, оказывалась эфемерной. Крепости выручали, но временно, высокие холмы и валы в конечном итоге — не спасали от полного разорения. Но по причине стараний устроителей, готовящихся к нападению злых ворогов, пейзажи пересеченной

местности Галича Мерьского до сих пор производят неизгладимое впечатление.

Самостоятельным княжеством, платившим дань Орде, Галич с окрестными землями стал в 1246 году, когда скончался великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович. То был уже один из главных уделов Северо-Восточной Руси. Видимо, все из-за той же соли, не создававшей проблемы — на какие средства строиться.

Наступил XIV век. Галичские земли прикупил Московский князь Иван Калита. Самостоятельность местных князей утратилась. Вот почему князь Дмитрий Донской распоряжался этими землями как совершенной своей собственностью.

* * *

Юрию Дмитриевичу достались просторы вокруг Галичского и Чухломского озер, левые берега великой Волги, леса, поля и луга вдоль реки Костромы, а также по основным ее притокам. К ним же присоединялись земли вокруг рек Унжа и Ветлуга. На расстоянии однодневного переезда на лошадях от Галича разрослись города Соль Галичская (нынешний Солигалич), Унжа и Чухлома. Князь Юрий присоединит к Галичскому уделу еще и город Вятку, о чем сообщает нам его договорная грамота с правящим Москвой племянником — Василием Темным.

Орда и Волжская Булгария торговали с Новгородом, Псковом и Бежецким Верхом — через галичские земли. Получалось, что княжество утвердилось на территории не совсем удаленной от других центров Северо-Восточной Руси.

В 1363 году удельное княжество Галичское было присоединено к Московскому окончательно. У последнего удельного Галичского князя из рода Ярослава Всеволодовича — Дмитрия москвичи город отобрали без проблем.

В одной из многих грамот, которые Московские князья подписывали со своим соперником и родственником князем Владимиром Андреевичем (эту заключил с ним Дмитрий Донской), впервые, в 1371 году «промелькнул» город Галич. Как уже московский. Вот что поведал нам этот плохо сохранившийся документ, отдельные части которого истлели почти до полной невозможности разобрать написанное.

«Жити по сей грамоте… Господине, дал в удел Галич, Димитров с волостьми и с селы.,. И твоим детем под моими детьми и до живота; а добра… до живота; а блюстити, Господине, вотчины моее и Московское… блюсти, а не обидети, и твоим детем. А рубеж Галичю и Дмитрову… Пожалует нас Бог, найдем

тобе, князю Великому великое… Князю Великому, брату моему старшему».

Теперь Дмитрий Иванович мог завещать княжество кому угодно.

Юрий Дмитриевич, получив этот удел, точно как и в Звенигороде, после похода на Булгар, стал строить в Галиче Мерьском свою крепость. Новую, современную, мощную. Но все так же — деревянную, обмазанную глиной (против огненных стрел), а потому, в перспективе, недолговечную.

Сегодня Галич хранит остатки самой первой своей крепости, еще середины XII столетия. Их можно рассмотреть, если отправиться на север от центра города, прямо у подножия высокого холма Балчуг (так и вспоминается местность с таким же названием напротив Московского Кремля).

Бытует тут и еще одно название здешней местности — Шемякина гора. Не могут жители забыть имя человека, о котором мы поговорим немного позже.

Крепость Юрия Дмитриевича обосновалась в этот самом месте. Она имела свою, независимую от прежней структуру укреплений. Князь приказал обновить не только рвы, но и высокие валы.

Средневековые инженеры удачно задействовали для обороны и природный ландшафт, присоединив к валам и рвам изгибы и впадины местных урочищ и оврагов. Не меньшее значение для крепости играло и Галичское озеро. Часть стены проходила вдоль его берега.

Для очередной — «пост-юрьевской» городской крепости было выбрано место немного южнее от старых фортификаций. И, что удивительно, для ее постройки выбрали не только высокие холмы, а не вполне удобную для такого дела и довольно плоскую равнину, очерченную речкой Кешмой. Похоже, что сделано сие было намеренно, с большим желанием не возвращаться на место разрушенных предыдущих крепостей. И можно было понять — почему. Ведь Галич был жестоко разорен Василием Васильевичем в 1434 году, когда Юрий сам, добровольно и совершенно неожиданно для всех отдал ему власть в Москве. Всю свою ненависть к дяде (особенно за его столь благородный поступок) юный Московский князь выразил в этом нападении на город. Он сжег то, что возводилось веками на берегу озера. Добавили к этому проблем своими набегами ордынцы, уже после кончины Юрия. И никто не хотел больше вспоминать старого, погибшего городского центра. Решили, видимо, строиться на новом месте.

Крепость окружили насыпными земляными валами, высота которых достигала более пяти метров, а рядом соорудили рвы.

Сохранилось предание, что деревянные стены укрепляли 12 мощных башен.

Известны были еще со времен Балчуга три подъемных моста, перекинутые через рвы с водой. Каждый из них направлял путников к своим въездным воротам в крепость. Считается, что внутри самой древней крепости могли располагаться два храма, а также дворец князя, некоторые дома бояр и дружинников, многочисленные постройки хозяйственного типа.

У Сытина находим дополнительное описание. «Город, т. е. крепость, — пишет исследователь Галича, — окруженный насыпным валом (окружность нового вала простирается по завалу до 577 саж. в поперечнике, внутри вала около 200 саж., а вышиною до 4-х саж.), был обнесен поверх насыпи деревянным тыном с несколькими башнями. Этот земляной вал был окружен широким и глубоким рвом, наполненным водою… В городе было трое ворот: ворота Архангельские, Покровские и Успенские. Между первыми воротами были две башни глухие, не имевшие особых названий. Между Покровскими и Успенскими воротами было три башни, также глухие; из них средняя называлась На-угольною и стояла к стороне горы Красницы. Далее, между Успенскими и Архангельскими воротами было 4 башни; из них 1-я от Успенских ворот была глухая и называлась башнею против Шатинской улицы, или просто Шатинскою; 2-я — Архангельскою и была проезжая; 3-я — Тайницкою, и последняя, ближайшая к Архангельским воротам, — безымянная; обе последние были глухие. Как ворота и башни были неодинаковой архитектуры, так расстояние между ними было неравномерное. От Архангельских ворот до Покровских было только 71 саж.; между тем как от Покровских до Успенских было уже 150 саж.; а от Успенских до Архангельских 245 саж. Ворота и башни занимали 46 саж.».

Такая цитадель в случае нападения могла продержаться долго. Для этого она и была подготовлена. Главное, что воды было достаточно, — озеро рядом. И князя Юрия его крепость выручит не один раз.

Например, в декабре 1428 года, когда на Галич совершило серьезный набег войско из Орды. Поразительно, но целый месяц ордынцы пытались штурмовать укрепления, построенные князем Юрием. Но так и не взяли город! В итоге, разорив окрестные села, а также ограбив Кострому и еще несколько городов, они ушли восвояси. В Севернорусском летописном своде 1472 года так и сказано: «В год 6937 (1429). Приходили татары к Галичу и города не взяли, но волости пограбили, а на Крещение напали изгоном на Кострому и, взяв ее, ушли в низовья Волги». Прекрасную оценку событиям дал историк А. А. Зимин: «Первый известный

летописям набег ордынцев на Галич говорил о том, что край этот начал к концу 20-х годов XV в. превращаться в процветающий — ордынцам было там что грабить, иначе вряд ли бы они избрали его объектом своего нападения». И действительно, Юрий достиг необыкновенных результатов в процессе благоустройства своих уделов.

Укрепления Галича Мерьского имели оборонное значение вплоть до 1552 года. Именно тогда было окончательно присоединено к Москве Казанское ханство. Исчез последний восточный враг Руси. Да и Новгород потерял свою силу, включая своих всегда опасных грабителей-ушкуйников. Защищаться стало не от кого. Граду было написано историей впасть в запустение…

Кстати, если считать, что род предыдущих владельцев здешней земли — князей Галичских — после Ивана Калиты перестал играть какую бы то ни было роль в русской истории, то Юрия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, мы должны будем признать основателем новой ветви Галичских князей — из князей Московских. А его потомков, в первую очередь сыновей и внуков — считать продолжателями данного рода. Ведь они были последними удельными Галичски-ми князьями.

* * *

Но нас Галич Мерьский интересует еще и потому, что здесь проживали знаменитые духовные подвижники Средневековой Руси. Они были современниками Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского. И, зная его увлечение духовными книгами, его постоянные поиски советов от разных наставников и святых покровителей, можно предположить, что такое «соседство» далеко не случайно.

Некоторые из этих людей сыграют важнейшую роль в судьбе князя. Благодаря иным он примет решения, которые станут историческими, хотя иногда роковыми для него лично.

Тогда, во времена, окружающие княжение Юрия Звенигородского и Галичского, в самом средневековом Галиче, а также окрест его земель, существовало с десяток известных монастырей. Наиболее значительными и древними среди них стали: Спасский (около 1335 года), Паисиев Успенский (Николаевский) (середина XIV века, расположился в 1,5 версты от города), Авраамиев Заозерский (одна из четырех обителей, что основал Авраамий Чухломской в то время), Николаевский Староторжский монастырь (появился уже в XV столетии у старинного городища на пути в Рыбную слободу, на старом торге

у крепости города). Время не пощадило некоторые из них, но память об обителях галичане хранят и поныне.

Эта малоисследованная страница жизни князя заинтересовала нас не просто так. Хотя бы потому, что мудрый и уже изрядно поживший на свете Юрий Дмитриевич, однажды получив в руки заповеданную ему Московскую власть, почти сразу же отдал ее в руки своего соперника. И сделал это не без участия одного из Галичских проповедников. Подобного примера в истории не сыщешь.

А почему он так поступил?

Ответы на этот и другие подобные вопросы читатель найдет в следующих главах книги.

Глава седьмая. ЗАСТУПНИКИ И ПОКРОВИТЕЛИ

Я сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнанья…

Максимилиан Волошин

Не всякий правитель в истории мировой цивилизации оставляет рядом со своим именем — имена известных современников из числа духовных подвижников, которые были бы связаны непосредственно с ним самим. Возьмем, к примеру, русских князей эпохи Средневековья. Рядом с именем Дмитрия Донского можно поставить имя митрополита Алексия и преподобного Сергия Радонежского. Уже этого — вполне достаточно.

Митрополит Киприан, к сожалению, в данном списке не помещается, не сложились у них отношения с князем. Но все же имя митрополита связано будет затем с Василием Дмитриевичем — сыном Донского.

Современницей князя Юрия Звенигородского и Галичского была, например… Жанна д'Арк (1412—1431). Французская героиня, святая католической церкви, пророчица и образец воинской удали и славы — погибла на костре за свои идеалы, связанные с единством и независимостью королевской власти. Ее имя теперь уже никак нельзя отделить от имени короля Франции Карла VII.

Однако если мы внимательнее отнесемся к тому, что делал и создавал Юрий Дмитриевич Звенигородский (из того, что история для нас оставила, не унесла в небытие), то мы заметим удивительную вещь. Цепочка сопровождающих его по жизни имен постепенно разрастается и превращается в довольно большой и символичный список.

Мы видим: чего-то не хватало ему, дабы не только окончательно понять — что такое Русь, но и осуществлять задуманное. Несправедливость, случившаяся с князем, заставляла его искать ответы на то — почему это произошло, а также обретать понимание — как изменить все по правде и справедливости, при этом не нарушая нравственных и духовных законов, не производя кровопролития, не совершая действий

против законов предков и законов христианских.

Вот в чем ему помогали духовные мыслители и проповедники.

Эта глава посвящена краткому рассказу о тех, с кем жизнь свела Звенигородского устроителя.

Они влияли на его судьбу. Они помогали ему подняться на вершину власти, но при этом и способствовали самым его необычным поступкам, включая возврат полученной власти своим врагам.

Речь пойдет о духовных покровителях и заступниках, жития которых не очень известны широкому читателю. Однако автор уверен, что их деяния могут заинтересовать не только специалистов или людей, близких Церкви.

Чтобы убедиться в этом, читателю предлагается совершить путешествие в необычный мир, в обыденной жизни немного скрытый от мирского внимания.

Игумен Савва Сторожевский. Гипотеза 13

Из церкви укатить бы не домой,
а прямо в Звенигород.

А. П. Чехов

Стихотворный набросок А. С. Пушкина «На тихих берегах Москвы», связанный с обителью Саввы (1822 год): «На тихих берегах Москвы / церквей, венчанные крестами, / сияют ветхие главы I над монастырскими стенами. / Кругом простерлись по холмам / вовек не рубленные рощи, / издавна почивают там / угодника святые мощи».

* * *

Поговорим более подробно о взаимоотношениях князя Юрия Дмитриевича и его духовного наставника — преподобного Саввы Сторожевского. Мы помним, что именно князь упросил его оставить Троицкую обитель и переехать к нему в Звенигород. Однако это произошло тогда, когда Юрий уже получил удел в наследство. Вряд ли он сделал бы такое, если бы не знал игумена раньше.

Когда впервые встретились инок Савва и Юрий Дмитриевич? Быть может, во время крещения князя в Переяславле. Но если иметь в виду более серьезные встречи в зрелом возрасте, то их можно вполне отнести к детству князя. Он хоть и был крещен Сергием Радонежским, но, по преданию, вместе со своей матушкой — княгиней Евдокией — часто бывая в Троицком монастыре, стал близок тамошнему духовнику — Савве.

Через некоторое время он, как мы уже знаем, решает выбрать его своим наставником. «Ибо Савва был его отцом духовным», — пишет нам автор Жития преподобного Саввы Сторожевского Маркелл Хутынский. А другой писатель XIX века добавляет: «Сын и брат великокняжеский, крестный сын преподобного Сергия, Георгий Дмитриевич, князь Звенигородский, часто посещая Сергия в его обители, по его, конечно, совету, избрал себе Савву в отца духовного. Пытливый дух молодого князя, его ум, просвещенный многим книжным учением, нашел себе полное удовлетворение в духовном руководителе своем, и он, наконец, решился, влекомый любовию и жаждою духовною, не разлучаться

с этим руководителем».

Но нас интересует, когда же впервые мог состояться «Звенигородский союз» мирского князя и духовного подвижника. Истоки его можно отнести к 1383 году, когда в Москву приехал епископ Смоленский Даниил и попросил разрешения остаться в Москве. Не в этот ли момент Савва впервые попадет в Звенигород?

После 1389 года — времени получения Юрием Звенигорода в собственный удел — Савва мог появляться у епископа Даниила намного чаще. И не один, а со своим учителем Сергием. Именно к этому времени относятся некоторые легенды и предания, согласно которым Савва бывал в звенигородских землях вместе с Сергием Радонежским. Позднее таких легенд возникает все больше, например, в житиях (в рукописи Симона Азарьина 1653 года, в главе «О посещении Преподобным Сергием обителей, в которых начальниками были его ученики»). Записывались истории вроде такой.

«И ночью видит он во сне, как будто он по-прежнему занимается каменным строительством в Саввином монастыре, а впереди него, видит он, ходит и указывает, занимаясь тем же делом, юноша в вишневой однорядке. И слышит Иван голос, обращающийся к нему и говорящий об этом юноше: “Это подмастерье, прислан к тебе на помощь из Троицесергиева монастыря”. Он удивился, потому что тот был очень молод, и такие обычно бывают учениками.

Пробудившись от видения, он стал размышлять и благодарил Бога и Преподобного Сергия за посещение, уразумев с удивлением, что святой помогает ему и в строительстве и в жизни, вместе с учеником своим, преподобным Саввою, заботясь о своих обителях и опекая их.

Тому же Андрею рассказывал ризничий Филарет, что Преподобный Сергий посещает обитель ученика своего, святого Саввы. Многие видели, как они ходили вместе по монастырю и будили братию к заутрене, и на караулах их тоже видели».

Последующие события нам уже известны. Преподобный Савва переехал в Звенигород, где основал свой монастырь. Здесь он благословил князя Юрия на поход в Волжскую Булгарию, венчал его с княжной Анастасией Смоленской, помогал расписывать Звенигородские соборы преподобному Андрею Рублеву, управлял церковным хозяйством.

В последние годы своей жизни старец Савва построил неподалеку от горы Сторожи скит, где много молился в уединении. Об этом в Житии Маркелла Безбородого написано так: «Себе же устроил маленькую келийцу, решив ее удобной для

возделывания добродетели, и к страданиям большим, и к подвигам постным приступая, и теплейшим рачителем безмолвия показавшись… Блаженный же Савва несколько лет пробыл на месте том и достиг глубокой старости, никогда не изменяя своего уставного правила. Лишь в отношении к миру и живущим в нем он изменился, упражняясь не в мирском и суетном. Не об излишней пище заботясь, не в мягких одеждах красуясь, не телесного ища покоя, но тесный и трудный путь предпочитая, а не легкий, и нищету больше богатства возлюбил, и бесславие больше мирской славы, и терпение страдания больше бесполезных радостей».

Последний год с небольшим жизни преподобного Саввы можно с уверенностью назвать временем его настоящего духовного величия. В этот момент он становится одним из самых главных церковных авторитетов, старейшим и наиболее почитаемым из духовных старцев, покровителем быстро крепнущей и развивающейся Звенигородской цивилизации, являвшейся частью московской культурно-исторической среды. Центр торговой и духовной жизни перемещается в Звенигород, культурно-исторические ориентиры раннемосковского эстетического сознания бесспорно находят свое рождение и воплощение на этой земле. Игумен Савва проявился в то время как вдохновитель и источник идей, духовный наставник и прозорливец, сумевший видеть намного вперед время и тенденции возможного развития Русского государства.

Не обычное положение сложилось на Руси в 1406—1407 годах, в первый год так называемого «церковного безначалия», в промежуток после кончины митрополита Киприана и перед кончиной преподобного Саввы Сторожевского. В эти два последних года жизни имя и личность старца Саввы превращаются в символ церковного оплота и крепости православного русского духа. И пусть мы знаем, что в это время преподобный Савва был уже стар и дряхл, что он обитал в пещере у стен основанного им монастыря на некотором расстоянии от Москвы, а значит, реального влияния на события как будто иметь не мог. Это было так и не совсем так.

Именно с тех времен идут истоки известности Звенигородского края, массового сюда паломничества, появления такого глубокого почитания имени преподобного Саввы, внимания к нему не только со стороны простого народа, но и со стороны власть имущих, царствующих домов будущего времени, среди которых особое место займет дом Романовых.

В 1406 году скончался митрополит Киприан. На Московском княжестве не стало главного церковного иерарха, устроителя,

иначе говоря — главы Церкви. В такой момент обычно авторитетом пользуются признанные духовные лидеры — подвижники, старцы. Естественно, митрополичья кафедра не могла долго пустовать, в Константинополе на замену Киприану в Москву был быстро направлен митрополит Фотий. Но он был грек по происхождению. Не известно в точности, например, хорошо ли он на момент рукоположения владел русским языком. А главное — Фотий находился в то время в самом Константинополе, и добираться до Москвы ему пришлось почти четыре года, то есть появился он в стольном граде только в 1410 году!

Известно, что безначалие в Церкви на Руси привело к большому ущербу для духовной жизни. Церковью были утрачены многочисленные земли и другие достояния. Некому их было защитить. Но и это происходило уже после кончины преподобного Саввы, то есть между 1407 и 1410 годами. Пока был жив он и пока была жива его духовная дочь — великая княгиня Евдокия (в монашестве Евфросиния) — вдова Дмитрия Донского — ни о чем подобном и речи не могло быть.

* * *

Преподобный Савва Сторожевский жил бок о бок с князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским. Близость к князю стала в некотором роде испытанием памяти о самом старце. Современники часто умалчивали его достоинства.

Но что не могут сохранить рукописи (которые по странной уверенности «оптимистов» как будто бы не горят), то сохраняет память народная. С ней, то есть с отношением народа к памяти о Звенигородском старце Савве, — ничего поделать было нельзя.

Мы понемногу открываем сегодня имена тех, кто заменил ушедшего с миром преподобного Савву Сторожевского на духовном поприще наставничества князя Юрия Звенигородского. В год кончины старца Юрию Дмитриевичу исполнилось 33 года. Символический возраст абсолютной зрелости. Таким образом, духовный отец довел по жизни своего сына до расцвета сил и ума. И тихо ушел.

Известно, что когда спустя годы были вновь обретены мощи преподобного Саввы, то было найдено и его схимническое облачение. Мы ничего не знаем — как, когда и где он принял схиму. Его схимническое облачение не сохранилось.

Также известно, что он жил в пещерке, которую либо отыскал, либо сам выкопал. «Опасаясь славы и счастия более, нежели в мире боятся унижения и бедствия, он уклонялся за

версту от монастыря, к северу и там, в глубоком овраге, под сению густого леса, ископав себе пещеру, предавался молитве и изливал потоки слезные, в покаянии, в умилении, в созерцании на земле жизни обителей небесных», — писал автор XIX столетия.

Сохранились многочисленные иконы, которые стали особо популярны в веке XIX и начале XX. Иконописный извод повторялся вновь и вновь. Преподобный Савва в пещере, с иконой и лампадой.

Позднее, в XIX столетии, на месте пещерки Саввы возникнет скит, который в наши дни стал одним из главных посещаемых мест Саввино-Сторожевского монастыря. На Руси скитом называлось уединенное место, некоторое собрание келий, рядом с небольшим храмом, куда отдельные подвижники могли уходить на время из соседнего большого монастыря.

Саввинский скит устроился и расширился при епископе Леониде, авторе одного из Житий старца Саввы. Цветные открытки начала XX века показывают нам необыкновенную красоту этого места, к сожалению, пережившего необычайно трудные времена в период советской власти. Сейчас он восстанавливается в том виде, каким был построен полтора столетия назад.

Преподобный Савва Сторожевский преставился 3 декабря 1407 года (16 декабря — по новому стилю). Почил он мирно, и, как отмечено было, «братия же собравшаяся на погребение отца своего и видя его, преставившимся… многие слезы проливала и стонами горькими терзалась, ибо отлучилась от кормника и учителя»…

Кончина игумена Звенигородского произошла скорее всего в небольшой пещерке, в скиту, близ основанного им монастыря, в полутора верстах от стен града Звенигорода, там, где преподобный старец в последние годы земного бытия проводил свои дни и ночи. Через некоторое время домовина с его телом была поставлена у царских врат построенного по его же благословению каменного Рождественского собора, монастырская братия отпела покойного, а затем мощи его были положены тут же, при входе, у правой стены под окном. Ибо никто не хотел, чтоб тело преподобного скрылось в глубинах погоста, а лучше оставалось бы рядом, там, где продолжалась служба, где звучали молитвы и псалмы, где под самым куполом храма отражалось эхом протяжное единогласное пение.

Не прошло и десятилетия, как слух о старце распространился по Русской земле, к мощам его потянулись люди, уверовавшие в святость преподобного, происходившие чудеса подтверждали их веру, местное почитание начинало перерастать во всеобщее. Хотя

летописи и документы не баловали потомков упоминаниями о его житии, но не истекло еще даже столетия, как народ уже величал его Сторожевским или Звенигородским чудотворцем.

Возможная канонизация затянулась. К тому времени, когда об этом заговорили вновь, — многое уже забылось, причем настолько, что материал для Жития Маркелл Безбородый собирал по крупицам да кое-что просто взял из других похожих текстов.

В конце XV столетия начинается так называемое местное почитание святого. Это значит, что несмотря на отсутствие официальных церковных решений, народ стремился к месту, связанному с жизнью или деятельностью почившего подвижника. Фиксируются — устно или письменно — различные события, с этим связанные, а также чудеса. Они приводили к исцелению от болезней, порой вообще неизлечимых.

Когда количество таких событий в Звенигороде стало столь многочисленным, что не говорить об этом стало просто нельзя, то и речь пошла о канонизации. Это означало, что будет назначен определенный день памяти о святом, который внесут в церковный календарь, затем будут составлены его Житие, Служба о нем, а также написаны его иконописные лики (образы) как святого и даже освящены церкви или приделы церквей в его честь.

В 1505 году у мощей старца в монастыре уже служили молебны. Рукопись из Троицкого монастыря 1530—1540-х годов рассказала, что «третьяго декабря совершалась память пр. Саввы» и «славословие». Тогда преподобного Савву уже называют «чудотворцем».

Иноки Саввиной обители начали собирать свидетельства о чудесах ее основателя. Они передадут их потом митрополиту Макарию, а тот — Маркеллу Безбородому, который включит их в Житие Звенигородского старца.

Канонизация Саввы Сторожевского в 1547 году на Московском соборе при митрополите Макарии почти совпала с временем венчания на царство Ивана Грозного! В те же годы почти одновременно были канонизированы князь Александр Невский, Петр и Феврония Муромские, Пафнутий Боровский, Зосима и Савватий Соловецкие, а также соратник и сподвижник Саввы — Никон Радонежский.

Для монастыря в Звенигороде это было важнейшее событие. Появилось Житие, которое вошло в списки Четьих-Миней, составленных Макарием. Чудеса стали известны повсеместно.

В XVII столетии украсили и вновь отстроили в камне его обитель, а затем он стал одним из наиболее известных почитаемых духовных подвижников на Руси.

Особое значение монастырю придавал царь Алексей

Михайлович, 19 января (1 февраля) 1652 года по его инициативе состоялось обретение мощей игумена. В эти же годы происходит переустройство обители, внешний вид которой сохранился с этого времени до наших дней. Саввино-Сторожевский монастырь получил статус Лавры первым в истории Руси.

Место, связанное с последними годами его жизни, стало центром паломничества, до сих пор Звенигородский монастырь посещают сотни тысяч людей в год, и он (статистика — вещь упрямая!) принимает гостей в количестве, которое едва ли заметно уступает только двум другим духовным центрам России: Троицесергиевой лавре, основанной Сергием Радонежским, и Серафимо-Дивеевской обители, связанной с именем Серафима Саровского.

С монастырем и именем Саввы связано множество чудес, два из которых стали историческими. Первое — это спасение старцем Саввой царя Алексея Михайловича от медведя во время охоты, а второе — явление преподобного пасынку Наполеона Бонапарта Эжену Богарне в дни захвата французами Москвы в 1812 году. Последнее событие знаменито тем, что Богарне, не разорив по просьбе старца монастырь, единственным среди главных полководцев Наполеона остался живым (как и предсказывал Савва), а его потомки породнились с русской царской семьей и жили в России.

После Октябрьского переворота Звенигородская обитель Саввы была лишена своей главной святыни и закрыта. Но вскрытые и украденные мощи уцелели, они были в наши дни переданы в Свято-Данилов монастырь, а в августе 1998 года торжественно перенесены в родную обитель — в Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря, где ныне и хранятся.

Напомним, что наиболее известным источником сведений о Савве Сторожевском явилось его самое первое Житие, написанное в XVI веке агиографом и знатоком крюкового пения Маркеллом Хутынским (по прозванию Безбородый). Краткое Житие игумена Саввы переложил в свое время на современный ему русский язык поэт Александр Пушкин.

Памятник преподобному Савве открыт у входа в Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде в августе 2007 года.

Переписка с Кириллом Белозерским

Писал вам в посланном писании...

Из книги «Златая цепь», до 1400 г.

Из духовной грамоты преподобного Кирилла, XV столетия:

«Я, грешный и смиренный игумен Кирилл, увидел, что постигла меня старость, ибо впал я в частые и различные болезни, которым и ныне подвержен, человеколюбиво Богом наказываемый за мои грехи, ибо болезни мои умножились ныне, как до сих пор никогда, ничего мне не предвещая, кроме смерти и страшного Спасова суда в будущем веке. И во мне смутилось сердце мое перед исходом, и страх смертный напал на меня. Боязнь и трепет перед Страшным судищем пришли ко мне, и покрыла меня тьма недоумения. Что сделать, не знаю, но возложу печаль на Господа, пусть Он сделает, как хочет, ибо Он хочет, чтобы все люди спаслись».

* * *

Подтверждением того, что князь Юрий искал себе духовных покровителей и учителей, достаточно серьезно стала дошедшая до нас история его переписки с преподобным Кириллом Белозерским — одним из наиболее известных подвижников монастырского устройства того времени.

Когда скончался преподобный Савва Сторожевский, князь остался без своего постоянного наставника и в некотором роде — руководителя. Важные духовные советы порой могли перерастать в серьезные решения, жизненные поступки и вполне светские воплощения. Вспомним хотя бы благословение старцем Саввой князя на битву с булгарами. Или его же поучение о «благочестивом княжении», зафиксированное в его Житии XVI века (об этом поучении мы поговорим подробнее в главе «Загадки князя Юрия»).

И вот теперь, после 1407 года, не стало игумена Саввы. Монастырь на горе Сторожи словно опустел, на время. Осталась и пустой пещерка, вырытая преподобным неподалеку от обители, в лесу. Местные жители уже тогда начали свое почитание святого.

В то время на Руси из учеников или последователей преподобного Сергия Радонежского наиболее уважаемым

оставался старец Кирилл, обитавший в созданном им монастыре на Белом озере. Князь Юрий принял решение обратиться к нему с просьбой о поддержке, а также о том, чтобы он стал его духовным отцом.

Расстояние до Белого озера от Звенигорода было немалым, от Галича — почти таким же. Поэтому первоначально Юрий обратился к старцу с письмом.

К сожалению, текст этого письма не сохранился. Однако мы можем частично реконструировать его по ответу, который написал преподобный Кирилл Юрию. Он ссылается на послание князя, а потому невольно цитирует главные его положения.

Так мы узнаем о событиях, которые открываются нам с особенной стороны. И нам стоит поговорить подробнее о том — почему старец Кирилл Белозерский отказался от наставничества, за которым к нему обратился возможный наследник Московского престола.

* * *

Последователей у преподобного Сергия Радонежского, как мы говорили, было немало. Если не разделять их на «первых» и «последних», на близких и не очень, на тех, что входят в число Радонежских святых, или остальных, — то тогда таковых было даже не много, а очень много! То есть мы не можем поставить рядом с его именем никого, кто имел бы такое количество учеников, причем оставшихся в русской истории великими подвижниками.

Большинство из них основали со временем свои монастыри, где, как правило, вводили общежительский устав, как заповедал «игумен земли русской». Наиболее известные мужские и женские монастыри той эпохи были именно общежительными. Достаточно лишь перечислить их, чтобы понять — насколько пример и учение Сергия Радонежского вошли в духовную традицию Руси, Это Троицесергиев монастырь, Чудов, Спасо-Андроников, Махрицкий, Симонов, Саввино-Сторожевский, Высоцкий, Петровский, Снетогорский, Кирилло-Белозерский, Спасоевфимиев, Покровский Глушицкий, Спасо-Каменный, Спасо-Прилуцкий, Коневский, Павло-Обнорский, а также, как пишет историк Церкви XIX столетия митрополит Макарий, «все четыре монастыря, основанные преподобным Авраамием Галичским, все три, основанные преподобным Макарием Унженским, и др.; а из женских — Алексеевский московский и Зачатиевский нижегородский. Руководством при устройстве общежития

монастырского служили у нас, кроме правил соборных, правила и наставления древних святых отцов — Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита и других».

В конце XIV — начале XV века монастыри вырастали по всей Руси. Многие последователи Сергия, даже вообще не зная его, называли себя таковыми заочно, словно бы подтверждая свою причастность важному делу устроительства отечества. Известны так называемые его «собеседники», то есть те люди, которых трудно назвать прямыми его учениками, но они находились с ним в особом молитвенном общении, выражали те же самые идеи.

На Руси до наших дней очень почитают двух духовных подвижников — последователей Сергия Радонежского, которые ушли на Север, в сторону Белого озера. Это были Ферапонт и Кирилл. Сначала они жили вместе, а затем разделились, и Ферапонт основал новую обитель на соседнем озере. Так появились две северные святыни — Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Благодаря большой сохранности библиотеки Кирилловской обители (на Север редко добирались разного рода захватчики, которые в первую очередь стремились почему-то сжечь все книги и рукописи) стало возможным в дальнейшем восстановить множество белых пятен в русской истории.

Известно, что большинство именитых учеников и последователей Сергия Радонежского происходили из родовитых семей. Ярчайший пример — преподобный Кирилл Белозерский, который был в прямом родстве с семьей тысяцких Вельяминовых из Ростова, в миру звался Козьма и был печатником боярина и окольничего великого князя Дмитрия — Тимофея Васильевича.

Кстати, Кирилл Белозерский и Савва Сторожевский, если присмотреться к историческим фактам, чем-то всегда были близки по образу и по духу. Они предпринимали некоторые важные шаги в своей жизни почти одновременно, они уходили из родных обителей и основывали свои монастыри. Может быть, именно поэтому к преподобному Кириллу обратился после кончины Саввы князь Юрий Звенигородский за духовной помощью и поддержкой? Именно Кирилл Белозерский окормлял духовно младшего брата и соседа Юрия — Андрея Можайского. Эта «близость» косвенно показывает, что в жизни братьев-князей происходило много похожего. Князь Юрий хотел выглядеть не хуже, чем его старший или младший братья, а потому призвал к себе в отчину и выбрал в духовники первоначально именно Савву — предположительно выходца из именитого смоленского рода, то есть поступил так же, как делали и они.

Боярство в Москве и уделах занимало весьма весомое

положение, особенно в период княжения Дмитрия Донского и его сына Василия. Когда Василий Дмитриевич получил знаменитое письмо от Едигея из Орды с предупреждениями о том, что Русь ведет себя неправильно и дани не платит, то там было написано черным по белому о смене прежнего поколения бояр, слушавшегося татар, — новым, которое стало им враждебно.

Так Кирилло-Белозерский монастырь стал в дальнейшем важнейшим духовным центром, вокруг него появилось множество небольших обителей-пустынек, а их обитателей стали называть Заволжскими старцами. Учениками Кирилла Белозерского были Савватий Соловецкий, основатель Соловецкого монастыря, Александр Ошевенский, Корнилий Комельский. Монастыри распространились до самого Белого моря.

Ферапонт же, вскоре после кончины Саввы Сторожевского (буквально — через полгода), переехал с Севера в соседний со Звенигородом город Можайск. Здесь он продолжил многие начинания Звенигородского чудотворца, на землях Можайского удела, принадлежавшего тогда одному из сыновей Дмитрия Донского, младшему брату князя Юрия — Андрею.

Очаги монастырской жизни притягивали к себе разных людей. В суровых северных краях даже маленький огонек — всегда спасение. Тем более если это касается не мирских, а духовных проблем. Так выковывались новые традиции. Можно сказать, что так вырастала и новая культура. Иноки занимались просвещением и образованием окружающего населения.

Постепенно жизнь менялась, монастыри начинали аккумулировать немалые средства, включая все возрастающие земельные владения, а также ценности, которые постоянно жертвовали состоятельные миряне. Обители строились, разрастались и в итоге — укрупнялись. Отшельники окончательно исчезали как образ жизни, и полностью побеждала общежительная форма быта.

А затем начнутся споры уже внутри самого монашеского сообщества — жить ли, обладая собственностью и землями, с огромными богатствами, или наоборот — вернуться к «нестяжательству», полностью отказаться от материальных благ, полученных сверх меры.

Но это будут уже споры следующего столетия.

* * *

Некоторые монашествующие подвижники поддерживали отношения с именитыми князьями порой даже на расстоянии, с

помощью переписки. Князю Юрию в Звенигороде было проще, близкая и непосредственная духовная опека, поддержка и даже в некотором роде защита в лице Сторожевского игумена были у него почти десять лет.

С кончиной старца Саввы правитель Звенигородский осознал — какую он понес потерю. Для сохранения светского авторитета и даже народного признания любому князю необходимо было покровительство почитаемых духовных подвижников.

Оставшись один, без преподобного Саввы, Юрий станет искать себе нового наставника и советчика. Но не тут-то было.

Как мы уже говорили, невольное положение его как соперника великого князя, как сильного и богатого воеводы, «неразбуженного медведя», имеющего по многим поводам свою, независимую точку зрения, помешает ему в поисках духовного отца. Ведь Савва ушел из жизни почти одновременно — в один год — со вдовой Дмитрия Донского — Евдокией. А это означало, что ее роль арбитра между сыновьями в вопросах престолонаследия закончилась. Юрий становился неугоден для Москвы, великого князя — своего брата и многочисленного московского боярства.

Вот в какое время Юрий Звенигородский обратился с письменным посланием к Кириллу Белозерскому, считавшемуся уже тогда одним из влиятельнейших старцев и подвижников Руси. Судя по всему, переписка между ними была довольно продолжительной по времени. Об этом мы узнаем из строк Кирилла: «как я тебе, господин, и прежде этого писал». В новом послании князь просил только одного — молитв преподобного, его отеческих советов и наставлений, а также возможности приехать к нему лично. В этот момент очень сильно заболела его жена Анастасия. Ему требовалась поддержка. Такое обращение и такое преклонение перед духовным лицом могли считаться вполне обычными даже для облеченного властью светского человека. Казалось бы — почему нет? Но неожиданным «ударом» стал полный отказ Кирилла стать наставником Юрия в какой бы то ни было форме. Заметьте, не простой отказ, а именно категорический!

Попробуем разобраться — почему это произошло. Первые ответы напрашиваются самым естественным образом. Игумен Кирилл, как считается, сам происходил из рода бояр Вельяминовых, которые в тот момент были верны великому князю Василию Дмитриевичу и считались главными его советниками. Кроме того, в это время Кирилл Белозерский уже был духовным отцом князя Андрея Можайского — младшего брата Юрия и его соседа по уделам. Князь же Андрей был полностью подчинен

брату Василию.

«Репутация» у Юрия была такова, что даже переписка с ним могла стать роковой для того, кто на нее решится. В этом смысле никакие авторитеты уже в расчет не брались. И преподобный Кирилл Белозерский это хорошо понимал. Вот почему в его ответе Юрию есть довольно горькие для князя слова.

Юрий просит о духовном покровительстве. Он буквально молит старца стать его личным духовным наставником. При этом предлагает для этого несколько различных вариантов: переехать Кириллу в Звенигород насовсем, или приезжать время от времени, или даже вовсе не оставлять свою обитель, а князь готов будет навещать его когда и сколько тот захочет.

Настоятель Белозерского монастыря отвечает: «А что, господин князь Юрий, писал ты ко мне, грешному, что, дескать, “Издавна жажду я увидеться с тобой”, — так ты, господин, Бога ради не смей того учинить, чтобы тебе к нам поехать…» И еще добавляет для «усиления» отказа, что даже если князь приедет, то ему — настоятелю — придется покинуть монастырь, дабы с ним не встречаться. «Если ты поедешь ко мне, — пишет Кирилл, — так что, господин, ставлю тебя в известность: невозможно тебе нас увидеть. Покинув, господин, даже и монастырь, пойду я прочь…»

Другой бы на месте Юрия просто обиделся, получив такой ответ. Но он продолжал помогать Кирилло-Белозерскому монастырю материально, «обильными милостынями», за что его потом и благодарили. Но самое интересное, что даже Кирилл признавал глубокие знания и духовную крепость, присущие князю Юрию. В том же послании игумену принадлежат строки: «Господин, слышу я, что божественное Писание ты совершенно разумеешь и читаешь».

Уже тогда было ясно, что отношения с весьма самостоятельным князем не всегда приветствовались Москвой и подчинявшимися ей уделами. Вступить с Юрием Звенигородским в отношения, похожие на те, которые у него были со старцем Саввой Сторожевским, означало, что духовный покровитель мог взять на себя бремя восстановления в Великом Московском княжестве исторических прав на престолонаследие, то есть — стать «за Юрия». Но сила и власть тогда были на стороне старшего Василия. Кто бы смог перечить ему и столь серьезно демонстрировать свое отношение лояльности к опальному Юрию?

Вот почему многие отказывали князю Звенигородскому в сотрудничестве. И мы не знаем имен тех, кто заменил ушедшего с миром Савву Сторожевского на духовном поприще наставничества и путеводительства сына Дмитрия Донского.

Такие повороты судьбы пришлось пережить Юрию

Звенигородскому после кончины Саввы, особенно в следующий после его отпевания год — 1408-й. Именно тогда, в нарочито показательном виде, брат Юрия — князь Андрей — попросил переехать к нему насовсем бывшего сподвижника Кирилла — старца Ферапонта, основавшего недалеко от Белоозера свой отдельный монастырь. И Ферапонт согласится, приедет и поселится в Можайске, основав здесь новую, Лужецкую обитель. Альтернатива многим звенигородским идеям была налицо. Князь Андрей словно копировал брата: сильный властитель и известный старец — в одном уделе, рядом с Москвой. Но только… за Москву, и без каких бы то ни было претензий на престол (хотя по смерти Юрия — таковые могли появиться!). И князь Юрий вдруг оказался в некоторой духовной изоляции.

Неожиданное одиночество, отсутствие сакральной поддержки после кончины Саввы Сторожевского в какой-то степени влияли и на авторитет Юрия среди народа. Это князь Василий и его сторонники прекрасно понимали. Отсутствие поддержки отцов и старцев подспудно означало в сознании людей, что власть у князя лишь мирская, но она — «без неба». А для русского человека того времени это была не полная власть. Нужны были некоторые доказательства небесного покровительства.

И в дальнейшем летописи покажут нам князя Юрия как «проигрывающего» в глазах простых людей. Особенно когда он займет великокняжеский трон в Москве. Богатый, сильный, знающий, умный, терпеливый, да небесами не поддержанный!

Когда позднее начнутся так называемые «феодальные войны» (термин, оставшийся еще со времен советско-марксистской исторической науки, хотя используемый и поныне), которые лучше и правильнее называть «междоусобными», а также когда пойдет нешуточная борьба за наследство Дмитрия Донского, — князю Юрию будет сопутствовать удача. И окружающие быстро поймут, что юридическая правота на его стороне. Но не более того. Многие не воспримут его притязания с моральной точки зрения. Василий и потомки будут пытаться перехватить инициативу в своем «духовном предводительстве». Моральная изоляция почти сделает свое дело.

Но почти.

Мы же помним — как отозвался о нем автор Жития преподобного Сергия Радонежского! Да и после Звенигородского чудотворца — преподобного Саввы — появятся у него и другие заступники. Они словно будут ждать его в трудную минуту, среди суровых лесов Галичского края.

Галичские святые: незабытые имена. Гипотеза 14

Воистину Божий раб еси ты, о преподобие.

Василий Темный о Паисии Галичском

Из «Сказания о нашествии Едигея» XV века: *«Этого старцы не одобрили, сказав: может ли быть хорошим то, него в наши дни не бывало и в древности не слыхано, чтоб столько городов дать князю, пришельцу в нашу землю, а главное столицу Русской земли».*

* * *

Мы не случайно вывели эту главу как отдельное повествование в данной книге. Несколько дополнительных биографий нисколько не повредят заинтересованному читателю, дабы он смог разобраться в мельчайших деталях происходивших тогда событий. Без рассказа о Галичских святых многое вообще становится непонятным. Ведь иногда самые невероятные обстоятельства определяли важнейшие исторические решения или поворотные моменты той реальности.

Край Галичский дал Средневековой Руси, да и потом всей России, многих выдающихся духовных подвижников, старцев, представителей духовенства и православной культуры. Среди них есть и преподобные, и митрополиты. Даже простое перечисление имен создает удивительную панораму нашей отечественной истории.

В списке этом: святитель Филипп (Колычев) — митрополит Московский, Макарий Унженский (Желтоводский преподобный), святитель Иона — митрополит Московский, Кирилл преподобный Новоезерский.

Среди иных имен попадаются и такие: предполагается, что из Галича происходил самозванец Григорий Отрепьев. Кроме того, в Галич Мерьский попадали время от времени именитые изгнанники. Так, позднее сюда стараниями Бориса Годунова будет сослан князь Андрей Шуйский, а затем также и Василий Шуйский будет отправлен в эти края самозванцем. Именно в галичских застенках содержались пленные поляки и литовцы, которые сопровождали Лжедмитрия в походе на Россию.

Символично, что родина самозванца стала местом заточения его сподвижников.

Здесь мы приводим сведения о наиболее важных людях, которые имели отношение к описываемым событиям, то есть к концу XIV века, вплоть до середины XV столетия. К перечисленным выше мы добавим и другие имена. О них пойдет речь ниже — в этой главе. Об удивительных подвижниках Галичских.

Среди них:

Авраамий Чухломской (Галичский), преподобный;

Паисий Галичский, преподобный;

Григорий Пельшемский, преподобный;

Иаков Железноборовский, преподобный.

Что ж, поговорим о них подробнее, познакомимся и с возможными гипотезами, которые, как надеется автор, для пытливого читателя стали уже вполне привычными.

Устроительство Авраамия Чухломского

> Вдоль Чухломской дороги простираются нехоженые леса, болота.
>
> *Из современного путеводителя*

Одним из тех, кто привнес дух русской святости в Галичские края, был именно этот человек. Православие на земле «чуди и мери» распространялось не очень просто. Но преподобному Авраамию удалось сделать то, что до этого не смог сделать ни один из приходивших сюда подвижников. Он оставил после себя несколько монастырей, ставших центрами здешнего духовного просвещения.

Нам мало что известно о нем. Еще в юности Авраамий стал учеником и постриженником преподобного Сергия Радонежского, хотя был намного старше своего учителя. Возможно также, что до этого он подвизался в Нижегородском Печерском монастыре. Какое-то время он прожил в Троицкой обители у Сергия, а затем, став иеромонахом, был благословлен и удалился на Север, в края Костромские, и еще далее — в Галич и Чухлому («прииде к езеру Галичскому…»).

Главные сведения о его жизни в этих краях остались в Житии старца, которое было написано (или частично составлено) позднее — в XVI веке, по-видимому, — игуменом Чухломского Покровского монастыря Протасием, и сохранилось в списках до наших дней. Монастырь, где Протасий игуменствовал, был одной

из четырех обителей, основанных преподобным Авраамием еще во второй половине XIV века.

Житие старца Протасий озаглавил так: «Месяца июля в 20 день, житие и жизнь и преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Авраамия, игумена городецкаго чюдотворца, в Чухломском уезде, на Городке, и о явлении ему чюдотворныя иконы пречистыя богородицы, и о составлении обители, в нем же имать и от божественных чюдес его». Для написания текста агиограф XVI столетия внимательно разговаривал со старейшими монахами обители и просматривал все древние источники, которые остались или хранились в монастыре. Кроме этого, он сам мог видеть местное почитание святого, а потому поспешил рассказать обо всем в Житии.

«И вопросившу ми иноков тоя святыя обители благоговейных и многолетных, — пишет Протасий, — есть ли каково списание о житии и о пришествии на место сие преподобного Авраамия. Иноцы же тоя святыя обители принесоша ми мало нечто написано о житии преподобного Авраамия ветхо и издранно, аз же едва прочтох и известно изверихся о житии преподобного». Далее агиограф сообщает уже свои личные наблюдения: «Не токмо же от писания сего, но и сам своима очима видех от святаго его гроба многая чюдеса».

Известно, что у подножия одной местной горы во время молитвы Авраамий неожиданно услышал глас: «Взойди на гору, здесь стоит икона Матери Моей!» Поднявшись на вершину, Авраамий заметил на дереве икону Пресвятой Богородицы с Младенцем. Чудо так поразило его, что он пал на землю. Но голос призвал его: «Авраамий, встань!» Он поднялся и взял икону Умиления. А затем построил на этой горе келью, которая стала основой для создания обители Успения Пресвятой Богородицы (Новоезерской).

Когда монастырь разросся, Авраамий удалился в пустынь, дабы найти уединение. Позднее и здесь возник общежительный монастырь, названный Великою пустынью Авраамия.

Так, время от времени старец покидал свою братию и основывал новую обитель. Самой большой из них стала Покровская.

Есть известия о его общении с местным Галичским князем (задолго до князя Юрия), который пригласил Авраамия к себе в гости. Но тот ответил посланнику: «Иди и умоли князя твоего оставить меня в сей пустыни плакаться о грехах моих». Однако князь настаивал. Тогда старец переплыл озеро на лодке, а по преданию — перешел по воде, на которой и по сей день видны небольшое волнение и заметная струя другого цвета, называемая

Авраамиевою.

Скончался преподобный Авраамий в день пророка Илии, 20 июля (по новому стилю — 2 августа) 1375 года, в тот самый день, когда почитается икона Божией Матери (Умиление) Чухломская или Галичская. Таким образом, он застал при жизни рождение князя Юрия Дмитриевича (ноябрь 1374 года), будущего управителя здешними землями. Хотя существуют рассказы о том, что он встречался даже и с самим князем Юрием Галичским и что тот будто испрашивал у старца благословения перед началом больших дел, включая военные походы, а также выспросил для него сан архимандрита. Таким образом, по одной из версий (хотя подтверждений этому точных нет) он мог скончаться уже позднее 1389 года, то есть после того, как Юрий Дмитриевич получил эти земли в удел.

Старца поминают как Галичского, Чухломского и Городецкого чудотворца — все это места, где он обитал. Он часто изображается с Галичской (Умиление) иконой Божией Матери в руках.

Известны некоторые его чудеса. Например, рассказывали, что преподобный Авраамий пересекал озеро по воде — от запада к востоку, переходя к островку Фролищево, а затем отправлялся таким же образом к другому берегу, к подгорью, где и основал потом Паисиев монастырь.

В Чухломе по сей день почитается колодец, выкопанный, по преданию, преподобным Авраамием. Воду отсюда считают целебной.

Мощи преподобного хранятся в каменном храме Покрова Пресвятой Богородицы с приделом пророка Ильи в Авраамиевом Городецком монастыре. В этой же обители позднее оказались родовые захоронения семьи Лермонтовых.

Все четыре монастыря, основанные преподобным Авраамием, находились в Костромской земле и в одноименной епархии. Как писали ранее, Авраамиева пустынь была закрыта еще в 1775 году и находилась на берегу Галичского озера. Другая обитель оставалась в 60 верстах на северо-восток от этой пустыни, у села Озерки. Третья — на реке Виге — также была упразднена в начале XVIII столетия. Покровский монастырь, называемый иначе — Авраамиевым Городецким, — расположен в 12 верстах от города Чухломы.

Когда Юрий Звенигородский спустя 14 лет получит от отца — Дмитрия Донского — эти земли в свой удел, то все начинания преподобного Авраамия окажутся в самом своем развитии. Энергию устроительства, духовного просвещения, основу для освоения края — все это заложил этот удивительный подвижник,

деяния которого, к сожалению, не исследованы в подробностях и по сей день.

Можно отметить однозначно — без подвижничества старца Авраамия Галичская земля не стала бы родиной известных русских святых и князю Юрию Дмитриевичу труднее бы пришлось в поисках опоры для осуществления своих замыслов.

Пророчества Паисия Галичского

Прозорочными очима прозря…

Нестор. Житие Феодосия Печерского, до 1093 г.

Не случайно мы включаем рассказ об этом святом в наше повествование. Он был одним из тех, кто принимал участие в событиях, связанных с борьбой за власть в период междоусобных войн. Ведь большая часть его жизни прошла в Галиче Мерьском, в монастыре Успения Богоматери, что располагался на берегу Галичского озера. Преподобный Паисий был в обители игуменом и скончался в сане архимандрита.

Мы ничего не знаем о его происхождении, месте и дате рождения, так же как мы не знаем точно — кто основал монастырь в Галиче, в котором он подвизался. Есть предположения, что он появился здесь еще в 1385 году, но тому нет документального подтверждения. По крайней мере, Николаевская обитель на горе Красница уже существовала, когда он пришел сюда. Хотя вполне можно предположить, что он мог быть родом из этих мест, а потому вовсе не приходил в Галич, а жил тут всегда.

Известно лишь то, что одним из самых известных бояр времен князя Дмитрия Донского в галичских краях был некто Иоанн, прозванный Овином. Он поселился как раз подле Николаевского монастыря и фактически содержал его. Есть неподтвержденные гипотезы, что он и участвовал в основании обители еще в 1378 году. В самом монастыре очень почиталась церковь Святителя Николая, которая, судя по всему, была довольно древней, а потому обветшала или просто сгорела. Благодаря Овину и на его пожертвования был построен новый храм.

Однажды (иногда это событие относят к 1425 году) у порога дома боярина Иоанна появился некий незнакомец. В руках он держал икону с образом Пресвятой Богородицы. Овин принял от старика икону в дар и больше его не видел. Правда, тот успел оставить небольшой завет — просьбу построить храм в честь

Успения Божией Матери. По другой версии — к боярину пришел не старик, а два юноши, которые напомнили затем Овину двух ангелов.

Боярин Иоанн оказался человеком, помнящим свои обещания и исполнительным. Он выстроил обетный храм. С тех пор Николаевский монастырь был переименован в Успенский. А в храме была помещена икона Овиновская (память ее празднуется 15-го по старому и 28 августа — по новому стилю), с которой затем будут связаны важные исторические события.

Именно сюда и пришел новый инок, а затем игумен — преподобный Паисий. Впоследствии народ прозвал его Галичским.

Паисий затем оказался в самой гуще событий междоусобной войны между великим князем Василием Васильевичем и Юрием Звенигородским и Галичским. Конечно же он прекрасно понимал и сочувствовал князю, который покровительствовал Галичскому краю. Ведь Юрий Дмитриевич в сознании многих людей тогда действительно считался наследником законным. Однако одновременно многие духовные подвижники не считали правильным решать некоторые вопросы военным путем. Теперь мы прекрасно понимаем, что и сам князь Юрий практически не предпринимал серьезных действий военного характера по отношению к своему племяннику. Он просто стоял на своем, защищая свои наследственные права. А когда дело доходило до угроз — тогда и брался за оружие. Но, во всяком случае, советы духовных людей всегда имели для него важнейшее значение.

С именем преподобного Паисия связана удивительная история, случившаяся как раз в эти времена. Когда в 1433 году Василий Васильевич Темный все-таки сумел разорить Галич, то он принял решение лишить город его главной святыни, считавшейся покровительницей, что могло бы ослабить влияние этого края на московскую политику. Для этого он забрал из Успенского монастыря тот самый заветный образ Божией Матери. И увез с собой в стольный град Москву. Как говорили в народе — пленил. Противостоять этому настоятель монастыря Паисий конечно же никак не мог. Обитель в те времена переживала не самые лучшие свои времена.

Галичане сильно опечалились в тот момент, ведь образ сей составлял славу города, поклониться ему приезжали гости с разных концов Руси.

Однако произошедшее затем чудо полностью изменило все происходящее.

Овиновскую икону, по прибытии князя Василия Темного домой, поместили в Успенском соборе, в самом центре

Московского Кремля. В тот же день к вечеру отслужили молебен. Утром, когда открыли храм, то иконы на положенном месте не обнаружили. Никто не мог предположить — куда она делась. Разве что украли?

Но предание запечатлело для потомков следующее. Икона в тот же день оказалась в своем Успенском монастыре — на берегу Галичского озера (что трудно представить в реальности — из-за расстояния от Москвы до Галича, а также из-за невысокой скорости передвижения в то время). Она стояла на своем месте, откуда была забрана князем Василием.

Игумен Паисий с братией возрадовались такому чуду. После этого Овиновская икона еще более прославилась, количество паломников (и по сей день) в храм и монастырь значительно увеличилось.

Символическое возвращение иконы обратно домой, в Галич, многие толковали по-своему. Град, как и его удельный князь-покровитель Юрий Дмитриевич, теперь представлялись не просто самостоятельными, но и имеющими достаточно силы, включая и реальное духовное покровительство как чудотворной иконы, так и самой Небесной Заступницы, которого хотел лишить их великий князь Московский.

Историки трактуют те события по-своему, считая, что икону вернул назад в Галич князь Юрий Дмитриевич, когда стал великим князем Московским и поселился в столичном Кремле в 1434 году. Он счел сделать это необходимым для восстановления справедливости. Но молва и последующие не любезные к нему летописи изменили суть возвращения Овиновского образа в родной монастырь. Слишком уж был хорош и справедлив этот непокорный правитель. Оставим же выяснение исторической правды будущим исследователям.

Для Василия Васильевича история с иконой стала серьезным уроком. И он его не забыл. Подтверждением этому служит тот факт, что уже после кончины Юрия Дмитриевича он вновь вспомнит об Овиновской иконе. И решит осуществить свое желание обладать ею в Москве, хотя бы в списке. На оригинал после таких чудес никто уже посягнуть просто бы не посмел.

По прошествии времени наследником Юрия Звенигородского и Галичского в этих краях стал его сын Дмитрий Красный. Успенский монастырь, как и сам край, не пребывали, по известным причинам, в богатом состоянии. Междоусобная война давала о себе знать, ведь теперь за свои права вели битвы другие сыновья князя Юрия.

Князь Дмитрий Красный был более лоялен к Василию, войн с ним не вел. А потому в завещании своем попросил преподобного

Паисия Галичского сделать список с чудотворного образа Богоматери Овиновской, с того самого, что уже побывал в Москве, и отправиться с ним в столицу. Цель — попросить у великого князя покровительства для обители и прекратить ее разорение. К сожалению, при жизни князя Дмитрия сделать это не удалось. Хотя предполагается, что преподобный Паисий сопровождал тело его в Москву (князя похоронили в Архангельском соборе Кремля).

Все же позднее Паисий прибудет в столицу еще раз, уже с иконой. К этому времени не только образ, но и сам игумен Успенского Галичского монастыря были настолько известны, что встречать гостей с Севера под колокольный звон с крестным ходом вышли сам великий князь, его сын — будущий государь Иван III, митрополит Московский Иона (он, кстати, происхождением был из галичских земель) и множество столичного люда.

Теперь старец Паисий Галичский оставил в Москве образ чудотворной иконы Овиновской Божией Матери насовсем. Конечно, не оригинал, а список. Но он затем почитался в столице, в связи с произошедшим и запомнившимся всем чудом, не менее оригинала. Поместили икону снова в тот же Успенский кремлевский собор. Однако князю Василию Темному уже не суждено было вновь лицезреть сей образ Богородицы, ведь он был к тому времени ослеплен своими противниками… Плененную когда-то икону, изображающую Богородицу с Младенцем Христом, вставшую с трона, он мог воспроизводить лишь в своей памяти.

Тогда великий князь Московский щедро одарил преподобного, поддержал обитель и выдал Паисию Галичскому охранную грамоту, по которой наместник края обязан был покровительствовать Успенскому монастырю и защищать его от напастей: «да всячески снабдит обитель и хранит ю, яко зеницу ока». А Паисий в ответ, как считается, одним из первых преподобных благословил возникающую после междоусобиц единую Русскую державу, произнеся исторические слова: «Бог да благословит царство твое, благородный великий княже, и да будет на тебе благословение от десницы нашего Архипастыря, от Великаго Архиерея, прошедшаго небеса, от Владыки Христа отныне и до века».

Уезжал из Москвы Паисий с почетом и большим эскортом. До самого Галича его сопровождали два отпущенных митрополитом Ионой архимандрита. С этого момента в истории монастыря на Галичском озере наступила новая эра. Известно, что митрополит Иона возвел Паисия в сан архимандрита.

В истории остались и другие события, связанные с

Овиновской иконой Божией Матери. Одна из них относится ко временам игуменства в обители Галичского подвижника. Однажды загорелся Успенский храм, где стоял образ. Стали разыскивать пономаря-ключника, чтобы отворить двери церкви. Но он куда-то подевался. Пламя охватило всю церковь. Тогда один из иеромонахов по имени Иаков взял бревно и выбил им дверь. Вбежав в горящий храм, он в огне взял чудотворную икону и вынес ее. Как известно, ни икона, ни сам иеромонах совершенно не пострадали от пожара, что вызвало большое изумление собравшегося люда.

Другая история вызывает много споров и пока еще не нашла полного объяснения. Дело в том, что известными и почитаемыми со временем стали две иконы Овиновской Божией Матери. На одной из них было изображено Успение Пресвятой Богородицы. А на другой — в виде Одигитрии — Богородица с Младенцем, который благословляет левой (!) рукой. Ныне в Галиче и Костроме хорошо известна вторая. А первая, которая дала название монастырю преподобного Паисия (Успенский), да и день почитания которой как раз, по логике, должен приходиться на праздник Успения — 28 августа (по новому стилю), словно бы отошла на второй план. Причем разобраться в этой ситуации не могли уже и в XVIII столетии. Трудно теперь сказать — какая именно по изображению Овиновская икона была вывезена из Галича в Москву при Василии II.

Возникшее, видимо, еще в XVI столетии «Сказание о чудотворном образе Богоматери Овиновския иже явися во граде Галиче» ясно говорит о существовании образа Успения: «вскоре во обители оной церковь древяну воздвиже, во Имя Пречистыя Божия Матере Честнаго и славнаго Ея Успения: и образ оный иже от рук ангелских прият внесе в церковь».

Время, видимо, все расставит на свои места.

Итак, прожил старец Паисий в обители, как считается, более 70 лет. Здесь же и скончался. В памяти потомков остались его слова, которые произнес он перед преставлением своим ученикам и преемникам: «День жития нашего уже приклонился к вечеру: вот ныне постиг меня сей день. Молю вас, и после моего отшествия терпите здесь ради Бога, как обещались в обители Пресвятой Богородицы, соблюдая веру до конца нашего подвига, да сподобитесь неосужденно достигнута горнего Сиона и поклониться воскресшему Христу».

Известна дата кончины преподобного Паисия — 23 мая (5 июня по новому стилю) 1460 года (по некоторым данным — 1463 года). В этот день отдают дань памяти святому Леонтию Ростовскому, храм во имя которого в Галичском монастыре

построил покровитель Паисия — князь Дмитрий Красный. Такое совпадение в истории не бывает случайным.

Погребен игумен был в монастырской церкви Успения Богоматери, там, где находилась и чудотворная Овиновская икона Божией Матери. Позднее, уже в конце XV столетия, сам монастырь стали называть как Паисиев Успенский (иногда писали — Паисиин Успенский). А вероятнее всего, уже в XVII столетии Паисий был причислен к лику святых, он почитается как известный в Северной Руси чудотворец.

Крещение у Григория Пельшемского

> Пельшма — с коми — «рябина», а в целом — «Рябиновая местность».
>
> *«Тотьма», исторический альманах*

Иногда за какими-то событиями в истории стоят люди, о которых мы почти или совсем ничего не знаем. Одним из таких подвижников был преподобный Григорий, прозванный позднее Пельшемским — по месту обитания, а также — Вологодским чудотворцем.

Выясняется, что он (об этом пишет, в частности, историк А. А. Зимин, ссылаясь на рукописное Житие преподобного) крестил чуть ли не всех детей князя Юрия Звенигородского и Галичского. Довольно спорное утвер ждение, ведь, например, Василий Дмитриевич родился тогда, когда еще был жив старец Савва Сторожевский — покровитель семьи Юрия. Однако нельзя отрицать, что преподобный Григорий сыграет важную роль в борьбе за Московский престол именно сыновей князя Юрия Дмитриевича.

Без уяснения того — кем был этот подвижник, мы не можем утверждать, будто полностью понимаем — что же в то время происходило на Руси. Остановимся на его жизни чуть подробнее. Благо этому помогает нам уже упомянутое Житие, написанное, по-видимому, в конце XV — начале XVI века со слов некоего инока Тихона, знавшего старца Григория лично и после его кончины постригшегося в Пельшемской (Лопотовской) обители у своего наставника. Кем написано? Неизвестно.

Само Житие Григория Пельшемского относят не к галичским, а к вологодским агиографическим памятникам. Оно дошло до наших дней в трех редакциях, которые сильно не отличаются одна от другой. В каждом тексте имеется ссылка на то, что «бе некий мних, именем Тихон», который, собственно, и поведал все

о преподобном. То был его слуга еще с мирских времен, о чем и сообщает Житие со слов: «Я служил игумену Григорию, когда еще был мирянином и носил мирскую одежду».

Однако некоторые части документа совпадают с текстами другого Жития — Дионисия Глушицкого, автор которого известен. Это инок Иринарх, глушицкий монах. На основании этого предполагалось, что он и есть также автор Жития Григория Пельшемского. Но по традиции, свойственной многим другим Житиям того времени, тексты могли заимствоваться и переписываться (даже с минимальной правкой) без всякой ссылки на авторство. Еще историк Ключевский заметил, что автор рассматриваемого нами Жития использовал также и Житие Димитрия Прилуцкого, там, в частности, где речь идет о похвале преподобному Григорию Пельшемскому.

Три редакции текста, о которых мы уже говорили, отличаются не только некоторым объемом, но и важным содержанием. К таковым важнейшим сведениям можно отнести события в Вологде, имевшие отношение к годам 1430— 1431-м, когда Дмитрий Шемяка осаждал город, а также времена, когда старец Григорий пошел в Москву, как будто бы обличать князя Юрия. Противоречия, которые возникают при сопоставлении данных текстов, приводят нас к тому, что мы можем предположить более поздние внедрения в текст Жития и даже переписывания текста, связанные с необходимостью идеологического характера. Например, показать якобы «отрицательную» подоплеку действий князя Юрия Дмитриевича в его сложных взаимоотношениях с племянником Василием Васильевичем. Ведь князь Юрий всегда ссылался на духовную законность своего наследственного правления, а также на поддержку среди духовных наставников и лидеров. Позднее, когда сыновья Юрия проиграли схватку за престол, наследникам Василия очень важно было показать то, что известные отцы и учителя Церкви не всегда поддерживали мятежного князя и даже пытались остановить его от «пагубных» действий.

Трудно теперь, по прошествии времени, восстановить документальную справедливость. Но наличие именно трех редакций данного Жития подсказывает, что верить следует более ранней, то есть — редакции первой. А в этом самом первом варианте, кстати, — более подробном и последовательном, — вообще нет никакого рассказа об обличении Григорием Пельшемским князя Юрия, ставшего великим князем, тем более — о хождении старца в Москву с этой целью.

Странно, что события обличения имеют по второй редакции место быть в 1431 году, а Юрий Дмитриевич стал князем великим

в 1433-м, то есть в указанный год в Москве, куда будто бы направился преподобный Григорий, находиться никак не мог. А если в это время княжил Василий II, то кого тогда обличал преподобный?! Это несовпадение — явное подтверждение поздней и специальной вставки в текст Жития. В первой редакции также нет и уж слишком яростного обличения сыновей Юрия, а в рассказ о Дмитрии Шемяке и осаде им Вологды внесена странная путаница, недвусмысленно показывающая очередную попытку изменить суть старинного текста.

* * *

Итак, самая первая редакция начинается словами: «Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Григория чюдотворца игумена в Лопотове на Пелыпме реце жившаго». Автор горестно замечал, что до него никто не писал о старце, что «множества ради, паче же и пред многими леты бывша писанию не предашася», хотя «добро убо и полезно зело иже божественных мужь жития почитати и проповедати велегласно…».

Град Галич по праву может гордиться таким своим уроженцем. «Сей преподобный отец наш Григорий от славнаго града Галича, — написано в его Житии, — от благочестиваго корене израсте доброплодная розга от славных родителей болярска роду».

И действительно, будущий инок Григорий (будем звать его так от детства, ибо мы не знаем его мирского имени до пострижения в монахи) происходил из боярской семьи, от состоятельных и почтенных родителей, прозванных Лопотовыми. Получив хорошее, в том числе и духовное образование, он не спешил посвятить себя мирским делам.

В 15 лет он отверг предложение родителей жениться. И, когда они скончались, Григорий сделал совершенно не принятое в его окружении дело: все свои богатства, землю, имение и накопления семьи он раздал слугам, рабам и рабыням да и отпустил невольных — на волю. Оставшиеся деньги он роздал нищим. Затем юный подвижник ни с чем пошел в монастырь Пресвятой Богородицы у Галичского озера, который создал еще Авраамий, и попросил архимандрита принять его в число братии.

Конечно, в небольшом городе жители знали друг друга очень хорошо. И, чтобы самый почитаемый наследник из бояр вдруг так круто изменил свою жизнь, — такого тут еще никто не видывал.

Духовными подвигами своими Григорий заслужил иночество, а затем и священство. А в дальнейшем — и игуменство, то есть —

руководство самой обителью.

Зная его твердый дух, многие князья и вельможи приходили к нему за советом. В том числе и князь Звенигородский и Галичский Юрий Дмитриевич, после кончины преподобного Саввы Сторожевского жаждавший духовного учительства.

Говорят, что слишком большое почитание и авторитет, которыми преподобный Григорий стал обладать в галичских краях, заставили его изменить место своего обитания, дабы укрыться в большем уединении. Он покидает Галичский монастырь (уже после кончины князя Юрия Дмитриевича), отправляется в Ростов и остается здесь в обители Авраамия, а затем уходит в Спасский монастырь на Песках, где становится архимандритом и игуменом. Одной из причин его перехода в другие земли, а позднее — во владения князя Андрея Дмитриевича в вологодских землях, была, возможно, и та, что он не мог оставаться во владениях князя Галичского Юрия.

Как известно, в те времена Юрий Дмитриевич получил отказ в наставничестве и от преподобного Кирилла Белозерского. Во всем этом заметно было особенное влияние, в частности, митрополита Фотия, не возлюбившего претендента на Московский престол по завещанию Дмитрия Донского. Князя Юрия московские правители пытались оставить в глазах народа без духовного покровительства…

Однако и в ростовских землях преподобный Григорий не мог пребывать долго. Однажды ночью, тайно, он ушел из монастыря и из Ростова. Ушел на север, в леса, снова в свою сторону, но чуть западнее, к Вологде, туда, где позднее будут селиться «заволжские старцы». Он пришел в обитель к преподобному Дионисию Глушицкому, где попросил о келий. Таковую ему дали в отдалении, в лесу, в пустыньке. Здесь он обитал некоторое время в согласии с настоятелем. Но затем опять отправился в другие места.

Он вновь пошел на восток. У реки Сухоны, близ Вологды, Григорий заночевал и во сне услышал необычайный звон. Он шел от какого-то места. Преподобный взмолился: «Приими моление недостойного раба Твоего и сподоби меня достигнуть места, где прославится имя Твое и Пречистой Твоей Матери». С рассветом старец пошел туда, откуда слышал звуки, и попал на берег реки Пельшмы с ее притоками — Гремихой и Дрощеваткой, где и остановился. Так появился новый, в дальнейшем — общежительский монастырь, тот самый, что по сию пору называется Пельшемским (предположительный год основания — 1426-й).

Григорий говорил своей братии: «Чада мои и братия, пусть не

устрашает вас мысль о трудности и тяжести жизни в сих пустынных местах: лишь путем многих скорбей можем мы войти в Царствие Небесное. Путь же, вводящий в жизнь вечную, состоит в пощении, молитве, милостыне от чистого сердца, смирении и в любви нелицемерной».

Считается, что в 1433 году преподобный Григорий неожиданно пошел в Москву, где тогда великим князем стал Юрий Дмитриевич, отправивший своего низвергнутого племянника Василия Васильевича в град Коломну. И что будто бы сказал тогда старец: «Князь Георгий, подобало ли тебе принять власть, не упорядочив жития своего? Здесь тебя и детей твоих постигнет укор, поношение, досада, нестроение, раны и бесчестье, а там — суд. Не по строению Божию хочешь ты властвовать».

Услышав такие слова, князь Юрий стал просить у Григория благословения и прощения. А затем собрал поклажу, свое войско и… покинул Москву, уступил власть снова Василию и отправился, видимо, в Галич (возможно, вместе с преподобным Григорием, хотя по другим источникам Юрий первоначально уехал в Звенигород или в Рузу). Однако есть версия, что когда Василий Васильевич вернулся в отданную ему назад столицу, то, встретив там преподобного, воздал ему почести, а затем только отпустил его обратно на Пельшму.

Как мы говорили, история эта необычна. И она хотя бы как-то объясняет тот факт — почему вдруг князь Юрий отказался от Московского престола, до этого потратив годы на его возвращение по завещанию. Если все было так, как это преподносит поздний вариант Жития старца Григория, то перед нами уникальная картина, иллюстрирующая необыкновенную духовную силу и понимание жизни самим князем Юрием Дмитриевичем.

Трудно найти в истории цивилизации подобные примеры добровольного оставления с таким трудом полученной власти. И, кстати, история эта напоминает и оставление богатств, боярского рода и привилегий самим преподобным Григорием. Только такой выдающийся духовный наставник и подвижник мог убедить князя Юрия совершить подобный поступок. Личный пример проповедника здесь имел важнейшее значение.

Так же смело обличал преподобный и сына Юрия — Дмитрия Шемяку. Не будем сейчас останавливаться на странном несоответствии в разных версиях дат — когда это происходило. Предположительно (по версиям Жития), в 1430 или 1431 году, хотя вдруг возникает и 1433-й, так как события совмещаются с приходом Григория в Москву к Юрию («в та же лета»). Путаница, да и только. Но о ней немного позднее.

Известно, что князь Дмитрий Юрьевич подошел с войском к Вологде и осадил ее. Тогда, в суровую зиму, некоторые жители укрывались в монастыре преподобного Григория на Пельшме. В какой-то момент, по Житию, старец пошел к городу, направился к Дмитрию Шемяке и заявил: «Князь! Ты совершаешь не те дела, которые тебе приличны, но дела язычников, идеже в стране людей, Бога не знающих. Ты — православный христианин, а свою Русь воюешь, и воинство твое предает православных горькой смерти. Одни убиты, другие умерли от голода и стужи, многие пропали без вести. Плачут христиане — нищие, сироты и вдовицы, вопиют они к Богу против обидящих, и скоро Господь отмстит за них».

Вот тогда-то разгневанный Дмитрий приказал сбросить Григория с высокого моста в ров — прямо на лед. Старец сильно ушибся, но чудом остался жив.

В итоге осада Вологды ничего не дала Дмитрию. И, как известно, он проиграл в большой междоусобной войне.

Но нам важно знать еще и следующее. Как мы уже говорили, рассказ об этом событии в разных редакциях Жития Григория Пельшемского разнится. Например, вторая (поздняя) редакция повествует, будто Григорий пришел вначале «во град», а затем пошел к Шемяке. Двусмысленность породила предположение (об этом писал еще Ключевский), что Шемяка взял-таки Вологду и что, как пишет историк, «святой приходил к князю во град».

Во всяком случае, предсказание преподобного Григория сбылось — кара Шемяку настигла.

Вернувшись в Пельшемский монастырь, преподобный сделал еще много важного в своей жизни. И скончался по предположениям, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть — в 1449 году, в возрасте 127 лет (хотя называют и другие годы преставления, например, 1441 или 1442-й). Случай такого старчества и долголетия — совершенно уникальный в русской истории. Память его совершается в день кончины, 30 сентября (13 октября по новому стилю).

Известно множество чудес, связанных с его именем, что послужило основой для канонизации преподобного Григория в середине XVI столетия. Ныне он почитается как Пельшемский, Вологодский чудотворец.

Моления Иакова Железноборовского

На страшнем суде не поможет никто же кому.

Из Церковного устава князя Владимира, XIII в.

Из галичских бояр вышел и еще один подвижник, которого почитают поныне в здешних местах и по всей России. Речь о преподобном Иакове Железноборовском.

Известно, что происходил он из боярского рода Амосовых (Аносовых). Возможно даже, он был знаком не только с Авраамием Галичским, но и с преподобным Саввой Сторожевским еще в те времена, когда подвизался в Троицком монастыре у Сергия Радонежского.

В год 1392-й, когда преподобный Сергий преставился среди своих учеников и последователей, Иаков, получив благословение заведомо, отправился на отшельническое житье на север, почти одновременно с Кириллом, будущим Белозерским. Поселился он чуть восточнее — в лесных костромских чащах, в верстах тридцати от Галича, во владениях князя Юрия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского.

Он обосновался на берегу реки Тебзы, рядом с местом, где она впадает в реку Кострому и где когда-то были известные рудники, в которых добывали железо, так нужное для производства сельскохозяйственных орудий и военного дела. Рядом располагалось село Железный Борок, название которого запечатлело одновременно и рудник, и дремучий лес, а затем осталось в имени старца.

В построенной им самим келье преподобный прожил уединенно почти два десятилетия, воздвигнув также довольно редкую для этих мест церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи. Постепенно вокруг его обители взрастал большой монастырь.

В то время наступил период правления в Москве великого князя Василия Дмитриевича, старшего сына князя Дмитрия Донского. Но, несомненно, столь долго проживая рядом с Галичем, преподобный Иаков имел определенные связи с князем Юрием, который с особым вниманием относился ко всем подвижникам, которые обустраивали обители в его уделах.

Даже непростые отношения между братьями-князьями не остановили преподобного Иакова в неожиданном его хождении в стольный град Москву. Это было в 1415 году, когда супруга Василия 1 — великая княгиня Софья Витовтовна должна была родить очередного наследника (иные умирали в раннем возрасте) и в связи с этим находилась в недуге, фактически — при смерти. Положение было крайне тяжелым. И тогда великий князь Московский попросил старца Иакова Железноборовского помолиться о здравии супруги. Известны слова, которые

преподобный произнес для посланников от Василия Дмитриевича: «Пусть молится Богу, Пречистой Матери Его и святому мученику Лонгину, а о княгине пусть не скорбит; будет она здорова и в нынешний же вечер родит ему наследника».

Далее события развивались так. В тот же день, к вечеру, в келью духовника великого князя, который проживал в Спасском монастыре Московского Кремля (теперь там собор Спаса на Бору), пришел какой-то человек и сказал: «Иди сейчас к великому князю и дай имя сыну его — Василий». После чего незнакомец быстро удалился.

Духовник немедленно направился во дворец князя, но по пути встретился с посланниками, которые сообщили ему о рождении наследника. «Иди в покои великого князя, — заявили они, — и дай молитву великой княгине, так как она родила сына». Духовник при крещении дал новорожденному имя Василий. И, естественно, стал расспрашивать всех — кто же приходил к нему от князя еще ранее с советом и новостью. Выяснилось, что никого к нему тогда специально не посылали. В результате все пришли к выводу, что это было все по Божьему устроению, а также по молитвам старца — преподобного Иакова.

Софья Витовтовна благополучно принесла Московскому княжеству сына-наследника, который в реальности станет затем великим князем.

Конечно, после этого и Василий I, и тем более Василий II очень благоволили преподобному и его обители в Галичской земле. Жертвуя средства для монастыря, опекаемого князем Юрием, они тем самым признавали, что почитание обителей и Церкви было тогда в сознании даже враждующих сторон — выше любых мирских забот и распрей. Например, когда в 1429 году ордынцы из Казани напали и разграбили Галич и окрестности, то не преминули сделать то же самое и с монастырем. Братия, возвратившись из лесов, где переждала ужасный набег, с помощью и при поддержке князей восстановила полностью разрушенную обитель вновь, построив также новый храм Николая и пруды.

Скончался старец Иаков, как считается, 11 апреля 1442 года, в возрасте весьма преклонном. Известно, что позднее мощи его положили у левого клироса Предтеченского храма обители. На могилу поставили каменный крест и принесли его вериги. А затем стали вести записи многочисленных чудес, знамений и исцелений, которые происходили в изобилии.

Благодаря чудотворениям с начала XVII века преподобный Иаков стал местно почитаться святым угодником Божиим. Тому способствовало и обретение его мощей, которое произошло 5 мая

1613 года. Известно также, что в 1628 году при одной костромской церкви имелся придел во имя преподобного.

В XVI столетии было написано Житие Иакова Железноборовского, предположительно — тогдашним настоятелем монастыря, архимандритом Иосифом. Ничего более о преподобном неизвестно. Хотя о внешнем виде святого старца можно судить по «Иконописному подлиннику», в котором отмечено: «Преподобный отец наш Иаков, иже на Железном Борку, костромский чудотворец; подобием сед, брада аки Власиева, в схиме: из-под схимы кудерцы знать».

Память Иакова, угодника Божия, отмечается в день его кончины — 11 апреля (24 апреля по новому стилю) и в день обретения мощей 5 мая (18 мая).

Гипотеза 15.

И умер как святой, в рассветный нас,
Внушая ужас бледному народу.

К. Бальмонт

Из «Сказания о чудотворном образе Богоматери Овиновския иже явися во граде Галине» (по рукописи XVII столетия): *«Благоверный убо князь Димитрий Георгиевич Галический… повеле устроити второй киот, оной чюдотворной иконе, зовомой Овиновской… Егда убо князь Димитрий Георгиевич в болезнь впаде, и начать изнемогати, тогда прииде к нему от обители Пресвя-тыя Богородицы игумен преподобный Паисий з братиею: и рекоша к нему: сия убо болезнь вместо весника прииде ти… Князь же Димитрий Георгиевич, воздохнув вельми, из глубины серца свое-го, и рече… Да будет тело мое положено близ гроба отца моего, и тако завещав преставися. И по завещанию его, везоша тело его к Москве, и погребено бысть в церкве Архангела Михаила, подле гроба отца его Князя Георгия Димитриевича».*

* * *

Среди имен той эпохи это — стоит отдельно. Земные дни Дмитрия описать труднее, чем житие какого-нибудь скрывающегося от мира старца. Сын князя Юрия Звенигородского и тезка своего брата — Дмитрия Шемяки, проживший короткую жизнь и чуть переступивший порог юности, имевший свой взгляд на все происходящее, приласканный врагами отца, но не бросивший его даже в самые тяжкие минуты, любимый всеми, включая недругов, и скончавшийся (поговаривают — убиенный) при таинственных обстоятельствах, окутанных леденящими душу легендами, — он почитается в стольном граде Москве по сей день как праведник. В междоусобной борьбе он скорее помог двоюродному брату Василию, нежели отцу. Но князь Звенигородский выделял его как любимого сына.

Дмитрий был «неудобен» не только потомкам Юрия Дмитриевича, которых намеками также обвиняют в его ранней смерти, а скорее семье правящего великого князя, которая не только не знала, как отделаться от странноватого в поведении и непредсказуемого «союзника», но и боялась, что после победы над

Василием Косым и Дмитрием Шемякой этот праведник как раз и воспользуется народной к нему любовью, а значит — может неожиданно оказаться на троне.

Народ в трудные моменты истории не особенно думает — кто прав, а кто виноват. В поисках правды люди могут пойти за тем, кто покажется им в данную минуту наиболее справедливым и подходящим. А чем Дмитрий Юрьевич не великий князь?! И по нраву — умен и кроток, да и по праведности — «даст фору» всем своим близким и дальним родственникам.

Из потомков Дмитрия Ивановича и Евдокии Суздальской — сын Юрия, князь Дмитрий, был самым большим подвижником в русской духовной жизни. И ликом также был светел и красив. Потому и получил прозвище Красный.

Никто не стал более почитаемым из ближайших родственников в то время, как он. Лишь братец его — Иван, который постригся в монахи под именем Игнатий, также пошел по стезе поисков духовных. Но о высоком почитании или праведности его, тем более о преподобном его иночестве или подвижничестве, нам в подробностях ничего не ведомо.

Дмитрий Красный остался в памяти народной не только как заложник исторических обстоятельств, человек странно почивший и, возможно, как мы уже заметили, убиенный. Сама кончина его вошла в летописи, ибо потрясла всех, кто при ней тогда присутствовал, ее воспринимали как чудо и важное предзнаменование.

* * *

На заре Серебряного века, в самом начале XX столетия, те события эмоционально описал поэт Константин Бальмонт в своей поэме «Смерть Димитрия Красного. Предание». Текст этого произведения поможет нам рассказать и реконструировать то, что произошло в далеком уделе Бежецкий Верх в середине XV столетия, а точнее — в 1441 году.

Первые строки поэмы звучат так:
Нет, на Руси бывали чудеса,
Не меньшие, чем в отдаленных странах.
К нам также благосклонны Небеса,
Есть и для нас мерцания в туманах.
Я расскажу о чуде старых дней,
Когда, опустошая нивы, долы,
Врываясь в села шайками теней,

Терзали нас бесчинные Монголы.
Жил в Галиче тогда несчастный князь,
За красоту был зван Димитрий Красный.
Незримая меж ним и Небом связь
В кончине обозначилась ужасной.

После образного предисловия Бальмонт переходит к рассказу о самой кончине:

Смерть странная была ему дана.
Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал кручины,
  Кровь из носу без устали текла.
  Быть приобщен хотел Святых он Тайн,
  Но страшная на нем печать была:
  Вкруг рта — все кровь, и он глядел — как Каин.

Действительно, тогда и долгое время позже предполагали, что он вдруг заболел какой-то странной болезнью. Но никто нигде не упоминал — какой.

Толпилися бояре, позабыв
Себя — пред ликом горького злосчастья.
И вот ему, молитву сотворив,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.
  Димитрий успокоился, притих,
  Вздохнув, заснул, и всем казался мертвым.
  И некий сон, но не из снов земных,
  Витал над этим трупом распростертым.
Оплакали бояре мертвеца,
И крепкого они испивши меда,
На лавках спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвного народа.

Летопись рассказывает: «В ту же осень скончался князь Дмитрий Красный». И князь реально лежал перед своими дворовыми людьми бездыханным, о чем свидетельствовали знающие в этом толк люди, включая знахарей. Однако по прошествии трех дней неожиданно произошло то, что мы находим в документальных источниках. Потому и поэт заканчивает свои строки так:

И вдруг один боярин увидал,
Как, шевельнув чуть зримо волосами,
Мертвец, покров содвинув, тихо встал, —
И начал петь с закрытыми глазами.
  И в ужасе, среди полночной тьмы,
  Бояре во дворец народ впустили.
  А мертвый, стоя, белый, пел псалмы,
  И толковал значенье Русской были.
Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,
И умер как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

Некоторая «мистика» произошедшего заставила поэта Бальмонта написать весьма необычное предисловие к изданию сборника стихотворений. «В этой книге, — размышляет он, — я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немотствуют, не имея голоса, а иногда имея его, но не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я. У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь».

* * *

Дмитрий Юрьевич Красный родился в 1421 году, а скончался 22 сентября 1441 года. То есть прожил всего лишь 20 лет. Повторимся: он был младшим и любимым сыном своего отца — Юрия Звенигородского и Галичского.

Если учесть, что его матушка — княгиня Анастасия — скончалась довольно скоро после его рождения, то есть фактически на следующий год, то можно предположить даже, что сами роды были причиной ее ухода из жизни. Ведь она и до того довольно часто болела. Кстати, не к этому ли времени относятся послания Кирилла Белозерского к князю Юрию Дмитриевичу, в которых он упоминает о болезни Анастасии?! Именно о смертельной болезни.

В таком случае князь Юрий остался с младенцем на руках. При этом старший его сын — Иван — видимо, уже тогда ушел в монастырь.

В летописях Дмитрий Красный упомянут в 12 лет, под 1433 годом, когда он принял участие в походе на Москву своего отца и братьев, а затем — с ними же — при Костроме, все по тому же поводу — по душу Василия Васильевича.

Интересен тот факт, что когда Юрий Дмитриевич решил вернуть Московский престол Василию II снова (уже заняв его), то для этого он заключил с племянником особый договор. Сыновья его отказались подписывать такой документ. Со стороны же Василия текст заверили все братья Юрия (сыновья Дмитрия Донского). А сам Юрий привлек в качестве подписанта — Дмитрия Красного («Дмитрия Младшего»), утверждая, что тот будет блюсти его, Юрия, заветы и не станет вообще трогать никого из родственников.

О кончине своего отца, великого князя Московского, Дмитрий узнал, будучи во Владимире с братом — Дмитрием Шемякой («Дмитрием Старшим»). Он соблюдал условия договора, отказав Василию Косому в праве на Московский престол, за что потом получит благодарность от Василия Васильевича в виде удела Бежецкий Верх.

Василий II затем будет постоянно требовать от него подтверждения лояльности к нему и участия по тому самому договору с Юрием в разных военных походах. Пришлось Дмитрию в 1436 году отправиться с великим князем на Кострому воевать против собственного брата Василия Косого. На следующий год он появляется в Орде с Шемякой — чуть ли не воевать самого хана.

А ведь ему едва исполнилось 16 лет.

После этого, скорее всего, — молодой князь заболел. Активности никакой не проявлял. Переехал в свой Бежецкий Верх, где в нем жители души не чаяли, считая очень добрым и справедливым правителем. Здесь же он и скончался в 1441 году.

И как раз во время кончины произошла описанная нами (с помощью поэта Бальмонта) история.

Был ли он отравлен? Многие считают, что именно так. Уж очень большой популярностью пользовался молодой, но весьма образованный князь. Чуть ли не святой при жизни (так о нем говорили).

При этом в своей духовной грамоте Юрий Звенигородский завещал ему не что-нибудь, а Галичское княжество! А на него всегда очень претендовал Дмитрий Шемяка, предъявляя затем разные грамоты, удостоверяющие его право на Галичскую землю.

Жениться Дмитрий Юрьевич не успел и детей не оставил. Его называют святым благоверным князем — Бежецким и Галичским. И написано, что он «бысть в княжении Бежецкий Верх семь лет. Бяше сей воистину красный: яко же и честная его кончина добро

являет». Жил же Дмитрий «бояся Бога и соблюдая душу свою чисту».

Галич и Бежецк многим ему обязаны. В Бежецке он возвел себе на холме над Мологой — красивый дворец, рядом — храм Иоанна Богослова (не в связи ли с именем брата-инока?), а в нем — придел своего святого покровителя — великомученика Дмитрия Мироточивого. Здесь до начала XX века хранили иконы великомучеников Дмитрия и Георгия Победоносца, которые, как считалось по преданию, отдал сюда сам князь Дмитрий Красный. Вторая икона была связана с именем его отца — Юрия.

В «Сказании о чудотворном образе Богоматери Овиновския иже явися во граде Галиче» (создано, вероятно, в XVI столетии и частично вошло в «Житие прп. Паисия Галичского Чюдотворца», помещенное в Галичский рукописный сборник середины XVII века) об этом устроительстве князя рассказано так: «Князь Георгий Димитриевич Галический, преставися на Москве, а княжение свое Галическое вручил сыну своему князю Димитрию Георгиевичю Меншому… Егда приим власть Галическую князь Димитрий Георгиевич, тогда постави новый град Галичь над озером над посадом. Велию же веру стяжа ко Пресвятей Богородице, и часто во обитель Ея к чюдотворному образу прихождаше, которая обитель бяше в вотчине преди реченнаго болярина Иоанна Овина».

Князь Дмитрий умирал три дня, разговаривая с людьми и воспевая молитвы и духовные песнопения. Известны слова, которые он произносил, приходя в сознание: «Пётр же позна, яко Господь есть…» Когда князь умолк, то тело отправили в Москву. Везли его долго, почти три недели. А в Архангельском соборе гроб открыли — и увидели покойного совершенно нетленным.

Сегодня некоторые ученые утверждают, что необычное бальзамирование могло быть результатом действия сильного яда, ставшего причиной его смерти. Однако народ признал явление доказательством его святости.

В настоящее время гроб с останками Дмитрия Красного находится в одном саркофаге с его отцом — Юрием Звенигородским. Такое положение выглядит странным. Возможно ли думать, что это могло быть результатом какого-то специального завещания или просьбы сына или даже отца? Трудно представить, но…

Тогда еще никто не предполагал, что потом здесь же окажется и тело скончавшегося чуть позднее Василия Юрьевича Косого. Видимо, как мы уже и говорили, это было решение скорее не друзей, а противников. Им казалось, что все соперники должны быть наказаны, даже после кончины.

Сегодня в Иоанно-Богословской церкви Бежецка (XIX века, возможно, — спроектирована архитектором К. А. Тоном или кем-то из его круга), которая была построена в русско-византийском стиле, на стенах у паперти можно заметить росписи, где изображены Тверские и Московские князья. Тут мы видим подробные композиции, которые словно рассказывают нам известную легенду о князе Дмитрии Юрьевиче Красном:

Он пел три дня, не открывая глаз,
И возвестил грядущую свободу,
И умер как святой, в рассветный час,
Внушая ужас бледному народу.

Исчезновение сына Юрия — Ивана, инока Игнатия. Гипотеза 16

Инок наречется, понеже един беседует к Богу день и нощь.

Никон Черногорец, XI в.

Из книги «Физиолог. Слово и сказание о зверях и птицах» XIII века: *«Ласточкино гнездо в пустыне на распутье. Когда ослепнет один из птенцов ее, она отправляется в пустыню, и приносит травы, и кладет их на они его. И он прозревает. Так и ты, человек, когда согрешишь, то обратись к молитве и прими покаяние».*

* * *

В каждой книге бывает короткая глава.

Но данная — будет даже очень короткой.

Мы поговорим об «исчезнувшем» сыне князя Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского. О котором почти ничего не известно.

Исчезнувшем не только из русской истории, но и в буквальном смысле — из жизни княжеской семьи.

Для начала отметим, что большинство биографических справок о князе Юрии, разбросанных то тут, то там в научных изданиях или в популярных энциклопедиях, включая тот же самый Интернет, утверждают, что у него и у княгини Смоленской Анастасии было всего три сына.

Перечисление их имен стандартно: два Дмитрия Юрьевича (Шемяка и Красный, Старший и Младший), а также Василий Юрьевич (Косой). Разнятся лишь даты их жизни. И если о годах кончины детей еще можно говорить с какой-то степенью точности, то даты их рождений, как правило, все время меняются.

Лишь редкие издания включают в перечень сыновей Юрия Звенигородского имя старшего — Ивана.

Если учесть, что Василий Юрьевич (Косой) родился в 1403 году и был крещен преподобным Саввой Сторожевским, то, очевидно, что Иван родился ранее (раз он был старшим), между 1400 и 1402 годами. То есть после женитьбы князя Юрия на Анастасии (1400) и до рождения Василия.

Наиболее вероятным можно считать год 1401-й. А значит, скорее всего, само появление его на свет произошло в Звенигороде, где жили тогда родители. И вполне вероятно, что крещен Иван был также старцем Саввой Сторожевским.

Можно предположить, что Иван был назван в честь своего прадеда — князя Ивана Ивановича Красного, а может, даже и в честь прапрадеда — Ивана Калиты. Исходя из этого, можно попробовать угадать день его рождения, вспомнив святых покровителей этих великих князей Московских.

Покровителем Ивана Ивановича Красного считался святой Иоанн Лествичник.

Князь родился 30 марта 1326 года (летопись: «родися великому князю Ивану сынъ Иоан, марта въ 30, на память Иоана Лествичника»). Хотя тогда же празднуется память двух других Иоаннов — Иоанна Иерусалимского и Иоанна Безмолвника. Но спустя три года после рождения сына Иван Калита возвел в Московском Кремле церковь как раз в честь Иоанна Лествичника.

С самим же князем Иваном Калитой еще проще. Его тезоименитым святым покровителем был, скорее всего, Иоанн Креститель, изображение которого присутствует на княжеских печатях.

Дни этих святых не совпадают.

Имеет ли отношение к одному из них день рождения (крещения) сына Юрия Дмитриевича — Ивана? Пока точного ответа мы не знаем.

* * *

Что делал и как жил старший сын Юрия? Было бы интересно знать об этом. Но нам известно только, что он все время сам отстранялся от активной общественной, политической и военной деятельности. И с раннего возраста стремился к монашеской жизни.

Историк А. А. Зимин по этому поводу отмечает, что Иван «вероятно, был склонен к религиозной экзальтации, психической неуравновешенности или просто болен». Но он рассуждал так еще в советское время, тогда стремление уйти в монастырь считалось разновидностью «религиозной экзальтации».

Когда Иван Юрьевич ушел в обитель и стал иноком — мы точно не знаем. Было ли это в Саввино-Сторожевском монастыре? А почему — нет?!

Известно лишь то, что Иван Юрьевич принял в монашестве имя Игнатия. Какого Игнатия и почему? Здесь мы можем себе

позволить поразмышлять.

Святым покровителем носителей такого имени часто считали патриарха Игнатия Константинопольского (IX век). В древности говорили так — имя Игнатий важно, так как бережет от «злых духов», делая его носителя незаметным. Имя пришло на Русь через Византию, а в переводе с латинского языка («игнатус») означало «незнаемый» или «неведомый».

Лучшего имени для инока не найти. Ведь и само понятие «инок» также означает «один», даже что-то вроде «иной», «незнаемый».

Видимо, очень стремился сын Юрия уйти от реальной жизни. И это ему удалось.

Скончался он в монастыре. Одни летописи утверждают, что это произошло в 1432 году, тогда же, когда ушел из жизни брат Юрия — Андрей Дмитриевич. Таким образом, в этом случае Иван-Игнатий не дожил чуть-чуть до великого княжения своего отца.

Некоторые же замечают, что ушел он из жизни гораздо позже. Даже дату указывают — 22 сентября 1441 года. Однако она странно совпадает со днем кончины другого сына Юрия — Дмитрия Красного, а потому, скорее, — ошибочна.

Во всяком случае, в Архангельском соборе Московского Кремля могилы князя Ивана или инока Игнатия нет. И где он точно похоронен (в каком монастыре), неизвестно.

Так исчез из поля зрения старший сын великого князя Московского, а значит, возможный, но не состоявшийся его наследник — Иван Юрьевич, в иноческом именовании — Игнатий.

Глава восьмая. МЕЖДОУСОБНЫЕ ВОЙНЫ

Люди, господине, смиряй от лихого обычая.

Кирилл Белозерский — князю Василию Дмитриевичу

Жизненный путь князя Юрия Звенигородского и Галичского, как мы видим, не был усыпан розами и имел в некотором роде трагическую основу. Потенциальная сила, талант, разум, умение добиваться поставленных целей, энергия, целеустремленность и дар устроительства — все эти качества, которые были присущи сыну Дмитрия Донского, конечно же вызывали зависть, а потому сыграли для него не очень положительную роль.

Он созидал и изобретал, а ему говорили, что он тратит слишком много средств. Он покорял и завоевывал, а ему твердили — везунчик и обладатель многой корысти. Он создавал новые крепости и поднимал свои владения, претворяя в жизнь заветы своего отца, приглашая лучшего духовника Руси в свою отчину, а ему утверждали — хочет возвыситься, мечтает захватить власть, примеривается к великокняжескому трону, не почитает своего старшего брата.

Сильное боярское окружение, которое фактически держало власть в Москве и влияло на большинство решений и поступков Василия Дмитриевича, не приветствовало Юрия Звенигородского, а вместе с ним — старалось умалить все его главные заслуги. По их мнению, князь Юрий мог возвыситься до такой степени, что его авторитет вырастал в глазах всей Руси и становился слишком сильным. Вот почему уже в это время в кругах, стоящих рядом с Василием I, стала зарождаться идея — не отдавать великокняжеский престол Юрию. Приближенные усердно вкладывали ее в сознание старшего сына Дмитрия Донского. Не говоря уже о жене — Софье.

Единственным сдерживающим фактором продолжало оставаться мнение великой княгини Евдокии — вдовы Дмитрия Ивановича. Она никогда бы не позволила нарушить завещание мужа, а потому и оставалась гарантом того, что государственное устроение должно было соблюдаться так, как повелось исстари, как хотел ее покойный супруг. То есть — власть должна

передаваться от старшего брата к следующему брату, и никак иначе. Именно так было записано в завещании ее мужа, и она была объявлена блюстителем такой передачи власти.

В этом случае преемником Василия становился Юрий. При жизни Евдокии никаких изменений в этой последовательности просто не могло бы произойти. Ее авторитета было бы достаточно, чтобы пресечь любые поползновения или разговоры на данную тему. Но жизнь Евдокии к тому времени уже подходила к закату, она была очень стара, вообще отошла от дел мирских, а в последние дни — постриглась в монахини, приняв имя Евфросиния. Ее влияние уменьшалось.

Однако идея передать престол собственному сыну, а не брату Юрию, все настойчивее витала в окружении Василия.

Начало серьезных родственных распрей

Добрые дела ординьские той тебе вознóминал, и то ся минуло…

Из письма Едигея — Василию I

«Повесть о Едигеевом нашествии», первая четверть XV века:

«Юный старцевъ да почитают и сами едини без искуснейших старцевъ всякого земльскаго правлений да не самонинную́ют, ибо красота граду есть старечьство, понеже и Богомь почтено есть старечство».

* * *

Впервые великий князь Московский Василий Дмитриевич отметил письменно возможность передачи власти в Москве одному из своих наследников в 1406 году. В первом варианте своей духовной грамоты.

Почему он сделал это именно тогда? Ведь его жизни, кажется, ничего пока не угрожало. Но мы знаем, что на момент записи митрополита Киприана уже не было. Возможно, чуть ранее, по его совету, дабы святитель мог приложить к духовной грамоте и свою подпись, и свою митрополичью печать, князь решился продиктовать такой текст. Но митрополит только что скончался, и его подписи на грамоте нет.

Передача власти сыну «звучала» в духовной, правда, не в категоричной форме и с весьма расплывчатой формулировкой: «а даст Бог».

Хотя идея передачи власти сыну появилась в кругу Василия, но тогда еще никак не могла быть осуществлена. По причине исключительно «материальной», физической, можно даже сказать — физиологической.

Дело в том, что исторически в семье у Василия Дмитриевича рождались здоровые девочки, а мальчики, если и появлялись на свет, то по стечению обстоятельств были слабы и болезненны. Несколько его сыновей умерли еще в детском возрасте: Юрий, Даниил и Семен. Надежду свою Василий возложил на сына Ивана, родившегося в 1396 году. Но и тот позднее, в 1417 году, неожиданно для всех отдаст Богу душу, всего лишь спустя полгода после своей свадьбы!

Еще один сын — Василий — родился у великого князя лишь 10 марта 1415 года. Последняя надежда, ведь матери — Софье — стукнуло уже 44! Он-то и станет будущим наследником и великим князем Василием Васильевичем.

Роды были крайне тяжелыми. Софья Витовтовна лежала при смерти. Василий Дмитриевич даже вспомнил о преподобном Иакове Железноборовском, который как раз в это время пришел в Москву. Он просил тогда старца молиться о здравии жены. В итоге все прошло хорошо (подробнее об этом мы уже рассказывали в предыдущей главе книги «Заступники и покровители»).

Еще у великокняжеской четы будет четыре дочери. В 1393-м родилась Анна. Ее удачно и с большими надеждами на будущее выдали в 1407 году замуж за византийского наследника — цесаревича Иоанна Палеолога (того, который потом станет императором Византии и получит титул Иоанна VIII). Может быть, по этой причине — желанию породниться с великими православными монархами — Василий так стремился помочь Византии с обозом серебра, привезенного Юрием из Волжской Булгарии?!

Вполне вероятно, что идея Третьего Рима уже витала при Московском дворе. Но Анна «подвела». Скончалась в 1415 году еще до того, как Иоанн возглавил империю.

Другая дочь — Анастасия — стала женой князя Слуцкого Александра Владимировича Олелько, увы — не императора из Царьграда. Но прожила долгую жизнь (скончалась в 1470-м). Остальные — Мария и Василиса — вышли замуж за князей, но без особенных значительных последствий.

А в это время многие говорили, что великим князем Владимирским и Московским (после кончины Василия) может и должен стать Юрий Дмитриевич, как более умелый, энергичный и целеустремленный правитель. К тому же он создал крепкую семью, венчавшись с княгиней Смоленской Анастасией, и она уже родила ему двух здоровых сыновей, а в будущем подарит еще и третьего, и четвертого. Ну кто «стерпит» такое?!

После кончины вдовы Дмитрия Донского — Евдокии никто уже не мог играть роль арбитра между сыновьями в вопросах престолонаследия. Князь Юрий просто самим фактом своего существования становился крайне опасен для Москвы, ее властителя и окружавших его бояр.

Всё поменялось в один день, почти сразу после наступления нового, церковного 1408 года…

* * *

Неожиданно для всех довольно протяженная по тем меркам мирная жизнь Москвы и окрестных земель, длившаяся почти десятилетие, закончилась. В 1408 году на Русь из Орды пришел Едигей с большим войском и страшно разорил московские земли.

Он держал столицу в тяжелой голодной осаде, полностью сжег все ее предместья, не пощадил близлежащих городов, а также разграбил и привел в запустение Переяславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород и Городец.

Такого опустошительного похода со стороны Орды Русь уже давно не знала. Как будто вовсе и не было Куликовской битвы, а недавнее пришествие Тохтамыша в 1382 году, в результате которого Москва была сожжена, уже не казалось в сравнении с данным более ужасным.

Москва не погибла совсем, откупившись 3 тысячами рублей. Это была малая часть компенсации за почти 12-летний молчаливый и достаточно демонстративный отказ платить дань.

Едигей предупреждал о «наказании» неоднократно. И свое обещание выполнил. Он добился уплаты ордынского выхода и пусть даже частично, но все же восстановил сюзеренитет ордынского хана над великим княжением на Руси.

Известно, что современники событий и ближайшие потомки воспринимали нашествие Едигея в 1408 году как реальное наказание свыше за новые грехи новых правителей. Ведь до этого довольно долгое время Москва была ограждена от подобных набегов. Даже Тимур повернул в другую сторону от Руси. А тут…

Появились различные варианты «Повести о нашествии Едигея» (такие, как в Сводах 1412 и 1479 годов, а также — в Тверском сборнике), в которых читаем, что в предшествующий набегу Едигея период княжения Василия I вся «земля Русская» сначала вполне благоденствовала и хранилась от вторжений «ограждением Пречистыя Богоматери». Так, как это случилось в 1395 году, при выносе Владимирской иконы и спасении Москвы от Тамерлана. Но что-то случилось, по мнению авторов «Повести», и великий князь вдруг стал пренебрегать советами «старцев», что, собственно, и привело к стенам столицы Едигея.

Примечателен факт, память о котором оставила свой след в истории того разорения Московской Руси. До сих пор трудно определить — был ли захвачен и опустошен Едигеем город Звенигород и вотчина Юрия Дмитриевича. Среди перечней разграбленных им городов Звенигород не упоминается. Похоже, ордынское войско обошло его стороной. Осталась нетронутой и возникшая недавно обитель Саввы Сторожевского. Да и далекий Галич был в стороне от разорений. Но почему?

То ли по причине очень мощных стен Звенигородской

крепости-кремля и удачно отстроенных укреплений за эти годы, то ли по причине уважения к князю Юрию, которым он тогда пользовался на Руси. Или же в память о силе воина — сына Дмитрия Донского, сумевшего покорить города Булгар и Казань.

А может быть, Едигей уже знал или предполагал по донесениям из русского улуса, что Юрий невольно попал в оппозицию к брату Василию? То есть призывы покойного митрополита Киприана, начавшего составлять для Василия Дмитриевича летописные своды, где главной идеей стали необходимость дружбы с Литвой и полное недоверие к татарско-ордынским ханам, были, по мнению Едигея, не совсем близки князю Звенигородскому. А это значило, что ордынскому политику и стратегу вовсе не стоило ослаблять неожиданно возникающего «союзника», пусть даже пока не реального, но потенциального — в будущем.

Еще одно совпадение, которое можно отметить как примечательное. В год кончины старца Саввы — 1407-й — то есть буквально накануне своего похода на Русь в 1408-м, Едигей собрал ордынское войско и отправился с набегом на… Волжскую Булгарию. На ту самую Булгарию, которую с десятилетие назад разорил Тимур и обошел с дружиной князь Юрий Звенигородский и которая вряд ли успела оправиться после таких походов.

Возможно, что Едигей не только прекрасно знал и понимал стратегию и планы действий полководца Юрия Дмитриевича, но и даже изучал их. Не исключено, что ордынский правитель также уважал сына Дмитрия Донского как воина и полководца. Ведь тогда уже в Орде возникает идея героического эпоса (позднее названного именем Едигея — «Идите»), воспевающего богатырские достижения и военную удаль, о котором мы уже рассказывали (см. главу «Поход на Волжскую Булгарию»).

В 1390-е, когда Едигей только становился фактическим главой Золотой Орды, князь Звенигородский уже отправился «на булгар». У Едигея было множество врагов и проблем, которые приходилось решать буквально ежедневно и ежечасно. А тут еше и эти русские, которые двинулись в его улусы!

Тогда мог предполагать Едигей и самое невероятное: а вдруг дружины Юрия Звенигородского направятся после Булгарии в сторону ордынских земель? Ведь у них могло быть достаточно сил, раз они способны стали на такое военное предприятие, как захват главных булгарских городов-крепостей?! И ответить Едигею тогда было сложно. Ведь Орде приходилось в тот момент воевать с самой Литвой, рыцарями Тевтонского ордена и ханом Тохтамышем, которых Едигей, в конце концов, в 1399-м и разбил на реке Ворскле. Победа была не из легких, в итоге ему пришлось

с очень ослабленным войском быстро уходить в свои края.

Но русская дружина, отягощенная богатой добычей, вернулась из Булгарии восвояси. Князь Юрий направил обозы обратно в свои уделы. С Ордой он не ссорился. Вот почему Едигей, воспринимая в 1407 году Волжскую Булгарию как неприятеля Золотой Орды, мог считать Звенигородско-Галичского князя, победившего тех же булгар, пусть и символически, но все-таки в некотором роде «союзником» в этой борьбе. Дружина Юрия настолько ослабила сопротивление этой страны, что Едигею вообще практически не пришлось воевать при появлении в здешних городах.

Кроме этого, когда Едигей совершил свой набег на Волжскую Булгарию, то не просто усмирил своего своенравного вассала, но и вновь обрел давнишнего соратника и союзника. А теперь вспомним, что в Звенигороде в это время (и уже в течение нескольких лет!) могло проживать довольно большое количество пленных из поволжских булгарских городов. О наличии таковых повествуют летописи. А для Едигея булгары теперь уже вовсе не были врагами. Покоренные им вновь, они продолжали быть частью Орды, как и ранее — союзниками. Зачем же с ними воевать и их разорять?!

Известно, что Едигей будто бы дал одно обещание, когда появился в городе Булгар. Оно было образно записано в тюркском эпосе XV века «Идиге» (так по-татарски произносится имя Едигея). В этом тексте, как мы помним, герой упоминает князя Юрия Звенигородского, нанесшего значительный урон булгарским землям во время похода по благословению старца Саввы Сторожевского. И якобы обещает убить его.

С бородою обросшим ртом,
Князя, что ворвался в наш дом
И четырнадцать городов
Истребил огнем и мечом,
И лопатами загребал
Множество золотых монет,
Я заставлю держать ответ:
Злато вернуть заставлю я,
И врага обезглавлю я.

На деле, как мы видим, все вышло наоборот. Получилось, что Едигей не стал выполнять свой замысел (если только желание «обезглавить врага» — это не позднейшая выдумка автора эпоса). Политика иногда из прежних врагов довольно быстро делает (пусть и на время) союзников.

Хотя своего заклятого врага хана Тохтамыша (заклятого же врага и для Руси) Едигей все-таки убил чуть ранее, в 1406 году. Так, руками ордынцев, русские добрались до того, кто жестоко отомстил им за победу на Куликовом поле. Один из сыновей Едигея (а у него было «70 сынов от 30 жен») обезглавил не Звенигородского князя, а хана — поджигателя Москвы, о чем также поведал эпос «Идиге»:

Голову Токтамыша храбрец
Из переметной достал сумы,
Бросил к ногам Идегея ее…

Во всяком случае, не стоит сбрасывать со счетов и эти, пусть и предположительные, аргументы в попытке понять — почему Едигей обошел Звенигород и Галич стороной.

Таким пришел на Русь 1408 год. Как ураган, Едигей с войском неожиданно пришел из Орды в московские земли…

Василий I сам был виноват в произошедшем. Ведь почти десять лет Москва находилась в мире с Золотой Ордой. Однако литовские родственники постоянно подталкивали Василия Дмитриевича к тому, чтобы каким-то образом «показать себя» восточному соседу. Тем более что в Орде уже давно происходила борьба между Тохтамышем и Тамерланом, крепкая держава, казалось, ослабевала. Воспользовавшись этим, Василий несколько необдуманно и слишком рано счел себя свободным от выплаты ордынской дани.

Возмущенный Едигей направил в Москву грамоту, в которой жаловался, что «прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды», а вот нынче почти перестали это делать. И добавлял: ханских посланников вообще «на смех поднимают». Припомнил Едигей и то, что со времени появления Тамерлана Василий так и не побывал в Орде и даже не посылал туда детей, князей или бояр.

Самым аргументированным в грамоте Едигея стало обвинение великого князя Василия в том, что он, посылая в Орду жалобные грамоты, просто-напросто лгал, утверждая, будто платить ему нечем, а сам «брал с двух сох по рублю», а потом неизвестно куда все это девал.

Этого было достаточно, чтобы напасть на Москву. Поход Едигея был очень удачен.

В эпосе «Идиге» повествователь описывает своего героя в самых торжественных эпитетах:

Я возглавил отважных людей,
Я вершины достиг золотой,
Воедино собрал народ,
Слил его я с Белой Ордой.
Отмечал я тех, кто храбрей,
Возвеличил богатырей.
Тех, кто бился, себя не щадя,
Тех, кто ведал дело войны,
Я поставил по праву вождя…

С таким правителем Орду могли ждать и другие великие победы. А для земли Московской неосмотрительность обернулась очередной жестокой трагедией.

* * *

В тот год, когда княгиня Софья родила наследника, вдруг «погоре град Москва». Тогда же, в 1415-м, летом, июня седьмого дня жители столицы лицезрели пугавшее их явление — «изгибе солнце и скрылуча свои от земля в 4 час дни… и звезды явишася яко в нощи». Почти полное солнечное затмение. Знамение не с чем было сопоставить, разве что с рождением младенца.

А тут как на грех случились настоящие беды — моры по всей Русской земле. В 1417 году вымирали крупнейшие города — Тверь, Новгород, Псков, подмосковный Дмитров да и сама столица. Именно тогда скончались сразу три сына-наследника князя Владимира Храброго. Это было для семьи, постоянно претендовавшей на свою долю от большого московского пирога, настоящей и уже совершенно непреодолимой трагедией.

Скончался в тот же год от мора и сын Василия I — Иван, «зело превозжеланный ему». Настоящая трагедия для семьи, где наследники не выживали. Не по этим ли всем причинам Василий Дмитриевич создает новый текст своего завещания?! Ведь главного фигуранта старой духовной грамоты не стало. Надо было отметить это юридически, записав новый передел всех удельных земель. Он диктует вторую духовную грамоту, где опять совершенно не упоминается князь Юрий (как будто его не существует). И уже гораздо смелее называет своего только что родившегося сына — Василия Васильевича — наследником великокняжеского престола. Подпись великого князя заверил по-гречески митрополит Фотий.

Но и это не стало тогда поводом для того, чтобы Юрий

Звенигородский и Галичский предпринял какие-то действия против брата. Он, как теперь становится ясно, не собирался этого делать и ни разу не покушался на его жизнь.

С. М. Соловьев пишет в своей «Истории России с древнейших времен»: «До нас дошли также договорные грамоты Василия Димитриевича с родными его братьями. В них нет отмен против прежних подобного же рода грамот. Для объяснения последующих событий нужно заметить, что князья Андрей и Петр Димитриевичи обязываются в случае смерти Василия блюсти великое княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится».

Василий предпринимал различные попытки уговорить братьев на поддержку изменения сути завещания Дмитрия Донского. Более слабые по положению — они были на его стороне. Но не Юрий, который стоял на своем.

Князя Звенигородского неожиданно поддержал самый младший брат — Константин. Тот самый, что родился за несколько дней до кончины Дмитрия Донского и не был наделен имуществом и уделами в тексте его духовной грамоты.

В первом своем завещании Василий Дмитриевич не мог не отдать кое-что и ему (после конечно же своего сына): «А брата своего и сына, князя Константина, благословляю, даю ему в удел Тошню да Устюжну по душевной грамоте отца нашего, великого князя». Но затем, при составлении второго варианта завещания, Василий (в 1419 году) заставляет братьев принять старейшинство их юного племянника (которому на тот момент было четыре года).

И тут вдруг Константин выразил свой протест, поддержав Юрия Дмитриевича.

В отместку Василий отнимет у него удел (вновь нарушив завещание Дмитрия Донского), и Константину придется бежать в Новгород. Но ненадолго. Властолюбивый князь Московский умел убеждать. Деваться было некуда, и младший брат временно согласится с мнением старшего.

В 1422 году князь Юрий похоронит свою супругу — Анастасию. А на Руси начнется такой страшный голод, что в городах будут употреблять в пищу собак, кошек и павших лошадей. Летописи коротко отметили: «и люди людей ядоша».

Что-то не совсем ладилось у Василия Дмитриевича.

* * *

Великий князь Московский скончался 27 февраля 1425 года.

Возможно, от эпидемии оспы, которая разгорелась в Москве. Погребение состоялось в Архангельском соборе, у южной стены храма, рядом с отцом — Дмитрием Донским. Нынче на его надгробии мы можем прочитать: «В лето 6933 февраля 27 преставис(я) благоверный князь великий Василей Дмитреевич».

Он ушел из жизни, успев составить еще один, третий вариант завещания. Предположительное время написание документа — март 1423 года. Внизу грамоты также есть подпись митрополита Фотия на греческом языке.

К грамоте подвешена печать из желтого воска — Василия Дмитриевича. Датировка произведена была по списку XV века, где на обороте листа сохранились две важные надписи, первая: «список з грамоты, что поймал Олексеи з собою в Литву, коли с митрополитом поехал с Фотеем на середохрестье» и вторая: «список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексеем в лето 30 первое, з середохрестья». Средокрестьем назывался день середины Великого поста (среда четвертой Крестопоклонной недели поста). Но даже это обстоятельство не замедлило решительных действий митрополита.

В грамоте все было сформулировано четко. Великокняжеская власть переходила к сыну — Василию. Он был еще в возрасте десяти лет, а потому требовался опекун-покровитель. Им могла бы стать мать — Софья Витовтовна. Но для Руси нужен был авторитет посерьезнее.

Выбор Василия пал на все еще могущественного великого князя Литовского Витовта. Да и кто мог предполагать иное?!

Даже невзирая на то, что он фактически уже не имел никакого отношения к православию.

В духовной грамоте написано так: «А приказываю сына своего, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту, как ми рекл, на бозе и на нем, как ся имет печаловати, и своей братье молодшей, князю Ондрею Дмитриевичю, и князю Петру Дмитриевичю, и князю Семену Володимеровичю, и князю Ярославу Володимеровичю, и их братье, по их докончанью, как миркли».

О родном брате — князе Юрии Дмитриевиче Звенигородском и Галичском — ни слова!

И снова зададим один и тот же вопрос: почему Василий не хотел передать престол Юрию?

Попробуем в очередной раз кратко на него ответить.

Во-первых, из-за влияния Литвы (князя Витовта), которая была против Юрия («литовская» и «смоленская» партии). Из этого вытекали остальные причины.

Во-вторых, из-за его ревности к брату, возникшей еще со

времен ордынского плена, и особого выделения Юрия в роду Донского.

В третьих, из-за влияния на него митрополита Киприана.

И в четвертых, из-за влияния супруги — Софьи Витовтовны, которая, кроме имевшихся у нее «политических» убеждений, была просто-напросто еще и очень самовластной женщиной.

Но русская история не была бы таковой, если бы не сохранилась еще одна версия событий, связанная с завещанием Василия I, по которой будто бы он оставил великое княжение… брату — Юрию Дмитриевичу! И будто бы вдова — Софья Витовтовна — успела эту духовную грамоту (связанную с именем Юрия) уничтожить, а старую — приберечь и потом всем показать. Эту странную легенду, собственно, породил пребывавший век спустя в России австрийский посол Сигизмунд Герберштейн. Вот что он отметил в своих «Записках о Московии»: «Василий Дмитриевич не любил своего единственного сына Василия, так как подозревал в прелюбодеянии свою жену, от которой тот родился, поэтому, умирая, оставил великое княжение Московское не сыну, а брату своему, Юрию, но большинство бояр примкнуло все же к сыну».

Естественно, что подтверждение этим словам найти трудно, если вообще возможно. Хотя с легкой руки Герберштейна мы становимся свидетелями еще более серьезных намерений и действий так называемой «литовской партии», которая ради достижения своих целей, как видим, не постояла бы ни перед чем.

Впрочем, пусть данное утверждение остается на совести иностранца, исправно умевшего собирать всевозможные слухи, некоторые из которых, правда, почему-то оказывались вовсе и не слухами.

Василий Темный на Московском троне

И имения, и высоты
престольныя, и нести обещая.

Слово Григория Назианзина,
XI в.

Из Севернорусского летописного свода 1472 года: *«В год 6933 (1425). Скончался благоверный и христолюбивый князь великий всея Руси Василий Дмитриевич двадцать седьмого февраля во вторник в три часа ночи. В ту же ночь митрополит Фотий в Звенигород Иоакинфа послал за братом князя Юрием, но тот, не заходя в Москву, направился к Галичу, а на великое княжение сел Василий Васильевич. И князь Юрий заключил перемирие с ним до Петрова дня… В год 6938 (1430). В Смоленске объявился волк голый, без шерсти, и многих людей поел, а на Троках озеро стояло семь дней кровавым. И в год тот Витовт умер, пробыв на великом княжении тридцать восемь лет. А сел на княженье после него Свидригайло. Князь же Юрий расторг мир с великим князем и, Галич оставя, захватил, пойдя, Нижний Новгород; и князь великий послал на него войско с дядею своим, князем Константином».*

* * *

Сын Василия I стал великим князем вопреки всему.

Вопреки завещанию деда — Дмитрия Донского. Вопреки желанию настоящего наследника — князя Юрия Звенигородского и Галичского. Вопреки естественному желанию любого ребенка остаться в своем детстве и не бросаться в гущу «взрослых» проблем.

Он только отметил свое десятилетие, а его возвели на Московский престол. По воле отца — Василия Дмитриевича. По горячему хотению другого деда и родной матери — великого князя Литовского Витовта и Софьи. По слабохарактерности родных дядей — сыновей Дмитрия Ивановича.

Так в 1425 году Русь встретила нового великого князя Владимирского и Московского, Василия Васильевича, в будущем прозванного Темным.

Он пока еще не был утвержден ханом-царем, без ярлыка которого ничего не могло быть признанным окончательно. Но в духовной грамоте покойного Василия I он назван наследником,

что перечеркивало текст такой же грамоты его великого деда.

Князь Юрий Дмитриевич оказался перед дилеммой: признать племянника или соблюдать право наследования?

И он взял, как принято нынче говорить, паузу. В таком деле спешка — не лучший способ решения проблемы.

А для мальчика-правителя (по летописи — отроду 10 лет и 16 дней) наступила новая жизнь, исполненная тревог, борений и трагических последствий. Он сделает немало хорошего, но и натворит не меньше — того, о чем лучше не вспоминать. Память о нем осталась неоднозначная. В официальных источниках ему поется панегирик, они выстраиваются в тома хвалебных характеристик, а редкие записи иного свойства исполнены горькой правды.

Как, например, та, что была оставлена на книге XV века (то есть сделана рукой очевидца событий), где под 1462 годом рассказывается о кончине Василия II (умер он от туберкулеза легких — «сухотной болести»): «В лето 6 тысящное девисотное семидесятое месяца марта 28 день на память святаго преподобнаго отца нашего чюдотворца Стефана и святаго Лариона Новаго в 3 час ноши об нощь святаго воскресения преставися раб божий князь великий Василий Васильевич». И далее на полях есть запись более красноречивая, которая сделана, возможно, рукой летописца: «Июда душегубец, рок твой пришед».

* * *

Родился Василий Васильевич по разным данным в разные дни. Путаница связана с тем, кого считать его святым покровителем. По крайней мере, точно известен год — 1415-й. А вот месяц и дата могут быть такими: 10 марта, 15 марта или 21 марта.

Именно последняя дата приближает нас к некоторой точности. Это канун праздника памяти святого Василия Анкирского. Похоже, что именно его лик изображен над гробницей Василия II в Архангельском соборе Московского Кремля.

Мы помним, что рождение князя предсказал выходец из Галичских земель, святой Иаков Железноборовский, который, собственно, и посоветовал родителям дать ему имя Василий. Хотя у младенца и его тезки-отца небесные покровители были разные.

На трудные роды в 44 года могла решиться не каждая женщина. Но Софье так был нужен еще один мальчик! Ребенок оказался крайне дорогим для родителей не только по этой

причине. Это был нужный для них на тот момент еще один реальный наследник. Потому, когда он вообще остался один среди мальчиков, — его пестовали как могли. Внук Дмитрия Донского, правнук Ивана Ивановича Красного, должен был стать по плану отца великим князем.

Он будет у власти 38 лет — почти рекордный срок для его родственников. За редкими месяцами исключений, когда ему пришлось освобождать Московский престол для дяди — князя Юрия Дмитриевича (и его двух сыновей).

В момент малолетства Василия II фактически правил митрополит Фотий. Это с его именем потом будут связывать происхождение на Руси известной шапки Мономаха, ставшей символом царской власти в Москве. Позднее возникали версии, что именно по приказу Фотия ее изготовили в митрополичьих мастерских, а затем он создал легенду, будто сам византийский император Константин Мономах когда-то передал ее в дар князю Владимиру Мономаху. Именно данную шапку, чем-то напоминающую головной убор, который носили современные Фотию ордынцы, он и готовил к венчанию на великое княжение юного Василия Васильевича.

Новой власти требовались новые символы. И эти символы должны были быть еще более «старыми», нежели «грамоты или документы» других претендентов на Московский престол.

Вот что писал о начале правления нового великого князя историк А. А. Зимин: «Сразу после смерти Василия I реальная власть в Москве перешла в руки энергичных правителей — властолюбивой княгини-вдовы Софьи Витовтовны, волевого митрополита Фотия и деятельного боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского. Наибольшим влиянием из них при дворе пользовался митрополит. Решив сразу же покончить с какими-либо недомолвками (в первую очередь с претензиями Юрия Дмитриевича на великокняжеский престол), митрополит Фотий уже в ночь смерти великого князя направляет в Звенигород к князю Юрию своего боярина Акинфа Ослебятева. Он должен был передать приглашение дяде малолетнего великого князя явиться в столицу и присягнуть на верность Василию II, т. е. подчиниться его воле. Выбор гонца был сам по себе удачным: родич героя Куликовской битвы Осляби должен был внушить доверие к себе сыну победителя Мамая. Однако князь Юрий, собравшись было ехать по собственному почину в Москву, переменил решение. Вероятно, он усмотрел в приглашении опасность для себя и повернул к Галичу. Это было в Великий пост, т. е. между 25 февраля и 7 апреля 1425 года».

Интерпретация событий, увиденных историком с позиции

общего и полного приятия «правильности» власти, полученной Василием Васильевичем, требует, однако, некоторого осмысления и даже корректировки. По мнению А. А. Зимина, «виновником» всего происходящего стал князь Юрий Звенигородский. «Жребий был брошен, — пишет историк. — Непослушание удельного князя подлежало наказанию, что, конечно, понимал и сам князь Юрий. Приняв решение сопротивляться намерениям московских властей, он тем самым показал свое стремление начать борьбу за великое княжение. В той обстановке Юрий Дмитриевич должен был или покориться, или победить. Третьего исхода теперь уже не существовало. Князь Юрий избрал борьбу за власть и, очевидно, сразу предъявил свои права на великое княжение, опираясь на завещание Дмитрия Донского».

Нам кажутся неудачными эпитеты или определения по отношению к князю Юрию, вроде таких: «непослушание», «сопротивление», «борьба за власть». Разве наследник, имеющий свои права и умеющий подтвердить их, мог быть «непослушным» и «сопротивляющимся»? Будучи «нелюбимым» братом покойного великого князя, он при этом не был «незаконным»! Юрия могли отстранять, «отодвигать», «забывать» в документах, делать вид, что его вовсе и нет, но ведь это не значило, что его на самом деле не существует! У него было достаточных «рычагов», чтобы его правота была признана мирным путем. Но его правота была гораздо большей, нежели Василия-младшего. Если вообще доказательства последнего могли бы быть принятыми. Ведь и позднее он избегал ссылок на документы, которые утверждали вовсе не то, что бы ему хотелось.

А значит, князь Юрий поступал по праву, а не по желанию сопротивляться!

Таким образом, отъезд Юрия Дмитриевича в Галич не являлся неподчинением или началом войны против племянника. Это был естественный поступок, связанный с личным самосохранением, учитывая обстоятельства, при которых само существование законного наследника могло стать причиной его гибели. Ведь, даже предъявив документы, подтверждающие его власть, он мог лишиться не только их самих (они могли быть уничтожены), но и собственной жизни.

Юрий выбрал единственно правильное для себя решение — отойти в сторону, не делать поспешных выводов и не совершать обостряющих поступков. И уж тем более — не развязывать военных действий и не применять иных силовых акций, которые ему так упорно приписывают многие историки.

Дальнейшие события лишь подтверждают эту мысль. Не Юрий начал поход на Москву, а как раз наоборот — Василий

Васильевич немедленно пошел на Кострому и Галич, нарушив заключенное перемирие. То есть — воевал за престол не сын Дмитрия Донского, а наоборот — как будто обретший его внук!

Таким образом, происходившее в тот момент можно охарактеризовать так. Юрий пытался решить проблему с наследством путем переговоров, а Василий II — с помощью силы. А значит, вместо понятий «непослушание» и «сопротивление» (по отношению к Юрию) правильнее было бы употребить определения «агрессия» и «захват власти» (по отношению к Василию).

Эти важные положения могли бы в корне изменить отношение наших современников к происходившим событиям. Тем более что факты подтверждают их очевидность.

* * *

Интересен факт, зафиксированный в поздней Софийской II летописи, связанный с моментом кончины Василия I. Когда митрополит Фотий в день смерти великого князя послал «по брата его князя Юрия», то оказывается, что Звенигородский и Галичский князь уже «иде на Москву из Звенигорода». То есть он сам направлялся в столицу. И, возможно, по двум причинам: либо занять престол в качестве наследника, либо обсудить это с опекунами юного Василия Васильевича. Видимо, он предполагал начать родственное обсуждение сложившейся ситуации и конечно же принять участие в похоронах брата.

Но тут послали «по него Акинфа». И все переменилось. Да и кто такой был этот Акинф?! Похоже, что он был отправлен со специальным отрядом просто… арестовать князя Юрия. Задержать временно, на всякий случай (или нейтрализовать, а может — убить?!). Потому летопись и сообщает: «…тое же весны князь Юрьи Дмитреевич иде в Галич».

Не собирался он никуда «бежать» из Звенигорода. Его просто вынудили это сделать. А отвечать силой он не желал.

Поэтому почти сразу же было заключено перемирие между дядей и племянником. Это произошло до конца Петровского поста — до 29 июня (по старому стилю). Как сказано в летописи — не Василий заключил его, а Юрий! Что прямо говорит о том, кто был «наступательной», а кто — «обороняющейся» стороной.

Как известно, на Руси любят страдальцев или не заслуженно униженных. Неожиданным образом у Юрия стали появляться многочисленные союзники, те, кто считал его правым в споре за великое княжение. Мы намеренно говорим здесь о «споре», а не о

«борьбе за престол». Тогда борьба еще не началась, никто ее в развитии не предполагал.

Князь Юрий провел в Галиче нечто вроде общерусского съезда, напоминающего, как писал Зимин, древнерусское вече или московский земский собор. Такой «вечевой» опыт у него уже был с тех пор, как он княжил в Новгороде. Это важное обстоятельство совсем не изучено историками. Ведь именно этот особенный съезд (напоминающий древний снем), куда приехали многочисленные участники, среди которых были князья и бояре, имел ключевое значение для развития всей последующей истории. По летописи, Юрий «розосла по всей своей отчине, по всех людей своих». Так когда-то делал и его отец — Дмитрий Донской (вспомним здесь 1374 год — когда родился князь Юрий). Зимин подтверждает, что в Галиче собрались «вси к нему изо всех градов его, и восхоте пойти на великого князя».

То есть князь Юрий действовал не в одиночку, а был поддержан в большом числе. Русь реально признавала его наследником Москвы.

* * *

Племянник поступил проще. Он решил объединить всю семью против дяди. И, как считается, ему это на первых порах удалось. В особенности, после раздачи дополнительных уделов братьям Юрия. Последовательно собирая силы, Василий Васильевич (или, точнее, тот, кто действовал от его имени) решил наказать ушедшего в затворное ожидание Звенигородско-Галичского князя.

Собрав войско, Василий двинулся на Кострому. К нему присоединились князья-Дмитриевичи: Андрей, Петр и Константин. Их участие было крайне важно для Василия. Ведь это означало, что они полностью признают его власть.

Кострома фактически была ключом к Галичу. Соседство значило многое. Именно с Костромы на протяжении десятилетий начинались всяческие наступления на галичские земли.

Штурм Галича не состоялся только по причине того, что Юрий оттуда съехал.

Тогда Василий решил действовать другим способом. Он подключил к уговорам о подчинении ему Юрия митрополита Фотия. Трудно сказать — сколько раз митрополит встречался с Юрием (например, бывал в Галиче), так как сведения в летописях на этот счет весьма противоречивы. Однако точно известно одно, главное посещение им северо-восточного княжества. То самое, когда князь Юрий, как утверждают летописи, выстроил вдоль

пути митрополита свое войско, чтобы показать всю свою мощь. А тот язвительно заметил: «Не видах столико народа в овчих шерьстех, вси бо бяху в сермягах», намекая на то, что это было не войско, а одетый в простые серьмяжные одежды народ, который согнали для пущего виду.

Фотий смеялся над тем, во что была одета звенигородская дружина: мол, видно, что средства у князя есть, а выглядят его воины все равно бедновато, а значит, и армия слаба. Ничего себе «сермяги»! У Москвы тогда и такого не было! Да и кто себе мог позволить выстроить вдоль многоверстных дорог ратников в таком количестве, к тому же одетых «по форме», пусть даже и в «шерстех»! Митрополит знал, что большинство сермяжников-черемисов (о них — чуть позже) к тому времени не были христианами, и это также вызывало его иронию.

Как ни старался Фотий умалить войско Юрия, но не сумел он стать предсказателем, потому что Юрьевы полки ни разу не будут биты дружинами Василия II.

Духовное лицо, митрополит, смеялся в тот момент над тем, кто по праву являлся наследником Дмитрия Донского, кто был крещен самим Сергием Радонежским и стал духовным сыном Саввы Сторожевского! Кто построил новые соборы в Звенигороде и Троицком монастыре, кто победил громаду Волжской Булгарии и не знал поражений ни в каких баталиях!

На этот смех князь Юрий не ответил ничего. Он умел прощать обиды. Но поразительно, как быстро менялись времена! И как незаслуженные оскорбления становились почти историческими аксиомами…

Иронию митрополита передают нам официальные летописи. Однако в настоящее время можно заметить в данном событии совсем другое. И мы расскажем об этом.

Один из современных марийских историков (С.К. Свечников) обратил внимание на то, что часть большого сводного войска, которая находилась под руководством князя Юрия в те времена, включала также и полки, состоявшие целиком из представителей народа «черемиса» (марийцев). Еще в 1394 году, перед вторжением Тимура в Орду и походом Юрия Звенигородского в Волжскую Булгарию, в Ветлужском кугузстве (где проживали черемисы), как пишет исследователь, «появились “узбеки” — воинык очевники из восточной половины Улуса Джучи, которые “забирали народ для войска и увезли его по Ветлуге и Волге под Казань к Тохтамышу”». Скорее всего, князь Юрий Дмитриевич тогда же, в 1395 году, покорил Ветлужское кугузство (об этом есть сведения в Ветлужском летописце, как сообщает марийский ученый). И — самое любопытное — «в 1425 г. ветлужские

марийцы вошли в состав многотысячного ополчения галичского удельного князя, начавшего открытую борьбу за великокняжеский стол. Внешний вид ополченцев ошеломил митрополита Фотия, прибывшего к Юрию Дмитриевичу с целью переговоров». Именно эти черемисы и были по традиции облачены в особенные одежды из овечьих шкур, похожие на те самые пресловутые «серьмяги». А это означает, что у Юрия не только уже была собрана большая дружина, но и то, что в ней состояли многочисленные союзники из разных народов, населявших тогда Русь. Это была целая армия, а не «театральный» сбор окрестных крестьян! Не случайно летописец отметил, что встретил князь Фотия «з детми своими и з боляры, и с лучшими людьми своими, а чернь всю собрав из градов своих и волостей, и из сел, и из деревень, и бысть их многое множество».

Не язвить следовало тогда митрополиту, который «в глум сии вмени себе», а реально оценить силу, которую князь Юрий имел, но сдерживал и пока не собирался применять.

Эти события подтверждают совершенно потрясающую мысль о том, что на самом деле у Юрия было грандиозное войско и он мог уничтожить племянника Василия в любое время. Но он не делал этого. Продолжал «не воевать». Дальнейшие события (если забегать вперед по времени и повествованию) подтверждают эту мысль. Как только Юрий выступил всерьез — все дружины Василия были разбиты наголову. Быстро и эффективно. Князю Юрию пришлось сделать то, чего он никак не хотел. Таким образом, Московский престол не пришел к нему сам, а сдался на милость, как победителю. Не так Юрий это предполагал. Не к тем реалиям стремился. Но исход стал все-таки триумфальным.

А вот некоторые цитаты из других источников, которые не были связаны с официальной Москвой, а имели отношение к Костроме и Галичу. Это уже цитированное нами «Сказание о чудотворном образе Богоматери Овиновския иже явися во граде Галиче» (по рукописи середины XVII века). И в Сказании мы видим совершенно другую интерпретацию событий, связанных с приездом в Галич митрополита Фотия. Вот она:

«Преставися великий князь Василий Димитриевичь Московский… На великом же княжении Московском седе сын его великий князь Василий Васильевичь. И того ж лета преосвященный Фотий, митрополит Московский, ходил в Галич ко князю Георьгию Димитриевичу, и благословил землю Галическую. Князь же Георьгий Димитриевичь зело возрадовася о пришествии преосвященнаго Фотия митрополита, понеже прежде его никаков святитель в Галиче не бывал. Сей же великий святитель, пришествием своим возвесели благовернаго князя

Георьгия Димитриевичя и всю страну его, понеже благословение дарова ему и всей земли Галической».

Оказывается, митрополит благословил галичан и князя Юрия, который, будучи назван благоверным князем (!), возрадовался приезду Фотия. И никаких «серьмяг», иронии или взаимных выпадов!

Так что же там случилось в Галиче Мерьском на самом деле?!

По официальным летописям известно, что митрополит тогда не смог уговорить Юрия подчиниться Василию Васильевичу, а потому «в гневе» уехал из Галича. И вот тут официальные летописцы добавляют «мистического ужаса» в исторический текст. Как только Фотий покинул Галич, в городе (по записям) начался такой страшный мор, что Юрий «испугался» и немедленно упросил его вернуться обратно. И эпидемия тут же прекратилась! История, достойная того, чтобы обратить внимание православных на «неправильное поведение» Галичского князя. Хотя, как известно, мор одновременно прошел в эти недели почти по всем русским землям, а не только проявился в Галиче.

О чем же, собственно, вел переговоры митрополит Фотий? Это важно, чтобы понять суть происходящего.

Вариантов решения возникшей проблемы было три.

Первый, как мы уже и говорили, — полное подчинение князя Юрия Василию Васильевичу.

Второй — если не подчинение, то отказ Юрия от личных притязаний на великое княжение и от официального решения Орды в виде ярлыка от хана-царя, подтверждающего великокняжескую власть.

Третий — отказ Юрия хотя бы от личных притязаний и действий до решения, которое примет ордынский хан-царь.

Митрополиту Фотию довелось (с помощью возникшего мора или с помощью других, неизвестных нам методов) уговорить Юрия Дмитриевича только по третьему варианту.

Князь Звенигородский и Галичский, как и прежде, подтвердил, что не ищет ничего личного в споре с племянником, а стремится соблюсти установленные правила наследования престола. Но ведь кто-то должен был эти правила либо подтвердить, либо отменить. Кто мог тогда стать арбитром в данном споре?

Одним из вариантов решения проблемы могло стать участие в этом, как мы уже говорили, хана-царя Орды. Митрополита устроил такой поворот в переговорах с Юрием. И Фотия проводили из Галича в Москву всем народом.

Затем в столицу приехали от Юрия бояре, которые сообщили мнение своего сюзерена — заключить мир с Москвой, а «князю

Юрью не искати княжениа великого собою, но царем, которого царь пожалует», и крест на том целоваше».

Таким образом, Юрий не отказался от своего наследства, хотя и подтвердил мирный характер утверждения справедливости о престолонаследии. А племянник не получил никаких гарантий, что его власть может быть окончательно утвержденной на Руси. Для Василия такое решение не было достаточным. И он продолжал замышлять различные действия против своего соперника.

Одним из первых реальных его походов стало выдвижение на Юрия войска его брата (и соседа по уделам) Андрея Дмитриевича, которое было осуществлено по приказу Василия Васильевича. Известно, что князь Андрей «норовил» своему брату Юрию, то есть сочувствовал, или не был вполне его противником. Не по этой ли причине он до войска князя Юрия «не дошед»? То есть дружины не встретились, битва не состоялась, кровопролития не произошло.

Получалась странная, двойственная ситуация даже среди родственников. Противостоять Василию многие просто боялись, да и права Юрия — уважали. Русь снова возвращалась от благочестивых идей нравственного управления, сформулированных во времена преподобных Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского, к «разборкам по понятиям и силе». Аргументы стариков не действовали, документы прошлого не принимались в расчет.

* * *

Однако события стали происходить и ситуация меняться с невероятной скоростью по довольно грустным причинам. Подряд, в течение трех-четырех лет, скончались главные действующие лица, которые участвовали в определении наследника.

1428 год — ушли из жизни Петр Дмитриевич, брат Юрия и ярый сторонник Василия Васильевича (оставив в наследие «вымороченный» Дмитров, который уже давно был спорным уделом); а также преподобный Никон Радонежский, преемник Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского на игуменстве в Троицком монастыре, который мог авторитетно влиять на спорные решения или мнения.

1430 год — скончался великий князь Литовский и всея Руси Витовт, не успев короноваться. Сила его влияния была непререкаемой. Но лишь при жизни. Теперь Софья Витовтовна оказалась в некотором одиночестве. В тот же год (как

предполагается) не стало и великого иконописца, воплотителя идей князя Юрия, — преподобного Андрея Рублева.

1431 год — почил в бозе митрополит Фотий, временно оставив Русь в очередном церковном безначалии.

1432 год — отдал Богу душу другой брат Юрия — Андрей Дмитриевич.

Из ближайших родственников князя Звенигородского и Галичского остались лишь Константин Дмитриевич да молодой племянник — Василий Васильевич (о других племянниках и племянницах мы говорить здесь не будем). Константин, кстати, также благоволил Юрию.

Страна осталась без митрополита, святого старца, могущественного литовского покровителя престола и главных удельных князей — союзников Василия. Да и литовец Свидригайло после Витовта был более расположен к Юрию, а не к Василию.

Так кому же было править на Руси?! Всё было за то, чтобы Юрий стал великим князем. Но он последовательно и в ущерб себе продолжал «не воевать»! А Василий, как мы уже догадались, не уставал сопротивляться, причем всеми способами.

Оставалось ехать на суд в Орду, к хану-царю.

Что и сделали.

* * *

Однако до этого испробовали еще несколько попыток договориться. Все с той же помощью известных «докончальных» грамот (тексты сохранившихся до наших дней документов приведены в конце книги в разделе «Приложения»). Сразу после кончины Петра Дмитриевича (23 февраля 1428 года) Василий II поспешил как-то определиться с дядей о дальнейшем владении землями (11 марта). В особенности всех волновал освободившийся Дмитровский удел, на который еще со старых времен претендовал Юрий Звенигородский.

Василий пригласил оставшихся братьев — Андрея и Константина. Вместе они и заключили докончание.

В нем мы впервые встречаем подписанное Юрием утверждение, что он является «молодшим братом» Василия («брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуй ко мне крест, к своему брату старейшому»). Князь Звенигородский и Галичский, доживший до седин, в возрасте 53 лет подписывался как младший брат собственного племянника, которому было всего 12 лет (оставались считаные дни до 13-летия)!

Считается, что таким образом князь Юрий признал свое «поражение» по вопросу о великом княжении. Однако не будем спешить с выводами. Это совсем не так. Ведь великий князь всегда становился не «старейшим братом», а «отцом» для других родственников. Так было при Дмитрии Донском, Василии Дмитриевиче и так будет, когда докончальные грамоты станет заключать сам Юрий Дмитриевич, после своего появления на Московском престоле (его все признают именно «отцом»). Только Юрий затем будет иметь юридическое и моральное право написать в своих грамотах так: «целуй ко мне крест, к своему отцу, великому князю Юрью Дмитреевичю, и к моим детем. Имети вам мене собе отцем. А мне, великому князю, вас держати в сыновьстве и во чти, без обиды… А в вотчину в мою в Москву, и во все великое княжение, и чим мя благословил отец мои, князь великыи». Племянник в роли «старшего брата» (а не «отца») попадал в странное положение и выглядел немного незадачливо в глазах ближайшего княжеско-боярского окружения.

В докончальной грамоте Юрия и Василия есть и еще весьма важные положения. Например, то, что князь Юрий апеллировал по некоторым вопросам к завещанию отца — Дмитрия Донского: «А жити нам в своей вотчине в Москве и в вуделех по душевной грамоте деда твоего, а нашего отца, великого князя Дмитриеве Ивановича». А это означало, что данный важный документ — духовная великого князя Дмитрия — признавался обеими сторонами как основной источник для юридических положений. Получалось, что и Василий Васильевич это признавал, подписываясь под таким текстом. Двусмысленность происходящего продолжалась во всем своем «великолепии».

Интересны и некоторые другие положения документа. К примеру, что Юрий Дмитриевич подтверждал освобождение Звенигорода от выплаты дани Орде через Василия (предположительно, в связи с мором, но, возможно, и по причине угождения со стороны Василия за признание Юрием хотя бы «молодшества»): «А з Звенигорода и з Звенигородских волостей отложил ти есм дани и яму на четыре годы». Уже тогда русские князья прогнозировали возможное освобождение от Орды и дани, утверждая буквально следующее: «А переменит Бог Орду, не иму давати татаром, и тобе имати дань и ям с своее отчины собе». Междоусобные неурядицы разрешались по справедливости, включая следующие формулы: «А что были межи нас в наше нелюбие воины и грабежи, или дани иманы, или где что взято и положеное, и тому погреб на обе стороне» или «что будет взято право, то остало, а что будет взято криво, то отдати по исправе».

Мы также встречаем множество уникальных юридических и

выверенных терминов, которые активно употреблялись в то время: «А суженое, положеное, заемное, поручное, кабалное по исправе дати. А холопа, робу, должника, поручника, беглеца, татя, розбоиника по исправе выдати». Как видим, спорные вопросы разрешались тогда с определенной точностью в формулировках. Вот почему мы смеем утверждать, что докончальные грамоты князей Юрия Дмитриевича и Василия Васильевича ни в какой мере не умалили положения и достоинства дяди и никак не продвинули племянника в сторону «закрытия» вопроса о престолонаследии. Каждое слово или фраза в документах имели колоссальное значение.

Дмитровский удел князья так тогда и не поделили. И он остался пока у Москвы.

Историк А. А. Зимин предполагал, что «в том же 1427/28 (6936) г. были составлены еще два договора с князем Юрием. Они до нас не дошли, но сохранилось упоминание о них». Однако вполне возможно, что речь идет о том же самом, уже известном договоре, состоявшем из двух частей (грамота Василия — Юрию и Юрия — Василию).

Все же докончальный договор 1428 года принес некоторое успокоение юному Василию II или по крайней мере — его покровителям: Софье и Витовту. А потому уже в сентябре 1430-го семья почти полностью собралась в Литве, в Вильно — на коронацию великого князя Литовского. Витовт пригласил Василия Васильевича, которого сопровождал митрополит Фотий, а также великие князья — Тверской и Рязанский. И хотя коронация так и не состоялась, а гости разъехались, митрополит стал очевидцем важнейшего события: 27 октября Витовт скончался.

Почему же все это время откладывалась поездка князей в Орду для решения вопроса о престолонаследии? Возможно, по нескольким причинам.

Во-первых, не спешил это делать сам Василий, Ведь он уже имел власть, а в Орде — мог ее лишиться. Во-вторых, за его спиной был Витовт, со всей мощью своего войска, умелыми отношениями с Ордой и крепким положением. Пока это было так, не стоило и торопиться. В третьих, помешали несколько эпидемий (моровых поветрий), которые охватили русские земли в эти годы.

Терпение Юрия Дмитриевича, однако, было не беспредельным. Зимой 1430 года он, видимо, проявил некоторую активность по данному вопросу, потому что летописи отметили очередную военную вылазку против него со стороны Василия II. Но поразительно, что младший брат Юрия — Константин —

которого Василий послал воевать, так и не сразился с ним. Казалось, что родственники не особенно хотели поднимать руку на того, кого внутренне считали реальным наследником.

И этот «спектакль» мог бы продолжаться долго, если бы, как мы уже говорили, в июле 1431 года не скончался митрополит Фотий. Это он вместе с Софьей Витовтовной фактически правил Москвой. Юный Василий остался лишь со своей матерью да еще с кругом бояр, пусть даже и влиятельных. Маловато было для сильного правителя. Наступало время решительных перемен.

* * *

Многократно в исторической литературе (особенно — в беллетристике) князя Юрия Дмитриевича обвиняли и обвиняют в том, что, дескать, он развязал междоусобную (феодальную) войну между братьями и родственниками. Таким образом, пытаются свалить всё с больной головы на здоровую.

Историческая реальность и все факты говорят совершенно о противоположном. А именно — о том, что Юрий как раз и не воевал со своим племянником. Он только и делал, что пытался доказать всему миру, включая ордынского хана, свои права на великокняжеский престол. Но делал он это почти всегда абсолютно мирными способами.

Юрий не воевал со своим племянником Василием Васильевичем всерьез по нескольким причинам.

1. Он был уверен в своей правоте (летописной и юридической), а потому не было необходимости применять силу.

2. Он выполнял завещание отца, духовную грамоту Дмитрия Донского, где было сказано — брат за брата, как и их сыновья.

3. Он обещал это своему брату — Василию, в договорных с ним грамотах.

4. Он ожидал возможного арбитража — мирного и справедливого решения ордынского хана-царя по этому вопросу; для этого у него было достаточно доказательств в виде документов, которые он затем в Орду и повез.

5. Известен факт, что позднее женой Василия II стала внучка князя Владимира Андреевича Храброго. Этому браку очень помогли заинтересованные в приближении к престолу бояре Кошкины. Ведь кроме этого супруга была племянницей одного из них — боярина И. Ф. Кошкина. Получалось интересное родственное сплетение. Да к тому же еще и политическое. И. Ф. Кошкин был основательным противником Орды. И князь Юрий особой любовью к ней не отличался. Вспомним и еще один факт:

князь Владимир Андреевич Храбрый был для Юрия «равным братом» по договору, который был заключен между ними еще при жизни и по наказу отца — князя Дмитрия Донского. Внучка «равного брата» была, таким образом, и «равной» внучкой Юрия Дмитриевича. Каково воевать с теми, кто тебе дорог!

Отсутствие подлинника (списка) документа в виде докончания Юрия и Василия Темного о признании Василием великого княжения Юрия (которое состоялось позднее) вновь говорит о тщательности уничтожения документов потомками Василия. Нигде и никогда, ни единого раза не должно было быть упомянуто, что Юрий Дмитриевич хотя бы раз назывался в письменных источниках князем великим — там, где могла бы стоять подпись потомков Василия Дмитриевича. В некоторых «докончаниях» — договорных грамотах — осталось упоминание о великом княжении Юрия, но только нельзя найти документов, где бы это признал другой великий князь — Василий II.

Суд Орды и украденный пояс князя Донского

Бранен бысть от противных ветр.

Из Синайского патерика, XI в.

Из «Слова Даниила Заточника»: *«Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советники его вводят. С хорошим советником совещаясь, князь высокого стола добудет, а с дурным советником и меньшего лишен будет».*

* * *

Наконец, пришло время, настал черед определить, кто будет великим князем с помощью главного «арбитра» — хана Орды. Это был самый решающий раунд междоусобной борьбы дяди и племянника. Упорство князя Юрия привело к тому, что Василий Васильевич согласился ехать на восток. Начало этих событий историк А. А. Зимин описывает так: «Осенью 1431 г. наступило время для нового раунда борьбы за великое княжение на Руси. Судьба его должна была решиться в Орде при дворе Улу-Мухаммеда. В Успеньев день (15 августа) в Орду выехал Василий II. Вслед за ним в Воздвиженьев день (14 сентября) туда поспешил и князь Юрий, возвратив Василию II договор от 11 марта 1428 г. со “складною вместе”. Князья отправились в Орду “со многими дары”». Известный нам уже Севернорусский летописный свод 1472 года приводит весьма примечательные в связи с этим сведения: «В год 6939 (1431)… Предзнаменование было на небе: столбы огненные. Тогда же засуха большая была, земля и болота горели, мгла же стояла шесть недель, так что и солнца не видно, и рыба в воде дохла. В тот же год Фотий-митрополит скончался. Князь великий в Орду пошел, и князь Юрий за ним пошел, и дал царь Магомет великое княжение Василию Васильевичу».

* * *

Странной кажется с самого начала эта поездка в Орду за великим княжением. Мы можем видеть различные сведения в летописях, которые рассказывают о том, как князь Василий встречается с тем-то и тем-то из Орды, а князь Юрий — с таким-то и таким-то. Первому оказывают большие почести, а второму — достается «безчестье и истома велика». При этом один из Псковских летописцев вообще называет и Василия, и Юрия «великими князьями», тем самым подтверждая их равное положение, не выделяя ни одного из них — даже после решения хана-царя.

Забегая вперед, отметим, что права обоих князей, претендовавших на Московский престол, объяснялись летописями по-разному. В этом много поусердствовал боярин Василия — И. Д. Всеволожский. Влиятельный и умный человек, отличный дипломат, он быстро повернул дело в пользу своего патрона. Отличия в подходе к решению проблемы очень хорошо иллюстрирует одна из летописных фраз, где утверждалось, что Юрий Дмитриевич намеревается стать великим князем «по мертвой грамоте отца своего, а не по… жалованью водного царя» (выделено мной. — К. К.-С). Вот он — ключ к пониманию ситуации! Главной проблемой становилась духовная грамота самого Дмитрия Донского. Основной аргумент князя Юрия мог превратиться (и превратился!) в его главную беду и оборачивался против него же самого. Грамота рассматривалась как «мертвая»! То есть недействительная или устаревшая. А хан мог воспользоваться своей свободой в принятии решения — как вольный царь. Мертвая грамота против вольного хана! Каков в таком случае мог быть выбор Улу-Мухаммеда? Нетрудно догадаться.

Но мы попробуем разобрать ситуацию более подробно.

Если грамоту Дмитрия Донского признать «мертвой», то значит, что и завещание князя — «мертво»! А из этого следует, что по «мертвому» завещанию и названный в нем наследник — Василий Дмитриевич — не легитимен. И тогда, тем более — не легитимен и его сын — Василий Васильевич!

Не правда ли, странная получается цепочка?!

Значит, разговоры о «мертвости» грамоты Дмитрия Ивановича и приводимых князем Юрием Звенигородским доказательств в Орде были просто абсурдны. Это могла быть более поздняя интерпретация происходившего, сделанная составителем летописи. Абсолютная демагогичность рассуждений Всеволожского перед ханом имела скорее эмоциональное значение. Конечно же ему удалось договориться с правителем Орды как-то по-другому. Мы не знаем — как. Летопись лишь

передает общие черты переговоров, но не их реальное содержание или суть. До сих пор можно сказать, что мы толком и не можем определить, почему Улу-Мухаммед так благоволил к Василию и в итоге отдал ему великое княжение.

Нам кажутся важными для объяснения несколько таких аргументов, включая и те, что приводят некоторые историки.

1. Василий был молод, а значит —более управляем, что хану было удобно.

2. Василий уже сумел себя зарекомендовать (хотя и за короткий срок) как хороший вассал, способный платить дань. Так зачем же его менять?! (Аргумент Всеволожского: он «на… жалованье», «тебе, своему государю, волному царю» уже давно служит.)

3. Юрий был (подспудно) более влиятелен на Руси, нежели Василий, а потому — кто мог прогнозировать его поведение в будущем?

4. Юрий достиг уже солидного возраста. А это означало, что вот-вот придется думать о новом наследнике и вновь может начаться распря (с учетом настроений, поведения и намерений некоторых сыновей Юрия). Был ли хан Орды заинтересован в междоусобицах? Если думать, что «да» (они как будто бы ослабляют Русь), то это будет не совсем верно. Русь была «улусом», то есть частью Великой Орды. А зачем хану-царю нужны вообще какие-то распри в собственном «улусе»?! Они приводят к разорению, следствием которого становятся проблемы с выплатой дани, А ведь именно дань и была целью любого правителя Орды. Реальные деньги запросто перевешивали на чашах этих весов любые грамоты, завещания или древние документы из «русского улуса».

5. О Юрии было хорошо известно, как о серьезном полководце и победителе Булгар, об усмирителе Нижнего Новгорода и его правителей, постоянно убегавших в Орду и живших в ней. За некоторые годы эти, сбегавшие на Восток враги в значительной степени могли составить в той же Орде представление о нем, как об очень сильном и опасном сопернике. А надо ли было умному и хитрому хану иметь такого вассала?

6. Сказалось некоторое влияние Литвы, стоявшей полностью за Василия. Отношения ее с Ордой были хоть и неустойчивыми, но в достаточной степени серьезными. Московская Русь являлась своеобразным «буфером» между Востоком и Западом. И через этот «буфер» Орде можно было договариваться и оказывать некоторое влияние на западных соседей. Это открывало чуть большие возможности для внешней политики ордынских правителей. Вспомним также и следующее. Русские князья ехали к хану Улу-

Мухаммеду, который совсем недавно служил Витовту и помогал ему в войне с Псковом! Когда в 1424 году Улу-Мухаммеда в борьбе за власть в Орде побил сын Тохтамыша — Шахруз, то именно Литовский князь Витовт принял его в свои объятия после бегства.

Таким образом, позиции Юрия в этот момент были крайне слабы. Должно было бы произойти чудо, чтобы Улу-Мухаммед принял что-то в его пользу. И Василий, и его мать — дочь Витовта, это хорошо знали и умело пользовались ситуацией. Кстати, историк А. А. Зимин замечает, что у Юрия также было «литовское лобби». Он пишет: «К тому же Юрий — “побратим” Свидригайла, а у Айдара (одного из защитников Василия. — К. К.-С.) с литовско-русскими княжатами были особые счеты», при этом добавляя, что «князья Юрий и Свидригайло женаты были на дочерях Смоленского князя Ивана Святославича… В связи с этим летописец и называет их “побратимами”. Имя этой жены Свидригайла, заключенной еше Витовтом в темницу, было, очевидно, Софья…». Как мы видим, историк здесь немного противоречит сам себе. Во-первых, связи Юрия со Свидригайлом были менее значительны, нежели Василия с Витовтом. А во-вторых, Юрий был женат на дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича (а не Ивана Святославича), который, как известно, был в конце жизни ярым противником Литвы.

7. Возможно, были и иные причины, например, личного свойства, включая банальные «симпатии и антипатии». Не случайно мы имеем в летописях много намеков на унижения и оскорбления, которые пришлось испытать и получить князю Юрию во время этой длительной поездки к хану (об обратных унижениях, которые бы испытал Василий, — ни слова!). Похоже, что временами сыну Дмитрия Донского пришлось сдерживаться от ответных выпадов до такой степени, что он даже на время уезжал (например, в Крым). И даже современные ему летописцы, которые были обязаны описывать официальную точку зрения, все равно не смогли не отметить, как седины князя Юрия были подвергнуты презрению со стороны юноши-племянника и некоторых ордынских правителей.

Эмоциональная сторона происходивших переговоров заметна во всех записях. Неуважение к старшему дяде и желание всеми способами, демонстративно, вплоть до ритуальных действ (вроде публичного подведения князем Юрием коня для князя Василия — в знак признания себя вассалом), умалить его достоинства — были важнейшей составляющей тех событий. И не учитывать их как, возможно, наиважнейший фактор — было бы не совсем правильно. Мы же прекрасно знаем, что даже результаты большой

политики иногда связаны исключительно с личными отношениями (особенно в родственной среде), которые влияют в таких случаях на решения больше, нежели холодный расчет, насущная необходимость или разработанные заведомо планы.

Уступчивость хана Улу-Мухаммеда по отношению к Василию порой объясняют удачным проведением переговоров боярином Всеволожским, сумевшим доказать ему, что сын Василия I будет во всех отношениях лучше, нежели Юрий. А выдача ярлыка на великое княжение племяннику (но не дяде) будет решением лично хана, но не самих русских (которые в лице Дмитрия Донского, если внимательно читать текст его завещания, вообще приняли решение о передаче власти самостоятельно, как будто бы и без Орды). Всеволожский доказал, что лучше реальный вассал хана-царя, а не «документальный» правитель со своими порядками из времен, когда русские побеждали Орду на Куликовом поле. То, что Юрий прикрывается «летописцы старыми, списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея», есть лишь пережитки прошлого (причем весьма опасные для Орды), и они нынче хану не указ.

Такое объяснение событий логично, но не совсем полно. Чего-то во всем этом явно не хватает. Требуются дополнительные источники. Но их пока нет.

Переговоры в Орде проходили довольно долго. Ведь они длились значительно более полугода! В это время Русь словно замерла в ожидании своего будущего. Все прекрасно понимали, что избрание ханом Василия означало возможные дальнейшие распри (если не со стороны Юрия, так со стороны его сыновей). Избрание Юрия также предполагало некоторые перемены, например, по отношению к Литве. Напряжение достигло особенного накала.

Даже в самой Орде дело доходило чуть ли не до стычек и возможного кровопролития. «Многа пря бысть межи их», — сообщают источники. Вокруг обеих сторон — Василия и Юрия — образовались две ордынские «партии». Это были грозные силы, каждая из которых обладала влиянием, положением и военной мощью. Спор о Руси неожиданно затронул ордынцев в самой сердцевине их государственной политики. Хан Улу-Мухаммед при этом почему-то не спешил с выводами и с принятием окончательного решения.

Представим себе такую картину. Два русских князя прибыли в Орду и привезли, как указано в летописях, множество даров. Вот они встретились с ханом. Дары отданы. Вот они поговорили о сути дела. Позиции изложены, документы предъявлены. Возможно, подлинность бумаг изучена и удостоверена

авторитетными представителями.

Сколько на это нужно времени?

Даже если мы представим себе, что встреча происходила «не спеша», то даже за неделю можно было бы всё решить. Но она растянулась на многие месяцы! С отъездами, переездами и съездами (но только не отпуском домой, на Русь). С риском для жизни участников переговоров.

Не правда ли — странно?!

Это означало, что определение власти на Руси являлось в тот момент чем-то крайне важным и для Орды. Решалась не только судьба Московского великого княжества, но и почему-то в самой Орде уже прогнозировались перемены, которые на самом деле стали происходить в ближайшем будущем, когда Руси удалось сбросить узы ига. Погрязнув в собственных внутренних междоусобицах, сама Орда была в тот момент настолько слаба, что ее правитель и все главные «силовые» действующие лица сами искали выхода из своих трудностей и распрей, но при этом не исключая участия в этом и приехавших из Москвы князей.

Неслучайно Василий сошелся с одним из ордынских правителей — Минбулатом, а у Юрия появился сильный покровитель и защитник — Тегиня. Не только Москва разбилась на два лагеря, но и Орда, присоединившись к ним, продолжала собственный спор о власти. Трудно даже себе представить, какая по сложности борьба кланов и течений происходила тогда во внутренней политике гигантского анклава, занимавшего территорию от Средней и даже Восточной Азии до Западной Европы. Распря между Василием и Юрием явилась лишь небольшим внешним проявлением глобального потрясения всей системы ордынского устройства. Скоро и эффективно решить вопрос о власти в Москве не могли не только ее русские правители, но и сама Орда. Хотя еще совсем недавно ханы делали это намного проще и быстрее.

Общий «вирус» перемен и споров «заразил» тогда всех.

* * *

Хан Улу-Мухаммед мог бы запросто отправить спорщиков домой сразу же. Похоже, что решение — отдать власть Василию Васильевичу — стало для него единственным и принято было уже давно. Но затяжка во времени была связана, по нашему мнению, с тем, что не Василий боролся в этот момент за престол, а напротив — на стороне князя Юрия выступил ряд ордынских влиятельных правителей. Именно они и «притормозили» заготовленное

скороспелое решение.

Кроме этого, можно предположить, что Улу-Мухаммед вообще устроил нечто вроде экзамена-испытания для своих просителей из Москвы. Он отложил собственное прямое участие в решении спора, отдав право разбирательства своим подручным, предлагая им выяснить и оценить позиции обеих сторон. Летописи так и сообщают: «Царь (ордынский хан. — К. К.-С.) же повеле своим князем судити князей русских и многа пря бысть межи их». Вот почему главные встречи и решения будут приняты самим ханом намного позднее, как мы уже говорили, почти полгода спустя.

Кто же из ордынских деятелей, участвовавших в разбирательствах, выступил тогда за Юрия?

Имя одного из них — Тегиня. Видный полководец, возможно, воевавший еще у Едигея, он имел особое влияние на хана. В самую трудную минуту, когда положение князя Юрия могло оказаться не столько даже безвыходным, но и физически опасным, он спасает его, забирает и увозит в Крым, где они проводят зимние месяцы 1431/32 года. Каким образом можно было уехать с переговоров, не обидев хана-царя Улу-Мухаммеда, — непонятно. Только двумя причинами (кроме, естественно, влиятельного положения Тегини) можно объяснить такой «дерзкий» поступок — не особенным вниманием к данной теме в тот момент самого хана или не очень хорошим самочувствием самого Юрия (преклонный возраст давал о себе знать). Теплый крымский воздух был для князя в такой ситуации весьма полезен. Особенно после тяжких испытаний, пережитых среди приближенных жестокого Минбулата. Правда, «недуг» мог быть и «дипломатическим».

Так Юрий Дмитриевич совершил небольшое путешествие на юг, к Черному морю, познакомившись не только с той землей, где когда-то его предок князь Владимир принял крещение от византийцев, но и посетив, по всей видимости, дворцы местных крымских правителей.

Во всяком случае, отсутствие некоторое время Юрия Дмитриевича в Орде привело к полезным для него результатам, В это время на хана Улу-Мухаммеда пошел воевать еще один из сыновей убиенного Тохтамыша — Кичи-Ахмед. Он стремился возвратить своему роду власть в Орде, только что отнятую нынешним ханом у его брата.

Таким образом, затевалась непростая военная кампания. Улу-Мухаммеду стало не до Москвы. Да и Тегиня вдруг объявил чуть ли не ультиматум хану, пригрозив не участвовать в борьбе с Кичи-Ахмедом, если покрытый сединами князь Звенигородский и

Галичский не будет им хотя бы как-то отмечен. Не желая отказывать Василию, Улу-Мухаммед принял во внимание и претензии Юрия. Хоть какая-то справедливость восторжествовала.

Решение было таким. Племянник получал подтверждение великого княжения. Дядя — «вымороченный» Дмитров, оставшийся свободным после кончины Петра Дмитриевича, хотя удел исстари считался «великокняжеским», а потому Василий был против такого решения.

Могло ли это удовлетворить обе стороны? Василия, отчасти, да, хотя он из принципа не желал отдавать Юрию даже Дмитров (что он покажет в самое ближайшее время). Но князь Юрий Звенигородский фактически получил отказ от престола. Привезенные им исторические документы и аргументы не возымели действия. Однако и не подчиниться хану-царю в этот момент было нельзя. Продолжение споров или новые возражения грозили смертельной карой.

В июне 1432 года хан отпустил русских князей домой. В это время уже как раз скончался князь Андрей Дмитриевич. Василий вернулся в Москву, а Юрий — в Звенигород, заодно посетив и свои новые владения в Дмитровском удельном княжестве. Теперь он, казалось, мог жить в прежних своих владениях, вблизи Москвы. Но опасаться ему все-таки было чего.

Как видим, поездка князей в Орду не привела к окончательным решениям. Все могло бы устроиться, но не вышло. И даже в Новгороде и Пскове летописи отметят с особенным упорством: из Орды вернулись оба князя, но «княжения не взят ни един», или даже еще буквальнее — на Русь приехали дядя и племянник, но «выидоша князи рустии из Орды без великаго княжения».

Ордынский посол Мансыр-Улан 5 октября 1432 года провозгласил вступление Василия Васильевича на Московский престол. Хотя даже в это время народ русский продолжал быть в недоумении — кто же на самом деле правит великим княжеством Владимирским? Да ведь почти целый год Русь, по причине отъезда князей в Орду, оставалась вообще без правителя!

Василию не давало покоя решение хана о Дмитрове. Оно не устраняло двойственность ситуации. Дядя опять имел некоторую силу и оставался в избранном (по сравнению с другими удельными князьями) положении.

Племянник тут же вновь предпринял силовые действия по отношению к Юрию. Дмитров должен был быть, по его мнению, не у дяди, а в руках Москвы. И князю Юрию вновь пришлось съехать из Звенигорода — подальше, через леса, реки и болота, в Чухломской край, в крепкий и неприступный Галич Мерьский…

* * *

Однако в семействе Василия II не была решена еще одна важнейшая проблема. А именно: если скончается князь Юрий, то после него останутся несколько наследников — взрослых сыновей, готовых взять бразды правления; а ежели вдруг что случись с молодым великим князем — детей-то у него вовсе нет! Да и он вообще еще даже не женат!

После октября 1432 года и вступления на престол немедленно заговорили о свадьбе Василия Васильевича. Семнадцатилетний жених был вполне готов к такому важному событию. Софья Витовтовна постаралась в розыске подходящей избранницы. Остановились на сестре князя Серпуховского — Василия Ярославича. Княжна Мария Ярославна согласилась сразу же. Обручились молодые тогда же, осенью.

До свадьбы, которая стала в чем-то роковой для Василия, оставалось всего несколько месяцев.

За это время произошли удивительные перемены, которые еще совсем недавно никто не смог бы даже предположить. Боярин и правая рука Василия II — И. Д. Всеволожский, который, собственно, «сделал» его великим князем и провел на самом высоком уровне дипломатии переговоры в Орде, вдруг переметнулся от него к… Юрию Дмитриевичу Звенигородскому и Галичскому. Историк А. А. Зимин объясняет это следующим образом: «Обручение великого князя нанесло сильнейший удар по матримониальным планам И. Д. Всеволожского. Родовые связи Ивана Дмитриевича были обширными… Старшая дочь его была замужем за князем Андреем Владимировичем Радонежским, но тот умер еще в 1408 г. Вторую свою дочь он в 1421 г. выдал замуж за тверского великого князя Юрия Ивановича, скончавшегося в 1425 г. Внучка Ивана Дмитриевича (дочь князя Андрея) была обручена с князем Василием Юрьевичем Косым (сыном князя Юрия Дмитриевича. — К. К.-G). После своей успешной миссии в Орду Всеволожский рассчитывал выдать замуж за великого князя одну из младших дочерей, а теперь его планы провалились. Среди влиятельных бояр начали распространяться слухи о том, что Улу-Мухаммед отдал Дмитров Юрию “по Иванову слову”. Говорили также, что Иван Дмитриевич в бытность в Орде сватал свою дочь за князя Юрия. Боярину явно грозила опала. Поэтому он решил предупредить события и бежал к князю Константину на Углич. Но расчеты Всеволожского на поддержку Константина Дмитриевича не оправдались. Угличский князь не склонен был впутываться в свару с великим князем. Ивану Дмитриевичу пришлось бежать далее, на этот раз в Тверь, но и там он надолго не задержался.

Тверской великий князь не хотел превращать свой двор в средоточие противников как московского великого князя, так и галицко-звенигородского. В происходившей тогда на Руси борьбе за власть он ревностно охранял тверской “нейтралитет”. Всеволожский обрел приют в Галиче, где, по словам летописца, начал “подговаривати” князя Юрия возобновить борьбу за великое княжение».

Так историк излагает последовательность событий. Однако реальные причины такой перемены боярина Всеволожского нам так и неизвестны. Отчего самые близкие друзья, помощники и соратники вдруг становятся самыми ярыми врагами? Ответ на этот вопрос мог бы объяснить многие страницы русской истории. Но, думается, что всякий раз для этого есть свой, особенный, индивидуальный повод. Приведенных выше объяснений недостаточно. Но и других — нет. Историк Р. Г. Скрынников считал, что «правитель Всеволожский навлек на свою голову общее негодование» из-за провала своей дипломатии в Орде, ибо Василий так и не получил всего сполна. Но ведь и это не совсем так. Несколько месяцев после возвращения из Орды он оставался самым главным и влиятельным политиком на Руси. И нежелание Василия жениться на дочери Всеволожского не могло бы стать причиной столь серьезного раздора.

Однако в результате такой перемены в Москве назревало нечто особенное. Ситуация на Московской Руси могла выйти из-под контроля. Любой малейший повод мог привести к самым необъяснимым последствиям. Хотя даже и при этом мы видим, что князь Юрий продолжал сдерживаться и не предпринимал никаких действий против Василия. Он оставался далеко — в своем Галиче.

И вот наступил известный день большого торжества, которое на Руси зачастую становится причиной ужасных размолвок или суровых семейных ссор. На 8 февраля 1433 года, незадолго до Великого поста, назначили свадьбу Василия Васильевича и Марии Ярославны.

День сей положил начало не только первым серьезным шагам князя Юрия к Московскому престолу, но и долго не затихавшей, продолжавшейся уже после его кончины родственной войне.

Вот как это вышло.

* * *

Играли свадьбу в великокняжеском дворце в Москве. После венчания участники события направились в хоромы, к

праздничному столу. Пир должен был поразить воображение дорогих гостей.

А приехали многие именитые люди. Включая князей и бояр. Не появился лишь князь Юрий и его сын — Дмитрий Красный. Однако другие его сыновья прибыли по приглашению, не отказались от возможности посетить Москву и себя показать. То были Дмитрий Шемяка и главный наследник Юрия Дмитриевича — Василий, позднее прозванный Косым.

Никто еще не ведал о будущих распрях и войнах, о взаимном ослеплении родственников (обоих Василиев), о предстоящих жертвах и потрясениях. Они лишь собрались, чтобы погулять на пиру.

Для такого важного дела сыновья Юрия приоделись. А Василий Юрьевич даже украсил себя дорогим семейным достоянием — золотым поясом «на чепех с камением». Почему именно этот пояс считался символом великокняжеской власти и будто бы известен был при Московском дворе еще со времен Дмитрия Донского — никто толком уже и объяснить не мог. Но во время свадьбы из-за него произошло грандиозное событие, перевернувшее десятилетия русской истории.

Знатоки русского искусства хорошо знают одно обширное художественное полотно, написанное известным академиком живописи XIX — начала XX столетия Павлом Чистяковым, которое поражает большим количеством изображенных персонажей и пафосным действием главной героини — дочери Литовского князя. Картина названа так: «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому». Написано полотно было в 1861 году, и за него художник получил большую золотую медаль. На нем женщина, гордо подняв правую руку вверх, держит выхваченный у старшего сына Юрия Звенигородского золотой пояс — символ власти. Многие зрители даже не могут толком разобраться — а что, собственно, происходит в данном сюжете и почему художник вообще обратил на него внимание.

Расскажем об этом подробнее.

Сначала — о поясе.

В старину поясам придавали особое значение. Это был не только предмет обычного обихода (чтобы одежда не спадала), но и некоторый символ. Поверх парадной одежды часто надевали особые пояса. Для таких нарядов они изготавливались особо, с применением драгоценных металлов, камней и с привлечением самых искусных мастеров. Пояса были также и предметом награждения. Во всяком случае — вид пояса, его нарядность или

стоимость имели важный смысл и многое говорили о положении, которое занимает в обществе его хозяин.

Вот почему даже в духовных грамотах — завещаниях — князья часто перечисляли самые драгоценные пояса, передаваемые наследникам. Ведь они стоили огромных денег — целое состояние.

Но в данном случае, который отображала упомянутая нами картина, пояс был связан еще с одной традицией. Кроме короны (или позднее — шапки Мономаха), символизирующей собой власть, на Руси некоторое время пояса играли роль символов той или иной власти. Когда выдавали княгинь замуж, то часто в приданое давали пояс как некоторый семейный символ, реликвию княжеского рода.

Известно, что в своей духовной грамоте князь Дмитрий Иванович Донской упомянул несколько поясов, которые он буквально распределил между своими сыновьями перед своей кончиной (точно так же, как он распределил между ними уделы — города, села, деревни и земли).

В первом завещании Дмитрия Донского ни о каких поясах речь не шла. Князь продиктовал писцу: «А чим мене благословил отець мой, князь великий, которым золотом, суды или доспех, или что яз примыслил, то золото, и шапку золотую, и чепь, и сабли золотые, и порты саженые, и суды золотые, и серебреные суды, и кони, и жеребьци, и стада своя, дал есмь своему сыну, князю Василью, и своей княгини, и своим детем». Ни Василию, ни Юрию никакой «особый» пояс не предназначался.

Во втором же завещании Дмитрия Ивановича мы видим более подробный перечень вещей, оставляемых в наследство. И тут появляются пояса, причем для каждого сына (для всех сыновей!). Два для Василия Дмитриевича — «пояс золот велики с каменьем без ремени, пояс золот с ременем Макарова дела». Еще два сыну Юрию — «пояс золот новый с каменьем с жомчюгом без ремени, пояс золот Шышкина дела». Андрею — «пояс золот старый новгородский», Петру снова пара — «пояс золот с каменьем пегий, пояс золот с Калитою да с тузлуки», Ивану — «пояс золот татаур».

Был ли среди этих поясов тот, что стал камнем преткновения на свадьбе Василия II? Трудный вопрос. Считается, что тогда фигурировал совсем другой пояс, не связанный с завещанием Дмитрия Донского.

Отметим здесь и еще упоминаемые в те времена пояса.

Некоторые Василий I перечислил в своей духовной в качестве наследства для сына: «пояс золот с каменьем, что ми дал отець мои, да другии пояс мои на чепех с каменьем, а третей пояс ему

же на синем ремени».

Но нас также интересует другой, тот, что князь Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галичский завещал своему старшему сыну — Василию Косому — в своей духовной грамоте, сохранившейся до наших дней. Там упомянут «пояс золот с каменьем, на чепех, без ремени». Сравним с поясом, завещанным Юрию отцом — Дмитрием Донским: «пояс золот новый с каменьем с жомчюгом без ремени». Возможно, речь идет об одном и том же предмете обихода. Там и там мы читаем буквально: «пояс золот с каменьем без ремени». Однако и о поясе, который перешел к старшем брату — Василию Дмитриевичу, — также говорится однозначно: «пояс золот с каменьем без ремени» (именно его он и завещал сыну).

Совпадения не бывают случайными, тем более когда речь идет о семейном сокровище, которое стоило немалых денег, было памятно и дорого, причем до такой степени, что записывалось даже в завещание.

Обсудим пояс, который достался по наследству Юрию Дмитриевичу.

Если учесть, что свою духовную грамоту князь Юрий вполне мог написать еще до свадьбы Василия II, то есть сразу же по возвращении из Орды или при отъезде в Галич (что вполне разумно, исходя из его возраста и вновь возникших, опасных для его жизни осложнений с племянником), то и на свадьбе Василий Юрьевич Косой мог появиться в этом украшении, которое почему-то произвело столь сильное впечатление на окружающих.

Но какой именно пояс сорвала с Василия Косого Софья Витовтовна?

Вот как это событие описывает историк А. А. Зимин: «Во время празднества разыгрался скандал, который стал прелюдией к новой вспышке открытого столкновения между галицкими князьями и Василием Васильевичем.

По одним летописным рассказам, Захарий Иванович Кошкин, а по другим — Петр Константинович Добрынский узнал на князе Василии Косом золотой пояс (“на чепех с камением”), принадлежащий великокняжеской семье. Его якобы получил в приданое Дмитрий Донской от великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича. Этот-де пояс подменил на свадьбе Дмитрия Ивановича тысяцкий Василий (из рода Протасьевичей): он взял себе предназначенный великому князю Дмитрию пояс, а ему дал меньший. Тысяцкий Василий передал пояс своему сыну Микуле, которого женили на другой дочери князя Дмитрия Константиновича».

То есть некая подмена пояса возникла, оказывается, еще в

незапамятные времена, когда и детей у Дмитрия Донского вовсе не было.

И тут возникает множество вопросов.

Первый таков. Если в завещании князя Дмитрия Ивановича указан пояс «с каменьем, на чепех» (да и на свадьбе был «на чепех с камением»!), который переходил к Василию Дмитриевичу, то значит, что старший сын уже давно получил не настоящее, а подмененное украшение. Но почему-то никто об этом всерьез до свадьбы не говорил! Ведь, судя по всему, это было очень важное обстоятельство, иначе кто бы стал устраивать такой скандал, да еще столь публичный?!

Второй вопрос поэтому более важен. Почему этот пояс вообще имел такое значение? Если он был от князя Дмитрия Константиновича Нижегородского, то отчего его оценивали чуть ли не как символ власти Московского правящего дома?

По всей видимости, появлялась некая новая легенда, которая, возможно, возникла уже позднее, в виде оправдания странного поступка со срыванием пояса, совершенного Софьей Витовтовной на свадьбе сына.

А. А. Зимин замечает: «В свою очередь Микула якобы дал злополучный пояс в приданое И. Д. Всеволожскому, когда выдавал за него свою дочь; на самом же деле Микула погиб в 1380 г., когда Всеволожскому было вряд ли более 10 лет. По смерти князя Андрея Владимировича Радонежского и возвращении из Орды в 1432 г. Всеволожский обручил свою внучку (дочь князя Андрея) с Василием Косым и дал ему пресловутый пояс».

Получается, что Василий Юрьевич пришел на свадьбу не в том поясе, который завещал ему отец — князь Юрий Звенигородский и Галичский, а в том, что должен был получить по наследству Василий Дмитриевич и который был до этого подменен. И даже если это так и было (хотя мы видим важный аргумент, приведенный современным историком, что этого не могло быть на самом деле, да и разве трудно было заметить подмену еще в те времена?!), то при чем тут семейство князя Юрия и его сыновья?! Ведь не они же совершили подмену! И даже не сам Всеволожский!

Разве что Юрьевичи еще до свадьбы знали — что это за пояс и кому он на самом деле принадлежит, да и показали его нарочно. Но для такого предположения требовались неопровержимые доказательства! Ведь не только «срывание пояса», но даже простой намек на то, что кто-то из Юрьевичей его украл или просто присвоил, означал сильнейшее оскорбление. Бытовое, бездоказательное «узнавание» пояса кем-то из бояр — это скорее

повод, нежели реальное «судебное разбирательство».

Похоже, что затея с поясом на самом деле была заранее подготовлена. И для ее осуществления в виде театральной постановки (что неплохо воспроизвел на своем полотне художник Павел Чистяков) ожидали совсем другое действующее лицо — самого князя Юрия. Но он так и не приехал (что, видимо, предполагали), а потому разыграли представление с его старшим сыном.

Зачем?

А затем, для чего делалось и все предыдущее. Великокняжескому двору все время нужно было доказывать моральное превосходство над семьей Юрия Дмитриевича. Постоянные попытки унизить его и его детей были необходимы, чтобы подорвать его моральный авторитет. Кража драгоценности и символа власти — разве это не аргумент против претендента на престол среди боярства и народа?! Да если еще осветить публично все это с выгодной стороны, да записать в летописи, да размножить…

Добавим к этому, что Василию Васильевичу постоянно нужен был повод для оправдания своих выступлений против дяди. И даже более того — ему нужна была такая ссора, которая бы наконец спровоцировала встречные действия с его стороны по отношению к племяннику.

Но не все летописные источники отреагировали так, как хотелось официальной стороне. Севернорусский летописный свод 1472 года более сдержан и лаконичен: «В год 6941 (1433). Женился князь великий Василий Васильевич, 8 февраля, и на той свадьбе Захарий Иванович Кошкин тягался из-за пояса с Василием Юрьевичем Косым, а князь да бояре разъехались по домам». Ни о какой Софье Витовтовне вообще речи нет. И нет даже серьезных обвинений в подлоге или краже.

* * *

Итак, что же произошло на свадьбе?

Мать-княгиня буквально сорвала с князя Василия Юрьевича пояс, в котором он пришел. Скандал был налицо. Свадьба, судя по всему, была в некотором роде также сорвана, ведь «князь да бояре разъехались по домам». Оскорбления, нанесенные сыновьям Юрия Звенигородского и Галичского, достигли цели. Результат превзошел все ожидания тех, кто устроил эту провокацию. «Князь Василий Косой да князь Дмитрий Шемяка, соединясь, отправились к отцу своему в Галич», — рассказывает летопись.

С этого момента изменилось всё, до неузнаваемости. Терпение лопнуло у тех, кто был на стороне дяди, да и у него самого. Вот когда началась настоящая война за утверждение власти на Московском престоле.

Василий Косой и Дмитрий Шемяка приехали на свадьбу в Москву со свитой. И, видимо, их небольшие боевые дружины ждали их на подступах к столице. Не долго думая, они по пути в Галич вместе со своими отрядами «заскочили» на ярославские земли и, уже не задумываясь, разграбили казну тех князей, которые занимали сторону Василия II.

То были уже настоящие, активные действия со стороны семьи Юрия Дмитриевича. Одобрил ли он их, когда сыновья появились у него в Галиче? Во всяком случае, сам князь Звенигородский не собирался и не готовился кого-либо захватывать или выступать против Москвы.

Но нанесенного оскорбления даже он не мог снести.

Спрашивается, почему? Ведь и ранее племянник его унижал. А сколько пришлось вытерпеть ему в Орде?

Думается, что всему есть свой предел. Чаша терпения переполнилась. И теперь были затронуты реально честь и достоинство не только семьи Юрия, но и семьи князя Дмитрия Донского. А такого простить было нельзя. За эту честь Юрий Дмитриевич воевал с ханом Тохтамышем. Теперь пришлось — и с родным племянником.

Однако, по всей видимости, могли быть и иные причины такого активного «пробуждения» Юрия. Ведь данный пояс связывали с именем великого князя Нижнего Новгорода — Дмитрия Константиновича. А это был его родной дед, отец Евдокии Дмитриевны, жены Дмитрия Донского. Софья Витовтовна, сама того не подозревая, затронула святая святых — честь матери Юрия, которую уже тогда почитали в достаточной степени, чтобы затем причислить к лику святых.

Кроме этого, эпопея по присоединению к Москве нижегородских земель, как мы помним, происходила исключительно под руководством и при боевом героизме самого Юрия Звенигородского. Именно он преследовал нижегородского князя Семена, а затем благодаря этому походу захватил 14 булгарских городов. Именно эту славу — «покорителя булгар» — старательно приписывал затем сам себе его брат Василий I.

Таким образом, нижегородский пояс был не просто символом власти или семейной реликвией. С ним были связаны многие страницы истории и люди, которые для Юрия Дмитриевича Звенигородского имели особенное значение. Потому он не смог, не сумел сдержаться. Заветы старцев и советы духовных

подвижников — не отвечать на выпады и не выступать против племянника — в этот раз не остановили его. Нарушение Василием Васильевичем и его матерью некоторых моральных норм и обязательств чести открыли для него путь в Москву.

И он — выступил.

Причем сделал это быстро и профессионально, как умел всегда.

И победа не заставила себя долго ждать.

* * *

Весть о событии на свадьбе пришла в Галич Мерьский с быстротой молнии. Вот как описывает события А. А. Зимин: «Прибывшие в Галич после отъезда со свадьбы Василия II Василий Косой и Дмитрий Шемяка увидели, что их отец уже “собрався со всеми людьми своими, хотя итги на великого князя”. Они с радостью присоединились к начавшемуся весной 1433 г. походу. В нем принял участие и И. Д. Всеволожский. В Москве еще не знали об угрозе, нависшей над Василием II, когда туда прибыл ростовский наместник П. К. Добрынский с сообщением о том, что князь Юрий со своими детьми и “многою силою” подошел уже к Переславлю. Не успев “собраться с силою”, Василий Васильевич решил попытаться окончить дело миром. Он направил к князю Юрию своих послов — Федора Андреевича (с выразительным прозвищем — Лжа) и Федора Григорьевича (Товарко). Встреча с представителями князя Юрия состоялась у Троицы, но ни к чему не привела: якобы Всеволожский “не дал о миру и слова молвити”. Да и послы Василия II были хороши: “…бысть межи их, обоих бояр, брань велика и слова неподобные”. Так ни с чем (“безделнии”) они и вернулись к великому князю».

Переговоры становились бессмысленными. Князь Юрий, переждав зиму, шел к Москве, и уже ничто не могло его остановить.

Каково же на тот момент было состояние московского войска? Вспомним, что долгое время Василий II провел в Орде, затем готовился к свадьбе. И ему было не до того, чтобы создавать армию. Тем более главного своего «организатора» — Всеволожского — он уже потерял. А тот, находясь в Галиче, времени не терял. Боярин умел «создавать прецеденты» и уговаривать союзников. Теперь он помогал вовсе не Москве.

Таким образом, у Василия не было серьезных сил для оказания сопротивления «пробудившемуся галичскому медведю». Да он и не успел их собрать. Кое-какие бояре, некоторые князья

из разъехавшихся после свадьбы, да и посадские, торговые люди, нечто вроде ополчения. Вот чем он располагал.

Вполне вероятно, что не все спешили помогать тому, кто нанес серьезное оскорбление уважаемому многими человеку — сыну Дмитрия Донского. Даже союзники и сочувствующие Василию не оказали ему реальной поддержки в этот момент. Моральный авторитет был явно на стороне князя Юрия.

Это и показало короткое сражение объединенной дружины Звенигородского и Галичского правителя и его сыновей с тем войском, что удалось выставить против них племяннику. Встреча сторон состоялась уже на подступах к столице (так быстро двигались отряды Юрия с северо-востока). Трудно сказать, можно ли назвать битвой то, что произошло у берегов реки Клязьмы 25 апреля (8 мая по новому стилю) 1433 года. Но победу князь Юрий одержал полную. К тому же он только что отметил день своего тезоименитого покровителя — святого Георгия Победоносца (23 апреля — 6 мая).

Летописи отметили: «В ту же весну князь Юрий Дмитриевич с сыновьями и с ним Иван Дмитриевич, собрав силы многие, пришли к Москве неожиданно на великого князя, в канун праздника Жен Мироносиц… за двадцать верст от Москвы на Клязьму. Князь же великий вышел на них с небольшой силой и после короткого боя бежал в Москву».

Итак, заветная столица была открыта для Юрия Звенигородского уже 26 апреля (символический день для победы и для русской истории, ведь по новому стилю это — 9 мая!).

И когда племянник Василий вместе со своей литовской матерью Софьей Витовтовной и молодой женой, еще не родившей ему ни одного наследника, убежал в Тверь, а оттуда—в Кострому, дабы собраться с силами для новых битв, столица Руси находилась уже в руках Юрия Дмитриевича.

Наступило время его великого княжения.

Глава девятая.
НА ПРЕСТОЛЕ БЕЗ ВЛАСТИ

Поедем, братье… к славному граду Москве и сядем на своих вътчинах и дединах.

Сказание о Мамаевом побоище

Мы достигли апогея нашего повествования. В этой главе будет подробно рассказано, как Юрий Дмитриевич стал великим князем в Москве.

Именно данный факт и опровергается теми, кто не приемлет исторические достижения этого человека. И вот по какой причине.

Князь Юрий был на великокняжеском престоле, но не получил подтверждения от царя — хана Орды на власть (не получил ярлык на великое княжение). В этом и есть одна из главных проблем, в том числе и для историков. Признать его власть или нет?!

Если следовать этой логике, то тогда надо исключить из этого спора и само завещание Дмитрия Донского. Ведь он не спрашивал разрешения у царя-хана на то — кого назвать своим наследником, и даже более — писал следующее: «А приказываю отчину свою Москву детем своим…» Сам приказывал! Вообще без всякой ссылки на правителя Орды!

Но если мы исключим из спора завещание Донского, будем считать его запись лишь эмоциями, то в итоге получится парадокс: можно будет утверждать, будто Василий Дмитриевич вступил в права наследства нелегитимно! И лишь позднее он все же утвердился у царя.

Но так же точно мог поступить и Юрий — утвердиться у ордынского хана, то есть — получить ярлык. Он просто не успел это сделать. Его великое княжение было слишком коротким. До странности коротким.

И не потому ли он быстро скончался (или был отравлен), чтобы физически не суметь или не успеть получить подтверждение из Орды? Данное утверждение весьма серьезно.

Подумайте сами, если бы такое подтверждение от хана появилось, да еще к нему прибавить завещание Дмитрия Донского — то власти любых потомков Василия I или Василия II

на Руси пришел бы конец!

Но история есть история. Все было чуть-чуть не так, по-другому…

Великое княжение в Москве. Гипотеза 17

Щедрый князь — отец многим слугам.

Слово Данишла Заточника

Философ Н. С. Трубецкой, из статьи «О туринском элементе в русской культуре», 1925 год: *«Московский государь был преемником ханов-завоевателей и императоров византийских… “Свержение татарского ига “ свелось к замене татарского хана православным царем и перенесением ханской ставки в Москву».*

* * *

С момента прихода в Москву Юрия Дмитриевича всё, что связано с его великим княжением, представляется весьма странным, расплывчатым, непредсказуемым и даже загадочным. Совершенные им поступки не поддаются простой логике, а потому летописи либо умалчивают подробности, либо излагают противоречивые сведения.

Юрий не мстил врагам и не устраивал погромов, не проявлял чрезмерного насилия или жестокости, не учинял показательных расправ и не провоцировал тотальных перемен. Казалось, Москва пришла к нему, цель осуществилась и на этом — можно поставить точку. Он доказал всему миру, Руси, хану, своим предкам и потомкам — что он и есть истинный хозяин государства. И этого было достаточно. К большему он в этот момент уже и не стремился.

Это может показаться странным. Но если бы власть пришла к нему хотя бы десятилетие назад, в пору расцвета сил и энергии, мечтаний о строительстве новых регионов, обустройстве земель и городов… Если бы тогда! Все могло бы быть по-другому.

А нынче его действия не выглядели столь активными. Хотя, возможно, так их освещают дошедшие до нас источники. Они не уделяют почти никакого внимания тому, что делал или хотел сделать в Москве Юрий Дмитриевич в тот момент.

Все же некоторые летописи признали его как великого князя Московского. Особенно все те же Новгородские и Псковские. Домогательства Литвы в то время для них были непосильны, и у них сохранялась надежда, что Юрий Дмитриевич сможет

повлиять на ход событий, особенно благодаря своим хорошим отношениям со Свидригайло. По крайней мере, новый великий князь Московский не был активным союзником литовцев, как Василий и его мать.

Потому во Пскове так и отметили, что Юрий «седе на великом княжении во граде Москвы во своей отчине».

Понятие «своя отчина» здесь употреблено не случайно. Отчиной называли то, что досталось в наследство, пришло от отца и являлось естественным и неотъемлемым правом ее владетеля. Таким образом, на Руси было достаточно сил, которые признавали завещание Дмитрия Донского отправной точкой для решения спорного вопроса о власти. Более поздние документы и интерпретации ветви Васильевичей становились менее значимыми и менее правомочными.

И вот тут, когда «своя отчина» уже была в руках, новый великий князь вдруг принимает абсолютно никем не предсказуемое и очень странное решение — вернуть эту самую власть обратно Василию Васильевичу!

Что же привело князя Юрия к этому решению?

Для начала рассмотрим, что успел сделать он, пребывая у власти на Москве. Может быть, это разъяснит нам суть его дальнейших поступков.

Во-первых, он так и не сделал ничего плохого своему племяннику. Хотя войско Василия требовалось как-то нейтрализовать, чтобы он не учинил ответных действий. Для чего пришлось послать за ним вдогонку дружины сыновей до самой Костромы, вослед за которыми выступил и сам Юрий.

На Москве же он не успел свершить почти никаких серьезных реформ. Хотя некоторые важные шаги для укрепления власти им были предприняты. Скупые сведения «ловим» мы в докончальной грамоте Юрия и Василия, которую они заключили чуть позже.

Выясняется, что Юрий Дмитриевич за очень короткое время, исчисляемое месяцами, сделал совсем немало.

Оказывается, что он, «сидя на Москве», как правитель «суды судил».

При быстром заходе в Москву Юрий легко захватил все «сбережения» князя Василия и его семьи, как тогда говорили — «казну». В грамоте Юрий так и отметит для Василия: «поймана твоя казна… и твоее матери… или поклажаи ваши, или бояр твоих поклажей, или инятцов твоих поклажей».

Кроме этого, славно «погуляли» и бояре самого князя Юрия. Дорвавшись до Москвы, некоторые из них, вполне достаточно пострадав до того от столичных придворных служилых людей, успели даже свести некоторые счеты. И если во время боевых

действий трофеи считались делом чести, то после боя, в мирное время — люди могли расценить изъятие ценностей врагов как простой грабеж. А потому Юрий, решив отдать затем всё назад (причины мы попробуем изъяснить чуть позднее), так и запишет для Василия: «А что мои люди грабили бояр твоих, или инятцов твоих, или людей твоих, опрочь бою, ино то отдати, а не отдадут, ино тому суд и исправа, опроче съестного». Хотя тут же князь вспоминает и подобные действия со стороны племянника. «А что будут, — замечает Юрий, — твои бояре и твои люди имали и грабили моих бояр и слуг в первое наше розмирье, и им то отдати, а не отдадут, а на то суд и исправа. А что князь Василеи Ярославич имал мою вотчину или люди его грабили мою вотчину, а на то суд и исправа». Здесь не случайно упоминается князь Серпуховский и Боровский Василий Ярославич, видимо, изрядно пограбивший подмосковные владения князя Юрия в те моменты, когда ему пришлось находиться в Галиче. Василий II еще в прошлом году успел заключить с ним докончальную грамоту, где тот должен был выступать против врагов великого князя. Что он исправно и делал. Правда, лишь тогда, когда чувствовал некоторую безнаказанность и отсутствие реального сопротивления.

Также, сидя на Москве, Юрий Дмитриевич, по всей видимости, совершил довольно серьезный и решительный поступок. Он заплатил в Орду 600 рублей, дабы покрыть срочный долг самого Василия Васильевича, который накопился у него за последнее время. Таким образом, Юрий стремился, наверное, наладить взаимоотношения с Ордой и показать, что он готов платить дань не хуже племянника и даже делает первый взнос.

Разорения, учиненные Василием до этого в уделах Юрия, поездка их в Орду с дарами привели и нового великого князя к весьма трудному положению. Чтобы заплатить дань (или даже проценты по долгу, который появился у Василия перед его покровителями в Орде), Юрию Дмитриевичу пришлось обратиться к русским купцам, которые искренне его поддержали и немедленно дали князю сию внушительную сумму. Это подтверждает текст уже упомянутой нами грамоты, когда Юрий объясняет Василию — как урегулировать меж ними денежные проблемы. «А что есмь занял у гостей и у суконьников шестьсот рублев да заплатил есмь в твои долг в ординьскои Резеп-Хозе да Абипу в кабалы, и на кабалах есмь то серебро подписал, и тобе с мене тот долг, ту шестьсот рублев, сняти. А с теми гостьми ведатися тобе, опрочь мене, самому. А мне тобе тех сказати, у кого есмь то серебро заимывал».

Наконец, в продолжение перечисления того, что успел

сделать Юрий Дмитриевич на Московском престоле, следует упомянуть появление новых монет, которые он начал чеканить немедленно. Полновесные деньги, где Юрий уже прямо назван великим князем, показывали его настоящую власть. Видимо, он рассчитывал ими расплачиваться с Ордой, отправлять хану дань, как настоящий правитель Руси.

Однако князь Юрий, видимо, уже не мог полностью активно управлять государством (возможно, в силу возраста). А потому все больший вес стал иметь при его дворе доселе не очень известный человек — боярин Семен Федорович Морозов. При этом столкнулись интересы сразу двух боярских кланов-семей — Морозовых и Всеволожских. Видимо, Юрий опирался на перебежавшего к нему Всеволожского, но не доверял ему все дела. А ближе ему стал новый советчик — Морозов,

В итоге произошло следующее. Летопись рассказывает так: «Князь же Юрий, сев на княженье в Москве, послал сыновей своих, Василия да Дмитрия, за великим князем, и узнали те, что он в Костроме; тогда и сам князь Юрий пошел к нему и пришел в Кострому; и бил челом князь великий дяде своему, князю Юрию, и дал тот ему Коломну-город в удел, а мира добился Семен Морозов, любимец Юрия-князя».

Все написанное означает, что Юрий Дмитриевич настиг своего племянника в Костроме, «взя его», после чего Василий бил «челом дяде своему». В этом «битии челом» как раз и сыграл важнейшую роль боярин Морозов. Судя по всему, именно он уговорил князя Юрия простить бывшего великого князя. Юрий Дмитриевич, действуя по «наущению» боярина Семена Федоровича, вспомнил о заветах отца, который всех своих «сыновей» (а Юрий как великий князь становился для других князей не «братом старейшим», а «отцом») наделял уделами.

У Василия II было три варианта будущего: смерть, пленение или удельное княжение наравне с другими русскими удельными же князьями. Он конечно же выбрал третье. Потому что князь Юрий это ему любезно предложил. А ведь мог и не предлагать!

В тот самый момент старшие дети Юрия — Дмитрий Шемяка и Василий Юрьевич — были против такого решения. К ним примыкал также И. Д. Всеволожский («не любо ему бысть сие зело»). По сути, они желали того, чтобы Василий вообще отошел от любых дел окончательно, и даже более — жаждали его смерти. Тогда проблема была бы решена окончательно, в том числе и для них. Ибо по смерти отца — Юрия Дмитриевича — старейшим в роде оказывался Василий Васильевич. И, если следовать древним традициям, — пришлось бы ему возвращать всё, включая Московский престол.

Но Юрий не допустил расправы над племянником. В этом он кардинально разошелся со своими сыновьями. И со Всеволожским. А потому — стал опираться на Морозова.

Итак, прибыв в Кострому и «взяв» Василия, Юрий дарует ему в удел Коломну. Эти земли были когда-то удельными для отца племянника — Василия Дмитриевича, то есть попали к нему как раз по завещанию Дмитрия Донского. Таким образом, великий князь Юрий восстанавливал историческую справедливость. Он возвращал Василия на «свое место» не только в системе власти, но и присваивал ему титул «удельного князя» на той отчине, которую он, собственно, и заслуживал по завещанию великого деда.

Счастливый (что остался в живых и вообще не пострадал) Василий Васильевич быстро отправился в Коломну. Но он не ответил дяде взаимностью. Жажда власти и мести мгновенно возобладала над его чувствами. И он опять начал готовиться к возвращению себе Москвы.

Для этого, между прочим, складывалась удачная ситуация. Боярином Морозовым и его окружением не были довольны многочисленные старые боярские роды. Началась скорая смута в их рядах. Вновь оставалась двойственность во власти, ведь у Василия все еще был ярлык от хана.

Так «мнози бояре и слуги», которым «не любо.., бысть сие», стали оставлять и Юрия. Ведь его доброта по отношению к племяннику походила на проявление слабости. А ведь бывают моменты, когда слабость, пусть даже мнимая, становится камнем преткновения. Его нежелание поставить точку и расправиться с Василием будто показывало, что он не рассчитывает на долгое свое правление. Но большинство жаждало крови.

Современный историк Р. Г. Скрынников описывает события таким образом: «Сказавшись на троне, Юрий должен был продолжать “собирание” или, вернее, укрепление великокняжеской власти. Нельзя согласиться с тем, что носителем принципов “политической централизации” мог быть Василий II, и никто другой. Своим характером и опытностью Юрий превосходил племянника, а следовательно, у него было больше шансов на успех. Однако личные качества князя имели второстепенное значение. Судьба Юрия свидетельствует о том, что в московском обществе сложились институты, оказавшие решающее влияние на исход политической борьбы. Такими институтами были дума и двор. Раздел московской вотчины на уделы привел к разделу двора и расколу боярства. Самые знатные из бояр остались в думе у великого князя. В уделах служили менее знатные фамилии и младшие члены боярских семей. Бояре

и двор князя Юрия помогли ему овладеть Москвой и доставили ему корону… Старшие бояре из думы Василия II увидели себя обделенными. При великом князе Юрии на пост правителя претендовал его любимец С. Ф. Морозов. Морозовы не могли тягаться с князьями Патрикеевыми, Оболенскими, боярами Челядниными и пр. Но и в роду Морозовых Семен далеко уступал честью боярам из старшей ветви рода. Великокняжеские бояре не желали признавать “старейшество” удельных бояр, своей младшей братии… Не мирясь с утратой власти, бояре покидали Москву и один за другим отъезжали на службу к князю Василию».

Быть может, в это время многие уже предполагали, что дни Юрия Дмитриевича сочтены. И бояре бежали туда, где они могли бы в дальнейшем спасти свою жизнь и имущество. Ведь, по возвращении на престол, Василий Васильевич никого бы не пощадил, это все хорошо понимали и знали. То был не Юрий, доброты и справедливости от него никто бы и не ожидал.

Так и произошло затем на самом деле.

* * *

Василий Васильевич стал «звати к себе людей отовсюду». К нему вновь перебежал даже И. Д. Всеволожский. Он его принял, так как желал мести дяде. Но не простил. Потому и накажет его в ближайшее время весьма жестоко, расправится с ним физически. Но об этом чуть позднее.

А тут и в самой Москве произошло убийство. Недовольство политикой боярина Морозова достигла апогея. Дети Юрия Дмитриевича — Василий Косой и Дмитрий Шемяка считали, что именно он «учинил ту беду отцю нашему и нам», они почувствовали, что власть уходит у них из рук.

Похоже, что их непонимание с родителем достигло своей вершины. Во время ссоры во дворце Московского Кремля, прямо в сенях, братья, как утверждает летопись, самолично убили боярина Семена Федоровича.

Возможно, это убийство произошло в гневе или в результате сильного раздора, а не по специальному умыслу. Но было ясно, что князь Юрий так просто этого не оставит.

И дети великого князя побежали от отцовского гнева в Кострому…

А отец остался один, в окружении звенигородских и галичских бояр, которые также не совсем понимали мотивы поступков своего правителя.

Но они даже не предугадывали того, что, собственно,

произойдет в ближайшие дни. То самое, для всех окружающих — невероятное.

Вопреки всем предположениям о дальнейших планах правителя Москвы великий князь Юрий Дмитриевич сообщил своему племяннику, что возвращает ему престол и готов заключить с ним для этого специальный договор — докончальную грамоту о непредъявлении к нему претензий в будущем.

После чего сам князь Юрий выехал из столицы и направился к ближайшему своему удельному центру — Звенигороду (или, по другим сведениям, — в Рузу).

Среди некоторых причин такого поступка князя называют то, что было «непрочно ему седение на великом княжении». Возможно, и так. Но в таких случаях временно отступают, берут перемирие, собирают силы и пр. То есть стремятся всячески упрочить свою власть. Однако Юрий поступил иначе. Похоже, им двигали какие-то другие мотивы.

Одним из них, по нашему мнению, мог стать мотив на первый взгляд «мистический», не вполне реальный и не весьма существенный. Но можно даже выдвинуть его на передний план и посчитать одним из главных.

Напомним в связи с этим историю, которую мы уже рассказали в главе седьмой данной книги — «Заступники и покровители». В изложении Жития преподобного Григория Пельшемского читатель, видимо, уже подметил некое событие, и мы вернемся к нему вновь.

По Житию старца Григория, в 1433 году, когда Василий II уже отправился в Коломну, он пошел в Москву, где встретился с великим князем Юрием Дмитриевичем, бывшим до этого его галичским покровителем. И уговорил его оставить Московский престол в пользу племянника.

Мы уже говорили ранее о теории «благочестивого княжения», которая была так близка князю Юрию еще со времен преподобного Саввы Сторожевского. И если принять текст Жития как данность, то слова Григория Пельшемского возымели удивительное действие на князя. Он последовал им буквально. Укор старца, что «не по строению Божию хочешь ты властвовать», оказался сильнее любых других убеждений.

Похоже ли это на выдумку? Ведь мы знаем, что тексты Жития преподобного Григория разнятся. В более ранних вариантах рассказа о походе старца в Москву этих слов князю Юрию — нет.

А если все же принять данный текст за основу? То, как мы уже говорили, данная история хоть и необычно, но раскрывает нам тайну отказа Юрия Дмитриевича от великокняжеского престола в Москве, после многих лет ожиданий на его получение

по завещанию отца. И действительно, приоткрывается удивительная сторона его жизни, и мы видим глубину миросозерцания правителя Руси.

Вот и возможное объяснение событий. Повторимся — лишь вероятное объяснение. И не только потому, что нельзя доверять одному из вариантов текста Жития (автор данной книги как раз с большим вниманием относится к Житиям русских святых как к источникам для восстановления исторической справедливости), а и потому, что необходимы некоторые более точные и косвенные подтверждения этому факту. Ведь не случайно же появились расхождения в текстах. Так бывает, когда интерпретация событий вызывает разные мнения различных сторон…

* * *

Итак, Василий Васильевич вернулся в Москву. Беда ждала многих его врагов. Главными из них стали сыновья Юрия Дмитриевича — Василий Юрьевич и Дмитрий Шемяка. Но они были далеко от столицы. Хотя собирали силы для уже откровенной войны со своим московским врагом.

Василию следовало себя обезопасить. Лишить братьев любого сильного союзничества. Для этого, как мы уже говорили, и была заключена докончальная грамота между ним и Юрием Дмитриевичем. Уникальный документ эпохи является удивительным образцом того, как быстро на Руси могли «отцы» превращаться в «братьев молодших».

Для подписания грамоты собрались главные действующие лица великого княжества Московского на тот момент (исключая двух вышеупомянутых сыновей Юрия Дмитриевича — Василия и Дмитрия-старшего). Кроме двух главных подписантов (Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича), участие в договоре приняли и другие. С одной стороны — другой дядя Василия II, князь Угличский Константин Дмитриевич, а также другие его двоюродные братья, сыновья покойного Андрея Дмитриевича — Можайский князь Иван да князь Верейский и Белозерский Михаил, оба — Андреевичи. Присутствовал на той же стороне князь Василий Ярославич, к тому времени уже окончательно вошедший в коалицию племянника Юрия.

С другой (Юрьевой) стороны грамоту подписал его младший сын — Дмитрий Красный. Таким образом, мы имеем исторический документ, который подтверждает реальные мирные намерения, в частности, со стороны Юрия Дмитриевича, которые бы могли привести страну к завершению любых междоусобиц. Но,

как водится, не для всех законы писаны.

Когда был заключен данный докончальный договор — точно сказать нельзя, ибо дата не указана. Но скорее всего это произошло уже летом 1433 года, когда князь Юрий принял решение о передаче Москвы племяннику.

По грамоте Юрий Дмитриевич вновь признает Василия «великим князем, собе братом старейшим». Но конечно же не «отцом» или кем-то «вместо отца» (такая формула, как мы уже говорили, была в грамоте Дмитрия Донского, который призывал сыновей «вместо отца» почитать старшего брата).

Основные позиции по отношению к власти князь Юрий сформулировал абсолютно однозначно — он отдавал всё Василию безоговорочно, с подтверждением всех родственных связей семьи потомков великого князя Дмитрия Ивановича. «Имети ми тобя, великого князя, собе братом старейшем. А брату нашему молодшему, князю Костянтину Дмитриевичи), имети ему меня себе братом старейшим. А князю Ивану да князю Михаилу Андреевичем имети им меня собе дядею. А князю Василью Ярославичю имети ему меня себе дядею жо. А добра вам мне хотети везде, во всем, где бы ни было… А кто будет тобе, князю великому, друг, то и мне друг. А кто тобе недруг, то и мне недруг».

Еще раз подчеркивались властная субординация и отсутствие взаимных притязаний: «А держати ми тобя, великого князя, собе в старишиньстве. А тобе мене держати в братстве, и во чести, без обиды».

Особо выделено отношение к двум другим сыновьям Юрия, которые не приняли участие в подписании грамоты. Их общим решением исключили из состава союзников. Отношение князя Юрия к ним было крайне сложным (возможно, договор составлялся уже после того, как они убили боярина Морозова, хотя он даже в нем упоминается в виде «Семенова Федоровича»), и это подтверждает текст документа: «А детей ми своих болших, князя Василья да князя Дмитрея, не приимати, и до своего жывота, ни моему сыну меншому, князю Дмитрею, не приимати их. А тебе их так же не приимати».

Дядя и племянник даже пошли против решения хана-царя, который распределил между ними вотчины, отдав Юрию Дмитров. Теперь всё возвращалось к Василию Васильевичу. «А чем тобе благословил отец твои, князь великий Василеи Дмитриевич… так же что отчина брата нашего молодшего, князя Петрова Дмитриевича, Дмитров со всеми волостми, того ми всего под тобою, под великим князем, блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни моему сыну, князю Дмитрею Меншому», — писал

князь Юрий, Следующая же формулировка была уже за пределами даже власти самого Василия II: «А что есмь взял царев ярлык на Дмитров, и тот ми ярлык тобе дати». Забрать ярлык хана без его ведома — не так просто. И можно предположить, что Василий Васильевич этот вопрос успел с Ордой согласовать. Тогда и отказ Юрия от великого княжения становится более понятным, ибо по какой-то причине (пока нам точно неизвестной), возможно, Юрий Дмитриевич не хотел идти против решений хана-царя или воевать с ним из-за власти (к тому времени могли поступить по отношению к нему угрозы такого «наказания» из Орды).

Важно еще отметить то, что по грамоте Бежецкий Верх передавался младшему сыну Юрия — Дмитрию Красному.

И еще. Своеобразная «равноправность» двух князей, даже после признания снова одного из них князем великим, все же оставалась странной формулировкой, не очень распространенной среди докончальных грамот. А именно: «А на сем на всем, брате старейший, князь великий Василеи Васильевич, целуй ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Юрью Дмитриевичи), и к моему сыну, князю Дмитрею Меншому» — записано в документе со слов теперь уже вновь удельного князя Звенигородского и Галичского Юрия. Некоторая степень уважения к дяде оставалась в кругу племянника, что и отразилось в тексте в виде прямого побудительного обращения подвластного князя к сюзерену — «целуй ко мне крест, к своему брату молодшему».

* * *

Заключение договора означало, что дядя и племянник встретились лично. А такая встреча была уже немалым событием. И ничего хорошего, особенно для сына Дмитрия Донского, она не сулила. Опыт прошлого это подсказывал.

После подписания грамоты князь Юрий не стал возвращаться в Звенигород. Его вновь подчиненное положение не давало ему гарантии личной безопасности. Ведь он хорошо знал характер Василия II.

Юрий Дмитриевич не медля отправился в надежный и отдаленный от Москвы Галич Мерьский. И не ошибся.

Василий Васильевич не стал ждать вовсе. Он немедленно собрал войско с князем Юрием Патрикеевичем во главе и отправил в сторону Костромы, дабы покончить с последними бунтарями — Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Ясное дело, что Юрий Дмитриевич помогать сыновьям не собирался. Ведь он

докончальный договор подписал, что не будет этого делать. И, как всегда, его соблюдал, как он поступал еще со времен своего старшего брата Василия Дмитриевича, в ущерб своим собственным интересам.

Но даже он не смог удержать некоторых своих галичских бояр с их дружиной, к которым присоединились воины-вятчане, после чего они направились на подмогу костромским оппозиционерам. Сила против Москвы собралась немалая. Воевода Юрий Патрикеевич даже не представлял — какая. Да и «сторожевой полк» из Галича (так его называли в летописи) подоспел вовремя.

Рати сошлись в осенний день — 28 сентября 1433 года, у реки Куси. Василий Косой и Дмитрий Шемяка легко и быстро расправились с посланным из Москвы войском, а князь Юрий Патрикеевич в итоге попросту попал к ним в плен.

Получалось, что Василию II воевать после этого было нечем и некем. Вот уж момент, так момент. Иди обратно в Москву и занимай престол.

Но сделать такое мог только сам князь Юрий Дмитриевич. Сыновья его старшие, как бы они этого ни хотели, совершить въезд в столицу не могли. Их бы просто никто там за власть не признал.

Призывы Василия Косого и Дмитрия Шемяки — «отче, поиде на княжение!» — уходили как будто в пустоту. Отец не желал их слушать, как и нарушать условия только что подписанного докончания с Московским правителем. Тогда сыновья вернулись обратно в Кострому. Им ничего более не оставалось делать.

Этой передышкой удачно воспользовался великий князь Василий. Он лихорадочно собирал новое войско. И он никогда бы не поверил, что Юрий не участвовал в выступлении против него, а его войска не было на реке Куси. Кроме того, мы можем предположить, что поражение его дружины спровоцировало новое решение великого князя — дядя лишь самим фактом своего существования является совершенно непреодолимой угрозой. Думается, тогда, осенью 1433 года, в Москве появился и созрел план физического уничтожения Юрия Дмитриевича. Проблему для Москвы пора было решить кардинально. И безвозвратно. Навсегда.

Князь Юрий, видимо, как-то узнал о данном решении. Именно по этой причине ближайшие месяцы станут грандиозной развязкой многолетнего родственного противостояния. Теперь сидеть сложа руки князь Звенигородский и Галичский уже не мог.

Но и здесь не он первым нарушил условия докончальной грамоты. Зимой 1433 года Василий II с новой ратью, заручившись поддержкой родственных князей, буквально игнорировав все

письменные договоренности, двинулся прямо на Галич. Летописи не преминули отметить: «через мирную руку и правду». То есть нарушив мирные и моральные обязательства.

Севернорусский летописный свод 1472 года скрупулезен: «Князь великий… пошел Галич разорить в зиму ту, а князь Юрий бежал к Белоозеру; князь великий Галич пограбил и сжег и в плен всех увел».

Что-то произошло, видимо, в психике этого правителя. Он не только поставил цель — убрать своего дядю, но и стал совершать особо жестокие поступки, которые время от времени отмечают летописные источники.

Например, перестав доверять перешедшему к нему И. Д. Всеволожскому и предполагая, что тот может опять переметнуться к дяде, он приказывает ослепить несчастного боярина, который мог еще совсем недавно стать его тестем. Это уже потом, после кончины Юрия Дмитриевича, среди воюющих сторон последует целая цепочка взаимных ослеплений и других трудно представимых ужасов родственной брани. Но первым данную «черту» переступил (как похожее бывало и ранее) именно племянник. За что ему самому вскоре и воздастся: быть и ему также ослепленным (конечно же не от Юрьевой руки), а поэтому в потомстве он будет зваться Василием Темным (то есть — слепым, не видящим света). Хотя он сумеет отомстить Юрьевым чадам тем же — ослепит старшего сына князя Юрия Звенигородского и Галичского, который после этого будет зваться Василием Косым.

Нет ничего более символического для характеристики данного периода русской истории, как то, что великим княжеством Владимирским (Московским) успели одновременно (с переменной последовательностью) править два двоюродных брата, оба Василия, и оба — насильственно ослепленных. Один — Темный, другой — Косой. Воистину, Руси требовался некто реально зрячий! Ибо правители «наследовали» тогда лишь мучительные пытки в виде выкалывания глаз…

Объединились ли в тот момент уже войска Юрия Дмитриевича с дружинами его старших сыновей? Трудно сказать. Ведь сам князь Звенигородский ушел из Галича и двинулся на Белоозеро, впервые занимая не свои территории, а земли другого собственного племянника — Михаила Андреевича. Но тут уж было не до родственных сантиментов. Решалась судьба всей семьи.

Думается, что действовал князь согласованно с Юрьевичами. Они немедленно отправились в Галич Мерьский и заняли там оборону. Мы помним, что городская крепость была изрядно потрепана после недавнего набега ордынцев и нескольких

серьезных штурмов. Но сыновья Юрия неплохо знали военное дело.

Итак, московское войско быстро подошло к Галичу. И тут Василий II проявил чудеса жестокости. Он не только спалил и разграбил посад и окрестности, но и взял многочисленный «полон», о котором потом упоминали летописные источники. «Люди в плен поведе и много зла сотворив земле той», — отмечалось в документах. Он очень хотел добраться до самого сердца Юрьевичей, до них самих. Но не сумел. Сыновьям помог отец, теперь уже откровенно поспешивший к ним на выручку. И Василий отступил.

А в это время его «подельники», племянники Юрия, князья Иван и Михаил Андреевичи воевали Звенигород, причем грабили удел основательно. То, что не довелось сделать даже татарам, совершили ближайшие родственники.

В знак покорения северо-восточной «столицы» Юрия Дмитриевича, а также для умаления его духовного авторитета, племянник — Василий II — вывез из Галича одну из главных здешних святынь — знаменитую Овиновскую икону Божией Матери. История эта в подробностях изложена нами в главе «Заступники и покровители». Однако стоит упомянуть здесь еще раз вот о чем. Василию Васильевичу важно было лишить Юрьевичей одной из главных их святынь, считавшейся покровительницей Галича. Отдаленный город уж очень стал самостоятельным.

Икона была отвезена в Москву. И ее даже москвичи посчитали плененной (!). Некоторые источники рассказывают о чуде, как на следующий же день Овиновская икона исчезла из столицы и тут же объявилась снова в Галиче. Из Успенского собора Московского Кремля — да вновь в Успенском Галичском монастыре!

Народ православный, как видим, все воспринимал по-своему. И правду о происходящем — знал. Град снова получал покровительство Небесной Заступницы, которое даже Москва отнять была не в силах.

И хотя есть предположения (еще со старых времен), что икона была возвращена в Галич буквально через несколько месяцев самим князем Юрием Дмитриевичем, после того как он взошел на великокняжеский престол, — сказание о чуде так и осталось жить в сердцах русских людей.

А в самом Галиче события 1433 года воспринимали по-своему. Для чего еще раз обратимся к «Сказанию о чудотворном образе Богоматери Овиновския иже явися во граде Галиче» (по списку XVII века). Прочтем этот текст без комментариев. Ибо они

здесь — излишни.

«Великий князь Василий Васильевич Московский, со многими силами своими, пойде на своего дядю на князя Георгия Димитриевича Галическаго, и град Галич первой, что был на реке Чолсме взя. Тогда же взя и чюдотворную икону Пречистыя Богородицы, зовомую Овиновскую… И принесе образ той к Москве, и постави его в Соборной церкви, и заключив двери, утверди замками и печатьми, и стражей пристави, да будет храними ияко же пленница… О смирения Божия Матерее… Како венцем и диадимою церковью украшенный, и на престоле великаго княжения росийскаго посажденнный, и многим народом судити вправду устроенный, неправеден суд полагает, и насилием хощет удержати неудержанное. Обаче Господь наш Иисус Христос, видев сего неправосудие… обличи его сицевым образом. Егда убо великому князю Василию, и боляром его церковныя двери утвердившим… самим же отшедшим комуждо восвоя си… образ той чюдотворный невидимо ис церкви изыде, и тоя же нощи обретеся в Галиче».

И даже угрозы от великого князя, обратившегося к галичанам, которые будто икону забрали, что «повелит самих вас посещи, и будете сами себе убиту», не возымели действия!

Икона Овиновская вернулась домой.

* * *

В этот момент и вся семья Юрия Дмитриевича собралась в Галиче. Объединились их дружины. И, наконец, дети уговорили родного отца идти на Москву. Ибо другого выхода в сложившихся обстоятельствах не было. Ясно, что Василий Васильевич будет стоять на своем и уже не остановится.

Да ведь и договор великим князем теперь был нарушен.

И Юрий выступил.

Переждав суровые холода, зиму, в начале весны объединенные силы под мудрым и привычным для ратного дела водительством самого князя Юрия Дмитриевича двинулись на Москву. «В ту же зиму князь Юрий послал за сыновьями и за вятчанами и, собрав силу великую, пошел на великого князя», — отметила летопись.

Василий II следил за действиями дяди. Лазутчики донесли о его выступлении быстро. Великий князь успел также собрать свои силы, привлекая двоюродных братьев и манипулируя докончальными договорами, коих он успел заключить изрядное количество. В его планы входило принять сражение на некотором

отдалении от Москвы.

Возможно, было бы символичным для князя Юрия, если бы такая битва произошла у Переяславля-Залесского, рядом с его родиной, в местах, где он был крещен самим преподобным Сергием Радонежским, благословлен митрополитом Алексием, был окружен заботой своих родителей, благоверных князей Дмитрия Донского и Евдокии. Да, по сути, баталия и произошла в этих краях, в ростовских землях. До Переяславля он не успел дойти лишь совсем немного.

В последнем в жизни сражении князя Юрия рати сошлись 20 марта 1434 года на реке Могзе, «у монастыря Николы на горе». В Лазареву субботу. Ничто, даже Великий пост, не могло уже остановить враждующие стороны.

Можно было не сомневаться в том, что от московского войска не останется почти ничего. Ведь князь Юрий, как известно, если вступал в сражения, то в них уже не проигрывал.

Галичские и звенигородские полки вместе с вятчанами разгромили дружины Василия Васильевича наголову, хотя отмечено, что их войска также «побили много». Оставшиеся московские дружинники разбежались — кто куда мог. Сам великий князь сумел скрыться незаметно, хотя Юрий и не ставил своей целью его поимку. Досадовали, видимо, по этой причине его сыновья. Для них расправа с Василием II была одной из важных целей.

Досталось и Ивану Андреевичу, князю Можайскому. Это он потрепал Звенигородский удел князя Юрия. Теперь ему пришлось также бежать с поля боя. Но не в собственный удел, где его достать было легко, а подальше, в княжество Тверское, к сестре. Однако этот странный побег оказался недолгим. Спустя буквально неделю он уже вернулся к Троицкому монастырю, где его ждал… князь Юрий с дружиной. Похоже, «участие» Ивана Андреевича в сражении у Могзе на стороне Василия II было мнимым, и бежал он только для видимости. А союз с Юрием был предопределен заранее. И не ясно, чего здесь было больше — взаимной дипломатии договорившихся сторон или желания выжить во что бы то ни стало со стороны самого князя Можайского.

Спустя десять дней низложенный с великого княжения и бежавший племянник объявился в Новгороде. Но здешние правители всегда поддерживали князя Юрия. А потому и трех недель не прошло, как Василию Васильевичу пришлось двинуться в Тверь.

Сам же Юрий Дмитриевич некоторое время постоял в Троицесергиевой обители, у мощей своего крестного отца.

Каменный собор, построенный по его попечительству над ракой преподобного Сергия Радонежского, уже был, видимо, расписан. Да и икона Троицы, созданная преподобным Андреем Рублевым, уже занимала свое место в иконостасе.

Князь ничего не выжидал. Было понятно, что он не стремился на Страстной неделе Великого поста совершать какие-либо активные действия.

Он встретил Пасху (28 марта) и Светлую седмицу у стен Москвы.

Считается, что столица будто бы некоторое время была в осаде и не сразу сдалась Юрию Дмитриевичу. Но это было не совсем так. Не столица была в осаде, а князь просто постился на Страстной и отмечал церковный праздник.

Когда он подошел к Кремлю, то ворота по приказу воеводы московского Романа Хромого отворили, будто его уже давно ждали. Без боя и без крови он с сыновьями появился на Соборной площади. Дружинники во дворце обнаружили напуганную Софью Витовтовну с княгиней Марией Ярославной. Но их не тронули, а чуть позднее просто отправили в подмосковный Звенигород (или в Рузу) до принятия последующих решений.

Летописи снова лаконичны: «И победил князь Юрий, хотя войска его побили много, и подошел к Москве на Страстной неделе в среду, и стоял под городом неделю, а в среду на пасхальной неделе отворили ему город».

Это была среда Светлой недели после Пасхи — 31 марта 1434 года (13 апреля по новому стилю). Так началось второе, главное, снова короткое и к тому же последнее великое княжение Юрия Дмитриевича.

Интересную деталь отметил современный исследователь А. А. Зимин. Уже 7 апреля великий князь Литовский Свидригайло, который внимательно следил за всем происходившим на Руси, сообщал гроссмейстеру Ордена из Вязьмы довольно радостную для него весть — о победе князя Юрия.

Оказывается, в Европе все ждали, когда на Московский престол взойдет мудрый и просвещенный правитель, сместив ставленника и родственника уже покойного Витовта. Князь Свидригайло доносил: «Князь Юрий, великий князь Московский (мы видим, что Свидригайло сразу же признал Юрия верховным правителем Москвы! — К. К.-С), и великий князь Василий, сын его брата, дрались с многочисленными силами и с ужасным упорством и ожесточением. Всевышний помог князю Юрию низложить врага своего, кн. Василия, и разбить его воинство; завладеть городами, селами и всею его землею; взять в плен не токмо старую великую княгиню и супругу Василия, но и всех

поднявших против него оружие и, наконец, изгнать самого Василия из его владений; князь же Юрий, с давнего времени искренний и верный наш друг, обещал подать нам помощь и прислать к нам своего сына».

Оказывается, союзники Юрия ждали помощи и от него. Напомню, что с Орденом так или иначе Юрия связывало то, что брат его жены — Федор Юрьевич, был мальтийским рыцарем. Похоже, что у сына Дмитрия Донского были большие стратегические планы на будущее Руси, особенный, цивилизованный подход к построению отношений с Западом и Востоком. Теперь он мог осуществить задуманное.

Ведь он стал «отцом» для других князей да и для всей Руси. Сколько за последнее время в государстве было «братьев», но не было «отца», как раньше, во времена Дмитрия Донского и его предков! А этого стране очень не хватало.

Теперь докончальные грамоты, которые поспешили заключить с Юрием некоторые удельные князья, составлялись со словами: «целуй ко мне крест, к своему отцу, великому князю Юрью Дмитреевичю, и к моим детем. Имети вам мене собе отцем. А мне, великому князю, вас держати в сыновьстве и во чти, без обиды». Он перестал «играть роль» некоего «старшего брата» или «дяди». И ныне мог смело заявить о преемственности власти от своего прославленного родителя: «а в вотчину в мою в Москву, и во все великое княжение, и чим мя благословил отец мои, князь великыи». Формула честная и открытая. И никем, даже позднее, — не опровергнутая.

* * *

Василия Васильевича никто искать и не думал. Положение его было таково, что и бежать ему было некуда. Из Новгорода он отправился в Тверь, где его видели уже 26 апреля. Но тут он встретился с полным нейтралитетом, ведь родственники Ивана Андреевича Можайского, переметнувшегося к Юрию, почти все как раз собрались в Твери.

Дальнейший маршрут Василия еще более запутан. Из Твери он попал на Кострому, оттуда — в Нижний Новгород (как видим, пути перемещения опальных князей на Руси почти всегда совпадали). Но для восстановления нужной ему справедливости князю была уготована только одна дорога — в Орду. Ведь он получил ярлык от хана, значит, этот правитель только и мог защитить проигравшего племянника. Попытка, как говорится, последняя, но все-таки — попытка.

Летописи так и запишут: «въсхоте пойти в Орду, не бе ему стати с кем противу его». Однако пока он все еще находился в Нижнем Новгороде.

Потому, уже в мае, оба Дмитрия — сыновья Юрия (Шемяка и Красный) — выступили в Нижний с войском. Пусть пока отец разбирается в столице. Некоторым важно было добраться до самого Василия. Иначе победа была опять не победой.

Младший Дмитрий совершенно не был заинтересован в поимке своего двоюродного брата. У него вообще не было никакого желания участвовать в кровопролитии. Напротив, Дмитрий Шемяка посвятит этой борьбе всю свою последующую жизнь, вплоть до самой трагической кончины от отравления (естественно, совершенного по распоряжению его заклятого врага).

Они уже проделали большую часть пути и могли бы настигнуть Василия Васильевича. Но тут произошло непоправимое. Они получили сообщение, что отец скоропостижно скончался в Москве.

Это произошло, как мы помним, 5 июня 1434 года.

Все надежды на власть у Юрьевичей рухнули в одночасье.

* * *

Хоронили великого князя Юрия Дмитриевича всей Москвой. Он находился при власти чуть более двух месяцев. Никто не мог понять — почему и как случилась его быстрая кончина. Поговаривали об отравлении.

С утра на Соборной площади толпились люди. Его положили в храме Архангела Михаила, рядом с «равным братом» — Владимиром Храбрым…

Пройдет не так много времени, и, как мы уже знаем, в один гроб к Юрию положат двух его преставившихся сыновей — Дмитрия (младшего) и Василия. В текстах XVIII столетия остались уничтоженные ныне эпитафии, которые были помещены на саркофаге. Одна из них такая: «В сем же гробе положен другой сын князь Юрьев князь великий Дмитрей Красной, преставись в лето 6949 сентября 24». Другая: «В том же гробе положен сын его князь великий Василей Юрьевич Косой, преставись в лето 6956 ноября в 10».

Почему оказалась в Кремле такая неординарная гробница? Ведь подобного Москва еще не видела, да и не увидит более. Что-то демонстративное было в самом этом действе — сделать в Кремле братскую могилу для Юрия и его потомков.

Возможны и такие ответы.

В 1441 году, видимо, положили к Юрию удельного князя Дмитрия Красного. Мотив был понятен. По утверждению вернувшегося на престол Василия Васильевича, Юрий не мог быть великим князем. Да и Дмитрий, естественно, тоже — нет. Потому отдельно положить его нельзя, да и много чести — лежать в великокняжеской усыпальнице удельному правителю Бежецкого Верха. Плюс к этому — таким образом можно показать всему миру людскому, всей Руси, что не был Юрий Дмитриевич князем великим и лежать ему рядом с удельным. Даже не рядом, а вместе (!). Настало, значит, время, когда с соперником можно хотя бы заочно делать все, что угодно.

В 1448-м в гробницу Юрия, наверное, опустили тело ослепленного при жизни князя Василия Косого. Теперь повторить совместное захоронение было и с моральной точки зрения намного проще — ведь такое уже только что совершили. Данный акт был даже важнее предыдущих похорон Дмитрия Красного. Ведь Василий Юрьевич вроде тоже побывал на великокняжеском престоле. Однако похоронное действо словно подтверждало обратное — нет, не был, потому что теперь лежит рядом, вместе с князьями не великими, а удельными. Этим особо подчеркивалось, что и отец, и сын — «птицы одного полета», оба хотели власти, но не имели ее, и вот пусть почивают «один на другом», поодаль от настоящих, главных правителей.

Можно заметить в этом и еще один, в некотором роде — ритуальный смысл. В пылу мщения Василию Васильевичу надо было показать, что вообще не было никаких великих князей по линии Юрия и по линии его наследников, а потому им всем (сколько бы их ни проявилось) уготовано только одно место на погосте во всей Москве! То есть привезли бы в Москву еще одного покойного сына Юрия — положили бы здесь же и его, в ту же могилу!

Так, по всей видимости, Архангельский собор пережил показательные похороны по отношению к семье Юрия Дмитриевича. Вернувшийся на престол племянник (как и его потомки) как будто таким образом удовлетворялся отмщением над останками своих бывших противников, превратившихся для него при жизни в самых страшных врагов…

* * *

Что же сделал, вернее, что успел сделать Юрий Дмитриевич за короткий период своего нового правления? Попробуем это

установить.

Вот что пишет историк А. А. Зимин: «Даже ближайшие союзники Василия Васильевича спешили заключить с новым великим князем докончания, признать его старейшинство на Руси. В договорные отношения с ним вступили великий князь рязанский Иван Федорович и князья Иван и Михаил Андреевичи. Иван Федорович, в частности, обязывался “сложити” крестное целование к “князю” Василию Васильевичу и больше с ним в какие-либо переговоры не вступать (не “ссылатися”). То же самое обязательство содержалось и в докончании с Андреевичами.

Придя к власти, Юрий Дмитриевич решил перестроить всю систему взаимоотношений великого князя с союзниками и родичами. Рязанский великий князь отныне рассматривался им “братаничем”, т. е. племянником, а не “братом молодшим” (как его называл Василий II даже в 1447 г.). Дистанция между ним и великим князем московским увеличилась. Иван и Михаил Андреевичи должны были “иметь” его “отцом”, а он обязывался их держать “в сыновьстве”. Это уже не отношения по типу “брат старейший” и “брат молодший”. Великий князь Юрий Дмитриевич пытался сделать более решительный шаг по пути утверждения единодержавия, чем Василий II».

А кто же занял после князя Юрия Московский престол?

Почти сразу же о своем великом княжении возвестил его старший сын — Василий Юрьевич (Косой). Но в связи с этим возникал юридический, как мы бы сегодня сказали, казус. А именно:

1. У Василия Васильевича все еще оставался ярлык на великое княжение, выданный ханом-царем.

2. Если следовать логике покойного князя Юрия Дмитриевича, то по завещанию Дмитрия Донского наследником престола в Москве становится старший в роде (например, следующий по старшинству брат). А таковым являлся в данный момент именно Василий Васильевич — сын старшего сына Дмитрия — Василия I. Все остальные родственники — ушли из жизни.

3. Василий Юрьевич (Косой) не мог претендовать на Москву, будучи старшим сыном великого князя Юрия Дмитриевича просто еще потому, что тогда Юрьевичам пришлось бы признать порядок наследования по схеме «от отца — к сыну», а значит, — и признать праведность наследования престола Василием Васильевичем от Василия Дмитриевича! Для чего же тогда были все эти междоусобицы?!

4. Не оставил завещания Юрий Дмитриевич, в котором он хоть как-то распорядился бы престолом. Нам ничего не известно

о таком документе (духовной грамоте) великого князя Юрия, где он бы оставлял престол кому-то из своих сыновей или родственников. Да и был ли такой документ вообще?! Или князь не собирался даже его составлять, предполагая, что великое княжение не есть удел его родных детей?!

Итак, положение Василия Юрьевича в Москве оставалось весьма трудным. Мало кто готов был подтвердить его претензии на власть. Их не приняли даже его родные братья.

А Севернорусский летописный свод 1472 года словно подытожил события столь насыщенного переменами лихолетья: «В год 6942 (1434)… Скончался князь Юрий Дмитриевич на великом княжении в Москве, а сын его, князь Василий, после отца сел на великом княжении в Москве; и княжил один месяц. Ибо князья Дмитрии помирились с великим князем и изгнали князя Василия из Москвы. Князь же великий Василий Васильевич сел на великом княжении московском в своей вотчине».

Будущие битвы «слепых» детей

Малыя детки боле старых лукавы будут.

Житие Андрея Юродивого, список XV в.

Из «Повести об ослеплении Василия II» XV столетия: *«И тут подошел к нему злой раб, гордый, немилосердный мучитель Никита, взял великого князя за плени и сказал; “Ты во власти великого князя Дмитрия Юрьевича“. Тот же ответил: “Воля божья да будет “ Он же, злодей, вывел его из церкви и увез из монастыря, и посадили его в голые сани, а напротив него чернеца. И так поехали с ним в Москву, а бояр его всех похватали, прочих же всех пограбили, отпустив нагими,,. А князя великого Василия в понедельник к ночи, на мясопустной неделе, 14 февраля, привели на Москву и посадили его на Шемякином дворе, а сам князь Дмитрий Шемяка стал на Поповкином дворе, В среду на той же неделе вечером ослепили великого князя и сослали его с княгиней на Углече-поле, а мать его, великую княгиню Софью, послали на Чухлому».*

* * *

Многое ли могло измениться на Руси в то время после кончины такого человека, как князь Юрий? Попробуем ответить и на этот вопрос.

Мы внесли в название этой главы такие слова, как битвы «слепых» детей, вполне намеренно. Их «слепость» была не только фигуральной, но и буквальной (связанной с реальным выкалыванием глаз). Почти 15 последующих лет двоюродные братья будут выяснять между собой отношения и биться за великое княжение. Но мы расскажем об этом кратко, так как данная история уже выходит за пределы нашего повествования.

Историк Р. Г. Скрынников пишет: «В момент смерти Юрия Дмитрий Шемяка с братом Дмитрием Красным находились в походе. По приказу отца они должны были пленить Василия II в Нижнем Новгороде, не допустив его бегства в Орду. Узнав о вокняжении Василия Косого, они немедленно обратились к Василию II с предложением о союзе».

Спрашивается: почему это вдруг Юрьевичи так, в одночасье,

возненавидели своего брата? Ведь они только что были все заодно. Или они «позавидовали» ему, что он получил великое княжение? Но в любом случае — было ли это княжение законным или нет — Василий Юрьевич был старшим братом, а следовательно, имел больше прав, чем они. Посему это никак не могло стать поводом для разногласий.

Что же тогда превратило их во врагов?

Ответ, думается, надо искать в следующем. Оба Дмитрия Юрьевича тогда признали легитимность власти Василия Васильевича. Выступать против этого было просто глупо. А действия брата своего они расценили как поспешные и неверные, буквально подставляющие всю их семью. Ведь претензии Василия Юрьевича (Косого) ставили и их — Дмитрия Шемяку с Дмитрием Красным — в ряд врагов Василия II. А им было хорошо известно, что тот уже решил расправиться со своими конкурентами окончательно — добить наверняка, в том числе и физически.

Подтверждение этому — ослепление в дальнейшем Василия Юрьевича, предпринятое Василием Васильевичем. Следующее, после ослепления Всеволожского. Такое впечатление, что великий князь, вернув себе престол, теперь был готов выколоть глаза всем, кто хотя бы как-то станет мешать его правам на Московскую власть.

И оба Дмитрия пожелали… остаться «зрячими», во всех отношениях. Они не приняли действий своего старшего брата. Хотя и тот — не отступил от своего.

Вот если бы они успели настичь Василия Васильевича, будучи за ним посланы, еще при жизни отца! Да если бы его уже бы вообще не было…

Но мечты и предположения уже в расчет не брались.

И оба Дмитрия Юрьевича перешли на сторону Василия Васильевича. Силы для какой-либо борьбы с ним в тот момент были не равны. Никто бы их тогда не поддержал.

Василий Юрьевич остался один. И проиграл. Немедленно.

Ведь он нарушил старые родовые законы еще в большей степени, нежели его дядя — Василий Дмитриевич, отдав престол сыну. Дядя был абсолютно легитимен и стал великим князем по завещанию Дмитрия Донского. У Василия Косого таких доказательств о властных полномочиях не было.

* * *

Оба Дмитрия Юрьевича предложили Василию II мир. И тот (вот неожиданность!) его сразу же принял. Братья подождали его

немного, наконец «…прииде к ним князь великий», и все они вместе, «смирившеся, поидоша к Москве».

А ведь получается, что это они, Юрьевичи, посадили Василия Темного на престол! Войско галичское и звенигородское было в этот момент под их управлением. То была к данному моменту самая большая сила на Руси.

Василий Юрьевич из Москвы бежал. Но не смирился. Мог бы уйти по-хорошему. Но уж так оно сладко «бремя власти».

Бежал он «не по хорошему», а «побрав злато и сребро, казну отца своего, и градьскыи запас весь». Оставив город чуть ли не голодать. Да к тому же прихватил на всякий случай заложницу — тещу великого князя Василия II Марию.

Его путь проследил историк А. А. Зимин: «Василий Косой направился к Ржеве (один из городов князя Юрия). Затем, “поймав” князя Романа “Переяславского”, он двинулся в Новгород, который рассчитывал сделать опорой сопротивления своим соперникам. В “розмирье” с Василием Косым столицу покинули московские гости и суконники, бежавшие (очевидно, с Василием Юрьевичем) в Тверь».

Поразительно, что с ним бежали из Москвы те самые «гости и суконники», которые еще совсем недавно давали деньги (600 рублей) князю Юрию для выплаты долга в Орду. Видимо, сам этот факт, что Юрий Дмитриевич обращался в Орду уже как гарант выплаты дани, а значит, — претендовал на великокняжеский ярлык от хана, был для этих людей весьма опасен по последствиям. Они могли знать о возможной расправе.

И вот настал день, когда Василий Васильевич въехал в столицу вновь как князь великий. Вскоре он заключит докончание с сыновьями Юрия — обоими Дмитриями. Он даст Шемяке к Рузе — Углич и Ржеву, а Дмитрию Красному, которому отец оставил Галич Мерьский, — еще и Бежецкий Верх. В этом докончании Василий II подтверждал их владения, которые Юрий Дмитриевич оставил им в своей духовной грамоте и которую он подписал еще как удельный князь (но не великий!). Ах, как это устраивало бывшего племянника! Все как будто само расставилось на свои места.

Даже сожженному им Галичу повезло. Василий Васильевич, в порыве доброты, указал освободить город от дани Орде на три года.

Все вроде получалось хорошо. Но не совсем. Ведь оставался не смирившийся ни с кем Василий Юрьевич. То есть родственная междоусобица, а точнее — откровенная война за власть — все равно продолжалась.

* * *

Старший сын князя Юрия еще наделает дел. Из Новгорода он уйдет и попробует обосноваться в Бежецком Верхе, чуть ли не отняв его у своего же брата — Дмитрия Красного. Потом отправится в Кострому. Соберет войско и пойдет с ним на Москву. Все на тех же ростовских и ярославских землях, где так удачно сражался его отец, он 6 января 1435 года проиграет битву с дружиной Василия II у реки Которосль.

И даже это поражение его не остановило. До сих пор непонятно — что двигало им? Ведь только фанатичной борьбой за власть энергию князя объяснить нельзя. Он же хорошо знал, что, даже победив, он должен будет эту власть обосновать и доказать. Тому же хану-царю, например.

Василий Юрьевич вновь подсобрал силы и взял в Вологде в плен часть войска Василия II со всеми его воеводами. Затем по его вине в сражении у Новгорода «много же людей заозерян на том бою избьено бысть». По приезде его в Углич местные бояре встретили его любезно, но только внешне. Именно тут князя и замыслили свести со света (возможно, по указке Москвы). Он спасся чудом, кто-то предупредил. Но в ту ночь почти все его соратники были убиты.

Весной 1435 года Василий Юрьевич заключил даже мир с Москвой. И получил от Василия II в удел Дмитров, как и его отец. Князья совместно определили, что будут решать спорные вопросы «по душевной грамоте деда нашего великого князя Дмитрия Ивановича», то есть по завещанию Дмитрия Донского.

Но этого мира хватило только на месяц. Кто был виноват в спорах — ныне уже не установишь, источники не дают подробностей. То ли Василий Юрьевич был неугомонен, то ли Василий II — мстителен до того, что можно было ждать от него расправы каждую минуту.

Постепенно проявлялся и тактический замысел старшего сына Юрия. Он предполагал громить врагов постепенно, по очереди. И — главное — он решил сражаться за престол во что бы то ни стало. То есть захватить его силой, самостоятельно победить всех.

В некотором роде это было проявлением попытки узурпации власти на Московской Руси. Власти не очень обоснованной. Да ведь потом с помощью летописей все можно будет объяснить и доказать вполне определенно: откуда эта власть и почему! Подобное уже делало семейство Василия Дмитриевича и его сына. А «хороший» пример, как говорится, заразителен.

Через месяц мира Василий Юрьевич снова бежал в Кострому.

Началась новая война. По зимним холодам 1435 года он пошел на Галич. На собственного брата — Дмитрия Красного. Тот не был в оппозиции к Василию II.

Взяв Галич, он покорил Углич, перебив там всех своих обидчиков, которые совсем недавно хотели его умертвить. Расправа была жестокой. Война и ее последствия становились все более необратимыми.

А тут как раз произошло событие, которое продлило «розмирие». Василий Васильевич поссорился с Дмитрием Шемякой. Да так, что тот бежал от него из ссылки в Коломне и присоединился к старшему брату у Вологды. Армия противников Москвы усилилась, когда к ней примкнули «князя Дмитрия братни дворяне пятьсот человек». Отборный отряд настоящих бойцов.

Весной 1436 года рать Василия Юрьевича выступила к Москве. И опять враждующие стороны сошлись на земле Ростовской. Как будто она была предназначена для решения наследственной проблемы. Битва произошла «у монастыря святого Покрова на Скорятине в Ростовской волости» 14 мая 1436 года. Первоначальный успех дружин старших Юрьевичей затем превратился в их полное поражение, Василий Косой успел убежать. Но недалеко. Его настигли и отправили в Москву. А там…

Летопись рассказывает: «И встретил его князь великий… а с ним князь Дмитрий Юрьевич Меньшой, да в ту же пору служил князю великому еще Иван Баба из друцких князей, — изготовив копья, сошлись вместе и бились, и побежал князь Василий. И князя Василия схватили и, приведя в Москву, ослепили его».

Очередное «выкалывание глаз» по приказу Василия II произошло 21 мая. Теперь ослепший князь Василий Юрьевич получил то самое, «историческое» прозвище — Косой.

Многие его соратники были казнены. Все союзные войска, которые воевали с Москвой, фактически прекратили свое существование. Победа великого князя была полной.

* * *

На этом, собственно, активная политическая роль Василия Косого и закончилась. Остаток жизни он провел вне борьбы за Московский престол и ушел из жизни в 1448 году. Погребен был все же в Москве, в княжеской усыпальнице — храме Архангела Михаила. Правда, чуть ранее, в 1445 году, по летописи: «Москва погорела в полуночи — с Кремля, от собора Архангельского,

когда в нем скрывались в осаде, и многие люди сгорели, а иные задохнулись». Но гробницы князей сохранились. Как мы знаем — князя положили в одной могиле со своим отцом и младшим братом, который в решающей битве за Москву выступил на противной Василию Юрьевичу стороне.

Жизнь разводит, а смерть соединяет. Так гласит поговорка.

* * *

Но если бы война за власть на этом закончилась! Отнюдь. Оставался еще один непокорный брат — Дмитрий Шемяка.

И с ним 13 июня 1436 года, после ослепления Василия Косого, Василий II заключил докончальный договор, где сын Юрия признавал себя его «молодшим братом». Кстати, по этому договору не только Дмитров, но и родовой, отстроенный Юрием Дмитриевичем Звенигород переходили Москве, прямо в руки Василия Васильевича. Что делать! За поражения надо платить. Пусть даже и отцовским наследством.

Пройдет несколько лет, и Дмитрий Шемяка станет настоящим кошмаром Василия Васильевича. Они будут воевать долго и упорно.

При этом, в 1439 году, когда к Москве «подходил царь Магомет», великий князь выколет глаза еще одному своему врагу — Григорию Протасьеву, не забыв ему пособничество Орде при поражении русских войск в одной из битв.

«Игры» с ослеплением не закончатся добром, как мы знаем, и для самого Василия Васильевича. Осуществят это враги его (хотя это приписывают почему-то Дмитрию Юрьевичу), мстя за всех наказанных великим князем. Отчего затем появится в древнерусской литературе известная «Повесть об ослеплении Василия II». В ней все супостаты Московского правителя являются заведомо отрицательными персонажами. А сам он — чуть ли не невинным младенцем.

Следуя летописи, дело было так: «В год 6954 (1446). Князь великий вернулся от царевича из плена (из Орды. — К. К.-С.) на Дмитриев день в Переяславль и пришел в Москву. И сговорились князь Дмитрий Шемяка да князь Иван Андреевич Можайский, а с ними замышлял зло в Москве и Иван Старков да кое-кто из купцов и из монахов Троицкого монастыря, — и пришли к Москве изгоном князь Дмитрий да князь Иван, а князь великий был в Троицесергиевом монастыре. И князем великим сел Дмитрий в Москве, *а князь Иван в Троицесергиевом монастыре схватил князя великого Василия и, приведя в Москву, ослепил его месяца февраля*

в тринадцатый день (выделено мной. — К. К.-С.)».

Так Шемяка ли ослепил своего двоюродного брата или все же (по летописи) бывший союзник великого князя — Иван Андреевич?! А обвиняли и обвиняют именно сына Юрия исключительно по причине того, что он познал затем сладость великокняжеской власти.

Временами казалось тогда, что для достижения окончательного мира необходимо было ослепить еще большее количество взаимных недругов…

Итак, Дмитрий Шемяка успел побыть на Московском престоле, и его называли великим князем. При этом он, чуть позднее, сделал то же, что и его отец: «собрал епископов со всей страны, и честных игуменов, и священнослужителей, и приехав в Углич, заставил князя великого поклясться крестным целованием и клятвенными грамотами, и выпустил его из заточения вместе с детьми… и дал ему Вологду в удел». То есть он в очередной раз освободил Василия Васильевича и отдал ему земли в княжеское владение, как родственному брату.

И все повторилось вновь. Ведь Василий II затем опять вернется, отомстит Шемяке, разобьет его войско. Читаем летопись: «В год [6]958 (1450). Князь великий пошел к Галичу на князя Дмитрия; князь же Дмитрий, собрав силу большую, вступил у самой стены подле города в бой, да из города ему пособляли, стреляя в ратников великого князя, но против божьей силы никак не преуспели и князя великого правды: тотчас побежал Шемяка. Чуть не схватили его, а войско его — иных перебили, а иных захватили, город же Галич взяли; помог бог великому князю месяца января двадцать восьмого, а князь Дмитрий убежал к Новгороду к Великому».

И это была — *последняя битва родственников за Московское великое княжение*. В Новгороде смерть настигнет князя Дмитрия Шемяку. Он был к тому времени последним из остававшихся в живых сыновей Юрия Дмитриевича. Больше претендовать на власть было некому.

* * *

Поговаривают, что Шемяка был убит по приказу Василия Васильевича. Вот как это произошло.

Год 1453-й начался без особых происшествий. Но оказался весьма символическим. Летопись перечислила главные его события: «Месяца апреля девятого погорел град Москва со двора Беклемишева. В тот же год, июня пятнадцатого, скончалась

великая княгиня Софья, черницей в Вознесенском монастыре. В тот же год в Великом Новгороде скончался от отравы князь Дмитрий Юрьевич Шемяка. Тем же годом царь турецкий Царьград взял».

Таким образом, Шемяки не стало одновременно с Софьей Витовтовной, да еще и в год падения Византийской империи. Не стало «от отравы».

В Ермолинской летописи называют имя пособника убийства: «людская молва говорит, что будто со отравы умер, а привозил с Москвы Стефан Бородатый». Московский дьяк, приближенный великого князя Василия II, лично привез яд для сына Юрия Дмитриевича. Надо же как!

И будто бы отраву отдал он «Исаку посаднику, а Исак деи подкупил княжа Дмитреева повара, именем Поганка, тот же даст ему зелие в куряти». После того как Шемяка отведал блюдо, он прожил еще 12 дней. Доза была рассчитана верно. Ему пришлось изрядно помучиться перед кончиной.

И как же откровенны русские летописи, которые не сумели скрыть ту радость, которая охватила Василия Темного, когда он узнал об этом в Москве! Читаем: «июля 23 приде весть к великому князю из Новагорода, что князь Дмитрий Шемяка умре напрасно в Новегороде». Как видим, написано — «умре напрасно», то есть не своей смертью. Значит — был, наконец, убит. И далее замечаем то самое сообщение о «радости»: «а пригонил с тою вестью подьячей Беда, а оттоле бысть дьяк». Что значит — гонец с доброй вестью в одно мгновение получил повышение, из подьячего превратился в дьяка!

Вот такая странная история! Но, что удивительно, именно такую смерть Шемяки подтверждают современные методы научных исследований. Оказалось, что останки мятежного князя Дмитрия Юрьевича частично мумифицировались. Это выяснилось в конце прошлого века при изучении некрополя Софийского собора, куда из Юрьева монастыря под Новгородом в XVII веке перенесли погребение Шемяки (случаи мумификации останков в некрополях Средневековой Руси крайне редки из-за нашего довольно влажного климата). И что особенно важно: сохранились высохшие печень и одна из почек князя, то есть органы, способные накапливать в себе (как, кстати, и волосы) вредные вещества, попадающие в организм человека и сохраняющиеся столетиями.

Химики-криминалисты, исследовав сохранившиеся органы, обнаружили: Дмитрий Шемяка был отравлен соединениями мышьяка. Количество яда в его почке достигает 0,21 миллиграмма на стограммовую пробу образца (тогда как

естественный «фон» мышьяка в человеческом организме составляет от 0,01 до 0,08 миллиграмма). Кстати, именно отравление мышьяком, приводящее к сильному обезвоживанию организма перед смертью, могло стать причиной мумификации тела Шемяки.

Что ж, пять столетий спустя ученые подтвердили подлинность сведений, зафиксированных летописями, составители которых не побоялись написать правду о событиях 1453 года.

Судя по всему, скрыть эту историю и тогда не удалось, слухи о смерти Дмитрия Шемяки разошлись достаточно широко. Доказательством тому служит судьба повара Поганки, подлившего или подсыпавшего зелье в еду.

Человек сей, видимо, терзаясь угрызениями совести, постригся затем в монахи. Но дурная слава бежала впереди него. Сведения о Поганке есть в Житии Пафнутия Боровского, современника описываемых событий: «Некоторый инок пришел в обитель преподобного. Подвижник, увидав его, тихо сказал своим ученикам: “Видите ли, что и ради иноческого чина не очистился от крови?” Ученики удивились, но боялись спросить преподобного о значении этих слов. Впрочем, сам старец после объяснил их: “Этот инок, будучи мирянином, отравил в Новгороде князя, которому служил. Мучимый совестью, он принял монашество”».

По мнению историка Р. Г. Скрынникова, «невзирая на крайнее ожесточение и вражду, потомки Дмитрия Донского ни разу не обагрили руки кровью братии. Они твердо помнили притчу о Каине и историю князя Святополка Окаянного, убившего братьев. Святополку судьба уготовила вечные муки в аду, его жертвы князья Борис и Глеб стали святыми мучениками русской церкви. Василий II первым из наследников Дмитрия нарушил заповедь. По его приказу дьяк, прибывший в Новгород с посольством, нанял убийц и отравил Дмитрия Шемяку». И это — правда.

Так закончил свои дни последний сын князя Юрия Дмитриевича.

Так закончилась и междоусобица, которая принесла много страданий Русской земле.

Наследие Юрия Дмитриевича. Гипотеза 18

Гроб его находится у нас и перед нами…

Епифаний Премудрый

Из духовной грамоты князя Звенигородского и Галичского:

«Приказываю детем своим, Насилью, Дмитрею, и Дмитрею Меншему, вотчину свою, в Москве свои жеребей, чем мя благословил отец мои, князь великий Дмитреи Иванович, в городе, и в станех, и в пошлинах в городских, и в тамзе, и в восмьничем, и в численых людех, и в мытех, свои жеребей трема сыном моим на трое».

* * *

Мы уже знаем, что князь Юрий Дмитриевич оставил завещание — духовную грамоту. Но написал ее в тот момент, когда не был еще великим князем, то есть — между летом 1432 года и 25 апреля 1433 года, когда он разбил войско племянника.

Существующая грамота составлена, еще когда он только получил от ордынского хана-царя ярлык на Дмитров.

Однако мы также задавались вопросом — а была ли другая духовная грамота Юрия, когда он был великим князем Московским? Ведь эта грамота означала бы, что все должно быть переделано и перекроено заново. Не по причине ли существования такой грамоты, собственно, и велась такая упорная война между сыновьями Юрия и Василием Темным? Ведь Василий Косой после кончины отца мог принять власть в Москве не просто так, не по самоуправству, не по причине только старшинства своего как сына. А по завещанию!

Так где же тогда эта грамота? Почему ее нет в исторических перечнях или в списках? Ответ может быть таким: ее просто не было (Юрий не успел ее составить, скончавшись скоротечно). Но ответ может быть и другим: данная грамота была и являлась самым опасным документом из всех, которые так или иначе могли бы пошатнуть власть прямых потомков Василия Дмитриевича. Духовная грамота Юрия Дмитриевича, да еще подкрепленная духовной грамотой, то есть — завещанием его отца Дмитрия Ивановича Донского, по которой он признавался

великим князем Владимирским (Московским), становилась неопровержимым юридическим основанием для низвержения власти Василия Васильевича и его потомков. Такой документ не должен был бы (по их мнению) остаться в истории, его следовало бы уничтожить во всех видах или списках (включая упоминание о нем в любых летописях) с величайшим вниманием и скрупулезностью.

Что, возможно, и было с успехом для семьи Василия Темного осуществлено.

* * *

А по сохранившейся духовной грамоте 1433 года князь Юрий разделил свой удел между тремя сыновьями. Старший, Василий Косой, получил Звенигород с волостями. Среднему, Дмитрию Шемяке, досталась Руза и волости. Младший из братьев, Дмитрий Красный, поимел вышгородские земли.

Но вот что удивительно. Юрий все еще вспоминал о Смоленском великом княжестве! Не случайно он отдает именно старшему сыну Василию как драгоценную реликвию, как главное завещание — икону Смоленской Божией Матери. Читаем в грамоте: «А благословляю сына своего Василья икона Пречистая Богородица окована золотом, Смоленьская»!

Кстати, некоторые новые вотчины Юрий Звенигородский и Галичский успел приобрести за время своего удельного правления, тем самым расширив свои владения. Он был умелым и хозяйственным правителем. Грамота это подтверждает.

Историк и археолог А. А. Юшко проанализировала итоги картографии 22 волостей и сел, упомянутых в завещании князя Юрия, что в значительной степени помогло определить территорию и размер его подмосковного удела, который находился на северо-западе Московского княжества, и занимал, по мнению исследователя, почти его пятую часть. За сотню лет сформировался необычный комплекс земель, постоянно растущий удел. В результате появилась возможность, собственно, составить перечень мест, который мы находим в духовной грамоте Юрия Дмитриевича Звенигородского. Ведь после его кончины все эти земли перешли в великокняжеское владение, и мы уже не можем в другие времена в точности определить их в том виде, в каком они предстают в конце первой трети XV века. «Процесс же этого формирования, — замечает исследователь, — был длительным и изменчивым, в чем можно убедиться, присоединив к сведениям духовной Юрия Дмитриевича данные об уделе периода ранних

московских князей: Ивана Калиты (около 1336), Ивана Ивановича Красного (около 1358) и Дмитрия Ивановича Донского (1389). Картографирование всех поименованных в этих грамотах волостей и сел удела дает нам интересную картину. Оказывается, что княжеские села размещаются в ближайших к удельной столице окрестностях, в то время как волости — на периферии удела. Причина этого кроется в том, что в период господства натурального хозяйства окрестные села, расположенные вблизи столицы удела, призваны были обеспечивать сырьем, продуктами и фуражом городское княжеское хозяйство, в то время как удаленные волости были основой хозяйственной жизни удела, доход с которых шел на обогащение княжеской казны».

Дальнейший анализ развития удела за период почти в 97 лет позволил отметить еще некоторые необычные тенденции. «Оказывается, что если количество волостей, входящих в состав удела, — пишет А. А. Юшко, — имеет тенденцию к росту (он увеличивается на 8 волостей), то количество сел, наоборот, уменьшается (также на 8)». Объяснить возникшую тенденцию не так-то просто. Для чего и было проанализировано более 150 археологических объектов, связанных со Звенигородским уделом, причем разных времен — от XI до XIV столетия. И если сопоставить карты местности разных периодов, то открывается следующее. «Формирование волостей, основной массив которых падает на северо-запад удела, происходило в регионах, почти совсем не освоенных в предшествующее время. Логичен вывод, что образование и сложение волостей — это своеобразная форма освоения новых земель в XIV в. Именно поэтому намечается тенденция к их увеличению, связанная с освоением окраинных районов Московской земли. В то же время княжеские села XIV в. располагались в регионах, где плотность населения предшествующей поры — наивысшая. Однако следует отметить, что во всех без исключения случаях, когда эти крупные феодальные села были обследованы археологически, оказалось, что все они возникают лишь в XIV в. Слоев предшествующего времени они не содержат».

Данная закономерность, отмеченная исследователем, оказывается весьма характерной и для всей Московии. Расцвет многих поселений приходится именно на этот период. А для Звенигорода сам факт, что его правителем стал Юрий Дмитриевич, можно считать чем-то вроде «счастливого случая».

Однако для выяснения исторической истины мы сталкиваемся еще с одной проблемой. «Помимо владений, принадлежавших звенигородским удельным князьям, на территории удела располагались села, принадлежавшие

представителям боярской верхушки и другим знатным служилым людям. Выявление их представляет определенные трудности ввиду отсутствия прямых источников. Поэтому здесь приходится опираться прежде всего на данные топонимики, поскольку известно, что подавляющая часть древних сел Подмосковья получила свои названия по именам и прозвищам их первоначальных владельцев. Особую ценность представляют данные археологических обследований этих сел, поскольку они повышают достоверность сведений топонимики, дают возможность определить размеры древних феодальных сел, иногда наметить их планировку».

Благодаря таким изучениям мы можем сегодня даже говорить о каких-то родовых фамилиях, связанных с подмосковной и, в частности, звенигородской историей. Именно они остались в названиях многих известных здешних сел и по сей день. «На территории удела, — продолжает археолог А. А. Юшко, — преобладало землевладение наиболее знатных боярских родов, таких как род Воронцовых-Вельяминовых, представители которого из поколения в поколение были предводителями московского воинства (тысяцкими), а также потомки боярина Андрея Ивановича Кобылы, приближенного московского великого князя Семена Ивановича Гордого, родоначальника многих боярских и дворянских фамилий: Коновницыных, Колычевых, Захарьиных, Юрьевых и др. С родом московских тысяцких связаны такие села, как Воронцово (Федор Воронец — брат московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова), Протасово. Оба села расположены на р. Москве. Значительное землевладение представителей этого рода существовало на правобережье р. Истры (села Ивановское, Вельяминово). Внук основателя рода Андрея Кобылы — Федор Дютка владел двумя селами с названием Дютьково. Одно из них располагалось близ Саввино-Сторожевского монастыря. Второе с. Дютьково размещалось в районе Нарских озер, на левобережье р. Нары. Все эти села были обследованы археологически. Определена их датировка (XIV в.), а также площадь. Отметим кстати, что археологические обследования десятков великокняжеских и боярских сел на территории Московской земли показали, что боярские села по площади в два раза превышали рядовые сельские поселения, а великокняжеские — в восемь раз».

Вот какие данные могут неожиданно выявляться с помощью таких важных текстов, каким является, в частности, для нас завещание Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галичского.

И это на первый взгляд все, что успел он оставить своим детям. Не считая, конечно, двух построенных, уникальных по

инженерии, крепостей — в Звенигороде и Галиче Мерьском, а также новых каменных храмов, включая соборы в Саввино-Сторожевском монастыре, на Звенигородском Городке и в Троицесергиевом монастыре.

Но все же он и еще кое-что оставил для потомков в истории.

В частности, ряд загадок, которые весьма интересны не только историкам. Думается, что они заинтересуют и нашего читателя.

Глава десятая.
ЗАГАДКИ КНЯЗЯ ЮРИЯ

Иные дела князь решал...

В. О. Ключевский

Есть такие темы, которые никак не укладываются в размеренный поток повествования нашей книги. Тем более что они связаны с именем столь необычного человека, каким был князь Юрий Дмитриевич.

Поэтому автор решил, что имеет смысл вынести их в заключение — в отдельную главу, каждая часть которой и станет ответом на вдруг возникшие вопросы.

Что-то в наших рассуждениях может показаться читателю заведомо спорным или малодоказуемым. Но именно с этой целью автор предлагает заглянуть в некоторые скрытые пласты нашей истории, чтобы приглядеться, приметить, а также со вниманием посмотреть на некоторые факты или события — с необычной или даже непривычной стороны.

Иногда важно поделиться выводами или находками с заинтересованными людьми. Это часто приводит к взаимной пользе. Тем более в сфере исторического изучения нашего прошлого.

Будем последовательны и пройдем все по порядку.

Летописание и летописеписывание. Гипотеза 19

Разгни книгу, Летописец великий Русьский, и прочти от великого Ярослава и до сего князя.

Троицкая летопись, запись 1393 г.

Из рассуждений героя кинофильма А. Тарковского «Сталкер»: *«Средневековье, вот это интересно. В каждом доме был дух, в каждой церкви был Бог. Сегодня каждый четвертый человек — старый. Каково обычное состояние старого человека? Скука, досада, энтропийный сон, в который мы погружены, не обращая внимания на то, что нас окружает…»*

* * *

Можно ли сказать, что Русь (и, в частности, Средневековая Русь XV века) имеет две истории (или даже несколько)?

Странный на первый взгляд вопрос. Но мы не случайно его задали.

С какой же стати?

Да все потому, что мы черпаем информацию об эпохе во многом из летописей. Читатель, наверное, помнит наши рассуждения на эту тему в «Предисловии» к данной книге.

Летописи имели странное свойство. Они писались и одновременно… переписывались. Существовала официальная точка зрения на те или иные события, но сквозь сами тексты или с помощью летописей из других мест пробивались совершенно другие сведения о людях, датах, событиях или фактах.

Одна из книг известного историка Я.С. Лурье носит примечательное название, как будто бы прямо отвечающее на поставленный нами вопрос: «Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства». Оказывается, точность и правдивость зависят не только от официального влияния, но и… от обычного времени. Причем в весьма странном соотношении. Иногда чем раньше сделана запись летописцем, тем она точнее и правдивее. Но бывает наоборот: только спустя десятилетия проясняются реалии произошедшего.

Даже самые на первый взгляд известные события истории Руси, такие как, например, Куликовская битва, по прошествии времени обрастали легендами, дополнительными рассказами, новыми персонажами или действующими лицами, трактовками, объяснениями и интерпретациями. Так появлялись некоторые мифы, которые через века становились даже прочными утверждениями или «неоспоримыми» историческими аксиомами.

* * *

Для автора данной книги очевидно, что в период жизни князя Юрия Дмитриевича и сразу после его кончины активно происходили два параллельных процесса, которые мы назовем так: летописание и летопереписывание. И правителю Звенигорода и Москвы пришлось окунуться в это со всей серьезностью. Хотя бы потому, что князю уже тогда пришлось доказывать свою правоту в вопросе о власти с помощью древних документов.

Современные исследователи давно заметили, как заботливо великие князья Владимирские контролировали и вели записи о своем правлении, а также покровительствовали составлению очередных редакций и вариантов известного «Летописца великого русского». Особенно после кончины очередного великого князя. Историк М. Д. Приселков удачно отметил, что многие переделки текстов «совпадают по времени с тою борьбою за великое княжение и за великокняжеский титул, которая разгорелась особенно сильно и длительно тянулась в XIV в. Это дает право предполагать, что летописание теперь служит историческим доказательством при спорах князей перед ханом о великом княжении и что летописцы сопутствуют князьям в их поездках в Орду. Такое предположение находит себе подтверждение в прямом указании летописей. Под 1432 г. в Симеоновской летописи можно прочитать подробное изложение хода борьбы за великое княжение в Орде между Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем, причем: “царь же повеле своим князем судити князей русских и многа пря бысть межи их; князь великий по отечеству и по дедству искаше стола своего, князь же Юрьи летописци старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитриа”. Значит, в Орду не только возили наши летописные тексты, но и выбирали разные редакции этих текстов, конечно, старыми редакциями (“старыми списки”) опорочивая работу редакторов современных».

То, что историк заметил это, уже само по себе является важным подтверждением и наших утверждений. А именно. Были

князья, которые стремились сохранить источники нетронутыми (как Юрий Дмитриевич, который был в этом заинтересован, будучи наследником «по старине»). И находились иные, которые готовы были переделать все что угодно, лишь бы вымарать из документов все для них неприемлемое. Первым оставалось хранить, а вторым приходилось трудиться в поте лица, причем — на двух фронтах: уничтожать подлинники и создавать новые «источники».

Интересно, что, по мнению того же историка, тенденция была такова: источники первоначально хранили (как доказательства), а позднее (уже после кончины князя Юрия) словно кто-то давал команду на их переделывание. «То обстоятельство, что летописные своды вывозятся, как исторические справки, во внешние распорядительные центры, — пишет исследователь, — где текст их подвергается страстным спорам и толкованиям, налагало на летописное изложение этого времени печать точности в передаче старых текстов, полагало предел редакторским искажениям. Дело резко меняется с момента отпадения этой прикладной стороны летописания. Гибель Византии и свержение татарского ига резко сказываются на летописных текстах той поры, так как Москва начинает переработку летописных материалов в духе торжествующего московского единодержавия, предназначая уже теперь это чтение для политического воспитания подданных. Переработка эта, любопытная для характеристики политических взглядов и вкусов своего времени, но гибельная для точности передачи старых летописных текстов, захватывает не только московское великокняжеское летописание, но и летописание всех других феодальных центров». Безусловно, победителей не судят. И если Москва стала главным центром всей Руси, а затем и России, то ее правители были вправе влиять на ход не только будущих, но и прошлых событий. Потому мы и видим, «при поглощении Москвою того или иного княжества… срытие крепостей, увоз в Москву исторических и культовых ценностей… пресечение местного летописания как признака самостоятельной политической жизни и уничтожение официальных экземпляров этого летописания». Что в итоге? Хотя мы и имеем некоторые «не московские» летописи, но либо в частных списках, либо включенные в московские своды. И если они не прошли «московской обработки», то можно считать это совершенно необычным случаем, а также относиться к такому источнику с особенным вниманием. Только так можно себе объяснить, что, несмотря на значительное число летописных центров древности, одна Москва теперь предстоит перед нами в своем официальном

летописании, а все прочие местные летописцы сохранились до нас или в составе московских сводов, или в частных списках, причем только в исключительных случаях не прошедших московской обработки».

* * *

Завершающее десятилетие XIV века стало важной вехой в становлении московского летописания. Особенно после 1392 года, когда появились летописные своды, в каждом из которых мы можем заметить не просто изложение событий, а их интерпретацию сообразно тем или иным политическим обстоятельствам. Теперь у исторических фактов довольно отчетливо проявилась определенная «окраска».

Конечно, это связано с началом правления Василия Дмитриевича и активностью митрополита Киприана. И удивительно, как это совпало с кончиной преподобного Сергия, ушедшего в том же году.

Итак, появившийся Старший московский свод 1392 года мы можем воспроизвести на основе самого старого варианта московской летописи, того самого Троицкого списка, о котором мы уже говорили. Он был, увы, утрачен, но сохранилось столь много выписок из него благодаря трудам Н. М. Карамзина, что можно говорить о его доступности. «Зарисовывают» пробелы более поздние списки Симеоновской, Воскресенской летописей и Рогожского летописца.

Троицкая летопись завершает свое повествование в 1409 году — рассказом о нашествии Едигея. Однако, по мнению исследователя В. Л. Комаровича, «летопись в заключительной своей части изобиловала собственно московскими и современными летописцу известиями, а, кроме того, содержала ряд прямых и косвенных указаний на другой московский свод, более старший, легший в ее основу». В документе предлагалось прочитать некий «Летописец великий Русьский» (запись 1393 года). Отчего историк делает вывод: «Есть поэтому все основания подразумевать и под “Летописцем великим Русьским” прямой источник Троицкой, оканчивавшийся где-то раньше 1393 г. Сличение Троицкой летописи с близким к ней текстом Симеоновской и Рогожской обнаруживает, что этот источник, т. е. предшествующий Московский свод, заканчивался 1392 г., а вся совокупность входивших в этот свод статей показывает его зависимость от редакторской инициативы митрополита Киприана.

У этого свода есть одна разительная особенность. Будучи бесспорно московским по месту написания и преобладающему в нем материалу, он не только содержит ряд известий тверских, суздальско-нижегородских, литовских, но сплошь и рядом даже и точки зрения придерживается не московской, а скорее тверской или даже литовской».

Последнее утверждение о «точке зрения литовской» приближает нас к самому главному. Именно с этого времени, а затем — весь период, который связан с жизнью и кончиной князя Юрия Дмитриевича, — начинается великий передел русского летописания. То, что мы и называем в нашей книге летопереписыванием.

* * *

Междоусобица лишь добавила прыти официальному изложению событий. У летописания в Москве было несколько ветвей или продолжений. Одно из них было доведено до года 1456-го, а значит, охватило весь период противостояния детей и внуков Дмитрия Донского. Понятно, что и как там было изложено или интерпретировано. Именно такие документы и создавали образы реальных людей у потомков, которые затем господствовали столетиями.

В Московском своде 1456 года и затем (в виде почти повтора) в списках второй редакции Софийской I летописи мы находим повествование о событиях, которые происходили после кончины Василия Дмитриевича. Именно тут князь Юрий показан как желающий править «летописцами и старыми списки», а племянник его — властвовать «по отчеству и по дедству». Желания великого князя Василия выдавались за прогрессивные. Доказательства Юрия — как явления прошлого.

Эта удобная идеологическая позиция сыграла и свою отрицательную роль со многими историками в будущем. Читая древние летописи буквально, некоторые из исследователей как по заученному твердили, что деяния обоих Василиев — были передовыми, а утверждения Юрия — отсталыми. Но, господа, а где мы вообще можем видеть «утверждения» князя Юрия?! Летописи ничего о них не говорят. Они лишь констатируют факты, рассказывающие о некоторых его поступках (например, «князь Юрий пошел к Москве»). Но в остальном — молчат! Как будто князя не было или он не существовал как реальный, живой исторический деятель.

Вот мы встречаем в данном своде повествование о свадьбе

Василия II и «срывании пояса» с Василия Косого. Современный исследователь интерпретирует ситуацию и ее изложение в летописи, будто она «с начала до конца выдержана в духе молодой московской государственности». То есть поступок Софьи Витовтовны, схватившей пояс Дмитрия Донского, — чуть ли не революция в московской политике. Мол, смелость и города берет. То, что считаем своим, — сами и забираем.

Но стоит ли путать «смелость» и «движение вперед»?! Неадекватные поступки в истории порождали затем многочисленные проблемы, которые отрицательно сказывались на развитии Русского государства. Ведь даже «срывание пояса» породило в дальнейшем почти два десятилетия серьезнейшего кровопролития на Руси. Мудрая и хорошая такая «московская политика», отвлекавшая от решения более важных и насущных внешнеполитических проблем, которых хватало с избытком…

Однако современный историк продолжает утверждать: «Междукняжеская усобица, всколыхнувшая с невиданной раньше силой народные массы окраин и центра только что наметившегося государства, воспринята автором повести именно как борьба старых и новых начал тогдашнего общества во всенародном масштабе… Сторонники Юрия, сколько бы их у него ни было, принадлежали к отсталым слоям тогдашнего общества; вот что хочет этим сказать наблюдательный и дальновидный рассказчик». Что тут скажешь. Заложенная «переписчиками» истории официозная пропаганда достигла своей цели даже через столетия. Но, видимо, историк не заметил на полях одной из летописей XV века уже приводимое нами добавление, составленное рукой писца, когда речь идет о дне кончины «прогрессивного» по отношению к Юрию великого князя Василия Васильевича: «Июда душегубец, рок твой пришед».

Эти откровенные слова потому и попали на поля, что внутри текста они не могли бы оказаться. Остается выбирать — кому, что и как читать…

Считается, что академик Д. С. Лихачев представлял древнерусскую культуру, как проникнутую интересом к истории. По его мнению, и летописи, и летописный труд имели определяющее значение в политической жизни. Потому тексты этих самых летописей подвергались политическому анализу и разным толкованиям. Ведь они становились (после того, как князь Юрий привел их в качестве доказательства власти) документом первостатейной важности, вплоть до разрешения споров о великокняжеском наследовании. Еще бы, не контролировать каждое написанное слово!

Потому и поездка Юрия и Василия в Орду к хану за ярлыком,

когда князь Звенигородский и Галичский взял с собой древние источники как доказательство, была вообще новым явлением в решении споров о правлении в Москве. Ныне тот спор иногда называют не только политическим, но и текстологическим!

Это раньше всех понял митрополит Киприан, который прошел хорошую «текстологическую» школу еще в Византии, где столетиями накапливалась традиция летописного «словоплетения». Не случайно понятие «плетение словес» — как символ умения расставлять слова в нужной форме и в нужном смысле — в виде нового термина появилось на Руси именно в это время, в интерпретации замечательного агиографа Епифания Премудрого.

Благодаря такой школе митрополит Киприан сумел даже воздействовать на своих современников, когда он пытался изменить их представление о значимости фигуры, например, князя Дмитрия Донского, с которым у него отношения, как известно, были напряженными. Вот как пишет об этом историк Р. Г. Скрынников: «Киприан оставил заметный след в истории русского летописания. Составленный при его дворе “свод 1408 г.” явился, по существу, первым московским летописным сводом общерусского значения. Характерной чертой свода, законченного уже после смерти Киприана, было критическое отношение к Дмитрию Донскому. Назначив своего любимца Митяя митрополитом, князь положил начало долгой церковной смуте. “Повесть о Митяе”, включенная в свод, изображала деятельность претендента в сатирическом свете… Киприан предал анафеме князя Дмитрия накануне его похода против Мамая. О Мамаевом побоище грек узнал в Киеве по слухам. Знаменитая битва была в глазах митрополита-изгнанника маловажным событием. В своде 1408 г. ход битвы описан кратко и тусклым штампом (“бысть… брань крепка зело и сеча зла”). Летописец не упоминает имени героя битвы Владимира Андреевича. Лишь рассказ о погибших в битве воеводах носит конкретный характер: сводчик включил в текст источник церковного происхождения — синодик побиенных на поле Куликовом, Значительно подробнее, чем Куликовскую битву, летописец описал злополучное нападение на Москву Тохтамыша в 1382 г.…Его (летописца. — К. К.-С.) слова ставили под сомнение доблесть князя Дмитрия Донского… О Дмитрии лишь замечает, что тот оставался в Костроме, ничего не предпринимая. В момент татарского нападения Москву покинул не только Дмитрий Иванович, но и Киприан. Сведения об этом в летописи не фигурировали. Киприан укрылся в Твери, что дало Дмитрию Донскому повод ко вторичному изгнанию Киприана за рубеж.

По традиции летописцы сопровождали известие о “преставлении” государя панегириком в его честь. В московском своде 1408 г. кончине Дмитрия Ивановича уделено совсем немного строк, нет указания на его воинские заслуги, победу на поле Куликовом, отсутствует перечень его добродетелей».

Если подобное мнение с помощью «текстологии» могло быть составлено о великом князе Дмитрии Донском, которого, вопреки тексту данной летописи, очень сильно почитали на Руси (а в дальнейшем летописании — вообще прославили, как одного из главных героев русской истории), то что говорить о его сыне князе Юрии, сведения о котором можно было изменить в любую сторону — и он мог бы быстро превратиться чуть ли не в страшного монстра.

Но он, даже порой обвиняемый в начале междоусобицы, вовсе не превратился в сознании людей в некоего элодея.

Даже последовательная его непокорность неправде и появление смуты на Руси, возбуждение которой всегда на него пытались нацепить как ярлык, — так и не смогли «утвердиться» в виде отрицательной исторической характеристики князя. Он всегда, по источникам, оставался уважаемым и был оценен по достоинству.

* * *

Летописцы — писали.

А летописеписыватели — исправно переписывали. Но у этих, последних, так ничего и не получилось.

Древние монеты и герб Москвы. Гипотеза 20

На груди орла — всадник, поражающий копьем дракона.

Из современного Закона о Государственном гербе России

Бургундский рыцарь Гильбер де Лаиноа о своем путешествии на Русь в начале XV века (из его книги «Voyages et Ambassades», по рукописи того времени): *«[У русских] монеты из кусков серебра… и из мордок белок и кун».*

* * *

Нумизматам, историкам и некоторым любителям древностей хорошо известны русские монеты конца XIV — начала XV столетия. Выпуск денег был одной из главных составляющих жизни государства и его политики. Например, автор данной книги склонен выдвинуть как гипотезу важнейшую причину (не отрицая конечно же и других причин) похода хана Тохтамыша на Москву в 1382 году. И она имела финансовые свойства. Ведь тогда князь Дмитрий Донской впервые выпустил в Москве монеты (ему было дано такое разрешение из Орды). Первоначально — анонимные, с надписью «печать князя великого», с изображением воина. А затем — не с именем хана-царя (которому они, собственно, в виде дани и предназначались), а только со своим именем — «Дмитрий». Если исходить из того, что «деньги правят миром», то столь дерзкое покушение на финансовые устои средневековой Орды могло быть решающим для последующего наказания.

Деньги в виде дани получал тот, чье имя было указано на монетах. Он был хозяином. Для него они и печатались. Вариантов быть не могло. Правила были очень строги, вплоть до того, что московские монеты должны были выпускаться более легкими по отношению к деньгам Орды, в сочетании три русские к двум ордынским. И ведь, на самом деле, после сожжения Москвы в 1382-м, князь Дмитрий Донской выпускал монеты лишь только с именем Тохтамыша и с изображением петуха, а не воина…

Имя хана и арабские надписи на монетах являлись знаком

лояльности к Орде (вариант арабского текста на русской монете: «Султан То(хтамыш) хан, да продлится его жизнь»). И даже удельные князья выполняли правила строго. Пример: Серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый, в битве с Мамаем сыгравший важнейшую роль, при этом долго печатал на своих монетах имя Тохтамыша (как и свое). Так в Орде могли идентифицировать тех — кто платит дань. Обозначено на монете — такой-то князь, значит, — заплатил и лоялен. А пытающихся уклониться от дани можно было быстро вычислить. Потому и Владимир Храбрый почти до самой своей кончины чеканил ордынскую «легенду» на своих монетах.

Отдельное место в средневековой монетной «русской коллекции» всегда отводится деньгам, которые начал выпускать князь Звенигородский и Галичский Юрий Дмитриевич, И хотя не всегда возможно определить — вышли те или иные из них «в народ» уже во время его удельного правления или только когда он стал великим князем Московским, все же отделить их от монет других князей довольно легко. На них отчетливо читается — в разных вариантах написания — имя «Юрий».

Необходимо отметить, что князь Звенигородский успешно вводил в «массовый денежный» оборот изображение всадника на коне, поражающего змия, которого потомки позднее сочтут за святого Георгия Победоносца. Речь идет об изображениях на монетах, причем его собственных. Не всякий бы отважился при не очень дружелюбно настроенном великом князе штамповать отдельно свои деньги. Но Юрий это делал.

Добротные и полновесные, они разошлись по Руси. Металла было достаточно, князь не так давно вернулся с войском из Волжской Булгарии. Хоть и поделился добром со старшим братом, но и себе оставил достаточно.

Другие князья не могли позволить себе такие походы или действия, даже монеты «давались» им с большим трудом (по финансовым соображениям). А он делал все быстро и с легкостью.

Всадник, побивающий змия, был в некотором роде автопортретом князя. Это как будто он на коне поражал Булгарского Змия (который предположительно развевался на знаменах волжских полков). Монеты мгновенно расходились по свету, входили в употребление. Русь жаждала торговли, больших оборотов товаров, развития. Приток капитала только этому способствовал.

Что же сделал тогда его старший брат Василий Дмитриевич, великий князь Владимирский и Московский? Он тоже выпустил свои монеты. А в феврале—апреле 1425 года будет проведена унификация денежного дела, что-то вроде реформы. В Москве

появился специальный монетный двор, определен был обязательный вес денег, который мог колебаться от 0,77 до 0,7 грамма, а для монет удельных — от 0,62 до 0,65 грамма. Стали выпускаться двуименные монеты (с двумя именами князей, главным из которых было имя великого князя).

У Василия Дмитриевича на монетах Москвы также появилось изображение всадника на коне — «ездца». Ведь официально именно он — Василий — был летописями потом признан «покорителем Булгар» (хотя там не был и в помине). Как же так! Он покоритель, а на монетах — всадник, так напоминающий тезоименитого святого покровителя Юрия! Стереть его с денег уже было нельзя, уничтожить монеты также было трудно. Оставался единственный и самый беспроигрышный способ — забрать славу Юрия себе, поменяв местами имена в летописях.

Имена-то поменяли, но ассоциации со святым Георгием Победоносцем остались. И все равно, как ни крути монеты, не укрепился в сознании людском даже намек на «Василия Победоносца»!

Это намного позднее святой Георгий на коне, поражающий змия, станет символом и гербом самой Москвы. Той Москвы, в которой не будет места потомству Юрия, князя великого, а также Звенигородского и Галичского.

Таков странный и не всегда справедливый суд истории.

* * *

Был ли всадник с копьем в руках и на коне, изображенный на монетах Звенигорода, — портретом самого Юрия Дмитриевича?

Очень интересный вопрос.

Не станем отрицать того простого факта, что такого всадника можно встретить не только на монетах Юрия Дмитриевича. «Пользовались» этим символом почти все князья, которые решались на выпуск собственных денег. Да оказывается, не только на Руси, а… по всей Европе.

То есть русские в этом деле вовсе не были первооткрывателями. Скорее стали «соучастниками» какого-то древнего и очень интересного процесса утверждения своеобразной символики, которая привлекла правителей множества стран Средневековья и более поздних времен.

О чем мы тут говорим?

Мы рассуждаем о несколько таинственном изображении того самого «всадника на коне», которого можно встретить на многих монетах Средневековой Руси, включая монеты Юрия, и который

так напоминал святого Георгия.

Специалисты-нумизматы, знатоки сфрагистики, историки называют этого персонажа следующим словом — «ездец».

* * *

Одним из доказательств, что это был не святой Георгий, является то, что никогда «ездец» не изображался на монетах с нимбом. По отношению к князю Юрию можно сказать, что история сохранила серебряное блюдо, которое ему принадлежало (ныне хранится в Государственном историческом музее). На нем как раз изображен именно святой Георгий Победоносец. Фактически тот же «ездец», но с отчетливо видимым изображением нимба, указывающего нам на то, что перед нами святой воин.

Куда же подевался нимб на монетах? Или его там вообще никогда не было?

Именно так и есть. Его там не было.

По всей видимости, произошла историческая «накладка» одного образа на другой. Приезжавшие в Россию иностранцы, увидев на печатях государевых изображение «ездца», приняли его за святого Георгия Победоносца, о чем и оставили заметки в своих воспоминаниях. Это потом передалось и нам.

Но в Средневековой Руси никто и не помышлял о том, чтобы изобразить столь почитаемого святого без нимба.

«Ездец» становился изображением самого князя, сюзерена, властителя, прообраза царя, верховного правителя. Символика ассоциировалась с византийскими императорами.

Но главное то, что это был именно «ездец». То есть — правитель на коне. Только князь, имеющий крупный удел или ставший великим князем, мог на Руси иметь право, то есть позволить себе (по своему «сильному» положению) выпустить не только собственные монеты, но также изобразить на них всадника, иногда даже с короной на голове. Более низкий статус или положение такую возможность исключали!

Похожая ситуация была в Европе ранее этого.

Так «верховой» правитель (сиречь — «верховный» правитель) стал очень важным символом власти, а потому позднее быстро перекочевал с печатей и монет прямо в герб Русского государства. Он прочно утвердился в гербовой символике, занял там свое место «в кругу» двуглавого орла и прочих изображений. А уже при Петре I был определен как святой Георгий.

На все ушло, как мы видим, несколько столетий.

Кстати, неслучайно позднее, уже в Российской империи, существовала официально утвержденная традиция изображать в виде памятников и статуй верхом на коне лишь верховных правителей, императоров. И только их. Никто другой долгое время не мог претендовать на право стать «ездцом», быть отлитым или высеченным верхом на лошади, то есть государем. То был явный отголосок древней традиции, утвердившейся в эпоху детей князя Дмитрия Донского, к которой прямое отношение имел князь Юрий Звенигородский.

* * *

Всадники без нимба, с копьем или мечом в руках облюбовали свое место на печатях великих князей — Василия Дмитриевича и его сына Василия Темного.

Кстати, существовали даже «двуименные» монеты сразу двух князей (например, Юрия Дмитриевича и Василия Темного, когда они пытались договориться о власти), а на них, хоть и один — но всадник! При Иване III на печати (как ранее — на монетах) под всадником появляется еще и поражаемый им змий.

Так кто же он, этот таинственный «ездец», портрет которого так распространен был в европейской цивилизации, да и на Руси?

Реального прототипа мы нынче уже и не найдем. Разве что лишь ассоциации с тем или другим персонажем истории. Но всадник был явно светским, так же явно — воином, конечно же — правителем (раз изображалась корона на голове), обязательно — победителем, в первую очередь — над злом или символом зла, которым как раз и становился поверженный змий.

«Ездец» выполнял охранительные функции. Это был символ силы и защиты, а значит — хорошего, доброго правителя, способного прикрыть своих подданных.

Можно сказать, что такой символ и такая монета могли отчасти выполнять функции оберега, что ведет традицию изображения к очень древним корням. Христианство влияло на эту символику по-своему. Мы замечаем постепенное появление изображения нимба над головой всадника. Но первоначальная картинка явно другого происхождения.

Кесарю — кесарево. Это одна из разгадок «ездца» как символа!

Уже в русских источниках XVI и XVII столетий всадник запросто трактуется как портрет самого царя или даже его наследника. «А на другой стороне — государь сам» — типичная запись того времени под таким изображением. Или вот:

«вырезано: царь на коне победил змия» (из объяснения подьячего Посольского приказа XVII века о государственных печатях).

Свою лепту в путаницу о всаднике внесли, как мы уже говорили, иностранцы, посещавшие русский двор. Приметив русские печати и монеты, они, естественно, видели и «ездца», поражающего змия. Один из таких послов — Иоганн Георг Корб — был в Москве в 1698—1699 годах и записал у себя в бумагах буквально следующее — будто на русской «копейке» изображен не кто иной, как «святой Георгий с копьем».

Да, мы знаем, что само слово «копейка» появилось от всадника с копьем, который изображался на монете. Но кто сказал, что это был святой Георгий Победоносец?! Если это был он, то почему — без нимба?!

Известно, что изображение святого Георгия официально было утверждено в России на государственной печати и гербе в виде наездника, поражающего змия (но обязательно с нимбом) лишь 8 марта 1730 года, во время утверждения всех гербов русских городов. Кстати, сегодня мы как будто бы лишились возможности официально называть святого Георгия своим покровителем. Ведь в государственных бумагах написано, что на российском гербе изображается «всадник, поражающий копьем дракона», то есть «ездец», но не святой Георгий Победоносец (и, естественно, не «государь»).

Кто же изображен на нашем современном гербе? Неясно. Мы отчасти вернулись к Средневековью, даже не заметив, как символы святости, выработанные столетиями, ушли в небытие. Вот так.

* * *

Что ж, первоначально мы встречаем «ездца» на монетах даже и не с копьем, а с мечом или с птицей — соколом — на руке. Но не это важно. Пришедший с Запада (скорее всего именно оттуда) символ активно распространился на Руси во времена Юрия Звенигородского и Галичского. А людская молва связала «всадника на коне» с именем этого князя.

И не случайно.

Он имел доблесть, он владел наследственным правом на власть, он был воином и полководцем, он получил богатство после походов и возможность выпускать монеты (кстати, брат Василий, по причине Булгарского похода, вероятнее всего, именно ему обязан за возможность выпускать и свои деньги), он не проигрывал сражений и побеждал врагов.

Да и «еэдец» так уж напоминает любимого русскими святого — одноименного Юрию — Георгия!

И если история — это собрание мифов, то такой миф о всаднике-копьеносце и монете-копейке — один из самых интересных на Руси.

Юрьев день и Шемякин суд. Гипотеза 21

Яко же Ярослав судил,
також же и сынове его установите.

Русская Правда

Из древнерусской рукописи «Суды Соломона» XIV века:

«После смерти отца открыли сыновья его этот клад в присутствии людей. И оказалось в верхнем сосуде полно золота, в среднем полно костей, а в нижнем полно земли. Стали ссориться эти братья… И пошли на суд к Соломону. И рассудил их Соломон: что есть золота — то старшему, что скота и слуг — то среднему, судя по костям; а что виноградников, нив и хлеба — то меньшему. И сказал им: “Отец ваш был умный человек и разделил вас при жизни”».

* * *

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» — выражение известное и старинное, пришедшее к нам из глубины русского Средневековья. Осенью, перед самой зимой, зависимые крестьяне (то есть — обычные «христиане») имели право, если не имели долгов, уйти к другому хозяину. Святой Георгий считался покровителем земледельцев. Так жизнь устраивалась и продолжалась.

Отменил традицию Иван Грозный (хотя о времени отмены все еще спорят). Потому и скептическое выражение появилось после XVI века, включая словечко «объегорить» (от имени Егор — Юрий).

То, что третий сын Дмитрия Донского родился в осенний Юрьев день, также символично. Все, что он сделал в своей жизни или сумел завоевать, запланировать, построить, привести в порядок и одухотворить, было позднее «затерто» его соперниками, умалено врагами, оклеветано завистниками.

Но он сделал настолько много, что осталось с лихвой, чтобы мы могли по достоинству это оценить.

Так же не повезло и его сыну — Дмитрию Шемяке. Победителей, как говорят, не судят. А значит, судят проигравших.

Дмитрий Шемяка проиграл в борьбе за Московскую власть, имея на нее все права. А потому был не только убит (отравлен),

но и «осужден» в сознании людей (с помощью официальной пропаганды того времени) на то, чтобы нести бремя «злодея».

Так появилась известная русская поговорка о «Шемякином суде».

Что это такое? Нечто вроде самосуда. Русского варианта «суда Линча». То есть суд не по праву, а по «понятиям».

Однако само выражение со столетиями трансформировалось в совершенно другое, лубочное, народное понимание «Шемякина суда». В сказках и сказаниях вдруг появился некий образ судьи, который выносит вполне справедливое решение, хотя и несколько необычное. Притчевая основа таких текстов восходит, по мнению некоторых специалистов, вообще к древнеиндийской мифологии. Однако почему тогда это связывалось с именем Галичского князя и Угличского сидельца Дмитрия Шемяки — сына Юрия Звенигородского?!

Официальная историография еще с тех времен сильно осуждала Шемяку за то, что он якобы ослепил князя Василия Васильевича (прозванного потому Темным). То есть князь совершил самосуд, да еще какой!

Однако официальная пропаганда совершенно затемнила таким образом то, что первым среди враждующих сторон совершил целый ряд ослеплений не Дмитрий Шемяка, а сам Василий Темный, еще будучи зрячим. Это ведь он ослепил брата Дмитрия и сына Юрия Звенигородского — Василия (прозванного по этой же причине Косым) да еще нескольких известных бояр. Да и Шемяка, как выясняется, не участвовал в таком жутком деле!

Выходит, мы должны были употреблять скорее выражение «Васильев суд» или «Темный суд». Но этого власть никак не могла допустить. Ведь тогда могли сказать еще и так — «великокняжеский суд»!

Выражением «Шемякин суд» как раз и пытались указать на то, что он совсем НЕ великокняжеский.

А был ли тот самый Шемяка тем самым прототипом «судьи»?

Историки приводят цитату из некоего русского хронографа, где сказано: «…от сего убо времени (имеется в виду эпоха Юрия Звенигородского и междоусобных войн. — К. К.-С.) в велицей России на всякого судию и восхитника в укоризнах прозвася Шемякин суд».

Даже Н. М. Карамзин поддался этому поветрию и, следуя официальным трактовкам государевой власти, записал: «Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию и в самих гражданских делах, попирая ногами справедливость, древние

уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякине, доныне употребительной».

Вот и сегодня, когда кто-то стремится отметить пристрастность или несправедливость какого-то рассуждения, то употребляет выражение вроде «Это же Шемякин суд!». За этим стоит намек на некоторую нечестность или даже корысть.

Однако мнения по поводу происхождения этого словосочетания различны. Ведь Дмитрий Шемяка в XV веке не был «коварным обманщиком». Мы теперь знаем, что он действовал часто вполне по закону, значит — совершал праведный суд. Ведь и он имел некоторые права на великое княжение. И его отравили, да еще с каким сладострастием! При этом даже «забыли» похоронить в соборе Московского Кремля рядом с его братьями и отцом — князем Юрием!

Что это, как не образец того же «Шемякина суда»!

Впрочем, бытует и мнение, что выражение сие — лишь простое совпадение. В XVII веке появилась на Руси та самая «Повесть о неправедном судие Шемяке». Но был ли прототипом того Шемяки князь из века XV — неизвестно.

Во всяком случае, интересные рассуждения приводит С. Сытин — автор книги о Галиче (стольном граде удела самого Дмитрия Шемяки, оставленного ему Юрием Звенигородским в наследство), которая была издана в 1905 году. Вот что он пишет:

«Выражение происходит от того, что Шемяка творил суд и расправу, не обсуждая законных причин правой и виноватой стороны, а судил под влиянием разных слухов, собственного взгляда и состояния души.

Приводим образец народного понимания того времени о суде Шемяки, выраженного в сказке шутом Шемяки Уродком лично ему в присутствии гостей:

Не широкое море Хвалынское разливается,
О высокий берег разбивается,
В высокий горы ударяется, —
Моя сказка начинается.
В некотором царстве,
В тараканном государстве,
Жил был тиун Рядило,
Словно у нашего диакона
Топота кадило.
Кто за него умеючи берется,
Тот никогда не обожжется.
Рядило криво на лавке сидел,

Да о правде очень радел:
Виноватого прощал,
А правого без рубахи отпущал.
Сердечно готов был за нищего заступиться,
Когда было чем в кошеле его поживиться.
Вот к нему пришел богатый с бедным судиться,
Да невдогад видно было впредь поклониться.
Богатый говорил: “Помилуй, отец родной,
Рассуди мужика со мной.
Я ему лошадь, воз дров отвезти давал,
А он, проклятый, всю ее ободрал;
Дорога до лесу была не худа,
Так пожалел хомута.
А лукавый и взгороди ему указать
Дровни к лошадиному хвосту привязать,
А подворотни не выставлять;
Конь ретив был,
Хоть и на трех ногах ходил,
И так усердно чрез подворотню рванулся,
Что без хвоста домой вернулся”.
Богатый, проговоря ту речь, остановился
И в ноги судье повалился;
Бедняк же ничего не сказал.
А из-за плеча узелок показал.
Рядило взяток страх не любил,
А потому, как водится доброму судье, рассудил.
“Мужик, — сказал он, — кругом виноват,
И до тех пор у себя держать, поить и кормить —
Покуда новый хвост у коня отростит”.
Богатый такому суду крайне удивился,
Но с тиуном — не со своим братом:
шуметь пострашился.
А когда он из палаты, воя, ушел,
То судья в узле вместо алтына булыжник нашел.
“Зачем ты камень в плат завернул, —
Спросил он мужика, — да меня обманул?”
“Нет, я не обманывал, — мужик отвечал, —
А камень тебе с тем показал,
Что когда бы ты иначе рассудил,
То я бы тебе его в лоб пустил”.

Дмитрий Шемяка первым в России ввел в употребление пищали, которые, вероятно, заимствовал из Литвы. Можно

представить ужас, наведенный на московские полчища действием этих адских орудий. “Аже не взвидех Божьяго света, пали лицом на землю; токмо храбрые ограждашеся знамением креста, чуя преставление света” — так говорит один современный летописец, описывая осаду Галича великим князем Василием Васильевичем Темным в 1450 году… Город Галич вошел в состав единодержавия московского и стал управляться великокняжескими боярами. Суд и расправа были в руках их, но перенос дела следовал в Москву, где учрежден был особый приказ под названием Галицкой четверти.

Взятие Галича достопамятно в истории нашего отечества тем, что этой битвой окончились кровавые и постыдные распри удельных междоусобий. Великий князь даровал мир галичанам. Он имущество князя Дмитрия Шемяки роздал в награду победителям».

Последнее утверждение как нельзя лучше характеризует то, что потом стали называть «Шемякиным судом». Но оно имеет отношение к Василию Темному, а не к Дмитрию! Это он взял да и раздал все имущество Шемяки. Хорош суд. Наследникам ничего не досталось.

Мы отсылаем читателей в раздел «Приложения», где помещена уже упомянутая нами коротенькая повесть о «Шемякином суде» XVII столетия,

А нам остается лишь в очередной раз убедиться, что крылатые выражения иногда становятся источником для самых неожиданных выводов.

О правителях богоизбранных и самозваных. Гипотеза 22

Аща ли еже сам князь согрешит, всем людям иже под ним сотворяет вред…

Послание Кирилла Белозерского князю Василию I

Из древнерусского «Сказания о Дракуле-воеводе» XV века:

«Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина; они же пировали и веселились. Дракула же… спросил их: Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?" Они же… закричали разом: "Хотим, государь!" А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: "Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил; пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней". Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола».

* * *

Здесь автору хотелось бы вкратце поднять одну важную проблему, без которой нам никак не ощутить и, может, даже не понять смысла всего, что произошло в насыщенной жизни князя Юрия Дмитриевича.

Неслучайно представители новой русской царской династии — Романовы — считали духовного отца Юрия — преподобного Савву Сторожевского — «покровителем царей богоизбранных». Что-то осталось в памяти людской за столетия, связанное с этим

важным понятием — «богоизбранность». И оно отправляло во времена детей Дмитрия Донского.

Тогда ведь долго судили и рядили — кто имеет права на великокняжеский престол, а кто — не имеет. И неспроста. Имеющий права на власть оставался в числе богоизбранных. Тот же, кто делал не по праву, а по-своему, — мог даже расцениваться как самозваный.

Нет, речь не идет о «самозванцах», которых в будущие времена на Руси было предостаточно. Настоящий самозванец — это вообще посторонний, другой человек, «само-названный» не тот, за кого он хочет себя выдать.

Дети и потомки Дмитрия Донского не могли быть сами по себе буквальными самозванцами. Но они могли взять или получить самозваное правление. Одна из двух сторон превращалась из «Богом избранных» в избранных простым человеческим разумением и расчетом.

Итак, небесное право или право человеческое?

Какая из двух сторон в великокняжеской семье оказалась в русской истории на том или ином месте?

Думаю, что читатель уже догадывается о нашем мнении. И не напрасно.

Поразительно, ведь Юрий не предпринимал попыток сместить или как-то воздействовать на своего старшего брата. Неизвестны даже намеки на какие-либо покушения на его жизнь или конкретные претензии на власть в период жизни Василия I и почти весь период правления Василия II до кончины Юрия.

Как мы уже не раз говорили, главной отправной точкой для понимания всей правды той ситуации являлось завещание их отца — Дмитрия Донского.

Из него вытекало следующее. Юрий не имел права при жизни Василия Дмитриевича даже претендовать на великое княжение. Это могло расцениваться как «отцепредательство», что было самым непростительным проступком для того времени.

Юрий не воевал против Василия при его жизни, потому что это была бы война против отца — Дмитрия Донского, чего он допустить не мог. Ведь он по духовной грамоте должен был «чтить и слушать своего брата старишего в… место своего отця». «Отцом» его в этот момент стал старший брат. В то самое время, когда Василий Дмитриевич получил в наследство великое княжество Московское, князья удельные были ему «молодшими», хотя вполне самостоятельными и сильными.

В понимании происходящего князь Юрий опирался на духовных старцев (Савва Сторожевский, Кирилл Белозерский, Галичские святые), а Василий — на официальных святителей,

церковных иерархов.

Для Юрия важна была углубленная, монастырская традиция, для Василия — церковно-светская, литовско-византийских образцов.

Юрий представлял образец того, «как правили отцы» (потому и ссылался на летописи при спорных вопросах о власти), а Василий — того, как хотели бы управлять нынешние политики.

Юрию важно было само Русское государство, Василию — отношения Руси с Литвой.

Юрий призван был стать правителем Руси, а Василий — представителем Литвы на Руси (лишь позднее он и его сын станут более самостоятельными).

Что и куда «тянуло» братьев? Кого из них можно назвать более «передовым» или «отсталым» по отношению к истории? На ком была печать регресса, а на ком — прогресса? Все это крайне сложные вопросы. И ответы на них нельзя дать однозначно, они будут спорны.

Василий привел страну к междоусобице, но в этом обвиняют Юрия. Нас убеждают, что действия Василия были необходимы, потому что так утверждалась единая царская власть в Москве. Но Юрий не допустил бы, да и не допускал самой войны. И он, а это можно сказать теперь с полной очевидностью, будучи у власти, не только бы не довел страну до междоусобиц, но сумел бы укрепить ее намного быстрее, определеннее и тверже. Политикам с Запада и с Востока пришлось бы с ним считаться в полной мере. А вот этого как раз они и не хотели, не могли допустить.

«Проигрыш» Юрия означал победу внешнеполитических сил. Русь становилась мишенью большой политики — между Европой и Ордой. Василий был в этом смысле более податлив и удобен. Его жена Софья Витовтовна сумела переломить ход русской истории. Она доказала, что «властвующая баба на Руси» иногда может гораздо больше, нежели крепкий князь-воин, и это в большем объеме потом покажут нам времена XVIII века, приведшие на трон сразу трех женщин под-рад, управлявших Россией по-своему почти целое столетие.

* * *

Так кто был богоизбранным, а кто — самозваным? Юрий или старший брат Василий с племянником?

Автор предоставляет возможность читателям самим ответить на данный вопрос.

Добавлю лишь два штриха к портрету наших героев.

Первый связан с творчеством поэта А. С. Пушкина. Как известно, он написал «Житие Савы Игумена» (о Савве Сторожевском), где упомянул о князе Юрии Звенигородском. Вот этот текст:

«Потом некий христолюбивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм честного и славного Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков».

Почему Пушкин не назвал князя Юрия по имени, употребив лишь фразу «некий христолюбивый князь»? Ведь в старых житийных источниках это имя было названо.

Вряд ли не обратил внимания. Скорее не хотел идти против официального мнения, уже тогда считавшего Юрия нарушителем династической царской линии. Однако образ особенного «витязя на распутье» для поэта не раз возникнет в его творчестве. Например, в «Руслане и Людмиле»…

Штрих второй — из древнерусской литературы.

Знаменитая «Повесть о разорении Рязани Батыем», имевшая широкое распространение в старорусской книжности, оставила нам удивительные строки, которые можно выделить как самостоятельное произведение и озаглавить: «Образ идеального правителя Руси». Здесь мы замечаем развернутое народное представление о богоизбранном князе, относящееся непосредственно ко времени, о котором мы рассказываем. Вот оно:

Сии бо государи…
бяше родом христолюбивый,
братолюбивый,
лицем красны,
очима светлы,
взором грозны,
паче меры храбры,
сердцем лепсы,
к бояром ласковы,
к приездим приветливы,
к церквам прилежны,
на пированье тщивы,
до осподарских потех охочи,
ратному делу вел ми искусны,
к братье своей и ко их посолником величавы,
мужествен ум имеяше,

в правде-истине пребываста,
чистоту душевную и телесную без порока соблюдаете…
И многи труды и победы по правой вере показаста,
а с погаными половци часто бьяшеся за святыа церкви
и православную веру, а отчину свою от супостат велми
без лености храняша.

Кто из двух старших сыновей Дмитрия Донского более походит на данный образ?

Судите сами.

Ответ автора данной книги, по ее прочтении, думаю, вам уже понятен.

О Небесном Звенигороде. Гипотеза 23

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

Николай Гумилев, 1921 г.

«Китежский летописец», конец XVIII столетия: *«И увидел место то, необычайно прекрасное и многолюдное, И по умолению его жителей повелел благоверный князь Георгий Всеволодович строить на берегу озера того Светлояра город, именем Большой Китеж, ибо место то было необычайно прекрасно, а на другом берегу озера того была дубовая роща».*

* * *

Конечно, заголовок, приведенный чуть выше, может вызвать некоторое недоумение. О чем это речь? И автор сразу же спешит заметить читателю: это лишь предварительные рассуждения, не более, но они имеют право служить основой для некоторой гипотезы.

Начнем объяснения с краткого резюме, которое поможет сразу представить суть проблемы.

«Небесный Звенигород» — это возможный вариант исторического русского мифа о спасшемся и невидимом граде (спасшемся от врагов, «злой Орды», язычников, иноверцев, грешников и т. п.). Город-«страдалец», город-рай, который мог стать первым по праву и по наследству, но не стал таковым по причине вражеских набегов, братоубийственной смуты и самозванства. Город, заложенный и отстроенный двойственным союзом «по уму и духу» (земным и небесным). «По уму» — светским лидером — Юрием Звенигородским, «по духу» — духовным лидером — Саввой Сторожевским. Земное воплощение варианта Святой Руси.

В Новое время (XX век) в сознании отдельных мыслителей русского религиозного возрождения данный миф преобразовался в идею Нового Звенигорода (Ремизов), всеобщего града будущего, русской «шамбалы» (Рерих). Этот Звенигород новых времен как

будто бы можно и необходимо возродить и построить заново.

Вспомним еще раз и Маркелла Безбородого, который в Житии Саввы Сторожевского «повествует напоследок, когда мы достигли конца времен». Он пишет: «Близ Звенигорода есть место, называемое Сторожи… Савва пошел в названное место. И как небесный рай благовонными насажденный цветами обрел его, и очень возлюбил его, и припал к пречистой иконе Пресвятой Богородицы, которую носил с собой, с умилением сказал: “Владычица, посмотри на место это и сохрани его от врагов незримо”… И поселился на месте том, где воздвиг церковь деревянную во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества. Себе же устроил маленькую келийцу, решив ее удобной для возделывания добродетели, и к страданиям большим, и к подвигам постным приступая, и теплейшим рачителем безмолвия показавшись… И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось… И многие стекались к нему из городов и стран, рассуждая, что полезнее быть с ним и учиться добродетели… Они же словно сладкими водами поили свои души. Как говорил Давид, что некий сад, у истоков водных насажденный, взрастает и расцветает, и плод сладкий приносит во время свое», А теперь поговорим об этом подробнее.

Особенное внимание и почитание Звенигорода среди разных слоев населения России, а в особенности в русской образованной среде, всегда вызывали некоторое удивление. Городов на Руси много, были и такие, что связаны с большими и славными событиями нашей истории. Какие-то просто исчезли с современной карты страны, мы помним о них только по упоминаниям в летописях или документах. Главные святые места не забыты почитателями и по сей день, туристы, паломники, ученые и любители в миллионном исчислении круглогодично посещают те же памятники Золотого кольца России.

Есть ли у Звенигорода какая-то особая роль, или, как это принято говорить на современном языке, — особая «аура»? Оказывается — более чем…

В непростой истории Древней Руси почти ни на один год не прекращались войны, моры или стихийные бедствия, а ордынское иго «притормозило» развитие государства на несколько столетий. Именно эти тяжкие испытания стали основой для появления в народном представлении о мире своеобразного поверья, легенды о городе, где никогда не было или не будет всех этих трудностей, бед и злоключений. Причем такой город мог существовать как в реальности, так и в воображении, по-современному — в виртуальном пространстве.

Для верующего человека, христианина, образом такого города-прибежища был в первую очередь Небесный Град Иерусалим — место будущей жизни человека, которая ожидает его после завершения мирского пути. Для человека, не вполне расставшегося с некоторыми языческими представлениями о природе, таким центром стал символ возрождающегося из пепла града Китежа — скрытого или скрывающегося от посторонних глаз, спасенного и спасаемого от врагов, не сдающегося завоевателям, исчезающего из видимого земного пространства, опускающегося на дно священного озера, но при этом чудом сохраняющегося и заодно сохраняющего всех своих обитателей.

Поиски такого города на земле были чаянием многих поколений мечтателей. И если его нельзя было найти, то вполне можно было попробовать создать и построить в реальности.

В некотором роде прообразами таких Небесных Градов становились, например, строящиеся монастыри — обители, куда некоторые люди уходили от мирских забот, отказываясь от участия в мирских «злодеяниях». Здесь они с вновь обретенными иноческими именами создавали новый уклад жизни (для XIV столетия — как мы помним — уклад внутренний, самоуглубленный, медитативный, исихастский).

Созданная во времена Сергия Радонежского — Московская, а затем его учениками и последователями — Северная Фиваида новых обителей многократно увеличивала тогда среди русских людей ощущение уверенности и защиты от жизненных напастей. Именно в те годы и появляется, по нашему мнению, в русской духовной среде едва зримая, необычная и в ясном виде вообще не сформулированная идея Небесного Града в центре Русской земли.

Есть все основания предполагать, что затеянное князем Юрием Дмитриевичем вместе со старцем Саввой Сторожевским активное и невиданное доселе одновременное строительство вблизи Москвы, в Звенигороде, соседствующих города («Городка») и обители было воплощением этой условной концепции в реальности. Что и стало основанием для появления в дальнейшем некоего представления о Звенигородском крае как одном из символов Небесного Града.

Вот почему, несмотря на уже известное нам старание великокняжеских московских летописцев замалчивать и «стирать» из документов историю Звенигорода и всего, что было связано с деятельностью князя Юрия Дмитриевича, место это необычайно высоко почиталось в течение столетий и привлекало множество паломников (повторим еще раз, что в настоящее время только в год Саввино-Сторожевский монастырь посещает до 300—500 тысяч паломников, и по этому исчислению он держит третье

место после таких духовных центров, как Троицесергиева лавра и Серафимо-Дивеевская обитель).

После XVI века монастырь в Звенигороде стал одним из главных духовных центров правящего рода Романовых (царь Алексей Михайлович вообще построил здесь свой дворец — дабы править прямо в монастыре!), а уже в конце XIX — начале XX столетия место это возродило почитание Града Небесного в русской культурной среде.

Среди деятелей Нового времени, XX века, последовательно развивавших эти убеждения, следует выделить писателя Алексея Ремизова, создавшего еще до отъезда в эмиграцию символическую книгу «Звенигород Окликанный». А также — художника и философа Николая Рериха, выдвинувшего концепцию построения нового Звенигорода — некоего центра мировой духовности, концепцию, которую по сию пору упорно осуществляют его последователи. В частности, возводя в наши дни в горах на российском Алтае, в предгорьях Тибета город с таким же названием — Звенигород.

* * *

Вспомним и о следующем. Звенигород представлялся именно как Русский Иерусалим, в XX веке заменивший собой русский же град Китеж. Позднее появлялись идеи Нового Иерусалима — но в виде копии, даже — монастыря-копии (например, в городе Воскресенске под Москвой), то есть простого повтора Старого Иерусалима. Во времена жития старца Саввы и его учителя — Сергия Радонежского еще не стремились к построению точной копии Небесного Града так, как это делал патриарх Никон в XVII веке. В период духовного возрождения Руси последователи Сергия Радонежского хотели строить будущее сами, по-новому, они изобретали, искали — и не только в устроении монашеской жизни, но и в архитектуре, миниатюре, летописании, духовном пении и иконописи. Именно Савва Сторожевский и князь Юрий стояли у истоков появления первых идеальных образцов раннемосковских каменных храмов, а также иконотворчества Андрея Рублева.

Строительство и обустройство князем и преподобным Звенигорода и Сторожевского монастыря было одним из образцов устроения Новой, Небесной жизни на Руси вообще. И, похоже, — то была одна из наиболее удачных попыток, раз символ Небесного Звенигорода и по сей день считается уникальным и неповторимым, сакральным, как будто предощущением будущего

и, наконец, в некотором роде — единственным из оставшихся в сознании народа от той эпохи.

Сакральное пространство Русской Палестины имело во времена Саввы Сторожевского духовные, а не материальные очертания. Два Иерусалима уже были известны истории: один — исторический, «старый», другой — возведенный византийским императором Константином, «новый». Еще в 355 году он освятил «предреченный пророками Новый Иерусалим, храм Спасителя», когда «старый», ветхий, настоящий — библейский, следуя замечанию Евсевия — биографа императора, — «был обращен в крайнее запустение и понес наказание».

Третий Иерусалим, еще почти за столетие до времен, когда появилась и расцвела на Руси идея Третьего Рима, стал возрастать на берегу Москвы-реки вокруг горы Сторожи, там, где пускала свои корни уникальная Звенигородская цивилизация, не сумевшая развернуться в полную силу и расцвести из-за вполне обычных земных обстоятельств.

Идея Русской Палестины уже давно появилась в русском народном сознании и в особенности в проявившейся и развивающейся «сергианской» монашеской среде, из которой вышел инок Савва. Сама Русь становилась в сознании людей прообразом Палестины, а понятия родины и отечества воспринимались не только как земные или территориальные, но не в меньшей, а даже в большей степени — как духовные. Потому и бытовала в народе поговорка — «в наших Палестинах», что по сути и означало — «у нас дома, на родине». Это ощущение неразрывной связи далекой, святой и обетованной земли с душевной и духовной жизнью русского человека очень просто и красиво выразил в своих стихах поэт П.А. Вяземский:

Светлый край Палестины!..
С детства родственной мне…

Понятным становится и столь близкое соседство Саввино-Сторожевского монастыря с построенной позднее Ново-Иерусалимской обителью (между ними всего лишь около 15 верст, вовсе не далеко даже для старого времени — расстояние полудневного перехода небыстрым шагом). Патриарх Никон воплотил свои мечты и построил свое «чаяние» рядышком, соблюдая при этом практически одинаковое расстояние и от стольной Москвы. Никон таким образом «соседился» или, можно сказать, «присоседивался» не только к царю Алексею Михайловичу, фактически сделавшему Саввину обитель домом своего подмосковного обитания и «собственным государевым

богомольем», но также и к сакральному Звенигороду,

Идея у патриарха Никона была другая — он стремился к новым образцам церковной традиции, переделывал саму Русскую церковь «под греков» (кстати, то же самое делал митрополит Киприан при жизни Саввы Чудотворца). А наследники традиций Саввино-Сторожевской обители еще жили по-прежнему, сохраняли облик святой Старой Руси, пусть даже изрядно потрепанной временем и тяжкими испытаниями.

Отсюда становится понятным и такое парадоксальное явление: взбунтовавшиеся против церковных реформ старообрядцы долгое время очень ценили и уважали звенигородскую братию, несмотря на то, что монастырь был в прямом подчинении у самого царя, поддавшегося, по их мнению, «научениям искусителя» Никона. Известен факт, что один из самых известных и разыскиваемых раскольников-«боголюбцев» (противников Никона) протопоп Романово-Борисоглебского собора Лазарь долгое время скрывался у игумена Никанора в Саввино-Сторожевском монастыре, в то самое время, когда по всей стране гонцы рассылали грамоты о его немедленной поимке. То есть скрывался он, что называется, под «самым носом» у государя и патриарха, и прятал его не кто иной, как лично настоятель обители!

Не стоит забывать и о том, что именно в эти же времена из среды монастырской братии выдвинулся старец Александр Мезенец — главный авторитет и знаток исконного крюкового пения, того самого пения, которое сохраняется с особым тщанием и сегодня в среде старообрядчества по всему миру. Здесь, за монастырскими стенами, умели ценить и понимать древнее наследие. Эта любовь к правде и старине — даже на грани риска и умаления собственной безопасности — еще раз показывает основные отличия в духовной жизни двух соседских обителей в XVII веке: Ново-Иерусалимской и Саввино-Сторожевской.

Не потому ли, в силу своей «избранности» и особого почитания, Саввино-Сторожевский монастырь был всегда весьма состоятелен и богат (после периода забвения в конце XV — начале XVI века, связанного с уничтожением памяти о князе Юрии Звенигородском) и стал одним из самых обеспеченных, наиболее владетельным, а в итоге первым получил статус лавры на Руси. Неслучайно и то, что долгие столетия, интуитивно ощущая особую роль этого места в истории России, рядом с обителью всегда были цари и патриархи. А в наши дни патриархи даже являются настоятелями монастыря, входящего в список «ставропигиальных», то есть подчиняющихся лично Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси.

* * *

Древнее народное предание, бытовавшее среди жителей Русского Севера, в особенности на древней Новгородской земле, еще с XIV века, сохранило уникальное представление людей о Рае. Это не было чем-то вроде легенды или сказки. Текст был сформулирован ответственным лицом — архиепископом Новгородским Василием Каликой (жил в 1331—1352 годах, когда Савва пришел в иночество). В своем «Послании» к епископу Тверскому Федору он приводил важные аргументы в полемике и духовных спорах. Текст можно найти в Софийской и Воскресенской летописях, в записи за 1347 год.

«А то место Святого Рая… И принесло их к высоким горам. И видеша на горе той написан Деисус лазорем чудным и вельми издивлен паче меры, яко не человеческыма рукама творен, но Божиею благодатью… А на горах тех ликования многа слыша, и веселия гласы вещающа… А что, брате, молвишь Рай мыслен, ино, брате, так то и есть — мысленный и будет».

Как же это напоминает текст из Жития Саввы Сторожевского: «И как небесный рай благовонными насажденный цветами обрел его… И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось… Стекались к нему из городов и стран, рассуждая, что полезнее быть с ним и учиться добродетели… Они же, словно сладкими водами, поили свои души. Как говорил Давид, что некий сад, у истоков водных насажденный, взрастает и расцветает, и плод сладкий приносит во время свое…» И гора Сторожи — ведь именно «гора»!

Мы имеем все признаки Рая в построении Звенигородской обители: гору (Сторожи), ликование (стечение народа) и Деисус (Звенигородский чин Андрея Рублева).

Посмотрим еще и записи игумена Даниила, который написал свое «Хожение» в Иерусалим (в начале XII века), познав, что такое Рай. Он приводит такие фразы: «Чюдно и дивно и несказанно и красно», «красотою и всем несказан-на есть земля та», «чюдно и несказанно хитростию». Палестина — это почти всегда цветущие деревья, «обильные плоды, чистые и сладкие воды источников, разнообразная фауна», а также яркий свет сверху, удивительное сияние, которое земному человеку выдержать не просто. Всегда упоминается город-сад, «рай насажденный».

А в Житии Саввы? Мы видим то же самое — те же цветы, сады, плоды и воды.

О Звенигороде еще древние писали как о Рае.

* * *

«Золотое сердце русское, бьющееся в миллионах, населяющих Русь, — писал Рерих-художник, — всегда томилось неосознанными устремлениями всемирности, и мечтою… о граде Китеже, Новом Иерусалиме». В 1930-х он вдруг решил реализовать идею Звенигорода в горах Азии. Для этого в 1933 году художник предпринял очередную попытку осуществления замысла и отправился в Маньчжурскую экспедицию. Как писали позднее — «под новой страной подразумевалась Сибирь и вся Азия, а место Звенигорода было уже давно определено — Алтай».

О плане экспедиции Н. К. Рерих говорил еще в 1929 году, выступая в Нью-Йорке. Американцы и решили отправить его в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию. Рерих пишет брату: «Национальная и культурно-созидательная задача прежде всего звучит против безбожия, разрушения и тления… Мир движется к разрушению». В этом же письме говорилось о Сибири и Белухе — месте будущего строительства города. Рерих написал, что не может доверить бумаге многие секреты. Это уже сегодня скажут: «Речь шла о проекте Единой Азии с развитием концессий на Алтае и с центром этой страны Звенигородом».

Идея была странная. И она не осуществилась.

В 1924 году, уже за границей России, писатель Алексей Ремизов выпустит свою книгу «Звенигород Окликанный» с удивительными короткими эссе, открывающими некоторый взгляд современного человека на духовные поиски в православной Руси. «Пока бьется сердце и горит в вас желание, — пишет Ремизов, — жив дух в душе, не престанет жизнь. Новый город вы выстроите, и будет он краше и поваднее всех городов, новый город, окликанный».

Новое издание попало в руки его друга, также писателя — Георгия Гребенщикова, который выступил критиком книги. Это ему принадлежат пылкие слова: «Что это такое? И почему волнует это краткое ремизовское пророчество? Почему вам слышится в этих словах “Звенигород Окликанный” как будто далекий колокольный звон, трезвон празднично-пасхальной заутрени? Солнечная радость голубых небес и Русь великая, какая-то совсем поновому прекрасная, маячит вашим мыслям и надеждам…»

* * *

А в 1904 году в Москве из печати вышла книжечка, рассказывающая о Звенигородской обители. Кроме обычных фраз

для паломников — что да как — неожиданно в тексте появились стихотворные строки, подписанные инициалами «Т. Д.». Название стихотворения гласило: «Мысли православнаго русскаго поклонника». А в незамысловатом тексте были и такие слова:

Посмотри, природы любитель,
На виды Сторожевских гор;
Здесь красуется обитель
И златоглавый в ней собор.
Преподобный Учредитель
Сей обители святой,
Святой муж, небесный житель
В ней нашел себе покой…

И еще — в самом конце стихотворения:

Его трудами крином Палестины
Сия пустыня процвела…

От Небесного Звенигорода до Небесной Палестины в начале прошлого века, как казалось, было рукой подать…

Как вопрошал хорошо знавший Звенигородские дали писатель Иван Шмелев, прах которого по завещанию недавно вернулся из-под Парижа в Донской монастырь Москвы: «Взыскание правды, Града Божия, Китеж-Града, скрывавшегося от зла, разве пропало в нас?..»

Идея «благочестивого княжения». Гипотеза 24

Жизнь добром утвердишь и будешь наследником венных благ.

Преподобный Савва Сторожевский — князю Юрию Звенигородскому

О самовозгорании свечи в Архангельском соборе Московского Кремля (из «Разрядной книги» 1475—1605 годов): *«Лета 7033-го [1525] году загорелась о себе свеща в Орхангиле в церкви над гробом великого князя Дмитрея Ивановича Донскаго и гореша шесть дней, а угасла о себе же».*

* * *

Тот, кто смотрел фильм Андрея Тарковского «Страсти по Андрею» (в советском прокате он назывался «Андрей Рублев»), помнит, что одним из главных героев там является князь Юрий Звенигородский. Показан также его брат — великий князь Московский Василий Дмитриевич.

Они там сильно враждуют между собой. Один наводит на другого врагов-татар. Слуги старшего ослепляют мастеров, идущих к младшему, дабы не построили такой же красоты. И прочее, прочее…

Исторической правды мы в фильме не увидим. Все события очень далеки от реальности. А жаль. Можно было бы показать совершенно другие стороны тогдашнего бытия.

Иногда Звенигород сравнивают с Флоренцией эпохи Лоренцо Великолепного Медичи. Мол, был такой необычный город, где Юрий Дмитриевич Звенигородский покровительствовал всему, в том числе и искусствам. Потому и строил, привлекал иконописцев. Даже если это и так (с очень большой натяжкой, ведь сравнивать столь далекие друг от друга традиции и культуры — весьма рискованное занятие), то нельзя забывать, что рядом с этим «Медичи» был аскет-книжник, духовник-практик, обладавший уникальной широтой взглядов и особым мировоззрением, способствовавшим утверждению свежих идей.

Современное Житие преподобного Андрея Рублева (составлено в 1980-е годы) не случайно описывает события в

Звенигороде так: «Услышал князь Юрий Звенигородский об иконах Андреева письма и восхотел у себя в Звенигороде собор Святого Успения украсить благодатными образами. И пришел преподобный Андрей, сей чудный смиренный старец, и поклонился князю, и, по благословению святого Саввы игумена, написал Деисус для соборной церкви и другие многие иконы. И в сем Деисусе красоту совершенную явил в образе Спасове и иных. Таковых же образов не бывало до того времени».

Отмеченные в этом Житии князь Юрий и Савва Сторожевский — как настоящие вдохновители Звенигородского чина — это уже настоящий прорыв в нашей отечественной истории — и светской, и церковной.

* * *

Известно, что понятия «Московская Русь» в тот самый период, когда она, собственно, и возникала — в XIV—XV веках, — вообще не существовало. Оно появилось лишь в XIX столетии и введено было в употребление исследователями для того, чтобы обозначить большой период русской истории.

Московская — потому что все «закручивалось» вокруг Москвы, включая великое княжество Владимирское, главные взаимоотношения с Ордой, митрополичью кафедру и даже важнейшие течения в духовной монастырской жизни.

Кто был тогда «не хуже» Москвы (а быть может, и «лучше»)? Новгород, Тверь, Рязань, Смоленск, Суздаль и многие другие. Они и вправду были «не хуже». То есть Русь могла быть и не Московской, а, например, Тверской. Или даже Литовской, властитель которой уже тогда носил титул великого князя Литовского и «всея Руси». Большие княжества имели возможность стать первыми и создавать историю по своему усмотрению.

Почему же мы решили заговорить здесь о Руси Звенигородской конца XIV — начала XV века? Ведь Звенигород с окрестностями не был тогда крупным княжеством, а всего лишь удельным, подчиненным той же Москве. Или у нас есть на это какие-то основания?

Оснований немного, но предположения есть.

* * *

Так что же хотел построить в Звенигороде и Галиче этот человек? Почему он так долго уговаривал своего духовного отца

— Савву Сторожевского участвовать в этом деле? Или, может быть, наоборот — старец Савва наставлял князя и вкладывал свои идеи в будущее благоустройство жизни?

Великокняжеский престол фактически так ему и не достался, несколько месяцев правления Москвой не позволили ему осуществить своих идей. Но он за этот престол всерьез никогда не воевал и не сражался. Если бы хотел — получил бы его давно и быстро. А потому, еще в самое первое десятилетие владения своим Звенигородским уделом, то есть в 1390-е годы, решает построить собственное, в некотором роде совершенно самостоятельное и не похожее на другие «царствие».

Отчина Юрию досталась неплохая. Звенигород и Галич, места разные, но весьма удобные и доходные. И это было хорошо, что Звенигород находился не в Москве и одновременно недалеко от нее. Построить что-то новое, сакральное, одухотворенное в большом городе было бы невозможно. А Звенигород становился будто новой площадкой для хороших начинаний и даже, если хотите (да простит меня читатель за столь современное слово), — эксперимента.

Юрий решил построить свою Русь — Русь Звенигородскую. Не просто обустроить доставшийся в наследство удел, а создать вариант собственного большого правления, дабы доказать брату, что не только может управлять государством, но и знает, как это делать, да к тому же имеет собственные взгляды на будущее.

Такую работу осмыслить и осуществить одному было бы немыслимо. Князя считали человеком духовно развитым, но известны высказывания, где о нем говорили, как о начитанном книг духовных, но не «книжнике», имеющем широкие познания. Ему нужен был соратник и советчик. И никого ближе Юрию в эти годы не было, кроме его духовного наставника и отца — инока Саввы.

И они начинают свои благие деяния. Как бы сегодня сказали — в отдельно взятое время в отдельно взятом месте.

Нечто вроде «технопарка» современности. Новая Русь — в особом регионе. Там, где сходились и древние традиции, и можно было начать как будто все сначала.

Действительно, Звенигородский удел был чем-то новым и для князя Юрия, и для Саввы Сторожевского. Они здесь начинали как бы «с нуля». Один — умудренный опытом старец, другой — молодой и энергичный наследник престола. В них как бы соединились глубокая духовность и яркая светскость. Один считался выдающимся подвижником-иноком своего времени, а другой — неповторимым политическим и военным деятелем.

Всё сошлось в одном месте и в одной точке — на холмах

Сторожи и Городке, монастырском и городском, сакральном и мирском. Два человека — два холма — два мира — два образа жизни. И всё это должно было стать единой системой бытия их современника или будущего человека Руси.

Выделим кратко основные признаки концепции Звенигородской Руси. К ним можно отнести следующие.

Князь Юрий пригласил к себе именно Савву — настоятеля Троицкой обители, одного из первых и лучших учеников и последователей Сергия Радонежского. Кстати, он поступил так единственным среди своих братьев в то время (сразу после кончины отца — Дмитрия Донского). Мы почти ничего не знаем об их духовных наставниках в те годы (после кончины Сергия Радонежского). Братья были малолетними, а старшего Василия опекал митрополит Киприан, которого привлекали больше светские проблемы и добрые отношения с Литвой. Приглашение Саввы в Звенигород, как мы теперь понимаем, не было связано только лишь с «удовлетворением» личных духовных нужд Юрия. Его планы были значительнее.

Князь старается стать независимым от старшего брата. Для этого нужны были средства. И он добывает их с помощью похода своей дружины в Волжскую Булгарию. Быть может, он даже специально «задержался» в Орде во время погони за князем Семеном. В любом случае, удача булгарской кампании стала основой для осуществления его планов.

Кстати. Митрополит Киприан, между прочим, на Руси звался «болгарином», то есть — приезжим с юга, с Балкан (он и на самом деле был болгарином). Это означало, что его можно было в некотором роде иносказательно причислять к тому самому древнему народу «булгар», с которым, собственно, и воевал князь Юрий Звенигородский в конце XIV века, и на эту битву его как раз и благословлял Савва Сторожевский…

Таким образом, данное Саввой благословение князю становится весьма символическим. Хотя в Житии Саввы «враги», с которыми собирался воевать по его благословению Юрий Дмитриевич, не названы конкретно (то есть что это именно булгары), но позднее во всех источниках и публикациях считалось без обиняков — пошел князь с русскими дружинами именно против «булгар», с благословением.

Здесь, возможно, скрыта еще одна из причин, почему к Звенигороду было столь напряженное отношение не только со стороны Москвы светской, но и со стороны сторонников митрополита Киприана. По крайней мере, в начатом его последователями Московском летописании начала XV столетия князю Юрию Дмитриевичу отводятся лишь строки, а

преподобному Савве Сторожевскому — почти ничего.

Юрий начинает грандиозное и невиданное по масштабам того времени строительство и переустройство Звенигорода. Причем не просто украшение города и окрестностей, а возведение комплекса каменных зданий и других различных укреплений. Для этого он приглашает лучших мастеров своего времени, включая опытных булгар, которых он привез с Востока. В строительстве используются новые технологии.

Для росписи храмов и создания иконостасов в Звенигород приходит Андрей Рублев, в котором уже тогда, в начале его славного, как бы сегодня сказали — творческого — пути, Савва и Юрий увидели, заметили великий талант.

Именно два этих человека — духовник и его ученик — создали новое направление в раннемосковской архитектуре. Они построили первые храмы этого стиля. При них появились новые иконные лики, такие как «Спас Звенигородский», а затем (уже после кончины Саввы) — знаменитая «Троица».

В Звенигороде, судя по всему, складывался необычный состав жителей. Смешивалось коренное русское население с многочисленными приезжими из Орды, в первую очередь — из Волжской Булгарии. Одновременно звенигородское боярство считалось одним из самых активных, сплоченных и энергичных. Бояре Юрия слыли отличными воинами (напомню, более 30 бояр звенигородских пали в Куликовской битве — больше, чем из других уделов!). Они и в Орду (через Москву) платили дани больше всех! Если при Дмитрии Донском город Дмитров отдавал 111 рублей, Можайск — 167, великокняжеская «отчина» Коломна — 242, то Звенигород выкладывал 272 рубля! Это ли не показатель силы и мощи!

История не донесла до нас многих имен этих людей, и мы понимаем — почему. Их более именитые соседи — бояре московские — недолюбливали «выскочек». А сохранились до нас только лишь «московские» летописи. Были ли летописи «звенигородские»? Мы не знаем. Ведь такие документы, как правило, хранились в монастырях. А Саввино-Сто-рожевская обитель в XV—XVII веках горела дотла вместе со всеми своими хранилищами неоднократно.

А жаль…

* * *

Жалованная грамота 1404 года, по которой князь Юрий отдавал Саввиному монастырю села и средства, показывала

образец духовно-светского устройства современного им общества. В этой грамоте сказано, что Юрий дал игумену Савве и его монастырю несколько сел и деревень с угодьями в своем уделе. Но самое интересное — князь освобождал от дани и пошлин всех, кто поселялся или жил на монастырских землях в его отчине. Эти жители переставали подчиняться суду звенигородских и рузских наместников и руководителей волостей. Их мог и должен был теперь судить непосредственно сам игумен или «кому он прикажет»! Духовный суд становился выше светского! Исключались лишь случаи, связанные с убийствами. Здесь Церковь не могла принимать окончательных решений.

Та же грамота позволяла держать в монастыре собственное монастырское клеймо для пятнания лошадей (так определялась их собственность), обители передавались свои медовые угодья — борти и бортники.

Это, конечно, был своеобразный ответ князя Юрия своему брату — великому князю Василию, выдавшему митрополиту Киприану грамоту, освобождавшую «церковных людей» от княжеского суда. Но Юрий пошел дальше. Он предоставил игумену некоторые права мирского суда.

Так переплетались две ветви власти. И самое главное — выковывались возможные новые традиции «нравственного княжества», о котором давно говорили основоположники исихазма, о чем, видимо, мечтал еще Сергий Радонежский.

* * *

Остались поразительные слова, которые сказал Савва Сторожевский Юрию Звенигородскому. Их запечатлел Маркелл Безбородый в Житии преподобного. Они представляют идеальный образец наказа правителю нового времени, который мог превратиться после Звенигорода — в правителя всей Руси.

Вот они.

«Благой и милосердный Бог видев твое благочестивое княжение и смирение сердца твоего, и любовь, которую оказываешь убогим». Пусть же и твое сердце до конца утвердится и пребывает в любви Его. Ибо ничем так не приближаемся к Богу, как милостью к нищим. Если будешь милостив к ним до конца, то жизнь добром утвердишь и будешь наследником вечных благ».

«Благочестивое княжение»… «Вечные блага»…

Это была новая форма жизни, будущая формула правления.

Формула Звенигородской Руси.

К сожалению, как известно, — так и недостроенной.

Послесловие
ЕСЛИ БЫ НЕ КНЯЗЬ ЮРИЙ, ТО…
Гипотеза 25

Великодержавный бе и хвалам достойный, и просвещения сподоблен.

Пахомий Логофет о Юрии Дмитриевиче, XV в.

История все-таки расставила точки над «і».

Юрий Звенигородский и Галичский стал великим князем и взошел на Московский властный престол, пусть на очень короткое время. Он не мстил своим братьям и племяннику-наследнику. Даже наоборот, однажды получив власть, он отдал ее добровольно.

Не пришелся он по душе набравшему силы московскому боярству. Не было у него и всецелой поддержки Церкви. Для светских авторитетов сильная Литва была ближе, чем независимость Руси. А для тогдашних церковных лидеров греческая традиция была важнее, чем образ Русской Палестины, тем более — важнее идеи некоего Небесного Звенигорода, основанного на военной мощи, изысканном творчестве Андрея Рублева, наследии Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского. Греческая Византия и западноевропейские идеалы побеждали «Северо-Восточную индивидуальность». С ней и ушел «последний Палладии Средневековой Руси» — сын Дмитрия Донского, великий князь Юрий.

Освобождение от Орды задержалось еще на несколько десятилетий…

* * *

А мы подведем итоги. Поразмышляем и немного помечтаем…

Если бы не князь Юрий, то…

— Русь могла быть завоевана и стерта с лица земли Тамерланом.

— Василий I мог бы отдать Литве не только Смоленск, но и Москву.

— Не присоединены были бы к Москве в начале 1390-х Нижегородское княжество и Торжок, что в значительной степени затормозило бы развитие Московской Руси.

— Не было бы восточного похода русских дружин и победы над Волжской Булгарией, а значит — не было бы притока средств на Русь, ставших основой ее возрождения.

— Константинополь мог пасть ранее 1453 года, ведь никто бы не смог отправить в Византию обозы с серебром в 1398 году, чтобы защитить его от турок, если бы не поход Юрия «в Булгары» и не появление средств для этой миссии.

— Не развилась бы на Руси столь отчетливо идея сакральности государственной власти, нравственного управления как основа будущей идеи русского царства и Третьего Рима.

— Мы могли бы не узнать творчества Андрея Рублева и иконы «Троица», как и росписей в Звенигородских соборах, иконы «Спас Звенигородский» со всем Звенигородским чином.

— Преподобный Савва Сторожевский не пришел бы в Звенигород и не основал там свой монастырь, будущую первую Лавру в России.

— Не появился бы раннемосковский (звенигородский) стиль в архитектуре, как не было бы трех великих каменных соборов: двух в Звенигороде и Троицкого в Троицесергиевой обители.

— Не было бы и того Звенигорода, каким он известен нам сегодня.

— Возможно, не только Москва, но вся Московская Русь была бы поглощена Великим княжеством Литовским, ибо Юрий самим фактом своего существования и активной «смоленской политикой» тормозил этот процесс.

— Могло не быть у Москвы герба с изображением святого Георгия Победоносца.

Перечисление можно продолжать…

А если бы князь Юрий, то…

— Он продолжил бы дело своего отца — Дмитрия Донского — по объединению Руси с большим умением и размахом.

— Не было бы междоусобных войн на Руси в XV столетии.

— Русь могла бы присоединить к Москве великое княжество Смоленское и значительно расширить свои территории на Запад, сосредоточив свои силы на освобождении от ордынского ига.

— Освобождение от Орды могло произойти даже на полвека раньше.

— Русь получила бы один из образцов управления государством нового времени («благочестивое княжение»).

— Благодаря его покровительству произошел бы новый расцвет наук и искусств, развитие архитектуры, церковного творчества и градостроительства.

— Мы бы могли видеть новое возрождение и подъем духовности в после Сергиеву эпоху; несомненно, проявились бы в большей степени образцы покровительства святости и сотрудничества власти с духовными подвижниками.

— Можно было бы наблюдать среди боярства дополнительный, неожиданный расцвет русского рыцарства и военного искусства.

— Сохранилось бы в значительной степени больше различных письменных и иных источников, раскрывающих реалии той эпохи русской истории, так как Юрий не относился со рвением к переделу летописания и собственному «обелению».

Перечисление также можно продолжать…

Каковы итоги?

Мы видим «реальные показатели», которые выдает нам история, в том виде, в каком она довела до нас суть событий из сохранившегося документального наследия. Против этого теперь уже непросто что-либо возразить. Хотя споры, конечно, возможны. Ведь мы любим обсуждать, не приходя к окончательному решению, оставляя проблему без решения, в незавершенном виде.

Однако относительно всего вышеизложенного в этой книге хотелось бы добавить: можно только лишь сожалеть о неосуществленных возможностях и несбывшихся реалиях в нашей истории.

Но что нам, казалось бы, теперь, когда прошло более 600 лет?!

На первый взгляд — ничего. Кроме того, что время имеет свойство повторять те или иные события, только в сильно измененном виде — даже и не поймешь: было ли уже нечто подобное или только будет? Ошибки совершаются с последовательной одинаковостью, словно бы за плечами вовсе не было нравоучительного и показательного опыта.

Однако теперь мы с еще большей достоверностью знаем, что реально на Руси правил выдающийся человек, которого не только нельзя вычеркивать из списков первых людей в книге ее истории, но и необходимо отметить его имя в ней красной киноварью, как это было принято в особо торжественных случаях на страницах русских летописаний и по правилам каллиграфии.

Имя это, в завершение нашего рассказа, мы произнесем еще раз полностью, дабы не забывалось:

Великий князь Московский и Владимирский Юрий (Георгий) Дмитриевич, князь Звенигородский и Галичский, сын двух святых Русской православной церкви — благоверного великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Ивановича Донского и благоверной великой княгини Евдокии, в монашестве — Евфросинии.

Или попросту, то есть по традиции, дабы не путать многочисленных похожих в истории имен:

Князь Юрий Звенигородский.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ДОНСКОГО

Духовные грамоты — завещания — свидетели уникальных моментов русской истории. Они стали важнейшими источниками по русской средневековой истории. Именно в них подробно перечисляется — чем владели князья, их новые приобретения земель и даже ценных вещей. Благодаря им мы прослеживаем процессы развития Средневековой Руси.

Хранили великокняжеские духовные грамоты с особой тщательностью, по ним решались спорные вопросы наследственного землевладения.

Завещание великого князя Дмитрия Ивановича породило значительные события первой половины XV века, например, борьбу за наследство среди его детей и внуков.

Известны две духовные грамоты Дмитрия Донского — ранняя и поздняя (первая и последняя, окончательная). Если и были другие, то мы о них пока ничего не знаем. Грамоты различаются по тексту. Подробнее об этом рассказано в главе «Завещание Дмитрия Донского» данной книги.

Приведение здесь полных текстов этих двух документов крайне важно для нас, так как именно завещание отца (кроме других прочих летописных источников) привозил с собой князь Юрий Звенигородский в Орду для доказательства своих наследственных прав на Московский престол (то есть, судя по всему, он показывал ордынскому хану подлинник этого ценного документа). Данный источник продолжает интерпретироваться исследователями по-разному. Иногда замечается двусмысленность формулировок завещания, при этом правота старшего сына Дмитрия Донского — Василия I, признается как доказанная. Однако в документе отмечена вполне четко последовательность наследования Московского престола, даже после кончины Василия Дмитриевича. Наследником конечно же становился его брат — Юрий Дмитриевич Звенигородский и Галичский.

Грамоты публикуются на древнерусском языке, хотя здесь мы увидим упрощенный вариант, где убраны все сокращения, принятые в то время, а буквы, уже не употребляемые, — заменены современными, что намного удобнее для читателя.

Данные тексты выверены и приводятся по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV— XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепниным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Первоначальная духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича

Довольно значительная часть текста документа не сохранилась. Поэтому читатель заметит отсутствие начала грамоты. Фактически мы можем прочитать только лишь ее конечную часть.

Написано завещание было предположительно в 1375 году. В нем упоминается митрополит Алексей (а он, как известно, скончался в 1378 году). Можно также напрямую связывать составление завещания с событиями после княжеского съезда в Переяславле 1374—1375 годов, началом активных действий против Орды и подготовкой похода Москвы на Тверь, который произошел как раз в 1375 году.

К духовной грамоте подвешены две серебряные печати с позолотой, одна из которых — великого князя Московского Дмитрия Ивановича, а другая — митрополита Алексия.

Подлинник документа хранится в РГАДА (Российском государственном архиве древних актов).

…то …мъ дет…скую свободу, Руза, У…дъ, Вышегород, Истерва, Дмитрьева свобода…ми селы, и с бортники, и с оброчники, и с мыты. А что буде прикупил сел, или примыслил, или починков, или которая будуть села отца моего великом княженье купля, или моя села купленая, или брата моего села, княжи Ивановы, те села и починки сыну моему, князю Василью, и моей княгини, и моим детем,

А чим мене благословил отець мой, князь великий, которым золотом, суды или доспех, или что яз примыслил, то золото, и шапку золотую, и чепь, и сабли золотые, и порты саженые, и суды золотые, и серебреные суды, и кони, и жеребьци, и стада своя, дал есмь своему сыну, князю Василью, и своей княгини, и своим детем.

А что отець мой, князь великий, сдал село Павловское к святому Олександру, а к святей Богородици на Круцицю четвертую часть ис тамги ис коломеньское, а костки московьские к святей Богородици на Москве и к святому Михайло, а того не подвигнуть.

А что моих казначеев, или посельских, и тивунов, и деяков, хто что от мене ведали, те все сыну моему, князю Василью, ни моей княгини, ни моим детем не надобны. А что моих людий купленых, а тым дал есмь свободу, а сын мой, князь Василии, и моя княгини, ни мои дети не приимають их.

А сю грамоту писал есмь собе душевную и явил есмь отцю своему Олексею, митрополиту всея Руси. И отець мой Олексеи,

митрополит всея Руси, и печять свою привесил к сей грамоте.

А послуси на сю грамоту: Тимофей околничий…, Иван Родивонович, Иван Федорович, Федор Ондреевич.

А грамоту писал дьяк Нестер.

А хто иметь сю грамоту чим рушати, …души.

Окончательная (вторая) духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича

Данный важный документ сохранился хорошо. Ведь именно по нему определялись затем в ближайшем будущем проблемы наследования Московского престола — власти реальной или самозваной.

Великий князь Дмитрий Иванович Донской составил грамоту, видимо, предчувствуя близкую кончину. Исходя из ее содержания, подписание датируют между 13 апреля и 16 мая 1389 года. Так как именно 13 апреля из Москвы уехал митрополит Пимен (он, как мы видим, не участвует в составлении документа). И, судя же по тексту, в тот момент еще не появился на свет последний сын князя Дмитрия — Константин («а даст ми Бог сына…» — читаем мы в завещании). Родился же он 16 мая.

К духовной грамоте подвешена только одна серебряная печать с позолотой — великого князя Дмитрия Ивановича Донского.

Подлинник документа (на пергамене) и его список первой половины XV века (времен Юрия Дмитриевича) хранится в РГАДЛ (Российском государственном архиве древних актов).

Во имя Отца и Сына и Святаго духа, се яз, грешный худый раб Божий Дмитрий Иванович, пишу грамоту душевную целым своим умом. Даю ряд сыном своим и своей княгини.

Приказываю дети свои своей княгине. А вы, дети мои, живите заодин, а матери своее слушайте во всем.

А приказываю отчину свою Москву детем своим, князю Василью, князю Юрью, князю Андрею, князю Петру. А брат мой, князь Володимер, ведает свою треть, чем его благословил отец его, князь Андрей. А сына своего, князя Василья, благословляю на стариший путь в городе и в станех моего удела двою жеребьев половина, а трем сыном моим половина, и в пошлинах в городских половина. А тамга из двою моих жеребьев княгине моей половина, а сыном моим половина. А восмьничее мои два жеребья княгине моей. А на стариший путь сыну моему, князю Василью, Василцево сто и Добрятиньская борть с селом с

Добрятиньским. А бортници в станех в городских, и конюший путь, и соколничий, и ловчий, тем сынове мои поделятся ровно. А численых людий моих двою жеребьев сыном моим по частем, а блюдут с одиного.

А се даю сыну своему, князю Василью, Коломну со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости Коломеньские: Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева с селцем с Гвоздною и с Иванем, Гжеля, деревни Левичин, Скулнев, Маковець, Канев, Кочема, Комарев с берегом, Городна, Похрянс, Усть-Мерьско. А из Московских сел даю сыну своему, князю Василью: Митин починок, Малаховское, Костянтиновское, Жырошкины деревни, Островское, Ориниьское, Копотеньское, Хвостовское, у города луг Великий за рекою. А из Юрьевских сел даю сыну своему, князю Василью: своего прикупа Красное село с Елезаровским, с Проватовым, да село Василевское в Ростове.

А се даю сыну своему, князю Юрью, Звенигород со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости Звенигородские: Скирменово с Бел ми, Тростна, Негуча, Сурожык, Замошъская слобода, Юрьева слобода, Руза городок, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угож, Суходол с Ыстею, с Истервою, Вышегород, Плеснь, Дмитриева слободка. А из Московских сел даю сыну своему, князю Юрью: село Михалеве кое, да Домантовское, да луг Ходыньский. А из Юрьевских сел ему: прикупа моего село Кузмыдемъяньское, да Красного села починок за Везкою придал есм к Кузмыдемъяньскому, да село Богородицьское в Ростове.

А се даю сыну своему, князю Аньдрею, Можаеск со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами, и с отьездными волостми. А волости Можайские: Исмея, Числов, Боянь, Берестов, Поротва, Ко-лоча, Тушков, Вышнее, Глиньское, Пневичи с Загорьем, Болонеск. А Коржань да Моишин холм придал есмь к Можайску. А се волости отьездные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Репиньское, да Ивановское Васильевича в Гремичах. А Калуга и Роща сыну же моему, князю Андрею. И что вытягал боярин мой Федор Андреевич на обчем рете Тов и Медынь у смолнян, а то сыну же моему, князю Андрею. А из Московских сел ему: Напрудьское село да Луциньское на Яузе с мелницею, Деуниньское, Хвостовьское в Перемышле, да луг Боровский, а другии противу Воскресенья. А из Юрьевских сел ему Олексиньское село на Пекше.

А се даю сыну своему, князю Петру, Дмитров со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с тамгою, и с мыты,

и с бортью. А се Дмитровские волости: Вышегород, Берендеева слобода, Лутосна с отъездцем, Инобаш. А из Московских волостий князю Петру: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка княжа Иванова, Вори, Корзенево, Рогож, Загарье, Вохна, Селна, Гуслеця, Шерна городок. А из Московских сел князю Петру: Новое село, Сулишин погост. А из Юрьевских сел ему прикупа моего село Богородицьское на Богоне.

А се даю сыну своему, князю Ивану: Раменеице с бортники и что к нему потягло, да Зверковское село с Сохоньским починком, что отошло ото князя от Володимера. А Сохна сыну же моему, князю Ивану. А в том уделе волен сын мой, князь Иван, который брат до него будет добр, тому даст.

А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем.

А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовское.

А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белымозером, со всеми волостми, и Вольским с Шаготью, и Милолюбский ез, и с слободками, что были детой моих.

А сына своего, князя Петра, благословляю куплею же своего деда, Углечим полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою.

А се даю своей княгине из великого княженья у сына у своего, у князя у Василья, из Переяславля Юлку, а из Костромы Иледам с Комелою, а у князя у Юрья из Галича Соль, у князя у Андрея из Белаозеря Вольское с Шаготью и Милолюбский ез. А из Володимерских сел княгине моей Ондреевьское село, а из Переяславских сел Доброе село, и что к ним потягло. А из удела сына своего, княжа Васильева: Канев, Песочну, а из сел Малиньское село, Лысцево. А из княжа удела из Юрьева: Юрьева слобода, Суходол с Ыетею, с Ыстервою, да село Ондреевское, да Каменьское. А изо княжа удела из Андреева: Верея, да Числов, да село Луциньское на Яузе с мелницею. А из княжа удела из Петрова: Ижво да Сяма. А что есм дал своей княгине из удела сына своего, княжа Васильева и изо княжа из Юрьева, изо княжа из Андреева, изо княжа из Петрова, волости и села, а что Бог розмыслит о моей княгине, и те волости и села во чьем удел, то тому и есть.

А се даю своей княгине: свой примысл Скирменовскую слободку с Шелковым, Смоляные с Митяевским починком и с бортью, с Вышегородскими бортники, Кропивну с бортники с Кропивеньскими и с Исменьскими, и с Гордошевскими, и с Рудьскими, Железкова слободка с бортью, с Ывановым селом с Хороброва, Исконьская слободка, Ку-зовская слободка, и что

княгини моее прикуп, и что к ней потянуло, то моей княгине. А по которая места слободьские волостели судили те слободы при мне, и княгини моее волостели судят по та же места, как было при мне. А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломне мой примысл Самоилецев починок с деревнями, Савельевский починок, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское, а то княгини моей. А что ее село Репеньское и прикуп, то ее и есть. А из Московских сел даю своей княгине: Семциньское село с Ходыньскою мелницею, да Остафьевское село, да Илмовьское. А из Юрьевских сел даю ей: куплю свою Петровское село, да Фроловское, да Елох. А Холхол и Заячков, то моей княгине. А что ми дала княгини Федосья Суду на Белеозере, да Колашну, и Слободку, и что благословила княгиню мою Городком да Волочком, та места ведает княгиня Федосья до своего живота, а по ее животе то княгине моей. А теми своими примыслы всеми благословляю княгиню свою, а в тех примыслех волна моя княгини, сыну ли которому даст, по души ли даст. А дети мои в то не вступаются.

А которые деревни отоимал был князь Володимер от Лыткиньского села княгини моее к Берендееве слободе, а те деревни потянут к Лыткиньскому селу моее княгини.

А по грехом, которого сына моего Бог отьимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутся.

А даст ми Бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у болшие его братьи.

А у которого сына моего убудет отчины, чем есм его благословил, и княгини моя поделит сынов моих из их уделов. А вы, дети мои, матери слушайте.

А по грехом, отьимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушайте своее матери, что кому даст, то тому и есть.

А коли детем моим взяти дань на своей отчине, чем есм их благословил, и сын мой, князь Василей, возмет с своего удела с Коломны и со всех Коломеньских волостий триста руб. и сорок и два руб., и княгини моя даст ему в то серебро с Песочны 50 руб. без 3-х, а с Канева дватцять руб. и два руб. А князь Юрьи возмет с Звенигорода и со всех с Звенигородских волостий двесте руб. и семдесят руб. и два руб., и княгини моя даст ему в то серебро с Юрьевы слободы пятьдесят руб., а с Суходола полпятадесять руб., а с Смоляных 9 руб., а с Скирменовские слободки 9 руб. А князь Андрей возмет с Можайска и со всех волостий Можайских сто руб. и семдесят руб. без трех, а с отьездных мест семдесят руб.

без дву, и княгини моя даст ему в то серебро дватцять руб. и полтретья руб. с Вереи, а с Числова полосма руб., а с За-ячкова дватцять руб. и два, с Холхла десять руб., с Железковы 9 руб., с Исконьские слободки полсема руб., с Кропивны полсема руб. А князь Петр возмет с своего удела сто руб. и один-натцять, и княгини моя даст ему в то серебро с Ижва тритцять руб. А князь Иван даст князю Василью с Сохны пять руб., а с Раменеиця даст князю Петру пять руб. А то возмут в тысячи) руб., а будет боле или менши, ино по тому розочту.

А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть. А что есм подавал своей княгине волости и села из уделов детий своих, и свой примысл, и слободы, и села, и Холхол, и Заячков, а с тех волостий, и с слобод, и с сел что возмет княгини моя, то ей и есть. А дети мои в то не вступаются.

А из тех волостий, и слобод, и сел, что есм вымал у детий своих из уделов, а подавал княгине своей, а кому будет жалоба сиротам на волостели, и тем людем учинит исправу княгини моя. А дети мои в то не вступаются.

А что есм дал сыну своему, князю Андрею, Заберегу, за то дети мои вси дают оброк святому Спасу пятьнатцять руб. на год на Спасов день.

А се благословляю детий своих. Сыну моему старишему, князю Василью: икона Парамшина дела, чепь золота, что ми дала княгини Василиса, пояс золот велики с каменьем без ремени, пояс золот с ременем Макарова дела, бармы, шапка золота.

А сыну моему, князю Юрью: пояс золот новый с каменьем с жомчюгом без ремени, пояс золот Шышкина дела, вотола сажена.

А сыну моему, князю Андрею: снасть золота, пояс золот старый новгородский.

А сыну моему, князю Петру: пояс золот с каменьем пегий, пояс золот с калитою да с тузлуки, да наплечки, да алам.

А сыну моему, князю Ивану: пояс золот татаур, да два ковша золоты по две гривенки.

А что ся останет золото, или серебро, или иное что но есть, то все моей княгине.

А что ся останет стад моих, тем моя княгини поделится с моими детми по частем.

А хто будет моих казначеев, или хто будет моих дьяков прибыток мой от мене ведал, или посельских, или тиунов, или хто женился у тех, те все не надобе моей княгине и моим детем.

А приказал есм свои дети своей княгине. А вы, дети мои, слушайте своее матери во всем, из ее воли не выступайтеся ни в чем. А который сын мой не имет слушати свое матери, а будет не

в ее воли, на том не будет моего благословенья.

А дети мои молодшая, братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старишего, князя Василья, в мое место, своего отця. А сын мой, князь Василий, держит своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшюю в братьстве, без обиды.

А хто моих бояр имет служити моей княгине, тех бояр, дети мои, блюдите с одиного.

А хто сю грамоту мою порушит, судит ему Бог, а не будет на нем милости Божий, ни моего благословенья ни в сии век, ни в будущий.

А писал есм сю грамоту перед своими отци: перед игуменом перед Сергием, перед игуменом перед Савастьяном.

А туго были бояре наши: Дмитрий Михайлович, Тимофей Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Олександр Андреевич, Федор Андреевич, Федор Андреевич, Иван Федорович, Иван Андреевич.

А писал Внук.

ПЕРЕПИСКА ТАМЕРЛАНА С ТОХТАМЫШЕМ

Представленные здесь письма — уникальный документ эпохи. Широкому читателю в России не всегда доступны такие тексты, не потому, что они не были напечатаны (как раз — были!), а скорее потому, что, даже будучи введены в научный оборот, они оставались словно в стороне от массового интереса.

Первые два письма переписки имеют отношение к периоду, когда Тамерлан еще только задумывал поход в сторону Руси. Еще один текст создан в тот момент, когда дни жизни Тохтамыша были уже сочтены. И хотя Тамерлан жаждал смерти своего заклятого врага, осуществил его «мечту» — настичь и убить Тамерлана, как свидетельствуют поздние источники, — сын Едигея (названного в приводимом нами письме Идикой), который отрубил ему голову и привез своему отцу. Так закончилась многолетняя распря между Железным Хромцом и предателем его интересов. Благодаря этому Русь была спасена, сожженная Тохтамышем Москва отомщена, а Орда сотрясена Тимуром до основания, что способствовало дальнейшей самостоятельности ее западного соседа.

Тексты приводятся по изданию: Русь и Орда. М.: Новая книга, 1993. В переводе М. Каратеева.

Письмо Тохтамыша — Тамерлану. Зима 1391 г.

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Хвала Аллаху, который по благости своей сделал нас братьями и соединил нас под своей властью, как неразъединяемые корни, как побеги одного дерева!

Силою Аллаха Всевышнего и благодатями веры мусульманской!

Отправлено это письмо его величеству достославному, щиту ислама и защитнику правоверных Тимуру Гурагану!

Ты, Великий и высокодостойный султан, — да благословит каждое твое слово всевышний Аллах, — поистине заменил мне отца, и права твои на меня и на мое почтительное повиновение превышают всё, что можно исчислить и определить. И я, как преданный и покорный сын, униженно молю тебя: проведи теперь драгоценным пером своего прощения по листу моих прошлых ошибок! В мудрости и великодушии, которыми Аллах отметил твое рождение, забудь мою недопустимую вражду и те недостойные действия, в которых я горько раскаиваюсь и на

которые осмелился только из-за несчастной судьбы своей и по коварному подстрекательству низких людей, да покарает их за это справедливый Аллах!

И если я получу теперь твое милостивое прощение, которое будет для меня подобно благодатному дождю, пролившемуся на иссушенный зноем сад, я обещаю всегда и во всем быть послушным твоему непререкаемому величеству. Я ни на один волос не отойду от прямого пути повиновения и ни одной мелочи не упущу в соблюдении моих обязанностей и условий почтительного и благопристойного послушания.

Прощайте.

Искренне расположенный Тохтамыш».

Зима 1391 года.

Письмо Тамерлана — Тохтамышу. Лето 1391 г.

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Силою Аллаха Всевышнего и благодатями веры мусульманской!

Великий хан Тохтамыш в своем письме много говорит о моей мудрости, а сам считает меня глупцом, если думает, что я поверю его обещаниям. Ты давал их мне уже не раз и всегда после этого нарушал. У плохого дровосека всегда виноват топор, а у хана Тохтамыша всегда виноваты дурные советники!

Я принял тебя как сына, дал тебе много больше того, на что ты мог рассчитывать. А чем ты мне заплатил? Тем, что захотел отнять у меня Азербайджан, потом поднял против меня Хорезм, потом взбунтовал моих эмиров и, наконец, нанес мне предательский удар в спину и напал на Маверан-нахр. А теперь, когда я повернулся к тебе лицом, ты просишь меня забыть всё это и пишешь столько хороших слов! Я не верю этим словам! Хан Тохтамыш не отбросил свой кинжал, а только обмазал его медом. Не думай, что я стану этот кинжал облизывать!»

Султан-Джамшид Тимур-Гураган. Лето 1391 года.

Письмо Тохтамыша — Тамерлану. Зима 1404 г.

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Хвала Аллаху, который по благости своей сделал нас братьями и соединил нас под своей властью, как неразъединяемые корни, как побеги одного дерева!

Силою Аллаха Всевышнего и благодатями веры

мусульманской!

Отправлено это письмо его величеству достославному, щиту ислама и защитнику правоверных Тимуру Гурагану!

Нет на всей земле человека, который более чем я желал бы великому эмиру от Аллаха милости и благоволения в делах.

Я не перестаю сожалеть о сделанных мною ошибках, которые лишили меня твоей дружбы и твоего покровительства, великий эмир. Но ты сам знаешь, как дорого я за эти ошибки заплатил. Я прошу тебя забыть всё, что было, и возвратить твое благоволение.

Мудрость твоя известна всему миру и потому нет надобности говорить тебе о том, что истинным виновником всех событий, которые отвратили твой высокий взор от меня, был эмир Идику — недостойный человек, посеявший между нами вражду, а потом обманувший и меня, и тебя. И теперь всем видно, что только он один извлек выгоду из того, что произошло.

Воздаяния за неблагодарность за благодеяния и милости я видел и испытал. Если царская милость проведет черту прощения по списку прегрешений и проступков несчастного, то после этого я вытащу голову из узды покорности и не сдвину ноги с пути повиновения.

Да свершится всё по твоему мудрому слову, великий эмир!»

Тохтамыш. Декабрь 1404 года.

«УЛОЖЕНИЯ ТИМУРА» О ВОЙНЕ ПРОТИВ ТОХТАМЫША

Данные тексты имеют отношение к эпохе, когда только скончался великий князь Дмитрий Донской, а его сыновья стали владеть Москвой и доставшимися в наследство уделами. До прихода к Руси Тамерлана еще было несколько лет, однако имя его могло быть известно, так как описанные события говорят сами за себя — Тамерлан одерживал победы над государствами одну за другой, его войско набирало силы, а он набирался опыта.

Нам удается проследить по этим текстам некоторую эволюцию взглядов и планов Железного Хромца. Что привело его потом на север? Чем мотивировал он упорное желание покорить Орду и ее соседей? Прямых ответов в «Уложении» мы не найдем. Но кое-какие штрихи к историческому портрету самого Тамерлана и его эпохи заметим непременно.

Значительная часть текста рассказывает о войне Тамерлана с Тохтамышем и Золотой Ордой. Это может привлечь внимание российских читателей, не привыкших к внимательному знакомству переводной восточной литературы в связи с историей Руси.

Последний абзац в данной публикации, где речь идет о том, как Тамерлан в борьбе с Тохтамышем «дошел до земель, раскинувшихся на дальнем севере. Улус Джучи, вставший на путь вражды… разрушил до основания, подчинил вилайеты, улусы и крепости пятого и шестого климатических поясов и возвратился, осененный победой и славой», имеет прямое отношение к 1395 году. Именно тогда и произойти события, связанные с походом князя Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию, а Тамерлан не пошел на Москву и повернул на юг.

Историки и лингвисты констатируют, что отсутствует полный и оригинальный текст данного «Уложения», но известны были печатные варианты, изготовленные в виде литографий. На русском языке в конце XIX века «Уложение Тимура» издал Н.Н. Остроумов — см.: Уложение Темура (Тамерлана)/ Под ред. Н. Остроумова. Казань, 1894. Но тогда еще не было источника на персидском языке, наиболее приближенного к оригиналу. В данной публикации воспроизводится перевод ташкентского востоковеда Хабибуллы Кароматова, благодаря которому появилось первое полное издание документа на русском языке. В его основу, как было указано в публикации, легло «литографированное издание Мухаммад Ахсана Илахи, вышедшее

в Бомбее в 1890 году, которое без каких-либо изменений воспроизводит персидский текст майора Деви 1783 года». Отмечено также, что «это издание, как известно, считается наиболее полным и надежным».

Текст и ниже приведенные подстрочные комментарии к нему публикуются по изданию: Уложение Темура. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1999.

План завоевания столицы Фарса (Шираза) и остальной части Ирака

В то время как я, оставив Шираз Музаффаридам, а в Исфахане расположив три тысячи воинов, повел войско в Дашт-и кипчак для подавления Тохтамыш-хана, жители Исфахана умертвили даругу. Одновременно население Шираза также выказало мне неповиновение. По этой причине, дабы наказать их, я вновь начал готовиться к походу на Ирак и собрал восемьдесят тысяч всадников. Но, принимая во внимание то, что если я войду в Ирак со столь многочисленным войском, то оно может не вместиться там, решил разделить войско на полки и посылать их на захват Ирака частями, один за другим. Придя к такому решению, я разделил войско на три части и повелел им идти вперед себя. Все собравшиеся в разных местностях Ирака воины [неприятеля, при виде моего войска] рассеялись. Затем я повел войско на Шираз. Шах Мансур[1] столкнулся со мной в сражении и был наказан.

План разгрома Тохтамыш-хана

В непрерывной погоне за Тохтамыш-ханом в Дашт-и кипчаке на протяжении пяти месяцев мои воины часто стали голодать. Так, например, несколько дней они питались [травой] башбалмак[2], мясом, добытым на охоте, яйцами степных птиц. Узнав о таком тяжелом положении моего войска, Тохтамыш-хан решил воспользоваться удобным случаем: двинул на меня свое войско, превосходящее [по численности] муравьев и саранчу, и столкнулся со мной. Мои воины были ослаблены голодом, воины же Тохтамыш-хана были сыты и довольны. До тех пор пока мои сыновья и внуки, придя ко мне, не преклонили колени, выражая таким образом свою готовность отдать за меня свои жизни, мои полководцы и военачальники не давали согласия на сражение. Тем временем знаменосец Тохтамыш-хана вступил со мной в

сговор: я договорился с ним, что, когда я начну сражение и два враждебных войска столкнутся, [тот] знаменосец опустит свое знамя. Услышав о том, что сыновья, придя ко мне, припали на колено, взыграло мужество моих эмиров и нойонов[3], и ринулись они в сражение, не ведая страха. Тогда я назначил царевича Абу Бакра[4], с восемью тысячами всадников, в хиравул. В самый разгар сражения я повелел воинам разбить палатки и приступить к приготовлению пищи. Именно в это время опустилось знамя Тохтамыш-хана и он впал в панику. Тохтамыш-хан бросил улус Джучи[5] на разграбление, повернулся спиной к полю брани и обратился в бегство.

План уничтожения Тохтамыш-хана

Как уже сказано выше, Тохтамыш, бросив улус Джучи на разграбление, бежал. Затем, спустя некоторое время, воспользовавшись моим отсутствием, послал многочисленное войско в вилайет Азербайджан через Дербенд и Ширван, возбудил распри и смуту. После того как я завершал завоевание обоих Ираков, решил выступить во главе несметного войска на Дашт-и кипчак по Дербендской дороге. [Однако до начала похода] решил провести смотр своего войска, дабы узнать его численность, и увидел, что выстроенное в боевой порядок, оно растянулось на четыре фарсанга. Я возблагодарил Всевышнего Творца [за это]. Затем переправился через реку Самур[6] и направил народам улуса Дашт-и кипчак грамоты следующего содержания: «Кто присоединится ко мне, тот будет возвеличен, а кто вознамерится выступить против меня, тот будет повержен».

В 797 году[7] я вступил в Дашт-и кипчак и дошел до земель, раскинувшихся на дальнем севере. Улус Джучи, вставший на путь вражды со мной, разрушил до основания, подчинил вилайеты, улусы и крепости пятого и шестого климатических поясов[8] (климатов) и возвратился, осененный победой и славой.

Маркелл Безбородый (Хутынский). ИЗ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО САВВЫ СТОРОЖЕВСКОГО, XVI в.

Данные отрывки из Жития духовного наставника князя Юрия Звенигородского связаны непосредственно с некоторым периодом жизни князя, когда они вместе с основателем монастыря на горе Сторожи в Звенигороде обустраивали здешнюю жизнь.

Текст Жития Саввы Сторожевского помещен здесь в переводе на современный русский язык, совершенном автором данной книги. В основе перевода лежит текст одного из списков Жития, относящегося к XVII веку. Полностью перевод Жития читатель может найти в книге автора о Савве Сторожевском, выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей».

Необходимо сказать несколько слов о том, кто создал Житие — о Маркелле Хутынском, прозванном Безбородым. Даты его жизни неизвестны, однако можно смело утверждать, что он жил и творил в середине XVI столетия. Известен как талантливый агиограф и знаток крюкового церковного пения. По этой причине его и привлекли для работы над созданием некоторых житий и служб, связанных с новыми русскими святыми, для готовящихся к обнародованию Великих Четьихминей. Между 1549 и 1552 годами Маркелл Безбородый взялся за работу над увековечением памяти к тому времени канонизируемого святого — преподобного Саввы Сторожевского.

Известно, что после 1552 года он стал игуменом Варлаамо-Хутынского монастыря в Новгороде. До него там игуменствовал будущий архиепископ Гурий Коровин, который в 1555 году отправился в Казаны Маркелл и Гурий были близкими людьми, летописи повествуют, как они вместе ездили в Москву и Новгород. Мы помним, что преподобный Савва благословлял князя Юрия на поход в Волжскую Булгарию, а Казань стала тем самым городом (вернее — одним из четырнадцати городов), который покорился русским дружинам более полутора столетий до того, как Гурий стал здесь архиепископом. Неслучайное совпадение.

У Епифания Премудрого и Пахомия Логофета Маркелл заимствовал идею благословения на битву (как это было с Сергием Радонежским и Дмитрием Донским). Но, включая в Житие Саввы Сторожевского повествование о походе князя Юрия Звенигородского в Волжскую Булгарию, он не случайно упоминает в числе покоренных русскими дружинами городов и

Казань. Важность и злободневность темы была очевидна, особенно если мы вспомним годы, когда писалось это Житие. Иван Грозный как раз почти повторил маршрут князя Юрия и поставил в покорении Казани последнюю точку.

Итак, приглашаем читателя в мир средневековой житийной литературы.

Текст приводится по изданию: Ковалев К. Савва Сторожевский. Жизнеописание: факты и мифы, предания и гипотезы. М.: Молодая гвардия, 2008 (серия «ЖЗЛ»).

* * *

Месяца декабря в 3 день сказание о житии и отчасти исповедание чудес преподобного отца нашего Саввы, составившего обитель Пресвятой Богородицы близ Звенигорода…

Сей преподобный отец наш Савва был одним из учеников блаженного Сергия Чудотворца…

Когда же захотел блаженный Сергий от жизни этой уйти, то вручил паству великой лавры ученику своему блаженному Никону. Он же после преставления его немного лет был игуменом, вновь оставил паству и возжелал в безмолвии пребывать. Братия же, не имея возможности быть без настоятеля, после многих просьб возвела на игуменство блаженного Савву в великую лавру. Он же принял паству и хорошо пас порученное ему стадо, сколько мог и насколько отца его блаженного Сергия молитвы помогали ему. По прошествии шести лет он оставил паству…

После этого пришел в обитель Святой Троицы благоверный князь Георгий, сын великого князя Димитрия, и с большой просьбой обратился к блаженному Савве, чтобы пошел с ним в город Дмитров и помолился и дал благословение дому его, ибо Савва был его отцом духовным. Он же, не уклонившись от просьбы его, пошел с ним, желая исполнить прошение его, думая же вскоре вновь в обитель возвратиться. Христолюбивый же этот князь еще более упрашивает преподобного старца, чтобы тот никогда не разлучался с ним, но пребывал у него и основал монастырь в отечестве его близ Звенигорода, где есть место, называемое Сторожи. Усердный же в послушании Савва, видя душевное желание князя, и от этого не отказался, но все возложил на всемогущего Бога, любя труды пошел в названное место. И как небесный рай, благовонными насажденный цветами, обрел его, и очень возлюбил его…

Так… поселился на месте том, где воздвиг церковь

деревянную во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Рождества. Себе же устроил маленькую келийцу, решив ее удобной для возделывания добродетели, и к страданиям большим, и к подвигам постным приступая, и теплейшим рачителем безмолвия показавшись. И собралось к нему несколько братии, и основали общее житие, которое существует и доныне.

Князь же Георгий исполнялся многою радостью и большое доверие оказывал ему, и очень почитал его. И повелел воздвигнуть церковь каменную, и искусно украсить ее, что и совершилось. И дал блаженному села многие и средств достаточно для строительства монастыря. Святой же очень об этом заботился и Богу молился, да и место это еще более разрасталось…

О победе князя Георгия

Однажды захотел благоверный князь Георгий пойти войной на болгар, и пришел в обитель Пресвятой Богородицы, и просил преподобного игумена Савву молить за него всемилостивого Бога, чтобы подал ему крепости на противостоящих врагов. Святой же помолился, и, взяв честный крест, благословил его, и пророчески изрек ему: «Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе, и врагов своих одолеешь, и благодатью Христовой здрав возвратишься в свое отечество». Он же, взяв благословение у святого старца, собрал воинов своих и пошел на болгар, и многие города и области завоевал, и город Казань до основания разорил, и многие страны татарские пленил и пожег, и с великою победою и славою в свое отечество возвратился по предсказанию святого старца. После возвращения же с победой он вновь пришел в обитель Пресвятой Богородицы и великую благодарность воздал всемилостивому Богу и Пречистой Богоматери. Когда же преподобный осенил его честным крестом, он поклонился, любезно, и целуя святую руку его, и слезами ее омочив, говоря: «Великого в тебе молитвенника к Владычице обрел, честный отче, и крепкого помощника в сражениях, ибо знаю, что твоими молитвами победил врагов моих». Преподобный же старец со смирением ответил ему: «Благой и милосердный Бог, видев твое благочестивое княжение и смирение сердца твоего, и любовь, которую оказываешь убогим, и сего ради дал тебе такую победу над неверными, чтобы отомстилась кровь рабов Его, прославляющих имя Его. Пусть же и твое сердце до конца утвердится и пребывает в любви Его. Ибо ничем так не приближаемся к Богу, как милостью к нищим. Если будешь

милостив к ним до конца, то жизнь добром утвердишь и будешь наследником вечных благ». И так множество других поучительных слов изрек ему из божественных писаний. Князь все это слушал сладостно, влагая в сердце свое, и дал милостыню монастырю, и братию обеспечил довольно, и вернулся к себе. И с той поры стал доверять ему еще более, чем раньше.

Блаженный же Савва несколько лет пробыл на месте том и достиг глубокой старости, никогда не изменяя своего уставного правила… Конец здешних трудов принял, честную же и блаженную душу свою предав в руки Господа месяца декабря в 3 день.

Братия же, собравшаяся на погребение отца своего и видя его, преставившимся к Господу, многие слезы проливала и стонами горькими терзалась, ибо отлучилась от кормника и учителя. И, взяв святое тело его, положили его на ложе и с надгробными песнопениями достойно проводили, земле предав в созданном им монастыре, где и доныне память его совершается…

И с тех пор начались многие и различные исцеления происходить от честного гроба его…

ПОСЛАНИЯ КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО СЫНОВЬЯМ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Привести полные тексты всех трех посланий преподобного Кирилла Белозерского, отправленных им братьям-князьям — трем сыновьям Дмитрия Донского, автор счел необходимым, чтобы можно было заметить различное отношение игумена Белозерского монастыря к каждому из них. Кроме того, они хотя бы немного проливают свет на ситуацию, которая сложилась на тот момент в истории Руси и Московского великого княжества в частности.

Самым главным, что доносят до нас эти письма, являются их духовное содержание, наставления и попечительные советы старца основным правителям государства того времени.

Первое послание, приведенное ниже, было направлено старцем непосредственно князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому (нумерация документов является условной и не связана ни со временем, ни с положением адресатов; мы меняем ее порядок, который сложился по первоначальной их публикации, но только по причине важности для нас в данной книге именно первого адресата). Второе послание получил великий князь Василий Дмитриевич. Третье, самое «теплое» по содержанию, написано для непосредственного духовного сына и ученика Кирилла Белозерского — князя Андрея Дмитриевича, в уделе которого и находилась тогда основанная преподобным обитель на Белом озере.

В этих чудом сохранившихся документах (многие тысячи подобных им, включая и другие послания самого преподобного Кирилла, так и не дошли до нашего времени) мы можем почувствовать реальную интонацию голоса старца, который искренне и с особым вниманием относился к каждому из братьев. Все три послания — уникальный источник для тех, кто пытается познать эпоху, наступившую после Дмитрия Донского в русской истории. Они были написаны в начале XV столетия, но не ранее 1407 года.

Данные грамоты преподобного Кирилла Белозерского были опубликованы еще в XIX столетии трудами сотрудников Археографической комиссии в издании: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. 1334—1598. СПб., 1841. Основой для публикации стал текст из рукописной книги конца XVI столетия «Сборник богослужебный», список которой хранится в Российской национальной библиотеке

(Софийское собрание, № 454) и, по всей видимости, создавался и хранился в Вологодских краях, собственно, где преподобный Кирилл и обитал. Исследованием этого списка (включая уточнение листов записей и совершенных комиссией ошибок во время публикации) занимался Г. М. Прохоров. Именно он отметил, что в издании Археографической комиссии «листы, на которых послания в ней находятся, указаны неверно, а опубликованные тексты великим множеством мелочей отличаются от содержащихся в списке».

Текст приводится по изданию: Библиотека литературы Древней Руси/РАН. ИРЛИ. Т. 6: XIV— середина XV века. СПб.: Наука, 1999.

Чудотворца Кирилла послание ко князю Юрию Дмитриевичу

Господину благоверному князю Георгию Дмитриевичу — Кирилище, чернечище грешный, со своею братиицей. За твою, господин, частую к нам, нищим, милостыню много челом бьем. Радуемся, господин, видя и слыша, что ты стремишься к добру — от всей души уповаешь на Бога и на Пречистую Его Мать и нами, воистину недостойными и грешными, посланное к тебе слово принимаешь с приязнью.

А что, господин, скорбишь о своей княгине, что она в недуге лежит, так мы о том, господин, в точности знаем, что некий промысел Божий и человеколюбие Его проявилось на вас, — чтобы вы исправились в отношении к Нему. Так вы, господин, посмотрите на себя, покайтесь от всей души своей, и то прекратите. Потому что, господин, если кто и милостыню творит, и молить Бога за себя велит, а сам не отступает от неподобных дел своих, никакую пользу не приносит себе, и Бог не благоволит к приношениям таковых. И вы, господин, посмотрите на себя и исправьтесь в отношении к Богу безвозвратно. И если, господин, так обратитесь вы к Богу, то я, грешный, ручаюсь, что простит Он вам благодатью Своею все согрешения ваши и избавит вас от всякой скорби и беды, а княгиню твою сделает здоровой.

Мы, господин, грешные, от всей души своей рады Бога молить о ней, чтобы Он ее помиловал и дал ей облегчение в той тяжелой болезни. А если, господин, она так и пребудет в том недуге, то воистину, господин, знай, что ради некоей ее добродетели хочет Бог упокоить ее от маловременной этой болезненной жизни в оном нестареющем блаженстве.

Ты же, господин, не скорби об этом, видя, как она идет в бесконечный покой, в светлость святых, в неизреченную славу

Божию, чтобы там зреть пресладкое лицо Его, со Христом быть и, обретя Его, радоваться в стране живущих, где глас веселящихся. Но надеемся, господин, на милость Божию, что не причинит скорби тебе Господь, но благодатию Своею помилует и утешит тебя.

И Пречистая госпожа Богородица и Царица наша поможет тебе за то, что нас, господин, нищих ее, не забываешь, в пустынном этом месте собравшихся в обители ее, но часто жалуешь обильными милостынями своими. За все это, господин, мы, грешные, ничего не можем воздать тебе, но Пречистая Богородица воздаст тебе многократно в том веке и в будущем. И я, господин, грешный, со своей братиицей рад Бога молить и Пречистую Его Мать о твоем здоровье и спасении, о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, порученных тебе.

А что, господин князь Юрий, писал ты ко мне, грешному, что, дескать. «Издавна жажду я увидеться с тобой», — так ты, господин, Бога ради не смей того учинить, чтобы тебе к нам поехать, потому что, господин, знаю, что из-за моих грехов искушением то придет на меня, если ты поедешь ко мне. Так что, господин, ставлю тебя в известность: невозможно тебе нас увидеть. Покинув, господин, даже и монастырь, пойду я прочь, куда Бог направит. Потому что, господин, вы думаете обо мне здесь, что я добр и свят, а я, господин, воистину всех людей окаянней и грешней и всякого стыда исполнен.

И ты, господин князь Юрий, не удивляйся нам из-за этого, потому что, господин, слышу я, что божественное Писание ты совершенно разумеешь и читаешь. Знаешь сам, какой вред постигает нас из-за похвалы человеческой, особенно же подверженных страстям. Даже, господин, и тем, кто воистину свят и чист сердцем, даже тем повреждение бывает от этой тягости. А нам, господин, всякой страсти подверженным, от этого великая помеха душе.

Да ты, господин, сам об этом рассуди: раз твоей вотчины в этой земле нет, то только ты, господин, поедешь сюда, как все люди начнут говорить: «Ради Кирилла только поехал».

Был, господин, здесь брат твой, князь Андрей; так то, господин, его отчина, и мы оказались перед необходимостью: нельзя было нам ему, своему господину, челом не ударить. А ты, господин, Бога ради не учини того, чтобы тебе к нам ехать.

Я, господин, хоть и грешен, а рад Бога молить и Пречистую Его Мать со своей братиицей о тебе, о нашем господине, и о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, находящихся под твоей властью, как я тебе, господин, и прежде этого писал. А Пречистая Богородица, Владычица наша, помилует тебя, и

покроет тебя ризой своей честной, и наставит тебя в разум истинный, и направит тебя в царствие Сына своего за молитвы святых. Аминь.

Послание Чудотворца Кирилла великому князю Василию Дмитриевичу

Господину благоверному и боголюбивому великому князю Василию Дмитриевичу — Кирило, чернечище многогрешный, со всей братиицей.

За твою, господин, щедрую к нам милостыню многократно челом бьем и радуемся, господин, за тебя, что имеешь ты такую веру в Пречистую Богородицу и в нашу нищету, и твоему великому смирению.

Тому, господин, радуемся, но и скорбим, что выше слова и смысла безмерное твое смирение: посылаешь ко мне, грешному и нищему, от всякого дела доброго удалившемуся. Ты, господин, — князь великий всей Русской земли и, смиряясь, посылаешь ко мне, грешному, подвластному страстям и недостойному неба и земли и самой этой иноческой жизни. И я, господин, грешный, воистину об этом скорблю из-за своего недостоинства; радуемся же мы, господин, твоему благому желанию и смиренномудрому нраву, ибо этим уподобляешься ты, господин, преблагому нашему Владыке и Господу, от такой неизреченной славы с высоты сшедшему нас ради, грешных, и смирившемуся даже до восприятия рабского образа. Так, господин, и ты от столь великой славы мира сего преклонился смиренно к нашей нищете; и из этого, господин, мы познаем великую твою любовь к Богу и Пречистой Его Матери.

Насколько ведь приближаются святые любовью к Богу, настолько видят себя грешными. Ты ведь, господин, смирением великое себе приобретаешь спасение и пользу душевную. Оттого, господин, я, грешный, больше печалюсь душой, что меня, недостойного и покорившегося всякому греху, так вы ублажаете, не приобретшего ни одной добродетели, но всякой страсти повинного, и такое, господин, моление посылаешь ты ко мне, не способному и о своих грехах Бога умолить. И как же о тебе, господин, Бога я умолю, сам будучи исполнен всякого греха и злого дела?

Но, господин, написано, что не велит Бог и грешным отказываться молить Бога за просящих молиться о них ради их веры. Потому, господин, ради веры твоей великой не оставит тебя Бог, но помилует, и Пречистая госпожа Богородица и Царица наша поможет тебе во все дни жизни твоей и подаст тебе исцеление души и тела, — за то, что нас, нищих ее, господин, не забываешь, в пустынном этом месте собравшихся во обители ее,

но часто жалуешь обильными милостынями.

Мы же, господин, не можем за это в ответ дать тебе ничего, но Пречистая госпожа Богородица, надежда и упование наше, выпросит для тебя милость у Сына своего в этом веке и в будущем. А я, грешный, со своей братиицей, господин, по мере сил рад молиться о тебе, нашем господине, и о твоей княгине, и о твоих детках, и о всех христианах, Богом порученных тебе.

Ты же, господин, сам Бога ради будь внимателен к себе и ко всему княжению твоему, в коем Святой Дух поставил тебя пасти людей Господних, которых приобрел Он честною Своею кровию. Ведь раз сподобился ты получить от Бога великую власть, то столь же большое воздаяние ты должен воздать Ему за это. Воздай же Благодателю долг, храня Его святые заповеди, уклоняясь от всякого пути, ведущего в пагубу.

Это как на кораблях: когда наемник, каковым является гребец, ошибается, малый вред причиняет он плавающим с ним; а когда — кормчий, тогда всему кораблю причиняет он пагубу. То же, господин, можно сказать и о князьях: если кто-то из бояр согрешает, то не причиняет всем людям пакости, но только себе одному; если же сам князь согрешает, то всем людям, ему подвластным, причиняет он вред.

Ты же, господин, со многой твердостью храни себя в добрых делах. Ибо сказал святой апостол: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа». Возненавидь, господин, всякую власть, влекущую тебя ко греху, непреложным имей благочестивый помысел и не величайся, господин, временной славой в суетном высокомерии: мала ведь и кратка здешняя жизнь, и с плотью сопряжена смерть. И ты думай об этом, и не упадешь в ров гордости. Но бойся, господин, Бога, истинного Царя, и блажен будешь. Ибо «блаженны, — сказано, — боящиеся Господа».

Вспоминай, господин, надежду на будущий век и царство небесное, радость святых и веселие с ангелами; надо всем же этим — лицезрение пресладкого лица Божия: Он ведь воистину красота неизреченная, весь Он сладость и желание и любовь ненасытная ко всем любящим его и творящим пречистую волю Его.

Да слышал я, господин князь великий, что — несогласие великое между тобой и родственниками твоими, князьями Суздальскими: ты, господин, свою правду выставляешь, а они свою. И из-за этого, господин, от вас христианам великое кровопролитие причиняется. Так ты, господин, посмотри на то поистине: в чем окажутся они правы перед тобой, и ты, господин, со смирением уступи им. А в чем окажется твоя правда перед

ними, в том, господин, ты за себя стой по правде. А начнут тебе, господин, они бить челом, и ты бы, господин, Бога ради пожаловал их по их вере, потому что, господин, я так слышал, что до сих пор они были у тебя в принуждении, и оттого, господин, и возмутились. И ты, господин, Бога ради выкажи к ним свою любовь и милость, чтобы они не погибли, блуждая в Татарских странах, и там бы не скончались.

Потому что, господин, ни царская, ни княжеская, ни иная какая-либо власть не может избавить нас от нелицемерного суда Божия. И если, господин, ты возлюбишь ближнего как себя и утешишь душу скорбящую и озлобленную, то это много поможет тебе на Страшном суде Христовом, поскольку пишет апостол Павел, ученик Христов: «Если имею веру, чтобы горы переставлять, если раздам все имение мое, любви же не имею, нет мне никакой пользы». Пишет и возлюбленный Иоанн Богослов: «Если кто говорит: “Я люблю Бога, а брата своего ненавижу”, тот лжец». Потому и ты, господин, возлюби Бога от всей души своей, так же возлюби и братию свою и всех христиан. А тогда, господин, вера твоя в Бога и милостыня твоя нищим будет Богу приятна.

А милость Божия и Пречистой Богородицы на тебе, на моем господине, на великом князе Василии, да будет, и на твоей великой княгине, и на ваших детках, и мое благословение и молитва и моей братии. Аминь.

Послание Кирилла Чудотворца к князю Андрею Дмитриевичу

Господину благоверному князю Андрею Дмитриевичу — Кирилл, чернечище грешный и непотребный, со своей братиицей.

Много челом бьем и Бога молим о вашем здоровье, господ наших, поминая, господин, твою любовь, какую ты имеешь к Пречистой Богородице, и к нашей нищете поминая, господин, твою великую любовь и обильную милостыню нашего господина.

А что до преславного чуда пречистой Богородицы, о котором ты мне писал, — о превышающем слово и разум преславном чуде, так — слава Тебе, Боже! слава Тебе, Крепкий! слава Тебе, Бессмертный, восхваляемый в Троице всеми небесными силами и родом человеческим! Молитвами Пречистой Матери Своей такую излил Он милость в этот последний род, услышал моление Матери Своей о роде христианском.

Слушай, господин князь Андрей, что говорит Ветхое Писание: когда захочет Бог какую-нибудь землю казнить за нечестие, Он посылает сначала проповедников, чтобы жители той земли

обратились. И если обратятся, отводит Господь от них Свой гнев, мимо проносит скорбь, обращает печаль в радость и проявляет на них Свою милость.

Господин князь Андрей! Ныне нам, видевшим преславные и великие чудеса Пречистой госпожи Богородицы, подобает, господин, радоваться этому сердцем, а душой устрашаться во всякий час, оттого что сподобил нас Бог Пречистой Своей Матерью в последний этот род: такими знамениями и чудесами избавил Он христианский род от нашествия иноплеменных врагов, И ныне нам, господин, видевшим Божию к нам милость и Пречистой Богородицы помощь, поминать бы свои грехи и плакать бы о них и просить у Бога милости и у Пречистой Его Матери помощи на благие дела. И если увидит нас милосердный Господь в сокрушении и сетовании ходящих, не отнесется к нам с презрением, как и к Ниневитянам, но, по обычному Своему человеколюбию, помилует.

Благого и преблагого Бога благодарить мы должны, ибо мы Его создание и рабы и искуплены Его честною кровию. И ты, господин князь Андрей, видя человеколюбие и милосердие Господа нашего Иисуса Христа, — что Он гнев Свой от нас отвел, а милость Свою явил народу христианскому, молитвами Пречистой госпожи, Матери Своей, — ты, господин, смотри вот на что: властителем в отчине ты от Бога поставлен, —людей, господин, своих смиряй дурные обычаи. Суды бы, господин, пусть судили праведно, как перед Богом справедливо. Клеветы, господин, пусть бы не было. И подметных, господин, писем тоже не было бы. Судьи бы взяток не брали, довольствовались бы своим жалованьем, потому что говорит Господь: «Да не оправдаешь нечестивого мзды ради, ни сильного, ни богатого не устыдись на суде, ни брата родства ради, ни друга любви ради, ни нищего нищеты ради. Не сотвори неправду на суде, ибо суд должен быть истинным; проклят всякий неправедно судящий». Пророк сказал: «Ярость Господня на них неисцелима до конца века, и огонь поест нечестивых» — из-за мзды, которую они неправедно взимают. Судящие праведно, без мзды, спасены будут и царство небесное наследуют.

И ты, господин, следи внимательно, чтобы корчмы в твоей отчине не было, потому что, господин, великая от нее пагуба душам: христиане, господин, пропиваются, и души гибнут.

Также, господин, и поборов бы у тебя не было, потому что, господин, брать куны несправедливо. А где перевоз, там, господин, следует давать за труд.

Также, господин, и разбоя и воровства в твоей отчине пусть бы не было. И если не уймутся преступники делать свое злое

дело, то ты вели их наказывать своим наказанием — чего будут достойны.

Также, господин, унимай подвластных тебе людей от скверных слов и от ругани, потому что все это гневит Бога. И если, господин, не постараешься ты все это исправить, то все это Он на тебе взыщет, потому что властителем над своими людьми ты от Бога поставлен.

А христианам, господин, не ленись управу давать сам: то, господин, от Бога вменится тебе выше и молитвы и поста.

А от упивания вы бы воздерживались, и милостыню посильную давали, потому что, господин, поститься вы не можете, а молиться ленитесь: так вместо этого вам милостыня ваш недостаток восполнит.

А великому Спасу и Пречистой Его Матери, госпоже Богородице, заступнице христианской, велели бы вы, господин, петь молебны по церквам, и сами бы, господин, в церковь ходить не ленились.

А в церкви стойте со страхом и трепетом, воображая себя на небе стоящими. Потому что, господин, церковь называется земным небом, в ней совершаются Христовы таинства. Следи, господин, и за собой с опаской. В церкви стоя, разговоров не веди и не говори, господин, никакого праздного слова. И если видишь кого-нибудь из своих вельмож или из простых людей беседующими в церкви, так ты, господин, возбраняй. Потому что, господин, это все прогневляет Бога. И ты, господин князь Андрей, во всем этом будь внимателен к себе, потому что ты есть глава и властитель, поставленный от Бога находящимся под тобой христианам.

А милость Божия и Пречистой Богородицы на тебе, на моем господине, и на твоей княгине, и на ваших детках, и мое благословение и молитва и братии моей аминь.

ДУХОВНЫЕ ГРАМОТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА

Среди великих князей Московских это довольно редкий случай, когда сохранились не одна или две, а три духовные грамоты. Они были написаны в течение всего почти полутора десятков лет. Связано такое частое составление завещания было с различными обстоятельствами. В частности, с кончиной сыновей и переменой наследника.

Не меньшее значение для Василия Дмитриевича имело точное формулирование наследственных прав. Ведь главной его целью было не допустить к Московскому престолу своего брата Юрия Дмитриевича, который по завещанию их отца — Дмитрия Донского — мог на это претендовать. Желание оставить великое княжение своим потомкам привело к тому, что Василию I пришлось упражняться в течение нескольких лет в составлении все новых текстов духовных грамот.

Эволюцию его представлений о наследии мы можем сегодня проследить по нижеприводимым текстам. Они представляют интерес как для историков, так и для широкого круга читателей.

Первая духовная грамота великого князя Василия Дмитриевича

Текст грамоты мог быть составлен между 16 сентября 1406-го (то есть после кончины митрополита Киприана) и началом июля 1407 года (до кончины великой княгини Евдокии — матери Василия и Юрия Дмитриевичей). Это была первая попытка великого князя составить завещание в пользу своих сыновей, дабы исключить в дальнейшем передачу Московского престола брату — Юрию Звенигородскому (который в грамоте даже и не упоминается). Причины того, что такое решение Василий Дмитриевич принял уже в то время, трудно объяснить или подтвердить какими-то точными данными или фактами.

На грамоту подвешена серебряная с позолотой печать великого князя Василия Дмитриевича.

Подлинник документа хранится в РГАДЛ (Российском государственном архиве древних актов).

Во имя Отца и Сына и Святаго, се яз, грешный худый раб Божий Василей, пишу грамоту душевную в своем смысле, добр,

здоров. Даю ряд своему сыну, князю Ивану, и своей княгине.

Благословляю сына своего, князя Ивана, своею отчиною, третью Москвы, своим жеребьем, и с пошлинами, и с путми, и с бортью, и с Василцевым стом, и Добрятинским селом, и с бортью, и численых людей треть, чем мя в Москве благословил отець мой, как писано в душевной грамоте отца моего, великого князя, да Коломною с всеми волостми, и с селы, и с бортью, и с путми, и со всеми пошлинами. А волости Коломенские: Похряне, Городна, Кочема, Канев, Маковець, Левичин, Песочна, деревни Скулнев, Брашева с Ыванем и с Гвоздною и с селцем, Усть-Мерска, Комарев, да Радокин с берегов, Раменка, Мещерка, Крутинки, Мезыня, Гжеля.

А княгине своей даю ис Коломенских волостей Брашеву да Усть-Мерску. А ответет Бог матерь мою, ино по матери моие животе Песочна моей же княгине. А ис сел ей, матери моие, Малино со всеми деревнями. А ис Коломеньских же из моих сел моей княгине Оглоблино и со всеми деревнями, и с Ольхом, да Колычевское и с Змеевским, да Ивановское Васильевича в Левичине, и с Чюхистова землею, и со всеми прикупы, да Гжеля со всеми деревня, што к ней потягло. А што села княгининские пошлые, то ее и есть, а ведает те села пошлые княгининские дотоле княгини моя, доколе, даст Бог, женится сын мой, а потом ина даст те села сына моего княгине, своей сносе, которые были издавна за княгинями.

А из Московских сел сыну моему, князю Ивану: село Стровское, и с Орининским, и с Григорьевским Фаустова, и с Костянтиновским, и с Жирошкиным, и со всеми деревнями, и с Малаховским, да луг Великий противу города за рекою.

А княгине мои из Московских сел: село мое Починок со всеми деревнями, да селце Хвостовское у города и с луги, што к нему потягло.

А што мой примысл, а то даю княгине же своей: Ухтюш-ку, куплю свою, да Фоминские села дьяконовы, да Федоровские села Свибловские на Устюзе, и в Отводном, и на Сяме, и в Ростове, и в Бежицком Верее, Максимовское с деревнями, и в Переяславле Весьское, и с Родивоновским, и со всеми деревнями, и на Москве село Буиловское и с Олексеевьскою деревнею, да село Тимофеевское на Яузе, и в Юрьеве Чагино, да Савельевское, да Иворово, да Карабузино, а в Но-вегороде Непеицино, и все села Федоровские Свибловьские, со всем, што к ним потягло, да што есм выменил у своие матери села в Юрьеве, Фроловское и с Ольхом, да Петровское, да Богородицское, да Олексинское, и што к ним потягло, а в Новегороде в Нижнем Алачинские села да Мангачь.

А ис тех волостей и с сел, што есм писал княгине своей, хто ся имет жаловати на волостелей, или на тиунов, или на посельских, или на доводщиков, то судит княгини моя, или кому прикажет, а сыну моему, князю, в те суды не вступати-ся. А переменит Бог татар, и княгини моя емлет с тех волостей и с сел дань себе, а сыну моему, князю Ивану, так же в ту дань не вступатися. А коли придет дань или ям, и княгини моя даст с тех волостей и с сел по розочту, што ся имет. А те волости и села княгине моей до ее живота, а по ее животе, ино те волости и села сыну моему, князю Ивану. А што ее примысл, в том волна, по душе ли даст, сыну ли даст.

Да к тому ей даю в опришнину два села в Юрьеве, Богородицское да Олексинское, в тех дву селех так же волна, по душе ли даст, сыну ли даст.

А даст Бог сыну моему, князю Ивану, княженье великое держати, ино княгине моей ис Переяславля Кинела. А ответет Бог матерь мою, ино Юлка княгине же моей, да Доброе село, да в Володимере Ондреевское село. А ис Костромы ей волость Нерехта. А ответет Бог матерь мою, ино Иледам да Комела княгине моей, а Нерехта сыну моему, князю Ивану.

А даст Бог сыну моему, князю Ивану, держати Новгород Нижний да Муром, ино княгине моей из Новагорода половина пошлин новгородских, да Курмышь со всеми селы, и с бортью, и с путми, и с пошлинами, и со всем, што к нему потягло, и с Алгашем, а из Мурома ей селце.

А сына своего, князя Ивана, благословляю иконою Парамшина дела, с чепью, чепь с каменьем, што ми благословил отець мой, князь великий. Да даю ему пояс золот с каменьем, што мя благословил отець же мой, князь великий, да другий пояс золот с каменьем же, што есм сам сковал, да шапка золота, да бармы. А ис судов ему коропка сердонична, да ковшь золот с лалом да с женчюги. А опроче того, што есть казны моие и всего моего живота, то все ведает моя княгини, половину даст по душе по моей, а друга половина ей.

А брата своего и сына благословляю, князя Костянтина, даю ему в удел Тошню да Устюжну, по душевной грамоте отца нашего, великого князя.

А хто моих казначеев, или тивунов, или дьяки прибыток мой ведали, или посельскии, или ключники, или хто холопов моих купленых, или што есм у Федора у Свибла отоимал, тех всех пущаю на слободу и с женами и с детми, не надобны моему сыну и моей княгине. А княгине моей те люди, што есм ей подавал при своем животе, и грамоты полные тех людей у нее.

А ты, сын мой, князь Иван, держи матерь свою во чти и в

матерстве, как Бог рекл, а мое благословленье на тобе.

А о своем сыне и о своей княгине покладаю на Бозе и на своем дяде, на князи на Володимере Ондреевиче, и на своей братьи, на князи на Ондрее Дмитреевиче и на князи на Петре Дмитреевиче, по докончанью, как ся имут печалова.

А у сее грамоты были мои бояре: князь Юрьи Иванович, Костянтин Дмитреевич, Дмитрей Афинеевич, Иван Дмитреевич, Володимер… Иван Федорович, Федор Федорович…

А сю грамоту писал…

Вторая духовная грамота великого князя Василия Дмитриевича

Составлена и подписана предположительно в июле 1417 года, что связано было с кончиной наследника Василия I — старшего сына, Ивана Васильевича,

В нижней части документа осталась подпись по-гречески, поставленная митрополитом Фотием.

К грамоте когда-то были подвешены пять печатей. Но сохранились только три из них, сделанные из черного воска. Это печати братьев Василия Дмитриевича (исключая Юрия Дмитриевича) — князей Андрея Дмитриевича, Петра Дмитриевича и Константина Дмитриевича.

Подлинник документа хранится в РГАДА (Российском государственном архиве древних актов). Там же находится и список второй половины XV века.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, по благословленью отца нашего Фотия, митрополита киевскаго и всия Руси, се яз, грешный худый раб Божий Василей, при своем здоровье, пишю грамоту душевную. Даю ряд своему сыну, князю Василью, и своей княгине.

Приказываю своего сына, князя Василья, своей княгине. А ты, сын мой, князь Василей, чти матерь свою и слушай своие матери в мое место, своего отца.

А благословляю своего сына, князя Василья, своею вотчиною, чем мя благословил отець мой, третью Москвы и с путми, своими жеребьи, и Добрятинским селом и с бортью, и Васильцевым стом, и третью численых людей, и Коломною с волостьми и с путьми. А с сел даю сыну своему, князю Василью: на Москве село Островьское, и с Орининским, и с Костянтиновским, да село Малаховское, да Жирошкины деревни со всем, што к тем селом потягло, да Копотенское село, да селце у города у Москвы над

Великим прудом, да Хвостовское селце, да луг Великий у города у Москвы за рекою, да Ходынскую мелницю, да двор в городе на Москве Фоминский Ивановича у Боровицьских ворот, да другий двор, што был за Михаилом за Вяжем, да новой двор за городом у святого Володимера. Да даю сыну своему, князю Василью, свой примысл в Юрьеве, село Петровское, Олек-синское.

А княгине своей даю волости Коломенские: Песочну да Брашеву и с селцем и с Гвоздною, и с Ыванем, да Усть-Мерску, да Гжелю, и с путьми, и с селы с своими, што в тех волостех ни есть. А ис Коломенских сел даю княгине своей: села Малинские, што были за моею матерью, да село Ивановское и с Чюхистовым, да Окуловское, да Захаровское со всем, што к ним потягло, да село Репенское, што ей дала мати моя. А што ее прикуп и примысл, а то ее и есть. А княгине же своей даю прадеда своего примысл в Бежицьском Верее Кистьму да села Онтоновьские, да в Ростове Василевское, да свой примысл Троецскую слободку на Волзе, да Бе-леутовские села на Волоце и в Юрьеве слободе, да треть тамги московские и всех пошлин в городе на Москве, свой жеребей. А ис сел из Московских даю своей княгине: Митин починок со всем, што к нему потягло, да Семцинское село и с Самсоновым лугом, со всем, как было за моею матерью, да сельце Федоровьское Свиблово на Яузе и с мелницею, да Крилатьское село, што было за татаром, а княгини моя даст с того села чернице Софье пятьдесят рублев долгу ее. А што покупила на Москве и што ее примысл, то ее и есть. А княгине же своей даю отца своего примысл, слободку на Гуси, да в Юрьеве Красное село, и с Праватовом, и с Елезаровским, да свой примысл в Юрьеве же, село Фроловское, да Елох, да село Богородицьское. А што ее прикуп и примысл, а то ее и есть. Да свой же примысл даю ей на Белеозере слободка, што была княжа Васильева Семеновича, да на Вологде Ухтюшка, да Брюховская слободка, да Федоровские села Свибловы, да свой примысл и прикуп на Вологде и на Тошне. А што ее прикуп и примысл, а то ее и есть. Да на Устюзе даю ей Федоровские деревни Свибловы, да Ивановские Головина, да Тутолминские, што прикупил мой поселский Григорей Горбищев, што мой примысл.

А сына своего, князя Василья, благословляю своею вотчиною, великим княженьем, чем мя благословил мой отець.

А княгине моей ис Костромы Иледам, и с Обнорою, и с Комелою, и с Волочком, да Нерехта, и с варницами, и с бортники, и с бобровники, и со Княгининьским селом. А ис Переяславля княгине же моей Юлка так же со всеми людми, которого пути в ней люди ни будут, да Доброе село. А из Володимеря Ондреевское село. А Тошну оже выменит сын мой, князь Василей,

у княжих детей у Володимеровых, по докончалной нашей грамоте с их отцем, ино Тошня княгине же моей.

А оже ми даст Бог Новгород Нижний, и яз и Новымгородом Нижним благословляю сына своего, князя Василья, со всем. А сына же своего, князя Василья, благословляю своим же примысл ом Муромом со всем, што к нему потягло,

А из Новагорода княгине моей половина пошлин моих всех. А што есм ей подавал села в Новегороде, или што ее примысл, а то ее и есть. Да Соколское село со всем ей же, да Кержанець со всем княгине же моей. А из Мурома княгине же моей Селце да Шатур.

А те волости, и села, што есмь подавал своей княгине, послав сын мой да моя княгини, опишют да положат на них дань по людем, по силе, и княгини моя даст с тех волостей и с сел дань по розочту и ям, што ся коли им имет. А переменит Бог Орду, и княгини моя емлет себе ту дань, а сыну моему, князю Василью, не вступатися. А волостели свои, и тиуни, и доводщики судит княгини моя сама. А сыну моему, князю Василью, в ее волости и в села не всыла-ти ни по што. А те волости и села княгине моей до ее живота, а по ее животе ино сыну моему, князю Василью, опроче Гжели, да Семциньского села, да ее прикупа. А во Гжеле, да в Семцинском селе, да в своем примысле вольна княгини моя, кому хочет дати, тому даст. А хто имет слу-жити у моие княгини бояр, и сын мой, князь Василей, тех бояр блюдет.

А благословляю сына своего, князя Василья, страстьми болшими, да крест честный животворящий патреяршь Филофеевский. А сына же своего благословляю, даю ему икону Парамшина дела, да чепь хрестьчатую, што мя благословил отець мой, да шапку золотую, да бармы, да пояс золот с каменьем, што ми дал отець мой, да другий пояс мои на чепех с каменьем, да третий пояс ему же на синем ремени. А ис судов даю сыну своему, князю Василью, коропку сердо-ничную, да ковшь золот княжь Семеновский, да судно окованое золотом, што ми дала мати моя, да каменное судно болшее, што ми от великого князя от Витовта привезл князь Семен, да кубок хрусталной, што ми король прислал.

А стада кобыльи моей княгине с моим сыном наполы.

А опроче того, што ни есть у мене, то все моей княгине.

А холопи, которые есм подавал своей княгине при своем животе, те ей и есть. Да даст моя княгини моим дчерем из моих холопов по пяти семей, а опроче того вси холопи мои на слободу и с женами и с детми.

А приказываю своего сына, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тистю, великому князю Витовту, как ми рекл, на Бозе да на нем, как ся имет печаловати, и своей братье

молодшей, князю Ондрею Дмитреевичю, и князю Петру Дмитреевичю, и князю Костянтину Дмитреевичю, и князю Семену Володимеровичю, и князю Ярославу Володимеровичю, и их братье по их докончанью, как ми рекл и.

А у сее грамоты были мои бояре: князь Юрьи Патрекеевич, Иван Дмитреевич, Михайло Ондреевич, Иван Федорович, Федор Иванович.

А грамоту писал мой дьяк Тимофей Ачкасов.

А кто сю мою грамоту порушит, судит ему Бог, а не буди на нем моего благословенья в сий век, ни в будущий.

Третья (окончательная) духовная грамота великого князя Василия Дмитриевича

Предположительное написание документа — март 1423 года. Внизу грамоты также есть подпись митрополита Фотия на греческом языке.

К грамоте подвешена печать из желтого воска — великого князя Василия Дмитриевича.

Подлинник документа хранится в РГАДА (Российском государственном архиве древних актов). Там же находится список XV века, где на обороте листа сохранились две важные надписи, которые помогают датировать время написания грамоты. Первая запись: «Список з грамоты, что поймал Олексеи з собою в Литву, коли с митрополитом поехал с Фотеем на середохрестье». Вторая запись: «Список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексеем в лето 30 первое, з середохрестья».

Во имя Отця и Сына и Святаго Духа, по благословленью отця нашего Фотея, митрополита киевского и всея Руси, се яз, грешный худый раб Божий Василей, при своем здоровье, пишу грамоту душевную. Даю ряд своему сыну, князю Василью, и своей княгине.

Приказываю своего сына, князя Василья, своей княгине. А ты, сын мой, князь Василей, чти матерь и слушай своее матери в мое место, своего отця.

А благословляю своего сына, князя Василья, своею вотчиною, чем мя благословил отець мой, третью Москвы, и с путми, с моими жеребьи, и Добрятиньским селом с бортью, и Василцевым стом, и третью численых людей, и Коломною с волостми и с путми. А из сел даю сыну своему, князю Василью: на Москве село Островьское с Ориниьским и с Костянтиновьским, да село Малаховское, да Жирошкины деревни со всем, что к тем селом потягло, да село Копотенское, да селце у города у Москвы над

Великим прудом, да Хвостовьское селце, да луг Великий за рекою у города у Москвы, да Ходынскую мелницю, да двор в городе Фоминьской Ивановича у Боровицких ворот, а другий двор, что был за Михаилом за Вяжем, да за городом новой двор у Святого Володимера. Да даю сыну своему, князю Василью, свой примысл в Юрьеве, село Петровское да Олексиньское.

А княгине своей даю волости Коломеньские: Песочну, да Брашеву, с селцем с Гвоздною и с Ыванем, да Усть-Мерску, да Гжелю, и с путми и с селы с своими, что в тех волостех ни есть. А из Коломеньских сел даю своей княгине села Малиньские, что были за моею матерью, да село Ивановское с Чюхистовым, да Окуловское, да Захаровское, со всем, что к ним потягло, да село Репинское, что ей дала мати моя. А что ее прикуп и примысл, а то ее и есть. А княгине же своей даю деда своего примысл в Бежицком Верее Кистму, да села Он-тоновские, да Василевское в Ростове, да свой примысл Тро-ецкую слободку на Волзе, да Белевутовские села на Волоце и в Юрьеве слободе, да треть тамги московские и всех пошлин в городе на Москве, свои жеребьи. А из сел из Московьских даю своей княгине: Митин починок со всем, что к нему потягло, да Семцинское село и с Самсоновым лугом и со всем, как было за моею матерью, да селце Федоровское Свиблово на Яузе, и с мелницею, да Крилатьское село, что было за татаром, а княгини моя даст с того села Софее чернице долгу ее пятьдесят рублев. А что покупила села на Москве и что ее примысл, а то ее и есть. А княгине же своей даю примысл своего отця, слободку на Гуси, да в Юрьеве село Красное, и с Проватовым, и с Елизаровским, да свой примысл в Юрьеве село Фроловское, да Елох, да село Богородицкое. А что ее прикуп и примысл, а то ее и есть. Да на Белеозере слободка, что была княжа Васильева Семеновича, да на Вологде Уктюжка, да Брюховская слободка, да Федоровские села Свибловы, да свой прикуп на Вологде и на Тошне. А что ее прикуп и примысл, а то ее и есть. Да на Устюзе Федоровские же деревни Свибловы да Головинские деревни, мой примысл.

А даст Бог сыну моему великое княженье, ино и яз сына своего благословляю, князя Василья.

А княгини моей из Костромы Иледам с Комелою, и с Волочком, и с Обнорою, да Нерехта, и с варницами, и со Княгининьским селом, и с бортники, и с бобровники. А из Переяславля княгине моей Юлка так же со всеми людми, которого пути в ней люди ни будут, да Доброе село. А что ее прикуп и примысл, а то ее и есть. А из Володимеря Ондреевское село. А Тошну, оже выменит сын мой у княжих детей у Володимеровых, по докончалной нашей грамоте с их отцем, и

Тошна княгине же моей.

А сына своего, князя Василья, благословляю своими примыслы, Новымъгородом Нижним со всем, да своим же примыслом благословляю сына своего Муромом со всем же.

А из Новагорода княгине моей половина пошлин моих всех. А что есмь ей подавал село в Новегороде или что ее примысл, а то ее и есть. Да Сокольское село ей же со всем. Да Кержанець со всем княгине же моей. А из Мурома княгине моей Селце да Шатур.

А те волости и села, что есмь подавал своей княгине, послав сын мой да моя княгини, опишут да положат на них дань по людем и по силе, и княгини моя даст с тех волостей и с сел дань по розочту и ям, что ся коли им имет. А переменит Бог Орду, и княгини моя емлет ту дань собе, а сын мой, князь Василей, не вступается. А волостели свои, и тиуни, и доводщики судит сама, а сыну моему, князю Васи-лью, в ее волости, ни в села не всылати ни по что. А те волости и села княгине моей до ее живота, опроче Гжели да Семциньского села, да ее прикупа и примысла, а по ее животе, ино сыну моему, князю Василью. А во Гжеле да в Семцинском селе и в своем примысле волна княгини моя, кому то хочет дати, тому то даст. А кто имет бояр служити моей княгине, и сын мой, князь Василей, тех ее бояр блюдет.

А сына своего благословляю, князя Василья, страстми болшими, да крест честный животворящий патрияршь Филофеевский. А сына же своего благословляю, даю ему икону Парамшина дела, да чепь хресчатую, что мя благословил отець мой, да шапку золотую, да бармы, да пояс золот с каменьем, что ми дал отець мой, да другий пояс мой на чепех с каменьем, а третей пояс ему же на синем ремени. А из судов даю сыну своему, князю Василью, коропку сердоничную, да ковш золот княж Семеновской, да судно оковано золотом, что ми дала мати моя, да каменое судно велико, что ми от великого князя от Витовта привезл князь Семен, да кубок хрусталной, что ми король прислал.

А стада мои кобыльи сыну моему, князю Василью, с моею княгинею наполы.

А опроче того, что ни есть у мене, то все моей княгине.

А холопи, которые подавал есмь своей княгине при своем животе, те ее и есть. А даст моя княгини дочерем моим из моих холопов по пяти семей, а опроче того, вси холопи мои на слободу с женами и с детми.

А приказываю сына своего, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту, как ми рекл, на бозе и на нем, как ся имет печаловати, и своей братье молодшей, князю Ондрею Дмитриевичи), и князю Петру

Дмитриевичю, и князю Семену Володимеровичю, и князю Ярославу Володимеровичю, и их братье, по их докончанью, как ми ркли.

А у сее грамоты были мои бояре: князь Юрьи Патрекеевич, Иван Дмитриевич, Михайло Ондреевич, Иван Федорович, Михайло Федорович, Федор Иванович.

А писал сю мою грамоту Олексей Стромилов.

ДОГОВОРНЫЕ ГРАМОТЫ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА С РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ

Договорные грамоты между князьями — очень точный и важный источник, позволяющий реконструировать многие события истории Руси интересующего нас периода. В них можно найти сведения о владениях, уделах, состоянии княжеств, о взаимоотношениях между князьями (удельными или великими), о войнах или перемириях, о планах правителей. Иногда сведения из договорных грамот неожиданно дополняют содержание летописей или грамот духовных, которые до нас по той или иной причине не дошли, не сохранились. Упоминание тех или иных городов или сел, находящихся во владении того или иного князя, показывают нам наследственные дела средневековой эпохи, дополняют пробелы в информации, сглаживают изъяны других источников.

Предполагается, что самой «старой» из ныне известных договорных грамот князей, имеющих отношение к Московскому правлению, является документ времен великого князя Семена Гордого. Наибольшее количество из сохранившихся договоров такого рода приходится на период, когда Москвой правили Дмитрий Донской и его сын Василий Дмитриевич, а также в еще большем количестве — на время междоусобных княжеских войн XV столетия, когда враждующие стороны очень часто нарушали ими же сформулированные условия.

Иногда войны или их отсутствие имели прямую зависимость от подписанных или неподписанных договорных грамот, а потому они имели важнейшее значение в текущей жизни, тщательно хранились, становились главным аргументом в решении различных спорных вопросов. Кто с кем, кто против кого, друзья и враги, сила и слабость — кое-что из этого мы видим в таких документах. Благодаря этим же источникам открываются и некоторые мотивы, по которым совершали свои действия известные исторические деятели. От их поступков зависели судьбы людей и государства.

Договорные отношения определяли многие решения на долгие годы вперед. Хотя они иногда расторгались с такой же легкостью, как и скреплялись. Но главное — договоры (тогда их также называли «докончаниями», предполагая, что они заключаются «навечно», «до конца») являлись своеобразной формой юридических установлений, чем-то вроде основ, временных законодательных актов, благодаря которым можно

было избежать лишнего кровопролития или иных общественных потрясений.

Грамоты-докончания, связанные с именем князя Юрия Дмитриевича, несут в себе разгадки многих свершений конца XIV — начала XV века. В частности — именно в таких договорах он проявляется как человек, верный своему слову, и, в конце концов, в них он документально называется великим князем Московским, что является крайне важным для нас в данном повествовании.

Тексты грамот приводятся на древнерусском языке, хотя здесь предлагается упрощенный их вариант, где убраны все сокращения, принятые в то время, а буквы, уже не употребляемые в наши дни, — заменены современными, что намного удобнее для читателя.

Все приводимые тексты грамот (хотя они публиковались и ранее) выверены по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв./Подг. к печати Л. В. Черепниным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Докончание князя Звенигородского и Галичского Юрия Дмитриевича с братом и великим князем Василием Дмитриевичем

Долгое время расплывчато считалось, что данный документ был подписан братьями лишь не ранее марта 1390 года, основанием к чему считался уже осуществленный к тому времени приезд в Москву митрополита Киприана (6 марта). Однако в настоящее время можно говорить о более точной датировке договорной грамоты сыновей Дмитрия Донского (В. А. Кучкин). Время подписания документа сузилось до двух месяцев. Это могло произойти между 30 декабря 1392 года и 23 февраля 1393 года.

В основу приводимого текста лег список докончания, относящийся к 1470-м годам, но составленный по более раннему списку — 30-х годов XV века.

Подлинник документа хранится в РНБ (Российской национальной библиотеке), в Санкт-Петербурге.

Грамота великого князя Василья Дмитреевича з братом с Юрием

По благословению отца нашего Киприяна, митрополита киевскаго и всея Руси, се яз князь велики Василей Дмитреевич

всея Руси, своим братом с молодшим, со князем со Юрием с Митреевичем, на сем есмя целовали крест межи собою.

Быти нам заодин до своего живота. А кто будет, господине, тобе друг, князю великому, то и мне друг. А кто будет, господине, тобе недруг, то и мне недруг.

А не канчивати ти, господине, князь велики, без меня ни с кем. Ни мне, господине, не канчивати без тебе ни с ким. А матерь свою нам, господине, держати в матерстве и во чти. А тобя, господине, князя великого, держати в старишиньстве, по душевной грамоте отца своего. И тобя, господине, князь велики, так же меня держати в братстве и во чти, безо обиды. А меня ти жаловати и печаловатися мною и моею вочиною.

А в Москве нам жити по душевной грамоте отца нашего, а не обидети.

А чем мя, господине, благословил отец мои, князь великий, в Москве, Звенигородом с волостьми, и Сурожиком с Лучиньскым, и Галичем с волостми и с селы в Московском уезде и в великом княжении, и того ти, господине, подо мною блюсти, а не обидитии.

А чим, господине, тобя благословил отец наш, князь велики, в Москве, Коломною и с волостми, и всем великим княжением, или что еси себе примыслил, а мне под тобою того всего блюсти так же, а не обидети.

А где ти, господине, будет всести на конь, или ти меня послати, и мне так же всести без ослушания.

А братью свою нам молодшюю блюсти с одиного, а не обидети.

А бояром и слугам межи нас волным воля. А кто, господине, иметь жити моих бояр и слуг в твоей вочине, тех, господине, блюсти, как и своих. А кто имет жити твоих бояр и слуг в моей вотчине, а тех мне блюсти, как и своих. А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем а и ехати, кому служит. А городная осада, где кто живет, тому туто и сести, опроче путных бояр.

На сем на всем целовали есмы крест, по любви.

Докончание князя Звенигородского и Галичского Юрия Дмитриевича с племянником и великим князем Василием Васильевичем

В данном случае перед читателем предстают две встречные грамоты, которые готовились и были подписаны одновременно. В таком виде договор князя Юрия с великим князем Василием

Темным был окончательно оформлен 11 марта 1428 года (24 марта по новому стилю). Дату можно утверждать с полным основанием, так как она указана в конце текста документа.

Известно, что к договору также приложил свою руку митрополит Фотий, который расписался, в отличие ото всех остальных, — по-гречески. Примечательна пометка на документе: «А сю грамоту князю великому прислал складною вместе князь Юрьи, к Орде ида».

Обе грамоты были действительно сложены вместе, а к ним для большей убедительности были подвешены четыре княжеские печати из воска, три из которых принадлежали братьям — сыновьям Дмитрия Донского (Юрию Дмитриевичу, Андрею Дмитриевичу и Константину Дмитриевичу), а еще одна — великому князю Василию Васильевичу.

Подлинник документа хранится в РГАДА (Российском государственном архиве древних актов).

1. Грамота великого князя Василия Васильевича князю Юрию Дмитриевичу

По благословению отца нашего Фотиа, митрополита киевскаго и всея Руси, на сем, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуй ко мне крест, к своему брату стареишому, к великому князю Василью Васильевичи), и к своему брату молодшому, князю Ондрею Дмитриевичи), и к нашему брату молодшому, ко князю Костянтину Дмитриевичи).

Быти ти с нами везде заодин, и до своего живота. А нам тако ж быти с тобою везде заодин, и до своего живота. А добра ти нам хотети везде, во всем, где бы ни было. А что ти слышов о нашем добре или о лисе от кого бы ни было, то ти нам поведати в правду, без примышлениа. А нам тако же тобе добра хотети везде, во всем, где бы ни было. А что ны слышев о твоем добре или о лисе от кого бы ни было, и нам тобе то поведати в правду, без примышлениа. А хто будет мне друг, то и тобе друг. А кто будет мне недруг, то и тобе недруг. А не канчивати ти без нас ни с кем. А хотя будешь с кем в целовании, и тобе к нему целование сложити. А нам тако же без твоего веданиа не канчивати ни с кем.

А чим благословил отец мои, князь великий Василеи Дмитриевич, меня своею отчиною в Москве, и Коломною с волостьми, и всим великим княжением, и Новымгородом Нижним с волостми, и Муромом с волостьми, и иными своими примыслы, или чим благословил дед мои, князь велики Дмитрии Иванович, а

ваш отец, твою братию молодшую, или что себе примыслили, или что собе примыслят, или что ся еси сступил брату своему молодшому, князю Петру Дмитриевичи), Шачебала да Ликургы, и князь Петр Дмитриевич сступился брату своему молодшому, князю Костянтину Дмитриевичи), или что ся еси сступил брату своему молодшому, князю Костянтину Дмитриевичи), Звенигородских волостии, того ти всего под нами блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни под нашими детми.

Так же ти и отчины княжих Володимеровых Ондреевича внучат блюсти, а не обидети, ни вступатися.

А чим благословил дед мои, князь великы Дмитрии Иванович, а твои отец, тебя, князя Юрья Дмитриевича, в Москве и в станех в Московских, и Звенигородом с волостьми, и Галичем с волостьми и селы в великом княжении, или что себе примыслишь, того нам всего под тобою блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни под твоими детми.

А жити нам в своей отчине в Москве и в вуделех по душовнои грамоте деда моего, а вашего отца, великого князя Дмитрия Ивановича, оприч тех волостей, что ся есте сступили своему брату молодшому, князю Костянтину Дмитриевичи).

Так же что тя пожаловал отец мои, князь велики Василеи Дмитриевич, Вяткою и с слободами и со всеми месты, и нам тако же и в Вятку не вступатися, и под твоими детми. А тебе держати Вядка по отца моего грамоте, великого князя Василья Дмитриевича.

А дань и ям давати мне с своее отчины, из Галича с волостьми, по давному, как еси давал отцу моему, великому князю. А з Звенигорода и з Звенигородских волостей отложил ти есм дани и яму на четыре годы, опричь тех волостей Звенигородских, что ся еси сступил брату своему молодшему, князю Костянтину Дмитриевичи). А уйдут четыре годы, и тобе давати дань и ям по старому, как еси давал отцу моему, великому князю. А князю Костянтину Дмитриевичи) давати тобе дань и ям и с Шачебала и с Ликурги, и с тех волостей з Звенигородских, который за ним, как давал при моем отци, при великом князи. А переменит Бог Орду, не иму давати татаром, и тобе имати дань и ям с своее отчины собе, а князю Костянтину Дмитриевичю с тех с своих волостей имати дань и ям собе, а тобе у него не имати.

А коли ми будет всести на конь на своего недруга, и тобе послати со мною свои дети с своими бояры и с слугами. А будет ми послати твою братью или твои дети, и тобе так же послати свои дети с своими бояры и с слугами. А будет ми послати свои воеводы, и тобе послати с моими воеводами своего воеводу с своими людми.

А кто имет твою отчину обидети, и мне тебя боронити.

А кто имет жити наших бояр и слуг в твоей отчине; и тебе их блюсти, как и своих. А кто имет жити твоих бояр и слуг в нашей отчине и в великом княжении, и нам их блюсти, как и своих. А хто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем ходити. А городная осада, где хто живет, тому туто и сидети, опричь путных бояр.

А князей ти моих служебных с вотчиною собе в службу не приимати. А который имут тобе служити, и им в вотчину в свою не вступатися.

А что были межи нас в наше нелюбие воины и грабежи, или дани иманы, или где что взято и положеное, и тому погреб на обе стороне. А хто будет нятцев изниман, или на поруце дан, или к целованию приведен, а тех пустити без окупа и порука и целованье свести на обе стороне. А что будет у них взято, а то остало. А который мои люди, великого князя, приведены будут у тебя к целованию, и с тех ти целованье свести. А кого будем мы твоих людии к целованию привели, и нам с тех целование свести. А что мои наместници, и волостели, и посельски, и их тивуни ведали твою отчину и села боярский в твоей отчине, и о том нам оттослати по боярину, и они о том учинят исправу. Что будет взято право, то остало, а что будет взято криво, то отдати по исправе. Тако же, что ведали твои волостели, и поселскии, и их тивуни отчину княжу Костянтинову Дмитриевича, Шачебал да Ликургу, а то по тому ж отослати по боярину, да учинити исправа. Что будет взято право, то остало, а что будет взято криво, то отдати по исправе. А суженое, положеное, заемное, поручное, кабалное по исправе дата. А холопа, робу, должника, поручника, беглеца, татя, розбоиника по исправе выдати,

А на сем на всем, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуй ко мне крест, к своему брату стареишому, к великому князю Василью Васильевичю, и к твоему брату мо-лодшому, ко князю Андрею Дмитреевичю, и к нашему брату молодшему, ко князю Костянтину Дмитриевичю, по любви, в правду, без хитрости.

А писана на Москве, в лето шесть тысячное и девятьсотное тритцать шестое, индикта в 6, марта в 11 день.

2. Грамота князя Юрия Дмитриевича великому князю Василию Васильевичу

По благословенью отца нашего Фотиа, митрополита киевскаго и всия Руси, на сем, брате стариши, князь великий

Василеи Васильевич, целуй ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Юрью Дмитриевичю, и с моим братом молодшим, со князем с Ондреем Дмитриевичем, и с нашим братом молодшим, со князем Костянтином Дмитриевичем.

Быти вы со мною везде заодин, и до своего живота. А мне так же быти с вами везде заодин, и до своего живота. А добра вы мне хотети везде, во всем, где бы ни было. А што вы слышев о моем добре или о лисе от кого бы ни было, то вы мне поведати в правду, без примышленья. А мне так же вам добра хотети везде, во всем, где бы ни было. А што ми слышев о вашем добре или о лисе от кого бы ни было, и мне то вам поведати в правду, без примышленья. А кто будет тобе друг, то и мне друг. А кто будет тобе недруг, то и мне недруг. А не канчивати ми без вас ни с кем. А хотя буду с кем в целованье, и мне к нему целованье сложити. А вам так же не канчивати ни с кем без моего веданья.

А чим благословил отец твои, князь великий Василеи Дмитриевич, тобя своею вотчиною в Москве, и Коломною с волостми, и всим великим княженьем, и Новымгородом Нижним с волостми, и Муромом с волостми, и иными своими примыслы, или чим благословил твои дед, князь великий Дмитреи Иванович, а наш отец, мою братью молодшую, или што собе примыслили, или што собе примыслят, или што ся есмь ступил брату своему молодшему, князю Петру Дмитриевичю, Ликурги да Шачебала, и князь Петр Дмитриевич ступился брату нашему молодшему, князю Костянтину Дмитриевичю, или што ся есмь ступил брату своему молодшему, князю Костянтину Дмитриевичю, Звенигородских волостей, того ми всего под вами блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни под вашими детми.

Так же ми вотчины княжих Володимеровых Ондреевича внучат блюсти, не обидети, ни вступатися.

А чим благословил дед твои, князь великий Дмитреи Иванович, а наш отец, меня, князя Юрья Дмитриевича, в Москве, и в станех в Московских, и Звенигородом с волостми, и Галичем с волостми и селы в великом княженьи, или што собе примыслю, того вы всего подо мною блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни под моими детми.

А жити нам в своей вотчине в Москве и в вуделех по душевнои грамоте деда твоего, а нашего отца, великого князя Дмитриеве Ивановича, опрочь тех волостей, што ся есме ступили своему брату молодшему, князю Костянтину Дмитриевичи).

Так же што мя пожаловал отец твои, князь великий Василеи Дмитриевич, Вяткою, и з слободами, и со всими месты, и вам так же и в Вятку не вступатися, и под моими детми. А мне держати Вятка по отца твоего грамоте, великого князя Василья

Дмитриевича.

А дань и ям давати ми тобе с своее вотчины, из Галича с волостьми, по давному, как есмь давал твоему отцю, великому князю. А з Звенигорода и з Звенигородских волостей отложил ми еси дани и яму на четыре годы, опрочь тех волостей Звенигородских, что ся есмь ступил своему брату молодшому, князю Костянтину Дмитриевичю. А уйдут четыре годы, и мне давати дань и ям по старому, как есмь давал отцю твоему, великому князю. А брату моему молодшему, князю Костянтину Дмитриевичю, давати мне дань и ям с Шачебала, и с Ликурги, и с тех волостей Звенигородских, который за ним, как давал при твоем отце, при великом князи. А переменит Бог Орду, не имешь давати татаром, и мне имати с своее вотчины дань и ям собе, а князю Костянтину Дмитриевичю с тех своих волостей имати дань и ям собе, а мне у него не имати.

А коли ти будет всести на конь на своего недруга, и мне с тобою послати свои дети своими бояры и слугами. А будет ти послати мою братью или мои дети, и мне так же послати свои дети з бояры и слугами. А будет ти послати свои воеводы, и мне послати с твоими воеводами своего воеводу своими людми.

А хто имет мою вотчину обидети, и тобе меня боронити.

А хто имет жити ваших бояр и слуг в моей вотчине, и мне их блюсти, как и своих. А хто имет жити моих бояр и слуг в вашей вотчине и в великом княженьи, и вам их блюсти, как и своих. А хто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем и ходити. А городная осада, где хто живет, тому туго и седети, опрочь путных бояр.

А князей ми твоих служебных с отчиною себе в службу не приимати. А который имут мне служити, и им в вотчину свою не вступатися.

А што были межи нас в наше нелюбье воины, или грабежи, или дани иманы, или где што взято и положеное, и тому погреб на обе стороне. А хто будет нятцев изниман, или на поруце дан, или к целованью приведен, а тех пустити без окупа, и порука и целованье свести на обе стороне. А што будет у них взято, а то остало. А который твои люди, великого князя, приведены будут у меня к целованью, и с тех ми целованье свести. А кого будете вы моих людии к целованью привели, и вам с тех целованье свести. А што твои наместници, и волостели, и поселскии, и их тивуни ведали мою вотчину и села боярьскии в моей вотчине, и о том нам отослати по боярину, и они о том учинят исправу. Што будет взято право, то остало, а што будет взято криво, а то отдати по исправе. Так же што ведали мои волостели, и поселскии, и их тивуни вотчину княжу Костянтинову Дмитриевича, Шачебал, да

Ликургу, а то по тому же отослати по боярину да учинити исправа. Што будет право взято, то остало, а што будет криво взято, от отдати по исправе. А суженое, положеное, заемное, поручное, кабалное по исправе дати. А холопа, робу, должника, поручника, беглеца, татя, розбоиника по исправе выдати.

А на сем на всем, брате старишии, князь великий Василеи Васильевич, целуй ко мне крест, к своему брату молодшому, ко князю к Юрью Дмитриевичи), и с моим братом молодшим, со князем Ондреем Дмитриевичем, и с нашим братом молодшим, со князем Костянтином Дмитриевичем, по любви, в правду, без хитрости.

А писана на Москве, в лето 6000ное 900ное 36-е, индикта в 6, марта в 11 день.

Докончание князя Звенигородского и Галицкого Юрия Дмитриевича с великим князем Василием Васильевичем

Данный документ датируется 1433 годом, так как из его содержания ясно, что он мог быть составлен только в результате событий, когда великий князь (на тот момент) Юрий Дмитриевич сам отдал бразды правления племяннику — Василию Васильевичу, А это как раз и произошло в 1433 году. Князь Юрий не называет себя великим князем, а наоборот — «братом молодшим» по отношению к своему значительно более молодому племяннику.

Документ состоит из двух грамот, которые в оригинале были сложены вместе, к ним подвешены пять печатей из черного воска. Причем к печатям Василия Васильевича, Юрия Дмитриевича и Константина Дмитриевича добавились печати детей уже к тому времени покойного князя Андрея Дмитриевича — князей Ивана Андреевича и Михаила Андреевича.

Подлинник документа хранится в РГАДА (Российском государственном архиве древних актов).

1. Грамота князя Юрия Дмитриевича великому князю Василию Васильевичу

А на сем на всем, брате старейший, князь великий Василеи Васильевич, целуй ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Юрью Дмитриевичи, и к моему сыну, князю Дмитрею Меншому, и с нашим братом молодшим, князем Костянтином Дмитриевичем, и с моими братаничи, князем Иваном и со князем

Михаилом Андреевичи, и со князем Василъем Ярославичем.

Имети ми тобя, великого князя, собе братом старейшим. А брату нашему молодшему, князю Костянтину Дмитриевичи), имети ему меня себе братом старейшим. А князю Ивану да князю Михаилу Андреевичем имети им меня собе дядею. А князю Василью Ярославичю имети ему меня себе дядею жо. А добра вам мне хотети везде, во всем, где бы ни было. А что вам слышав о моем добре или о лисе от кого бы ни было, а то вы мне поведати в правду, без примышленья. А кто будет тобе, князю великому, друг, то и мне друг. А кто тобе недруг, то и мне недруг. А не канчивати ми без вас ни с кем. А хотя буду с кем в целованьи, и мне к нему целованье сложити. А вам так же без моего веданья не канчивати ни с кем. А держати ми тобя, великого князя, собе в старишиньстве. А тобе мене держати в братстве, и во чести, без обиды.

А детей ми своих болших, князя Василья да князя Дмитрея, не приимати, и до своего жывота, ни моему сыну меншому, князю Дмитрею, не приимати их. А тебе их так же не приимати.

А чем тобе благословил отец твои, князь великий Василеи Дмитриевич, своею отчиною в Москве, и Коломною с волостми, и всем великим княженьем, и Муромом с волостми, и Козельском с месты, и иными своими примыслы, так же что отчина брата нашего молодшего, князя Петрова Дмитриевича, Дмитров со всеми волостми, того ми всего под тобою, под великим князем, блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни моему сыну, князю Дмитрею Меншому.

А что есмь взял царев ярлык на Дмитров, и тот ми ярлык тобе дати.

Так же что вотчина брата нашего молодшего, княжа Костянтинова Дмитриевича, и братаничев моих вотчина, княжа Иванова да княжа Михайлова Ондреевичев, и княжа Васильева Ярославича дедина и вотчина, и мне того под ними всего блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни моему сыну, князю Дмитрею Меншому.

А чем мя благословил дед твои, князь великий Дмитрии Иванович, а мои отец, в Москве и в станех в Московьских, так же и пути в станех в Московьских, как ся есмь розделил с твоим отцом, с великим князем, а с своим братом, и Звенигородом с волостми, и Галичем с волостми и селы в великом княженьи, или что собе примышлю, или что ми ся еси нынеча отступил Сурожыка, да Лучиньского, да Шелковы, и Шачебала, и Ликурги, или что ми ся еси отступил из великого княженья Костромьских волостей, Андомы, Кореги, Борку, Березовца с Залесьем, да Шыленги, или что ми ся еси отступил Бежыцьского Верха, и с

путми, и с селы, и слободами, опрочь тех мест, что еси подавал из Бежыцьского Верху брату нашему молодшему, князю Костянтину Дмитриевичи), да опрочь сел Ивановых Дмитриевича, что еси у него взял в своей вине, а иных ти сел в Бежыцьском Верее не держати, а отступил ми ся еси и моему сыну, князю Дмитрею Меншому, тех всех мест в вотчину и в вудел, а того вам всего подо мною и под моим сыном, подо князем под Дмитреем под Меншим, блюсти, а не обидети, ни вступатися.

А Бежыцьскои ми Верх ведати по старине, по тому, как был за тобою, за великим князем. А у кого будут в Бежыцьском Верее грамоты жаловалныи отца твоего, великого князя, или твои, у бояр, или на слободы, или у иного у кого, и в тех грамотах волен яз, князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочю жаловати.

А жити ти в Москве со мною и с моим сыном, со князем з Дмитрием, как, есмь жил с твоим отцом, с великим князем, а с своим братом.

А дань и ям давати ми с своей отчины, и Звенигорода с волостми, и з Галичя с волостми, по давному, как есмь давал твоему отцу, великому князю. А з Бежыцьского Верха и с Костромьских волостей давати ми дань и ям по тому розводу, как переже того давали дань и ям в твою казну.

А знати Орда тобе, великому князю, а мне Орды не знати никоторыми делы. А переменит Бог Орду, не имешь давати татаром, и коли учнешь имати дань с своей отчины, с великого княженья, себе, и мне тогды с своего удела имати дань собе.

А коли ти будет самому всести на конь против своего недруга, или ти будет брата нашего молодшего послати, князя Костянтина Дмитриевича, и мне послати сына своего с своими людми. А коли пошлешь братаничев моих или своих воевод, и мне послати с ними своих воевод с своими людми. А где ти будет надобе послати на свою службу сына моего, и сыну моему пойти без ослушанья с моими людми.

А кто имет служити мне, князю Юрью Дмитриевичи), а жывучи в твоей отчине, в великом княженьи, а будет ти слати ис тех городов на свою службу, где те жывут, и мне слати с теми людми своего воеводу с твоим воеводою.

А кто имет мою отчину обидети, и тобе мене боронити. А в Литву ти у мене помочи не имати. А к тобе ми не ездити.

А кто имет жити ваших бояр и слуг в моей отчине, и тех ми блюсти, как и своих. А кто имет жити моих бояр и слуг в ваших отчинах и в великом княженьи, и вам их блюсти, как и своих. А бояром и слугам межи нас волным воля. А городная осада, где хто жывет, тому туто и сидети, опрочь путных бояр.

А князей ми твоих служебных с вотчинами в службу собе не

приимати. А который князи мне имут служити, и им в вотчину свою не вступатися, а вотчины лишены.

А который суды судил яз, князь Юрьи Дмитриевич, сидя на Москве, а тех ти судов моих не посужати.

А что ся учинило в нашем розмирьи, что поймана твоя казна, великого князя, и твоее матери, великие княгини, или поклажаи ваши, или бояр твоих поклажей, или инятцов твоих поклажей, или что будет меня того дошло, и мне то отдати по сему целованью. А что инятци твои на поруие подаваны, или на них кабалы пойманы, и мне с них велети порука свести, а кабалы им подавати. А что мои люди грабили бояр твоих, или инятцов твоих, или людей твоих, опрочь бою, ино то отдати, а не отдадуд, ино тому суд и исправа, опроче съестного.

А что будут поклажей моих бояр, Семеновы Федоровича или иных бояр моих, и что того тебе дошло, великого князя, и тобе то отдати по сему целованью. А что будут твои бояре и твои люди имали и грабили моих бояр и слуг в первое наше розмирье, и им то отдати, а не отдадут, а на то суд и исправа.

А что князь Василеи Ярославич имал мою вотчину или люди его грабили мою вотчину, а на то суд и исправа.

А что еси платил, в Орде за мою отчину, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а о том ми с тобою розчестися, и чего ся не оточтусь, и мне то тобе подняти те выходы.

А суженое, положеное, заемное, поручное, кабалное по исправе дати. А холопа, робу, должника, поручника, беглеца, татя, розбоиника по исправе выдати. А обидному всему межи нас суд и исправа. А о чем ся судьи наши сопрут, ини собе третьего изберут в нашей отчине, в великом княженьи. А ис земли вон на третей ся не зовут.

А что есмь занял у гостей и у суконьников шестьсот рублев да заплатил есмь в твои долг в ординьскои Резеп-Хозе да Абипу в кабалы, и на кабалах есмь то серебро подписал, и тобе с мене тот долг, ту шестьсот рублев, снята. А с теми гостъми ведатися тобе, опрочь мене, самому. А мне тобе тех сказати, у кого есмь то серебро заимывал.

А на сем на всем, брате старейший, князь великий Василеи Васильевич, целовал еси ко мне крест, к своему брату молодшему, князю Юрью Дмитриевичи), и к моему сыну, князю Дмитрею Меншому, и с нашим братом молодшим, князем Костянтином Дмитриевичем, и с моими братаничи, со князем Иваном и со князем Михаилом Андреевичи, и со князем Васильем Ярославичем, по любви, в правду, безо всякия хитрости.

2. Грамота великого князя Василия Васильевича князю Юрию

Дмитриевичу

А на сем на всем, брате молодшыи, князь Юрьи Дмитриевич, целуй ко мне крест, к своему брату стареишому, к великому князю Василью Васильевичи), и с своим сыном, с князем Дмитреем Меншим, и к нашему брату молодшому, князю Костянтину Дмитриевичи), и к моему брату молодшому, князю Ивану Андреевичю, и к нашим братаничем, князю Михаилу Андреевичю и князю Василью Ярославичю.

Имети ти мене, князя великого, собе братом старейшим. А брата нашего молодшого, князя Костянтина Дмитриевича, имети ти собе братом молодшим. А князя Ивана да князя Михаила Андреевичев, имети ти собе братаничи. А князя Василья Ярославича имети ти собе братаничем жо. А добра ти нам хотети везде, во всем, где бы ни было. А что ти слышев о нашем добре или о лисе, то ти мне поведати в правду, без примышлениа. А нам так же тобе добра хотети везде, во всем, где бы ни было. А что нам слышев о твоем добре, или о лисе от кого бы ни было, и нам тобе поведати в правду, без примышлениа. А кто будет мне, князю великому, друг, то и тебе друг. А кто будет мне недруг, то и тебе недруг. А не канчивати ти без нас ни с кем. А хотя будешь с кем в целованье, и тебе к нему целование сложыти. А нам так же без твоего веданиа не канчивати ни с кем. А держати ти мене, великого князя, себе в старишинстве. А мне тебе держати в братстве и во чти, без обиды.

А детей ти своих болшых, князя Василья да князя Дмит-рея, не приимати до своего живота, ни твоему сыну, князю Дмитрею Меньшому, не приимати их. А мне их так жо не приимати.

А чем мене благословил отец мои, князь великы Василеи Дмитриевич, своею вотчиною в Москве, и Коломною с волостми, и всем великым княженьем, и Муромом с волостьми, и Козельском с месты, и иными своими примыс-лы, так же что была отчина брата нашего молодшого, княж Петрова Дмитриевича, Дмитров со всеми волостьми, того ти всего подо мною, под великым князем, блюсти, а не обибети, ни вступатися, ни твоему сыну, князю Дмитрею Меншому.

А что еси взял царев ярлык на Дмитров, и тот ти мне ярлык дати.

Так же что вотчина брата нашего молодшого, княж Костянтинова Дмитриевича, и братаничев твоих вотчина, княж Иванова да княж Михайлова Андреевичев, и княж Васильева Ярославича дедина и вотчина, и тобе того под ними всего блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни твоему сыну, князю Дмитрею Меншому.

А чем благословил дед мои, князь великы Дмитреи Иванович, а твои отец, тебя, князя Юрья Дмитриевича, в Москве и в станех Московских, так же и пути в станех Московских, как ся еси розделил с моим отцем, с великым князем, и Звенигородом с волостьми, и Галичем с волостьми и селы в великом княженье, или что себе примыслишь, или что ти ся есмь нынича отступил Сурожыка, да Лучинского, да Шепковы, и Шачебала, и Ликургы, или что ти ся есмь отступил из великого княженья Костромских волостей, Андо-мы, Корегы, Борку, Березовца с Залесьем, да Шиленгы, или что ти ся есмь отступил Бежыского Верха, и с путми, и с селы, и с слободами, опрочь тех мест, что есмь подавал из Бежыского Верху брату своему, князю Костянтину Дмитриевичи), да опрочь сел Ивановых Дмитриевича, что есмь у него взял в своей вине, а иных ми сел в Бежыском Верее не держати, а отступился есмь тебе и твоему сыну, князю Дмитрею Меншому, тех всех мест в вотчину и в вудел, а того нам всего под тобою и под твоим сыном, подо князем под Дмитреем под Меншим, блюсти, а не обидети, ни вступатися.

А Бежискои ти Верх ведати по старине, по тому, как был за мною, за великым князем. А у кого будут в Бежиском Верее грамоты жаловалные отца моего, великого князя, или мои, у бояр, или на слободы, или у иного у кого, и в тех грамотах волен ты, брат мои, князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочешь жаловати.

А жити нам в Москве с тобою и с твои сыном, с князем Дмитреем Меншим, как еси жил с моим отцем, с великым князем, а с своим братом.

А дань и ям давати ти с своее вотчины, из Звенигорода и с волостьми, и из Галича с волостьми, по давному, как еси давал моему отцу, великому князю. А из Бежиского Верха и с Костромских волостей давати ти дань и ям по тому розводу, как переже того давали дань и ям в мою казну.

А Орда знати мне, князю великому, а тобе Орды не знати никак же. А переменит Бог Орду, не иму давати татаром, и коли почну имати дань с своее вотчины, с великого княженья, себе, и тобе тогды имати с своего удела дань собе.

А коли ми будет самому всести на конь против своего недруга, или ми брата своего послати, князя Костянтина Дмитриевича, и тебе послати сына своего с своими людми. А коли пошлю братаничев твоих или своих воевод, и тобе послати с ними своих воевод с своими людми. А где ми будет надобе послати на свою службу твоего сына, и твоему сыну пойти без ослушаниа с твоими людми. А кто имет служите бояр тебе, князю Юрью Дмитреевичю, а живучи в моей вотчине, в великом княженье, а будет ми слати ис тех городов на свою службу, где те

живут, и тобе слати с теми людми своего воеводу с моими воеводами.

А кто имет твою вотчину обидети, и мне тобе боронити. А в Литву ми у тобе помочи не имати. А ко мне ти не еэдити,

А кто имет жити наших бояр и слуг в твоей вотчине, и тебе их блюсти, как и своих. А кто имет жити твоих бояр и слуг в нашей вотчине и в великом княженье, и нам их блюсти, как и своих. А бояром и слугам межы нас волным воля. А городная осада, где кто живет, тому туто и седети, опрочь путных бояр.

А князей ти моих служебных с отчинами собе в службу не приимати. А которые князи имут тебе служыти, и им в вотчину в свою не вступатися, вотчины лишоны.

А которые суды судил еси, седя на Москве, а тех ми судов твоих не посужати.

А что ся учинило в нашем розмирье, что поймана моя казна, великого князя, и моее матери, великые княгини, или поклажее наши, или бояр моих поклажее, или инятцов моих поклажее, или что будет тобя того дошло, и тобе то отдати по сему целованию. А что инятци мои на поруце подаваны или на них кабалы пойманы, и тобе с них велети пурука свести, а кабалы им подавати. А что твои люди грабили бояр моих, или инятцов моих, или людей моих, опрочь бою, ино им то отдати, а не отдадут, ино тому суд и исправа, опрочь съестного.

А что будут поклажей твоих бояр, Семеновы Федоровича или иных бояр твоих, мене дошло, великого князя, и мне то отдати по сему целованию. А что будут мои бояре и мои люди имали и грабили твоих бояр или слуг в первое нашо розмирие, ино им то отдати, а не отдадут, а на то суд и исправа.

А что будет князь Василеи Ярославич имал твою вотчину или люди его грабили твою вотчину, а на то суд и исправа.

А что есмь платил в Орде за твою вотчину, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а о том нам с тобою розчестися, и чего ся не оточтеш, и тобе то мне подняти, те выходы.

А суженое, положоное, заемное, поручное, кабалное по исправе дати. А холопа, робу, должника, поручника, беглеца, татя, розбоиника по исправе выдати. А обидному всему межы нас суд и исправа. А о чем ся судьи нашы сопрут, ине себе изберут третьего в нашей вотчине, в великом княженье. А из земли вон на третей ся не зовут.

А что, сказывать, занял еси у гостей и у суконников шестьсот рублев, да заплатил еси, сказывать, мои долг ординскои Резеп-Хозе да Абипу в кабалы, и на кабалах, сказывать, то серебро еси подписал, и мне с тобе тот долг, ту шестьсот рублев, сняти, а с теми гостьми ведатися мне, опрочь тобе, самому. А тебе мне тех

сказати, у кого есь то серебро займовая.

А на сем на всем, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуй ко мне крест, к своему брату стареишому, к великому князю Василью Васильевичи}, и с своим сыном, со князем с Дмитрием с Меньшим, и к нашому брату молодшому, князю Костянтину Дмитриевичи), и к моему брату молодшому, князю Ивану Андреевичю, и к нашим братаничем, князю Михаилу Андреевичю и ко князю Василью Ярославичю, по любви, в правду, без всякыя хытрости.

Докончание великого князя Юрия Дмитриевича с князьями Можайским Иваном Андреевичем и Верейским и Белозерским Михаилом Андреевичем

Документ создан был позже 31 марта 1434 года, то есть когда Юрий Дмитриевич уже вновь стал великим князем Московским (после первого его правления в 1433 году), а попытка его племянника Василия Васильевича захватить город Галич потерпела провал.

К грамоте подвешены две печати из черного воска — новая печать, как уже великого князя, Юрия Дмитриевича, и печать князя Ивана Андреевича, его племянника. Любопытно, что на обороте листа документа читается поздняя приписка: «Князя Юрья Дмитреевича з д…» По-видимому, имелось в виду «з детьми». Но ненависть к потомкам князя, позднее столь упорно воевавшим за власть, проявилась и здесь. Помета в этом месте заклеена (дабы о детях Юрия даже и не упоминать), а рядом приписано: «Ондреевичи». То есть отмечены дети брата Юрия — Андрея Дмитриевича.

Подлинник документа хранится в РГАДА (Российском государственном архиве древних актов).

Грамота великого князя Юрия Дмитриевича князьям Ивану Андреевичу и Михаилу Андреевичу

Божиею милостию, на сем на всем, князь Иван Ондреевич, и с своим братом, с князем Михаилом со Ондреевичем, целуй ко мне крест, к своему отцу, великому князю Юрью Дмитреевичю, и к моим детем. Имети вам мене собе отцем. А мне, великому князю, вас держати в сыновьстве и во чти, без обиды. А вас ми жаловати и печаловатися вашими отчинами, А жыти вы со мною везде заодин, и до живота, и с моими детми. Кто будет мне друг,

великому князю, то и вам друг. А кто мне недруг, то и вам недруг. А не канчивати вам без мене, ни ссылатися с моим братаничем, со князем Васильем, ни с ыным ни с кем. А целование ти к нему сложыти. А быти ти со мною на него заодин. А мне, великому князю, так же не канчивати без вашего веданиа.

А в вотчину в мою в Москву, и во все великое княжение, и чим мя благословил отец мои, князь великыи, Звенигородом с волостьми, Галичем с волостьми, и что мя Бог пожаловал и царь Дмитровом с волостьми, и что к Дмитрову потягло истарины, как было за моим братом, за князем за Петром, или что мои иныи примыслы, и вам в то не вступатися, а подо мною блюсти, а не вступатися, и под моими детми.

А что ваша отчина, чим благословил отец мои, великыи князь, моего брата, вашего отца, в Москве, и Можайском с волостьми, и отьездными месты, Рощею, и Колугою, и Белымозером с волостьми, по душевной грамоте отца моего, великого князя, или что иные примыслы будут отца вашего к тому, и мне, великому князю, того блюсти, а не обидети, и под вашими детми, а не обидети ни в чем, ни моим детем.

А в Москве вам со мною… [лист порван] ли… [лист порван] по душевной грамоте отца моего, великого князя.

А по грехом, что Бог розмыслит о моем животе, и вам того всего великого княжениа и чим мя благословил отец мои, князь великыи, и чим мя Бог пожаловал и царь, и вам того блюсти под моими детми, а не вступатися, ни обидити. Или что, по грехом, Бог розмыслит о вас о котором животе, и которой ся останет, и мне, князю великому, тако же вашу отчину не вступатися, ни обидети, ни моим детем.

А что еси в наше розмирие воевал мою отчину Галич, и Галичскые волости, так же и Звенигородскые волости, и что будет у тебе того моего полону, или у твоих бояр и у детей у боярьскых, и тебе тот мои полон весь отдати, по сему целован ью. А кто будет того полону запродан за рубеж или ин-де где, и тебе тот полон выкупити весь безхытростно, да отдати мне, великому князю. Так же имана твоя отчина Белоозеро, и Белозерьскые волости, и Можаискых волостей, и отездных мест, что будет того полону у мене, и у моих детей, и у наших бояр, и детей боярьскых и нам тобе так же отдати, по целованию, безхытростно,

А где ми будет самому, великому князю, всести на конь, или ми будет вас где послати, и вам пойти без ослушанья.

А бояром и слугам межы нас волным воля. А хто имет бояр моих жыти, великого князя, или слуг в вашей отчине, и вам блюсти, как и своих. А хто имет жити у мене в великом княженьи ваших бояр и слуг, и мне их так же блюсти, как и своих. А кто

которому князю служыт, где бы ни жил, а по-ехати ему с тем князем, которому служыть. А городная осада, где кто живет, тому туто и сести в осаде, опроче путных бояр.

А на сем на всем, князь Иван Андреевич, своим братом, со князем с Михаилом, целуй ко мне крест, к своему отцю, великому князю Юрью Дмитреевичю, и к моим детем, по любви, безо всякие хитрости.

А сего нам целованья промежи собе не сложити, а правит

Докончание великого князя Юрия Дмитриевича с великим князем Рязанским Иваном Федоровичем

Данная грамота датируется временем, когда Юрий Дмитриевич стал великим князем Московским, то есть между 31 марта и 5 июля 1434 года. На документе сохранилась запись, сделанная значительно позднее, по предположению Черепнина, — в XVII или даже XVIII веке: «Грамота докончалная великого князя Юрья Дмитреевича ко князю Ивану Федоровичю, чтоб быть им в дружбе, году и печати нет».

Текст сохранился лишь в виде позднего списка XV столетия. Подлинник документа хранится в РГАДЛ (Российском государственном архиве древних актов).

Грамота княжа Юрьева Дмитреевича да княжа Иванова Федоровича докончялная

Божьею милостью и Пречистый его Богоматери, а на сем на всем, господине, дядя, князь велики Юрьи Дмитреевич, целуй ко мне крест, к своему братыничю, к великому князю Ивану Федоровичю, и с своими детми, со князем Васильем, и князем Дмитреем, и со князем Дмитреем.

Имети ти мене собе братаничем, а сыну твоему, князю Василью, братом, а сыну твоему, князю Дмитрею, и князю Дмитрею имети им мене себе братом старишим. А добра вы мне хотети везде, во всем, и твоим детем, где бы ни было. А что вы слышав а моем добре или о лисе от крестьянина или от иноверца, то вы поведати мне, великому князю, в правду, без примышленья. А быти ми с вами заодин везде, без хитрости. А где будете хотя послали на мое лихо, и вам тамо ототослати. А не приставати ми к татаром. Так жо ми не канчивати с твоим братыничем, со князем Васильем, ни ссылатися, ни в вотчину ми его свою не примати, ни его бояр, которые ему служат. А целованье ми к нему

сложити. А быти ми с тобою на него заодин. Так жо ми не канчивати, ни ссылатися ни с-ыным ни с кем. А хто будет друг тобе, великому князю, то и мне друг. А хто тобе недруг, то и мне недруг.

А всхочет князь велики Шветригаило со мною взяти любовь, и мне с ним взяти любовь с тобою по думе. А писати ми ся с ним в докончялную грамоту, что есми с тобою один человек.

А где ты, князь велики, всядешь на конь против своего недруга, и мне, князю великому Ивану, самому пойти с тобою без ослушанья. А где пошлешь своих воевод, и мне своих воевод послати с твоими воеводами. А хто имет меня, великого князя Ивана, обидети, и тобе меня боронити.

А вотчины ми твоей и твоих детей, Москвы и Коломны, и всех волостей Московских и Коломенских, что потягло к Москве и х Коломне, по реку по Оку, и всего твоего великого княженья под тобою, и под твоим сыном, князем Васильем, и под твоим сыном Дмитреем, и под твоим сыном, князем Дмитреем, блюстими, а не обидети, ни вступатися никоторою хитростью. А тобе, великому князю Юрью Дмитреевичю, и твоему сыну, князю Василью, и князю Дмитрею, и князю Дмитрею отчины ти моей, княженья Рязанского, Переяславля и Пронска, и всех волостей Переяславских и Проньских, что потягло к Переяславлю и к Пронску, по реку по Оку, того ти под мною блюсти и твоим детем, а не обидети, ни вступатися вам никоторою хитростью.

А меж нас роздел земли по реку по Оку, что доселе потягло к Москве, Почяп, Лопастна, уезд Мстиславль, Жадено городищо, Дубок, Жадемль, Бродничс месты, как ся отступили князи тарусские Федору Святославичю, та места к Рязани. А в Туле и в Берестии тобе, великому князю, и твоим детем не вступатися. А на низ по реце по Оце по реку по Цну, от усть Цны вверх по Цне, под Володимерьское рубежье. А на Московской стороне по реку по Оку, от Коломны вверх по Оце почен Новой городок, Лужа, Верея, Боровеск, и иная места Рязанская, которая будут по той стороне, то к Москве, а на низ по реце по Оце по реку по Цну, от усть Цны вверх по Цне, что на Московской стороне, то к Москве.

А что Володимерьское порубежье по тому, как было при твоем прадеде, при великом князи Иване Даниловиче, и при твоем деде Семене Ивановиче, и при твоем деде, при великом князи Иване Ивановиче, и при твоем отци, при великом князи Дмитреи Ивановиче, и при моем прадеде, при великом князи Иване Ярославиче, и при моем прадеде, при великом князи Иване Ивановиче, и при моем прадеде, при великом князи Иване Александровиче и при моем деде, при великом князи Олге Ивановиче, и при моем отци, при великом князи Федоре

Олговичи.

И тобе, великому князю Юрью Дмитреевичю, и твоим детем в землю в Рязанскую и во князи в рязанские не вступатися.

А со князем есми с проньским и с его братьею любовь взял. А что ся промеж нас учинит, ино меж нас управити тобе, великому князю, а нам тобя слушати. А что ся меж нас учинит какова обида, и нам отслати своих бояр, и они учинят исправу. А о чем ся сопрут, ино им третей отец наш, митрополит. А кого митрополит обвинит, ино ему обидное отдати. А не отдасть, ино тобе то, великому князю, отправите, а то тобе не в-ызмену. А так на обе стороны.

А с торусским князем взяти ми любовь, а жити ми с ним без обиды, занеж те князи с тобою, с великим князем Юрь-ем Дмитреевичем, один человек.

А новосилские князи добьют челом тобе, великому князю, и мне с ними взяти любовь по тому ж. А жыти ми с ними без обиды. А что ся учинит меж нас в любви, о чем ни будет слово о земли, или о воде, или обыном о чем, и нам отослати свох бояр, ини съехався, учинят исправу. А о чем ся сопрут, и они едут на третей, кого собе изберут. И на кого третей помолвит, и виноватой отдасть. А не отдасть, и правый пошлет к тобе, к великому князю Юрью Дмитреевичю, и тобе, великому князю, к виноватому послати впервые, и вдругие, и втретьи. А не послушает виноватый тобя, великого князя, и тобе то, великому князю, то отправити, а целованья не сложити, а то не вызмену. А коли позовутся на третей, кого собе изберут, а в то веремя на того будет рать, кого позовут, или будет сам ратью пошол, или будет у него посол татарьскии в земли, ин за тем не поедет на третей, в том ему вины нет. А возмут на него в то веремя грамоту, ино та грамота не в грамоту, а позовутся изнова на третей, как ся утишит, да учинят исправу изнова. А тобе, великому князю, того не правити, что ся в то веремя учинило в замятное.

А что будет покупил в Мещерьских местех дед мои, князь велики Олег Иванович, и отец мои, князь велики Федор Олгович, и яз, князь велики, или мои бояря, и в та места мне не вступатися, ни моим бояром, знати на свое серебро, а земля к Мещере по давному. А порубежье Мещерьскои земли, как было при великом князи Иоанне Ярославиче и при князи Александре Уковиче.

А что будешь ты, князь велики Юрьи Дмитреевич, отомал места Татарьская и Мордовская, а ци переменит Бог татары, та места тобе и есть. А что будет дед мои, князь великий Олег, или отец мои, князь велики Федор, отнял места Татарьская и Мордовьская, та места мне и есть.

А князи мещерьские не имут тобе, великому князю, правити, и мне их не примати, ни в вотчине ми в своей их не держати, ни моим бояром, а добывати ми их тобе без хитрости, по тому целованью.

А что будет в моей отчине Егедеева полону, коли был Егедеи у Москвы, и кто будет того твоего полону запроважан и запродан в моей отчине, и которой будет слободен, тех ми отпустити, а с купленых окуп взяти по тому ж целованью, без хитрости. Так же и царевич Махмут-Хозя был у тебя в Галиче ратью, и хто будет того твоего полону запроважен и запродан в моей отчине, и которой будет слободен, тех ми отпустити, а с купленых окуп взяти по тому ж целованью, без хитрости.

А что есми посылал свою рать с твоим братычем, со князем с Василъем, и воевали, и грабили, и полон имали, ино грабежу тому всему погреб. А что полон твои галичскои в моей отчине у кого ни будет, или хто будет кого запровадил и запродал, и мне тот твои полон весь велети собрата и отдати тобе по тому ж целованью, без хитрости.

А суд вопчеи межи нас по преставлению отца твоего, великого князя Дмитрея Ивановича. А нам, князем великим, в суд вопчеи не вступатися. А судьям нашим сести судити, целовав, что им судити в правду, по целованью, как судили судьи брата твоего, великого князя Василья Дмитреевича, с нашими судьями, деда моего, великого князя Олговыми Ивановича, и со отца моего судьями, великого князя Федоровыми Олговича.

А где учинится розбои, или наезд, или татба ис твоей отчины на моих людей, великого князя, и о том суда вопчего не ждати, отслати нам своих судей, да велети учинити неправа без перевода, А не даси мне исправы, или судьи твои судом переведут, и мне свое отняти, а то не в-ызмену.

А что ся учинит меж нас нашо дело, великих князей, и нам отослати на то своих бояр, и они, съехався, учинят исправу. А чего не могут управити, о чем ся сопрут, и они едут на третей. И на кого помолвит третей, и виноватый перед правым поклонитца, а взятое отдасть. А не отдаегь, ино у него отняти, а то не в-ызмену. А так на обе стороны. А рати не замышляти. А третей меж нас, хто ищет, тот воимянует три князи хрестьянские, а на ком ищут, тот себе изберет ис трех одного. А судьи наши о чем ся сопрут, ино им третей по тому ж. А суженого не посужати. А суженое, и положоное, поручное, заемное дати по исправе. А холопа, робу, должника, поручника, татя, розбоиника, душогубца, рубежника выдати по исправе. А от века пошлин з беглеця с семьи два алтына, а с одинца алтын.

А мыты нам держати старые пошлые, которые были при моих

дедех, и при моем дяде, и при моем отце, А новых мытов нам не замышляти, ни пошлин. А мыта с воза и в городех всех пошлин денга, а с пешохода мыта нет. А тамги и всех пошлин от рубля алтын, а с лодьи со цки по алтыну, а с струга с набои по два алтына, а без набои денга. А со князей великих людей пошлин нет.

А вывода нам и рубежа не замышляти.

А бояром и слугам меж нас волным воля.

А на сем на всем, господине, дядя, князь велики Юрьи Дмитреевич, целуй ко мне крест, к своему братыничю, к великому князю Ивану Федоровичю и з своими детми, со князем с Васильем и со князем Дмитреем, и со князем Дмитреем, по любви, в правду, без всякия хитрости.

ШЕМЯКИН СУД.
Повесть XVII века

Вариантов издания такой повести, как будто бы связанной с именем сына Юрия Звенигородского и Галичского — Дмитрия Шемяки, в России было множество. Но считается, что один из первых был написан уже в XVII столетии.

Даже если в основе «Шемякина суда» лежал иноязычный оригинал, то переводной текст быстро «акклиматизировался» в русской среде. Бытовые коллизии, лежащие в его основе: насмешка над простоватыми истцами, над судебным процессом, восхищение словесной ловкостью Шемяки — все это было близко бытовой жизни разных эпох.

Повесть о Шемякине суде сохранилась в двух версиях — как в виде прозы, так и в поэтической. В XVIII—XIX столетиях много раз выпускались ее лубочные издания, повесть легла в основу разных прозаических и драматических обработок и даже стала фольклорной.

Текст приводится по книге: Русская демократическая сатира XVII века. М; Л, 1954. С 20-23.

В некоих местех живяше два брата земледелцы, един богат, други убог. Богаты же ссужая много лет убогова и не мо-же исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чемь ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошеди и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же вземь, нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносите убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поеде в лес и привозе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошедь же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приводе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошеди ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бить челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити, — ино будет езд[9] приставом платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города.

Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужина-ти, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, иде же живяше судия. Убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же веды[10] себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. При-несе же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Отвещай!» Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверчены камень, показа судии и поклонися. Судия же начаялся[11] что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест[12], у лошеди выростет хвост. А как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другий суд быти. Поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки той же заверчены плат и показа судие. Судиа же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у пападьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него пападью и с ребенком»,

И потом нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начался, яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на его, такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как-де у ней хвост выростеть, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублев, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата

своего пять рублев и лошадь его отда.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с ребенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же раз-мишляя себе: «Броситися мне — и ево-де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя.

Судиа шь выела человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять. Человек же суднин нача у него показанныя три узла просить: «Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взята». Он же выняв из шапки завязаны камень и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажеш камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал». Человек ему нача его вопрошати: «Что то за камень кажешь?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел, его ушибти».

И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю бога моего, что я по нем судил: ак бы я. не по нем судил, и он бы меня ушиб». Потом убогий отыде в дом свой, радуяся и хваля бога. Аминь.

ЗАВЕЩАНИЕ — ДУХОВНАЯ ГРАМОТА КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА

Данная грамота (следуя ее тексту) написана в те времена, когда Юрий Дмитриевич был еще удельным князем и получил уже от хана ярлык на Дмитров. Есть разные предположения о времени ее написания. Например, от конца июня 1432-го до 25 апреля 1433 года (Л. А. Зимин). Или другое, более уточненное, — февраль 1433 года (Н. В. Черепнин). Последнее утверждение основывается на следующих аргументах. В грамоте упоминается о том, как Юрий получил от ордынского хана ярлык на Дмитров, значит, он не мог составить завещание ранее 1432 года. При этом он не обращается к великому князю Василию Васильевичу, а также упоминает духовные грамоты Василия Дмитриевича, что означает явный разрыв отношений, который произошел именно в феврале 1433 года.

Имея разные мнения, мы, однако, сегодня можем только предполагать. Ясно, по крайней мере, одно: Юрий Звенигородский еще не был в этот момент великим князем и, видимо, не помышлял об этом, иначе не стал бы составлять этот «удельный» вариант завещания. Он вполне мог просто ощущать, что в результате обострения отношений с Василием Васильевичем в это время и продолжения некоторых военных действий события могут привести к его же собственной гибели. Да и возраст уже давал о себе знать. Ведь светский человек под 60 лет по тем временам был уже весьма пожилым. Всё это требовало подумать о наследниках.

К сожалению, как мы уже говорили в главке «Наследие князя Юрия Дмитриевича», мы ничего не знаем о его завещании как великого князя. Да и вообще — существовало ли оно? Такой документ был очень важным подспорьем для дальнейшей борьбы за власть. Благодаря ему, быть может, и продолжалась война между сыновьями Юрия и Василием Темным.

Если такая духовная грамота все-таки была, то где же она? Почему ее нет в архивах? Хотя можно легко предположить (и мы уже об этом также говорили), по какой причине это могло произойти. Повторим вновь эти причины: то ли князь Юрий скончался скоропостижно, неожиданно (отравлен?) и не успел составить окончательного завещания как уже великий князь Московский, то ли данная грамота была уничтожена позднее, как самый опасный документ, который мог пошатнуть власть прямых потомков Василия Дмитриевича. Духовная великого князя Юрия

становилась юридическим основанием для низвержения власти Василия Васильевича или всех его детей или преемников. Такой документ вполне мог быть в дальнейшем просто «стерт из истории».

А вот эта грамота, которую мы здесь приводим, вполне «устраивала» будущих хранителей документов, даже тех, кто был против Юрия. Ведь она-то как раз и подтверждала удельную власть князя, и не более того. Такую грамоту врагам князя даже необходимо было сохранять.

Однако даже и она не дошла до нас в подлиннике. Мы можем читать только список, правда, того же — XV века. Кстати, на обороте листа грамоты как раз почерком этого времени отмечено: «Список с духовные, со княжи с Юрьевы Дмитриевича».

Во всяком случае, редкий из оставшихся документов, связанных непосредственно с именем Юрия Звенигородского и Галичского, будущего великого князя Московского, им же и подписанный, представляет немалый интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Грамота приводится на древнерусском языке, хотя здесь предлагается упрощенный вариант, где убраны все сокращения, принятые в то время, а буквы, уже не употребляемые, — заменены современными, что намного удобнее для читателя. Данный текст выверен и цитируется по изданию: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепниным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (грамота № 29. С. 73-75).

Данный список духовной грамоты XV века хранится ныне в РГАДА (Российском государственном архиве древних актов).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се яз, грешный и худыи раб Божий Юрьи Дмитриевич, пишю грамоту душевную в своем смысле. Даю ряд детем своим, Василью, и Дмитрею, и Дмитрею Меншему.

Приказываю детем своим, Василью, Дмитрею, и Дмитрею Меншему, вотчину свою, в Москве свои жеребей, чем мя благословил отец мои, князь великий Дмитреи Иванович, в городе, и в станех, и в пошлинах в городских, и в тамзе, и в восмьничем, и в численых людех, и в мытех, свои жеребей трема сыном моим на трое.

А се даю сыну своему Василью: своего удела, Звенигород с волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортми, и с селы, и со всеми пошлинами. А Звенигородский волости: Угожа и з бортники, Плеснь и з бортники, Дмитреева слободка, Троена, Негуча, Ондреевьское. А из Московьских сел даю сыну своему Василью:

село Домантовьское, и з деревнями, и со всем, что к нему потягло, как и за мною было. Да даю сыну своему Василью дуги Тамашиньскии в Перерве.

А се даю сыну своему Дмитрею: город Рузу, и с волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами. А волости Рузский: Юрьева слобода, Замошье, Кремична и з бортники Кремиченьскими, Скирманово с Белми, Ростовци, Фоминьское, да село Михаиловьское, да Микифоровьское, и со всеми деревнями. А из Московского даю сыну своему Дмитрею бортники на оной стороне Москвы, как и за мною были, что ся есмя розделили с своею братьею, по душевной грамоте отца своего, да луг противу города.

А се благословляю сына своего Дмитрея Меншаго: Вышегород и со всеми пошлинами, и с мыты, и з бортью, и с селы, и с Коситьским селом, и з деревнями. Да к тому есми дал ему: Суходол с-Ыстьею, и с-Ыстервою, и с Уборичною слободкою, и з Боровковою, и з бортники, и со всеми селы. Да дал есми ему Смоляную, и с селы, и з бортми. А из Московьских сел даю сыну своему Дмитрею: село Михалевьское, и з деревнями, и з бортники Михалевьскими, и со всем, что к нему потягло, как и за мною было, да селце, что у города, Сущевьское, да Доблиньскии соколники и бортники, и со псари, и как и за мною было, да луг Ходыньскои.

А чем мя Бог пожаловал и царь, Дмитровом, и с Московьскими волостми, и с селы, что было за братом за моим, за князем за Петром, чем его отец мои благословил, князь великий Дмитреи, и яз тем благословляю трех своих сынов, Василья, Дмитрея и Дмитрея Меншего, в городе, и в станех, и с селы, и з бортники, и тем дети мои поделятся ровно.

А из волостей из Дмитровьских даю сыну своему Василью: Селну, Гуслицю, Вохну, Загарье, Рогожь, Кунеи, или что будет в тех волостех села или пути, а то все даю сыну своему Василью.

А Дмитрею, сыну своему, даю Дмитровьскии волости: Городок, Шорна, Корзенево, Воря, Вышегород, Инобажь, и что в тех волостех села и пути, и то все даю сыну своему Дмитрею.

А Дмитрею, сыну своему, даю волости Дмитровьскии: Ижво, Мушкова, Раменка, Берендеево с слободкою с Кузмидемьяньскою, Лутосна, Куликово, и что в тех волостех села, или пути, или бортники, а то все даю сыну своему Дмитрею Меншему.

А се даю трем своим сыном, Василью, Дмитрею, да Дмитрею Меншему, Вятку з городы и волости, а тем ся дети мои поделять межи собе ровно.

А чем мя благословил отец мои, князь великий Дмитреи, Галичем, деда своего куплею, и яз благословляю сына своего

Дмитрея Меншего городом Галичем, и с станы городскими, и со всеми волостми, и Солью с варницами, и с серебром, что на людех, опричь церковных варниць.

А се даю сыном своим, Василью, Дмитрею, да Дмитрею Меншему, двор свои да сад за городом на посаде, да садец меншеи, а тем ся дети мои поделят межи собе без обиды, ровно.

А коли будет детем моим дати дань великому князю с своей отчины, с Звенигорода и з Галича, ино имется Звенигороду в семтысячнои выход пятьсот руб. и одиннатцать руб., и дети мои то розведуг на свои уделы по тому окладу, колко на которой волости яз имал. А с Сурожика, и с Лу-чиньского, и с Шепковы дети мои то розведут по тому окладу, как яз имал у своего брата, у князя у Костянтина. А Галичю имается в семтысячнои выход пятсот руб. и пол-30 руб., и ис того сын мои Дмитреи возмет с Шачебала и с Ликурги четвертую чясть да отведет в болшюю казну, а останок того сын мои Дмитреи розведет на Галич, на свои удел, по тому окладу, колко на которой волости яз имал, да то отдасть.

А благословляю сына своего Василья икона Пречистая Богородица окована золотом, Смоленьская. А благословляю сына своего Дмитрея икона Спас окована, что мя ею благословила княгини Марь… Данилова. А благословляю сына своего Дмитрея Меншего икона Пречистая золотом окована, что мя благословила мати моя, княгини великая.

А что из золота, даю сыну своему Василью пояс золот с каменьем, на чепех, без ремени. А Дмитрею, сыну своему, даю пояс золот на черпьчати ремени. А Дмитрею, сыну своему, Меншему даю пояс золот с каменьем без ремени, чем мя благословил отец мои, князь великий Дмитреи. А что моего осталося золота или женчюгу, или матери его золота, или женчюгу, или каменья, а тем благословляю сына своего Дмитрея Меншего.

А Бог даст, будет митрополит на Руси, и яз ему велел дати блюдо свое болшее двоколечное.

А по грехом, которого вас Бог отымет, а не останется после его детей, ино того удел тем, который останутся живы.

А вы, дети мои, Василеи, Дмитреи, и Дмитреи Меншеи, живите межи собе заодин, по моему благословленью. А который сын мои не иметь жити по моему благословленью, не буди на нем впрок моего благословленья.

А кто сию мою грамоту порушит, судит ему Бог.

А писал есми грамоту сю перед бояры.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИЯ ЗВЕНИГОРОДСКОГО

1374, 26 ноября — в семье великого князя Дмитрия Ивановича родился третий сын — Георгий (Юрий). Событие произошло в городе Переяславле-Залесском, в период всеобщего съезда русских князей. Крестным отцом младенца стал преподобный Сергий Радонежский.

1378 — победа русского войска над ордынцами в битве на реке Боже — первая и важнейшая для истории Руси. Летописи отметили присутствие отрока Юрия на похоронах Московского митрополита Алексия.

1380 — победа русского войска в Куликовской битве. Летописи рассказывают об участии юного князя Юрия во встрече дружин победителей в Москве.

1382 — Юрий едва спасается от хана Тохтамыша, бежав из Москвы с матерью — Евдокией.

1383 — старший сын Дмитрия Донского — Василий отправлен в Орду в качестве заложника, где пробудет несколько лет. Юрий остается потенциальным наследником Московского престола. Спасшийся от литовцев епископ Смоленский Даниил переезжает в Москву и получает от Дмитрия Донского в епархиальное владение город Звенигород, а также именуется «владыкою Звенигородским».

1386 — гибель великого князя Смоленского Святослава Ивановича в битве с литовцами. Витовт Литовский захватывает Смоленск и сажает на княжение Юрия Святославича — будущего тестя князя Юрия Звенигородского.

1388 — с князем Юрием случилась опасная болезнь, но «Бог милова его».

1389 — кончина князя Дмитрия Донского, его сын Юрий Дмитриевич получает в наследство богатые уделы и становится князем Звенигородским и Галичским. Великим князем Московским (Владимирским) стал Василий I.

1380—1390-е годы — духовным отцом князя Юрия и его матери — великой княгини Евдокии — становится преподобный Савва Сторожевский, ученик Сергия Радонежского и будущий игумен Звенигородский.

1390 — Василий I женится на Софье — дочери великого князя Литовского Витовта, мать которой Анна была сестрой

Смоленского князя Юрия Святославича, будущего тестя князя Юрия Звенигородского. Появляется «литовская партия» при русском дворе.

1390—1392 — к Москве присоединены Торжок и княжество Суздальско-Нижегородское. В походах на них дружинами командуют Юрий Звенигородский и его «равный брат» Владимир Храбрый.

1392 — кончина Сергия Радонежского. Игуменом Троицкого монастыря (после временного отказа Никона Радонежского возглавлять обитель) становится Савва Сторожевский. Продолжается обустройство новой Звенигородской епархии в уделе князя Юрия Дмитриевича.

Витовт сажает на Смоленский великокняжеский престол вместо Юрия Святославича его более покладистого брата Глеба.

1392—1393 — великая княгиня Евдокия, вдова Дмитрия Донского, строит в Московском Кремле храм Рождества Богородицы в память о муже и о победе на Куликовом поле.

Князь Юрий предположительно также начинает строительство в честь отца и Куликовской победы деревянного храма Рождества Богородицы на горе Сторожи у Звенигорода. Василий и Юрий Дмитриевичи подписывают «братский договор» о том, чтобы «быти заодно… до живота», по которому Юрий обязан беспрекословно воевать с врагами по просьбе старшего брата и не выступать против него. Юрий совершит несколько победоносных походов и будет исполнять условия договора до самой кончины Василия, даже в ущерб себе.

1395 — поход Тамерлана (Тимура) на Золотую Орду, Волжскую Булгарию, а затем — в сторону Руси. Неожиданное прекращение нашествия связывали с принесением из Владимира в Москву иконы Богородицы Владимирской, после чего был основан Сретенский монастырь на Кучковом поле (Б. Лубянка).

Князь Юрий Звенигородский по благословению Саввы совершает быстрый поход в Волжскую Булгарию, в Закамье, вослед бежавшему князю Семену Дмитриевичу. Взятие и разорение русскими дружинами столицы — города Булгар, крепостей Кременчуг, Джуке-Тау и великой Казани, победное и «богатое» возвращение войска в Звенигород. Часть добычи «по договору» Юрий отдает брату Василию.

Москва и Звенигород перестают платить дань Орде (до 1408 года). Литовский князь Витовт полностью захватывает Смоленск и отстраняет от власти всех законных потомков великих князей Смоленских.

1395—1396 — предположительное начало строительства крепостей в Галиче Мерьском и Звенигороде — Кремля, каменных

храмов Успения на Городке (в честь побед русских дружин на реке Воже) и Рождественского (в честь победы на Куликовом поле) на месте, возможно, уже основанного Саввино-Сторожевского монастыря. Игумен Савва и князь Юрий, вероятно, приглашают Андрея Рублева со товарищи для росписи фресками обоих храмов. Рублеву заповедано писать для них также иконостасы, включая знаменитый Звенигородский чин и «Спаса Звенигородского».

1397 — скончался епископ Даниил, владыка Звенигородский, сделавший много в уделе князя Юрия.

1398 — в Звенигород, в основанный им монастырь, переезжает преподобный Савва.

Возможно, уже в это время князь Юрий начинает чеканить первые собственные деньги (монеты) с изображением всадника («ездца»), побивающего копьем змия.

1399 — в битве на реке Ворскле ордынская рать во главе с Едигеем наголову разбивает литовское войско, в рядах которого погиб Глеб Святославич Смоленский. Его брат — Юрий Святославич — остается главным наследником Смоленского великокняжеского престола.

1400 — князь Юрий Звенигородский женится на дочери великого князя Смоленского Юрия Святославича — княжне Анастасии.

1401 — великий князь Смоленский Юрий Святославич с помощью своего тестя — князя Олега Рязанского (возможно, не без тайной поддержки зятя — князя Юрия Звенигородского) возвращает себе Смоленск, изгнав литовцев, и начинает там управлять самостоятельно.

Предположительно в этом году родился сын Иван — первенец в семье Юрия.

1402—1405 — завершение строительства крепости в Галиче и Звенигородского Кремля, а также росписи Андреем Рублевым с учениками белокаменных храмов — церкви Успения на Городке и Рождественского собора в основанном Саввой монастыре (работы начались в 1395—1396 годах).

1403 — в семье князя Юрия родился сын — Василий (Косой).

1404 — Литва вновь захватывает Смоленск. Юрий Святославич Смоленский просит помощи у Василия I, но тот отказывает, не желая портить отношения со своим литовским тестем — Витовтом. Зять Юрия Смоленского — Юрий Звенигородский — не может ему помочь, так как у него «связаны руки» договором с братом Василием, по которому он «крест целовал», что не будет воевать без его приказа. Смоленск остается у Литвы на долгие десятилетия. Май — Юрий Звенигородский

дал жалованную грамоту Саввину монастырю, которая явилась одним из уникальных примеров духовно-светского управления на Руси.

1406 — кончина митрополита Киприана. До прибытия в 1410 году (другая версия — 1409 год) из Константинополя нового митрополита — грека Фотия — в Москве наступило временное церковное безначалие.

Ордынский правитель Едигей со своим сыном убивают злейшего врага Руси — хана Тохтамыша, и уничтожают его войско. Василий I составляет первую духовную грамоту, где предполагает передать власть своему сыну, а не брату — Юрию (как это завещал Дмитрий Донской).

1407, июль — кончина матери князя Юрия Звенигородского, вдовы великого князя Дмитрия Донского — Евдокии, в монашестве — Евфросинии, главной попечительницы о русском престолонаследии, духовной дочери Саввы Сторожевского. Сентябрь — в монастырском покаянии скончался тесть князя Юрия Звенигородского — Юрий Святославич, с ним окончилось и прервалось наследие рода великих князей Смоленских.

3 (16) декабря — преставился преподобный Савва Сторожевский.

1408 — нашествие Едигея и ужасное разорение Московской Руси.

1415 — в семье Василия I родился сын, названный также Василием, будущий его преемник.

1417 — скончался сын Василия I — Иван.

1421 — родился младший сын Юрия — Дмитрий Красный.

1422 — скончалась супруга Юрия Звенигородского — княгиня Анастасия.

1425, 27 февраля — скончался великий князь Московский (Владимирский) Василий I, предварительно завещав престол своему десятилетнему сыну и передав попечительство над ним Витовту, в ущерб князю Юрию, который должен был наследовать великое княжение по духовной отца.

Начинаются междоусобные споры, пока не переходящие в открытые столкновения.

1428 — войско из Орды разорило город Юрия — Галич Мерьский.

1430 — скончался великий князь Литовский Витовт.

Начало активных действий со стороны Юрия по возврату себе Московского престола.

Ушел из жизни преподобный Андрей Рублев.

1431 — скончался митрополит Фотий.

1431—1432 — князья Юрий и Василий II отправляются в

Орду к хану, чтобы тот рассудил их спор о власти. Хан выдал ярлык на великое княжение Василию, но передал также ярлык на Дмитровский удел Юрию.

Князь Юрий совершает поездку в Крым с ордынским правителем Тегиней.

1432 — в монашестве под именем Игнатия скончался старший сын Юрия — Иван.

1433 — состоялась знаменитая свадьба Василия II, на которой его мать Софья Витовтовна сорвала золотой наследный пояс Дмитрия Донского с сына Юрия — Василия Косого в присутствии его брата Дмитрия Шемяки. Оскорбленные Юрьевичи во главе со своим отцом начинают военные действия против Москвы. Первое появление Юрия Дмитриевича на великом княжении Владимирском и Московском, после чего он неожиданно слагает с себя бремя власти, вновь в пользу Василия Васильевича. Василий II пытается отомстить дяде (Юрию) и разрушает город Галич.

1434 — князь Юрий разбивает войско Василия II и возвращается в столицу.

Новое великое княжение сына Дмитрия Донского на Москве. 5 июня — скончался Юрий Дмитриевич — великий князь Московский (Владимирский), князь Звенигородский и Галичский.

БИБЛИОГРАФИЯ

(неполная, составлена в алфавитном порядке по именам авторов трудов)

Необходимость приведения столь подробной (но все же неполной) библиографии обусловлена тем, что специальных книг, которые бы подробно и всерьез раскрывали биографию великого князя Московского Юрия Дмитриевича практически нет. Еще раз подчеркнем важность и значимость труда А. А. Зимина «Витязь на распутье». Однако в нем жизнь князя прослеживается только после 1425 года, а это лишь десять лет из прожитых им шестидесяти. Мало кто брался за работу над таким жизнеописанием, страшась, видимо, минимума источников и путаницы событий, связанных с междоусобными войнами за великокняжеский престол. Но все же будущему исследователю или пытливому читателю может понадобиться более серьезное погружение во времена, когда заканчивалась эпоха Дмитрия Донского и начиналась новая страница истории Руси, связанная с окончательным освобождением от ордынского ига. Данный список литературы поможет в этом важном деле.

Абатуров К., Озеров А., Рыжков А. Галич. Ярославль, 1939.

Авдеев А. Галичские книжники // Галичский край. Галич, 1995.

Аверин И. А. Те, которые презирают смерть // Родина. 1997. № 9.

Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7, 9.

Аверьянов К. А. Звенигородский удел в XIV—XV веках // Материалы Первой научной конференции «Саввинские чтения» Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, 18 декабря 2006 г. Звенигород. В печати.

Аверьянов К. А. Звенигородский удел по духовной грамоте Ивана Калиты // Тезисы научной конференции «Звенигород. Проблемы изучения истории и культуры». М., 1991.

Аверьянов К. А. О месте чеканки монет князя Юрия Дмитриевича (1389—1434) //Тезисы научной конференции «Звенигород. Проблемы изучения истории и культуры». М., 1991.

Аверьянов К. А. Преподобный Савва Сторожевский: «белые пятна» биографии: К 600-летию преставления прп. Саввы Сторожевского// Вестник церковной истории. 2006. № 4.

Аверьянов К. А. Сергий Радонежский. Личность и эпоха. М.,

2006.

Автобиография Темура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темуре. М., 1934.

Азарьин Симон. Книга о чудесах пр. Сергия / Сообщил С. Ф. Платонов. — В кн.: Памятники древней письменности. Т. 70. СПб., 1888.

Аймбетов К. Едиге. М., 1937.

Акты Археографической экспедиции с XIV ст. по 1683 г. СПб., 1853.

Акты исторические 1334—1700 гг. СПб., 1842.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи (1294-1598 гг.). Т. 1. СПб., 1836.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1. М, 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.

Акты феодального землевладения и хозяйства / Подг. Л. В. Черепниным. Ч. 1. М., 1951.

Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Алексеев А. И. Ересь стригольников: вольнодумцы или колдуны? (этимологический аспект) // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск: Удмуртский университет, 2001.

Алексеев А. И. К изучению ереси стригольников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4.

Алпатов М. В. Андрей Рублев. М., 1959.

Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М.: НИЦ «Ладомир», 2007.

Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV—XVI века из архива московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. № 3.

Амвросий (Орнатский), еп. История Российской иерархии. В 6 т. М, 1807-1815.

Антонова В. И. Станковая живопись средневековой России. — В кн.: Триста веков искусства. М., 1976.

Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

Арсланова А. А. Остались книги от времен былых… Казань: Татарское книжное изд-во, 2002.

Археологические известия и заметки. М., 1898. Т. 6. N° 1 — 12.

Археология Костромского края. Кострома, 1997.

Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

Баэилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

Балдин В. И. Архитектура Троицкого собора Троицесергиевой лавры//Архитектурное наследство. 1956. № 6.

Бальмонт К. Д. Горящие здания. Лирика современной души. [М., 1899].

Балязин В. И, Неофициальная история России. Ордынское иго и становление Руси. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

Баталов А. Л., Беляев Л. А. Некоторые проблемы топографии средневекового русского города. — В кн.: Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры Средневековья. Т. 1. М., 1998.

Безсонов С. В. Архитектура Московского государства. — В кн.: Русская архитектура. М., 1940.

Белозёров И. Русские митрополиты и ханы Золотой Орды: система отношений // Вестник МГУ. Сер.8. История. 2003. № 3.

Беляев Л. А, Древнерусские монастыри как городские кремли // Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремли России». М., 1999. 26 ноября.

Бережков И. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1—7. СПб., 1997—1999 (издание продолжается).

Благовещенский И. Краткие сведения о всех церквах Московской епархии. М., 1874.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988.

Борисов Н. С. И свеча бы не угасла… Исторический портрет Сергия Радонежского. М., 1990.

Борисов Н. С. Сергий Радонежский (ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2004.

Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. М., 1988.

Боровкова С. И. Заповедная Звенигородская земля. М.: Московский рабочий, 1982.

Боровкова С. Н. Звенигород и окрестности. 2-е изд. М., 1970.

Бояр О. Л. К вопросу о «Звенигородском чине». — В кн.: Древнерусское искусство XV — начала XVI века. М., 1963.

Бояр О. П., Краснов Н. А., Краснов Ю. А. Звенигород. Путеводитель. М., 1974.

Брунов И. И. Русская архитектура X—XV вв. Сообщения кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. Вып. 1. М., 1940.

Брунов И. И. Собор Саввина-Сторожевского монастыря близ Звенигорода//Труды этнографо-археологического музея I МГУ. М., 1926.

Брунов И. И. Вопросы о раннемосковском творчестве // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАН ИОН. М., 1928.

Брюсова В. Г. О времени построения Успенского собора на Городке Звенигорода. — В кн.: Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Брюсова В. Г. Спорные вопросы биографии Андрея Рублева // Вопросы истории. 1969. М° 1.

Брюсова В. Г. Фрески Андрея Рублева в Звенигородском Успенском соборе. Автореф. дисс. на соиск. учен, степени канд. искусств, наук. М., 1951.

Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV— XV вв. М., 1966.

Булычев А. А. Об одном старопечатном издании // Федоровские чтения. 1982. М., 1987.

Вагнер Г. К. О датировке памятников московского зодчества времени Андрея Рублева // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967.

Вагнер Г. К, Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993.

Васильев В. П. История канонизации русских святых. М., 1893.

Васин П. Игрушки русских рыцарей // Родина. 2003. №11.

Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладах. М., 1999.

Вейнер П. П. Беседы о бронзе. СПб., 1923.

Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб.; М., 1868—1917,

Вереш С. А Мастера иконостаса собора Рождества Богородицы // Московский журнал. 1994. № 12.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.

Вернадский Г. В. Россия в Средние века. Тверь; М., 1997.

Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Вздорнов Г И. Фресковая роспись алтарной преграды

Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде // Древнерусское искусство XV— начала XVI в. М., 1963.

Винер А. Краски, применявшиеся русскими художниками в 11—17 веках в стенной живописи // Фресковая и темперная живопись. Вып. 2. М.; Л., 1948.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. М., 1962.

Воронин Н. Н., Ильин М. А. Древнее Подмосковье. М., 1947.

Воронин Н. Н., Максимов Я. Я. Каменное зодчество великокняжеской Москвы. — В кн.: История русского искусства. Т. 3, М., 1955.

Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе // XVIII. Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2006.

Всеобщий иллюстрированный путеводитель пои монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нью-Йорк, 1988. Репринт: Н. Новгород, 1907.

Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука, 1988.

Вымская летопись//Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.

Галичский край. Галич, 1995.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.: РИАН, 1870.

Герберштейн С Записки о Московии. М., 1988.

Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. М.: Восточная литература, 1958.

Глазунов А. А. Древнейшие фрески Богородице-Рождественского собора Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря//Светильник. М., 1915. №9-12.

Голейзовский Н. К. О времени кончины и местной канонизации преподобного Саввы Сторожевского // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археография. 1998. М., 1999.

Голицын Н. С. Саввин Сторожевский монастырь//Странник, СПб., 1879. Т. IV.

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. 1880—1917.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

Гольдберг А. А. У истоков московских историко-политических

идей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24. М., 1969.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Горский А. А. Датировка похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (18).

Горский А. А. Идея защиты отечества в общественной мысли русского средневековья (XI—XV вв.) // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX века). Тезисы докладов. М.: ИРИ РАН, 1992.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV вв.: пути политического развития. М., 1996.

Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910. Репринт, 1996.

Государев двор в истории России XV—XVII столетий // Материалы межд. научно-практической конференции 30.10—1.11.2003 г., Александров / Отв. ред. В. Д. Назаров, А. С. Петрухно. Владимир: А. Вохмин, 2006.

Грабарь И. Э. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрац. работ 1918—1925 гг. — В кн.: Вопросы реставрации. Вып. 1 // Сборник центр, гос. реставрационных мастерских / Под ред. И. Грабаря. М., 1926.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.

Греков Н. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. М., 1963.

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории: русские земли в XIII— XV вв. М., 1988.

Грекулов (Федоров) Е. Секуляризация церковных имений в России. М., б/г.

Григоров А. Богоматерь Овиновская. Доклад на 8-х международных Филевских чтениях. М., 2003.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60—70-х годов XIV в. Хронология правления. — Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. Л., 1983.

Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами

Золотой Орды русскому духовенству. М., 1892.

Громов М. И., Комов Н. С. Русская философская мысль X—XVII веков. М.: Московский университет, 1990.

Губайдуллин А., Каримов И. Города Волжской Булгарии. Казань, 2003.

Гулин А., Шлеина О. Праздник обретения Родины. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. 1994.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1994.

Даль Л. Историческое исследование памятников русского зодчества. — «Зодчий»//Архит. и худож.-техн. журн., издаваемый С.-Петербургским о-вом архитекторов. СПб., 1875, год 4-й, № 11—12.

Даль Л. Звенигородский Успенский собор. Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее / Под ред. Г. Филимонова. Кн. 1—3. М., 1874.

Демина Н. А. «Троица» Андрея Рублева. М., 1963.

Демина Н. А. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга// Труды отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. Т. 12. М.; Лм 1956.

Дамир Исхаков. Князья казанские, князья болгарские. К 1000-летию Казани // Научно-документальный журнал «Гасырлар авазы — Эхо веков». Казань, 2005. № 2.

Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность. (XIV-XIX вв.). Ростов н/Д.: Феникс, 2007.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.) Курс лекций. М.: Аспек—Пресс, 2001.

Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

Дестунис С. Жития святых, составленные по Четьямминеям и другим книгам. СПб., 1886.

Дмитриев М. А. К проблемам истории русского монашества в XIV — начале XVI века (по страницам книги П. Гонно) // Вопросы истории. 1997. № 3.

Дмитриев Ю. Н. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля: (Материалы и исследования)//ДРИ: XVII век. М., 1964.

Добродомов И. Г., Кункин А.А. «Казанская история* и основание Казани //Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. XI—XVI века. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. М., 1989.

Долгорукой В. Г. Путеводитель по Москве и ея окрестностям. М., 1872.

Долгорукой В. Путеводитель по России. Вып. I. М., 1872.

Дополнения к актам историческим с конца X века по 1700 г. СПб., 1856.

Древнейшая сторожа Москвы. О г. Звенигороде Моск. обл. Сборник. Звенигород, 1997.

Древнерусское градостроительство X—XV веков. М., 1993.

Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников. Посвящ. памяти основателя Императорского Московскаго Археологическаго Общества и пожизненнаго его председателя Графа А. С. Уварова. Т. 3. М., 1909. Репринт. М., 1998.

Думин С. А. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV— XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепниным. Изд-во АН СССР. М.; Л.,1950.

Егоров А. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

Епифаний Премудрый. Житие Преподобного и Богоносного Отца Нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Литограф Свято-Троицкия Сергиевы Лавры, 1853.

Естественно-научные представления Древней Руси. М.: Наука, 1978.

Железнов А. О всаднике Московского герба. В печати.

Железнов А. Ф. Указатель мастеров русских и иноземцев, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907.

Жизнеописание достопамятных людей земли Русской. X—XX вв. М., 1992.

Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.

Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия Чудотворца // Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием. Ноябрь, день 17. Тетрадь I. Изд. Императорской Археографической комиссии. М., 1910.

Житие и чудеса преподобного Саввы Сторожевского, Звенигородского чудотворца. Звенигород: Изд-во Саввино-Сторожевского ставропигиального мужского монастыря, 2002 (2-е изд. — 2005).

Житие преподобного и Богоносного отца нашего Саввы, игумена Сторожевского и чудотворца / Сост. инок обители преподобного Саввы. М., 1903.

Житие преподобного Саввы Сторожевского. Великие Минеи Четьи. Декабрь. Дни 1—5. М., 1901.

Житие преподобного отца нашего Саввы, игумена Сторожевского, Звенигородского чудотворца // Жития святых святителя Димитрия Ростовского. М., 1998. Т. 4.

Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII века) // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 3. М.: Археографический центр, 1994.

Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII в.) // РГАДА. Подготовка текста и предисловие Л. А. Тимошиной. М., 1994.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. Кн. 1-12. М., 1902—1911; Кн. 1 дополнит. М., 1908; Кн. 2 дополнит. М., 1917. (Репринт: Оптина пустынь, 1991—1993.)

Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990.

Зайцев Б. К. Преподобный Сергий Радонежский // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991.

Замалеев А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI—XVI вв.). Л.: Наука, 1987.

Звенигород за шесть столетий. М., 1999.

Звенигородская земля. История, археология (краеведение). Материалы науч. конф. 28—29 марта 2001 г. Звенигород: Звенигор. ист.-арх. и худож. музей, 2001.

Звенигородский краевед. Культурное наследие Одинцовской земли // История Отечества. М., 2003.

Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. В 3 т. СПб., 1890-1897.

Здравомыслов К. Я. Биографический словарь иерархов Русской Православной Церкви с введения на Руси христианства до 1918 года// Огд. рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 102. Оп. 1. Ед. хр. 431-438.

Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Зуев М. Н. История России. Хроника. М., 1995.

Ильин М. А. Декоративные резные пояса раннемосковского каменного зодчества. — В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.} 1975.

Ильин М.А. Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева//Вопросы истории. 1960. № 12.

Ильин М. А. Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. Проблемы, гипотезы, исследования. М., 1976.

Ильин М. А. К датировке «Звенигородского чина». — В кн.: Древнерусское искусство XV — начала XVI века. М., 1963.

Иоанн (Кологривов), иеромонах. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.

Иоанн Мейендорф. Введение в изучение св. Григория Паламы. Париж, 1959.

Иоанн Мейендорф, прот. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж: YMCA-Press, 1990.

Исторические города и села Костромской области. Кострома, 2004.

Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей. СПб., 1825.

История татар. Волжская Булгария и Великая Степь. Т. 2. Казань: РухИЛ, 2006.

Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556//Материалы Международного научного семинара «Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556», 23 — 26 июня 1998 г. Казань, 2001.

Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.

Казакова И. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

Казаков С. В. Загадки и легенды русской истории. Ростов н/Д., 2007.

Казанский /7. История православного русского монашества от основания Печерской обители преп. Антонием до основания лавры св. Троицы преп. Сергием. М., 1855.

Каменцева Е.И., Устюгов И. В. Русская метрология. М., 1975.

Каменцева Е.И., Устюгов И. В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа, 1974.

Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 кн. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство, 1989—1990.

Карамзин Н. М. Отечественные достопамятности, или Изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, наук и художеств, находящихся в России. Ч. 3. М., 1823.

Каратеев М.Д. Русь и Орда. М.: Современник, 1991.

Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв. М., 1996.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

Киприанов В. Описание Московской губернии в строительном отношении. СПб., 1856.

Кирпичников А. И. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.

Киселев А. Московский тип исторически самый крепкий // Родина. 2003. № 12.

Кяосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990.

Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского // Избранные труды. Т. 1. М., 1998.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; М., 1988.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн.: Кн. 2. Лекции XXXV-LXV. Ростов н/Д., 1998.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.

Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин /7. А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984 (одно из новых изд. — М., 2003).

Ковалев К.П. Савва Сторожевский. Жизнеописание: факты и мифы, предания и гипотезы. (ЖЗЛ). М., 2007 (2-е изд. — М., 2008).

Ковалев К.П. Савва и великие битвы Средневековой Руси. М., 2008.

Ковалев К. П. Любовь к отеческим гробам? // Русская мысль. Париж, 1991. 20 декабря.

Ковалев К. П. Утверждение Царствию и защита Москве. К 600-летию преставления преподобного Саввы Сторожевского. Звенигород: Изд-во Саввино-Сторожевского ставропигиального монастыря, 2007.

Ковалев К. П. Что было — то не прошло // Вече. Вып. 45. Мюнхен, 1992.

Кокорина И. А. Зооморфные сюжеты коропластики Волжской Булгарии. Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Мастер-Лайн, 2001.

Колобов В. М. Археологические памятники на территории Звенигородского района //ЗИАиХМ, НВФ 862, 1948.

Колобов В. М. Звенигородский художественно-исторический краевой музей. Путеводитель. Звенигород, 1929.

Кольман И. Родство и политика: становление русской политической системы. 1345—1547 гг. Стэнфорд, 1987.

Колызин А. М. О начале чеканки монет в Москве в XIV в. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Москва, 15—20 апреля 2002 г.: Тез. докл. и сообщений. М., 2002.

Комарович В. Л. Летописание [Московского княжества конца XIV и XV вв.]//История русской литературы: В 10 т. Т.П. Ч. 1. М., 1945. С. 193-200.

Кондратьев И. К. Преподобный Савва Сторожевский. М., 1913.

Кондратьев И. К. Преподобный Савва, чудотворец Звенигородский и основанный им Саввин Сторожевский монастырь. Ист. описание монастыря по док. и преданиям со времени его основания по настоящее время. М.: И. А. Морозов, 1899.

Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М., 1894. Репринт. М., 1996.

Кондрашина В. А. Саввино-Сторожевский монастырь. 600 лет основания обители преподобного Саввы. М.: Лето, 1998.

Кондрашина В., Семенова Г. Саввино-Сторожевский монастырь. М.: Лето, 2007.

Коноплев Н. Святые Вологодского края//ЧОИДР, 1895. Кн. 4.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Т. 1. Ростов н/Д., 1997.

Котляров Д. А. К вопросу о служилых татарах в Московском государстве // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. № 1.

Крадин Н. Н. От Орды к России: круглый стол // Ab Imperio. 2002. № 1.

Крамаровский М. Великая Орда Златая // Родина. 2003. №11.

Краснов Ю. А., Краснов И. А. Топография древнего Звенигорода по археологическим данным//Советская археология. 1964. № 1.

Кривцов Д. Ю. Значение общежительных монастырей для формирования нравственно-этических основ великорусской нации в период образования централизованного государства (XIV—XV вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1994.

Кривошеев Ю. В. О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995.

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. СПб., 1999.

Кротов Я.Г. (Кротов М. Г.) Росписи собора Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде. М., 1988.

Крылов И. Юрьев день // Культура. 2004. № 16 (7424). 22—28 апреля.

Кузьмина О., Быков А. Сожженная Москва. Попытка

реконструкции событий 1382 г.//История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 2000. № 35.

Кузьмина О., Быков А. Об Олеге Рязанском // История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 2002. № 4.

Кузьмина О. В. Церковь и политическая борьба в Новгороде XIV— XV веков / Автореф. дисс. В. Новгород, 2007. На правах рукописи.

Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980.

Кучкин В.А. Власть князей великих и власть князей удельных // Материалы научной конференции. Восточная Европа в древности и средневековье. XIX Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. 16-18 апреля 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. N° 5—6.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

Кучкин В. А. Договор 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // Исторические записки. Вып. 8. М., 2005.

Кучкин В. А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003.

Кучкин В. А. О времени похода князя Юрия Дмитриевича в « Татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования)// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25).

Кучкин В. А. О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы//Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.

Кучкин В. А. Сергий Радонежский и «философский крест» // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV-XV вв. СПб., 1998.

Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. Т. 2. М., 1999.

Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.

Кучкин В. А, Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М“ 1984.

Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855.

Леонид, епископ Дмитровский, Преподобный Савва Сторожевский. М., 1885; 1891.

Леонид (Кавелин), архим. Звенигород и его соборный храм с фресками. — В кн.: Сборник на 1873 год, изданный обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее / Под ред. Г. Филимонова. М., 1873.

Леонид (Кавелин), архим. Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении. М., 1878.

Леонид, архим. Святая Русь. Справочная книжка по русской агиографии. Издания Общества любителей древней письменности. СПб., 1891.

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Наука, 1987.

Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994.

Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля: Материалы и исследования. М.: Наука, 1985.

Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV— начало XV в.). М.; Л., 1962.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Лукомский В. К. К вопросу о происхождении смоленского герба // Труды Историко-архивного института. М., 1946.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л.: Наука, 1976.

Лурье Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевеком летописце//Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1977.

Любавский М. К. История Великого княжества Литовского. М., 1910.

Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 1—7. М., 1995-1998.

Макарий (Веретенников), архим. Русская святость в истории, иконе и словесности. Очерки русской агиологии. М., 1998.

Максимов П. Н. К характеристике памятников Московского зодчества XIII—XV вв. // Материалы и исследования по

археологии СССР. М.; Л., 1949. № 12.

Малков Я. В. Древнерусское деревянное зодчество. М., 1997.

Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1912.

Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1—3. М., 1990— 1994.

Материалы Первой научной конференции «Саввинские чтения» Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, 18 декабря 2006 г. Звенигород. В печати.

Мельгунов С. И. Наши монастыри. К вопросу о секуляризации монастырских земель. Пг., 1917.

Мельникова Е. А. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Логос, 2000,

Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425—1462)// Нумизматический сборник. Вып. 3. М., 1974.

Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. М., 1996.

Миргалеев И. М, Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003.

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 2000.

Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIV — конца XV в. М., 1983.

Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.

Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербург. Востоковедение, 2002.

Мухамадиев Л. Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990.

Набиев Р. Ф. Булгар и Северная Европа. Древние связи. Казань, 2001.

Назаров В. «Господине, князь служебный». Новый феномен российской знати в XV веке // Родина. 2003. № 12.

Назаров В. Честь боярская. Существовало ли рыцарство на Руси в XIII-XV веках? // Родина. 2003. № 12.

Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV вв. // Историческая география России. XI — начало XX в. М., 1975.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983.

Некрасов А. И. Города Московской губернии. М., 1928.

Некрасов А. И. Древности Галича Костромского. Кострома, 1926.

Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Кн. 2. Ч. 3. СПб., 2003.

Николаева Г. А Древний Звенигород. Архитектура, искусство.

М.: Искусство, 1978.

Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.

Новгородская Первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новиков Н. Н. Сокровища российских древностей. Репринт. М., 1986.

Огнев Б. Л. Успенский собор в Звенигороде на Городке // Материалы и исследования по архитектуре СССР. М., 1955. № 44.

Одинцовская земля. М., 1994.

О поминовении православных воинов // Панихида о православных воинах и о всех, за Веру и Отечество на брани убиенных. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2005.

Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.

Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XVII вв. М., 1952.

Осташенко Е. Я. Андрей Рублев. Палеологовские традиции в московской живописи конца XIV — первой трети XV века. М.: Индрик, 2005.

Очерки истории СССР, период феодализма. XI—XV века. Ч. 2. М., 1953.

Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871.

Павловский А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам. Нижний Новгород, 1907.

Памятники архитектуры Московской области. М., 1975; М.: Стройиздат, 1998—1999.

Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 3: г. Галич и Галичский район. Кострома, 2001.

Памятники литературы Древней Руси, В 12 т. М., 1976—1994.

Памятные места Московской области. М., 1960.

Перевезенцев С. В. Русская религиозно-философская мысль X—XVII вв. М., 1999.

Петров А. Свеча загорелась сама собой // Родина. 2003. N° 12.

Петров А. Е. Сергий Радонежский // Великие духовные пастыри России. М., 1999.

Петров А. Е. Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления московского самодержавия (рубеж XV—XVI вв.). К вопросу о моменте трансформации восприятия места памяти // Исторические записки. Вып. 7(125). М.: Наука, 2004.

Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Ср. Азию в

1219— 1224 гг. и его последствия. Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977.

Плугин В. Л. Мировоззрение Андрея Рублева. М.: Изд-во Московского университета, 1974.

Платонов. Путеводитель. Москва и окрестности. М., 1896.

Платонов С. Ф. Учебник русской истории. Буэнос-Айрес, 1945.

Повесть Симеона Суздальца // Consilium Florentium. Documenta et Scriptores. Vol. XI. Acta Slavica Consilii Flofentini. Roma, 1976.

Подмосковье. Культура, история, география. Исторический путеводитель. М.: Вече, 2003.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей XIII-XV1 вв. М., 1965.

Позов А. Логос-медитации древней церкви (Умное делание). Мюнхен, 1964.

Полное собрание русских летописей. Т. 1—37. СПб.; М.; Л., 1841—1995.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгарил в X—XV вв. М.: Наука, 1993.

Полуян В. П. Юрий Звенигородский: Племянник дяде не отец. М.: Астрель, 2003.

Попов Л. Звенигородский Успенский собор //Древности. Труды имп. Моск. археол. о-ва. Т. 11. Вып. 2. Прил. 3. М., 1886.

Постников И. Н Бежецкий князь Дмитрий Юрьевич Красный и его княжеская церковь. Тверь, 1909.

Православное искусство и Саввино-Сторожевский монастырь. Материалы научных конференций, посвященных 600-летию Саввино-Сторожевского монастыря, 17 декабря 1997 г. и 22 сентября 1998 г. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. Звенигород, 1998.

Преподобный Авраамий Городецкий, Чухломской и Галичский чудотворец, и созданный им Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь. М., 1996.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории X1II-XV столетий. Пг., 1918; М., 1998.

Приселков М. Д. История русского летописания в XI—XV вв. Л., 1940; СПб., 1996.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.

Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Проблемы истории Казани: современный взгляд // Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004.

Протасов Н. Д. Фрески на алтарных столпах Успенского собора в Звенигороде. Религиозное искусство в прошлом и настоящем//Светильник. 1915. №9—12.

Прохорова Н. В. Монеты и банкноты России. М.: Вече, 2007.

Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV— XV вв. Л., 1987.

Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л.: Наука, 1978.

Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. 2-е изд. СПб., 2000.

Прохоров Г. М. Центрально-русское летописание второй половины XIV в. (Анализ Рогожской летописи и общие соображения). Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). Т. 10. М., 1978.

Процекко Н. Ф. Монастыри в России и соборы в Москве. М., 1863.

Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

Пустовалов В. М. Архитектурный ансамбль Саввино-Сторожевского монастыря // Методический кабинет Звенигородского музея.

Путеводитель по Москве и ея окрестностям. М., 1872; М., 1903.

Путеводитель по Москве и окрестностям. М., 1896; М., 1918.

Путеводитель по русским городам. М.: Паломник, 2002.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4. М., 1898. Репринт: М.: Саввин Сторожевский монастырь, 1998.

Пушкин А. С Собрание сочинений. В 10 т.: Т. 1. М., 1974.

Пэнэжко О., прот. Звенигород, Саввино-Сторожевский монастырь и храмы Одинцовского района. Владимир, 2006.

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. Репринт: М., 1999.

Розанов С. И. Отрывки из неизвестной древнейшей редакции Жития Авраамня Галичско-Городецко-Чухломского. Варшава, 1912.

Романов К. К. О времени построения звонницы Успенского собора в Звенигороде // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. 1. М., 1921.

Русско-татарский толковый словарь исторических терминов / Авт.-сост. Р. Ф. Галлямов. Казань: Магариф, 2006.

Русь и Орда. (Переписка Тамерлана и Тохтамыша). М.: Новая

книга, 1993.

Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР; Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М.; Л., 1949. № 12.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XTV столетия, М., 1993.

Рындина А. В. Литургическая деятельность митрополита Киприана в предметном мире православного богослужения // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. М., 1995.

Рычкова С. В. Галицкие владетельные князья из рода великого князя Ярослава Всеволодовича// Галичские известия. 2003. № 94, 123, 126.

Саввино-Сторожевский монастырь. 600 лет // Сборник Академии славянской культуры. М., 1997.

Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. М., 1888; 3-е изд. М., 1904.

Саввин Сторожевский монастырь в его прошлом и настоящем. М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1904, Репринт: Издание Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1998.

Самойлова Г. Е. Княжеские портреты и роспись Архангельского собора Московского Кремля XVI в. // Исторический вестник. 1999. № 3/4.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. М., 2006.

Святитель Димитрий Ростовский. Жития русских святых. Кн. дополнительная первая. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1993.

Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Кандидатская диссертация // Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета, 2002.

Севадьнев Л. В. Русские летописи как инструмент в политической борьбе — реальность и научные фикции // Материалы научной конференции. Восточная Европа в древности и средневековье. XIX Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. 16—18 апреля 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007.

Селезнев Ю. В. Мобилизационный потенциал Руси в конце XIV — начале XV в. // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. История, этнография, искусствоведение. Тула: ОО

РИФ ИНФРА, 2002.

Селезнев Ю. Ответный удар // Родина. 2003. № 11.

Сизов Е. С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов //ДРИ: XVII век. М., 1964.

Сизов Е. С. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // ГММК. Материалы и исследования. Вып. II. М., 1976.

Синелобов Л. П. Эволюция крупного феодального землевладения в Московском княжестве как фактор политического объединения Северо-Восточных русских земель (60-е гг. XIV в. — 70-е гг. XV в.). Дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2003. РГБ ОД, 61:04-7/421.

Ситдиков А. Столица ханства // Родина. 2005. № 8,

Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.

Скрынников Р. Г. Русская история IX—XVII веков. СПб.: С.-Петербургский государственный университет, 2006.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., 1990.

Скрынников Р. Г. Третий Рим. СПб., 1994.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1—2. Л.: Наука, 1987; Вып. 2. Ч. 1 — Л.: Наука, 1988; Вып. 2. Ч. 2 — Л.: Наука, 1989.

Служба благоверному великому князю Димитрию Донскому // Минея дополнительная. Вып. 1. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2005.

Служба и акафист преподобному отцу нашему Савве, игумену Сторожевскому, Звенигородскому чудотворцу. М., 1876.

Смирнов С. И. Как служили миру подвижники древней Руси? Сергиев Посад, 1903.

Смирнов С. К. Историческое описание Саввина-Сторожевского монастыря. 3-е изд. М., 1876.

Снегирев И. М. Памятники Московской древности. М., 1842—1845; М.: Альфарет, 2006.

Снегирев И. М. Русские достопамятности. Т. 1—4. М., 1883.

Собор Радонежских святых//Жития русских святых. В 6 кн.: Кн. 3. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993.

Соколова Л. В. Житие Григория Пельшемского. — В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993—1998.

Сочнее Ю. В. Русская Церковь и Золотая Орда. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997.

Средневековая Казань: возникновение и развитие // Материалы Международной научной конференции. Казань, 1—3 июня 1999 г./ Редколлегия: Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер-Лайн, 2000.

Средневековая Русь, Волжская Булгария и Северное Причерноморье в контексте русско-восточных связей // Сборник материалов научно-практической конференции Института археологии Российской академии наук и Института истории Академии наук Республики Татарстан. Казань, 9—12 октября 2007 г. В печати.

Станюкович А. К. Забытое путешествие в Звенигород. М., 2006.

Станюкович А. К. Иноземные монеты из округи Звенигорода. Интернет-публикация.

Станюкович А. К., Медынцева А. А. Наперсный крест с датированной надписью из Звенигорода Московского. — В кн.: Звенигород за шесть столетий. Сб. статей. М., 1998.

Страхов С. Свящ. 501-е лето в жизни Саввина Сторожевского монастыря. М., 1899.

Строев П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского и Пафнутиева Боровского. СПб., 1891.

Сытин С. Древний город Галич Костромской губернии. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905.

Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. М.: Гураш, 1992.

Татищев В. Н. История Российская. М., 1768; Т. 5. М.; Л., 1965.

Темушев В. Н. Юго-западные границы Владимиро-Суздальской Руси накануне образования Московского княжества // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. 1(14) января—февраль.

Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. СПб.: Наука, 2001.

Тезисы научной конференции «Звенигород. Проблемы изучения истории и культуры». М., 1991.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941.

Тимошина Л. А. Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. М.: Изд-во УРСС, 1998.

Тихомиров М. И. Древняя Москва. XII—XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М., 1992.

Тихомиров М. И. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968.

Тихомиров М. И. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957.

Тихомиров Н. Я. Звенигород. М., 1948.

Тиц А. А. На земле древнего Галича. М., 1971.

Тогоева О. И. Истинная правда. Языки средневекового правосудия / Отв. ред. М. А. Бойцов. М.: Наука, 2005.

Толстой М. В. Книга, глаголемая описание о русских святых. М., 1888.

Толстой М. В. Рассказы из истории Русской Церкви // История Русской Церкви. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991.

Топоров В. И. Святость и святые в русской духовной культуре // Три века христианства на Руси (XII—XV вв.). Т. 2. М., 1998.

Торжество 500-летия Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. М., 1899. Репринт: М., 1998.

Трифонова И. О. Город как сакральное пространство. Б/г.

Троица Андрея Рублева. Антология. М.: Искусство, 1989.

Трубецкой К. кн. Умозрение в красках. Два мира в древнерусской иконописи. Париж: YMCA-Press, 1965.

Уваров А. С. Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников имп. Моск. археол. о-ва. Т. 3. М., 1909.

Уложение Темура (Тамерлана) / Под ред. Н. Остроумова. Казань, 1894.

Уложение Темура. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1999.

Ульянов О. Г. Была ли литургическая реформа при митрополите Алексии в Русской Православной Церкви // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М, 2005.

Ульянов О. Г. «Деисус Андреева писма Рублева» из Благовещенского храма Московского Кремля. М., 2005.

Успенская А. В. Звенигородские курганы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. Вып. 49. М., 1953.

Успенский А. И. Саввин Сторожевский монастырь: К 600-летию Саввино-Сторожевского ставропиг. мужского монастыря. М., 1998.

Успенский А. И. Саввино-Сторожевский монастырь // Художественные сокровища России. М., 1904. № 5.

Успенский Б. А. Древнерусское богословие: проблема чувственного и духовного опыта. Представление о рае в середине XIV в. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана (Древность и Средневековье). Казань, 2000.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Нью-Йорк, 1959.

Федоров Т. Б. Деньги московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359—1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. М > 12.

Филарет (Дроздов), митр. Московский. Житие Преподобного Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. СПб., 1822.

Филатов В. В. Главные фрески Успенского собора в Звенигороде // Звенигород за шесть столетий. М., 1998.

Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1905.

Флоренский П. А. Троицесергиева лавра и Россия. — В кн.: Троицесергиева лавра. Сергиев Посад, 1919.

Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во 2-й пол. XIV в. // Проблемы исторической географии в России. Вып. 1. М., 1982.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

Филюшкин А. И. Цели похода Тамерлана на Русь: Дискурсы источников и стереотипы историографии // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература. РАН, 2003.

Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. М., 1992.

Хавский П. Указатель источников истории и географии Москвы. М., 1839.

Хан И. А. Ярлык в традиции политической культуры Восточной Европы в XIV веке // Вопросы истории. 2004. № 6.

Харитонович Д. Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык Средневековья. М,, 1982.

Хдебодарова И. Ю. К вопросу о мастерах иконостаса Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря. Архив Звенигородского музея.

Холмогоровы В. и Г. Город Звенигород. Ист. очерк. М, 1884.

Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах (Звенигородская и Загородская десятины). М, 1882; М., 1886.

Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации XI—XVI вв. М., 1986.

Хузин Фаяз. Место звериство и рыбно // Родина. 2005. № 8.

Царев П. А. Краткое описание Галичского музея местного края. Галич, 1929.

Чеботарев Х. А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787.

Челяпов В. П. Проблемы локализации места Волжской битвы // Сб.: Троицкий Н. И. и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула: ООО РИФ ИНФРА, 2002.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. М., 1960.

Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.

Черепнин Л. В, Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948; Ч. 2. М., 1951.

Чернецов А. Походили на мавров // Родина. 2005. № 8.

Чернов С. З. Из двухсотлетнего забвения // Наука в России. 1993. №3-4.

Чухломской Авраамиев Городецкий монастырь. Кострома, 1859.

Шабульдо Ф. М. Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры? // Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanu iki Napoleono (Литва и ее соседи. От норманов до Наполеона). Сб. Вильнюс, 2001.

Шабульдо Ф. М, Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Шамилоглу Юлай (США). «Джагфар Тарихы». Как изобреталось булгарское самосознание // Родина. 2007. № 8.

Шахматов А. А. Обзор русского летописания XIV—XVI вв. М., 1938.

Шаляпина Н. С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля // Советская археология. 1972. № 1.

Шереметев С. Саввин Сторожевский монастырь. СПб., 1891.

Широкорад А. Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М: Вече, 2006.

Широкорад А. Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2008.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV—XVII вв.)// Культура памяти. Сб. научных статей. М., 2003.

Щавелев А. С. Процедура съезда князей // Материалы научной конференции. Восточная Европа в древности и средневековье. 16—18 апреля 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238-1505). Т. 1—2. СПб., 1889—1891.

Юдин А. Лики добрые «богов» // Родина. 2000. № 7.

Юрганов А. Л., Данилевский И. Н. «Правда» и «Вера» Русского средневековья // Одиссей. 1997. Человек в истории: Культурная история социального. М.? 1998.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.

Юшко А. А. Звенигород Московский и удел звенигородских

князей // Ин-т археологии РАН. М.: Ин-т археологии РАН, 2005.

Юшко А. А. Раскопки в Звенигороде московском. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. Мм 1975. С. 91—92.

Яшина О. Н., Доценко И. И. Саввино-Сторожевский монастырь. История: к 600-летию преставления основателя обители преп. Саввы. Звенигород: Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь, 2006.

Яшина О. Н. Скит преподобного Саввы. Звенигород: Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь, 2007.

* * *

Автор благодарит Л. О. Ставицкого, без энергии которого эта книга могла бы остаться лишь в задумках.

* * *

На переплете изображены:

Великий князь Московский, а также Звенигородский и Галинский Юрий Дмитриевич. С росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря.

Вид на Городок — крепость на холме в древней части Звенигорода.

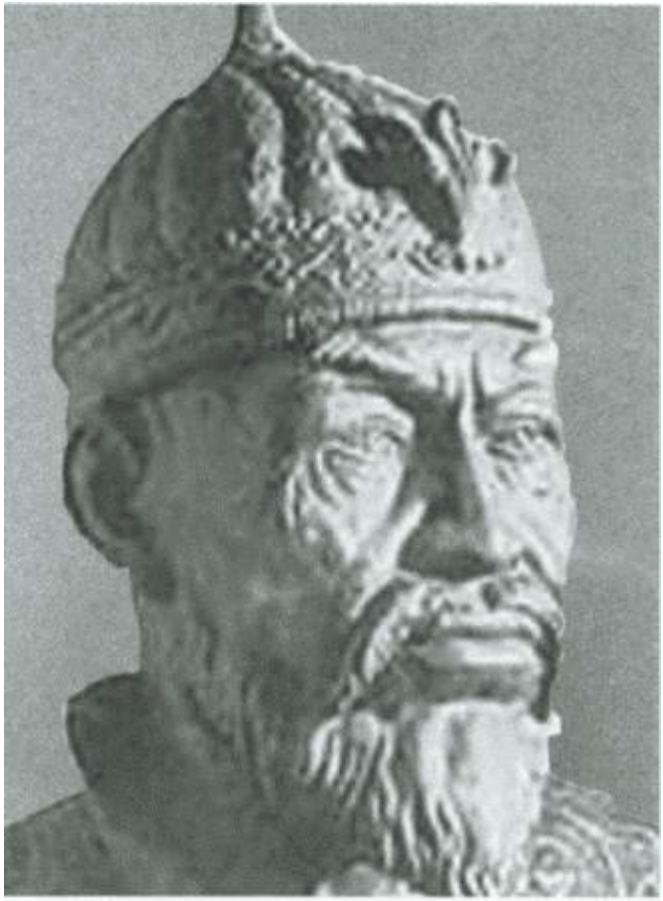
Фрагмент картины П. П. Чистякова. Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший Дмитрию Донскому. 1861 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Великий князь Юрий Дмитриевич.

Фрагмент памятника в Звенигороде работы скульптора А. Н. Ковальчука

Великая княгиня Евдокия (в монашестве — Евфросиния), супруга Дмитрия Донского



Тамерлан (Тимурленг)

Воин-змееборец.

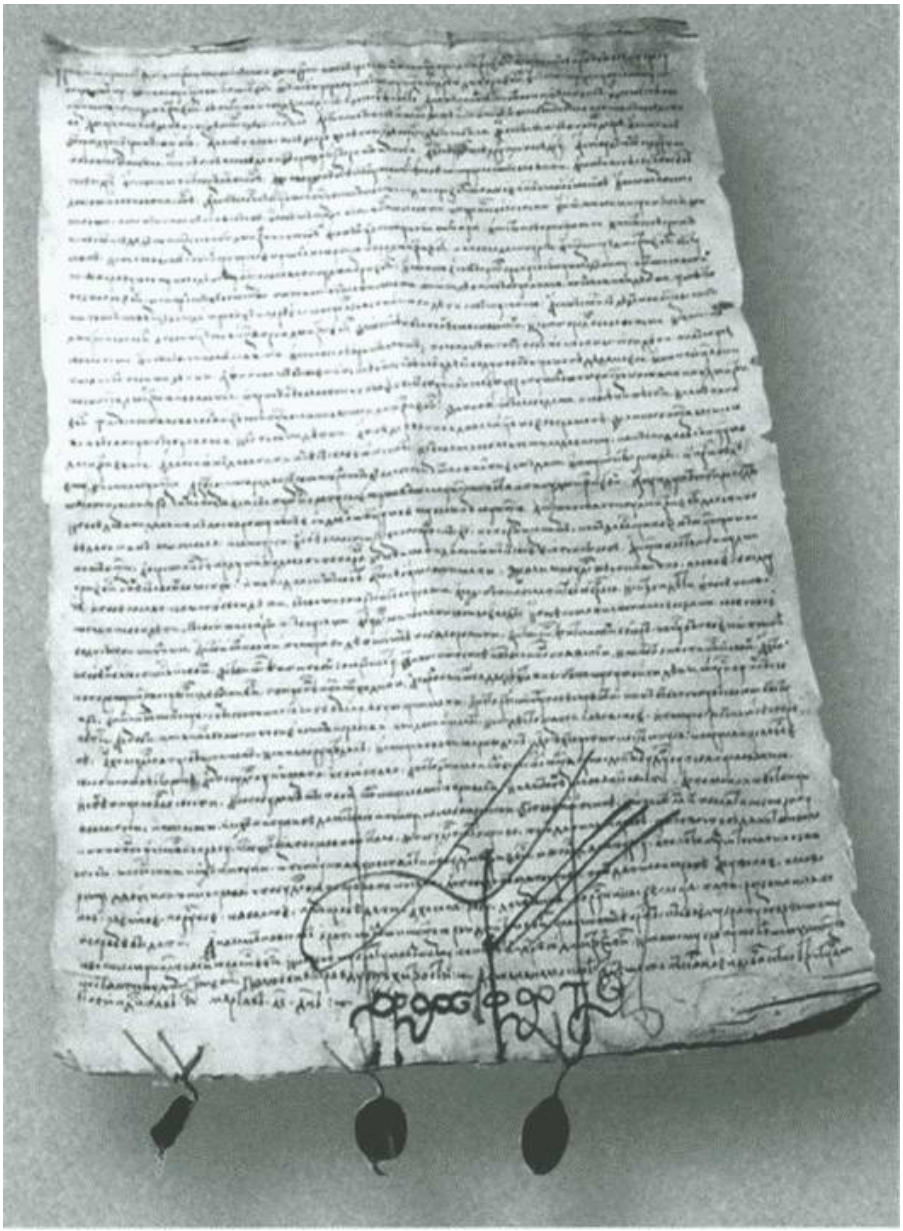
Камень в честь рождения князя Юрия Дмитриевича. Около 1374 г.

Преподобный Григорий Пельшемский.

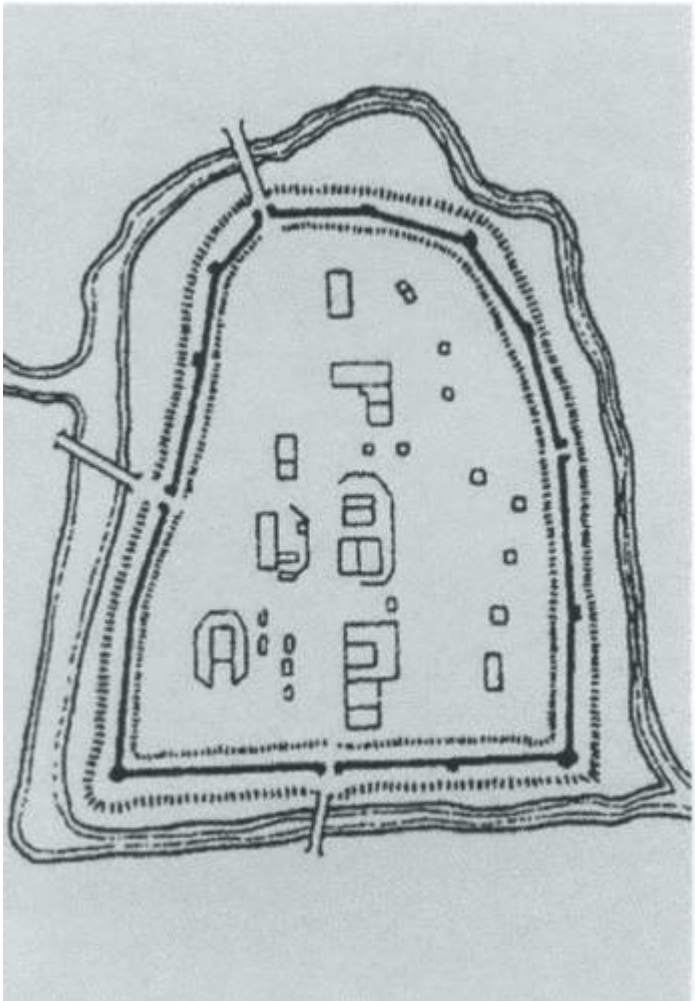
Прорись монахини Иулиании, 1995 г.

Фрагмент первоначальной духовной грамоты (завещания) князя Дмитрия Донского

Дмитрий Донской оставляет завещание о наследовании власти сыновьям Василию и Юрию. Художник Б. Чориков, XIX в.



Договорная грамота князей Юрия Дмитриевича и Василия Васильевича. РГАДА



Реконструкция плана крепости Галича Мерьского, построенной в XV веке

Похороны великой княгини Евдокии в 1407 году.

С миниатюры XVI столетия

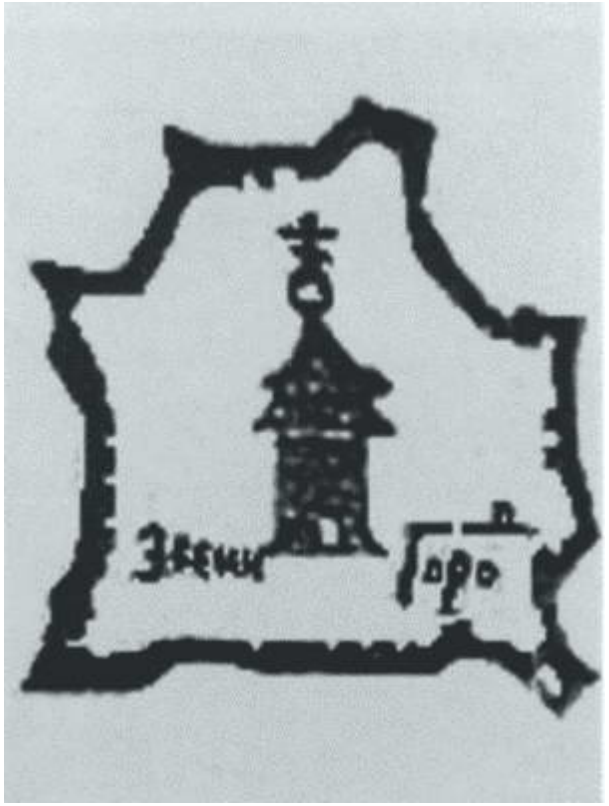
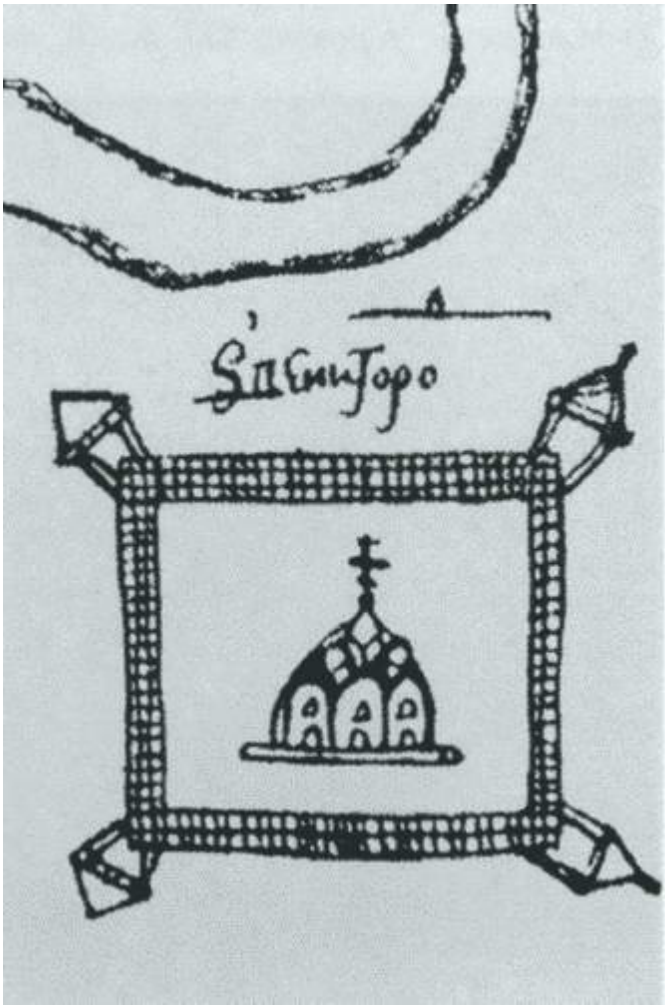


Схема звенигородских укреплений.

Рисунок Авраама Свиязева, 1664 г.



План Звенигородской крепости XVII века

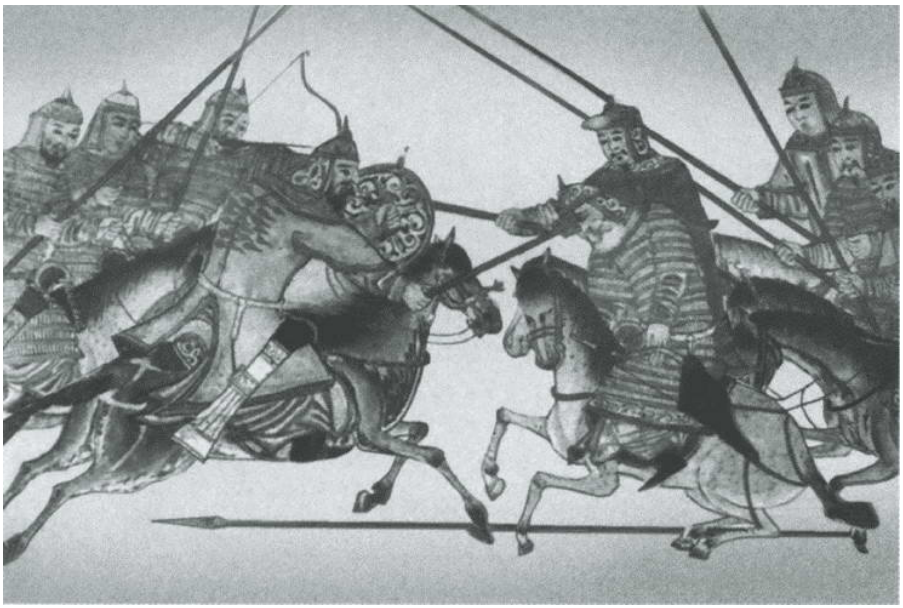
Галич Мерьский.

Фотография XIX в. Видны сохранившиеся валы крепости, построенной Юрием Звенигородским

Булгары приносят дары русскому князю. Художник Б. Чориков, XIX в.

Русских пленников угоняют в Орду.

Миниатюра из Венгерской Хроники, 1488 г.



Воины Орды.

Миниатюра из Хроник Рашида ад-Дина. Иран, XIV в.

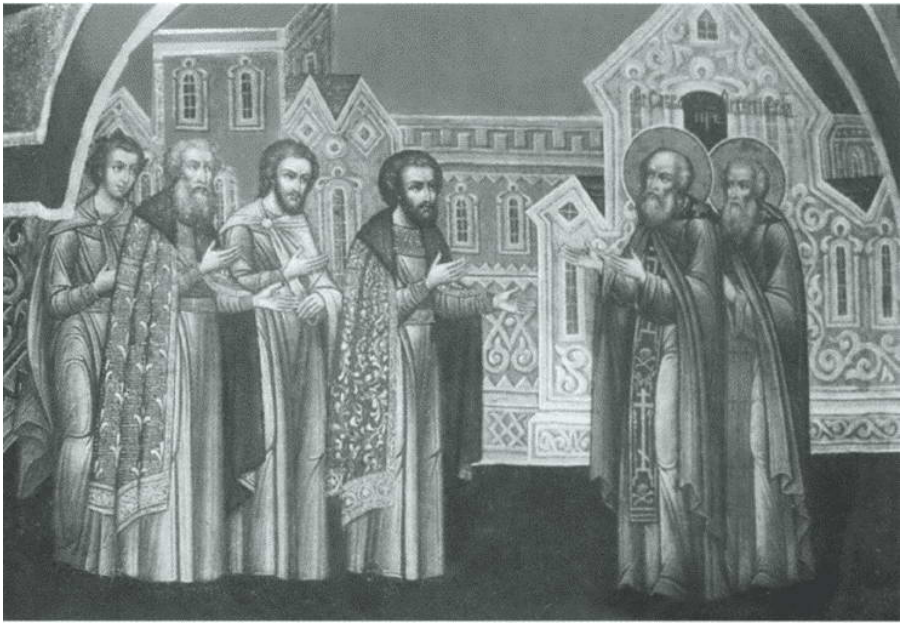
Встреча Владимирской иконы в Москве в 1395 году, во время приближения войска Тамерлана

Митрополит Киприан. Миниатюра XVII в.

Митрополит Алексий.

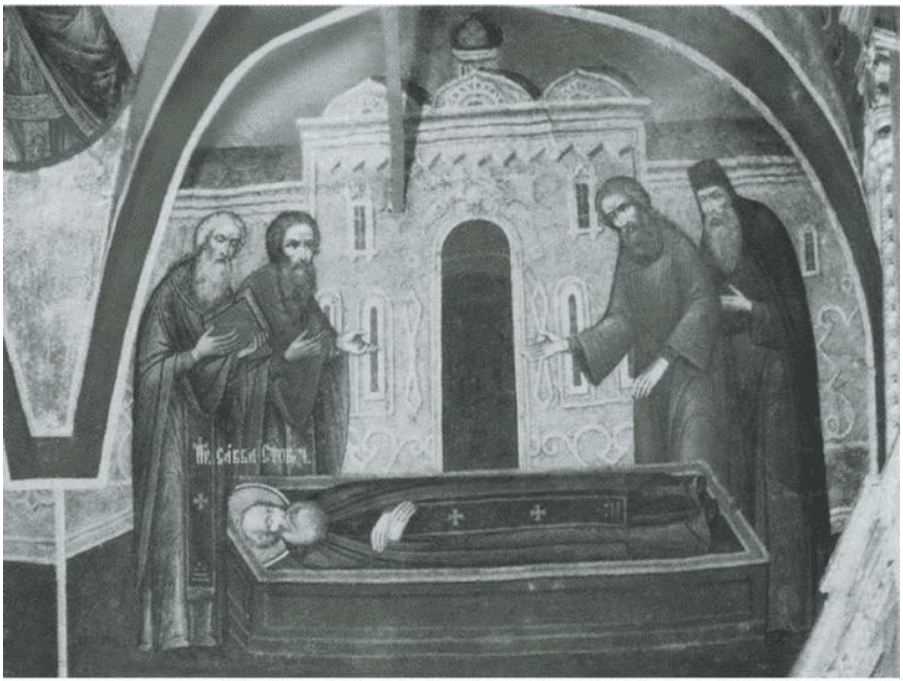
Икона XVII в. из собрания МДА

Василий Дмитриевич отказывает Юрию Святославичу — тестю Юрия Звенигородского — в помощи при сдаче Смоленска литовцам. Художник Б. Чориков, XIX в.



Князь Юрий просит Савву основать монастырь у Звенигорода.

Фрагмент росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря, сделанной палехскими мастерами в начале XX в.



Кончина (преставление) преподобного Саввы Сторожевского.

Фрагмент росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря, сделанной палехскими мастерами в начале XX в.

Монеты князя Юрия Звенигородского. Конец XIV — первая треть XV в.

Клад времен Средневековой Руси

Изготовление денег при княжеском дворе. С миниатюры XVI в.

Монеты великого князя Юрия с его именем и именем хана Узбека

Изображение святого Георгия Победоносца на серебряной чаше, принадлежавшей князю Юрию Звенигородскому

Печать великого князя Василия I с изображением «ездца»

Великий князь Василий II в гостях у Витовта в 1430 году. На миниатюре изображены также: митрополит Фотий, Польский король Ягайло, великий князь Тверской Борис Александрович, король Чешский, князь Мазовшанский, кардинал из Рима. Из Лицевого летописного свода, XVI в.

Князья, бояре и союзники-ордынцы предлагают вернуть князю Василию II престол. Художник Б. Чориков, XIX в.

Великий князь Василий I и княгиня Софья Витовтовна

Великий князь Литовский Витовт

Затыкание ноздрей истекающему кровью князю Дмитрию Красному в 1441 году. С миниатюры XVI в.

Ослепление князя Василия Темного. Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода, XVI в.

Перемещение останков матери и супруги Юрия Звенигородского из Вознесенского монастыря в Кремле в Архангельский собор в 1929 году

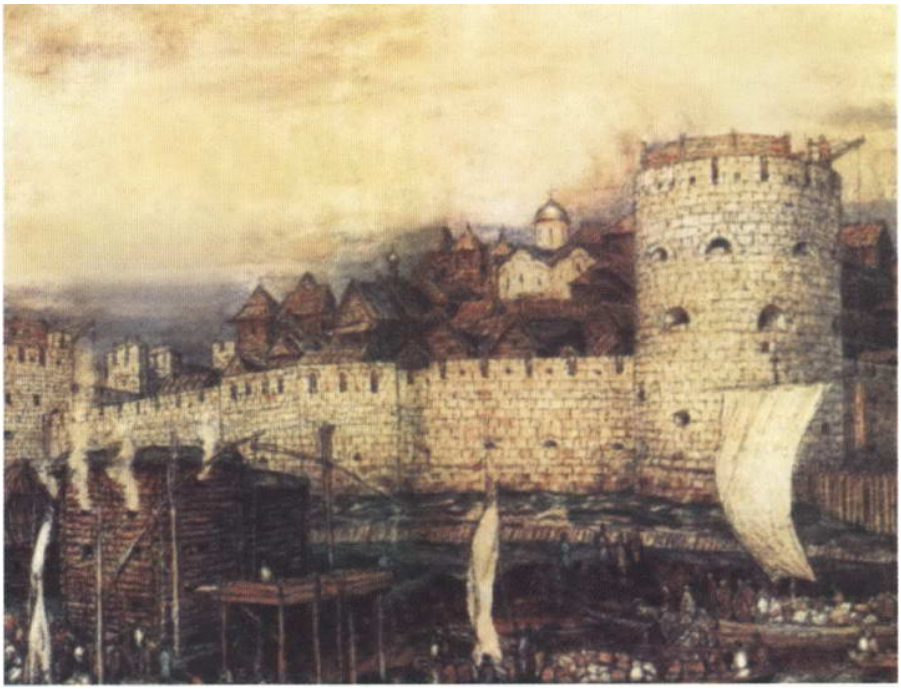
Гробница великого князя Юрия Дмитриевича в Архангельском соборе Московского Кремля. Современный вид

Великий князь Московский, а также князь Звенигородский и Галичский — Юрий Дмитриевич с изображением его покровителя — святого Георгия.

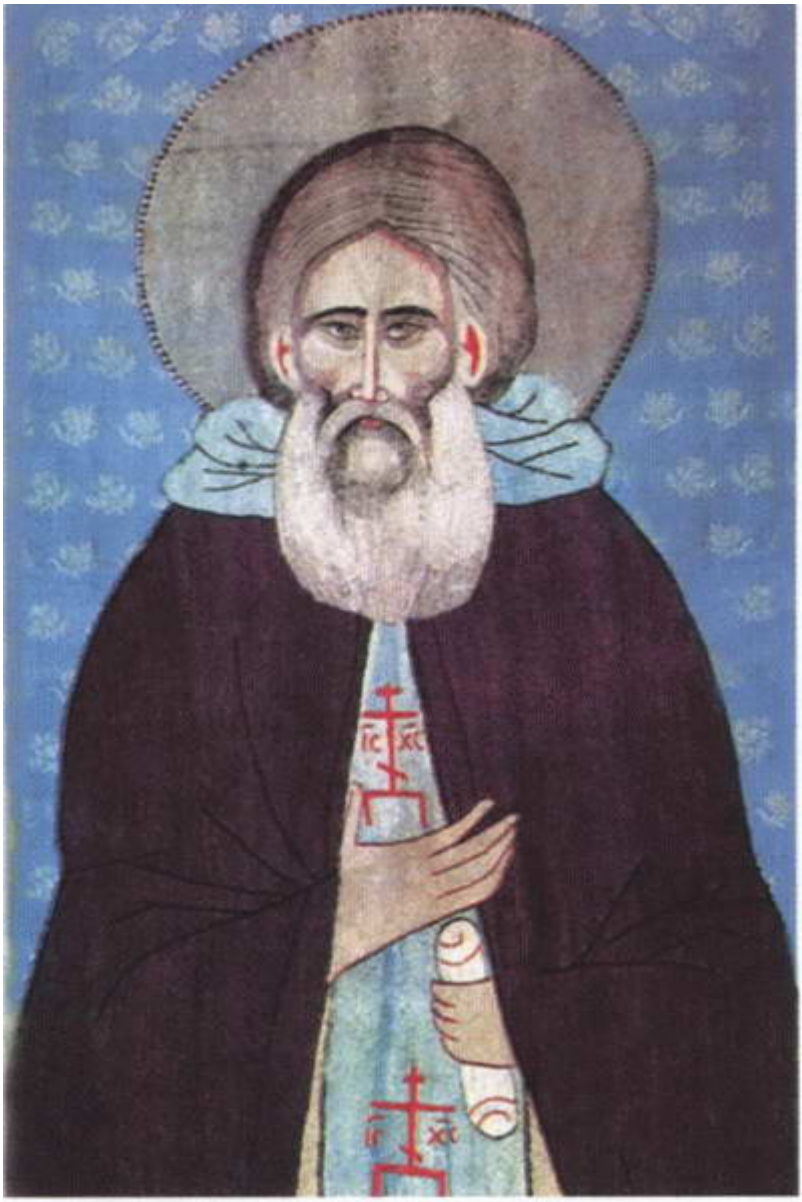
Фреска XVII в. у гробницы в Архангельском соборе Московского Кремля. Работа иконописцев Симона Ушакова, Якова Казанца, Степана Рязанца, Федора Зубова, Сидора Поспеева и Иосифа Владимирова

Великий князь Дмитрий Донской. Из «Титулярника» 1672 г.

Чудо святого Георгия о змие. Икона, конец XIV в., ГРМ



Москва и Кремль в XIV столетии. Художник А.М. Васнецов



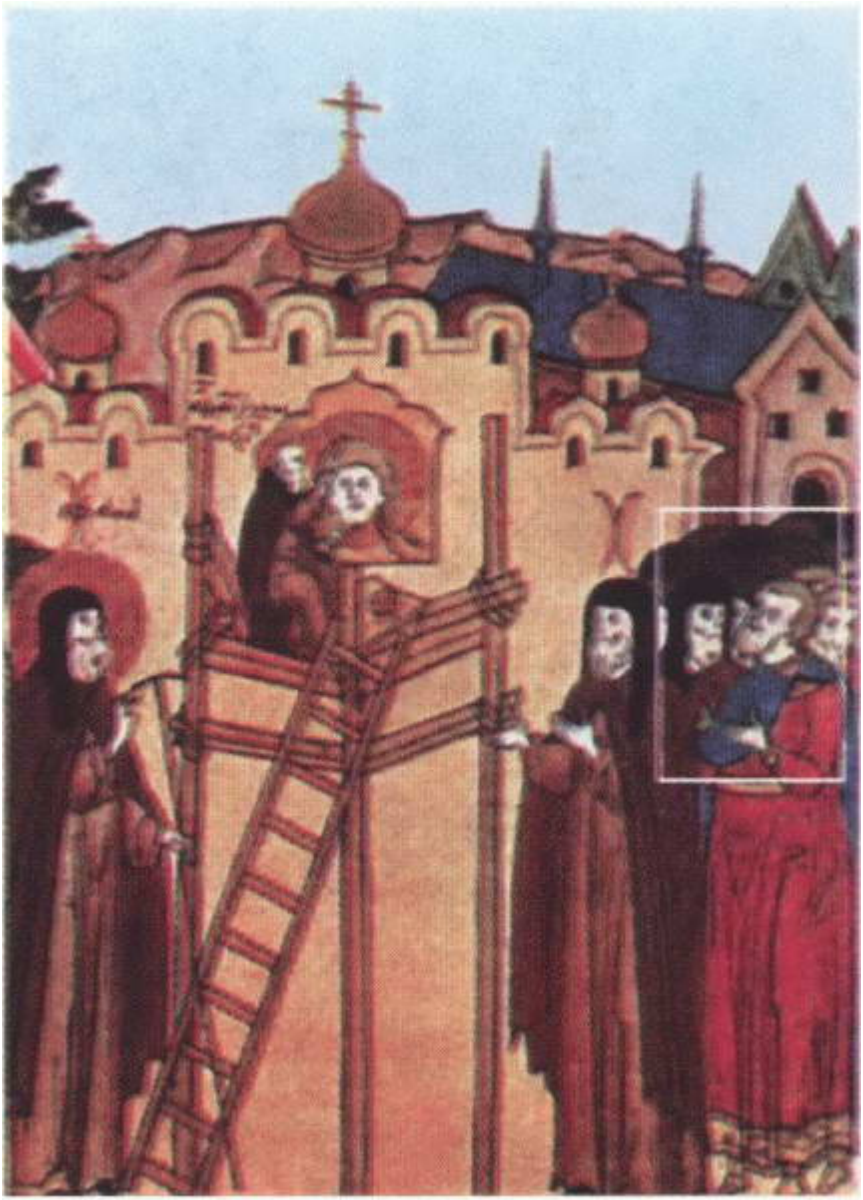
Преподобный Сергий Радонежский. Фрагмент покрова, 1420-е гг.

Позолоченный серебряный знак власти ордынских правителей — пайцза с надписью: «Выдана великим ханом от Вечного неба. Лишаются жизни люди, неверные монголам». XIV в.

Ордынский правитель на троне. Иранская миниатюра XIV в.

Битва русских на реке Воже с ордынцами в 1378 году. Миниатюра Лицевого свода, XVI в.

Великий князь Василий I Дмитриевич. Из « Титулярника» 1672 г.

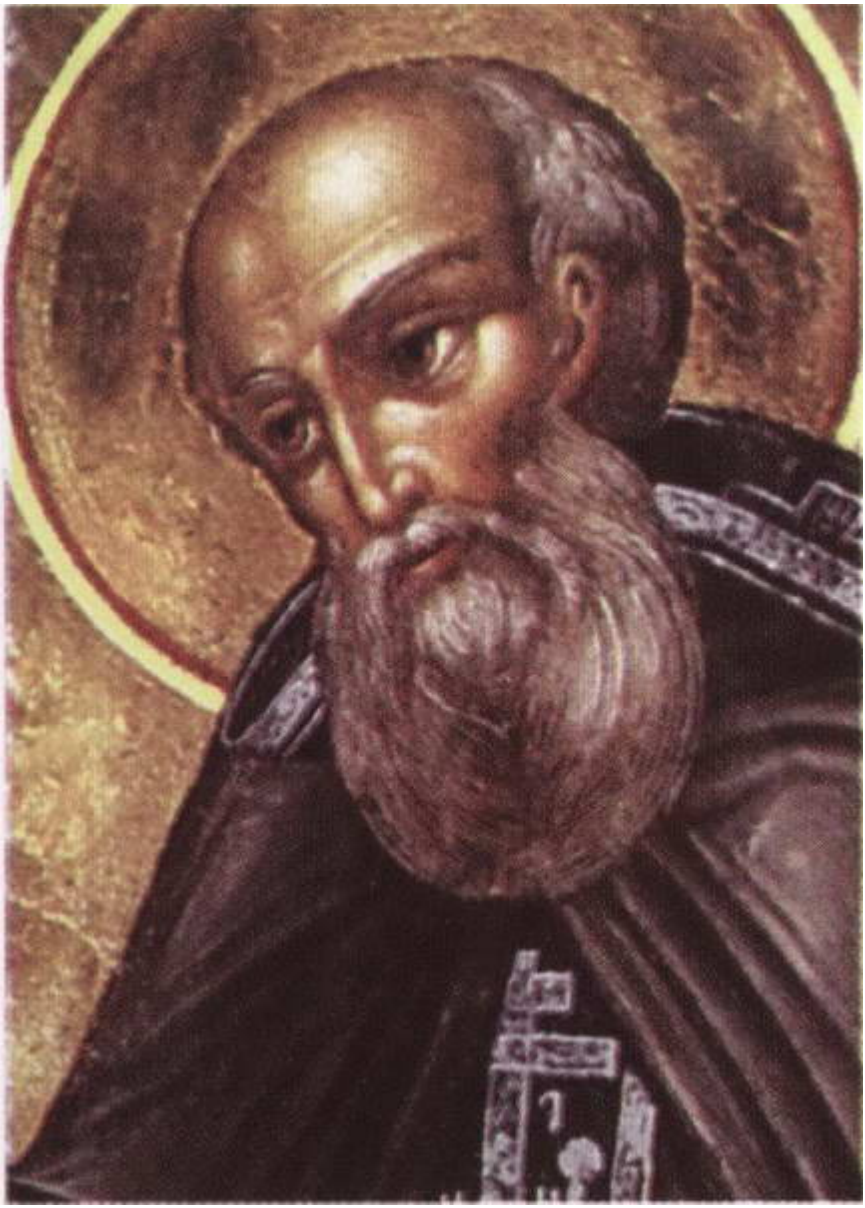


Преподобный Андрей Рублев пишет икону Спаса. С миниатюры Лицевого Жития Сергия Радонежского

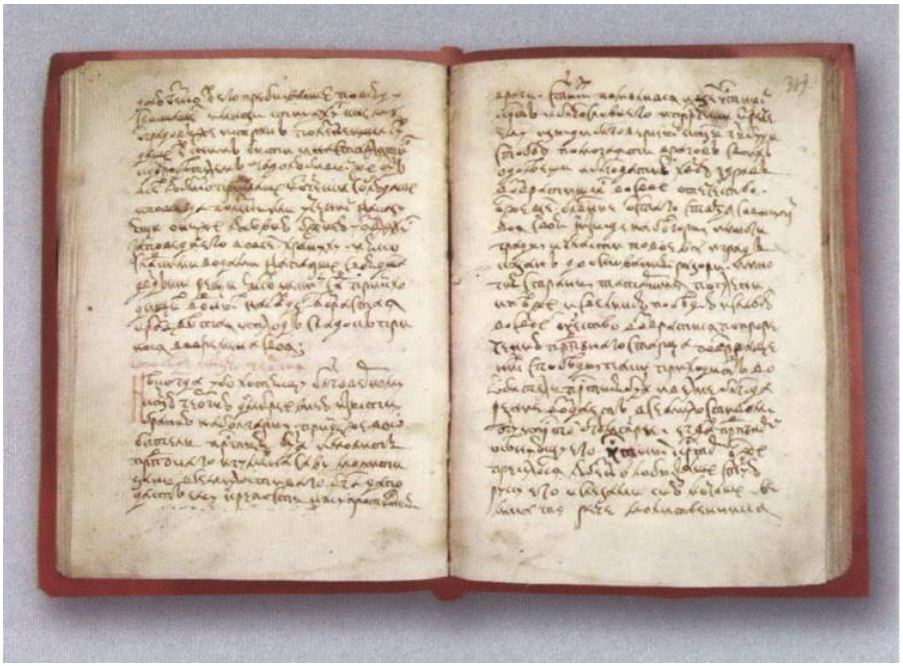
Князь Юрий Звенигородский с миниатюры, где преподобный Андрей Рублев пишет Спаса

Обитель Саввы на горе Сторожи в Звенигороде. Современный вид с высоты птичьего полета

Князь Юрий Звенигородский и Галичский. С фрески собора Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде



Преподобный Савва Сторожевский. С росписи алтарной части Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря



Рассказ о походе князя Юрия на Булгар. Рукопись (список) Жития Саввы Сторожевского, XVII в.

Преподобный Савва Сторожевский благословляет князя Юрия на поход в Булгарию. Фрагмент росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря, сделанной палехскими мастерами в начале XX в.

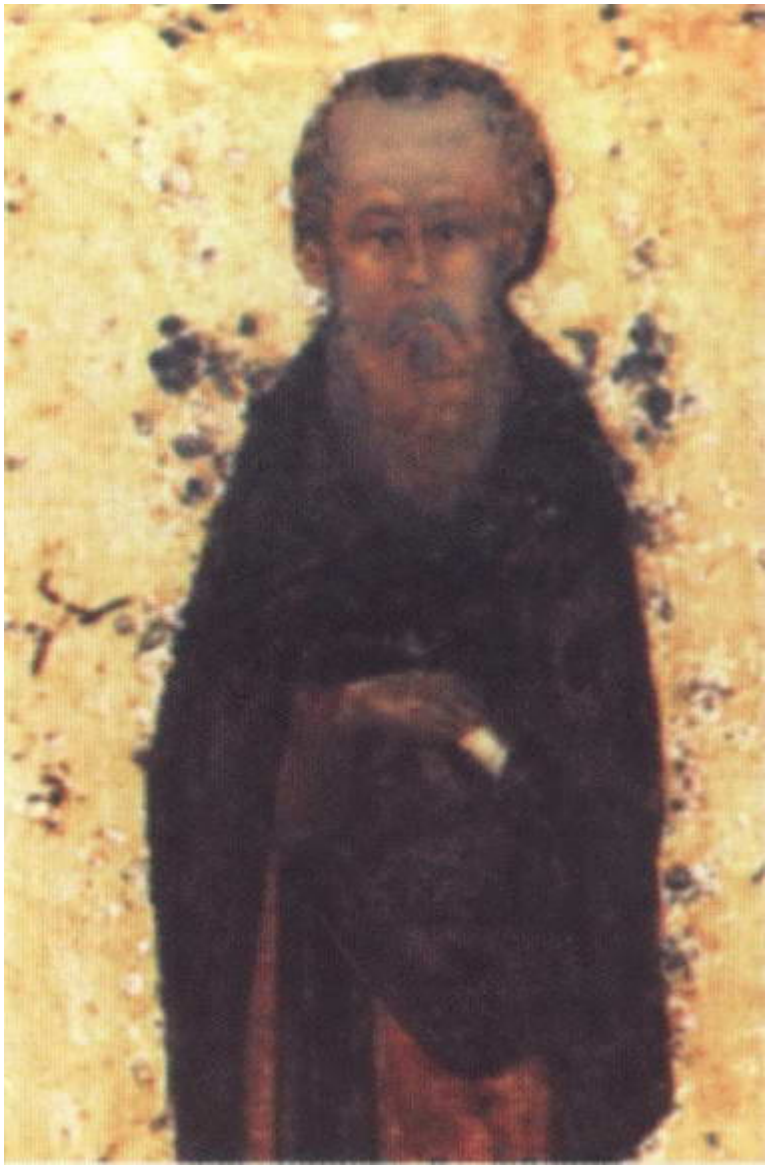
На месте города Великий Булгар — столицы Волжской Булгарии. Малый минарет. Современное фото

Изображение барса на чаше из Поволжской Орды. XlV в.

Золотые височные подвески из Волжской Булгарии. XIII в.,ГИМ

Князь Василий Юрьевич (Косой) — сын Юрия Дмитриевича. Фреска Архангельского собора Московского Кремля

Младший сын Юрия — князь Дмитрий Красный. С фрески Архангельского собора Московского Кремля

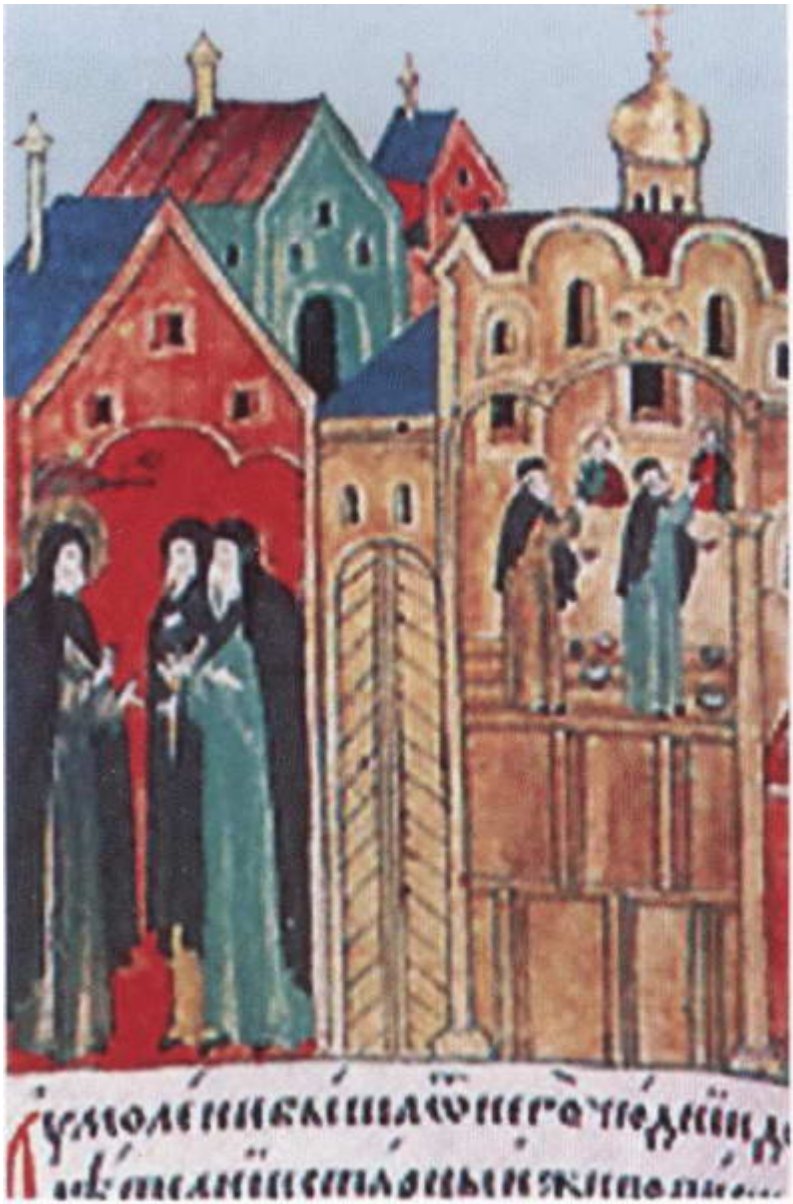


Преподобный Кирилл Белозерский

Герб города Смоленска XVI века с крестом, оставшимся в наследство, возможно, от шурина князя Юрия Федора — рыцаря ордена Святого Иоанна Иерусалимского

Живоначальная Троица. Икона работы преподобного Андрея Рублева, написана в 1420-е гг. (или ранее)

Спас Звенигородский. Икона преподобного Андрея Рублева, написана для собора в Звенигороде на рубеже XIV и XV столетий

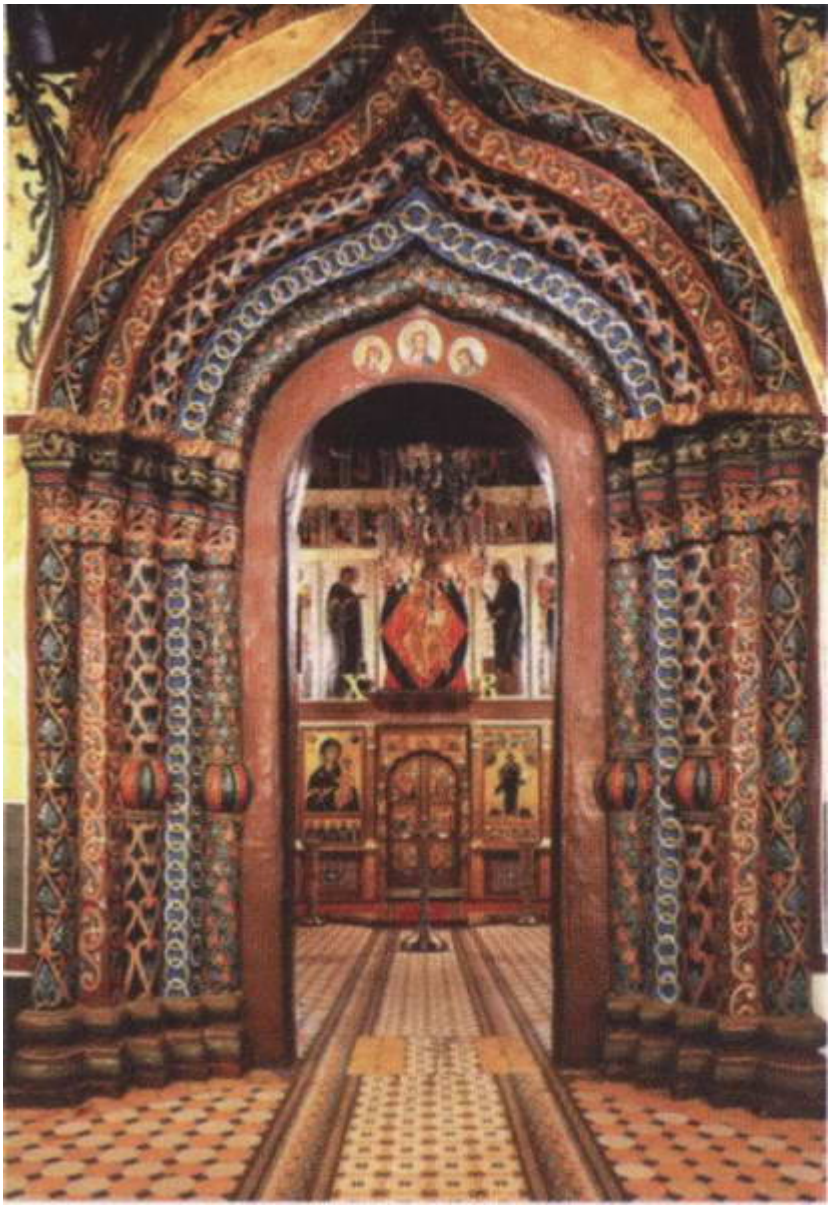


Андрей Рублев расписывает Троицкий собор. Миниатюра XVI в.

Башенные часы (часомерье) в Московском Кремле, 1404 год

Собор Рождества Пресвятой Богородицы в Саввином монастыре. Конец XIV в.

Вал Звенигородской крепости времен князя Юрия Дмитриевича, сохранившийся до наших дней. Фото автора



Портал Рождественского собора Саввино-Сторожевской обители

Храм Успения на Городке в Звенигороде на месте крепости Юрия Дмитриевича

Троицкий собор в Троицесергиевой лавре, где хранятся мощи преподобного Сергия Радонежского. Построен князем Юрием Звенигородским в 1422 году

Иконы Успения Богородицы и Овиновской Божией Матери, особо почитаемые в Галиче Мерьском

Галич Мерьский и Галичское озеро в XIX столетии. Видны валы крепости князя Юрия. Рисунок из книги Сытина о Галиче, 1905 г.

Летописцы Средневековой Руси. Миниатюра XVI в.

Преподобный Иаков Железноборовский. С иконы 1620 г.

Преподобный Авраамий Чухломской

Преподобный Паисий Галичский

Князь Юрий Дмитриевич в преклонном возрасте. С фрески собора Саввино-Сторожевской обители

Встреча митрополита Фотия и князя Юрия в Галиче. Миниатюра Лицевого летописного свода, вторая половина XVI в., РИБ

Великий князь Василий Васильевич (Темный)

Василий Юрьевич (Косой). Художник П.П. Чистяков

Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому.

С картины П.П. Чистякова, 1861 г.

Западноевропейские современники князя Юрия Звенигородского

Лоренцо Медичи Великолепный, правитель Флоренции, покровитель наук и искусств. С ним часто сравнивают Юрия Дмитриевича

Ян Гус — чешский проповедник, мыслитель. На современной гравюре показано сожжение реформатора в 1415 году

Жанна д'Арк. Миниатюра второй половины XV в.

Карл Смелый, герцог Бургундский — славный воин

Памятник великому князю Московскому Юрию Дмитриевичу и преподобному Савве Сторожевскому в Звенигороде

ISBN 978-5-235-03159-3

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

Шах Мансур — Музаффарид; правил Фарсом и Ирак-и аджамом в 1387—1393 гг. Погиб в сражении с Темуром 26 апреля 1393 года.

2

Башбалмак — сорт степной травы.

3

Нойон (монг.) — царевич; начальник тумана, то есть 10-тысячного войска. Здесь в значении: начальник тумана.

4

Абу Бакр — сын Мираншаха, правитель Азербайджана и Ирака. Был и другой Абу Бакр, сын Омар-Шейка.

5

Улус Джучи — государство, основанное старшим сыном Чингиз-хана Джучи и его сыном Бату-ханом. В его состав входили территории современного Казахстана, Поволжья, Закавказья и часть России.

6

Река Самур — так называлась в восточных источниках река Терек. Второе крупное сражение между Амиром Темуром и Тохтамышем, нанесшее непоправимый удар военно-политической мощи Золотой Орды, произошло 17 апреля 1395 года.

7

797 г.х. — 1394—1395 гг. по нашему летосчислению.

8

По представлению греческих и арабских географов, населенная часть мира делилась на семь поясов (климатов). Дашт-и кипчак, вместе с Хорезмом, Мавераннахром и Ферганой, входил в пятый и шестой пояса (климаты).

плата за прогоны.

зная.

понадеялся.

покамест.